

ИСТОРИЯ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ ЕВРОПЫ

В. Ф. Шишмарев

Очерки по истории языков Испании

URSS

ЕВ 1941_AKS 470

В. ШИШМАРЕВ

ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИИ
ЯЗЫКОВ ИСПАНИИ

Ак
353^а

Ответственный редактор акад. И. И. Мещанинов

*Моим ученикам, работаю-
щим в области романской
филологии в нашей высшей
школе и научных учрежде-
ниях.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Наше знакомство с Испанией можно датировать XVIII в., хотя первый контакт с ней несколько древнее. В XVIII и первой трети XIX в. у нас появились переводы Сервантеса и других испанских писателей, как, напр., Кальдерона, позднее — Лопе де Вега, и посетители наших театров получили возможность познакомиться с произведениями обоих последних авторов на сцене; прежде всего с Кальдероном. В то же время наши музеи и частные коллекционеры начали приобретать полотна Мурильо, Веласкеса и других испанских мастеров кисти. Уже в первую четверть XIX в. русские люди попадают в Испанию, и благодаря их рассказам русское общество знакомится с современной Испанией на основании впечатлений и наблюдений очевидцев. Правда, очевидцы эти были „путешественниками“ особого рода. Н. Бестужев совершил свой „вояж“ (1824) на русском военном судне, среди офицеров которого находился А. П. Беляев, рассказавший нам об этом эпизоде своей жизни в своих „Воспоминаниях“. Пресловутый Ф. Булгарин очутился на Пиренейском полуострове в качестве офицера одной польской части наполеоновской армии. Область наблюдений их была по необходимости ограничена. Но зато Булгарин мог рассказать много о борьбе испанцев с Наполеоном, а Беляев — о революционном движении 1820—1823 гг., которым живо интересовались тогда наши прогрессивные круги и будущие участники 14 декабря 1825 г. Как известно, опыт испанской революции оказал значительное влияние на декабристов, к числу которых принадлежали и Бестужев, и Беляев. Интересные воспоминания последнего появились в свет, правда, много лет спустя после декабрьского восстания; но по ним можно судить о его устных рассказах. „Воспоминания об Испании“ Булгарина печатались в 1821 г. и были изданы отдельной книгой в 1823 г., но в силу того, что автору ее приходилось ослабить впечатление от своей службы во французской армии, он позаботился о большем оживлении описаний борьбы герильеров, о включении в свое изложение подробностей, касающихся страны и ее культуры, благодаря чему его книга охотно читалась у нас в годы увлечений романтизмом. В самом начале 1840-х годов у нас появляется даже „Руководство к изучению испанского языка“, составленное библиотекарем Петербургского университета Яковом Руттом (СПб., 1840). В одном из „отделений“ этой книги мы находим и „краткую историю и литературу испанского языка“. Первый опыт испанской грамматики на русском языке Якова Лангена („Краткая испан-

ская грамматика, расположенная по правилам королевской испанской Академии", Митава, 1811) не выходил за пределы узко практических задач. Рут льстил себя надеждой, что руководство его будет содействовать ознакомлению русского общества со страной, которая „вероятно получит высокое значение в торговом, промышленном и политическом отношении“, и сделает доступной ее „прекрасную литературу“. Тем не менее В. П. Боткин в предисловии к своим „Письмам об Испании“, вышедшим в 1857 г., имел еще полное основание назвать Испанию страной не только у нас, но и вообще „малознаемой“ и поставить себе поэтому целью развернуть перед читателем более широкую картину. Дело, впрочем, не в одной широте программы, а в ее идейном содержании, отражающем революционно-демократические тенденции русской мысли этой поры, на которые не мог не отозваться Боткин, один из друзей Белинского. В этом отношении любопытен и тон дневников А. Н. Веселовского, которые он вел в бытность свою в Испании, куда он направился приблизительно в то же время совсем молодым человеком, едва окончившим Московский университет. Отсюда мы переходим к 60-м годам прошлого столетия.

Веселовский ставит перед собой задачу строго научного изучения испанского прошлого и его литературы. Во вторую половину XIX в. наш контакт с Испанией становится более частым и более тесным. Из интереса к Испании, к ее истории, искусству, литературе и языку исчезают последние следы старого экзотического любопытства, уступая место научному анализу. Наша литература обогащается новыми переводами испанских писателей и драматургов, наша история, история литературы и искусства — новыми критическими исследованиями по Испании. И в то же время на наших сценах все чаще можно видеть пьесы испанского репертуара. На рубеже между XIX и XX вв. у нас появляются специалисты-испанисты, и испанистика входит даже в круг университетского преподавания (проф. Д. К. Петров).

С Великой Октябрьской социалистической революцией наша осведомленность об Испании и интерес к ней становятся еще более широкими и глубокими. Революция не только положила начало ознакомлению с Испанией широких народных масс, как она это сделала и в отношении других стран, но она сообщила научному ее изучению тот размах и те новые идеологические установки, которые изменили в корне характер и направление нашей научной работы вообще. Наша литература обогатилась рядом новых переводов испанских писателей и, между прочим, прекрасным переводом „Дон Кихота“ и „Назидательных новелл“. Все они сделаны с подлинника, в то время как дореволюционные переводы делались зачастую с французского, хотя и выдавались за переводы с оригинала. Рядом с переводами появились критические и исторические статьи и исследования по испанской литературе, авторы которых ставят себе задачей пересмотр литературного наследства испанского народа и его оценок, сделанных буржуазной историей литературы. Та же точка зрения положена в основу недавно изданной у нас „Антологии испанской

литературы". В серии „Истории западно-европейских литератур“, издаваемых Всесоюзной Академией Наук, уже закончена и выйдет в недалеком будущем в свет „История испанской литературы“, которая явится не только первой подобной книгой на русском языке, но и первым построением истории литературного процесса в Испании на марксистско-ленинских основаниях. Наконец, историки дали нам изображение отдельных периодов истории испанского народа и ряда важнейших революционных движений на полуострове, а музыковеды познакомили нас с развитием испанской музыки. В последние годы работа во всех этих областях приняла особенно оживленный характер.

Немало было сделано и в области языка, который стал теперь предметом систематического изучения в Ленинградском университете. Но лингвистический участок испанистики в научно-исследовательском плане продолжает все же еще отставать от литературного, и только в самое последнее время работа здесь стала налаживаться. А между тем испанский язык, да и другие языки Пиренейского п-ова представляют собой богатейшее и интереснейшее поле как для лингвиста-теоретика, так и для лингвиста-историка. Не забудем прежде всего, что испанский язык является родным или вторым языком для 85 миллионов, португальский или его диалекты — для 53 миллионов человек; я не говорю уже об огромном числе людей, которые в той или иной мере понимают их. Оба эти языка занимают, таким образом, одно из самых видных мест в ряду таких крупнейших языков мира, как английский, русский, японский или китайский. Но что особенно ценно для лингвиста — это их распределение на поверхности земного шара. Только 24 миллиона с небольшим говорит на испанском в самой Испании и на Канарских о-вах и только около 7 миллионов по-португальски в Португалии, на о. Мадере и Азорских о-вах. Вся остальная масса говорящих на этих языках разбросана по всему миру. Они широко распространены в южной и центральной Америке, на Антильских о-вах, в целом ряде поселений, расположенных по берегам Африки и Южной Азии. В южной половине Атлантического и Тихого океанов и в Индийском океане они являются орудием общения огромных масс населения. Изучение распространения этих языков представляет, таким образом, огромный интерес как с точки зрения процесса образования мировых языков, в данном случае происходящего как бы у нас на глазах, и их роли, так и с точки зрения возможности ретроспективных заключений по аналогии, поскольку распространение, напр., испанского бросает известный свет на распространение латыни вокруг бассейна Средиземного моря и формирование романских языков. Но изучение испанской и португальской экспансии подводят и к другому теоретически важному вопросу, вопросу о языковом смещении, так как оба эти языка проникли на территории, занятые языками совершенно иных систем, как, напр., в Перу или Чили. В результате, с одной стороны, получилось просачивание в европейские языки некоторых элементов языков туземцев, и не одних только элементов лексических, а с другой стороны, — под влиянием испанского и порту-

гальского складывались языки так называемого креольского типа. А эти новообразования являются не только важным объектом лингвистического анализа сами по себе, но они ценны и для понимания того, что происходило, напр., в области латинского языка на известном этапе его истории.

Впрочем к интереснейшим теоретическим и историческим проблемам приводит нас и изучение лингвистических отношений на самом полуострове. Если придерживаться хронологического порядка, то внимание исследователя привлекают прежде всего баски, язык которых является отголоском языка древнейшего населения Иберии. Его своеобразный склад раскрывает перед нами очень архаическую систему мышления и его выражения, которая сама по себе исторически очень любопытна и характерна. Но советского исследователя баскский привлекает не только как речевой тип; работы Н. Я. Марра конкретизировали прежде несколько туманно намечавшиеся связи этого языка с яфетическими языками Кавказа и нашли ему в кругу их определенное место. Марром дан целый ряд новых объяснений баскских терминов, но объяснений, построенных не на формальных звуковых совпадениях слов, взятых изолированно и могущих иметь, поэтому, случайный характер, а на целой системе фонетических соответствий, извлеченных им из сравнительного изучения языков яфетической группы. Казалось бы — очень далекий от нас язык, баскский, оказывается в известном смысле особо нам близким.

Огромной важности проблемы возникают также в связи с арабским завоеванием. Язык романского населения, оставшегося в пределах занятой арабами территории, или так называемый мосарабский, дает богатый материал для анализа модификаций языка в иноязычном окружении и является, следовательно, ценным объектом для изучения одного из капитальных вопросов общего языкознания. Но исследования Менéndеса Пидалья показали также с полной несомненностью, что только с помощью мосарабского мы можем осветить наиболее темные и запутанные страницы истории языковых отношений ранней средневековой Испании, так как мосарабский позволяет установить связь между западными и восточными областями полуострова, составлявшими некогда в значительной мере единое целое, нарушенное продвижением с севера на юг Кастильи и ее языка, сложившегося в непосредственном соседстве с баскской территорией и принесшего с собой в глубь Испании новые языковые навыки и тенденции. Применение географического метода оказало огромные услуги анализу этого сложного вопроса испанистики.

Наконец, самый процесс превращения языка Кастильи в общелитературный и затем национальный язык Испании представляет собой очень яркую иллюстрацию к развитию аналогичного процесса в других странах Европы, аналогию, дающую однако очень много своеобразных черт, крайне важных для более отчетливого понимания параллельных фактов европейской истории.

Я отметил бы в заключение проблему каталанского и его связей с галло- и иберо-романскими языками, к которой обратились в своих недавних работах Мейер-Любке и Гриера, обновившие таким образом

контроверзу, как будто уже улегшуюся. И наконец — вопрос о правах романских и нероманских языков Испании. Для советского языковеда относящиеся сюда факты — один из характерных образчиков языковой политики и разрешения национального вопроса в буржуазном государстве.

Я полагаю, что не стоит умножать наши примеры. Мне кажется, что и приведенные достаточно убедительно говорят о том, насколько богатый и увлекательный материал дает советскому исследователю изучение пиренейского языкового материала как в плане общего, так и специального языкознания.

Желанием пойти навстречу интересующимся у нас испанистикой и помочь им разобраться в некоторых ее вопросах и продиктованы настоящие очерки. По мысли автора они должны явиться некоторым введением в углубленное ее изучение. Под этим я разумел введение в историю языка. Я считал излишним давать историческую грамматику, так как мы имеем уже целый ряд подобных работ разного типа: от работ справочного характера вроде соответствующих глав в „Grundriss“ Гребера, написанных такими крупными испанистами, как О. Байст, Ж. Корнью, А. Морель-Фасьо и Ж. Саройанди, и до специальных курсов или руководств. Старо-испанскому посвящен „Elementarbuch“ А. Цаунера, старо-португальскому — вышедшее недавно в той же серии, но несколько более сырое, руководство И. Губера; для испанского вообще мы имеем толковую обстоятельную историческую грамматику Ф. Ганссена и классическое руководство Р. Менéndеса Пидалья. Для каталанского можно пользоваться теперь полезной, но местами спорной исторической грамматикой старо-каталанского А. Гриеры и очень ценной по обилию материала, но возбуждающей ряд сомнений в своих выводах работой Мейера-Любке. Из одного только этого перечня ясно, что наш испанист располагает довольно значительным количеством пособий, которые могут ознакомить его с историческим развитием строя языков Пиренейского полуострова. Но совсем иная картина станет перед ним, если он будет искать литературу по истории языка, и притом истории на всем протяжении его развития. Первой работой, с которой он столкнется, будут, конечно, известные „Orígenes del español“ блестящего знатока испанского языка и литературы, главы испанских филологов, Р. Менéndеса Пидалья. Но пока вышел только I том этой книги, надежнейшего руководства в области истории испанского языка, к которому обращается каждый занимающийся ею, на которую постоянно ссылаюсь и я, и этот I том доводит нас до XI в.; притом замечательный труд Пидалья является одновременно и исследованием, и собранием материала, а потому его приходится не столько читать, сколько изучать. Для последующих периодов истории испанского имеется ряд отдельных работ, но нет попытки свести материал в одно целое. Правда, для того чтобы дать историю языка типа „Orígenes“, необходимо проделать еще огромную предварительную работу, осуществить которую сейчас невозможно. Тем более немыслимо это в отношении каталанского и галисийско-португальского. Но потреб-

ность в общем ориентирующем историческом введении вполне законна, а потому естественно и удовлетворить ее. Это обусловило план наших „Очерков“. Именно „очерков“, так как давать что-либо большее на данном этапе состояния испанистики и португалистики значило бы обещать неосуществимое.¹

Порядок „Очерков“ подсказан исторической точкой зрения. Очерк, посвященный баскскому, как живому свидетелю языковой жизни полуострова в до-римский период, занимает первое место. В центре стоит очерк испанского, к которому примыкают очерки каталанского и галисийско-португальского. Последний составляет заключительную часть книги, так как он связан с историей португальского языка, не являющегося языком Испании. Тем не менее часть глав четвертого очерка посвящена португальскому, ибо было бы досадным пробелом в книге, если бы ему не было в ней вовсе отведено места.

Как уже было сказано выше, „Очерки“ задуманы как введение в углубленное изучение испанистики или, если угодно, языков Пиренейского п-ова. Они рассчитаны, поэтому, на читателя, элементарно подготовленного не только в смысле знания соответствующих живых языков, но и в смысле общей лингвистической (или, по крайней мере, романтической) осведомленности. Отсюда характер изложения, который может показаться местами слишком сжатым. Имея в виду определенный тип читателя, я позволил себе, действительно, быть кратким там, где речь идет о явлениях языка; страницы, дающие исторические или историко-литературные справки, без которых нельзя обойтись в книге, посвященной истории языка, и в первую очередь языка литературного, изложены более обстоятельно: я не мог предполагать соответствующих знаний у читателя-лингвиста, тем более, когда речь идет об истории или литературе таких стран, как Испания или Португалия.

Как только что было сказано, центральное место в книге отведено литературному языку; однако везде, где это было возможно и нужно, принимался в расчет и живой диалект. В изложении не учтены только языки Латинской Америки. Но я надеюсь в близком будущем восполнить этот пробел отдельной статьей.

То обстоятельство, что синтаксис представлен в книге слабее морфологии и фонетики, объясняется состоянием исторического изучения испанского языка в данный момент. Я не мог, конечно, заниматься *ad hoc* специальным исследованием ряда синтаксических вопросов.

¹ Почти одновременно с окончанием моей работы (законченной зимой 1937 г. по заданию ИЯМ) появилась в свет книга английского испаниста В. Энтуистла (*The Spanish language*, Лондон, 1936, в серии „*The great languages*“). Она стала мне доступной значительно позже и могла быть учтена только кое-где в примечаниях. Книга эта приближается к типу „истории языка“, но история занимает в ней довольно скромное место, основные этапы истории языка выделены недостаточно четко, очень краткий очерк баскского не учитывает яфетического материала. Что же касается теоретических установок автора, то они, по его собственному признанию, совпадают со взглядами О. Есперсена (в „*Growth and structure of the English language*“, Лейпциг, 1935) и В. ф. Вартбурга (в „*Evolution et structure de la langue française*“, Лейпциг, 1934). Ни те, ни другие мною не разделяются целиком.

Учитывая задачи „введения“, я старался всегда приводить литературу трактуемых вопросов, но отнюдь не претендовал на то, чтобы исчерпать ее. Мне казалось это ненужным, а с другой стороны, это было и невозможно по состоянию наших библиотек. Библиотека иностранной литературы в Москве только в самое последнее время оказалась обладательницей значительного испанистического фонда. Таким образом мне остались недоступными, напр., работа J. J. Nunis „Gramática histórica portuguesa“ (Лиссабон, 1919) и „Lições de filologia portuguesa“ J. Leite de Vasconcellos (Лиссабон, 1926).

В целях наглядности книге придано несколько приложений. Прежде всего несколько образцов древних текстов; затем картографический материал, иллюстрирующий географическое расположение ряда важных языковых явлений на территории полуострова или фактов, имеющих отношение к истории языка. Соответствующие карты позволяют нам установить, между прочим, центры иррадиации того или иного фонетического процесса и пути его постепенного распространения. Карта баскско-испанской пограничной языковой зоны иллюстрирует борьбу между баскским и испанским в этой области. Карта арагоно-каталанского рубежа демонстрирует постепенный переход от арагонского к каталанскому. Для облегчения географической ориентировки в приложении дана и политическая карта Пиренейского п-ова до 1937 г.

Указатели имеют в виду облегчить наведение справок. Так как целый ряд названий и имен приводится в тексте книги в русской транскрипции, то их пришлось давать в том же виде и в указателе, и, в зависимости от удобства, то вливать русский алфавит в латинский, то наоборот. Указатель слов, приводимых в „Очерках“, составлен О. К. Васильевой, за что я считаю своим долгом принести ей свою благодарность, равно как и за помощь в оформлении издания книги.

Декабрь 1940 г.

В. Шишмарев

Лингвистическая картина, которая разворачивается перед нами на Пиренейском полуострове, представляется довольно сложной и пестрой. По числу говорящих на нем и по богатству существующей на нем литературы первое место среди языков полуострова принадлежит испанскому или, как его называли и продолжают еще называть, — кастильскому. За ним стоят португальский, каталанский и баскский. Первые три, как и кастильский, принадлежат к группе романских или неолатинских языков; баскский стоит особняком; поэтому наш первый очерк мы и посвящаем баскскому.

БАСКСКИЙ

1

Наиболее ранними обстоятельными сведениями о баскском населении полуострова мы обязаны греческим источникам, так как греки были первыми, кто попытался не только собрать, но и комментировать их.

По сообщениям греческих писателей греки очень рано, вероятно по следам финикийцев, добрались до „столпов Геракла“, финикийских „столпов Мелькарта“. Но это были, скорее всего, отдельные экспедиции, едва ли надолго задерживавшиеся в стране. Более близкое знакомство греков с полуостровом относится ко времени после основания близ устьев Роны фокейского поселения Массилии, нынешней Марсели (ок. 600 г.), и ряда колоний массилиотов на средиземноморско-испанском побережье, каковы Гемероскопий (позднейшая Дения, южнее Валенсии), Алонь (на противоположной, южной, стороне того же берегового выступа), Роды и Эмпории (нынешние Росас и Ампуриас в Каталонии). Рассказы греческих моряков, купцов и поселенцев были использованы затем историками и географами и стали, таким образом, достоянием античной литературы.

Занятую ими территорию греки называли Гесперией, т. е. западной страной, или Иберией. С течением времени, познакомившись с полуостровом ближе, они, а вслед за ними и античная литература вообще, стали различать на нем до пяти основных областей: юго-запад, или Тартессиду, запад, прилегающий к океану и занятый, между прочим, народом луситанов, юго-восток или Мاستиену, центральные части или Кельтику и, наконец, Иберию в тесном смысле слова. Все эти термины связаны, очевидно, с названиями местных племен, с которыми пришлось столкнуться грекам. Сведения их о тартессах принадлежат более древнему слою их географических познаний. О тартессах знает, повидимому, уже Библия,¹ так как южные области полуострова были той

¹ Тарсис — см. Бытия, X, 4; Псалт., XXII, 10; Исаия, XXIII, 6; LXVI, 19. Тексты античных писателей, касающиеся Тартессиды, см. у Н. D'Arbois de Jubainville. *Les premiers habitants de l'Europe*, I, 48.

его частью, которая привлекала издавна внимание чужеземцев, искавших поживы и объекта эксплуатации. Тартессы слыли в древности народом культурным и богатым; как о „богатом“ народе говорит о них Авиен (IV в.).¹ Юг обладал большими залежами серебра и меди. Другой южно-пиренейский народ, турдетаны (в области нын. Севильи), имел репутацию образованных людей; им приписывается один из иберийских алфавитов; они вели летописные записи, у них были поэты; они облекали в стихотворную форму свои законы.² Совершенно естественно, поэтому, что финикияне, а позже и вызванные ими на помощь пунийцы-карфагеняне обосновались именно в этой части полуострова, что на юге находился политический и торговый центр финикиян, Гадир-Гадес (нын. Кáдис), что, по словам Страбона, в жилах населения многих городов Турдетании текла финикийская кровь, что Малака (ныне Мáлага) сохраняла долго совершенно финикийский облик³ и что во времена Птолемея жители 11 южно-испанских городов были потомками финикийских колонистов.⁴ На юге пытались утвердиться и греки,⁵ и опять же юг занимал первое место среди испанских провинций в римскую пору.

Восточное побережье, Иберия, более близкое к их базе, Роданезии, вознаградило греков за неуспех на юге; при ближайшем знакомстве Иберия оказалась далеко не безвыгодным для эксплуатации краем: железо, кожа, шерсть и крепкие выносливые рабы представляли собой немалую ценность. Гораздо менее многочисленные, нежели финикийцы, и сравнительно недолго занимавшие эти области греки не проникали особенно далеко в глубь материка, ограничивая свои операции прибрежной полосой; это было, впрочем, обычной их системой. Таким образом они не оставили нам более детальных сведений о населении внутренних областей полуострова.

Термин „Иберия“, употреблявшийся греками для обозначения иберийского полуострова вообще, вероятно, такого же типа, как французское *Allemagne*. Название „иберы“, подобно *allemands*, было первоначально, несомненно, именем одной только этнической группы, с которой греки были ближе знакомы, так как постоянно приходили с ней в соприкосновение. С этим термином связано, конечно, и название реки Ибер-Эбро, подобно тому как название секванов, живших в эпоху Цезаря на левом берегу Сауконны-Соны, с Сэкваной-Сеной,⁶ гарумнов с Гарумной-Гаронной, дакийских тиритов на Днестре с Тирасом-Днестром или сиканов с Сиканом-Ху́каром в Испании.⁷

В представлениях древних тартессы и Тартессида представляют собой особый мир, хотя и связанный лингвистически с иберским. Некоторые исследователи, современные нам, видят в тартессах ливийцев, предваривших иберов на полуострове, но в дальнейшем скоро иберизовавшихся, а впоследствии легко капитулировавших перед пунийцами

¹ Avienus. *Ora maritima*, 423. — Он же. *Descr. orbis terr.*, 479. — *Geogr. min.*, I, 203. — Strab., III, 4, 19.

² Strab., III, 1, 6.

³ Strab., III, 2, 13; 4, 2; 5, 1.

⁴ Ptolem., II, 4, 6.

⁵ На месте нынешней Малаги фокейцы основали Менаку, наиболее южную греческую колонию.

⁶ H. Gröhler (*Ueber Ursprung u. Bedeutung frz. Ortsnamen*, I, Гейдельберг, 1913, 13—14), возводящий название секванов к названию реки, видит в последнем лигурийский термин, ибо гальский язык заменяет q — p. Н. Я. Марр напоминает, что никогда в праисторические эпохи этнический термин не восходит к обозначению реки, и толкует Sequan путем яфетических сопоставлений как этрусский (N. Marr. *La Seine, la Saône, Lutèce et les premiers habitants de la Gaule, Etrusques et Pélasges*, Прп., 1922, 22—26, 43).

⁷ Там же.

и римлянами.¹ Иберы представляются народностью более энергичной, способной к экспансии, а потому широко распространившейся на юге Европы. Древний марсельский перипл, источник „Ora maritima“ Аввиена, называет иберами народы, живущие на восток от р. Хукар² и в пределах нынешней Каталонии. Но он говорит и о их распространении в южной Галлии до р. Орана.³ Фокейские поселения в устьях Роны и Геро считались находящимися в Иберии.⁴ Как известно, Цезарь отличал аквитанов от галлов-кельтов и считал Аквитанию особой областью Галлии, наподобие Бельгии. Страбон (I в. н. э.) утверждал, что аквитаны родственны кантабрам, но отличны от васконов, и что они не только физически, но и по языку ближе к иберам.⁵

На связь между южной Галлией и Пиренейским п-ом указывает и топонимика. Илиберрис, напр., является названием поселения в Нарбоннской Галлии и в южной Испании, Бетике (нын. Андалусии), т. е. уже в Тартессиде. Аста имеется в деп. Нижних Пиренеев и в той же Бетике. Сравним народ бигеррионов в нын. Бигорре и Бигорру в Бастиании, Нариссу в Аквитании и в Бетике, Илурон (Олорон) в Нижних Пиренеях и в Бетике, французскую Тулузу и ряд населенных мест, носящих название Толоса, в Испании. Название „аквитаны“ (Аквитания) содержит в себе элемент „тан“, необычайно широко распространенный в древних названиях народностей на Пиренейском п-ове и разъясняемый Н. Я. Марром как яфетический суффикс мн. ч.;⁶ ср. турдетаны, бастианы, луситаны и т. п. С тех пор как римляне проникли в глубь полуострова, древние географы и историки, а следовательно и мы, получили возможность познакомиться ближе с народностями и племенами, жившими вдали от моря, с рядом неизвестных до той поры населенных мест, и это позволяет подтвердить множество примеров широкого распространения терминов, связанных с иберами и иберским языком в Галлии и одновременно в Испании.

Вот эта-то топонимика на ряду со старо-иберской ономастикой и привлекла внимание В. Гумбольдта, который первый попытался истолковать ее и в то же время научно осветить вопрос об отношениях баскского к иберскому, т. е. доказать положение, естественное на первый взгляд, высказанное еще в XVII в. А. Ойенартом, но не подтвержденное серьезно фактическими аргументами.⁷ Отметим попутно, что Гумбольдт указывал между прочим на наличие иберов и в других областях Средиземноморья. Пересмотр работы Гумбольдта полвека спустя показал непрочность некоторых его лингвистических толкований, но правильность основной линии. Однако очень скоро стали делаться попытки расширить центральный тезис немецкого исследователя. Подвергнув критическому рассмотрению материал и метод Гумбольдта, А. Люшер пришел к выводу, что во всех областях Испании имеются имена, легко объяснимые с помощью баскского, что баски и иберы

¹ Такова, напр., точка зрения Е. Philipon (Les Ibères, Париж, 1909).

² Впадает в Средиземное море к югу от Валенсии. Хукар стекает с центрального иберийского плоскогорья, Месеты.

³ Ныне Lez, на которой стоит Монпелье.

⁴ Geogr. gr. min., I, 204 (Псевдо-Скимн, 208).

⁵ Οἱ μὲν δὲ τριῇ διήροον Ἀκυιτανούς καὶ Βέλγας καλοῦντες καὶ Κέλτας, τοὺς μὲν Ἀκυιτανούς τελείως ἐξηλλαγμένους οὐ τῇ γλώττῃ μόνον ἀλλὰ καὶ τοῖς σῶμασιν ἐμφέρεῖς Ἰβήροι μᾶλλον ἢ Γαλάταις (Strab., IV, 11; 2, 1).

⁶ Язык и общество. Избр. раб., III, М.—Л., 1934, 27.

⁷ A. Oihenaar. Noticia utriusque Vasconiae tum ibericae, tum aquitanicae..., 1638. — W. v. Humboldt. Prüfung d. Untersuchungen über d. Urbewohner Hispaniens vermittelt d. Vask. Sprache. Берл., 1821. Ср. также его „Ueber d. Cantabrische oder Baskische Sprache“ (Берлин, 1817). — Adelung. Mithridates, IV, 1817, 257—360.

родственны и что баскский является последним представителем иберской лингвистической группы, некогда распространявшейся на всю Испанию и на Аквитанию.¹ На связь иберо-баскского с Аквитанией указывают, по его мнению, не только данные надписей и топонимика, но и ряд параллельных явлений в гасконском и баскском. Так, в обоих языках отсутствует *v*, *f*, начальное *r*, имеются выпадение интервокального *l* и, наконец, лексические точки соприкосновения. Отмечает Люшер и тот характерный факт, что во многих частях Аквитании, где давно уже не говорят по-баскски, сохраняется топонимика, без труда объясняемая баскским, в особенности в горах, между тем как на равнине мы встречаем местные названия исключительно кельтского или латинского происхождения.² Для иллюстрации того, насколько баскский помогает нам разобраться в гальской и испанской топонимике, приведу несколько примеров.

Илиберрис (впоследствии Эльвира-Гранада), или его варианты Ириберри, Улиберри, представляет собой сочетание *iri* 'город' и *berri* 'новый'; след. новгород, новое поселение, греч. Неаполис и т. п. Бигорр, Байгорри и т. п. состоит из (*i*)*bai* 'река' и *gorri* 'красный'. Название каталанской реки Льобрегат отражает латинское *Rubricatum* (*flumen*), т. е. 'красная река', очевидно перевод некогда существовавшего названия *Baigorri*. С *gorri* связано и Калагуррис (Нассика), древнее название нынешнего Калаорра (*Calahorra*) или *Ligüerre* (? + *gorri*) и *Lascuarre* (*latz* 'ручей' + *gorri* 'красный'); с *ibai* — Байонна, 'хорошая река'. В адаптированном виде стоит перед нами *iri-berri* в *Lumbier*, очевидно *irum berri*. В Галисии мы имеем римское поселение *Iria Flavia* 'город Флавиев', подобно тому как латинизованное *Gracurris* является комбинацией *Gracchus* и *iri*, т. е. 'Тракхов город'. В эпоху романизации возникли такие гибридные образования, как *Montiberri* = *Monte* + *berri*, где *monte* переводило местное *iri*, поскольку город ставился обычно на возвышенности, являясь укрепленным пунктом.³ Современное Лэрида, кат. Льейда, старое *Ilerda*, вероятно — *Il-erda* 'город чужой, не свой'. Баск. *eche* 'дом' мы находим в *Javier* 'Шавьер' = *eche berri* 'дом новый'. Близ каталанской же границы мы встречаем *Aragües*, баск. *ara-otz* 'долина холодная'. Первое слагаемое повторяется в *Araduey* (Леон) = *ara* + *doi* (*toi*); это то, что испанцы называют *tierra de campos*.⁴ Ряд испанских местных названий на *-uas*, *-ues* или *-ue*, *-uy*, *-ou* отвечают баскским на *-otz* 'холодный' и *-toi*, *-doi*.⁵ Название одной горы, *Oros-peda*, представляет собой баск. *oros-pide* 'телячья дорога', 'тропа'; другая гора, *Iru-beda*, есть баск. *idi-b/pide* 'воловья дорога, тропа'.

Возражения против основного тезиса Гумбольдта (и Люшера) опирались на то, что мы об иберском ничего не знаем. Ж. Венсон⁶ и ван Эйс⁷ утверждали, что термин „ibérique“ ничего не говорит, так как он

¹ A. Luchaire. Remarques sur les noms de lieux du Pays Basque. 1874. — Ср. его же. Les origines linguistiques de l'Aquitaine, 1877.

² Это было отмечено еще Cl. Fauriel (Hist. de la Gaule méridionale, II, App. II).

³ Ср. кельтские местные названия на *-briga*, означающие укрепления, имеющиеся и на Пиренейском п-ове и отчасти возникшие на местах старых иберских *iri*. Это *briga* обозначает первоначально возвышенность. Как *monte*, так и *briga* воспроизводят, может быть, позднейший оттенок *iri*, если первоначальным значением последнего считать вместе с Н. Я. Марром „круг“ (Н. Я. Марр. Иштарь. Избр. раб., III, 1927, 327).

⁴ Т. е. плодородная местность (*doi* собств. лес). См. R. Menéndez Pidal. Sobre las vocales ibéricas e y o en los nombres toponímicos в Rev. fil. esp., V, 1918, 225 сл.

⁵ Как напр. *Haltz-toi*, *Haritz-toi* (= Дубровник) и мн. др.

⁶ J. V i n s o n. Polémiques sur les origines et les antiquités basques в Mélanges de linguistique et d'anthropologie (par A. Hovelacque, E. Picot et J. Vinson). Париж, 1880.

⁷ W. J. v. E y s. Outlines of Basque grammar. 1883, XII.

относится к различным народностям.¹ Но возражения эти либо сильно преувеличены, либо носят крайне формальный характер. Так или иначе, мы стоим перед рядом подлинных фактов, совпадений, которые нельзя устранить, и если иберы являлись пестрым этническим конгломератом, то отсюда отнюдь не следует, что ни один из его компонентов не имеет точки соприкосновения с баскским. Третьи возражения исходят от нелингвистов, или лиц, не знающих баскского, а потому большой цены не имеют и сводятся к гипотезам более или менее общего характера. Таковы, напр., соображения Э. Филипона.² Филипон считает басков остатком преисторического народа, растворившегося среди иберов-индоевропейцев. Иберов он выводит из Азии, полагая, что они явились в Европу через северные области М. Азии и Геллеспонт. Дойдя до Апеннинского п-ова, они разбились на две ветви: одна — иберо-сиканы — спустилась в Италию, другая — иберы — прошла в Галлию и овладела Лигурией, откуда она с обеих сторон Пиренейского горного хребта спустилась на Пиренейский п-ов, находившийся тогда во власти тартессов, народа высокой эгейской культуры, вышедшего из Африки, и постепенно иберизовала его. Таково одно из тех мало убедительных и слабо доказанных построений западно-европейской науки, которое во многом не удовлетворяет ни историка, ни археолога и совершенно обескураживает лингвиста.

Несмотря на все возражения скептиков, работа по установлению связи между иберским и баскским продолжалась. Отнюдь не стремясь дать исчерпывающую картину истории вопроса, отметим работы Г. Шухардта³ и Э. Бурсье⁴ по установлению контакта между аквитано-романскими диалектами Гаскони и Беарна и баскским, подтвердившие и развившие наблюдения Люшера. В этих диалектах, как оказывается, исчезает интервокальное *-n-*: *catena* 'цепь' > беарн. *cadea*, как в баск. *cathea*; отсутствует начальное *f*: *filiu* > *hilh*, *farina* > *harina*; *v* превращается в *b* через *β*: *baler*, *bezi*; начальное *r*- получает вокальную анакрузу в виде *a*: *arram* < *ram* u, *arriu* < *riv* u, беарн. *arraspe* < герм. *raspôn*, баск. *arraspa* 'терка', 'рашпиль', *arrumetz* 'шип' < *rumise*, *arrafen* (-*fon*) 'редька' < *rafhan* u и т. д. Пользуясь эпиграфическим материалом, Шухардт попытался установить связь между иберским и баскским склонением,⁵ которую можно представить в виде следующей таблички:

Падежи	Иберский		Баскский	
	Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.
Пациента	—	<i>c</i>	—	<i>k</i>
Агента	<i>c</i>	?	<i>k</i>	<i>kek</i>
Редипиента	<i>i, e</i>	<i>ce(a)i</i>	<i>i</i>	<i>ki</i>
Инструментальный	<i>š, s</i>	<i>ciš</i>	<i>z</i>	<i>kez</i>
Поссессивный	<i>n, m</i>	<i>cen</i>	<i>n</i>	<i>ken</i>
Адвербиальный	<i>co</i>	—	<i>ko</i>	—

При оценке расхождений не следует забывать, что между иберскими и баскскими окончаниями лежит промежуток приблизительно в 1000 лет,⁶ так как самые ранние сохранившиеся до нас отрывочные

¹ J. F. Bladé. Etude sur l'origine des Basques. Париж, 1869.

² См. цит. выше его работу „Les Ibères“ (1909).

³ Rev. internat. des études basques, XIV, 511.

⁴ Резюмированы в „Eléments de ling. romane“³ (Париж, 1930), см. указатель под „Gascon“, стр. 733.

⁵ Die iberische Deklination в Sitzber. Венской Акад. Наук, филол.-истор. отд., т. 157 (1907), 2.

⁶ Уцелевший до нас иберский материал собрал Е. Hübner в „Monumenta linguae ibericae“ (Берлин, 1893). До нас дошло всего около 100 надписей. Самой древней из них является надпись на свинцовой табличке Алькой. См. Gómez Moreno в Menéndez Pidal, Мадрид, 1925, II.

баскские данные относятся к XII в., а связанные баскские тексты не старше XVI в.¹

Древние писатели сохранили нам и кое-какой словарный материал, который они характеризуют как испанский, т. е. присущий испанской латыни. Так Плиний дает нам около 20 таких испанизмов. К этим данным мы еще вернемся ниже, а пока отметим только, что ряд этих испанизмов толкуется при помощи баскского.

Таким образом баскский оказался ключом к пониманию довольно значительного круга языковых фактов, рассеянных как по полуострову, так и по Аквитании, связываемых лингвистически еще древними писателями и продолжающих связываться большинством современных исследователей-языковедов, как баскологов, так и неспециалистов-басковедов.² Большие споры о басках, открывшиеся работами известного французского антрополога и анатома П. Брокà, продолжают входить до наших дней; но они касаются этнологов, а не лингвистов, сопоставляющих прежде всего язык с языком с учетом среды социальной, культурной, почему мы можем опустить в своем изложении характеристику относящихся сюда многочисленных работ, отсылая интересующихся к статьям Г. Герланда и Боск и Джимпера, где они найдут все необходимые указания на важнейшую литературу вопроса.³

Вслед за толкованием иберских слов с помощью баскского и простым сопоставлением последнего с иберским естественно возникала проблема о их генетическом взаимоотношении, о их связях за пределами полуострова и о природе баскского языка. К этой тематике и стали подходить представители западноевропейской классической лингвистики. Де Шарансь, Луи-Люсьен Бонапарт, Арно Гримм, позже Винклер⁴ сопоставляли баскский с урало-алтайскими языками. Г. Филиппс, Г. фон дер Габеленц, Г. Шухардт искали у него точек соприкосновения в Африке. Филиппс считал басков выходцами из северной Африки и указывал на близость целого ряда сев.-африканских местных названий с иберскими;⁵ фон дер Габеленц отмечал связи баскского с берберским,⁶ Шухардт — с нубийским и хамитским.⁷ Винклер направил свои разыскания в сторону

¹ В „Glosas Emilianenses“ (называющихся так по имени монастыря св. Емилиана, Milán de la Cogolla, в Алаве), памятнике X в., имеется всего только два глагола. См. издание этих глосс у Менéndеса Пидалья в „Orígenes del español“ (Мадрид, 1926, 492). Небольшие заметки и записи, касающиеся баскского, даны одним путешественником XV в., Арнольдом фон Гарф (Harff), и автором путеводителя для совершающих паломничество к Иакову Компостельскому (XII в.). К 1545 г. относятся стихотворения Дечепарре (Duchepierre); к 1571 г. — перевод „Нового завета“, сделанный Лейсаррагой (Leizarraga).

² К числу последних принадлежит, между прочим, и недавно скончавшийся романист В. Мейер-Любке; см. его статью „Das Baskische“ в „Germ.-roman. Monatsschr.“ (XII, 1924, 171 сл.). Ср., однако, сомнения кельтолога Ю. Покорного в „Reallexikon d. Vorgeschichte“ (VI, 5 сл.).

³ G. Gerland. Basken und Iberer в Grundriss Гребера I², 1904—1906, 422 сл. — Bosch i Gimpera, Die Vorgesch. d. iber. Halbinsel в Prähist. Zeitsch., XV (1924), 81—130. — Он же. El estado actual de la investigación de la cultura ibérica в Boletín de la R. Ac. de la Hist., Мадрид, 1929; Etnología, Барселона, 1932.

⁴ La langue basque et les langues ouralo-altaïques, 1917.

⁵ E. Philipp s. Die Einwanderung d. Iberer in d. Pyrenäische Halbinsel в Sitzber. Венской Акад. Наук, т. 65, 1870, 519 сл.

⁶ H. v. der Gabelentz. Die Verwandtschaft d. Baskischen mit d. Berbersprache Nord-Afrikas. Брауншвейг, 1894.

⁷ H. Schuchhardt. Nubisch u. Baskisch в Rev. d. ét. b., VI, 268 сл. — Он же. Baskisch u. Hamitisch, там же, VII (o berri, harin и других словах). Ср. также G. Bähr. El vasco y el camítico в Rev. d. ét. b., XXV, № 2, стр. 240 сл. — Cl. Giamino. Vasco e egizio в Arch. glott. it., disp. 4-a.

переднеазиатских отношений баскского.¹ К. Оштир пытался включить его в „алародский“ круг языков, к которому он кроме баскского относит этрусский, иллирийский, ретийский, лигурийский, египетский и неиндоевропейские языки Кавказа. Алародский был вытеснен впоследствии индоевропейским, но следы его сохранились в последнем, напр., в латинском и романских языках.² Во многих из этих пестрых сопоставлений есть зерно истины; многие из них обнаруживают проблески верных догадок, особенно если их взять в целом; но в итоге мы не имеем прочного результата. Если причиной этого является зачастую недостаточное знакомство с материалом, то там, где знакомство это налицо, сближение изучаемых фактов делается по признаку фонетического созвучия; оно осуществляется в порядке сопоставления изолированных случаев, без учета широких связей, а если к учету этому и прибегают, то, как это происходит у Оштира, он не опирается на достаточно прочный фундамент, в силу чего в итоге построение доминирует над анализом, теория над историей, и очертания нарисованной картины получаются туманными, расплывчатыми.³

Все эти черты особенно ярко сказались в работах, посвященных изучению отношений баскского к яфетическим, скажем мы, языкам Кавказа. И это тем более характерно, что в данном направлении сделано как будто больше, чем в других.

Первые попытки сближения иберов пиренейских с закавказскими, живущими между Кавказским горным хребтом и Араксом, восходят к античной древности. Аппиан, историк II в. н. э., пишет, между прочим: „азиатских иберов одни рассматривают как колонию иберов европейских, другие — как отцов последних; третьи полагают, что у них нет ничего общего кроме имени, и никакого родства ни в образе жизни, ни в языке“.⁴ К вопросу о возможности связывать басков с их кавказскими антиподами вернулся в XV в. испанский историк Маргерет. В XIX ст. Гумбольдт выводил иберов из М. Азии. В XX в. кавказскими языковыми связями басков занялся Шухардт, указавший на точки соприкосновения между баскским, иберским и грузинским в области склонения;⁵ голландский лингвист Уленбек, исследовавший связи баскского с „палео-кавказскими“, как он их называет, языками;⁶ испанский историк Фидель Фита, к сожалению недостаточно вооруженный лингвистически для разрешения поставленной им себе задачи, и французский исследователь Р. Лафон (R. Lafond), также не пошедший дальше простого сопоставления.⁷

Яфетические отношения баскского начинают как будто все больше привлекать к себе внимание западно-европейского языкознания. Но если сравнить то, что сделано в этом смысле за почти 40 лет работы, с тем, что достигнуто для освещения баскско-романских и баскско-латинских

¹ H. Winkler. Das Baskische u. d. vorderasiatisch-mitteländische Völker- u. Kulturkreis. Бреславль, 1909. Против Вюнклера — Шухардт (Zs. f. rom. Ph., XXXVI, 33 сл.).

² K. Oštir. Beiträge z. alarodischen Sprachwissenschaft, I, Wien-Lz., 1921.

³ Неудачной следует признать и попытку толкования баскского как индоевропейского Philon'ом в „Mélanges D'Arbois de Jubainville“ (237—269). Ср. критику Шухардта в Sitzber. Венской Акад. Наук (т. 157, 1907).

⁴ De bello Mithridatico, гл. 101. О других высказываниях древних см. у G. Dottin. Anciens peuples de l'Europe. Париж, 1916, 76.

⁵ Die iberische Deklination in Sitzber. Венской Акад. Наук, т. 157, 2. — Он же, Zs. f. rom. Ph., XXXII, 348 сл. — Он же, Rev. d. ét. b., 1912, p. 110.

⁶ U. E. Uhlenbeck. Beiträge z. einer vgl. Lautlehre d. bask. Dialekte в Verhndl. Амстерд. Акад. Наук, отд. Letterkunde, no. 5 (1904); по-французски отдельным изданием (Париж, 1910); „Berichtigungen“ к первой работе в „Verhandelingen“ Амстерд. Акад. Наук (нов. сер., т. 24, no. 1, 1923). Критику обеих этих работ см. Н. Я. Марр. Язык и литература, вып. 1—2, Лгр., 1926, 260—278.

⁷ Basque et les langues kartvéles в Rev. d. ét. b., т. XXIV.

связей, то разница получится значительная. Правда, латынь и романские языки ближе западному исследователю; но правда и то, что маленький баскский народ и его язык являются пасынками в жизни тех буржуазных стран Европы, в составе которых они существуют, и в научных кругах, которые интересуются вопросами языка. Вот почему так отстают на Западе изучение языков такого рода, почему к анализу их применяется так много устарелых приемов, которые едва ли бы стали применяться к языкам индоевропейским. Вот почему эти „малые“ языки также недооцениваются, хотя проблемы, встающие над баскским и другими его „доисторическими“ собратьями, теоретически настолько ценны и важны, что призрак их начинает уже невольно смущать и европейскую лингвистику, в особенности за последние два десятка лет в связи с политической ролью национальных меньшинств. Наоборот, близкое общение советского языковеда с младописьменными, еще недавно бесписьменными языками, с языками самых разнообразных систем создает исключительно благоприятные условия для его подхода к языку; оно дает ему возможность не только широчайших сопоставлений, но позволяет ему рассматривать изучаемые языки в аспекте единого глоттогонического процесса и пользоваться сравнением в целях вскрытия более глубокого „родства“, языковых явлений. Если ему угрожает какая-нибудь опасность, то это никоим образом не недооценка значения объектов его анализа, а может быть иногда в известной мере недооценка влияния на них более искусственных в письменной практике их собратий, — факт, с которым следует считаться, но в отношении которого европейская лингвистика часто впадала в обратную крайность, усматривая заимствование там, где его не было и в помине.

В вопросе о баскском языке преимущества советского исследователя сказались с полной отчетливостью, стоит только сравнить работу последней из характеризованных групп басковедов с работами Н. Я. Марра. В то время как, напр., Шухардт ограничивается отдельными экскурсами в область баскского, порой вполне убедительными, а Уленбек предпочитает выжидательную позицию в отношении баскско-кавказской и баскско-хамитической проблемы, удовлетворяясь пока собиранием созвучных данных, Н. Я. Марр дает нам анализ баскского материала на основе сравнительной грамматики яфетических языков вообще, не одного только Кавказа, с учетом языкового мышления, за этими языками стоящим, и в заключение раскрывает перед нами сущность баскского как представителя известной стадии развития речи, его место в ряду аналогичных ему типов в Европе, Азии и Африке и его участие в образовании речи индоевропейского типа. Несколько конкретных примеров поясняют дело.¹

Те семь десятков слов, которые Уленбек пытается истолковать с помощью кавказских параллелей, созвучны последним. У баскского есть, однако, на самом деле гораздо большее количество встреч с Кавказом, но встречи эти не созвучны, и Уленбек бессилен их вскрыть, так как он не знаком со сравнительной грамматикой кавказских яфетических языков. Иногда голландский лингвист пытается восстановить баскскую праформу; между тем форма эта существует не только теоретически (под звездочкой), но и в реальной действительности. Так, он допускает для баскского *harri* 'камень' > *arri* прототип **karr-i*; между тем последний имеется целиком в др.-армянском литературном языке в удвоенной только

¹ Баскским Н. Я. Марр занимался специально в „Origine japhétique de la langue basque“ (Язык и литература, т. I, вып. 1—2, стр. 214 сл.) и в „Две новые работы Uhlenbeck'a по баскскому языку“ (там же, стр. 261 сл.). Библиография высказываний и баскских этимологий Марра до 1926 г. дана там же (стр. 214—224). Ср. также „Классифицированный перечень работ Н. Я. Марра“ (Агр. 1926) и указатели к „Избранным работам“.

форме *kar-karr* 'много камней', следовательно 'куча камней', и в армянской топонимике: *Kar-karr* (название местности близ Мокса, ныне в Турции). Наконец, в том же армянском с передвижением *k* на другую ступень звонкости — *q*: *qar*.¹ В связи с **kar* Уленбек утверждает, что «большинство палеокавказских языков имеет другие слова в значении „камень“». ² Однако, если знать о существовании в различных группах их перебора $r > j$ (сван.), $r > d, nd$, (мегр., чанск.) и т. п., то в тот же круг терминов необходимо отнести и груз. *kaj* 'кремень', и др.-арм. лит. *kit* 'камень твердый и блестящий', 'мрамор', и арм. *qit* 'щебень', груз. *kenť*, арм. *kinť* 'камешек', 'избирательный камень', сванск. *kod* 'скала' и т. д.

Другой пример — баск. *ilargi* 'луна', которым занимался и Шухардт. Рядом с *ilargi* мы имеем *irargi* и *iretargi*; в последнем *t* не соединительный согласный в составном слове, а часть *et*, окончания род. пад. мн. ч.: след. *iretargi* состоит из *ir-et-+argi*, что обозначает 'светило ил'ов или ир'ов'. Самый же компонент *il* восходит к архетипу *hil* || *hel*, утратившему *h*, а его двойник *hir* || *her* есть спирантный вид сибилантного *sel* || *ser*. С последним связано баск. *ser-u* 'небо' [нижнее], 'преисподняя', 'мрак', 'луна', с которым следует сопоставлять греч. *σελ-ην-η* и яфетические глаголы, идущие от *sel-*, *el-* и обозначающие 'подниматься'. В баскском *il* появляется и в значении 'луна', как напр. *il-berri* 'новая луна', *ila bethe* 'полнолуние' и т. п. Анализированное *ilargi* будет, в соответствии со сказанным, обозначать первоначально 'светило преисподней, мрака'.

Путем такого детального анализа Н. Я. Марру удастся связать, напр., баск. *al* (< **hal*) 'рука' с чанск. *ka* 'ветвь', мегр. *sa* 'ветвь' и др.-арм. лит. *kal*, заключающимся в глаголе *kal-n-um* 'беру'; баск. *i-tur-i* (< *hi-tur-i*) 'источник' с груз. *tkaro* 'источник', мегр. *tku* 'колодезь' (ср. мегр. *tkurgil* 'источник'); баск. *šagu* 'мышь' с груз. *šagu-*, дрвн. *šagw*, соврем. *šagu-i*, мегр. *ťuki*, арм. *šakə-n*; баск. *har-itz*, *ar-itz* 'дуб' с арм. *ar-iť* 'дубрава' в названии местности *Ardo-arit* 'Медвежья дубрава' (деревня бл. Ани); *Nariťa-vanq* 'монастырь X.' = [священный] дубняк; баск. *bur-u* 'голова', груз. *bur-v-a* 'покрывать голову', 'верх'; ср. *sa-bur-av-i* 'крыша', *bur-ul-i* < **bur-ur-i* 'крыша', *ta-bur-v-a* 'жертвовать деньги на погребение', собств. 'класть деньги, подарок на голову умершего'.³

В итоге звуковых наблюдений Н. Я. Марр приходит к выводу, что баскский является 'одним из представителей спирантной ветви, но пережитки этого языка большей частью только обрамляют один из языков шипящей группы сибилантной ветви'.⁴ 'Особенно много поразительно близкого, даже тождественного [у баскского] с армянским'.⁵ Это иллюстрируют уже некоторые из только что приведенных этимологий. Характерное для баскского отсутствие начального *r*- характерно, на ряду с целой серией других фонетических совпадений, и для армянского. Так баск. *eki* 'солнце', *egun* 'день' связаны с арм. *a-geg* 'солнце', где *r* сохранилось только благодаря предыдущему слогу. К числу упомянутых звуковых соответствий принадлежит, между прочим, и соответствие *r* — *s* (и родственные ему): баск. *vizi*,⁶ *biz-i* 'жизнь' отвечают абх. *bza* 'живой', груз. *šđo-vel* 'живой'; баск. *bas* 'пустынный', 'дикий', мегр.

¹ О баск. *h*, отвечающем *k*; см. Марр. Origine..., 228, 236.

² Beiträge..., 23.

³ Origine..., 228, 229—230, 233, 237, 239.

⁴ Там же, 253.

⁵ Там же, 266—267, 269 и passim. Ср. также по поводу баскско-армянских связей, напр., «Избр. раб.», т. III, 101, 102, 126, 167, 281, 289, 302.

⁶ Начальное *v*- кое-где в баскском сохранилось.

ar-e 'пространство', груз. *vel* 'поле', 'пустыня' (ср. *vel-ur*), арм. *vaug* 'пространство', 'поле' < **var-e(i)* (ср. *vaug-en-e(i)* 'дикий').

Множественное число существительных в баскском образуется с помощью знака *-k* (одновременно с перемещением ударения в слове): *gizon* 'человек', *gizónak* 'люди' (ср. *gizónak* — форма для обозначения агента, главным образом субъекта при переходных глаголах). Это напоминает яфетические образования мн. ч. в др.-армянском литературном или форму выражения множественности неразумных предметов и существ в абхазском (суфф. *qa*). Счисление в баскском, как и в яфетических языках, 20-ричное. Уленбек не придает этому обстоятельству никакого значения, так как система эта встречается и за пределами круга яфетических языков. Однако в сочетании с другими аналогиями эта черта приобретает вес и может быть показательной. Термины для выражения чисел в баскском и других яфетических языках как будто различны, но Н. Я. Марр показывает на ряде примеров, что отсутствие контакта кажущееся. Так, баск. *hir-u* (< *hir-ur*) 'три', связанное с арм. *er* + *-e-q* || *er* + *-i-s* 'три', должно иметь в свистящей группе яфетических языков соответствием *sal*. Это *sal* и составляет первую часть груз. *sa-m* 'три', *m* которого — остаток другого составного элемента, так что архетип груз. „три“ обозначает первоначально „две руки + рука“.

Сравнительная грамматика позволяет вскрыть и связи между падежными окончаниями баскского и других яфетических языков. Так, напр., окончанию род. пад. в баскском *-ren* || *-en* (< **hen*) отвечают параллельные **sen*, **sen* (> *-den*), последние три как знаки элатива: ср. баск. *gizon-a-ren* 'человека' и чанск. *tu-šen* 'из чего?', мегр. *tu-šen-i* 'из чего? почему?', арм. *tegwo-deyn* 'из места', *men-d* 'от нас' и т. п. Как и в этом случае баскский соприкасается с древне-армянским литературным в образовании наречий при помощи суффикса *-ki* (> *-gi*): ср. баск. *aphurr* 'малый' 'ничтожный', *aphur-ki* 'мало', *eder* 'красивый', *eder-ki* и арм. *yataqa-ki* 'часто'. Обращаясь к глаголу и его синтаксису, мы отметим прежде всего пассивный смысл переходного глагола и вытекающую отсюда своеобразную конструкцию, при которой субъект предложения выражается не именительным, а косвенным падежом, а глагол либо имеет пассивную форму, либо воспринимается как имеющий таковую. Напр.: „человек бьет собаку“ выражается как „человеком она имеется битой собака“ — *gizon-á-k jo d-u chakurra*. Здесь *gizon-á-k* снабжен особым значком активности, *-k*, который отнюдь не следует смешивать с *-k* им. пад. мн. ч. — *gizónak*. Особенность эта свойственна большей части яфетических языков, а согласно исследованиям Уленбека — и языку эскимосов и индейцев Сев. Америки.¹ Впрочем аналогичное мышление лежит и в основании латинского оборота: „*mihi advenienti hac poste agitandumst vigilias*“ (Плавт). Но конкретные черты, а именно суффикс *-k*, связывают и в данном случае баскский теснее с яфетическими языками Кавказа, где, напр., мегрельский язык дает нам суффикс *qa*. В области баскского глагола интересно также образование каузативной формы. К баск. *e-karr-i* 'носить' имеется *e-ra-karr-i* 'заставить носить'; в абхазском им отвечают совершенно тождественные образования: *á-gəla-ra* 'стоять на ногах', 'подняться' и *a-r-gəla-ra* 'подымать'. И те и другие формы построены при помощи суффикса мн. ч. и плавного элемента, предпосланного основной базе. Самый же инфинитив представляет собою отглагольное существительное, в обоих случаях составленное из префикса *e* || *i* (< *he* || *hi*), обычного в яфетических

¹ Le caractère passif du verbe d'action dans certaines langues de l'Amérique du Nord (по-голл. в Versl. en mededecl. Ak. H., Амстерд., 1916, 5 сер., 2 ч., 185 сл.). Ср. Whitney. La vie du langage. 1880, 213. Существительное, не имеющее значения агента, или субъект непереходного глагола остаются без специальной отметки.

языках в словах, имеющих суффикс *мн. ч.*; ср. баск. *i-bil-i* 'ходить' и груз. *bil-ik* 'дорога', 'тропа'. Так и *e-karr-i*. Абхазские формы на *-ra* заставляют вспомнить сванские инфинитивы на *-re*, формы, которые могут обозначать множественность объекта или же многократный вид: *li-φḡqu-re* 'разбивать много вещей', *li-kšu-re* 'разбивать часто, повторно'. В заключение отметим еще одну любопытную деталь, а именно использование баским словом „голова“ для образования возвратной формы глагола и форм возвратного местоимения (свой и т. д.). Н. Я. Марр отмечает то же явление в грузинском, мегрельском, сванском, абхазском, удинском и ряде других яфетических языков.¹

Мы несколько задержались на встречах баскского с другими яфетическими языками, так как этого требовала сложность и малоизвестность материала, а с другой стороны — характер анализа, которому его подвергает Н. Я. Марр. Баскский не просто введен им, таким образом, в круг яфетических языков; ему отведено в нем определенное место, и место это обосновано закономерностями яфетических языков, вскрытыми нашим исследователем, установившим основные типы их и важнейшие формы их скрещения. Но этого мало. Мало потому, что теория Н. Я. Марра устанавливает и ряд других, более широких положений, которые в корне меняют, между прочим, и представления о баскском и его месте в истории развития человеческой речи вообще.

„Баски, — писал он в 1924 г., — пережитки сплошного баскского населения от Лутеции-Парижа до глубин, а не до северной лишь каймы Пиренейского п-ова, где в то же время баски также не представляли своей речью одного баскского племени-примитива... В басках сидят лингвистически и другие яфетиды: иберы и т. д.“² Этим устанавливается сложный, скрещенный характер баскского и совершенно заново определяются отношения его к иберскому. Но из связи баскского с яфетическими языками Н. Я. Марр делал и другой вывод.

„Яфетические языки, в настоящее время представляющие реликтовые виды доисторического состояния речи первоначально сплошного населения Европы, Африки и Азии, прежде всего передней Азии, уже давно, за трансформацией ее путем скрещения в разноплеменную речь индоевропейского типа, остаются оазисами, по одному живому языку на Пиренеях (и с испанской и с французской стороны), и на Памире, и большой группой в весьма сложных разнообразных взаимоотношениях на Кавказе“.³ В массовых своих слоях яфетиды ниоткуда не приходили и никуда не уходили, а потому яфетический слой как известная глоттогоническая стадия имеется пережиточно во всех европейских языках.⁴ Впрочем, в такой широкой формулировке нельзя не учитывать яфетидологии или новой теории о языке, как ее принято называть теперь, и при исследовании вопроса о происхождении американского человека и в особенности „туземных“ американских языков. Пример этому подал сам же Н. Я. Марр своей работой „Происхождение американского человека и яфетическое языкознание“.⁵

Особый интерес представляет изучение баскского для романиста и специально для такого, который интересуется языками Пиренейского п-ова. С помощью баскского мы получаем возможность разобратся в вопросах латинской и романской фонетики. Так, напр., мы лишний раз убеждаемся в том, что лат. *s* перед *e* и *i* долго произноси-

¹ Origine..., 230.

² О яфетической теории, см. Избр. раб., III, 26.

³ Там же, 5.

⁴ Там же, 27.

⁵ Вост. сб., I, 167—192.

лось как *k*: ср. баск. *keratu* 'спешить' из лат. *celera(re)*, *p/bake* 'мир' из *расе*; в словах более позднего происхождения, укрепившихся в лексиконе в связи с христианством, мы имеем уже и более позднюю трактовку группы: ср. *k/gurutz* 'крест' — *сrise*. Как мы увидим ниже, баскский комментирует ряд явлений кастильской и каталанской фонетики. Помогает нам баскский и в работе над некоторыми особенностями пиренейско-романского синтаксиса, представляющими собой пережиток очень древнего положения вещей, к которым нам еще придется вернуться в связи с испанским. Большие услуги оказывает нам баскский и при изучении романского словаря. Так, он помогает нам разобраться в истории семантики ряда слов. В баск. *miatu* 'натравливать собак на добычу' мы имеем, напр., дело с древним значением *minare* (вм. *minari*), ср. франц. *mener* 'вести'. Греч. *κόλπος*, перешедшее в *colfus*, *colpus*, дано в „Thesaurus“ только в значении морского залива, бухты, между тем как Кассий Феликс говорит: *sinum mulieris quem Graeci golfum appellant*. Баскский дает нам *golc/go* в значении именно *sinus mulieris*, что заставляет вспомнить о сард. *groffu* 'сердце'. А рядом с этим франц. *gouffre* и ит. *golfo*, имеющие значение залива или пучины.

С другой стороны, сравнительный анализ баскско-романского и латинского материала вскрывает перед нами следы латино-романского влияния на баскский, оказывающиеся довольно значительными, во всяком случае более значительными, чем принято было думать прежде. Но вот здесь-то и возникает та опасность перегиба в ту или другую сторону. Перед романистом и баскологом в таких случаях встают большие трудности, проистекающие от недостаточной взаимоосведомленности исследователей. Вот почему Н. Я. Марр так подчеркивал настоятельную необходимость двустороннего подхода к материалу и важность для басколога не замыкаться в кругу баскского, а корректировать баскские данные данными других яфетических языков.¹ Но и при двустороннем подходе нужны большая осторожность и критический такт. Баскский материал бывает часто так переработан, что он может ввести в заблуждение даже самого опытного исследователя. Как показал Н. Я. Марр, это случалось не раз с Шухардтом, Уленбеком; впрочем, иногда может быть невольно и с ним самим.²

Далеко не все благополучно и в новейшем словаре П. Ланда, где все заимствованные баскские слова отмечены звездочкой,³ и даже в крити-

¹ Две новые работы Uhlenbeck'a по баскскому языку, 270.

² Так, напр., я затруднился бы принять предложенное Н. Я. Марром толкование баск. *guzter* || *geztera* || *estera* 'оселок', но и 'змеиное жало, язык', несомненно связанное с исп. *aguzadera*, обозначающим также 'оселок' [см. только что цит. работу Н. Я. Марра (271—273)]. Н. Я. связывает баскский термин с *ster*, *star*, содержащимися в *I-star*, *A-ster-ia* и т. п. Он аргументирует свое отрицательное отношение к романской этимологии тем, что термин *aguzadera* — 'надуманный', т. е. так сказать кабинетный, жбо он представляет собой сокращение *piedra oguzadera* 'точильный камень'. Однако мы имеем немало аналогий таким сокращениям в других языках: франц. *chaussée* < (via) *calceata*, лат. (aes) *Supreum*, (caseus) *formaticus* > франц. *fromage*, франц. *ramier* < (pigeon) *ramier* 'дикий голубь' или русск. 'на кривой не объедешь'. Обилие диалектических вариантов *gustera* не изумит никого, кто знает, насколько развита в баскском диалектическая дифференциация (L. L. Bonaparte. *Carte de sept provinces basques*. Лондон, 1863). Перенесение термина 'оселок' на змеиное жало, возможность которого Н. Я. склонен отрицать, однако вполне мыслимо в силу образного сходства; ср. ст.-фр. *teste* или сард. (в Логудору) *sonca* 'голова' (< *soncha*) и т. п. Заимствование еще отнюдь не значит, конечно, чтобы баски не умели точить металлического орудия при помощи камня. Если прототип ит. *nastro*, ст.-фр. *nasle* — готск. *naslō* 'шнурок', то это, конечно, никак не свидетельствует об отсутствии у римлян своего шнурка. Заимствования могут быть подсказаны целым рядом самых разнообразных соображений.

³ P. Lande. *Dictionnaire basque-français et français-basque*. Париж, 1926 сл.

ческой работе Г. Рольфса¹ Ланд дает к выделенным им словам этимологии. Но к сожалению они не всегда удовлетворяют, хотя бы потому, что автор недостаточно точно устанавливает источник; справляющийся в его словаре должен сам доискиваться, есть ли данное слово латинизм или романизм, а если романизм, то взято ли оно из старо- или ново-французского, из испанского или какого-нибудь определенного романского диалекта юго-западной Франции, не говоря уже о том, что неясным остается, книжного ли оно происхождения или прошло через живую речь. Не все слова так просты, как какое-нибудь *besta* 'праздник' < *feſta*, несомненно церковно-латинское слово; но уже *gauza* 'вещь', 'дело' возбуждает вопрос, почерпнуто ли оно из церковной или книжной латыни. Как показывают его форма и значение, *botoin* несомненно *boton* 'бутон'; но почему *botu* в смысле „почка“ восходит к *bouton* или *boton*, а в смысле „ряда зерен в колосе“ — к исп. *brotar* 'прозябать', подобно имеющему то же значение *boti*, остается неясным. Еще менее могут удовлетворить такие этимологии, как *boti* в смысле „вместе“, „сообща“, в которых Ланд склонен видеть рефлекс франц. *butin* 'добыча', хотя бы с вопросительным знаком. Подобных примеров можно было бы извлечь из одних только вышедших выпусков десятки. Но наша задача не полемика, как не является ею и обстоятельный перечень латино-романских элементов в баскском словаре или грамматике. Сейчас мы ограничимся небольшим рядом примеров с учетом источников и хронологии, откладывая более обстоятельный перечень на конец нашего очерка.

Много латинизмов дала, конечно, церковь: отсюда прошли *arima* 'душа' < *anima*, *balenoria* < *vana gloria* 'тщеславие', *b/pake* 'мир', *borondate* 'воля' < *voluntate*, *c/gurutz* 'крест', *berthute* 'добродетель' < *virtute*, *besta* 'праздник', *bate/ia*, *bathe/ia* и связанная с ними группа терминов, относящихся к крещению, *ele/iza* 'церковь' < *ecclesia*, *aphezpiku* (*ipizkipu*, *ipizticu*) 'епископ', *c/gorpitz* 'тело' (скорее всего церковное слово) и ряд подобных. К светскому источнику восходят *miriku* 'врач' < *medicu*, *atxeter* 'врач' < *archiater*, *arma* 'оружие' и 'орудие', *boronte* 'фасад', вероятно *liburu* 'книга'; к числу бытовых терминов следует отнести такие, как *aingi/era* 'угорь' (*anguilla* || *anguila*; ср. баск. *aingeru* < *angelu*); *antsar* 'гусь' (*anser*), *bastanaga* 'морковь' (*pastinaca*) || *phastenagre* и др. Насчет латинского следует, несомненно, отнести и *bortu* в значении пустынной горной местности, а затем и Пиренеев. В этом смысле *portus* сохраняется в испанском и португальском, а также в *port d'Espagne* „Песни о Роланде“, куда термин этот попал из пиренейско-романского обихода.² Что касается состава групп, то нельзя не заметить, что баскский сохранил иногда такие термины, которые в местных языках если и были, то давно исчезли из оборота. Таков, напр., *atxeter*, существующий в баскском рядом с более

¹ G. Rohlfs. Baskische Kultur im Spiegel d. lat. Lehnwortes в Festschr. Фюречу, Halle, 1927, 58 сл. Некоторые относят к числу латинизмов и *zamari* 'лошадь' < *sagmaricus*, первоначально — вьючная лошадь (*sagmar*). Н. Я. Марр напоминает по этому поводу форму *samal-* (*samal-dun*) 'всадник', букв. снабженный лошадью, как *adar-dun* 'снабженный рогами', 'рогатый', и связывает ее с *caballu*, *ka-mel*, евр. *ga-mal*, рассматривая ее как слово яфетического слоя. Баскское слово не вполне ясно и может быть истолковано и из латинского, с *r* > *l*, известным и баскскому. Баскские *saldi* 'лошадь' и *saldun* 'всадник' могут быть и простыми стяжениями *sa(ma)r/ldi*, *sa(ma)r/ldun*; *di* в первом обозначает собственно „совокупность“, „ансамбль“, и таким образом *sald-di* должно было бы первоначально значить „табун“ или „конница“. См. Н. Я. Марр. Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в доистории в Избр. раб., III, 132—133, 136. — Он же. К вопросу об историческом процессе в освещении яфетической теории. Там же, 167.

² Ср., однако, сомнения О. Schultz-Gora (Zs. f. rom. Ph., XXIV, 125, 195).

употребительным *miricu*. В других случаях баскский сохраняет латинскую форму в ее более полном архаичном виде. Таков баскский термин *arhezpiku* < *episcopus*, если сравнить его с исп. *obispo* или ст.-фр. *evesque*.

Ряд церковных терминов дал и романский источник: *beila* 'бдение, паломничество', общераспространенный в баскских диалектах Франции, связан, конечно, с южно-франц. соответствиями сев.-франц. *veille* (пров. *velha*, кат. *veilla*, исп. *vela*), *bizio* 'порок' — с исп. *vizie* и т. д. Южной Франции обязан баскский рядом терминов общего значения вроде: сулет. *acatatu* 'ласкать' (ср. *acatá*), обще-фр.-баск. *ausartu* 'осмеливаться' (*ausar*) и др.; или терминов специальных, как сулет. *arruket* 'дикий голубь' (гаск. *arroquet* к *gaucus*); может быть (если это не латинизм) *api* 'сельдерей' (южн.-фр. *api*, лат. *apium*), обще-фр.-баск. *beira* 'стекло' (гаск. *veira*, лат. *vitrum*), старинное обще-фр.-баск. *ar|lkhabuza*, *arkabusa*, *arkabos* 'аркебуз', 'ружье' и др. Французский (север и юг) дал между прочим: *aspre* 'неловкий, неуклюжий' (ср. ст.-фр. *aspre*, исп. *áspero*; баскское слово и семантически стоит ближе к французскому); *bastitu* 'строить', *bastiza* 'постройка' (фр. *bâtisse*), *butiga* 'лавка', но также и 'темное запутанное дело', возможно *animal* в смысле „огромный“ (*animalezco eche bat* 'огромный дом') и т. п.

Большое число заимствований падает на долю испанского, и это вполне естественно. Среди них мы имеем и термины общего порядка, как *arrasto* 'след' (исп. *rastro*), *asaldatu* 'смущать', 'надоедать' (исп. *asaltar* 'нападать'), *b|mañalu* 'купать' (исп. *bañar*); *burla* 'насмешка' (исп. *burla*), *botz* 'голос' [в прямом и переносном смысле] (исп. *voz*), *bixta* 'вид' (исп. *vista*), *destatu* 'целить' (исп. *adiestrar*), *descargatu* 'разгружать' (исп. *descargar*) и т. д.; термины хозяйственного или технического значения, как напр.: *azienda* 'имение', 'состояние', но и 'скот' (ср. *azienda-larri* 'крупный скот', *a.-tsu* 'богатый скотом'; частичка *tsu* означает „агента“; ср. исп. *hacienda*) и т. п. Не всегда является возможным установить источник с полной точностью, особенно когда вероятные оригиналы фонетически вполне или почти совпадают и когда у нас, кроме фонетики, нет других точек опоры. А между тем историческая фонетика баскского за отсутствием древних текстов не может быть построена. Так, *d|tafa|erna* 'трактир' может отражать и исп. *taberna* и франц. *taverne*, известное и на юге Франции. Равным образом *d|tafaila*, *-fala*, *dahala* 'скатерть' может быть связываемо фонетически с франц. *toaille* (франк.* *thwahlja*), *tovaille* и с исп. *toalla* (старое *tobaja*); однако значение „скатерть“ заставляет нас видеть в нем испанизм, так как французский термин сохранил только значение своего германского прототипа „полотенце“. Иные баскские термины созвучны, но имеют совершенно различное происхождение. Напр. *berma* 'убыль, потеря' можно связывать с юж.-фр. *b|merma* (к *minimare*) с тем же значением; но *berma* 'кость ноги' отвечает исп. *pierna* (лат. *perna*), а *berna* 'опора' (ср. также ряд сложных с ним) восходит к франц. *ferma|e*. Другим примером может служить слово *baха*, *basa* 'круча, пропасть', — несомненно, коренное баскское слово, сохранившееся в местной топонимике (*Basaga|tz* 'дурная, опасная круча', *Baxadun* 'овражистое место', 'terrain accidenté'); коренным же является и *baха*, *basa* в значении „дикий“, „пустынный“, яфетический характер которого вскрыт Н. Я. Марром;¹ наконец, *baха* в значении „понижения“, „уступки“, глагол *baхату* 'понижать', *baхатзе* 'становиться ниже, пониженным', ведет к ст.-исп. *baхар* с тем же значением.

¹ Origine..., 226—227.

Мы уже имели случай говорить выше, что баскский инфинитив представляет собой отглагольное существительное и образуется при помощи префикса *e-, i-* < *he-, hi-* и суффикса *-i* (после согл.) или *-n* (после гласн.): *i-khus-i* 'видеть' (видение), но *e-ma-n* 'давать'. На ряду с этим мы встречаем и более позднюю форму с *-tu*, весьма вероятно, латинского происхождения, сейчас широко распространенную в заимствованных словах: *senditu* < *sentitu*, *besarkatu* 'обнять', состоящую из *besarca* 'объятие' (в свою очередь из *besa* 'рука' — формы, употребляемой на ряду с *beso* в составных словах + *-rka*, образующее значение действия) + *-tu*, как *bestatu* 'праздновать', 'чествовать' < *besta-tu* или *bera-tu* 'смягчать' < *bera* 'мягкий' + *-tu* и т. д. Шухардт толкует суффикс *-ta*, служащий для выражения мн. ч., как мн. ч. к лат. *-etum*, образующему существительные с собирательным значением. Лат. *roburetum* (к *robur*) дало исп. *robledo* 'дубовый лес', 'дубрава'; ит. топоним. *Roveredo* имело первоначально то же значение. Баск. *engoi-tik*, возможно, следует связывать с южн.-фр. *ancoi* 'уже' (ст.-фр. *ancui*, венец. *ансио* — сложные с *hōdie*); конечное *-tik* — вариант к *-ik*, отмечающему исходную точку движения.¹ В таком случае мы имели бы баскизацию романского термина, какая имеется, напр., в многочисленных образованиях на *-dura*, в роде *bero-dura* 'жара' (к *bero* 'жара'),² *dei-dura* 'склонность' (к *dei* 'зов') или *-tura* в *berre-tura* 'увеличение' (к *berre* 'увеличивать'). Другим вариантом *-ik* является (обычно после гласн.) *-rik*, напр. *Roma-rik*, 'из Рима'. В связи с этим последним небезынтересно отметить одну романскую параллель. Баски выражают мысль „от отца“ в форме: *aitaren baitha-rik*, т. е. 'из отцова дома' или *aitaren ganik* > *aitaganik* (где *ga-n* есть инессив от *ga* 'дом'). Аналогично француз передает идею „от Тома“ через *de chez Thomas*, где *chez* есть *casa*, утратившее рефлекс конечного *-a* вследствие атонного положения слова. В таком же значении мы имеем в португальском формулу *em casa de*.³ В заключение отметим еще, что может быть на счет испанского надо поставить и баск. *ondo* 'после', совпадающее и в звуковом отношении с исп. *hondo*, т. е. *ondo* < *fundu*: баск. *bazkal-* (нар. *bazkari*) *ondo* значит 'после обеда', т. е. отрезок времени, основанием которого служит пора обеда. Возможно, что и *bazka* восходит к лат. *pasca*; оно обозначает и корм на пастбище и пищу.

2

Говоря об этнических и лингвистических представлениях греков в отношении Пиренейского п-ова, мы, кроме Тартессиды, Иберии в тесном смысле слова и Мастиены, отмечали еще кельтские области, Кельтику. Кельты появляются на полуострове, вероятно, уже в VII в. Памятниками их распространения за Пиренеями служат местные названия. Типичными и преобладающими являются названия на *-briga*, отмечающие укрепленные пункты, служившие опорными точками при водворении и расселении кельтов в стране.⁴ Названия *Segobriga*, *Conimbriga*, *Deobriga* и

¹ Шухардт видит в *-tik* сокращенное *-tegi* 'место', а в *-k* — знак агента.

² Этимологию см. Н. Я. Марр, Избр. раб., III, 58.

³ E. Gamillscheg. Et. Wb. d. frz. Spr., Гейдельберг, 1928, под *chez*.

⁴ Характерные для Галлии имена на *-dunum* на Пиренейском п-ове редки. Очевидно, этот тип укрепленных поселков здесь был менее подходящим. Ср. *Besalu* < *Basaldunum*, параллельное *Bezaudun* во Франции; *Navardú*, *Savardú*, *Verdú*, *Berdún*. Вовсе отсутствуют типичные имена на *-magus* (рынок), *-ritum* (брод); имена на *-acum* очень редки. А. Гольдер указывает как на кельтские на местные названия, начинающиеся с *Tala*: *Talabara* (Луситания), *Talamine* (Тарраг. пров.). Сюда же можно было бы отнести ряд *Talavera* (Лерида, Толедо, Бадахос, Касерес), *Talamansi* (Барселона, Мадрид), *Taladrid* (Овьедо), отмеченные Мейер-Любке. Но объяснить это *Tala* из кельтского нелегко.

Deobrigula, Talabriga, Lacobriga или *Brigantia, Brigantium* живут в современных *Segorbe, Coimbra, Bragança, Betanzos, Lagos* и т. п. Обосновавшись сперва в горных северных областях, кельты проникли затем южнее через верхнее Эбро на верховья Дуэро и Тахо, т. е. на центральное плоскогорье. О пребывании их в этих областях свидетельствуют те же названия на *-briga* и, возможно, название рек — *Deva* в баскской Гипускоа и даже Дуэро, хотя названия рек и гор оставались обычно докельтскими. По течению рек Дуэро и Тахо кельты начали постепенно спускаться в нынешнюю Португалию, куда они, впрочем, могли проникнуть одновременно и северным берегом полуострова через Галисию. Как раз по берегам Дуэро и Тахо и в Португалии имеется целый ряд местных названий на *-briga*. В V в. Геродот утверждает, что кельты жили у Геракловых столбов и у мыса св. Винсента, т. е. в южной Португалии и Галисии, где их отмечают и позднейшие историки и географы.¹

Около 400 г. под давлением кельтов, начавших продвигаться на юг по течению Роны, приходят в движение иберы южной Галлии. Вытесненные из старых мест поселения, они отхлынули обратно на Пиренейский п-ов, накопились в северо-восточном его углу и стали распространяться далее, оттесняя кельтов. Кельты и смешанные с ними кельтиберы сохранили за собой только запад и центр полуострова и северо-восточную часть центрального плоскогорья, Месеты (Куэнка, Гвадалахара, Сониа, Теруэль). Впрочем, далеко на восток они никогда не проникали. Сегобрига, господствовавшая над Сагунтом, представляет собой исключение.

Несколько позднее первых вторжений кельтов проникают на полуостров карфагеняне. Стремясь углубиться в область тартессов и встретив упорное сопротивление со стороны местного населения, финикийцы призвали на помощь пунийцев-карфагенян (VI в.). Отозавшиеся на это приглашение карфагеняне захватили постепенно в свои руки финикийские поселения и стали хозяевами положения в Тартессиде. Когда впоследствии после потери ими в итоге первой пунической войны (264—241) Сицилии Гамилькар решил создать на полуострове новый оплот карфагенского владычества на Средиземном море, он обратил свое внимание на восточное побережье; так возник Новый Карфаген, нынешняя Картахена, ставший центром карфагенских владений в Иберии, важнейшим торговым и военным портом и в то же время базой для проникновения в глубь страны. В последующие десятилетия был подчинен карфагенянами ряд местных народов; иные из них заключили с пришельцами „добровольный“ союз. С этой поры мы начинаем встречать местных жителей как материка, так и Балеарских о-вов в рядах карфагенских войск.

Кельтами был сооружен на Пиренейском п-ове ряд укреплений и укрепленных городов, развалины которых сохранились до наших дней. Оставили ли они по себе память в местных языках? Вопросы о следах кельтской речи в романских языках полуострова мы коснемся в следующем очерке. Что же касается до пережитков кельтского в баскском,

Если связывать его с брет. *tal* = front, то оно должно было бы дать в галльском **talos*, но тогда трудно объяснить конечное *-a*; если же допустить кельтское *tala-*, то в сложении оно должно было бы дать *talo*; ср. *Vernodubrum* 'ольховая вода, река' из *verna* + *dubrum*. Баскские слова дают в сложении перед гласными *o*: *a t*, *arth* 'кукуруза', но *artolato* 'кукурузный стебель', *arto-irin* 'кукурузная мука'. Таким образом, слова с *tata* вызывают серьезные сомнения, отмеченные еще и Мейером-Любке. См. A. Holder. *Altcelt. Sprachschatz*. Лейпциг, 1896—1904. — W. Meyer-Lübke. *Das Katalanische*. Гейдельберг, 1925, 162, 163.

¹ Галлеков или галлаиков (древнее население Галисии) связывает с галлами-кельтами, однако, только звуковая близость имен, так же как и артабров с атребатами.

то вскрытие их принадлежит к числу почти невыполнимых историко-лингвистических операций, так как баскский лексикон еще не достаточно изучен, а в силу отсутствия древне-баскского материала и слабой нашей осведомленности в области гальского мы лишены возможности построить, хотя бы приблизительно, историческую грамматику баскского языка и разобраться в вопросе о его связях с соседними языками в древнейшую эпоху. Все, что мы можем сделать пока, сводится к указанию наличия в баскском нескольких терминов, считаемых гальскими. Но далеко не все из них с достаточной убедительностью могут быть поставлены на счет кельтского; по крайней мере в отношении некоторых из них яфетидологи считают возможным предположить яфетические связи и отодвинуть их в область весьма отдаленного прошлого человеческой речи. Если же допускать как исходную кельтскую базу, то крайне трудным оказывается установление пути, по которому данный „кельтизм“ проник в местную речь полуострова, а тем самым и эпоху, когда это усвоение произошло.

Баск. *andera*/e 'девушка, хозяйка дома', но также 'пчелиная матка', напрашивается на сопоставление с гальским **andera* 'молодая корова', с которым связаны кимр. *anner* с тем же значением и ирл. *ainder* 'молодая женщина'. Обычно с этим **andera* сопоставляют и ст.-фр. *andier*, соврем. *landier* (вм. *l'andier*), южн.-фр. *endern*, катал. *anderris* и др., значения которых вращаются около значения „очага“. Связь с **andera* толкуется так, что очаг был украшен головами коров.¹ Не вполне понятен тогда только муж. род имен этой группы, да некоторые сомнения вызывает роль украшений, послуживших основой для обозначения такого предмета, как очаг. Возможно, что между **andera* и группой *andier* связи нет. В таком случае баск. *andera* стоит совершенно изолированно. Может ли оно быть заимствовано из гальского или связи здесь глубже? Н. Я. Марр заимствование, очевидно, отвергает и, относя термин к числу яфетических пережитков, сопоставляет его с греч. ἀνήρ — ἀνδρός, причем в исходной точке слово, по его представлению, не отмечало полового момента, а обозначало просто вожака, возглавлявшего производство первобытного коллектива. Это семантическое толкование требует, однако, дополнительной фонетической интерпретации.² С аналогичными сомнениями, неясностью и отсутствием надежной документации сталкиваемся мы и в ряде других случаев. Баск. *erreka* фонетически хорошо увязалось бы с гальск. **rīca* 'борозда', к которому, с другой стороны, можно было бы свести и ст.-фр. *roie*, соврем. *gaie*, пров. *rega*, пьем. (Канавезе) *gaia* 'полоса, заросшая травой, в горах'. Территориальное распределение термина может указывать на проникновение его в баскский из Галлии. Аналогичную картину дает *tēgia* 'хижина', известное северной Италии,³ Реторомании⁴ и баскской области. Ирландский знает родственное *tige*.⁵ То же характерное отсутствие слова в пиренейско-романских отражениях наблюдаем мы и в случае с *vērtrāgus* 'охотничья собака'. Нам известны его отражения в ст.-миланск. *veltres* и ст.-фр. *viautre*; в баскском оно дало *faldaracā*. Впрочем Н. Я. Марр рассматривает *vertragus* как яфетический термин, однако и на этот раз исходя исключительно из семантических соображений.⁶ Были высказываемы предположения, что баск. *e-karr-i* 'носить' следует связывать с *carigus*; но

¹ Meyer-Lübke. Roman. etymol. Wörterb. (REW), 3 изд., Гейдельберг, 1935, no. 449.

² К вопросу об историч. процессе, Избр. раб., III, 172.

³ *teza*, *tiza* и т. п.

⁴ *tedā*, *tega*.

⁵ Ср. также франц. топоним. *Arthies*, *Thies* (REW³, no. 8616a).

⁶ В тупике ли история матер. культ.?, 53.

Н. Я. Марр и это последнее слово толкует как яфетическое.¹ К группе кельтских терминов в баскском относят еще (*h*)*artz* 'медведь', сопоставляемое со ст.-ирл. *art*, кимр. *arth*; *ork/hatz* 'косуля', связываемое со ст.-ирл. *iorkos*, кимр. *iwrch*; *izoki* 'лосось' — ст.-ирл. *eo*, *iach*, кимр. *eog*; *mañu* 'корыто для свиней', с которым можно сопоставить *bâche* (сосуд для воды) и другие французские термины, повидимому, отчасти проникшие в южную Францию. Они предполагают базу **bassa*, **bassi*, франц. *bas* 'паром', которую некоторые исследователи считают гальской.²

В ряде случаев кельтизмы проникали в баскский относительно поздно и через вторые, если не третьи руки. Так, баск. *artiga* 'новь' калькирует араг. *artiga*, с которым связаны пров., кат. *artiga*, воспроизводящие **artica*. Если бы баскское слово восходило непосредственно к последнему, то оно сохранило бы *k*, как оно сохраняется в *marroca* < *vēr-gūsa*, *lucaica* < *lūsanīsa*, *domesa* < *dominīsa* и др. География термина и суффикс *-ica*, который баскский и иберский материал не позволяет поставить на их счет, говорят пока в пользу кельтского. Никаких сомнений не вызывает баскское *brageta* (к кельтскому *braca*) калька, гаск. *braguetto*.

Карфагеняне, сравнительно недолго распоряжавшиеся на полуострове и скоро вытесненные римлянами (206 г.), не оставили почти никаких следов в местных языках.³ То немногое, что может быть поставлено на их счет, прошло через римские уста и пришло, следовательно, позднее. Из пунийского почерпнула латынь, как полагают некоторые, *mapra* 'скатерть', сохранившееся в этом значении в льежск. *map*, франц. *nappe*, пьем. *mapa* 'тряпка', исп. *lapa* 'пленка на жидкости' или в значении 'плоского блюда' и сродных, в абруццк. *mappe* (большой плоский черпак для масла) и т. д.; идея полотнища сохраняется и в кат. *para* (обычно — 'веревка, за которую тянут сеть'). Другой реминисценцией о пунийцах считали *mapalia* || *magalia* 'хижина', 'палатка', будто бы живущие в кат. *mallada*, исп. *majada*, порт. *malhada* (но и *malha*) 'овчарня' (Диц). Однако фонетические трудности заставили отказаться от идеи сохранности *magalia* и обратиться к *maçila* в связи со значением 'петля', 'сеть', которое имело это слово.⁴

Некоторые считали пунийским название Испании. Римляне, пустившие в широкий оборот термин *Hispania*, использовали, совершенно естественно, готовое слово. *Hispania* и вариант его *Spania*, несомненно, древний термин местного происхождения; но едва ли кого удовлетворят чисто литературные его этимологии вроде той, которая связывает его с евр. *sâphan* 'скрывать', 'прятать', в силу чего *Hispania* обозначала бы скрытую страну, т. е. далекий край. *Hispania*, конечно, какой-нибудь этнический термин вроде Галлии, Британии и т. п. Возможно, что название южно-испанского города *Hispalis* близ Севильи как-нибудь связано с ним.⁵

¹ Термины из абх.-русс. этнич. связей, Агр., 1924, 21.

² См., напр., REW³, no. 862.

³ Пунийское влияние сказалось, однако, на иберском алфавите. Памятью о карфагенянах является, само собой разумеется, и ряд местных названий и прежде всего Новый Карфаген, нын. Картахена. Современный Кадис (*Cádiz*), в более древней своей форме Кадис, отражает арабскую форму *Qâdis*, воспроизводящую латинское *Gades*, сквозь которое просвечивает пунийское *Gadir* (ср. греч. *Gadeira*), к которому близок современный Агадир. Слово это по-пунийски означало 'укрепление'. По имени одного из сыновей Гамилькара назван важнейший порт Минорки, *Portus Magonis*, нын. *Mahón*, Маён.

⁴ V. García de Diego. Contribución al diccionario hispán.-etimológ. Мадрид, 1923, 376. — REW³, no. 5212. Баск. *malla* отражает исп. *malla* 'петля', 'сеть'.

⁵ Возможность яфетического истолкования термина *Hispania* указана Н. Я. Марром (Некоторые архитектурные термины в Избр. раб., III, 216).

3

Со II в. хозяевами полуострова становятся римляне. Начинается романизация страны (к ней мы еще вернемся в следующем очерке), имевшая своим последствием насаждение латинского языка и устранение языков туземных. Процесс этот шел крайне медленно, и северные области испанской провинции, в особенности прилегавшие к Бискайскому заливу, оказывали продвижению римской власти и римскому гнету самое отчаянное сопротивление. На племена северного побережья опирался возглавивший в половине II в. антиримское движение луситанский пастух Вириат; они же оказывали помощь героической Нуманции, занятие которой стоило римлянам огромных усилий (между 134 и 132 гг.); их же использовал в целях создания самостоятельной Испании и Серторий (80—72). Даже Августу все еще приходится бороться на севере полуострова с галлеками, астурами, кантабрами и васконами. Они продолжали жить по-своему, оставались варварами, сохраняли, очевидно, в той или иной мере древний родовой строй и не желали мириться ни с римским засильем, ни с римскими порядками. Конечно, отстоять традиционный строй полностью вся эта часть полуострова не могла. Это было мыслимо лишь в малодоступных горных областях. Тем не менее мы видим, что борьба на севере продолжается даже еще в эпоху владычества вестготов, водворившихся в Испании в V в. н. э. Появление в пределах испано-вестготского государства арабов в 711 г. застает короля Родриго вдали от центра, занятого подавлением восстания на окраине, в Наварре. Но в основном вестготам удалось сломить за почти 100 лет борьбы (580—673) сопротивление северян. Не пожелавшие подчиниться переселялись в соседнюю Аквитанию, куда они просачивались уже и ранее (напр. в 581, 587 гг.), как нам об этом сообщает Григорий Турский. Полунезависимое положение занимали баски, об активновраждебном отношении которых к франкам, нажимавшим на них с севера, и вестготам, давившим с юга, можно судить по рассказам Фредегария и „Песне о Роланде“.

С водворением арабов часть христианского населения Испании отошла, как известно, на крайний север, где в области Астурии и западной половины Пиренеев организовалось несколько самостоятельных государств, защищенных самой природой от вторжения неприятеля. Арабы не смогли овладеть этими отдаленными областями полуострова; но проникновение сюда элементов из более южных, романизованных его частей не могло, конечно, не отразиться на культурном облике далекой северной окраины и, в частности, на ее языке. Старая местная речь с той поры все больше теряла почву под ногами.

К числу этих мелких северных государств принадлежит, между прочим, и Наварра. Она образовалась между верхним Эбро, Пиренеями и Бискайским заливом, в юго-восточном его углу на притоке Эбро Арагоне и притоках последнего Эга и Арга.¹ В X в., в эпоху, к которой относятся первые достоверные сведения о Наварре, южная ее граница доходила до Нахеры, Туделы и Вальтерры, т. е. спускалась южнее Эбро, следовательно, нынешняя низменная часть Наварры, Ривера, имела в те времена гораздо более значительные размеры. Но видеть в названии Наварры, связанном с долатинским местным термином *pava* 'равнина', указание на то, что приэбрская низменность была исконной составной частью Наварры, у нас нет достаточных оснований. Само собой разумеется, что укрывшееся от арабов христианское население должно было оседать

¹ Там, где, как говорит испанская поговорка, *Ega, Arga y Aragon hacen al Ebro varón*, т. е. Эга, Арга и Арагон делают Эбро настоящим мужчиной.

здесь прежде всего в горах (нын. Монтанья) или на высоком наварском плоскогории, окружающем Памплону, а плоскогорие могло обозначаться тем же термином *pava*, который характеризовал как низменность, так и горную равнину.

В арабскую эпоху Наварра стала укрепляться и заселяться. Романский элемент в этой полубаскской стране значительно увеличился и в то же время Наварра растет территориально и начинает играть крупную политическую роль среди своих соседей. Кульминационной точкой ее развития в эту пору является эпоха Санчо Гарсеса III, прозванного Великим (1000—1035). В это время в состав Наварры входят, кроме нынешней испанской (верхней) Наварры, Баскония, как испанская, так и французская, а также области, прилегающие к Каталонии, Соврарве, Ривагорса и Пальярс, и даже некоторые части Кастильи и Леона. По смерти Санчо Наварра идет под уклон. Умирая, он разделил свои владения между своими сыновьями и тем самым положил начало распаду королевства, отдельные составные части которого в естественном порядке превратились в самостоятельные государственные единицы. Наварра и баскские земли достались одному из его сыновей; второму из них были выделены восточные области, составившие то, что стало называться Арагоном; третий получил „синьории“ Соврарве и Ривагорсу. В дальнейшем восточные области превращаются в самостоятельное Арагонское королевство; западные, как Ла Риоха, становятся достоянием Кастильи. Внуку знаменитого Сиды, Гарсиа Рамíресу, удается в 1134 г. восстановить Наварру, но только политически, не территориально. Сжатая с востока и запада Арагоном и Кастильей, относительно слабо населенная,¹ ослабленная территориально и политически страна была вынуждена ориентироваться на своих более сильных соседей, к числу которых, кроме Арагона и Кастильи, принадлежала Франция, где у наварской знати имелись издавна различные связи, начиная с семейных. Стремясь обезопасить себя от Кастильи, Наварра опиралась на первых порах на более близкий ей во многих отношениях Арагон. Позднее она сблизилась с Францией, экономическое влияние которой в стране было значительным и которая пыталась сама постепенно захватить ее в свои руки. Дело в том, что через Наварру пролегал головной участок новой дороги, связывавшей древнюю галисийскую святыню и цель интернационального паломничества, Сантьяго де Компостела, с Францией. Дорога эта была проведена еще при Санчо Великом.² Благодаря значительным удобствам по сравнению со старой она приобрела не только огромное значение как важный международный торговый путь, но стала привлекать и французских переселенцев, в большом количестве колонизовавших ее район.³ Впрочем, с французами сталкивали наварцев и крестовые походы,⁴ и борьба с арабами, на которую французы, на ряду с другими выходцами из европейских стран, устремлялись охотно в чаянии славы и добычи.

Связи с французами кончаются тем, что в 1234 г. наварскими королями становятся графы Шампанские.⁵ Шампанцев сменяют (1307) француз-

¹ В XV в. население Наварры не превышало ста тысяч. См. В. К. Пискорский. История Испании и Португалии. СПб., 1902, 90.

² Старый путь проходил, правда, по безопасным, но очень неудобным для передвижения местам, по долинам и возвышенностям ближе к берегу моря. Новый был проложен южнее, по более ровной местности, по линии Логроньо, Нахера, Бривьеска, Амая, Каррион.

³ Французские поселенцы осели главным образом в Памплоне, Пуэнте ла Реина, Эстелье, Лосаркос и Логроньо.

⁴ 8-й поход 1270 г., в котором наварцы участвовали под знаменами Тибальда Наварского.

⁵ В лице известного поэта Тибальда I, приходившегося племянником Санчо Сильному

ские короли в лице Филиппа IV Красивого, а с прекращением династии Капетингов (1328) — графы Эврэ (Evreux), т. е. опять-таки французы. В 1442 г. Наварра переходит к арагонцам, но в 1472 г. снова возвращается к французам, графам Фуа (Foix),¹ а с прекращением мужской линии этого дома — к графам д'Альбрэ (d'Albret). В 1512 г. южная (запиренейская) часть Наварры была завоевана Фердинандом Католиком (Арагонским) и оказалась таким образом возвращенной опять к связям с Испанией. Французское влияние пресеклось; в руках французов осталась только небольшая северная часть Наварры, так называемая Нижняя Наварра.

Данная нами краткая историческая справка устанавливает несколько фактов, характерных для истории Наварры и баскских областей, фактов, в значительной мере отразившихся и на судьбах языков этой части полуострова. Связи Наварры с Арагоном объясняют нам, почему язык ее близок к арагонскому; известная удаленность Наварры от крупных центров испанской жизни, некоторая замкнутость ее, ее малая доступность, благодаря которой она так долго и успешно отстаивала свои старые вольности, и — прибавим к этому — земледельческий характер страны и слабое развитие городской жизни, — все это вместе взятое делает нам понятным, почему язык ее отличается консерватизмом и сохраняет целый ряд архаических особенностей. Но к этому вопросу мы еще вернемся в очерке, посвященном испанскому. В данное время нас интересует баскский, который сейчас живет частично в Наварре, но который некогда являлся господствующим языком в этих припиренейских областях.

Баскские части Наварры постепенно отпали от нее и достались Кастилье. Алава отошла к последней окончательно при Альфонсе VIII Кастильском (1158—1214) в 1200 г.; Гипускоа, вероятно, тогда же; Бискайя — позднее, в 1379 г. Очутившись в составе Кастилии, они получили кастильскую администрацию, но не кастилизировались. Напротив — этот в старое время по преимуществу земледельческий край, крестьянство которого оставалась свободным, добился от Кастилии ряда прав и привилегий и с огромной энергией и упорством отстаивал свои фуэрос от всяких покушений центральной власти. Впрочем, новые хозяева, как и французы и кастильцы в Наварре, в течение долгого времени оставляли басков в покое, учитывая пограничное положение провинции, а также характер ее обитателей. Такие условия дали Басконии возможность развить и укрепить свою самостоятельность. У басков уцелел в значительной мере их социальный и бытовой уклад, их правовые порядки, сохранившие немало пережитков глубокой древности, которые позднее переплелись с наварскими и кастильскими элементами. В итоге Баскония превратилась в превосходную иллюстрацию к той характеристике, которую Маркс дает Испании, подчеркивая пестроту ее местной жизни, независимость ее провинций и разнообразие состояния ее общества.² Продолжали сохранять свои фуэрос и баски, очутившиеся под властью Франции, в областях Лабур (Labourd), Нижней Наварры и Суль (Soul). Здесь старые *fores* (фуэрос) были отменены революцией 1789 г. как остатки феодального порядка, и с тех пор французская Баскония превратилась в обычную французскую провинцию. В испанской Басконии с несравненно более многочисленным баскским населением попытки ликвидировать местные вольности в интересах абсолютной монархии начались в XVIII и продолжались в XIX в., когда всем подобным изъятиям

¹ Гастон IV де Фуа был зятем Хуана II, короля Арагона и Наварры.

² Соч., X, 721—722.

монархией была объявлена жестокая война. Наступление со стороны централистского правительства встретило мужественный и решительный отпор, объединивший самые разнообразные социальные группы, поднявшиеся на защиту старых вольностей страны. Силы были неравные, и в 1876 г. баскские фуэрос были полностью отменены; за басками были оставлены лишь кое-какие мелкие права в области управления, жизни общин и финансов. Но закон этот только теснее сплотил потерпевших поражение, побудил расширить требования и углубил баскское движение, которое отказалось от старой, еще слишком отзывавшейся средневековым программой и провозгласило своим лозунгом автономию Басконии. Между тем значительно развилась и окрепла баскская промышленность,¹ и ряды борцов пополнились новыми силами, представителями широких масс пролетариата и мелкой городской буржуазии. После установления республики (1931) борьба вспыхнула с новой силой; но первые республиканские правительства, поставившие себе задачей ликвидацию успехов революции, оказались враждебными автономии басков. Вопрос о ней разрешился лишь после победы народного фронта: в 1936 г. был принят и проведен в жизнь статут об автономии Басконии, в основе своей аналогичный каталанскому.

Говоря о Басконии, мы констатировали ряд условий, которые надолго поставили ее в особое, несколько изолированное положение, развили в ней сознание своей самобытности и в то же время немало содействовали ее успешной борьбе за свое национальное лицо и свою независимость. Баскония сохраняла, и отчасти сохраняет еще, в своем быту, в своей культуре, в своей психике и в народной поэзии много своеобразных черт, восходящих к глубокой древности, являясь в этом отношении аналогией таким удаленным от больших европейских центров частям Европы, как Тироль или некоторые районы Балканского п-ова, как Корсика или Сардиния. То же самое можно сказать и о французской Басконии.

Баскский деревенский дом своей крышей с широкими краями и балконом, идущим вокруг него, очень напоминает дома швейцарские и тиролевские. Он строится обычно из леса и крупного ломаного камня и состоит из двух этажей: в нижнем помещаются скот и орудия, в верхнем — жилье; сюда снизу ведет лестница, лепящаяся по наружной стене дома. Старый тип дома, впрочем, несколько иной: в первом этаже помещается кухня, по сторонам которой находятся жилые комнаты; за кухней — помещение для скота и кладовая; в верхнем этаже — амбар и сеновал. Первый этаж дома этого типа строится обычно из камня, который штукатурится, второй — из дерева. Крыша дома, обыкновенно двускатная, покрывается гнутой черепицей. В кухне имеется очаг, над которым висит большой котел. Для баскского дома характерна деревянная посуда наклонно-цилиндрической формы (*suilla*), пузатые глиняные кувшины и масляные лампы (*krisallu*). Характерен также способ кипячения воды при помощи раскаленных камней, которые опускают в жидкость. Для взрыхливания почвы существует особая железная мотыга с двух зубьях с короткой деревянной ручкой, прикрепленной сбоку с таким расчетом, чтобы рядом можно было поставить ногу для того, чтобы вдавить вилу в землю. Это так наз. *laya*. Интересны также сани для перевозки грузов (*lera*) и двуколка со сплошными колесами, примитивные плуги (*golde*), ручные молотилки (*irabiuza*, *chapita zaro*) и молотильные камни (*garriot*-

¹ Бильбао, центр провинции Бискайи и испанской металлургии, насчитывает 176 тыс. жителей; центр менее крупной промышленной провинции Гипускоа, Сан-Себастьян, имеет 86 тыс. жителей; Витория, лежащая в земледельческой зоне (пров. Алава), — всего 42 тыс.

zeco). Много старого, пережиточного сохранилось на побережье в быту рыбаков и моряков; рыболовство и мореходство являются давним занятием басков; в средневековую эпоху они занимались китобойным промыслом и забирались далеко на север, возможно вплоть до Сев. Америки, которую они знали, повидимому, уже до Колумба. В Бискайе, Гипускоа и Наварре с очень древних времен была распространена также обработка металлов, и связанная с нею терминология дает немало интересных для историка языка деталей. У басков сохраняется донныне традиционные костюм; у мужчин — короткая куртка, пестрый шелковый пояс и берет красного, синего или белого цвета, *boina*, *chapel*. До XIX в. баски носили короткие кожаные штаны вроде тех, которые носят тирольцы, широкополые шляпы, а также плащ, ныне почти вышедший из моды, и сандалии. Женщины носят сорочку, лиф, пестрый нагрудный платок и пеструю или цельную (красную либо синюю) юбку с яркими полосами по подолу. Замужние женщины кроме того покрывают голову куском белой ткани, так наз. *estalki*. Традиционные развлечения басков, игра в мяч, бой на палках (*makila*) и бег — восходят частично к отдаленному прошлому. Одной из любимых забав басков, древних горцев-скотоводов, являлся долго бой баранов, на который собиралось обычно много народа. Не менее искусны баски и в музыке и в пляске. Пляшут обыкновенно под звуки флейты (*silboti*, *chistu*) и барабана (*atabal*, *truntin*), имеющего длинную цилиндрическую форму, на котором такт отбивается палкой вроде тех, которыми ударяют в литавры; так исполняется, между прочим, *zortico* или *aurresci*, один из популярнейших баскских танцев. Любопытно, что в играх, как и на всевозможных собраниях, женщины и мужчины выступали в прежнее время отдельно, как самостоятельные игровые коллективы. Любят баски также, подобно тирольцам и другим горцам, пение взапуски, обнаруживая при этом большую находчивость и фантазию.

Уцелевшие кое-где остатки древних обычаев, поверий, суеверий, наконец, баскский фольклор бросают яркий свет на отношение басков к миру, природе и т. п. в древнейшую эпоху их истории. В стране горных потоков и ручьев большую роль играло почитание гениев воды (*amilami*, *lumin*); в стране дуба — культ дуба, в пережиточной форме сохранявшийся долго в почитании священного дуба Герники (*Guernicaco arbola*), превратившегося в своего рода политический палладиум и символ национальной свободы, перед которым в свое время происходили баскские земские собрания.¹ Солнце рисовалось баску в женском образе матери, *ama-andre*; луна рассматривалась как оплодотворительница растений. Скалы считались местопребыванием, царством Мари. Горец-баск населял в старину свои горы гигантами-циклопами, Алараби, Тартало.

Из календарных обрядов баскам известно, как впрочем и многим другим народам, сжигание старого года, производившееся в последний его день (*galerie*). В четверг, предшествовавший карнавалу, происходил сбор пожертвований на волков. Баскам было знакомо также представление о душе как о призраке-спектре.²

В обычном праве басков сохранялись долго пережитки матриархальных порядков. Не только в играх и плясках женщины выступали как особая группа; женщина занимала в баскском быту издавна самостоятельное положение и имела те же права, что и мужчина. В некоторых местностях, по данным, приводимым Эж. Кордье, существовал обычай наследо-

¹ Дуб этот находился близ г. Герника, разрушенного в 1936 г.

² J. M. de Barandiarán. La religion des anciens Basques. Enghien, 1923.

вания по женской линии: наследницей являлась старшая дочь, которая обязана была выплачивать деньги на содержание своим сестрам и братьям.¹ Кое-где долгое время сохранялась, повидимому, кувада.²

Кое-что из приведенного выше продолжает еще существовать в пережитках и в наши дни. Но большая часть стала историей, и если обрывки традиции еще держатся где-нибудь, то главным образом в деревне и преимущественно в поселениях, удаленных от городских центров и затерявшихся в горах. Развитие индустрии в испанской части Басконии, являющейся наиболее промышленной областью Испании, в которой сосредоточены основные залежи железной руды, дающей около половины испанской добычи, где находятся крупнейшие металлургические заводы, и в связи с этим рост городов, городской культуры, испытывавшей значительное влияние соседней Кастильи и зарубежных стран, — все это, взятое в целом, постепенно перестроило за последние сто лет старый уклад баскской жизни и продолжает оказывать свое действие и в настоящее время. За время мировой войны и позже выходу на более широкий культурный путь немало содействовало вовлечение Басконии, одной из важнейших частей Испании, в круговорот мировой политической жизни, а с другой стороны — обострение классовой борьбы, расширение круга активных ее участников и усиление в связи с этим международного общения и интереса к тому, что делается и чем живут собратья по борьбе за пределами родины. Во французской Басконии расшатывание местной бытовой и культурной традиции началось раньше, что объясняется, вероятно, и почти втрое меньшей численностью ее баскского населения и влиянием французской культуры, более мощной, нежели кастильская. Однако и эта французская окраина продолжает еще во многом держаться своих традиций.

4

С другой стороны, было бы ошибкой представлять себе испанскую Басконию, да и Басконию вообще страной, только недавно оказавшейся доступной влияниям извне. Язык ее, это зеркало истории народа, сохранил нам немало ценных данных, свидетельствующих о том, что и в более далеком прошлом изолированность страны была относительной. Новейшие лингвистические исследования позволяют нам вскрыть в баскском довольно значительный иноязычный слой, оставшийся вне поля зрения баскологов ранней поры. Выше, говоря о яфетидизме баскского, мы попытались коротко характеризовать основные группы баскских заимствований, а равным образом и те трудности, которые приходится преодолевать занимающемуся ими исследователю. Теперь, с целью показать издавность и широту связей Басконии с окружающим ее иноязычным миром, мы дадим несколько более развернутый перечень заимствований, отнюдь, однако, не исчерпывающий, так как это не

¹ E. Cordier. Droit de famille aux Pyrénées... et Pays Basques в Rev. d'hist. de droit franç. et étrang., V, Париж, 1859, 285 сл. Ср. ряд интересных данных по семейному праву у него же в „De l'organisation de la famille chez les Basques“ (там же, XIV, 1869, 332—366) и в „Le droit basque“ (там же, 576—605). См. также: J. Fr. Bladé. Études sur l'origine des Basques, 1869. Очень ценный материал по быту басков на рубеже между XVI и XVII вв. собран бордоским юристом Pierre de l'Ancre в „Tableau de l'inconstance de mauvais anges et démons“ (1610).

² G. Gerland в Grundriss Гребера, I², 408. Для фольклора и бытовых пережитков у басков см. Francisque Michel. Le pays basque, 1857. — J. Vinson. Les Basques et le pays basque, 1882. — Он же. Le folklore du Pays Basque, 1883. — G. Buschan. Ueber die Basken в Globus, т. 79, 1901 (здесь приведена и большая литература вопроса).

может входить в задачи нашего очерка. Слова, цитированные выше, мы в свой перечень, естественно, не включаем.

Как мы видели, довольно значительное количество терминов баскский заимствовал из латинского, при этом уже в довольно раннюю пору. Этим объясняется, между прочим, наличие в баскском слов, в которых переднеязычное с передается как *k*: *baki(na)* 'деревянное корыто для свиней' < *bassini*, *keriza* 'черешня' < **serēsea*, *kima*, *sima* 'грива' < *sima*, *keinu* 'угроза' < (*epis*) *cupium* 'серьезность, строгость' (ср. исп. *seño* 'нахмуривание лба', португ. *senho* 'серьезный вид'), рядом с *c/gu-* *rutz* 'крест' < *cruce* и т. п. Латинскими заимствованиями представляются напр.: *aculu* 'стрекало для волов' < *aculu*, не имеющие романских пиренейских соответствий; *bago* 'бук' < *fagu*, *bagalia* || *magalia* 'буковый жолудь' < *fagalia*; *cate* < *catēna* 'цепь' (как выше *baki(na)*); *dolu* 'боль' < *dōlu*; *errefau* 'редька' < *raphānu* (кат. *rave*, исп. *rábano*), с характерным *err* из *г-* и исчезновением интервокального *-n-*, как в *imía* (особая мера объема) < лат. (< греч.) *hemina*, исп. *hemina*; *garan* < *granu*, *lio* к лат. *linum*, исп. *lino*, или *miatu* 'натравливать собак' к лат. *mīnare* (вм. *-ri*); *ph* трактуется как в *trufania* < *theophania* (ср. *gebendu* < *defendere* рядом с *bago* < *fagu*, *besta* < *fēsta*, *bermatu* к лат. *fīrmare*, исп. *firmar*, кат. *fermar*, или *patu* < *fatum* и *turkila* 'веретено' < *fūrcilla*, где начальное *f-* трактовано как начальные же *b-* или *p-*). К той же категории заимствований можно отнести: *garau* 'зерно', *gela* 'комната' < *cēlla* (исп. *cilla* 'кладовая для зерна', 'комната', беарн. *cere* 'конюшня'), *gelari* < **cellariariu* 'заведующий погребом' (кат. *cellerer*, исп. *cillerero*), *golde* 'плуг' < *cūlter* 'лемех' (пров. *coltre*, беарн. *kudre*, араг.-нав. *cuitre*; ср. исп. *cu|otral* 'вол, предназначенный к убою'), *golco* 'женская грудь' < *cōlpu*, *gura* 'страстное желание', лат. *gūla* (с сохранением *u* < *ū*, как в ряде случаев: *кура* < *cūrra* 'чаша', *cumluru* 'полный' к *cūmūlu*, *mutil* 'парень, слуга' < *mūtilu* 'изуродованный, стриженный';¹ ср. исп. *mocho* 'комоль', 'сильно обрезанная лоза'; *motil*, *motril* 'полевой рабочий' — из баскского, *mochil* < *motil* + *mocho*; *ingude* 'наковальня' < *incūdīne* (исп. *ayunque*), *inguma* < *incūbu* 'домовой' (ст.-исп. *encovo*), *inguru* 'охват', 'объем' к лат. (греч.) *gūru* 'круг' (исп. *giro*); *ipuru* < *jēnīrēru* 'можжевельник', *cusita* (вид съедобного гриба) < *cūcūta* 'горшок' (в испано-португальском сохранились только производные: порт. *cogumelo* > исп. *cogomelo*); *madura* 'местность между двумя ручьями' < *radule* (ст.-исп. *paul*), *maida* 'квашня' < *magida* (греч.) (на плуострове только в порт. *malga*), *mandica* 'желудок' < *pantice* (ср. *magi* < *palus* 'столб, свая', *mujica* к *pressica*, *persica*; *mistilu* 'межевой камень' к *pistillum* и т. п.) и т. д.

В последнем издании этимологического словаря Мейера-Любке дано около 170 баскских слов, которые можно считать латинскими. Этот список является результатом новейших работ по баскскому лексикону таких критичных, широко осведомленных и обстоятельных исследователей, как Шухардт, Рольфс, сам Мейер-Любке и ряд других. И все же многое вызывает сомнения и должно быть оставлено под знаком вопроса. Так Шухардт возводит баск. *aba* 'соты' к лат. *favus*,² — следовало бы в виду *-us* ожидать в баск. *abo*, а *abai*, *abarasca*, *abaraits* 'соты' остаются необъясненными. Баск. *abere* 'скот' может передавать лат. *habere*, но его можно связывать фонетически и со ст.-исп. *haber*,³ обозначавшим,

¹ Ср. *mutildu*, т. е. *mutil-du* (где *du* — вариант *-tu* после *d* и *l*) 'стричь' к лат. *mutilare*.

² Beihefte к „Zs. f. rom. Ph.“, 6, стр. 31.

³ R. Menéndez Pidal. Orígenes del español, I, Мадрид, 1929, § 72, 1.

как существительное, между прочим, „имущество“, а семантически с пров. *aver* 'скот', со значением, сохранившимся в нормандском и, может быть, не безызвестным в свое время и на Пиренейском п-ове.¹ Принимать вместе с Шухардтом за исходную точку *ar(d)* 'овца' лат. *aries* трудно потому, что стяжение *ar(i)ete* вызывает сомнение.² Баскское обозначение круглолистого клена (*g*)*ast-igar* напоминает южно-французское, где мы имеем *agast* и *agar*, из которых первое восходит к лат. (< греч.) *acastus*.³ Баск. *agur* 'привет!' (приветствие) может быть воспроизведением лат. **agūrium*, но через посредство испанского, где *agur* совпадает с баскским и фонетически и семантически; *arca* 'ящик' может быть также испанским заимствованием, как *arte* 'западня', ибо исп. *arte* значит между прочим 'рыбачьи сети'. Равным образом *boli* может восходить к кат. *bori* < **ebōrēu* 'слоновая кость'; *bort* 'бастард' — к кат. *bort* 'мул, бастард' (исп. *borde*) < *bürdu*, так как на приведенных выше примерах мы видели, что *ü* может сохраняться. Из того же источника почерпнуто, может быть, и *errebes* 'грубый', кат. *revés* 'запутанный' 'затруднительный' < *rēvērsus* 'обращенный назад' (исп. *revieso* 'неуклюжий, нескладный'). Баск. *garden* 'прозрачный', но и 'медный купорос' < *cardīnus* 'цвет репейника', подозрителен сохранностью своего интервокального -n- (ср. *ingude* < *incūdine* и др.), а потому может быть просто воспроизведением исп. *cárdeno* 'синий'; баскское (*s*)*altza* 'ольха' не вяжется с **alisia* 'боярышник', с которым его пытается связать Шухардт⁴ фонетически. И многие другие вызывают сомнения.

Отсутствие древнего баскского материала не дает возможности построить историческую фонетику баскского, а потому мешает нам в ряде случаев решить вопрос об источнике заимствования. Дело осложняется еще и тем, что мы знаем только новый диалектологический материал, и следовательно тогда, когда диалектология могла бы рассеять известные сомнения, мы остаемся на распутьи. Подавляющее число латинских заимствований составляют существительные; группа прилагательных невелика; зато баскский словарь дает нам целый ряд глаголов, как напр.: *aculatu* к *acūleare* 'колоть'; *bermatu* к *fīrmare*; *berratu* к *ferrare*; *borogatu* к *prōbare*; *gebendu* (вм. *geben-tu*) к *defēndere*; *dolatu* 'обрубать' к *dolare*; *endelgatu* к *intellēgere*; *mastacatu* к *masticare*; *miatu* 'натравливать собак' к *mīnare*; *miatu* 'испытывать' к *mīrare*; *molitu* к *mōlère*; *mulicatu* к *mōllīcare* 'мягчить, мочить'; *pecatu* 'утомляться, страдать' к *pēcare*; *tharritatu* 'натравливать' к **interitare* и др.

Ряд лексических латинизмов проник в баскский через церковь. Сюда относятся не только специфические, церковные слова вроде *arhas* 'священник' < *paras* (греч.) 'епископ, аббат' (известное уже в III в.) *abendu* < *adventus* 'рождество', в баскском — ноябрь (ср. франц. *les avens*, южно-фр. *aven*); *begiratu* < *vīgilare*, *bekhatu* < *peccatum*, *bendicatu* < *benedicere* или *bereter* < *praebiter* || *presbyter* 'священник', *besta* < *festa*; *damu* 'вред, ущерб' < *damnu*; *deabru* < *diabolu*; *domesa* 'воскресенье' < *domi(ni)ca*; *done* 'святой' < *do(mi)ne* (зват. пад. молитвенного обращения, превратившийся в именительный); *ponte* < *fonte* 'купель'; *trufania* < *theophania*, но и термины вроде *bermatu* < *fīrmare*; *bermu* < *fīrmu*; *doa* < *dona* (мн. ч.); *doatu* < *donare*; *calamatica* 'шум' (в разговоре) < *grammatica* и т. п.

¹ Meyer-Lübke. REW³, no. 3958.

² Zs. f. rom. Ph., XL, 100.

³ Шухардт, там же, XXXII, 351.

⁴ Beihefte к „Zs. f. rom. Ph.“, VI, 36.

Если обратиться к значению терминов, то они распределяются между очень ограниченным количеством категорий. Отбрасывая сомнительные латинизмы и перенося многие термины в группу романских заимствований, мы останемся в общем при той же картине, так как эти последние располагаются почти по тем же отделам.

Центральное место занимают хозяйственные и технические термины; а те и другие по преимуществу сельскохозяйственного типа. С полевым хозяйством связаны: *mistilu* 'межевой камень' < *pistillu* 'пест'; *mukulu* (первоначально — 'груда камней' < *mūtulus* 'сооружение из камня', 'пограничный камень'; ср. ит. *mucchio* 'куча, копна'); *golde* (*cūlter*) 'плуг'; *laco* 'точило', 'виноградные тиски', 'кровельный желоб' < *lacus* 'чан', 'озеро' (ср. лангед. *lac* 'давяльный чан виноградаря', исп., порт. *lagar* 'чан', 'точило'); *garan* 'зерно' < *granu*; *labor* 'хлеб' (на корню) (ср. ряд романских отражений со значением хлеба на корню, обработки поля, семени и т. п.); *trisipu* 'ясли' < *praesēre* (исп. *pesebre*, порт. *preseve* и *perseve*). К той же категории терминов можно отнести: *buri* 'мельница' < **molīnu* (если это не заимствование из ст.-каталанского, где мы имеем теперь *moli*); *tobera* 'мельничная воронка' < *tūbūla* (исп. *tolva*); *murulu* 'ступка' < *mōdiōlu* (франц. *moueu*, галис. *miñou*); *phertica* 'дышло' < *reŕtica* (исп. *piertica*). Необходимые принадлежности деревенской жизни — *mailu* 'молоток' < *malleu* (исп. *majo* 'молотилка'), *ingude* 'наковальня', и обозначение такого важного в быту персонажа, как плотник, *maistru* (может быть, как и ст.-исп. *maistre*, французского происхождения?) — латинские термины. С домом и домашним хозяйством связаны такие слова, как: *maru* 'столб' < *palu* (исп. *palo*); *teila* 'черепица' < *tēgūla* (ис. *teja*, кат. *teula*); *entocatu* 'вымазывать' < **intūnīcāre*; *cate* 'цепь'; *cupa* 'кадка' < *cūpra* 'кубок' (кат. исп., порт. *copa*); то же *cupo* < *cūpa* 'кадка' (пров., исп. *cuba*); *maida* 'квашня' < *magīda*; *mortairu* 'ступка' < *mōrtariu* (кат. *morter*, исп. *mortero*, порт. *morteiro*); *sartagi* 'сковорода' < *sartāgīne* (как *ingude* < *incudine*); *unil* 'воронка' к *fūndībūlum*, скорее всего заимствование из южной Франции, где в гасконском *nd > n*,¹ откуда термин очень рано распространился на север и на юг; ср. пров. (en) *fonilh*, исп. *fonil* (очевидно из провансальского, как показывает его *f-*), брет. *founil*; *cula* 'веретено' стоит ближе всего к гаск. *colh* < *conŕcla* || *cōlŕcūla*; другой термин для веретена — *turkila* — восходит, как мы видели, к *fūrscīlla* 'вилочка' (исп. *horquilla*, пров. *forcela*); *soca* < *sōsa* 'канат' (пров., кат., исп., порт. *soga*); *cua* 'колыбель' < *cūpa* (широко распространено в северо-итальянском и ретороманском; в пиренейских областях — исп. *cupa* и производные: *küere* в гасконском и *cupacho* в Алаве); возможно, что *takila* 'палка' восходит к *basūlum*.

В латинском словаре следует искать источник для названия ряда растений, в особенности хозяйственных, а также и животных. К этим группам принадлежат, между прочим: *keriza* 'вишня' < **cerēsea* (|| *cerasea*) (исп. *cereza*, порт. *cereja*, пров. *serieiza*); *lio* 'лен' < *linu*; *mesŕeru* 'ирга' < *mēspīlu* (|| **nēspīlu*) (в южной Франции — *mespilo*, беарн. *mesple*, кат. *nesple*, исп. *nispola*, *nespero* порт. *nespera*; следовательно, баскский термин ближе к южно-французскому типу); *tujica* 'персик' (см. выше, стр. 25) к *ressica* (засвидетельствовано в „Append. Probi“, 149) (кат. *pressec*, исп. *prisco*, порт. *pesego*); *bifer* < *pīper*; *errefau* 'редька'; *cucuta* (род гриба), *bago* 'бук', *ipuru* 'можжевельник'

¹ Ср. беарн. *hene* < *findēre*, *houne* < *fündēre*, *prene* < *prendēre* и т. п. См. V. Lespy. Gramm. béarn., 74.

(кат. *ginebre*, исп. *enebro*, порт. *ju(i)mbre*, *jimbro*, *zimbro*); *malubì* 'земляника' < *marrubium* 'шандра' (кат. *malrubí*, исп. *marrubio*, порт. *marroyo*, галис. *marroulo*); *mihimen* < *vīmen* 'ива' (леон. *blima*, *brimba*, *bimbria*, аст. *blimba*, галис. *minvia*).

Из домашних животных можно отметить только *zamari* 'лошадь' (первоначально — вьючная < *sagmarius*, кат. *salmer*, исп. *somero*). Слово это, распространенное по всей Романии, от Балкан до Атлантического океана, Н. Я. Марр считает, однако, яфетическим и дает ему совершенно иное толкование. С домашним хозяйством связано и *mustërle* 'хорек' < *müstēla* и *miru* 'ястреб-куратник' < *mīlvus*, от которого образованы кат. *milá* и исп. *milano* (порт. *milhano* — испанское заимствование). За ними уже идут такие термины, как *mierle* < *meles*, других отражений которого мы на Пиренейском п-ове не наблюдаем; *espara* < *vēsra* 'шмель' (исп. *avispa*, аст. *aviezpara*; ст.-санабрийск. *abyēs-pura*, *ayespra*, порт. *bespa*), форма, фонетически наиболее близкая соседним испанским (беарн. *brespe*, кат. *vespa*), но их -г- мы находим и в энгадинском *veispra*; это -г- остается пока неясным. В заключение напомним *maripampqrona* (*uriparpalla*) 'бабочка', связанное, конечно, с *parīlio*, а с другой стороны с исп. *mariposa* со значением, толкуемым обычно как образовавшееся в какой-нибудь детской песенке (*Maria, rosa*).¹

К дому и хозяйству нас возвращают термины, обозначающие пищу, вроде: *lucaica* < *lūsanīca* (род колбасы), отражения которого мы встречаем в албанском, итальянском и ретороманском; *mustiu* 'яблочный сидр' < *müsteus*, вероятно в силу наличия в слове семантического оттенка „мягкий“, „свежий“, „недошедший“, „молодой“;² *siape* < *sināri* 'горчица'; *mīca* 'крошка' < *mīca*. С одеждой связаны *manca* < *manīca* 'рукав' (пров., кат. *manega*, исп., порт. *manga*); *matasa* 'моток' < *mataxa* 'шелк', 'моток' (кат. *madeixa*, исп. *madeja*, порт. *madeixa*).

Переходя к обитателям дома, отметим такие слова, как: *corpitz* 'тело', *golco* 'грудь' (женщины), *gura* 'страстное желание', < *gūla* 'глотка' (пров., кат., исп., порт. *gola*), *mandica* 'желудок' < *rapitice* (кат. *rapxa*, исп. *rapza* порт. *rapça*); *matala*, *matul* 'мясистые части тела' < *matūla* 'грудь' (женщины); *masaila* 'щека' < *maxilla*; *marroca* 'бородавка' < *verruca*; *mutil* (< *mūtilu*) 'парень, слуга' (см. выше, стр. 25) и нек. др.

Из латинского словаря почерпнуты некоторые метрические обозначения. Так *mila* 'тысяча' < *milīa* (кат., исп., порт. *mil*); *inguru* 'охват', 'объем' < *gyrus*; *imīa* (мера объема) < *hemīna* (см. выше, стр. 25). Баск. *marti* из *Martius* 'март'; *matuta* 'утро' < *matūtinu* (для рода ср. франц. *matines*); *oren* < *hora* — форма род. мн. ч. — объясняется тем, что слово извлечено из ответа на вопрос: который час?

Латинскому лексикону обязан баскский и такими терминами, как *lusi* < *lūsus* 'роща' (аст. *lugo*); *madura* 'местность между двумя ручьями' (см. стр. 25); *lapitz* 'шифер' < *lapīdiu* 'каменный'; *laun* 'ровный, равнинный' < *planu*. И из другой связи: *cumluru* 'полный' < *cūmūlu* 'куча'; *mutu* 'немой' < *mūtu*; *keinu* 'угроза' (см. выше, стр. 25) или *oore* < *honore* и нек. др.

Слова, которые мы можем поставить на счет готского, составляют совершенно ничтожную группу; при этом почти все они относятся к довестготской эпохе и имеют соответствия в ряде романских языков, т. е. были в общелатинском обороте. Так баск. *arroca* 'прялка', гот.

¹ Ср. романские названия майского жука, вроде сев.-ит. *Maria-vola*, *vola-vola*, франц. *marivole*, беарн. *volotaria*. О роли Марии в обозначении животных и метафорические выражения см. хотя бы примеры в REW³, no. 5358.

² Ср. семантические вариации терминов, приведенных в REW³, no. 5779.

rūkka, сохранившееся в итальянском (*rossa*), ретороманском (*rusa, rosa*), и на Пиренейском п-ове (порт. *rosa*; исп. *ruesa* — контаминированная форма). К такому же типу слов относится и **skilla* 'бубенчик, колокольчик', известное Реторомании, Галлии и полуострову, где каталанский дает нам *esquella*, галис. *esquilón* и баск. *eskila*. Впрочем, формы с -е-могут быть заимствованием из др.-верхн.-немецкого. Итальянское *squilla* вышло из провансальского (*esquilla* || *esquella*), но передача пров. *sk-* через ит. *squ-* не вполне ясна. В сущности одно только баск. *eskatu* 'требовать' представляет собой пиренейский готский термин **aiskôn*, нем. *heischen* (англосакс. *āscian*, англ. *ask*) 'требовать', аст. *ascar* 'добывать, доставать' (ср. *tascôn*, исп., порт. *tascar* 'рвать, щипать'). За пределами полуострова мы его не встречаем.¹

Арабский слой в баскском представлен исключительно заимствованиями из вторых рук. Такие слова, как *albardon* 'упряжь', *almadraca* 'матрац', *almute* (мера сыпучих тел), *almirez* 'ступка' и др. воспроизводят соответственно каст. *albardón*, *almadrague* (встречается только на полуострове), *almud* (также), *almirez* (каст.) и т. д. Непосредственно из арабского проникло в баскский *bondoka* 'шарик', принявшее здесь форму *mond(z)ongo*, которая снабжена баскским суффиксом. Этот баскский термин перешел затем в испанский в виде *mondongo* 'фаршированные кишки', 'рубцы'. Из испанского производного *almondiguilla* вышли ломб. *mundegili* и кат. *mondonguilla*.² Другим заимствованием из арабского является баск. *tarticu* (араб. *tartaka* — растение „не-тронь-меня“), несколько напоминающее по форме уменьшительные на -со. Испанский и португальский дают фонетически несколько отличную форму *tártago* с тем же значением (и рядом переносных). За пределами этих двух языков и баскского мы термина этого в Романии не встречаем.

Иную картину дают нам баскско-романские отношения. Здесь мы имеем целый ряд заимствований и в том и в другом направлении. Если обратиться к словарю Пьера Ланд,³ посвященному главным образом лексике баскских диалектов Франции, то не трудно будет констатировать наличие в нем значительного количества французских заимствований. Кое-что из них восходит еще к средневековой поре, к начальному периоду французо-баскских отношений, о котором мы говорили выше. Так возможно, что *azita*, обозначающее в баскском „тарелку, блюдо“, восходит еще к эпохе старо-французского, в котором имелись оба значения *assiette*. Баск. *bargot* (|| *barbot*) связано и фонетически и семантически с французским *marcotte* (отводок растения, прикапываемый, а затем отделяемый от ствола, после того как он даст корневые побеги). В конце XIV в. мы имеем и *marcot* (м. р.), в том же значении. Термин *marcotte* мы встречаем в Италии (*margotta* и др.), и в Испании (*amorgonar*), и в Каталонии (*morgó*). Всю группу сопоставляют обычно с лат. *mērgus* 'водолаз', 'виноградный черенок', сохранившиеся в этом виде в ит. *mergo* 'нырок'. Баск. *barkhe* 'котел для варки смолы' напоминает франц. *barque* 'котел красильщика тканей'; но то же значение имеет и кат., исп. *barca*. Франц. *barque* — слово, заимствованное из итальянского или провансальского: в итальянском мы такого

¹ О германских заимствованиях в баскском см. Uhlenbeck. Paul-Braunes Beiträge, XVIII, 397—400; Euskara, XVII, 103.—Meyer-Lübke. Romanische Namenstudien. Sitzber. Венской Акад. Наук, т. 149 (филос.-ист. сер.), 1904, т. 184, 1917. См. также цит. его статью „Das Baskische“ в „Germ.-rom. Monatschrift“.

² Араб. *bondoca* отразилось в исп. *albóndiga*, порт. *almóndega* 'фрикаделька, шарик из мяса'. Исп. *mondejo* ('копченый поросятчий желудок, фаршированный рубленым свиным мясом'), повидимому, образовалось на базе *mondongo*.

³ P. Lande. Dict. basque-français et français-basque.

специфического значения термина не встречаем. Вполне вероятно, что оно южно-французское, усвоенное затем и на полуострове. Но конечное -е баскского и то обстоятельство, что оно имеется только в сулетинском диалекте, позволяет предположить, что слово проникло сюда из французского.

Мы отнюдь не собирались давать читателю полного списка лексических галлицизмов. Мы просто хотели подтвердить общее положение несколькими конкретными примерами. Само собой разумеется, что число поздних французских заимствований значительное. В особенности много их, конечно, в баскских диалектах Франции. Более детальное изучение баскской речи вскроет, несомненно, следы влияния французского и за пределами лексикона.

То же самое произойдет и в отношении испанского и соседних наречий южной Франции. Воздействие последних ощущается в особенности на языке французских басков. К сожалению фонетическая близость испанских и южно-французских форм часто мешает нам установить с достаточной точностью исходную точку: *adoratu* и *alba* 'заря', напр., могли быть усвоены и из испанского, и из какого-нибудь южно-французского диалекта. В некоторых случаях фонетика, лексическая география и семантика приходят нам на помощь. Так *aboa-tu* (|| *agoa-tu*) 'признавать' представляет собой точное воспроизведение гаск. *aboná*; *aboni-tu* 'одобрять' передает гаск. *aboní*; *adret* 'ловкий, искусный' — *adret*; *acaba-tu* 'завершать, заканчивать' — *acabá*; *acaza-tu* 'охотиться' — *acassá*, *amí* 'лакомка' — беарн. *ham* 'голод'; *apeü* 'приманка' — *apéu*; *aicona* 'дротик' — беарн. *haicon* (< *falcone*?); *bara* 'остановка' — *bara*; *oar-tu* — беарн. *gorar* 'замечать' (к герм. *warôn*) или др. Из испанского или каталанского почерпнуты: *abazera* 'шквал' < *aguacero* (для фонетики ср. *abudo* 'ловкий' < *agudo*); *alacran* 'длиннохвостая черепаха' (араб.) < *alacran*; *alambre* 'железная проволока' < *alambre* (|| *arambre* < **aramen* || *aeramen*); *alcabus* 'аркебуз' < *alcabuz*; *altxa-tu* 'поднимать' < *alzar*; *anega* 'фанега' (мера сыпучих тел) < *fanega*; *arambre* 'медь' < *arambre* (см. выше) 'медная проволока'; *arraitu* 'раскалывать' семантически и фонетически сближается с исп. *rajar* 'колоть, раскалывать' (к лат. *radŭla* 'скребок', исп. *raja* 'щепа, осколок'), французские и каталанские родичи которого семантически, однако, отклоняются (франц. *raille* 'кочерга', франц., пров., кат. производное *raillon*, *ralhón*, *ralló* 'стрела'); *arrama* 'крик' (животных), 'рычание' и т. п. < *bramar* (пров. и пирен.) < герм. *brammôn*; *asericina* 'спор' < исп. *sarracina* 'драка'; *ayo* 'дворецкий' < исп. *ayo* (гот. **hagja*?); *babil* 'светильня' < пров. или кат. *pabil* (< *parīlu* || *parŭru*); *basailao* 'треска' (< исп. *basailao*); *barrila*, *barala* 'челюсть', кат. *barra* 'челюсть' (к **barra*); *denbora* 'время, промежуток времени' — исп. *tempora* 'квартал года'; *garabantsu* 'боб' — исп. *garbanzo* (*ĕrĕbĭnthus*); *garanga* < исп. *carámbano* 'ледяная сосулька' (*caracŭlum* 'столбик'); *maila* < исп. *malla* < *masŭla* 'пятно'; *muscada* 'кусочек, взятый в рот на пробу' < ст.-исп. *moscada* (к *mōrsicāre*); *obi* < ст.-исп. *fovia* 'яма' < *fovea* и др.

В свою очередь ряд баскских слов попал в оборот романских языков и, прежде всего, конечно, пиренейских. Так мы встречаем баск. *abarca* 'открытый башмак' в беарн. *abarque* (исп., порт. *abarca* 'башмак из сыромятной кожи'); *agorr* 'сухой, высохший', 'сентябрь' (*agorr-il*) — беарн. *abor*, Ланды, Жиронда — *agor*, араг. *agüero*; *ametz* (род. дуба) — исп. *mesto* (то же); *anscoa* 'уголь' — исп., порт. *ascua* 'раскаленный уголь'; может быть с *barro*, *marro* 'годовалый ягненок' следует связывать целую группу романских слов припиренейских областей, как гаск. *marri*, кат. *marrá*, исп. *marrón*, араг. *mardano* (с характерным для баскского чере-

дованием *rd* — *rr*), имеющих значение барана или козла.¹ Баск. *batzarre* 'собрание' было целиком взято гасконским: *batzarre* 'спор, шум'; *bizcarr*, *bizkerr* 'спина', 'хребет горы', 'конек' (крыши) — беарн. *biskere*, в несколько измененном виде *biskle* и лангед. *biskro* 'конек'. Баск. *burgi* 'крушина' отразилось во франц. *bourge épine* (ср. образование *bourjaine*, *bourdaine*); *elur* 'снег', *elhur-te* (суфф. *-te* обозначает время, пору) — исп. *alud*, араг. *elurte* 'лавина'; *estalbe* 'защита', перешедшее в Каталонию, южную Францию (кат. *estalviar*, пров. *estalbiar* 'копить') и распространившееся до Берри, Лиона и Пьемонта; *gapar* 'терновник', откуда беарн. *gabarro* 'колючий дрок', армянск. *garrabu* и дальнейшие образования, как пров. *gavarrer*, гаск. *garabié*, кат. *gavarrera*, обозначающие различные колючие кустарники; *urraca* 'сорока' — исп. *urraca* то же; *urruta* 'воркованье' — исп. *gurrutina* ('чрезмерная покорность мужа жене'); *seinzai* (*sein* 'дитя' + *tzain* 'сторож') — исп. *cençaya* 'няня', Алава *cençau*; *laya* 'мотыга' — исп. *laya* 'заступ'; *tuga* 'граница' — ст.-исп. *tuga* 'пограничный камень' (*mogote* 'одиноко стоящая гора', *mogotes* 'скалы'), аст. *tuëga*, *buëga* (с характерным для баскского чередованием *m* и *b*), ст.-порт. *togo*, галис. *mogón*; *narra* 'сани' — исп. *narría* 'сани, горные сани', 'полоз'; *tšacur* 'собака' — исп., порт. *cachorro* 'щенок, молодое животное', араг. *cochurro* 'собачка' (репейника); не вполне ясны взаимоотношения баск. *tšapar* 'низкорослый дуб' и исп. *chapparra*, порт. *chapparro*, 'каменный дуб', исп. *chāpparral* 'колючий кустарник', так как баскское слово может быть заимствовано из испанского и др.

Насколько можно судить по рассмотрению романских заимствований в баскском, они принадлежат самым разнообразным семантическим группам, т. е. относятся к различным сторонам жизни и деятельности баска. В баскском литературном языке заимствованных слов, естественно, больше, в особенности в области науки и техники. Однако более точные выводы мыслимы только на основе детального анализа баскского литературного языка, который пока изучен еще далеко не так обстоятельно, как литературные языки соседних народов. Впрочем, и в области романских слов в баскском вообще, т. е. в живых его диалектах и говорах, еще далеко не все ясно. Вопрос о составе баскского словаря привлекал относительно недавно внимание исследователей и дал пока далеко не всегда вполне прочные результаты. Несомненно, много нового и любопытного должно дать изучение баскской лексики в связи с другими яфетическими языками, но это пока дело будущего. На этом пути, несомненно, многое будет поставлено на свое место, если только яфетидолог и романист будут работать в контакте; только их объединенными усилиями может быть освещен надлежащим образом состав словаря народа, являющегося живым памятником человеческой речи очень древнего типа, языковым островом, окруженным морем романских наречий, речи иного склада, развившейся, однако, на глоттогонически родственной подпочве.

В этом плане сравнительного изучения романского и баскского вскроется несомненно и ряд точек соприкосновения, лежащих вне области словаря, в сфере фонетики и, особенно, синтаксиса. Кое-что окажется при этом результатом влияния, как мы это отмечали выше, кое-что — пережитком древней стадии развития, общей для языка обеих сопоставляемых сред. Но сейчас все это остается в сфере программы на будущее, когда басколог станет в достаточной мере яфетидологом и романистом, а романист яфетидологом и баскологом.

Баскские слова, попавшие в романский оборот на памяти истории, не термины, уходящие в глубь так наз. „праистории“, — баскские заим-

¹ Их возводят к *magro*, о чем неизвестного происхождения.

ствования принадлежат довольно ограниченному кругу понятий. Это по преимуществу термины, связанные с лесом, с миром растений, с горами и пастбищами и только отчасти с хозяйством, домом. Так говорят приведенные нами выше образцы. Мы дали их довольно много, но, конечно, не исчерпали материала: не мало относящихся сюда слов вскроется, несомненно, при дальнейшем изучении испанских и южно-французских баскских диалектов. Это даст возможность исправить нашу характеристику; но едва ли она изменится по существу.

5

Одним из наиболее замечательных и выразительных созданий баскского народа, корнями своими уходящих в самое отдаленное его прошлое, является его язык.

Занимаемая им в наше время территория несколько отличается от той, которую он занимал в средневековую пору. Во Франции сейчас — это районы Байонны и Молеона (Mauléon) в деп. Нижн. Пиренеев, отвечающие старым провинциям Лабур (Labourd), Нижн. Наварре и Суль (Soule); в Испании — провинции Алава, Бискайя и Гипускоа, т. е. так наз. Баскские провинции, и, частично, округ Памплоны в провинции Наварра. Южная граница современной области баскского проходит севернее линии Эстелья — Тафалья. В средневековую пору она проходила южнее ее, по Эбро. За нынешним рубежом лежит ряд поселений с баскскими названиями вроде Эчаберри, Байгорри, Бенагорри и др. От Эбро граница баскского спускалась приблизительно к устью Арагона, шла отсюда на Уэску, огибая ее с севера, приближалась затем к Барбастро, но обходила его и севернее его лежащий Граус, спускалась опять на юг к Монсону, огибала его и отсюда начинала подниматься в северо-восточном направлении вплоть до Андорры, оставляя в стороне Тамарите и захватывая Тремп и Сорт. Начиная от Арагона, она отходила, таким образом, от Эбро к северу. Как раз эта последняя ее часть шла параллельно большой римской дороге, проходившей от Тарраконы через Лэриду, Барбастро и Уэску на Сарагосу, чтобы потянуться затем далее вдоль правого берега Эбро на Логроньо. Таким образом очертания границы диктовались влиянием римской или романской культуры. Последняя довольно рано проникла на север по долине Арагона. Эта область носила долгое время название Романсадо (Romançado), т. е. романизованной области. И действительно, местные названия дифтонгируют лат. *ё* и *о*, иными словами романизация проникла сюда в ту пору, когда процесс дифтонгизации этих гласных был еще в полном разгаре. Знает дифтонги и лежащая восточнее территория Соврарве, Ривагорсы и Пальярс, т. е. вся территория Верхн. Арагона, включая небольшой кусок западной Каталонии. Именно, к этим областям относятся баскские местные названия вроде Ламбьер, Ласкуарре, Арагуэс или полуроманские Монтиберри, Патернуй и т. п.

Перечисленные выше современные баскские территории Франции и Испании заняты говорящими по-баскски не сплошь. Наварра, напр., менее, чем наполовину, в Алаве же баскской по языку является всего $\frac{1}{10}$ часть области.¹ Общее число говорящих по-баскски Люсьен Бонапарт определял в 1873 г. в 660 000 в Испании и в 140 000 во Франции.² По

¹ См. P. Broca. Sur l'origine et la répartition de la langue Basque. Basques français et Basques espagnols в Revue d'anthropol., 1875.

² Francisque Michel. Le pays basque, 193 с. В. Минлос („Испания“, Лгр. 1937, 5) определяет общее число испанских басков более чем в 800 000 человек. В „Испания в цифрах“ (Партиздат, 1936) число басков отдельно не подсчитано. Население же Басконии и Наварры определено здесь в 1 281 000 человек (стр. 52—53).

более новыми сведениям (1930) число испанских басков достигает 440 000, французских — 200 000 человек. Кроме того, около 100 000 басков живет в Южн. Америке, преимущественно в Монтевидео и Аргентине, где у них имеется своя пресса и свои национальные организации. Эта группа переселилась сюда между 1865 и 1875 гг., главным образом после падения республики и жестокого подавления автономистского движения в Басконии, возобновившегося с новой силой в эпоху революции 1867 г. и годы республики. Еще раньше, в период экономического упадка Испании и резкого вздорожания жизни в XVI в. и в следующем XVII в., при последних Габсбургах, когда вслед за материальным истощением настало политическое крушение Испании и на посягательства на старинные вольности центрального правительства народ ответил восстаниями (1631 г. в Бискайе), — в эти тяжелые времена баски в значительном количестве выселились в Мексику, где одна из провинций даже получила название Новой Бискайи.

В Испании между границей сплошной баскской территории и территории испанского языка тянется местами довольно широкая (з особенно в восточной половине) полоса двуязычного населения; во Франции границы соприкасаются непосредственно и такой зоны нет. Иначе говоря, в Испании наблюдается некоторое отступление баскского, тогда как во Франции нынешняя граница между баскским и французским почти совпадает со средневековой. Объясняется это тем, что в Испании баскский соприкасается непосредственно с кастильским, тогда как во Франции соседями его являются южно-французские диалекты, не могущие претендовать на какую-нибудь особенную роль и влияние.

Старейшим дошедшим до нас памятником баскской письменности является сборник религиозных и любовных пьес, 1545 г., Бернарда Дечепарре (Decheparre), священника в Сен-Мишеле близ Сен-Жан-Пье-де-Пор. Несколько моложе перевод „Нового завета“ на лабурдинский диалект, сделанный Лейсаррага (Leizarraga) и относящийся к 1571 г.¹ „Песня Лело“ („Leloaren cantua“) о борьбе басков с Августом, в которую еще верил Кл. Фориель,² оказалась позднейшей фальсификацией. Мистификацией является и „Altabiscarco cantua“ („Песня об А.“), сложенная будто бы по поводу поражения Карла Великого басками при Альтабискаре.³ Как мы знаем это теперь, „Песня об А.“ была написана сперва по-французски Франсуа-Эженом Гаре де Монглав около 1833 г., а затем переведена на баскский Луи Дюальдом из Эспелетт, бывшим в ту пору студентом в Париже. Древними, как литературная форма, являются баскские „пасторали“, драматические произведения, связанные со средневековыми мистериями,⁴ пользующиеся и до сей поры широкой популярностью среди басков и превратившиеся в народную форму. Они черпают свое содержание из библии, легенд, но также из сказок и истории. Совершенно светский характер носят баскские комедии и фарсы, восходящие как формы к глубокой древности; они связаны с обрядами и дают много любопытных аналогий для истории обрядовых действ и игр.⁵ Древними являются конечно песни, сказки и другие подобные памятники фольклора.⁶

¹ Переиздан Linschmann'ом и Шухардтом в 1900 г.

² См. его „Hist. de la Gaule mérid.“ (III, app. III).

³ Холм, соседний с Ронсевалем, где происходит действие „Песни о Роланде“.

⁴ G. Hérélle. Le répertoire du théâtre tragique basque, 1928. — Он же. Les sources des pastorales et la méthode du travail des pastoraliers в Gure Herria, II, 691—701. — J. Saroïhandy. Le pastorale de Roland, 1927.

⁵ G. Hérélle. Théâtre comique basque, 1929.

⁶ J. F. Cercand. Légendes et récits pop. du pays basque, 1875—1882. — J. Vinsón. Le folklore du pays basque, 1883. — De Azkue. Cancionero pop. vasco (с музык.

Как и в других странах Зап. Европы, религиозная тематика играла в старой баскской литературе значительную роль. Учитывая недоступность латыни, превратившейся в мертвый язык, церковь обратилась к языку народному, используя его для проповеди, для поэзии и т. п., дабы сохранить над паствой свою власть и влияние. Почти везде в Зап. Европе первые памятники письменности были в то же время памятниками церковными.

Но к XVI в. светская письменность на народном языке успела уже вырасти в крупную силу, а между тем баски начинают как будто сначала. Объясняется это тем, что именно расцвет светской литературы у соседей создавал для культуры баскского невыгодные условия, так как ему трудно было конкурировать с кастильским или французским, на котором и писали те из басков, которые занялись литературой. С другой стороны, оживление религиозных интересов в XVI в. ставило на очередь религиозную тематику и, как и в раннем средневековье, стимулировало писательскую инициативу духовенства. Таким образом наличие ряда произведений религиозного содержания в ранней баскской письменности представляет собой явление вполне закономерное. Но в баскской письменности мы наблюдаем и еще одну своеобразную черту.

Духовенство снабжало читателя-баска не только духовной, но и светской литературой. Более мощные соседние языки и литературы отвлекали от баскского языка и литературы все сколько-нибудь значительные местные творческие силы, как и местного читателя, более или менее образованного. Баскский язык был предоставлен „малым сим“, писателям, не претендовавшим на европейскую репутацию, и читателям, жившим своими скромными, но родными интересами. Такими читателями оказалась деревенская и городская масса, „низы“; писателями — грамотные, находящиеся с ними в постоянном общении и стремящиеся руководить ими представители духовенства. Отсюда баскская литература принимает несколько специфический характер: религиозные ноты играют в ней довольно значительную роль; но гораздо характернее, может быть, несколько узкая, местная ориентация пишущих. И такое положение вещей оказалось довольно длительным. Но за всем тем нельзя не отметить, положительной стороны деятельности писателей из духовенства, продолжавших упорно писать по-баски и создавать баскскую литературу и читателя-баска. Они культивировали родной язык масс, они поддерживали интерес к нему и поднимали значение написанной на нем литературы. Они были первыми баскскими стилистами и первыми хранителями традиций языка; они помешали вытеснению его из литературы более сильными соперниками и поддержали привычку к чтению по-баски. Как люди, близко стоявшие к местным интересам, зачастую сами вышедшие из народа, они, скромные литературные работники и патриоты своей Басконии, упорно отстаивали идею народности, уважение к родной речи и воспитывали любовь к ней. В этом прогрессивная сторона их деятельности. И не даром эти пропагандисты народности оказались на стороне тех, кто боролся за баскские вольности и, в наше время, в рядах тех, кто отстаивал автономную республиканскую Басконию против иноземцев, против централистов, стремящихся превратить

текстом), тт. 1—7, 1919 сл.; собиранием песен занимались также Salaberry и A. J. Donostia (Euskal eresiac, тт. 1—2). Для библиографии позднейшего времени см. „Revue internationale des études basques“ и „Gure Herria“ („Наш народ“), оба органа с 1907 г.; краткая библиография дается и в статье Лакомба „Langue basque“ (Les langues du monde под ред. А. Мейе и М. Козна, 1924 = Coll. ling. publ. p. la Soc. ling. de Paris, т. XVI).

баскский край в рядовую провинцию Испании и обезличить ее национально.

Таким образом строителям новой баскской литературы пришлось работать на почве уже подготовленной, а в некоторых отношениях даже и в значительной мере. Нельзя не прибавить к этому в интересах истины, что многие из работников старого типа встали в ряд со строителями нового здания и принялись энергично за совместную работу.

Секуляризация баскской книжной литературы произошла в сравнительно недавнее время, в 80-х годах XIX в. Во Франции, Испании и Америке стали выходить баскские газеты и журналы, значительное количество книг. Баскония имеет уже ряд своих современных писателей, как Альсага, А. Барриола, Арана Гойри, А. Арресе, Бейтия, Д. Агирре и др.¹

На ряду с этим начинается собирание и изучение фольклорного и языкового материала. Духовенство принимает деятельное участие в этой работе, но светские любители и специалисты-баски, светские баскские организации занимают уже доминирующее положение, а рядом с ними широко разворачивают собирательную и исследовательскую работу и иностранцы, особенно в области языка.

Работа по изучению баскского языка и фольклора началась на месте еще в XVII в. Одним из первых фольклористов является Ойенарт, давший ок. 1650 г. ценный сборник пословиц баскского народа.² За язык взялись несколько позднее. Начинателем в этом направлении является М. де Ларраменди, составивший первую баскскую грамматику на испанском языке „El imposible vencido. Arte de la lengua Bascongada“ (Саламанка, 1729) и трехязычный словарь кастильско-баскско-латинский (Сан Себастьян, 1745). Затем в этой области наступает перерыв, продолжавшийся до 20-х годов XIX в., когда появляется в свет грамматика Леклюза³ и грамматическая работа Дарриголя,⁴ за которыми в следующем десятилетии последовали этюды Д'Аббади и Чахо.⁵ Все эти авторы — французские баски. Испанские включились в работу позднее, около 50-х годов, когда она значительно оживилась. В эту пору на ряду с французскими исследованиями Салаберри и Л. Л. Бонапарта появляются работы Х. М. де Савала, Фр. Игн. де Лардисаваль и др. В 50-е годы, после долгого перерыва,⁶ к изучению баскского возвращаются немцы в лице романиста К. Мана,⁷ и с этой поры баскологическая работа ведется в широком международном масштабе. К анализу баскского материала начинают применяться последовательно различные новейшие методы фольклористического и лингвистического исследования, в результате чего наши сведения о баскском языке значительно уточнились и упрочились.⁸

¹ Из старых писателей кроме Дечепарре, уже упомянутого выше, отмечу Ашулара (Axular) и Ойенарта (Oihenart, XVII в.).

² Издан Франсиском Мишелем (Proverbes basques recueillis par Arnaut Oihenart et suivies des poésies basques du même auteur. Бордо, 1847).

³ Fl. Lécuse. Grammaire basque. Тулуза — Байонна, 1826.

⁴ J. P. Darrigol. Dissertation critique et apologétique sur la langue Basque par un ecclésiastique de la diocèse de Bayonne. 1827.

⁵ Th. d'Abbadie et J. A. Chaho. Etudes grammaticales sur la langue Euskarienne. 1836.

⁶ Работы В. Ф. Гумбольдта относятся к 20-м годам.

⁷ C. A. Mann. Denkmäler der baskischen Sprache, 1857 (здесь дана и характеристика баскского языка).

⁸ См. подводящий итоги очерк Г. Герланда в „Grundriss“ Гребера (I², 405 сл.) и библиографию J. Vinson „Essai d'une bibliographie de la langue basque“ (Париж, 1891) и продолжение ее, а также библиографические данные Rev. des ét. b.

Из исследователей новейшего времени широкой известностью пользуются имена лингвистов и лексикографов Р. М. де Аскуэ,¹ Мендизабала,² Итурри,³ Ж. Лакомба,⁴ П. Ланда,⁵ А. Гавеля⁶ и Ж. Саройханди,⁷ из которых последний является в то же время и выдающимся романистом, Х. де Уркихо, играющего видную роль в организации баскологической работы, антропологов, этнологов и фольклористов, как Т. де Арансади,⁸ Х. М. де Барандиаран. В Сан-Севастиане основано специальное общество баскологических штудий, *Sociedad de estudios vascos*, называемое *Eusko-Ikaskuntza*, с 1907 г. имеющее свой орган, руководимый Х. де Уркихо и Ж. Лакомбом. Французские баски имеют в Байонне свою Баскскую академию (*Académie basque*) и с 1927 г. свой орган „*Gure Herria*“, выходящий там же. Кроме того, с 1880 до 1896 г. Баскское общество издавало журнал „*Euskara*“ и с 1880 выходит „*Euskal-Erria*“. В Сан-Севастиане, Бильбао и Байонне имеются ценные этнографические музеи. Музей в Бильбао располагает большой библиотекой и богатыми коллекциями.⁹ С 1921 г. в Сан-Севастиане была организована *Laboratorio de Etnología y Eusko-Folklore* — этнологическая и фольклорная лаборатория, руководимая ее основателем де Барандиараном. Она связана с Обществом баскологических штудий и ежегодно выпускала том своих работ; она издавала и специально-фольклорный орган, выходивший ежемесячно под названием „*Eusko-Folklore*“ („Баскский фольклор“). Наконец, в последние десятилетия упомянутое Баскское общество организовывало конгрессы, шедшие навстречу растущему в международном масштабе интересу к баскологии и облегчавшие баскологам возможность необходимого в работе личного общения. В 1919 г. такой конгресс состоялся в Оньяне, в 1920 — в Памплоне, в 1922 — в Гернике и т. д. В связи с оживлением исследовательской работы и в целях подготовки научных сил в Бильбао, Витории, Памплоне и Париже и других французских университетах были основаны баскологические кафедры; в ряде высших школ Германии, Голландии, Италии читаются соответствующие специальные курсы.¹⁰ В Ленинградском университете занятия баскским языком были организованы Н. Я. Марром и велись в течение некоторого времени. Во Франции, как и в монархической Испании, включение баскологии в систему университетского преподавания объясняется не только теоретическими интересами, но и практическими (политическими) соображениями. Рост идеи национального самоопределения после мировой войны вынудил руководителей французской и испанской политики изменить прежнее отношение к своим национальным меньшинствам и прислушаться внимательнее к их настойчивым требованиям. На этой почве были расширены, между прочим, права

¹ R. M. de Azkue. *Diccionario vasco-español-francés*, т. 1—2, Бильбао, 1905—1906. — *Morfología vasca en Euskera* (бюллетень Академии баскского языка), Бильбао, 1923—1925. О словарях баскского языка см. цит. словарь P. Lhande (I, 1926, стр. IX сл.).

² Mendizábal. *Diccionario castellano-euzkara*, 1916.

³ Iturrí. *Grammaire basque, dialecte labourdin*, 1920.

⁴ Lacombe'y принадлежит, между прочим, краткая характеристика баскского языка в „*Les langues du monde*“ (Париж, 1924, 319 сл.).

⁵ P. Lhande. *Dict. basque-français et français-basque*. Париж, 1926 сл.

⁶ H. Gavel. *Gramm. pratique de la langue basque en Gure Herria*, т. II и сл. — *Éléments de phonétique basque*, Биарриц, 1921.

⁷ Саройханди, недавно скончавшийся испанист, профессор в Collège de France в Париже, в последние годы усердно занимался баскологией.

⁸ T. de Aranzadi. *El pueblo Euskalduna*. Сан-Севастиан, 1889.

⁹ *Ensayo de un catálogo de la sección vascongada*. Изд. *Diario de Azeitio*, Бильбао, 1919.

¹⁰ В Испании было организовано также Общество друзей баскского края, краеведческая организация, с характером и задачами которой нас знакомит *Rev. internat. des ét. b.* (XXI, стр. 317, сл.; XXII, 443, сл.).

провансальского языка, и баскский, изучение которого поддерживалось главным образом представителями церкви, был допущен во Франции в среднюю школу, в коллежи и лицеи, не говоря уже о низшей. Отсюда — потребность в соответствующих преподавателях и необходимость создания ячеек для их подготовки, каковые и были организованы на университетских факультетах.

Итак баскологическая работа ширится не только внутри непосредственно заинтересованных в ней стран, но и за их пределами. Баскология сейчас одна из международных проблем науки. Примеру немцев, которые со времени Гумбольдта были наиболее активны в этом отношении и которые дали такого выдающегося басколога, как Шухардт,¹ последовали голландцы ван Эйс² и Уленбек,³ итальянец А. Тромбетти,⁴ англичанин Ролло⁵ и др. В Советском Союзе к изучению баскского, как мы видели, обратился Н. Я. Марр, оригинальные работы которого были уже отмечены нами выше. Остается только пожалеть, что это столь блестяще начатое дело пока почти не нашло себе у нас продолжателей.

6

Vascon — образование, напоминающее собой *gizon* от *giza* 'человек'. Баски называют себя *Eusk-aldun-ak* ('люди, говорящие по-баскски') — словом, первая часть которого напоминает название аквитанского народа *Ausci* или *Auscii* писателей древности. Баскский язык обозначается термином *euska/era, uskara, eskuara*, представляющим собой образование вроде *gallice, romanice*, т. е. по-галльски, по-романски.⁶ Мы уже говорили о том, что баскский язык чрезвычайно дифференцирован локально, как это обычно случается в горных местностях (ср., напр., ретороманский). Дифференцированность эта была отмечена еще Л. Бонапартом, одним из основательных знатоков баскского. Он сводил многочисленные варианты баскского к трем основным группам, трем основным диалектам. Новейшие баскологи предпочитают различать две группы: 1) западную или бискайскую (центр Бильбао) и 2) центрально-восточную, охватывающую все остальные разновидности, включая сюда и французские, т. е. лабурдинскую с центром в Байонне, ниже-наварскую (Сен-Жан-Пье-де-Пор) и сулетинскую с центром в Молеоне. В основе литературного языка лежит диалект западный, а именно говор Бильбао.

Архаизм, который мы отмечали в быту и воззрениях басков, характеризует и их язык. Ученый патер Фита говорит, что „баскский язык является далеким отголоском того агглютинирующего языка со склонностью, однако, к флексии, на котором говорила первая раса Испании, вероятно в эпоху каменного века, и к которой принадлежит, по крайней мере, языковому периоду, предварившему индоевропейские и семитические ростки“. На то, что баскский стоит на перепутьи между агглютинацией и флексией, указывает и Н. Я. Марр. Но сопоставление им баскского с яфетическими языками позволило ему вскрыть в нем помимо

¹ Важнейшие баскологические работы его цитированы выше. Прибавлю к ним „*Primitiae linguae vasconum*“ (Halle, 1923, род введения в изучение баскского языка); „*Das Baskische und die Sprachwissenschaft*“ (Sitzber. Венской Акад. Наук, т. 202, IV); „*Zur Kenntniss d. Baskischen von Sara*“ (в Abh. Прусской Акад. Наук, 1922).

² W. J. van Eys. *Dict. basque-français*, 1879; *Gramm. comparée des dialectes basques*, 1879; *Outlines of Basque Grammar*, 1883.

³ См. выше, стр. 7, 29.

⁴ A. Trombetti. *Origini della lingua basca*. Болонья, 1925.

⁵ Rollo. *The basque dialect of Marquina* (диал. биск. группы), 1925.

⁶ Суффикс *-ara* обозначает 'согласно, по'; ср. *gizon-ara* 'по-человечески'. Он может иметь форму *-era* и *-ra*.

агглютинации и ряд интереснейших черт, которые только в свете новой теории о языке приобретают надлежащий смысл и значение.

Баскский вокализм прост и прозрачен. Носовых гласных он не знает. Сулетинское *ï* — результат французского и провансальского влияния; остальные диалекты знают только *u*. В области консонантизма следует отметить отсутствие *f*. В старых заимствованных словах оно передается при помощи *p*, *ph* или *b*: лат. *filu* 'нить' > *pîru*; *fagu* > *phago*, *bago*; *fîcu* 'смоковница' > *pîko* или даже *iko*. Последнее восходит, вероятно, к *hiko*. Такая трактовка *f* напоминает русск. Осип < греч. Ἰωσήφ, заимствованное в пору, когда *φ* уже звучало как *f*. В более позднее время баски приучились к *f* и сейчас произносят его; но оно попадает иногда, повидимому, и в старых словах. Отсутствию глухого *f* отвечает отсутствие *v*. Тем не менее *v* появляется вместо *b* внутри слова, т. е., как в испанском, *-b-* (особенно между гласных) переходит здесь в *β*. С отсутствием *f* в баскском связывают переход лат. *f* в *h* кастильском, откуда оно распространилось затем и далее. То же самое явление мы имеем и в гасконском (*hilh* < *filiu*). История распространения *h* делает вполне вероятным кантабро-баскское его происхождение. В этом отношении баскский напоминает южно-русскую передачу *φ* как *х*: Фома — Хома и т. п.¹ Звонкие *b*, *d*, *g* внутри слова между гласными или после гласного и перед согласным звучат как *β*, *δ*, *γ* (спиранты). Звук, изображаемый знаком *ch*, произносится как русск. *ч* в Испании и как *ш* во Франции. Знак *j* передает в первом случае *χ*, во втором *й* или *ж*. Неприемлемо для баскского начальное *г-*, которому, поэтому, предпосылается *a* или *e*: *ra stëllu* 'грабли' > *arrastelu* 'железная вила', *Ramon* < *Erramon*. Характерна также палатализация *d*, *t*, *l*, *n*; последние два согласных палатализуются легко и в кастильском и в каталанском.²

Склонение одно. Падежи образуются с помощью суффиклируемых частиц, число которых довольно велико, так как этим путем выражаются такие отношения, которые в русском и многих других языках передаются с помощью предлогов. Баскский имеет, между прочим, инструментальный (*-z*), местный (*-n*), аддитивный (*-ra(t)*; на вопрос куда? к чему?), абитивный (*-tik*; на вопрос откуда?) и другие падежи. Суффиксами могут служить частицы, употребляющиеся и вне склонения, довольно значительные по объему, как напр. *gana* 'по направлению к', 'около'; но и частицы более мелкие, подобные приведенным выше и отдельно не употребляемые, употреблявшиеся, однако, как таковые в свое время и затем превратившиеся в окончания, а потому принявшие сокращенную форму. Множественное число выражается при помощи частички *-k*, но и *-eta*, которая может быть латинского происхождения и восходит к мн. ч. *-eta* от *-etum*, имеющего собирательное значение (как *pinetum* 'место, заросшее соснами, сосняк'). — Грамматического рода нет. — В глаголе, при выражении лица, ради которого осуществляется известное действие, инфигируемые в глагольную форму частицы, обозначающие реципиента (если говорящие друг с другом на „ты“), варьируются в ряде случаев в зависимости от того, имеется ли в виду мужчина или женщина. В первом случае это будет *-ki-*, во втором — *-n*: *etaigizu* 'дайте нам' состоит из: *eta*, к *etan* 'давать', *-zu*, выражающего 2-е л. мн. ч. (вм. 2-го л. ед. ч.)

¹ Начальное *h* писалось в средневековую пору для передачи баскских названий и очевидно еще произносилось. *Hurri gorria* распадается на *harri* 'камень' и *gorri* 'красный'. Теперь *harri* утратило свое *h-*; но на французской территории оно еще живет.

² Если допустить, что *st* > *ç* через *it* с палатализированным *t*, то это явление не есть отличительная черта кастильского (ср. пров. *fach*) и, следовательно, едва ли стоит цитировать его в данной связи, как это делает W. J. Entwistle (The spanish language. Лондон, 1936, 36).

повелит. накл., и *-i-gu < ki-gu* 'нам'. Если бы имелась в виду женщина, то вместо *-ki-* стояло бы *-n*.¹ Другой пример: „я прихожу к тебе“ выражается буквально: 'в приходе я есмь к тебе' — *ethortzen n-itzaui-k* (если приходят к мужчине), е. *n-i-n* (если речь идет о женщине). Так говорят в настоящем времени. В прошедшем „к тебе“ выражается одной и той же формой, каковой является *-k*, т. е. форма, употребляемая по отношению к мужчине: *ethortzen n-i-n-tzaui-k-an*, где второе *n* и *an* — знаки прошедшего времени, первое же *n* — 'я', а *i* и *tzaui* — формы глагола быть, *izan*.

Личные местоимения 1-го и 2-го л. имеют формы, не представляющие никаких особенностей: я *ni*, ты (*h*)*i*, мы *gu*, вы *zu*. Но 3-е л. является местоимением указательным и требует всегда точного определения степени удаленности данного лица от говорящего или говорящих. Это напоминает исп. *este*, *ese* и *aquel*, которые я привожу в порядке постепенного удаления того, о ком говорят, от того, кто говорит. В баскском им отвечают столь же конкретизированные: *on*, *ori*, *ar*. Сложность баскского местоимения не в образовании его склонения, которое в основе своей не отличается от склонения имен, а в необычайном обилии форм (возможно различных хронологических слоев). Остатком старого указательного местоимения является определенный член *-a*, который согласно принципу баскского языка, по которому выражающий основное понятие элемент стоит на первом месте, не предшествует определяемому им слову, как в других пиренейских языках, а прибавляется к нему в конце, как в скандинавском, албанском, румынском и русском, поскольку детерминирующая частица в этом последнем выражена:² *ur* 'вода', *ur-a* 'вода та', *gizon* 'человек', *gizon-a* 'человек тот'. При склонении суффиксы падежей следуют за членом. Так *zergu* 'небо', *zergu-a* — то же с определенным членом: 'на небе', т. е. местный падеж, знаком которого является *-n*, — *zergu-a-n*. То же самое и при неопределенном члене *bat* 'один'. Человек — *gizon*, один [некий] человек — *gizon-bat*; падеж агента, оканчивающийся на *-k* или *-ek*, будет *gizon-bat-ek* (после гласного употребляется *-k*: *aita* 'отец', *aita-k*). Аналогично члену, который есть своего рода определение, и указательное местоимение и прилагательное ставятся после существительного. Мы видели это уже на ряде топонимических терминов вроде *Baigorri* 'река красная'; 'чистая вода' передается *ur garbia*, т. е. 'вода чистая'. При склонении этой комбинации изменяется только прилагательное. Поссесивный падеж от *ur garbia* будет, следовательно, *ur garbia-ren*. 'Тот человек' — *gizon hura*, 'тем человеком' — *gizon hark*, 'те люди' — *gizon hek* и т. д. Если существительному предшествует числительное, то изменяется также только следующее за ним прилагательное, но оно ставится в партитиве. Значит, 'два хороших человека' выражается по-баскски: 'два человека из хороших', т. е. *bi gizon on-ik*, что напоминает исп. *tratar de loco* 'трактовать как дурака' (т. е. как одного из глупцов), ит. 'работать грузчиком' (т. е. как один из грузчиков) — *lavorar da facchino*.

Наиболее сложной и любопытной главой баскской грамматики является глагол. Говоря точнее, не глагол в целом, а известные его категории и формы. Основная тенденция в баскском глаголе — это описательное выражение временных и модальных отношений, следовательно — тяготение к аналитическому строю. На ряду с аналитическими формами стоят, однако, и формы особого, очень архаического склада, которые и составляют главную трудность. Но формы эти образует лишь неболь-

¹ Это *-n* некоторые толкуют как сокращенное *doña > ña > na > n*.

² Ср. наше город-то или городо-т < городъ ть, жена та, превратившееся у нас в жена-то, по типу город-то, так как то в формуле обобщилось.

шая группа глаголов, число которых не превышает двух десятков. В эту группу входят и вспомогательные глаголы.

Баскский глагол знает три наклонения: изъявительное, повелительное и желательное (оптатив) и два времени: настоящее и прошедшее.

Архаическая флексия различает переходные и непереходные глаголы. Возьмем как пример глаголы *ekarri* 'нести' и *joan* 'итти'. В диалекте Гипускоа (и сходно с ним в бискайском) настоящее время от них образуется следующим образом:

<i>d-akar-t</i>	я несу ¹	<i>n-oa</i>	я иду ²
<i>d-akar-k</i>	и т. д.	<i>(h)-oa</i>	и т. д.
<i>d-akar</i>		<i>d-oa</i>	
<i>d-akar-gu</i>		<i>g-oa-z</i>	
<i>d-akar-zu (-te)</i>		<i>z-oa-z</i>	
<i>d-akar-te</i>		<i>z-oa-z</i> (и вежливая форма <i>z-oa-z-te</i>)	
		<i>d-oa-z</i>	

В формах глагола *ekarri* повторяющаяся приставка *d-* представляет собой остаток вымершего местоимения 3-го л. — 'оно, это'; окончания *-t*, *-k* и т. д. — формы местоимения соответствующего лица. В глаголе 'итти' *n-*, *(h)-* и т. д. — формы местоимения почти те же самые, которые мы встречаем в переходном *ekarri*, так как 2 л. ед. ч. *h-* < *hi* становится в суфигированном положении *k*; форма 1-го л. ед. ч. *n-* < *ni* в том же положении заменяется *-t*, вероятно какой-то вымершей архаической формой. Частица *-te* в формах *ekarri* и *-z* в формах *joan* — знаки мн. ч. Таким образом обе парадигмы близки одна к другой. Основное различие в присутствии *d-*, которое префигируется и обуславливается суфигированным местоимением субъекта. Если нужно выразить: „ты несешь меня“, то баск говорит, *n-ekar-hi*, т. е. *d-* исчезает; на его место становится объект данного частного случая, а все остальное остается попрежнему. Отсюда ясно, что „нести вообще“, без указания объекта, выразить нельзя: „я несущ воду“ передается *d-akar-t ur-a* (с опред. членом). Баскский язык отвечает в этих своих пережиточных глагольных формах той стадии речи и мышления, на которой действие могло быть только конкретным. Мысль „у человека два сына“ формулируется так: „человек их имеет он двух сыновей“, или: „женщина дает нищему хлеб“ выражается: „женщина его дает ему нищему хлеб“. В испанском мы встречаем аналогичные обороты: „я провел эту зиму в Мадриде“ передается: *aquel invierno lo pasó a Madrid* или *le dieron a la enferma el primer asiento* 'они дали [уступили] больной первое место' и т. п.

¹ Аналогично спрягается вспомогательный глагол 'иметь' *euki*, *iduki*. У французских басков он имеет следующие формы в настоящем времени:

Ед. ч.	Мн. ч.
<i>d-u-t</i>	<i>d-u-gu</i>
<i>d-u-k</i>	<i>d-u-zue</i>
<i>d-u</i>	<i>d-u-te</i>

Если учесть сильное сокращение глагольного корня, то формы эти легко объяснить, как мы объясняем ниже формы *ekarri*.

² Глагол 'быть' *izan* дает следующие формы:

Ед. ч.	Мн. ч.
<i>n-iz</i>	<i>gi-re</i>
<i>h-iz</i>	<i>zi-re, zi-re-te</i>
<i>da</i>	<i>di-re</i>

Форма *da*, возможно, состоит из одного только местоимения 3-го л. Может быть и формы мн. ч. состоят из одних местоимений с придачей усиливающей частицы *-re*, *-ra* (последняя имеется в некоторых диалектах), которую мы встречаем в *be-ra* 'он сам, она сама, сам'.

Но наш перевод приведенных только что баскских примеров неточен. Мы дали его так, чтобы отметить в нем только конкретность глагольной формы. На самом деле последняя дает не только одну эту черту. Она построена с совершенно иной точки зрения, чем та, с какой привыкли ее строить мы. В самом деле оба наших примера, переданные буквально, выражают: 1) „человеком они имеются им два сына“, где „человеком“ дается в падеже агента (знак *-k*: *gizon-a-k*), тогда как два сына — в инертной форме (*bi seme*); 2) „женщиной он дается ему хлеб нищему“. Переходный глагол представляет собой пассивную форму, как это подмечено еще Бонапартом и Мюллером, позднее Шухардт-м. Выражение *aitak maitatzen du* ‘отец любит его’ составлено из *aita-k* = отец + *k* (знак падежа агента); *maita-tze* = герундий глагола ‘любить’ + знак местного падежа = в люблении; *du* состоит из *d*, местоимения 3-го л. (пациент), + *u* ‘иметь’. Следовательно все выражение значит: „он любим отцом“ или буквально: „отцом в состоянии любви он имеется“.¹ Благодаря тому, что местоимение сливается с глаголом, мы получаем иногда очень длинные и сложные формы, которые, впрочем, имеют аналогии во многих европейских языках и, между прочим, в пиренейских романских: *haberselas con alguno* ‘иметь с кем-нибудь дело’, *guardándosela á uno* ‘сердясь на кого-нибудь’, *permíteselo* может значить: ‘позвольте ему (им и т. д.) это, он позволяет ему (им и т. д.) это, он позволяет себе это, Вы позволяете себе это’. Такие-то формы и составляют затруднение при изучении баскского языка.

В прошедшем времени картина меняется. Переходные глаголы не включают в глагольную форму объекта и спрягаются как непереходные. Напр. „я нес“ и т. д. выражается:

ед. ч. 1-го л. *n-ekarr-en* (где конечное *-en* — знак имперфекта)
или *n-enkarr-en*
2-е л. *h-ekarr-en*
3-е л. *(z-)ekarr-en*²
и т. д.

Начальные согласные выражают субъект и формально тождественны, как мы видим, с начальными согласными в *n-oa*, *h-oa* ‘я иду’, ‘ты идешь’ и т. д., приведенных выше. Формы имперфекта вспомогательных глаголов ‘иметь’ (*euki*, *eduki*) и ‘быть’ (*izan*) у французских басков, будучи сопоставлены, дают ту же характерную картину:

<i>n-u-en</i>	я имел	<i>n-intze-n</i>	я был
<i>h-u-en</i>	и т. д.	<i>h-intze-n</i>	и т. д.
<i>z-u-en</i>		<i>z-e-n</i>	
<i>gin-u-en</i>		<i>g-ine-n</i>	
<i>zin-u-en</i>		<i>z-inete-n</i>	
<i>z-u-ten</i>		<i>z-ire-n</i>	

В обеих табличках мы выделили пока только формы местоимения-субъекта и конечное *-en*, *-n* (|| *-an*) — знак имперфекта. Нетрудно заметить, что формы прош. вр. обоих вспомогательных глаголов и глагола *ekarri* в противоположность формам наст. вр. построены совершенно сходным образом. Если, однако, форма имперфекта имеет местоименный объект, то последний

¹ Ср. K. Bouda. Das transitive und intransitive Verbum im Baskischen. Амстердам, 1933. См. также H. Schuchardt. Primitiae linguae vasconum. Halle, 1923.

² В этом столбце даны формы бискайского диалекта.

стоит вначале, как в наст. вр. переходного глагола. Напр., „ты несешь меня“ — *n-ekarr-hi* (где *n-* обозначает „меня“); я нес тебя — *h-enkarr-d-an*.

Если присмотреться к формам прошедшего времени поближе, то они окажутся состоящими из гораздо большего числа элементов, чем какое отмечено нами в табличках. Так *nekarren* или более полная форма *penkarren* распадается на *n-e-n-karr-en*, где первое *n* = я, а *en* представляет собой знак имперфекта, который в сокращенном виде *-n-* вклинивается в глагол (*ekarr*). То же самое наблюдаем мы и в непереходном глаголе *joan*: мы шли = *g-i-n-oa-z-en* (*-z-* — знак мн. ч.). Однако такое повторение *-en* не обязательно. В параллель к *n-ekarr-en* 'я нес' мы имеем *n-ioa-n* 'я шел'. Необязательность повторения вставок Герланд считает признаком позднего их происхождения.¹ Думаю, однако, что с таким же правом можно рассматривать необязательность как признак разложения старой формы и приближения ее к тому типу форм, в которых смысл дается одним суффиксом. Двукратное повторение глагола (первый раз в неполном, так сказать символическом виде) напоминает удвоение в индоевропейских языках, где итеративность несет семантическую функцию усиления значения корня либо выражения продолжительности действия. С одной стороны греч. *πi-πλi-μι* 'наполняю', с другой лат. *se-sipī* (к сапо 'пою') 'я спел'. Может быть, если стать на точку зрения, что прошедшее выражало первоначально совершенный вид (не время), повторяемость в форме прошедшего времени станет нам понятнее: она является пережитком той формулы, которая передавала законченность действия посредством указания на то, что отдельные моменты, из которых оно составлялось (напр., бить, нести) повторялись в законченном виде: спел = пел + пел + пел; кумуляция актов есть выражение завершенности действия, т. е. превращение его в некий состоявшийся факт, с течением времени — факт прошлого.

Повелительное наклонение организовано просто и не возбуждает недоумений. От *ekarri* формы его будут:

<i>ekar-k</i> неси	<i>ekar-zu</i> несите
<i>b-ekar</i> пусть он несет	<i>b-ekar</i> пусть они несут

3-е лицо имеет одну форму для обоих чисел. Начальное *b-* есть несомненно сокращенное *be-*, которое мы имеем в *be-ga* 'он сам, она сама'.

Для непереходного *joan* формы повелительного будут следующие:

<i>h-oa</i> иди	<i>z-oa-z</i> идите
<i>bi-joa</i> пусть он идет	<i>bi-joa-z</i> пусть они идут

В обеих последних формах *-z* — знак мн. ч., который мы имеем и в соответствующих формах наст. вр. изъяв. накл. и который по значению тождествен параллельному ему *-te*.

Баскский глагол чрезвычайно богат описательными оборотами и, в сущности, все обычное спряжение его — перифрастическое, в такой мере, что глаголы, идущие по описанным выше формам спряжения, можно рассматривать как неправильные. В условиях описания глагольных форм вспомогательные глаголы приобретают, естественно, совершенно исключительное значение. Вместо „он приходит“ баск говорит *ethor-tz-en da* буквально: 'в приходе (— *-en* — суффикс, обозначающий местонахождение) он есть'; „он пришел“ — *ethorri* (отглагол. прилаг.) *da*, буквально: 'пришедший он есть', что напоминает англ. *he is coming* и наше „он пришедши“. „Я прихожу к тебе“ передается: *ethortzen n-itzaui-k*, т. е.

¹ Grundriss Гребера, I², 415.

в приходе я есмь тебе', причем *u* в *itzau* отмечает, возможно, дательное отношение. „Я прошу тебя“, — с точки зрения баска есть: в просьбе ты имеешься мною' = *othoizt-en h-u-t*. Если учитывать многочисленные фонетические изменения, которым подвергаются в подобных сочетаниях компоненты, то станет вполне понятной трудность расшифровки их, хотя самый принцип, на котором они построены, не так уже необычен, ибо аналогии его мы встречаем, напр., в ряде романских и германских языков.¹

Форма будущего времени строится также описательно при помощи вспомогательного глагола, выбираемого в зависимости от данного глагола и отглагольного прилагательного последнего, взятого в адъективном или поссесивном падеже. Напр.: „я приду“ выражается *ethorriko niz* 'для, ради прихода я есмь'; „я увижу это“ — *ikusiko dut* 'увидения ради это имею я'; „я скажу это“ передается: *erran-en dut* 'в сказе это имею я, я имею это сказать'.

Кроме охарактеризованных форм наст. и прош. врем. и повелит. накл. баскский глагол знает еще, как мы сказали, наклонение желательное или возможное (потенциальное), имеющее наст. и прош. время и образующееся с помощью суффикса *-ke*. В наст. вр. оно выражает в современную пору по смыслу будущ. вр., обычно передаваемое, как мы видели, описательно. В прош. вр. оно имеет значение условного и форма его несет часто префикс *ba-*: *baluke* 'он имел бы', *balukie* 'они имели бы', *baliteke* 'он был бы', *balakike* 'он знал бы' и т. д.²

Суффикс играет в баскском огромную роль. При помощи суффикса можно не только легко превратить существительное в прилагательное: от *egun* 'день' мы имеем *egun-ero* 'дневной' и *egun-ero-ko* 'ежедневный', буквально: 'тяготеющий к дневному'. При посредстве частицы *-n*, присоединяемой к глаголу, можно придать даже целой фразе характер прилагательного. Так *zaude* 'вы находите'; *zaude-n* 'вы находящийся'. Тем же приемом достигается выражение причины (*-lako*) или оттенка косвенной речи (*-lo*), релятивности (*-a*). Баскский обходится, поэтому, почти вовсе без союзов и относительных местоимений.

Паратакис — характерный для этого языка порядок сочетания предложений. Чтобы передать „тот..., который...“ баскский прибегает к формуле: „тот..., он...“, где глагол второй половины предложения снабжается частицей *-a*, указательным мест. = опред. члену. Союз *eta* 'и' может иметь и значение „после“. Такие предложения как „после того, как они ушли, пришли другие“ передаются: 'они ушли, после (*hek partitu eta*) пришли другие', т. е. „после их ухода пришли другие“. Такие случаи являются характерными примерами сочинения, совершенно понятными на архаической почве баскского.

Обращаясь к лексикону, отметим прежде всего, что баскский пользуется для пополнения его тремя способами: 1) апофонией, 2) словообразованием при помощи суффиксов и префиксов и 3) словосложением. Второго способа мы касались выше в другой связи, а потому сейчас к нему не будем возвращаться. Апофония встречается часто. В виде примера этого метода обогащения лексикона приведу знакомое нам уже *gorri* 'красный'. Рядом с ним мы имеем *garr* 'пламя', гипуск. диал. *i-garr*; во французском баскском имеется *agorr* 'сухой', 'бесплодный', 'жесткий': *agorrean ari* 'впустую [сухую] работать'. Примерами словосложения могут служить, помимо многих топонимических названий, на которые мы ссылались выше, такие слова, как *sudur-zilho* 'ноздря', собственно

¹ Ср. нем. диалект. *hansmer* = haben es wir ihm.

² *l*, которое мы имеем здесь, развилось из *d*-, формы местоимения 3-го л.

‘отверстие носа’, или *begi-gorri* ‘красноглазый’ — слово, в котором порядок составных его элементов обратный русскому, так как основной термин в баскском должен стоять всегда на первом месте.

Что касается заимствований, то об второй стороне баскского словаря мы уже имели случай говорить подробно выше.

В новейшую эпоху испанские термины, так же как и французские, довольно частые гости в баскском лексиконе. В особенности в лексиконе молодого поколения, которое начинает иногда забывать старые баскские слова, малоупотребительные или недостаточно приспособленные к потребностям современности. Школа, растущее передвижение, газета, кинематограф, военная служба, завод и фабрика являются могучим орудием распространения знания испанского и французского.

ИСПАНСКИЙ

1

Наиболее широко распространенным из романских языков Пиренейского п-ова по занимаемой им территории и числу говорящих на нем является испанский. Испанским мы называем тот язык, который объединяет страну, который является ее литературным и национальным языком. В живом обиходе на ряду с ним, как и в других романских странах, существует ряд диалектов как территориальных, так и социальных. Романские диалекты представляют собой в своем современном виде новейший этап живой (неписьменной, народной или вульгарной, как ее часто называют) латыни в том виде, как она сложилась на почве иноязычных территорий, завоеванных Римом, и изменялась затем на протяжении истории в условиях внешнего контакта с другими языками и внутренних социальных и политических перестроек данной страны. Испанские диалекты, в частности, являются продолжением той живой латыни, которая сложилась в пору римского владычества в пределах нынешней Испании в первые века империи.

В борьбе за гегемонию на Средиземном море Рим столкнулся с Карфагеном. После завоевания Сицилии и Сардинии очередь была за Пиренейским п-овом, так как Карфаген решил возместить утраченное им за счет Испании. Отсюда возобновление борьбы, так наз. 2-я Пуническая война (218—201 до н. э.), в результате которой Карфаген лишился своих пиренейских владений, превратившихся в римскую провинцию Испанию. С той поры название это, популяризованное римлянами, сохраняется за большей частью полуострова вплоть до наших дней. В эпоху владычества арабов христиане называли этим именем занятые мусульманами его части, а это был почти весь полуостров.¹ В широком смысле употребляет этот термин и „Поэма о Сиде“.²

Римские войска вступили в пределы Испании в 218 г., и уже в 206 г. владычество пунийцев на полуострове было уничтожено. Гораздо труднее оказалось выполнить задачу порабощения местного населения, в особенности его широких масс, которые Рим ставил себе целью эксплуатировать. На это ушло около двух веков. Мы уже знаем, каких огромных усилий стоила римлянам борьба с Вириатом или осада Нуманции (152—134 или 132); мы знаем, что еще в эпоху Августа приходилось организовывать поход против северных племен кантабров и астуров; но мы знаем и то, что с басками воевал еще вестготский король Лиувигильд (в 80-х годах VI в.) и что в момент вторжения арабов в 711 г. король

¹ По поводу Ордоньо I и заселения им в IX в. Леона, Асторги и других городов „Хроника Альфонса III“ говорит, что он привлек для этой цели мосарабов, выходцев с севера, людей из своего королевства и частью выходцев „ex Spania advenientes“. См. изд. „Хроники“ P. Z. García Villada (1918, стр. 127 текста B).

² О термине „Hispania“ см. Forbiger. Handb. d. alten Geogr. v. Europa², 3—5. См. также выше, стр. 18.

Родриго находился в районе Памплоны, где ему пришлось бороться с теми же басками. Крайний север вошел в состав Испании фактически собственно только в эпоху реконкисты. Наиболее энергичное сопротивление внедряющемуся в глубь страны новому эксплуататору оказало население ее центра и севера. Менее стойкими оказались Тартессия и Мاستиена, т. е. южная половина полуострова с ее городами и торговцами, уже успевшими наладить отношения с внеиспанским миром. Союзником Рима было отсутствие прочного объединения среди местных народов и готовность зажиточных групп, в особенности южан, идти на компромисс и даже полную капитуляцию ради своих интересов. В итоге и эти группы оказались в руках новых хозяев, и Испания превратилась в римскую провинцию, с римскими порядками и законами. В ней, как одном из „полей Рима“, снабжавшем хлебом „сад государства“, Италию, было развито и укреплено рабовладельческое хозяйство, ликвидировавшее то, что еще оставалось на месте от прежнего свободного труда. В Испанию хлынули римские спекулянты и торговцы; римские предприниматели овладели ее богатыми рудниками; римское чиновничество пустилось в этот далекий край в чаянии поживиться за счет покоренных испанцев. Упорно отстаивавшие свою свободу племена превращались в рабов, которых вывозили в Италию и другие места. Из Испании римская армия черпала контингенты крепких бойцов. На опустошенные и обезлюдившие места селили римских колонистов.¹ Так как римляне стремились овладеть полуостровом целиком, забираясь в поисках объектов эксплуатации в самые далекие его углы, то они делали свое дело методически, упорно и последовательно. Провинция стала покрываться сетью дорог, служивших как военным, так и экономическим целям. На ряду с немногочисленными старыми городами стали возникать новые; старые расширялись и переустраивались. Организация городов и введение муниципального порядка служили в руках римлян важным орудием романизации провинции. Жизнь перестраивалась прежде всего в больших городах. К концу I в. до н. э. романизовались Италика (бл. Севильи), Гиспалис (Севилья), Кбрдуба, Малака, Урсо (Осуна) и др. Начиная со II в. н. э. романизация охватила меньшие и более далекие города: Эмэриту Аугусту (Мэриду), Тарракону (Таррагону), Цезараугусту (Сарагосу), Новый Карфаген, Сагунт, Асторгу, Легион (Леон), Луго и др.

Мы не имеем точных сведений о школах и их деятельности, но мы знаем, что Серторий (уб. в 72 г. до н. э.), в этом отношении державшийся общеримской политики, усердно насаждал их на ряду с римскими нравами и обычаями. Другим способом романизации и привлечения на свою сторону местной знати была раздача представителям ее земель, практиковавшаяся в отношении кельтиберов Тиберием Гракхом в бытность его в Испании (179—178). Стремясь превратить Испанию в некоторое подобие Италии, тот же Гракх привлекал сельское население в города. Наконец, военная служба, администрация, суд, сельское хозяйство, торговля, сообщение населению гражданских прав (эдикт Каракаллы 212 г.) — все эти условия являлись также важными путями, на которых осуществлялся процесс романизации местного населения, постепенно вынужденного втягиваться в навязываемые ему порядки, превращаться в римлян или романов по культуре, образу жизни и языку. Как бы туго ни проходила романизация, тем не менее Испания становилась романской страной. Из нее вышло не мало выдающихся латинских писателей, философов; она дала ряд крупных политических и общественных деятелей

¹ Между 196 и 169 гг. до н. э. в Испанию было перевезено не менее 150 тысяч военнослужащих. Значительная часть их после службы осталась в стране.

общегосударственного значения. Первым римским консулом-испанцем был П. Корнелий Альб родом из Гадеса (Кадиса); его племянник Бальб был первым испанцем, удостоившимся триумфа; императоры Траян и Адриан были уроженцами Италики (бл. Севильи), к испано-римским родам принадлежали Марк Аврелий и Феодосий.¹

Мы уже говорили о том, что римлянам было легче овладеть старой Тартессией и Мاستиеной. В эпоху Веспасиана поселений городского типа имелось на юге: в Бетике — 175, в Луситании — 45, тогда как во всей остальной Испании их было 179. В Бетике находились такие крупные центры, как Гадес (Кадис), Гиспалис (Севилья), Италика (бл. Севильи). Луситанская Эмерита Августа (Мэрида) слыла испанским Римом и славилась своими храмами, акведуком, театром и цирком. Летней резиденцией эмеританского общества являлся Олисиппон (Лиссабон) в устье р. Тахо. В восточной же части полуострова имелось всего два крупных городских центра: Тарракон (Таррагона), где находилось управление провинции, и Новый Карфаген (Картахена), превосходная гавань, город, где уже в пунийскую эпоху было сосредоточено руководство эксплуатацией горных богатств края. Благодаря относительной обследованности богатств юга, его населенности и доступности, поток римских колонистов и предпринимателей хлынул прежде всего сюда. Римский элемент оседал здесь особенно охотно. Мы встречаем римских купцов в Гадесе и Кórдубе. Треть всех судов, входивших и римскую гавань Остию, были гадитанскими. В эпоху Августа римский элемент в Гадесе был весьма значителен. То же самое можно сказать и про Бетику вообще, про Луситанию и Мэриду. Нет, поэтому, ничего удивительного, что именно южных испанцев можно было в качестве надежного элемента экспортировать в менее надежные части провинции, как это случилось, напр., в 123 г. до н. э., когда ок. 3000 человек романизованных испанцев было направлено на о. Майорку для заселения Пальмы и Поллентии. На юге римский элемент проникал в глубь страны из Нового Карфагена, по долинам Бетиса-Гвадалкивира и его притоков, а также долиной нижней Гвадианы. На побережьях и на этих речных путях находилась большая часть городских поселений.

Романизация южных областей Испании носила характер в значительной степени городской и осуществлялась, на ряду с земледельцами, торговым и промышленным людом.²

Несколько иначе обстояло дело на севере и северо-востоке. Проникновение в глубь страны происходило здесь долиной Эбро и его притоков. Романизация этой части Испании была в основе своей земледельческой и военной, так как именно в этой части полуострова, как мы видели, римляне встречали наиболее сильное сопротивление своим захватническим планам со стороны местного населения. Важнейшие города в бассейне Эбро имели военное значение. Таковыми были превращенные в римские поселения и процветавшие во времена Сертория и Помпея Нуманция (близь Сории, на верховьях Дуэро, сближающегося здесь с одним из правых притоков Эбро), Сория, Лэрида, Уеска и др. После покорения воинственных племен севера римляне основали на верхнем Эбро в 179 г. до н. э. в виде опорного и наблюдательного

¹ Для изложенного выше и дальнейшего см. Th. Mommsen. *Römische Geschichte*, V. — A. Budinszky. *Die Ausbreitung d. lat. Spr. über Italien u. d. Prov. d. röm. Reiches*. Берлин, 1881. — J. Jung. *Die rom. Landschaften d. röm. Reiches*. Инсбрук, 1881. — E. S. Bouchier. *Spain under the Roman empire*. Оксфорд, 1914. — Для организации римских провинций см. W. T. Arnold. *The Roman system of provincial administration*. Оксфорд, 1906.

² R. Altamira. *Hist. de España*. Барселона, 1911, 93.

пункта город Гракуррис, близ нын. Калаорры.¹ Военным соображениям обязана своим возникновением и Цезараугуста (в 27 г. до н. э., нын. Сарагоса), выросшая на месте древней Салдубии.

Население на севере и северо-востоке не было столь многочисленным, как на юге, хотя и довольно значительным. Плиний, опирающийся на перепись Августа, дает для Тарраконской и Карфагенской провинций, взятых вместе, 12 колоний, 13 городов с правами римского гражданства, 18 — с правами латинского гражданства, один союзный город, 135 стипендиариев и 114 деревенских общин. К сожалению, число жителей в этих обеих провинциях Плинием не указано. Большая часть приведенных населенных пунктов падает, естественно, на долю Карфагенской провинции. Страбон (I в. н. э.) характеризует ее как край в значительной мере романизованный.² Впрочем, и на север, и в центр страны римляне и романизация проникали уже в первые столетия нашей эры довольно глубоко. О дальности проникновения позволяют судить, между прочим, надписи, свидетельствующие о том, что римские имена были широко распространены не только в приморских Сагунте и Тарраконе, но даже и в таких отдаленных пунктах, как Легион-Леон, стоянке 7-го легиона, Уксаме-Осме, близ Дуэро и Сории, и в других местах, лежащих в северных и центральных частях полуострова.

Но все же юг был гораздо более латинской страной и стал ею раньше. Еще чаще, чем в Тарраконе и Сагунте, встречаем мы римские имена в Гадесе. Об основательной романизации юга свидетельствует Плиний.³ По словам Страбона, жившие в области Гвадалкивира турдетаны стали совершенными римлянами, а многие другие племена той же части полуострова были близки к этому.⁴ Так же скоро романизовались, повидимому, и южные части Луситании.⁵ А. Карнуа, исследовавший латинские надписи Испании, пришел к выводу, что наиболее корректные из них в отношении языка принадлежат прибрежным районам, среди которых именно южные занимают видное место; большая часть ошибок падает на Луситанию и центральные области полуострова; но такие надписи немногочисленны.⁶

Иллюстрацией различия между югом и севером могут служить некоторые факты топонимики, на важность которой для истории романизации указывалось уже давно. Остановлюсь на двух.

Среди местных названий мы встречаем в Испании тип на -апум, -iапум, который обозначает дворы, принадлежавшие либо римлянам, либо клиентам римских граждан и романизованному местному элементу. Особенно часто попадаются эти названия в Каталонии. Число отмеченных по „*Nomenclator de Catalunya*“⁷ Мейером-Любке доходит до 84, причем список этот нельзя считать исчерпывающим.⁸ Во всяком случае к ним нужно добавить имена на -ент из областей, произношение которых испытало арабское влияние. Рядом с *Agullana* (Херона) стоит валенсийское *Agullent*, с *Albiñan* (Таррагона, к *Albinus*) — *Albiñent*, с *Seriñá* (Херона, к *Serenius*) — *Sirillent* и т. п. Названия эти мы встречаем и на западе от Каталонии, в пров. Уеска (напр. *Cregenzano*

¹ G. Rohlf's. Kultur d. Basken im Spiegel d. lat. Lehnwortes, 58.

² Strab., III, 4, 20.

³ Hist. natur., кн. 3.

⁴ R. Altamira, ук. соч., 113.

⁵ Strab., III, 2, 15.

⁶ A. Carnoy. Le latin d'Espagne d'après les inscriptions. Etude linguistique, Брюссель, 1906, II. Испанские надписи (число их достигает 7500) изданы E. Hübnér'ом в CIL, II, (1869); ряд дополнений к ним позже, им же.

⁷ Bull. de dialectologia catal., XI, 28.

⁸ См. ряд дополнений у самого же Мейера-Любке (Das Katalanische, 177).

к *Crescentius*, *Frontiñan* к *Frontinius*), реже в Сарагосе и еще реже дальше к северу, в Наварре (*Garguillano* к *Gargilius*), Бискайе (*Barañano*), Сантандер (*Quijano*) и Луго (*Queizan*). На севере они распространены больше всего на побережья. На юге и западе полуострова картина резко меняется: местные названия на -*an* попадают и здесь, в Альмерии (*Fiñena*, *Purchena* к *Porcius*), в Гранаде (*Albuñan* к *Albinus*, *Mairena* к *Marius*), в Севилье (*Mairena*, *Marchena* к *Marcus*); но они не характерны, рассеяны очень скупо, даже если учитывать возможность их исчезновения в арабскую эпоху. Такое своеобразие группировки объясняется, очевидно, различием колонизации. Имена на -*anum* являются, в основном, обозначением крестьянских дворов. На юге и юго-западе, где римский колонизационный элемент сосредоточивался больше по городам, сельское население оставалось в большинстве случаев местным, и потому и названия владений оставались прежними, т. е. местными. На северо-востоке, где колонизация была по преимуществу крестьянской и военной и где остававшийся после службы военный элемент превращался в крестьян, названия земельных участков оказывались, естественно, новыми, латинскими, а иногда и вытесняли местные.

Противоположность юга и севера с северо-востоком можно иллюстрировать и еще одним фактом. На юге местные названия туземного происхождения имеют у Плиния параллельно и римские имена. Так: „*Seguida quae Augurina cognominatur, Ulia quae Fidentia, Orgao quae Alba, Eborae quae Cerealis, Iliberri quod Florentini, Ilipula quae Laus, Artigi quod Julienses, Vesci quod Faventia*“ или: „*Ossigi quod cognominantur Lacenium, Iliturgi quod Forum Julium, Isturgi quod Triumphales, Obulco quod Pontificense appellatur*“.

С тем же явлением сталкиваемся мы и в Тарраконской провинции: *Barcino — Faventia, Libisosa — Foroaugusta, Tyris — Valentia, Caesar-augusta — Saldubia*. Но любопытно, что в этой последней провинции удержались в дальнейшем главным образом латинские названия, тогда как на юге — старые местные. Так как нам известно, что юг был романизован глубже, нежели северо-восток и север, то такая судьба топонимики может объясняться только различным характером романизации основных частей полуострова. На юге римский элемент сосредоточивался, как мы уже знаем, в городах; города уже и ранее стояли на некоторой культурной высоте; отсюда сперва двойное их название, затем, в силу более тесного сближения местного и пришлого элемента и признания ценности первого, — перевес в сторону туземных. На северо-востоке и севере, где крестьянская колонизация пришлым элементом была сильнее, где городов было меньше и они больше заполнялись римским элементом, где слитность местного и пришлого элемента была незначительней, — преобладание официальной топонимики было естественным. Она сохранилась и тогда, когда романизация проникла глубже, так как менять топонимику было уже поздно: привычка брала верх.

Отмеченным нами расхождениям отвечают расхождения тартессо-мастиенского и иберо-кельтиберского мира Испании, т. е. расхождения древних культур. Когда римляне в целях более прочного освоения края разделили полуостров на две половины, — Испания по сю и по ту сторону Эбро, то деление это в грубых чертах как бы санкционировало основную антитезу, а последующая разбивка провинций на округа как бы дорабатывала детали, фиксируя старые трещины. При Августе Испания была разделена на три части: Бетику, составлявшую южную часть полуострова, Луситанию — западную и Тарраконскую область, обнимавшую все остальное, т. е. север, северо-восток и восток. При этом делении

особое место получили области, некогда занятые кельтами (Луситания). Адриан выделил в особую единицу крайний северо-запад и север, т. е. область галлеков, астуров и кантабров, назвав ее Галлецией (ср. нын. Галисию). В эпоху Константина (332 г.) Тарраконская провинция была разделена на Тарраконскую и Карфагенскую. Несколько ранее в состав Испании была включена североафриканская Мауретания Тингитана и Балеарика, т. е. Балеарские о-ва (при сыновьях Феодосия). Таким образом, если не считать Мауретании и Балеарики, собственная Испания состояла из пяти провинций: Бетики, Луситании, Карфагена, Галлеции и Тарраконы, сквозь которые просвечивала древняя культурно-этническая группировка: Тартессия, Мاستиена, Иберия с Кельтиберией, Кельтика и область кантабров и астуров, т. е. горцев крайнего севера. Группировку эту можно свести к четырем основным зонам: зона Тартессии и Мастиены, охватывавшая наиболее богатые, культурно развитые области полуострова, с которыми знакомят нас раскопки в южной Испании, области, которые раньше других оказались в плену римской эксплуатации и были романизованы; зона иберская, с жизнью и культурой которой знакомят нас раскопки древней Нуманции; это центр и северо-восток полуострова. За этой зоной, упорно отстаивавшей свою народность от посягательства пришельцев, тянется на север и на запад зона кельтская, куда римское владычество проникло позднее, и, наконец, зона крайнего севера, находившаяся, несомненно, под иберо-кельтиберским влиянием, но сохранявшая свой древний культурный и социальный уклад еще в эпоху реконкисты, а в лице басков и значительно позднее. Южная Португалия была культурно связана с Бетикой, северная — с Иберо-Кельтиберией.

Планировка римских провинций являлась, следовательно, не простым административным делением; она в несколько измененном, правда, виде отражала очень древние культурные отношения, а то обстоятельство, что на основе римских провинций было проведено впоследствии церковное деление Испании,¹ указывает на то, что мы имеем дело с фактом огромного значения, которого церковь не могла не учитывать как выражение исконных местных связей. Как мы увидим далее, с этими глубокими трещинами в туземной культуре, с этими основными культурно-творческими зонами не может не считаться и историк языка, пытающийся вскрыть причины языковых расхождений на полуострове. Позднейшая история его создала целый ряд новых факторов языкового развития, изменила или ослабила действие ряда старых, но не была в состоянии устранить их окончательно, так как корни их уходили глубоко в психику народных масс.²

2

В языковом отношении романизация приводила к забвению родного языка и усвоению латинского. Латынь насаждалась отчасти принудительно. Так Кв. Серторий (80—72 до н. э.) обязывал детей знатных испанских семейств учиться латинскому (и греческому) языку. Серторий, мечтавший о создании самостоятельной Испании, об отрыве ее от Рима, действовал в этом случае, как и в ряде других, как настоящий римлянин. Такая политика в области языка проводилась, несомненно, и до и после него. Впрочем, чем дольше оставалась Испания под нивелирующим вла-

¹ Ср. гл. 17 постановлений Халкедонского собора 451 г.

² Harri Meier. Beitr. z. sprachl. Gliederung d. Pyrenäenhalbinsel u. ihrer hist. Bedeutung. Гамбург, 1930.

дычеством Рима, тем меньше подобные меры были необходимы в отношении, по крайней мере, местной социальной верхушки. Она капитулировала тем скорее, что надеялась добровольным превращением в римлян удержать за собой свое привилегированное положение. Таким образом за изучение латыни стали браться и по собственному почину. За верхушкой последовали и средние группы населения, упорнее державшиеся родной речи, но, в конце концов, сдавшиеся, так как им не оставалось ничего другого. Наибольшее сопротивление нажиму латыни оказывала, конечно, народная масса, которая в некоторых частях Испании сохранила свой язык вплоть до нашего времени.

Как и во многих других отношениях, юг сдался ранее других областей. Ко времени смерти Августа Бетика была настолько основательно романизована, что, по словам Страбона, почти все говорили здесь по-латыни и забыли родную речь.¹ Местные языки держались по преимуществу во внутренних частях полуострова, причем, однако, границы их все более удалялись от базы романизации, южных и приморских областей. Цицерон говорит об иберском языке еще как о живом, на ряду с пунийским, остатки которого сохранились в Испании со времени карфагенского владычества.² Живым называет Плиний и язык испанских кельтов.³ К приходу римлян они, вероятно, частично успели уже значительно смешаться со старым иберским населением, но это, конечно, отнюдь еще не обозначает полного исчезновения кельтской речи: она могла сохраняться кое-где на крайнем западе и северо-западе.

Тацит сообщает нам, что в эпоху Тиберия население г. Тормес на верхнем Дуэро говорило еще на родном языке,⁴ а Силий Италик рассказывает, что галльская молодежь поет песни на своем родном наречии.⁵

Так или иначе, латынь была слишком большой силой, обладала слишком большими ресурсами для того, чтобы местные языки могли удержаться. Латынь наступала упорно и систематически; местным языкам пришлось волей-неволей отступать перед столь мощно вооруженным соперником. О результатах этой неравной борьбы нам сообщают уже древние писатели.

Литературно образованные испанцы уже в эпоху Цицерона настолько владели латынью, что знаменитый оратор не мог ни в чем упрекнуть латинских поэтов из Кórdубы (*Cordubae natis poetis*), явившихся в Рим с Метеллом после победы его над Серторием, кроме разве некоторого оттенка произношения, *pingue quiddam atque peregrinum* — „несколько чуждого и сдобного“.⁶ По словам Авла Геллия, когда греки в присутствии риторика Антонина Юлиана, родом испанца, упрекали римскую литературу в бедности, то он цитировал в ответ латинских писателей как образцы *patriae linguae*, родного языка.⁷ Романизация привела к тому, что Испания дала ряд выдающихся писателей общегосударственного масштаба. Достаточно напомнить, что испанцами были оба Сенеки, Лукан (все трое из Кórdубы), Марциал (из Бильбилиса), Колумелла, Квинтиллиан (из Цевараугусты), Силий Италик, Помпоний Мела, а позже Ювенций, Пруденций (из Калаорры, IV в.), Оросий (из Таррагоны, V в.) и Исидор Севильский (из Картахены, VI—VII вв.). О политических и общественных деятелях-испанцах мы уже говорили выше.

¹ Strab., III, 2, 15.

² Cicero. De div., II, 64.

³ Plin., III, 1, 13.

⁴ Tacit. Annal., IV, 45.

⁵ Sil. Italic. Punic., III, 345 (I в. н. э.).

⁶ Pro Archia poeta, 10.

⁷ Aul. Gell. Noct. Attic., кн. 19, гл. 9.

И в языковом отношении противоречия юга и северо-востока не могли не сказаться. Там, где городская культура пустила более глубокие корни, где ряды колонистов пополнялись в значительной мере людьми городского типа, язык имел больше точек соприкосновения с письменной речью. А так как это придавало ему несколько консервативный характер, то соответственные навыки усваивались и романизованным местным населением (включая сюда даже крестьянскую массу); оно подражало своим учителям-горожанам. Поскольку же юг и в отношении языка был ведущей областью, это отразилось и на испанской латыни вообще; она отличается известным архаизмом. Гребер объяснял эту особенность ее ранней романизацией Испании, язык которой отразил таким образом более давнюю ступень латыни.¹ В известной мере это верно; но нельзя в то же время не считаться с фактом систематического языкового общения с Италией в последующие эпохи, что необходимо вело к подновлению усвоенной речи. Если же в результате архаический налет не пропал, то причиной этого может быть только наличие известной тормозящей силы в языке тех социальных групп, которые задавали тон, а подобного рода силой мог являться только язык письменности. Таково одно из важнейших, но, конечно, не единственное, условие архаических тенденций в испанской латыни. Вот почему исследованный Карнуа язык испанских надписей дает нам так мало характерных черт позднейшего испанского.

На северо-востоке дело обстояло иначе. Меньшая культурность края и часто сменявшиеся волны пришлого элемента, в своем составе в значительной мере военного, служилого, приводили к тому, что получаемые таким образом языковые толчки давали себя чувствовать здесь сильнее, чем на юге. Юг оставался более устойчивым, консервативным; северо-восток становился прогрессивным, и тенденции эти продолжали сказываться здесь на развитии языка и в позднейшую пору.

Так или иначе превращение Испании в римскую провинцию, насильственное внедрение в нее римских порядков, устранение упорно сопротивлявшихся элементов туземного населения, наводнение края римскими военными людьми, итальянскими поселенцами, чиновниками, купцами, ремесленниками, земледельцами сделали, в конце концов, свое дело и на северо-востоке и на юге: Испания заговорила по-латыни; но латынь эта имела свои особенности, которые Цицерон и другие чуткие к языку люди сейчас же улавливали и которые они называли испанским акцентом. Черты эти придавали испанской латыни известное единство, отличая ее, в то же время, от латыни других частей Романии. Однако, говоря об испанизмах, писатели древности, к сожалению, не конкретизируют своих наблюдений, а потому восстановить особенности испанской латыни можно только путем сравнительного анализа позднейших языков и диалектов полуострова между собой и сопоставления их с другими романскими языками.

В древнюю пору, до V в., варианты испанской латыни едва ли были очень многочисленны и разнообразны: дело сводилось, несомненно, к ряду фонетических деталей да синтаксических и лексических особенностей.

Испанская латынь не только сохранила конечные -о и -и, но даже различала о и й.² С течением времени конечные о и и объе-

¹ Arch. f. lat. Lexicographie, I, 21 сл. Ср. Meyer-Lübke. Gramm. d. rom. Spr., I, 462.

² Примеры см. R. Menéndez Pidal. Orígenes del español. Мадрид, 1929, 186—190.

динились в *o*, которое занимает и сейчас значительную площадь и исчезает только в каталанском, отчасти в арагонском.¹ Частое отпадение *o* у мосарабов — результат влияния арабского.² В виду преобладания тенденции сохранять это *-o* Пиренейский п-ов является территорией, напоминающей Италию³ и отчасти Румынию.⁴ В области согласных следует отметить сохранение конечного *-s*, исчезнувшего в Италии и на востоке Романии, но уцелевшего в Галлии и некоторых других областях империи.⁵

В области морфологии мы имеем ряд старых отклонений от классического типа, свойственных многим романским языкам. На Иберийском п-ове установилась однопадежная система склонения, причем этот единый падеж отвечает по форме обычно винительному падежу. Падежные отношения выражаются при помощи либо отведения слову определенного места в предложении, либо придания ему предлога *de* для формулировки генетивного, а — дативного отношения.⁶ Во множественном числе форма эта — латинский винит. пад. мн. ч.: исп. *amigos*, порт. *cousas*, кат. *cases* 'дома', *pans* 'хлебы'.⁷ В этом отношении пиренейско-романский соприкасается с галло-романским, но на более позднем этапе развития последнего, ибо на раннем галло-романский имел двухпадежную систему (франц. и пров. *murs* — *mur*; *mur* — *murs*; соврем. *mur* — *murs*). Сравнительная степень прилагательных образуется при помощи *magis*, а не *plus*: исп. *más grande*, порт. *mais grande*; но в ст.-каталанском мы имеем обычно *pus* (<plus): *pus noble* (Р. Луль); в современном — *màs*, обобщившееся под влиянием испанского, как первое под влиянием провансальского. Определенный член в испанском и португальском — *ille*; в ст.-каталанском до-литературном господствовал *es, sa*, т. е. *ipse, ipsa*. Латинскому *hic* функционально соответствовало *iste* (исп., порт. *este*, ст.-кат. *est*), *iste* — *ipse* (исп. *ese*, порт. *esse*, кат. *ex*). В области спряжения следует отметить ряд сложных глагольных форм, впрочем, широко распространенных по всей Романии. Так, будущее время, как простая форма классического языка, ей не известна, ибо будущее мыслилось в живой латыни не как известная временная форма, а как своего рода модус, как действие желательное, необходимое, долженствующее быть выполненным и т. п. Отсюда описание его при помощи вспомогательных *habeo*,

¹ Обычно в суффиксах и похожих на суффиксы концах слов (*carroz* 'падала', *zimbab* 'дзимбал', суфф. *-ut*, *-un*, *-in*). См. А. Кун. Der hocharag. Dialekt. в Rev. de ling. rom., XI. Париж, 1935, 85—86.

² Факты у Menéndez Pidal (ук. соч., 195—204).

³ Дialect центральная Сардинии различает *ato* и *tavi*; некоторые области средней Италии (как Аквила, Риети, Норча и др.) — *dico* и *tempi*. Остальные части Сардинии и Сицилия дают *-u*; некоторые южные диалекты *-ə*, в других, там же, различение конечного *-o* и *u* обусловило трактовку тоника (*-asa*, но *-osa*).

⁴ Напр. *socru, vecinu*, но *cind* < *quando*.

⁵ Карнуа (ук. соч., 185—206) отмечает, правда, ряд отпадений *-s* в надписях Испании, но так как случаи эти приходятся всегда на конец строки, то мы имеем дело, очевидно, с сокращениями. Ср. С. Н. Grandgent. An introduction to the vulgar latin. Бостон, США, 1908, 126.

⁶ Прямое дополнение, если речь идет об одушевленном предмете, требует в испанском и португальском обычно также *á*: *he leído á Cervantes* 'я читал С.'; *amamos á la patria* 'мы любим отечество'. В ст.-исп.: „et pues que entraron en el palacio do estava el cuende, desaffio luego Mudarra Gonçalvez a Roy Blasquez... que fallo y, et a todos los de su parte“ 'и после того как они вошли во дворец, где находился граф, М. Г. вызвал [на поединок] Р. Б., которого он там нашел, и всех его сторонников' („Crónica general“ Альфонса X). В ст.-порт.: „O homem non pode bem servir a dous senhores“ 'человек не может служить двум сеньерам' (по-порт. глагол „служить“ требует винит. пад.) или: „Elle tomou a hũn e queria-o matar“ 'он схватил одного и хотел его убить'.

⁷ Тип *tempus* — *tempora*, хорошо известный Румынии и южной Италии, не известен на Пиренейском п-ове.

volō, debeo и т. п. Иберо-романский избрал тип с *habeo*: ст.-исп. *saberlo e* 'я имею это знать', соврем. *sabré*, ср. ст.-порт. *ei de fazer* и соврем. *venderei*; ст.-кат. *farei* (или *faré*; теперь только последняя форма).

Среди форм инфинитива в испанском и португальском исчезли формы лат. III спряж.; они перешли частью во II спряж.; след. — исп. *hacer, poner*, ст.-порт. и соврем. *fazer, responder* 'отвечать'; но в ст.-каталанском, как и в современном, мы имеем: *metre, batre, pendre* или *penre* и т. п. Очень рано наметилось, повидимому, тяготение севера и части северо-востока полуострова к типу на *-ir* (каст. *decir*, араг. еще дальше — *cullir, posse-dir* и др.); на западе, в португальском, *-ir* — частое явление (*comprir* < *complēre, fugir* < *fugēre*), но рядом и колебания (*sofrer* — *sofrir*, ст.-галис. *offerer* — *offerir*), что напоминает симпатии леонского к *-er* (*dicer, escrīver*). Суффикс *-isc* сохраняет в испанском и португальском начина-тельное значение и служит не формо-, а словообразующим элементом, как это видно из того, что он проходит через всю парадигму глагола: *guarnir* дает в ст.-испанском *guarnecer* 'украшать' и спрягается: *guar-nezco, -eçes, -eçe, -eçemos, -eçedes, -eçen*.¹ То же самое в ст.-португальском: *guaresco, -escas (или -eces), -ece, -ecemos, -ecedes, -ecem*. Но каталанский сближается в этом случае с галло-романским: соответствующий *-isc* суффикс *-eix* вводится здесь в 1, 2, 3 л. ед. и 3 л. мн. ч. изъявит. и сослагат. накл., а также в формы повелит. накл.; напр.: *serveixo* 'служу', *serveixes, serveix, serveixen*; но в 1 и 2 л. мн. ч. мы имеем *servim, serviu*. На полуострове сохранился плюсквамперфект: ст.-исп. *cantara, partiera, vendera*, из которых две последние формы воспроизводят латинские формы на *-eram*;² ст.-порт. *cantara, partira, vendera*, ст.-кат. *trobara, plaguera*. Эта форма в ст.-каталанском была маложизненна. Помимо Пиренейского п-ова мы встречаем ее в Провансе (*chantera, servira, vendera*), из которых первая и последняя в отношении вокализма построены по аналогии с перфектом; по той же аналогии ударение в плюсквамперфекте сильных глаголов переместилось на начальный слог: *fōra* < *fue-ram, ārga* < *habueram*, в ст.-итальянском и южно-итальянском. Первоначальное свое значение форма эта сохранила в испанском и португальском; на ряду с этим она приобрела, однако, гл. обр. значение условного наклонения. Значение предпрошедшего форма на *-ra* имеет, напр., в таком примере из Берсео,³ как: *non dormiera la noche* 'она не спала [ранее, прошедшую] ночь';⁴ в ст.-португальском: *chamou hos com que falara em segredo, e disse-lhes* 'он позвал тех, с кем говорил [ранее] тайком, и сказал им'. Форма живет и поныне в значении прошедшего вообще, как в ст.-португ. *quisera m'ir; tal conselho prendi* 'я хотел итти'; 'я принял такое решение'.⁵ Пассив старого латинского типа не проник, как известно, в романские языки; не проник он и в иберо-романский, где его заменили описательные формы или, как в итальянском и румынском и некоторые другие безличные формы с *se*.

На ряду с этими фонетическими и морфологическими особенностями следует отметить несколько лексических данных. Прежде всего ибе-

¹ В современном языке этим формам соответствуют: *-ezco, -eces, -ece, -ecemos, -ecéis, -ecen*.

² Леон. *dormira* и т. п. отвечает **dormīram*.

³ Заимствую его у F. Hanssen (Span. Gramm. auf hist. Grundlage. Halle, 1910, 98).

⁴ С течением времени форма получила более широкий смысл прошедшего вообще. В XV в. она встречается в этом значении довольно часто, напр. в романах. В значении прошедшего плюсквамперфект употребляется еще и ныне в высоком стиле, несмотря на то, что теоретики стремятся оставить за ним исконную латинскую роль.

⁵ Заимствую эти примеры у J. Huber (Altportug. Elementarbuch. Гейдельберг, 1933, 223).

ризмы, которые мы встречаем только на Пиренейском п-ове. Таково *páramo* 'голая равнина', которое мы находим впервые в одной votивной надписи на жертвеннике Дианы, найденной в Леоне, в которой некий Туллий посвящает богине оленьи рога, добытые „in parami aequore“.¹ Может быть к этой группе слов следует отнести *pava* 'равнина среди гор'.² Не засвидетельствованное древними авторами, но известное на всем полуострове, слово характерно для баскского пейзажа и живет в баскском (*paba*) и в названии Наварры.³ К той же категории следует отнести *vega* 'заросший деревьями луг у реки': исп. *vega*, порт. *veiga*, баск. *ibaiko* 'находящийся у реки'. Исп. *izquierdo*, порт. *esquedo*, кат. *esquerro* 'левый'⁴ отвечают баск. *ezker*. Менéndес Пидаль считает возможным поставить на счет иберов суфф. *-rro/a*, который он видит, напр., в исп. *pizarra* 'шифер' (> порт. *piçarra*, кат. *pisarra*);⁵ исп. *cerro* 'холм', *cazorro* 'мрачный', *guijarro* 'галька' (баск. *gisu-arri*).⁶ В виду того что соответствующие слова большей частью имеются в баскском, в ряде случаев можно предполагать, впрочем, и позднее баскское заимствование. В основе исп. *guitarra* лежит греч. *kithara*, но оно переделано по типу слов на *-rro/a*.

Оставил ли язык кельтов какой-нибудь след в языках Пиренейского п-ова? Вопрос этот принадлежит к числу трудных вопросов истории пиренейской лексики. Правда, после капитального пересмотра, которому подверг этимологии Дица кельтолог Р. Турнэйзен, многое для нас прояснилось;⁷ много ценного дали и позднейшие этимологические разыскания; но все же ряд фактов остается не разъясненным до конца. Ко всему этому присоединились затруднения, возникшие в последнее время, в силу которых проблема значительно осложнилась. Значительное количество кельтских слов принадлежит к числу общероманских, следовательно, возможно, латинских; с другой стороны, в отдельных случаях, несмотря на противупоказания фонетики, не исключена возможность более позднего заимствования из какого-нибудь романского языка. Наконец, новая теория о языке предложила рассматривать по крайней мере ряд „кельтизмов“ как пережитки яфетического слоя речи и устранила возможность их более позднего заимствования. Незнакомство автора настоящего очерка, как и большинства романистов, с яфетическими языками ставит его в отношении анализа лексики в крайне трудное положение, усугубляемое еще и тем, что пока еще не опубликована сравнительная грамматика этих языков. Поэтому нам придется ограничиться в дальнейшем установлении фактов и семантической группировкой терминов, не углубляясь в область их яфетического толкования.

К числу общероманских слов относятся такие, как: *alauda* 'жаворонок', известное Плинию (ст.-венец. *loa*, ст.-фр., *aloe*, пров. *alause*, кат. *alova*, араг. *aloda*, ст.-исп. *aloe*; Алава, Бургос *aloja*; ср. ряд производных, как ит. *lodola*, франц. *alouette* и т. п., и ряд заимствованных, как кат. *alosa*, энгад. *lodola* и др.); *betulla* 'береза', упоминаемое Плинием (ст.-фр. *beole*, валл. *bevol*, пикардск. *bul*, Франш-Конте *biul*, Имола *bdola*,

¹ CIL, II, 2660.

² H. Schuchardt в Zs. f. rom. Ph., XXXIII, 462—468. Ср. REW³, no. 5858.

³ Впрочем, с этим термином следует, может быть, связывать и топонимическое *Nave*, которое мы встречаем во Франции (Алье, Ардеш, Корез и Приморские Альпы). См. REW³, no. 5858.

⁴ Ту же форму дают и гасконский и лангедокский.

⁵ Возможно, однако, что *pizarra* — слово сложное, вторая половина которого *-arra* может быть сопоставлена с баск. *(h)arri* 'камень'. Для первой ср. баск. *pitzatu* 'колоть'.

⁶ Подобно *pizarra* возможно также сложное слово.

⁷ R. Thurneysen. Keltoromanisches. Halle, 1884. Свод гальского материала у A. Holder. Altceltischer Sprachschatz. Лейпциг, 1896 сл.

ит. *bidollo*, норм. *bi*, Франш-Конте *biu*, Беарн *bedut*, кат. *bedoll*, галис. *bedolo*, и производные, как франц. *bouleau*, заимствованные, как исп. *abedul* (из кат. или мосараб.); *brasa* 'штаны', которое мы встречаем уже у Луцилия во II в. до н. э. и которое латинские грамматикологи считали заимствованным (рум. *bracă*, ит. *brache*, Логудору *ragas*, энгад. *braja(s)*, франц. *braie(s)*, пров., кат., исп., порт. *braga*, *bragas*; производные — рум. *îmbrăcă*, *desbrăcă* и т. д.); *camisia* 'сорочка', впервые в конце IV в. у Иеронима (рум. *cămașă*, Велья *kamaisa*, Фриуль *k'ameze*, ст.-падуан. *camesa*, ит. *camicia*, франц. *chemise*, пров., кат., исп., порт. *camisa*);¹ *carrus* 'телега' (рум. *car*, ит. *carro*, Энгад., Фриуль *k'ar*, франц. *char*, пров., кат. *car*, исп., порт. *carro* и целый ряд производных, сложных и заимствований); *cattus* 'кошка' (ит. *gatto*, энгад., фриульск. *gat*, франц. *chat*, пров., кат. *gat*, исп., порт. *gato*); *beccus* 'клюв', известное уже Светонию (I—II вв. н. э.) (ит. *becco*, франц., пров., кат. *bec*, исп., порт. *bico*); **pëttia* 'кусоч' (ср. кимр. *peth*) (рум. в Банате *piță*, ит. *pezza*, энгад. *pezza*, франц. *pièce*, пров., кат. *pesa*, исп. *pieza*, порт. *peça*) и др.

В более позднюю пору, повидимому, распространились *сегевисия* 'пиво' и *sagum* 'короткий плащ'. Первое отразилось во франц. *cervoise*, ст.-ит. *cervogia*, пров. *serveza*, кат. *cervesa*, исп. *serveza*, порт. *serveja*; второе — в Логудору *sau*, франц. *saie* (< *saga*, мн. ч.), ит. *saio*, исп. *saya*, порт. *saia* и *saio*, галис. *saa*. Среди этих отражений такие, как *cervogia* или *saio*, *saya* и другие с *i* < *g*, являются несомненными заимствованиями. Исп. *serveza*, порт. *serveja* фонетически совпадают с рефлексам *сегесеа* 'вишня', *cereza*, *cereja*, и все же будет вполне естественным спросить себя, не имеем ли мы дело и здесь с французским заимствованием.

Несомненными заимствованиями оказываются такие слова, как исп. *perol* (откуда порт. *parol*), восходящее к кат. *pairol*, отвечающему р.-ром. *prigel* и ит. *rainuolo*, отражающим **pariōlum*, уменьшительное к *parium* 'котел' (ср. ирл. *coir*, кимр. *pwrl*), или кат. *truhá*, исп. *truhán*, порт. *truão*, воспроизводящие пров. *truán* (ср. франц. *truand*), базой которых является *trugant* 'нищий, бродяга' (ср. ст.-ирл. *trog* 'несчастный, бедный'); исп., порт. *brio* взято из пров. *briu*, отвечающего ст.-фр. *brif* и ит. *brio* из гальск. **brīgos* 'сила', 'мужество' (ср. ст.-ирл. *brīg*) и т. п.

Для столь распространенного в романских языках *саггум* Н. Я. Марр предлагает яфетическое толкование, и именно принадлежностью слова к древнейшему слою терминов можно было бы тогда объяснять его распространенность.² Яфетическим представляется Н. Я. Марру и считавшееся до сих пор гальским *vërtrāgus* 'ловчая собака' (ст.-милан. *veltres*, ст.-фр. *viautre*).³ С точки зрения новой теории следовало бы подвергнуть пересмотру если не все, то многие „кельтизмы“. Однако и на этом пути необходима величайшая осторожность, так как в ряде случаев близость сопоставляемых форм настолько значительна, что невольно возникает вопрос, не следовало ли бы ожидать от этих древних пережиточных форм больших расхождений. По крайней мере яфетический материал, цитируемый Н. Я. Марром по поводу *саггум*, при сравнении его с романским невольно возбуждает подобного рода вопрос.⁴

¹ Формы с *á* указывают на влияние церковного термина; ит. *cámise* и ст.-фр. *chainse* имеют значение стихаря.

² Способы передвижения... в Избр. раб., III, 142.

³ В тупике ли история материальной культуры?, стр. 53.

⁴ Н. Я. Марр видит в *саггум*, как и ему подобных терминах, первоначально обозначение двигающего повозку животного, а современное значение слова рассматривает как позднее. См. Способы передвижения... в Избр. раб., III, 142.

Значительная часть кельтских терминов Пиренейского п-ова оказываются у него общими то с той, то с другой частью Романии. Так, кроме Иберии, в Италии и Галлии мы встречаем *cambiare* 'менять' (ср. кимр. *setta*; ит. *cambiare*, франц. *changer*, пров., кат. *cambiar*, ст.-исп. *camear*); *camminus* 'дорога' (ср. корн. *caman*; ит. *cammino*, энгад., фриульск. *kamin*, франц. *chemin*, пров., кат. *camí*, исп. *camino*, порт. *caminho*); **garra* (ср. кимр. *gar* 'ляшка', брет. *gâr* 'ляшка'; пров. *garra*, франц. *jarre*, миланск. *garon*, неапол. *guarronə*, калабр. *garruni*); *iva* 'дубрава' (ит. *iva*, франц. *ive*, пров., исп., порт. *iva*); *landa* 'бесплодная пустошь' (ирл. *land*, кимр. *llan*) по значению — лат. *saltus* (ит. *landa*, франц. *lande*, пров. *landa*, кат. *llanda*, ст.-исп., порт. *landa*) и др. Общими Галлии и Иберии являются: *alausea* 'алоза' (семья сельдевых) (франц. *alose*, южн.-фр. *alauzo*, исп. *alosa*); **berura* > *bërula* 'жеруха, водяной кресс' (франц. *berle*, пров. *berlo*, исп. *bërro*); **grennos* 'волосы', 'борода' (ср. ирл. *grend*, кимр. *grann*) (пров. *gren*, исп. *greña*, откуда порт. *grenha*); *taratrum* буравчик (р.-ром. *tarader*, ст.-фр. *tarere*, пров. *taraire*, исп. *taladro*, откуда кат. *taladre*, порт. *trado*) и мн. др. К этой категории слов относятся, между прочим, и *arëpënnis*, обозначающее известную меру поля, и *leuca* 'миля, лье' (франц. *lieue*, пров. *legoa*, кат. *llegoa*, исп. *legua*, порт. *legoa*).

Детальный анализ кельтского материала раскрыл нам многое; но многое остается неясным все же и до сих пор. Так, напр., **gabëlla* 'пучок, связка хвороста', которое связывали обычно с ирл. *gabim* 'беру', корн. *gavel* 'рукоятка, ручка' и которое живет в пьем. *çavela*, во франц. *javelle*, пров. *gavela*, кат. *gavella*, исп. *gavilla*, порт. *gavela*, а с другой стороны связано с франц. *javeau*, пров. *gavel*, кат. *gavell*, может быть и не кельтского происхождения, и Мейер-Любке сопровождает **gabëlla* в своем этимологическом словаре знаком вопроса.¹ Равным образом неясно и *lausa*, лежащее в основании пьем. *loza*, пров. *lausa*, кат. *llosa*, исп. *losa*, порт. *lousa* и ряда производных. Это *lausa* отвлекается от прилагательного „*lausiae lapides*“² и, может быть, принадлежит иберийскому.³ Неясен также, напр., вопрос о *gūbia* 'долбило' (ит. *gubbia*, фриульск. *zgoibe*, ит. *sgorbia*, франц. *gouge*, гаск. *goja*, исп. *gubia*, порт. *goiva*). Бесспорными аргументами в пользу принадлежности этого слова гальскому мы не располагаем.⁴ Такого рода сомнительные случаи остаются и сейчас еще весьма многочисленными. Известное слово *cattus* 'кошка', приведенное нами выше, встречается в латинской письменности уже с IV в.; мы склоняемся в пользу кельтского его происхождения только потому, что находим его наиболее ранние примеры за пределами латыни в кельтском. Само собой разумеется, что такой довод еще не безусловно убедителен. Не мало сомнений вызывает и гальский материал, собранный у Мейера-Любке в его „Введении“;⁵ впрочем, и сам автор уже после критического пересмотра фактических данных ко многому отнесся скептически.

Лексические кельтизмы, которые мы находим только на полуострове, составляют весьма скромную группу. К ней можно отнести, повидимому, ряд топонимических названий с уменьшительным — *brigula*, как *Deodbrigula* рядом с *Deobriga*. У Исидора Севильского приводится *arapënnis*, которое отвечает кельтскому (гальскому) *arëpënnis*, живущему во франц. *arpent* (см. выше). Но в форме с *a* во втором слове

¹ См. no. 3627.

² Meyer-Lübke, Einführung in d. Studium d. rom. Sprachwissenschaft. Гейдельберг, 1909, 41.

³ Meyer-Lübke, REW³ no. 4946.

⁴ Там же (no. 3906), где дается и литература вопроса.

⁵ Цит. изд. „Einführung“, 38 сл.

оно сохранилось только в ст.-исп. *arapende*. Исидор толкует этот вариант термина как испытавший влияние лат. *arage*; другие приписывают а влиянию местных языков: в баскском мы имеем *ara* в значении „ровный“, „долина“. Галисийско-португальский дает нам *tona* в значении „тонкая древесная кора“, „кожица плодов“. Слово это возводится легко к *tūppa*, которое толкуется обычно как гальское и связывается с кимр. *tol*.

Указанными терминами, повидимому, исчерпывается группа специально пиренейских лексических кельтизмов. Все остальные кельтские слова романские языки полуострова делают со всей Романией или со значительной частью романских языков, развившихся на ее территории. Не исключена, конечно, возможность, что и те несколько кельтских слов, которые известны нам только из пиренейского лексикона, имелись некогда и в словаре других романских языков. Таким образом говорить о каком-либо особом влиянии кельтов на пиренейскую романскую лексику у нас нет никаких оснований. Впрочем, возможно, что более детальное изучение диалектического словаря заставит внести поправку в это положение: но едва ли она будет в состоянии в корне изменить его: если бы кельтское влияние на полуострове было значительным, то оно несомненно сказалось бы уже и в том материале, которым мы располагаем.

Чисто латинская лексика дает также ряд специфических пиренейских слов.

В то время как французские, провансальские и итальянские термины, обозначающие „погреб“, „пещеру“, предполагают лат. *cāva*, на Пиренейском п-ове и в Беарне мы должны исходить из *cōva* (ср. исп. *cueva*, порт. *cova*, кат. *cova*, беарн. *cobe*).¹

Вм. *nōdus*: ит. *nodo*, рум. *nod*, пров. *notz* — **nūdus*: исп. *nudo*, порт. *noo*, *nó*, кат. *nu*.² Вм. *octōber*: ит. *ottobre*, рум. *octomvrie*, пров. *ochoure* — *octūber*:³ исп. *ochubre*, *octubre*, порт. *outubro*, кат. *uytubre*.

Но лексика полуострова дает и ряд более характерных терминов. Часть их мы встречаем уже в надписях. Так, *mancipius* дало исп. *mancebo*, кат. *mançip* „юноша“; *collacteus* сохранилось в исп. *collazo* „батрак, получающий за свою работу от зажиточного крестьянина клочок земли“ (в Кастилье и Андалусии); *altarium* живет в исп. *otero*, порт. *outeiro* „холм“;⁴ *alis* (вм. *alius*) — в ст.-исп. и ст.-порт. *al* „несколько иначе“; *tam magnus* — в исп. *tamaño*. Ряд пиренеизмов отмечены различными писателями. Плиний дает *formaseus* (подразумев. *murus*) — это исп. *hormazo* „стена“, первоначально из дикого камня.⁵ Плиний и Колумелла упоминают *cēgēōla*, обозначавший *cereā pruna* Виргилия, „восковую сливу“; это исп. *ciruela*. Менéndес Пидаль относит к этой группе слов и упоминаемое Исидором Севильским *serralia*, обозначавшее „дикий салат“ („eo quod dorsum eius in modum serrae est“); это исп. *serraja*, порт. *serralha*, кат. *serralha*. Но то же слово знает и итальянский (*serraglio*) и французский (*serail*).⁶ У того же Исидора мы находим, кроме того: *antenatum*, исп. *alnado*, *andado* „пасынок“, порт. *anteado*; *cātenatum*: исп. *candado* „висячий замок“, порт. *cadiado*, кат. *cademat* (пров.

¹ Другую такую же замкнутую территорию *cōva*/и мы имеем и в северной Италии: ср. пьем., ломб., *kōf*, болонск. *kof*, пьем. *kōva* „постельная солома“, пав. *kova* „горсть колосьев“ (REW³, no. 1796).

² Ср. *nuu* в южно-сардинском диалекте Кампидану. Влияние *annuari* мало вероятно. См. Menéndez Pidal. Manual de gramática histórica española. Мадрид, 1934, 6—7.

³ Форма засвидетельствована (Сагпоу, ук. соч., 64).

⁴ Ст.-фр. *aletier* и венеч. *alter* очень редки.

⁵ Словари современного языка дают и другие значения слова: 1) груда камней, дача с садом (в Гранаде и Кордове).

REW³, no. 7865.

cademat > франц. *cademas*); *mantum*: исп., порт. *tanto* 'плащ', кат. *mant*; *merendare*: исп., порт. *merendar* 'завтракать', 'полдничать', кат. *berenar* (ср. пров. *merendar*; но слово это известно и в рум. *merindar* 'есть', *merind* 'провиант' и итал. *merindar*). Более широкое распространение имеет *malleolus*: 1) молоточек; 2) черешок виноградной лозы, отводок; 3) пуговка, к которой прикрепляются шнурки сапога: исп. *majuelo* 'колючий кустарник', 'молодой виноградник, молодая лоза', 'молодое вино'; галис. *amalho*, кат. *mallol*, *mayol* 'барбарисовый куст'; ср. ит. *magliuolo* 'молодой побег лозы'; соврем. франц. *maillole*, *maillot* 'молодой побег лозы' (ст.-фр. *maillol*); пров. *malhol*; исп. *majuela* 'ремень у сапога', порт. *malhó*. Наоборот, *sarpa* 'чесотка' имеется только на полуострове: исп., порт., кат. *sarpa* в том же значении.¹

Специально пиренейскими являются: **coratione* 'сердце' (исп. *corazón*, порт. *coração*, но кат. *cor*); *capitia* в смысле 'головы' (исп. *cabeza*, порт. *cabeça*; в каталанском *cabessa* 'цветочная луковица'); *barba* в испанском, португальском и каталанском обозначает и 'подбородок'; *perna* 'окорок' — по всему полуострову (порт., кат. *perna*, исп. *pierna*) — известно в значении ноги (до ступни). Равным образом исп. *calcañar* 'пятка', порт. *calcanhar*, тогда как другие романские языки продолжают *calcāneu*, сохранившееся в ст.-исп. *calcaño*. С уменьшительным суффиксом встречаем мы на полуострове *anēthum* — **anēthūlu* 'укроп', исп. *eneldo*, тогда как в итальянском и французском живет *anēthum*. Очень распространена на полуострове **ilicina* (от *ilex* 'каменный дуб'); но она имеется и в южных диалектах центральной Италии (неаполитанском, абруццском *lecina* и др.) и даже в ит. *elcina*.

Большинство приведенных слов принадлежат к числу хозяйственных терминов, обозначает полезные растения, относится к скотоводству. К области хозяйства и быта относятся исп. *bostar*, порт. *bostal* 'хлев для быков'; исп. *coto* (< *cautu*) 'огороженное место', порт. *couto* 'парк', 'охотничий район', 'межевой камень', ст.-галис. *couto* 'договор'; исп., порт. *criado* (< *creatu*) 'слуга' (кат. *criat* заимствовано из испанского); исп., порт. *trigo* (< *tritīcu*) 'пшеница'; исп. *cipillo* (< **cipellu*) 'рубанок', 'щетка'; порт. *sepilho* (из испанского); исп. *uncir*, порт. *jungir*, кат. *junyir* 'запрягать'; исп. и порт. *cama* 'кровать' (неясного происхождения); *facienda* в значении 'дела', 'занятия' дало исп. *hacienda* 'управление', 'имение', порт. *fazenda* 'товар', 'имение', 'колония'; каталанская семантика (как и пров. *fazenda*) *feyna* 'работа', 'занятие' ближе к исходной точке. С этими терминами можно связать и название некоторых животных. Таково, напр., *comater* (**comatericula*, -**rella*), исп. *comadreja*, обозначающее ласку (зоол.) и первоначально, повидимому, свойственное только северной части Старой Кастилии, откуда термин постепенно широко распространился на юг, прорвав территорию своего синонима *müstela*,² который связывал некогда Пиренейский п-ов с Галлией и Италией.³ На ряду с этим словом можно поставить *mus caecus* 'детучая мышь', которое дало в испанском *murciego*, *murcégallo*, *murciélagos*, в португальском *morcego*. В астурийском ему отвечает *espertejo* < **vespertejo*, тождественное ит. *v/pipistrello* и восходящее к лат. *vespertilio*.⁴ Первоначально термин очень ограниченной области пиренейской территории, он приобрел затем широкое распространение. Лат. *passer* 'воробей' получило в испанском и порту-

¹ J. Sofer. Lateinisches u. Romanisches aus d. Etymologiae Isid. v. Sevilla, Геттинген, 1930. — Menéndez Pidal. Manual, 6—7.

² Давшее *mustrela*, *musticiella*, *mostolilla* (< **mustel-ella*) и т. п.

³ См. материал у Menéndez Pidal (Orígenes, I, 417—425) и карту (стр. 432).

⁴ Menéndez Pidal. Manual, 5, 7.

гальском более общее значение птицы (*pájaro, passero*), как в румынском, где *pasăre* обозначает птицу вообще; кат. *passara* обозначает гагару.

Более общий характер имеют такие слова, как исп. *rostro* (< *rost-rum*), порт. *rosto*, кат. *rostre* 'лицо'; исп., порт., кат. *despedir* (**de-expetēre*) 'отпускать'; исп. *harto* (< *fartu*; порт. *farto*, кат. *fart* 'сытый'); исп. *averiguar* < *verificare* 'удостоверять'; исп. *hablar*, порт. *fallar* < *fabulare* 'говорить'.¹ „Желать“ выражается в испанском и португальском не глаголом *volēre*, а *quaerēre*: *querer* (кат. *querir* имеет значение „искать“, „требовать“); „брать“ — исп., порт. *tomar*; кат. *tomar* 'протягивать руку к чему-нибудь' относится сюда же; но „брать“ каталанский выражает, как и галло-романский, через *prehendere*: *p(r)endre*; „есть“ испанский и португальский передают глаголом *comedēre*: *comer*; каталанский со своим *menjar* < *manducare* связан с галло-романскими *manjar* (пров.), *mang(i)er* (франц.), но и рум. *mîncă* (ит. *mangiare* — галлицизм). Исп. и порт. *matar* 'убивать' (араб. *mât*) в этом смысле можно противопоставить галло-ром. и ит. *matar, mater, mattare* 'обессилить', 'победить', как особую семасиологическую величину; ст.-каталанский, где оно, может быть, заимствовано из исп. *matar*, имеет параллель в виде *occir* — *occidere*, новое — *ocehir* 'умерщвлять, убивать'. Расхождение показывает и термин для выражения „находить“: исп. *hallar*, порт. *achar* восходят к *afflare* — вероятнее всего 'вынюхивать', 'нападать на след'; каталанский имеет для того же понятия *trobar* < *turbare* 'ловить [особым образом] рыбу' — термин, известный и галло-романскому. Испанский и португальский связывают иногда пиренейскую латынь с южной Италией и Балканами. Это мы имеем, напр., в случае с исп. *llegar*, порт. *chegar* 'прибывать' < *plicare* в смысле *applicare* 'подводить судно к берегу, пристани'. Ст.-кат. *aplegar* 'достигать' связано с тем же образом. Новое *arribar* подобно галло-ром. *arribar, arri-ver* — лат. *arripāre* 'подходить к берегу', живущее, впрочем, и в исп., порт. *arribar*. Лат. *applicare* известно в этом значении ст.-далматскому (*aplicare*), а также южно-итальянскому (сиц. *akkikari*). На Пиренейском п-ове не нашло себе места *bellus*: полуостров остался верен *formosus*, исп. *hermoso*, порт. *formoso*. В ст.-каталанском мы имеем *formós* на ряду с *bell*, являющимся сейчас единственно живым. Латинское *rivus* 'ручей', 'река' иберийская латынь вместе с румынским (*rîu*) и ст.-итальянским (*rio*) единогласно предпочла *flumen*: исп., порт. *rio*, кат. *riu*; *quem* 'кто' сохранилось также на Пиренейском п-ове (исп. *quien*, порт. *quem*, кат. *quin*), в Румынии (*cine*), в Сардинии (*ken, kini*) и в Альпах (р.-ром. *kuin* и др.); *dies* возвращает нас снова к отмеченной выше двойственности: в каталанском живут *dia* и *jorn*; в испанском и португальском только *dia*.

Приведенный выше перечень особенностей пиренейской латыни, конечно, отнюдь не является исчерпывающим. Да он и не может быть таким, так как мы не располагаем в достаточной мере материалами, характеризующими древнейшую стадию латыни на полуострове, и потому лишены возможности дать исчерпывающую или сколько-нибудь точную картину. Мы можем отметить только некоторые данные и процессы в языке, истоки которых восходят к столь отдаленной поре, как наша, — черты, которые улавливали, несомненно, и внимательные наблюдатели древности и которые они определяли как испанизмы в широком смысле этого слова.

¹ Слово это имелось в ст.-итальянском (*favolare*), в провансальском (*faular*) и французском (*fabler*), но не приобрело того положения, которое оно приобрело на полуострове. Каталанский дает в том же значении *parlar*.

Наша характеристика пиренейской латыни требует, однако, и еще одной очень существенной оговорки. Не следует представлять себе дело так, как будто латынь эта являлась единым языком. Общий тон ее одинаков, но тон этот был на территории полуострова далеко не везде однообразно насыщенным. Известные черты строя или фонетики распределялись отнюдь не равномерно, так же как известные лексические особенности являлись принадлежностью далеко не всех уголков обширной провинции. Многие пиренейские иберизмы или кельтизмы получили более широкое распространение на полуострове только по истечении довольно значительного промежутка времени. Следовательно, то, что мы называем испанской латынью, есть в сущности совокупность известных общих языковых тенденций, совокупность некоторых общих лексических особенностей.

Насколько тенденции эти имеют некоторую общую направленность, они позволяют нам наметить известную границу между латинским языком Испании и языками других романизованных областей империи. Насколько они распределены неравномерно на территории Иберийского п-ова, они образуют ряд трещин, и то, что представляется нам издали некоторым подобием единства, оказывается на самом деле, при ближайшем рассмотрении, пестрым и иногда даже противоречивым.

Трещины эти обнаружились перед нами уже в противоречиях юга и северо-востока.¹ Пытаясь объяснить их возникновение, мы должны были констатировать, что они коренятся в различиях романизации, но отражают в конечном счете и местные, исконные культурные условия, обусловившие самый характер романизации.

Романизация была могучим уравнивателем; но огромной силой являлась и сила традиции, с которой ей приходилось бороться веками и не всегда с успехом. Мы видели, что римская административная или христианская церковная сетка, в сущности, не желая того, были вынуждены считаться с наличной „сеткой“, отражавшей очень древние культурные расхождения, являвшиеся выражением экономической и социально-политической жизни народов полуострова. Если организация и активность этой подпочвы надолго пережили работу позднейших наложившихся на нее исторических слоев, то совершенно естественно видеть источник позднейших языковых расхождений прежде всего в субстрате, т. е. в тех навыках речи и мышления, которые были свойственны издавна романизуемым массам. Отдельные группы покоренного населения могли усвоить латинский язык в совершенстве и вовсе забыть родной; но в той среде, где билингвизм удержался дольше, где нормирующее влияние школы и книги почти отсутствовало, где латинские речевые формулы с „акцентом“ и „испанские обороты“ были в массовом употреблении, там живой тип латинской речи складывался в особом плане и отражал влияние того, что слишком долго являлось родным языком. Между тем именно массовый, „вульгарный“ язык и был базой испанской речи.

К сожалению, тезис этот пока еще недостаточно подтвержден бесспорными фактическими данными, так как наши сведения о древних языках иберов, тартессов, мастиенов или кельтов, а, с другой стороны, сведения о народной латыни неполны. Большая часть морфологических и часть фонетических особенностей испанской латыни имеют аналогии

¹ Напомню здесь, кстати, что распадающейся приблизительно на те же две части с точки зрения романизации рисуется Испания и Пруденцию, который сам был родом испанец: „quos Tagus aurifluus, quos magnus inundat Iberus“ (Contra Symmachum, V, 501 сл.).

в той или другой области Романии. Но ряд фонетических явлений, о которых на древнейшем этапе истории латинского языка в Испании мы не можем судить непосредственно, о которых мы поэтому пока не говорили, но к которым нам еще придется вернуться, находят себе объяснение именно в „субстрате“. Наконец, огромный интерес с точки зрения отношений к последнему представляет собой явление синтаксиса. Но эта область пока еще не может считаться достаточно глубоко изученной, и потому от нее менее всего можно ждать сейчас доказательств.

Еще в IV в. св. Иероним, отмечая изменчивость латыни, говорил, что она „меняется ежедневно соответственно областям [т. е. месту] и времени“.¹ Эти изменения мы имели в виду выше, говоря об испанской латыни. Что касается социальных диалектов, то социальные расхождения не давали еще в ту отдаленную эпоху в области языка такой яркой картины, какую они дают в наше время. Но, конечно, между речью горожанина, особенно прошедшего школу, и рядового крестьянина разница существовала уже в ту пору. Однако в условиях упадка поздней империи, когда старое культурное наследие постепенно утрачивало свою прежнюю силу и влияние и становилось все более и более достоянием непрерывно тающего меньшинства, значение письменной нормы как регулирующего начала падало. Литературная латынь уже в V в. превратилась в мертвый язык, и это обстоятельство постепенно увеличивало расстояние, отделявшее ее от обиходного, живого языка, продолжавшего развиваться свободно. В известной мере разрыву с литературной традицией в языке способствовало и христианство. Какую бы школу ни проходили его наиболее культурные представители, как бы ни ценили они мастерство античных писателей, эти последние были для многих из них все же язычниками, а их литература не от того мира, который был близок и дорог христианину. Для какого-нибудь рядового служителя церкви это долго были греховные книги и культура их языка — греховным делом. Связи со старой нормой порывались и утверждались права обиходной или вульгарной речи.

С этой поры рядом с языком меньшинства, старающегося писать, следуя классическим образцам, на мертвом латинском языке, появляется письменность, язык которой сохраняет более или менее строй классической речи (склонения, пассив, старые предлоги, наречия и т. п.), но уже насквозь проникнут колебаниями и непоследовательностями, плохо прикрытыми орфографией, синтаксическими и лексическими новшествами, словом — пропитан народными элементами. Этот язык и воспринимается теперь как латинский. Попытки воскресить старую классическую латынь, предпринимавшиеся особенно во Франции в эпоху так наз. карловингского Возрождения и позже, в XII в., были искусственны, а потому не могли вернуть ей жизнь и только еще более подчеркивали расхождение между нею и народным языком. Следствием этого разрыва является обращение к последнему во Франции в литературных целях как раз в IX в. при сохранении за латынью значения преимущественно языка документа. Там, где не было искусственного подогревания латыни, обращение к вульгарной литературе произошло позднее, но зато раньше стали пользоваться народным языком в области документа. Так или иначе, народная речь, получив полную свободу, развертывала все сильнее скрытую в ней энергию развития. Однако, несмотря на все увеличивающееся расхождение между живой речью и языком книги, связь между

¹ „Ipsa latinitas et regionibus quotidie mutatur et tempore“ (Hieronym. Comm. epist. ad Galat., II, 3).

ними не порывалась вполне. Посредниками являлись прежде всего церковь, а затем и школа и государственные учреждения, так как все это сохраняло какое-то элементарное знакомство с литературным языком и таким образом в некоторой степени поддерживало общение между разошедшимися формами выражения; благодаря им в народный язык продолжали проникать так наз. книжные элементы, ученые слова или, как говорят испанцы, *voces cultas*.

Все это пережила и Испания и все это оставило следы в ее языке. Испания, и прежде всего наиболее глубоко романизованные ее части, с большим трудом отрывавшиеся от литературной традиции, довольно поздно обратилась к вульгарной письменности¹ и долго архаизировала в своей полународной латыни, где бок-о-бок с корректными формами стояли всевозможные *adebisci* вм. *adipisci*, *semeleter* вм. *similiter*, *reliosis* вм. *religiosis*, *a fronte amobus careat oculis* вм. *ambobus* с. о., *autairo* вм. *altario* и т. п.² Но условия сохранения и такой формы латинской традиции ухудшались. Мы знаем, что испанские школы пришли в упадок уже к VI в. На рубеже между VI и VII столетиями раздаются жалобы Лициниана, еп. Картагенского, сетующего на упадок культуры духовенства, благодаря чему бывает даже трудно найти священника, знающего о том, что Иисус был распят, в силу чего епископу не приходится быть слишком разборчивым, так как, будучи таковым, он рискует остаться вовсе без помощников.³ С другой стороны, такие люди, как Исидор Севильский, бывший сам латинским писателем, запрещал монахам читать древних авторов. Традиция неизбежно расшатывалась; но процесс этот в Испании протекал довольно медленно. Менéndес Пидаль полагает, что местная вульгаризованная латынь сохранялась в испанской письменности до половины XI в. Положение вещей в области латинского языка и литературы меняется только с водворением французского влияния, сменившего влияние выходцев из арабской Испании, с клюнийской реформой и проникновением в Испанию схоластики, когда и в сфере языка наступило влияние схолистического идеала. Эта эпоха новой латыни начинается с XII и тянется через весь XIII в.

И в Испании, как мы уже отметили выше, не было абсолютного разрыва между латынью и вульгарным языком. И Испания знает „культизмы“, которые не переставали просачиваться в язык то небольшой струей, то более широким потоком в зависимости от развития и роли латинской литературы и языка на данном этапе или в данной среде. И пути проникновения этих элементов в вульгарную речь были те же, что и в других европейских языках. Так, рядом с *siesta* 'отдых' из *sexta* (*hora*) буквально 'шестой час', откуда „сьеста“, потому что она обозначала первоначально отдых в шестой час,⁴ мы имеем *sexto|a* 'шестой'; рядом с *artejo* 'сустав', 'большой палец ноги' < *articulu* — *articulo* (в анатомическом языке: сустав, в обычном: статья, параграф), с *cercha* 'наугольник' (спец. вид обода) — *círculo* 'круг', 'циркуль'. Иногда ученое слово идет на большие фонетические уступки; так *amabilidad* уже одними своими размерами выдает свое происхождение. Полукнижным является *tilde*, обозначающее характерную черточку, помещаемую над *ñ* с целью отметить его палатальное произношение: *dueña*, *Coriña*. Это — лат.

¹ Первые связанные памятники относятся только к XII в. В X в. мы имеем лишь краткие глоссы.

² Примеры см. у Menéndez Pidal (*Orígenes*, I, 478—479).

³ Eichhorn. *Allgem. Gesch. d. Cultur*, II (1799), § 467.

⁴ Первым часом считалось 6 час. утра.

titulu, превратившееся в *tidulo > *tidlo > *tildo; если бы оно было словом, прошедшим обычным путем, оно дало бы *tejo. К той же категории полукнижных слов относятся, напр., и *cabildo* 'церковный капитул', 'городская власть' < capitolu; старое *malso* 'человечек' (в новоисп. особый вид корня) < masculu; географические названия и имена городов, которые благодаря их роли и значению часто употреблялись в своей латинской форме: *Córdova* < *Córduba*, *Gallego* < *Gallicu* (ср. *galgo* 'борзая'), останавливают внимание своим дактилическим ударением, которое преобладает в восточной части Р.мании. Пути, которыми такие слова проникали в язык, были обычно церковь и книга: *virgen*, *diablo*, *espíritu*, *siegle*, *siglo* 'век, мир' = saeculu дала церковь; *familia* рядом с *semeja* 'знак, признак', *carbúnculo*, *próximo*, суффикс -icia (в *justicia* рядом с *justeza*) и др. дала книга.

Через церковь проник в испанский, между прочим, и ряд греческих „ученых“ терминов, вроде *eclesiarca*, *hipóstasis* и т. п. Церковному влиянию романские языки обязаны греческим суффиксом -ía, столь широко использованным в них, и именно с этим ударением, которое было восстановлено в культурных кругах древнего мира: ср. более ранние *história* греч. *ἱστορία*, е(с)clésia, греч. *ἐκκλησία* и более позднее *sophía*, греч. *σοφία*, *symphonia*¹ и т. п., за которыми потянулись и новые образования, как исп. *mercadería* 'товар', *alegría* 'веселость', *cortesía*, *romería* 'паломничество' и мн. др. Но многие греческие слова вошли в испанский и из живого латинского, из его греческого фонда (образовавшегося еще в эпоху контакта с греками в Великой Греции), а потому это термины общероманские. В подавляющем большинстве это слова, принадлежащие древнему слою заимствований. Более поздние заимствования, отражающие влияние эллинистической культуры на латинскую или влияние византийцев в эпоху их господства в Испании (до 624 г.), немногочисленны.

В качестве пробного хронологического камня лучше всего пользоваться трактовкой греч. η, υ и согласных ϑ, φ, χ, так как колебания в отражении таких звуков, как ο и ω, не дают достаточно прочной точки опоры.² Звук υ в старом слое воспроизводится при помощи лат. u: *πορφύρα*, *purpura* исп. *porpora*, в арабско-испанской письменности (аль-хамиа) *polbra*; *κυβερνᾶν*, *gubernare*, *governar*; *κοῦρτα*, *crüpta*, *gruta* 'грот', 'пещера'.³ Греч. η дает в том же слое e: *Κρήτη*, *creta*, *greda* 'глина', 'мел'. Аспираты, произносившиеся образованными людьми как th ph, ch (ϑ, φ, χ), передавались в живом латинском через t, p, s: *σπάθη*, *spata*, исп. *espada* 'меч'; *πάλαυξ*, исп. *palanca* 'рычаг'; *κόψα*, исп. *cuensa* 'чашка'. В более позднее время φ стало воспроизводиться при помощи f:⁴ *ὄφρανος*, исп. *huérfano* и т. п. Когда римляне познакомились с греческим миром ближе, то они усвоили, между прочим, и аттическо-ионическое произношение υ как ü, откуда и передача его особым знаком у: *physis*.⁵ В IX или X в. оно превратилось в i.

¹ Обозначающее симфонию и спинет, клавичембало. Испанский знает и *sinfonia*, ср. ст.-фр. *si/efoine* с тем же значением.

² υ может давать в неученых рефlekсах и открытый и закрытый звук; ср. исп. *cedro* (< *cēdrus*) и *yermo* 'пустынный' (< *ἔρημος* > *er'mus*); ο дает закрытый, но и открытый звук (ср. *torno* 'поворот', 'токарный станок', 'прялка', из греч. *τόρνος* и *cuerda* 'веревка', *χορδή*). Звуки η и ω склонны заменяться как будто открытыми e и o, но далеко не всегда.

³ Это и является редким рефlekсом. См. Meyer-Lübke. *Gramm. d. rom. Spr.*, I, § 17.

⁴ „Amfora non ampōra“ („App. Probi“).

⁵ Там же: „myrta non murta“.

Чуждый широким кругам *й* был превращен в *і*, откуда, между прочим, и исп. *cima*, греч. *κῆμα*, *yeso*, греч. *γῦψος* через *gīrsus*, *gīro*, греч. *γῦρος*.

Еще более поздний слой, выходящий из новогреческого, характеризуется передачей *η* как *і* и сохранением глухих: *ἀποθήκη* отражается в исп. *bodega* 'винный погреб', 'трюм', и *botica* 'аптека', *τάπης* — *tapiz*, *κithára* — *guitarra*.

Итак целый ряд причин обусловил омертвление старого языка письменности. С упадком империи центробежные силы в языке живого общения получили бóльшую свободу действий; местные и социальные расхождения обозначились отчетливее в Испании, как и во всей Романии. Все расползалось. Государство перестало быть связью. В эпоху крушения империи более жизненными оказались, может быть, связи церковные, но и церковь должна была в конечном итоге пойти общим путем развития и отразить в истории своей организации углубление процесса разъединения.

Христианство распространилось в Испании довольно рано. Христианские общины существовали в провинции уже во II в. и, во всяком случае, с начала III в. Старейшим епископатом был г. Акци (Асси),¹ лежавший в Карфагенской провинции, на самой границе ее с Бетикой, на большой дороге между Нов. Карфагеном и Кóрдубой. Позднее организовались епископии Кóрдубы, Севильи, Тукци (нын. Марос), Кастулон (нын. Каслона), Ментесы (нын. Хаэн), Эльвиры и Укци.² Церковные организации Эмериты, Тарраконы, Сарагосы и Леона существовали, возможно, уже во II в. Таким образом христианизация, как и романизация, окрепла прежде всего на юге и отсюда уже стала распространяться далее. Северо-восток организовался в церковном отношении несколько позднее. Точные сведения о более крупных церковных объединениях (метрополиях), дошедшие до нас, относятся ко времени не ранее IV в. В эпоху синода в Сардике (344 г.) в Испании существовало шесть больших церковных округов, а именно: Бетика, Луситания, Галисия, Карфаген, Тарракона и Барселона; в состав барселонского округа входили и Балеарские о-ва. В VI в. Каталония принадлежала к Тарраконской церковной провинции; крайним западным пунктом последней была Сарагоса, ранее, вероятно, и Калаорра. Карфагенская провинция включала в себе на западе и северо-западе Толедо, Сеговию и Паленсию. Таким образом церковные деления в начале готского владычества совпадали со старыми римскими административными, т. е. в основе своей с еще доримскими культурными расхождениями. Однако отсутствие упоминания в конце VI в. делегатов Калаорры или Валенсии в составе членов синодов от метрополий, к которым они принадлежали, указывает уже на известные расхождения внутри диоцез, явившиеся следствием каких-то местных трещин и перегруппировок, напоминающих о позднейших лингвистических делениях.³

Мы могли бы перейти теперь к характеристике той социально-политической обстановки, в которой очутился латинский язык на полуострове в пору вестготов. Но прежде чем обратиться к этому моменту, остановимся на одной детали предыдущей поры, детали, далеко не безразличной для истории испанской латыни.

¹ Современный Guadix.

² G a m s. Kirchengesch. v. Spanien, II, 21 сл.

³ José Sanchis y Sivera. La diócesis de Valencia, 321 (цит. у Мейера-Любке в „Das Katalanische“, 184). Валенсия принадлежала к Карфагенской провинции, но сама связывала себя, очевидно, с провинцией Тарраконской, т. е. с северо-восточной частью полуострова.

Когда мы говорили выше о тех причинах, которые обуславливали на очень раннем этапе романизации расхождения в латинском языке на полуострове и отводили в них значительное место субстрату, мы как будто упустили из виду еще один возможный фактор изменений, а именно состав колонизирующего элемента. В ту или иную часть Испании могли быть направляемы значительные массы переселенцев из какой-нибудь определенной области Италии. Перебравшись на новую родину, они приносили с собой, естественно, родной язык, и этот-то язык и мог стать языком туземного населения, подвергшегося романизации. Отрицать же для данной поры наличие в Италии местных языковых расхождений, т. е. диалектов, у нас нет оснований. И действительно, на испанской языковой территории есть участок, где такого рода явление, повидимому, имело место.

В северо-восточной части полуострова и в смежных областях юго-западной Франции мы наталкиваемся на ряд фонетических явлений, которые сразу же останавливают на себе внимание наблюдателя. Это прежде всего ассимиляция лат. mb в m : $ambos > atos$. Территория, на которой распространено это m , охватывает Каталонию, верхн. и нижн. Арагон, Баскские провинции, Кантабрию и Старую Кастилью; за пределами Испании мы находим его в смежном с Каталонией Руссильоне и во всей Аквитании. Аналогична этой ассимиляции другая: лат. nd $> n$: $andare > anar$. Область ее несколько менее обширна; она обнимает Каталонию, Руссильон, значительные пространства на юге Аквитании, Арагон и районы Саагуна и Торо в южном Леоне. Третьим фактом является ленизация $tenues$ после носового или плавного, т. е. $nt > nd$ ($calentare$, араг. $calendarse$), $nc > ng$ ($spelunca$, Ансó $espelunga$), $lt > ld$ ($saltus$ 'лесистое ущелье', $Saldo$ — местность близ Эскаррильи в долине р. Гальего), $rt > rd$ ($urtica$ 'крапива', Ансó $sordiga$) и т. п. Эта последняя черта составляет особенность только западных Пиренеев, а именно Басконии, Бигорры, Верхн. Арагона и в старое время встречалась в небольшом районе в Леоне.¹ Так как мы находим тождественные явления в южной половине Италии, начиная с южных границ Тосканы, и их легко связать с оскско-умбрийским, то Менéndес Пидаль считает эти испанские аналогии результатом оскско-умбрийской колонизации. Занесенные на северо-восток полуострова, они распространились затем на довольно значительной территории, проникнув даже за Пиренеи во Францию. Менéndес Пидаль ссылается в оправдание своего объяснения, во-первых, на то, что область города Оски (нын. Уэски) была заселена и романизована оском Серторием, память о чем хранит самое название города, и, во-вторых, на тот факт, что согласно указанию древних памятников Серторий требовал от местных знатных людей, чтобы они посылали своих детей в устроенные им школы. Однако по этому поводу следует напомнить, что Серторий провел в крае всего 8 лет (80—72 гг. до н. э.) и что большую часть своих сил и времени он отдавал борьбе с Римом. Но даже если бы деятельность Сертория и имела тот характер, который ей приписывает Менéndес Пидаль, то то, что он стремился привить местным людям, была, конечно, чистая латинская речь, язык хороших римских писателей, и хотя он и был оском, он был в то же время уже в достаточной мере римлянином, чтобы в I в. до н. э. понимать, что романизация должна быть романизацией, а не оскизацией. Тем не менее проникновение в край оскских речевых навыков все же было бы возможно, если предположить переселение сюда осков. Но Серторий был

¹ Относящиеся сюда карты даны у Menéndez Pidal (Orígenes, I, 304); для Арагона см. A. Kuhn. Der hocharagonesische Dialekt, в Rev. de ling. rom., XI, Париж, 1935, карта 4, стр. 70. Там же (69—72, 256—259) дана и литература вопроса.

беглецом и едва ли имел возможность, не говоря уже о коротком времени, которое он провел в Испании, наладить связь со своими земляками и перевести их сюда в сколько-нибудь значительном количестве, ибо ведь только при этих условиях можно допустить языковое влияние. Переселение требовало и средств, и времени, и постоянных связей с югом Италии, что в обстановке борьбы является делом маловероятным. Остается название города Оски, вопреки всему как будто подтверждающее факт переселения. Но уже Мейер-Любке говорит о возможности сопоставления этого имени с гальским *Ossola* < **Oscila* (уменьшит. к „ясень“) и он же цитирует *Oscua* у Плиния (3,10), суффикс которого играет довольно важную роль в топонимике Иберии.¹ Как бы чувствуя возможность возражений и зная о наличии в баскском перехода $mb > m$ и ленизации согласных, Менéndес Пидаль допускает возможность в этом пункте встречи двух аналогичных процессов, в результате чего „иберо-баскский мог способствовать распространению этой диалектической особенности ($mb > m$)“.²

При ближайшем рассмотрении отмеченных выше явлений выясняется, между прочим, что $mb > m$ имеется в Сицилии и в Пикардии, Валлонии и в центре Франции, в Морване.³ Пикардия и Валлония знают и $pd > p$, а $ld > l$ известен и в северном диалекте Сардинии (Галлура). Наконец $mb > m$ встречаем мы и в р.-романском.⁴ Кун констатировал наличие его в арагонском, зап.-астурийском и в сев.-кастильском (*montañés*), где мы имеем соответственно *tamyén*, *tamén*, *tamién*. Такие факты говорят как будто о широкой распространенности процесса и возможности его независимого возникновения в различных местах. Однако интересующие нас явления несколько иного порядка, так как речь идет о тождественных фактах, имеющих место в двух смежных областях, принадлежащих двум совершенно различным языкам — баскскому и романскому. Отсюда ясно, что один из них должен быть исходной точкой. Так как наши изменения имеют место по обе стороны гор и в небольшой только части Арагонии, то естественнее всего признать примат за басками, тем более, что упомянутая верхнеарагонская территория составляла в свое время, в сущности, продолжение Басконии, как на это указывает местная топонимика. Следовательно, интересующие нас звуковые явления должны были распространяться скорее всего с запада на восток. Если предположить обратное, то пришлось бы допустить, что латинские или, точнее, оско-умбрские фонетические процессы проникали очень глубоко в эти глухие части полуострова и что баски оказались способными воспринять их, между тем как до сих пор нам было известно, что баски ограничивались исключительно лексическими заимствованиями, приравнивая чужие слова к требованиям своей фонетики, и притом в такой мере, что изменяли чужой материал иногда, по словам Шухардта, до неузнаваемости.⁵

Вывод, который мы делаем, изучая пути распространения отмеченных выше явлений, имеет и существенное принципиальное значение.⁶ Даже если допустить, что среди колонистов были оско-умбры, которые принесли с собой свои языковые навыки, то из предыдущего ясно, что они не оставили никаких следов их на своей новой родине. Очевидно, что

¹ Das Katalanische, 174 (со ссылкой на „Homenaje“ Menéndez Pidal). Ср. Wartburg, в Zs. f. rom. Ph., XLVIII, 460.

² Orígenes, I, 298—299. В баскском мы имеем *komentuá* — *convento*, *emaúste* — *embusto* и т. п.

³ См. карту у Менэндеса Пидалья (Orígenes, 304).

⁴ См. ту же карту.

⁵ Baskisch u. Romanisch, 8.

⁶ Отрицательно относится к гипотезе Менэндеса Пидалья и А. Кун (ук. соч., 257).

в условиях столкновения различных диалектов между собой, текучести колонизационной массы и наличия среди пришельцев говора, который все привыкли считать нормой или весьма близким к ней типом, мелкие различия стираются и регулирующей местную речь силой оказывается признанная норма. На эту равнодействующую ориентируется вся масса колонистов. Так было и в интересующем нас уголке Испании, и мы, таким образом, должны устранить допущенное нами теоретическое предположение о влиянии языкового состава колонизирующего элемента на будущий язык колонии. В некоторых случаях, как, напр., в условиях сплошного однородного заселения, оно, пожалуй, возможно; но будет правильнее каждый конкретный случай пересматривать наново.

3

В экономическом отношении романизация означала для покоренных провинций внедрение и укрепление рабовладельческого хозяйства, будь то какие-нибудь поместья или рудники или ремесла. Положение народной массы в римской деревне или городе было крайне тяжелым. Огромные латифундии совершенно задавили остатки свободного труда. Когда рабский труд стал малопродуктивным, были сделаны попытки прибегнуть к свободному труду, но они кончились тем, что свободные труженики, какие-нибудь земледельцы-арендаторы, очутились в положении крепостных. Римские порядки в провинции означали пышный расцвет землевладельческой знати, как римской, так и слившейся с нею местной, туземной; преуспевание откупщиков и крупных торговцев, предпринимателей и спекулянтов различного ранга, наводнявших провинции; алчную гражданскую и военную администрацию, старавшуюся максимально использовать свое кратковременное пребывание на руководящем посту и возможно лучше нажиться на администрируемых; их помощников, соперничавших с начальством; позже — церковь, не отстававшую от светских людей, после того как она добилась своего признания государством и стала на путь предпринимательства и эксплуатации паствы. Римское государство было мачехой трудящегося, с которой он боролся, против которой восставал (рабы, крестьяне), от которой бегал к варварам, где он убеждался, что у них во многих отношениях трудовому человеку живется легче: их варварский общинный строй обеспечивал ему известную свободу.¹ Какое же было у народной массы основание оказывать проникающим в пределы империи варварам сопротивление, когда, освобождая ее от римского гнета, они оказывались ее союзниками? Другого выхода не было. Иное дело такие народы, как кантабры, астуры или баски, на Пиренейском п-ове: они были недосыгаемы, защищены самой природой, а потому здесь борьба была целесообразной.

Имущим классам нашествие варваров наносило чувствительный удар: земельным собственникам приходилось уступать завоевателям значительную часть своих владений; знатым людям вообще — лишаться своего привилегированного положения и руководящей общественной роли, прежних выгодных связей и, следовательно, всего, что отсюда вытекало. Но перераспределение земель было не повсеместным. Варвары обычно желали управлять в качестве представителей императора; они ценили, правда по-своему, римскую культуру, стремились приобщиться к ней, а некоторые племена, как напр. готы, вступали в пределы империи, уже пройдя предварительно некоторую школу романизации. Варварская

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. 1937, 205.

власть искала контакта с местным населением, старалась устранять условия, препятствовавшие этому, там, где они имелись. Варварское общество постепенно и незаметно романизовалось, приобретая не только привычки, но и замашки романизованных провинциалов. Учитывая все это, знатные и имущие люди переходили постепенно от борьбы к сближению, искали новых связей, влияния и положения, пользуясь своим культурным превосходством или обладанием специальными познаниями. Так складывалась постепенно жизнь в новых государствах, основанных варварами. Наступала новая полоса романизации, заканчивавшаяся тем, что, несмотря на ряд отмен в пользу массы, уцелевшие элементы местных имущих классов, соединившихся с пришлыми, принимались за совместную эксплуатацию трудящихся.

Все это пережила и Испания.

В 409 г. на полуостров проникли из Галлии через ронсевальский горный проход вандалы, аланы и свевы. Появление германцев в провинции совпало с моментом борьбы испанского губернатора Геронтия с имп. Константином. Не считая себя в достаточной мере сильным, Геронтий призвал на помощь германцев, и соединенными усилиями они нанесли поражение Константину, который должен был после этого отступить в Галлию. В то время как Геронтий бросился туда за ним, германцы спустились по большой римской дороге, шедшей от Пиренеев через Памплону, Бургос, Леон, Самору, Саламанку, Мэриду в Севилью, на юг, и распространились по западным и южным, т. е. наиболее богатым и, частью, наиболее культурным, областям полуострова. За Геронтием остался, вероятно, по уговору, северо-восток. Однако в борьбе своей с императором Геронтий успеха не имел; он скоро лишился поддержки войска и в 412 г. погиб. Через два года после этого (414) между империей и германцами был заключен договор, согласно которому за германцами были сохранены занятые ими земли на условиях защиты полуострова. За свевами осталась Галисия, за вандалами — Бетика; аланы получили Луситанию и часть Карфагенской провинции.¹ Таким образом Испания расплозлась, но по старым швам: новый раздел полуострова прошел в основных чертах по старым рубежам и сохранил старую противоположность южных и юго-западных его областей — северо-восточным, оставшимся в руках империи.

Однако пребывание большей части осевших в это время в Испании германцев было настолько же недолговременным, насколько быстро они овладели занятыми ими территориями. Уже в 429 г. Гейзерих со своими вандалами и присоединившимися к ним аланами переехал в Африку, и испанская топонимика отметила кратковременность владычества их тем, что почти не сохранила сколько-нибудь надежных соответствующих местных названий.² Толкование термина „Андалусия“ как *Vandalitia* наталкивается на возражения не только лингвистического порядка. Дози считал его арабским, обозначавшим первоначально место, где совершилась переправа вандалов в Африку (*Portus Vandalorum*), *Tractus*, как называет его Григорий Турский, *Tarifa* (подле Гибралтара).³ Но при этом предположении необходимо допустить наличие элемента *Vandal* и объяснить отпадение *V*-, даже если, как это делает Шухардт, отыскать аналогии к образованию *Al Andalus* в арабском или бербер-

¹ L. Schmidt. *Gesch. d. Vandalen*, 26 сл.

² „Может быть, — говорит Менéndес Пидаль, — сюда относится *Bandaliés*, в окр. Уэски, формально напоминающее *Arbaniés*, *Banariés*, *Señiés* и др. с иберским суффиксом *-ez* (без дифтонга — *Senés*, *Linés* и т. п. — и те, и другие в районе Уэски)“ (*Orígenes*, I, 532).

³ D o z y. *Recherches sur l'hist. et la litt. de l'Espagne*, I, 39.

ском.¹ Другим термином, напоминающим об этой поре, считают Каталонию, в которой видят *Got-Alania*. Но чтобы принять это толкование, нужно прежде всего объяснить переход начального *g* в *s(k)*, которое мы имеем в *Catalá*, *Cataluña* и т. д. Приходится допустить посредничество арабов, т. е. иначе предположить, что термин надолго пережил уход аланов в Африку в 429 г. А между тем пребывание аланов на полуострове было весьма непродолжительным, и память о них едва ли могла сохраняться слишком долго. Наконец — географические отношения. Аланы, помимо доставшейся им по жребию Луситании, получили земли подле нового Карфагена; но территория эта не была никогда связана с Каталонией или Валенсией, почему придаток *Alania* к Готии, отвечавшей первоначально Тарраконской провинции, тогда как Алания была связана с провинцией Карфагенской и, следовательно, с вандалским югом, — является исторически неоправданным.²

Наиболее прочно осели свевы, поэтому и топонимика сохранила о них более отчетливые и многочисленные следы. В пров. Корунья, напр., ряд населенных мест носит название *Suebos*; сюда же следует, несомненно, отнести и те *Suegos*, которые мы встречаем в районе Луго, и *Puente de Sueve* в округе Овьедо, между Колунгой и Ривадаселья.³ Область свевов — это, как мы видели, северо-западный угол полуострова, но отсюда они стремились овладеть и южными и юго-восточными его частями.

В 415 г. из южной Галлии спустились на полуостров, продвигаясь средиземноморским побережьем, теснимые франками вестготы.⁴ Они занимали первоначально северо-восточные иберские области Испании.⁵ Уход вандалов и аланов открыл вестготам путь на юг и поставил их лицом к лицу со свевами. Борьба закончилась только при Лиувигильде (582—586), которому и удалось распространить власть вестготов на весь полуостров, подчинив себе его запад и центр и парализовав на некоторое время сопротивление басков. Испания очутилась вновь в одних руках, была объединена территориально. Несколько ранее она получила и свой постоянный административный и культурный центр, свою столицу — Толедо; этот город, приобретший скоро репутацию одного из ученейших и просвещеннейших городов Зап. Европы, игравший уже ранее важную роль в церковно-политической жизни страны, не замедлил стать центром и языковой иррадиации, явившись, таким образом, выражением единства вестготского государства.

Процесс объединения шел и по другой линии. Необходимо было внутренне укрепить королевство, а для этого сблизить завоевателей

¹ В венской „Zs. f. Kunde d. Morgenlandes“, XXII, 399.

² Памятью об аланах Менéndес Пидаль считает, между прочим, такие местные названия, как *Villa Alán*, нын. *Villalán* близ Вальядолида; *Puerto del Alano* близ Уэски (Orígenes, I, 532). Но, как выше в случае с *Bandalíes*, фонетическое сходство названий приобретает надлежащую доказательную силу только при устранении возможности других объяснений.

³ Orígenes, I, 532—533. Ср. также различные *Sabín*, *Sabegode*, *Villa Sabariego*, *Agro de Savili*, *Saboy*, *Jabariz*, *Jabalde* с компонентом *Sab-*, *Jab-*.

⁴ Центром их поселений в Галлии была Тулуза. Последняя была занята Хлодвигом в 508 г. В руках готов с этого времени оставалась только Септимания, т. е. прибрежная полоса от Роны до нынешней столицы Каталонии. При Пипине Коротком готы потеряли и Септиманию. См. карту их поселений в Галлии с указанием районов наиболее интенсивной готской колонизации у E. Gamillscheg (*Historia lingüística de los visigodos* в *Rev. de fil. esp.*, XIX, 1932, 123).

⁵ Так как они недолго задержались здесь, то каталанская топонимика несравненно беднее германскими названиями, нежели галисийская или португальская. См. Meyer-Lübke. *Das Katalanische*, 187. Вопрос этот пока еще недостаточно разработан. См. карты у Гамильшгега (ук. соч.).

с завоеванными. Проблема эта стояла перед властью уже в V в., и на разрешение ее была направлена политика Эурика (467—485), который первый занял прочно часть территорий южной Испании с ее враждебным готам романским населением. В VI в. о сближении немало старался Атанагильд (554—567), брат и предшественник Лиувигильда, в борьбе которого с Агилой опять отчетливо обозначились антиготские группировки на юге, опиравшиеся на Византию, приглашенную на помощь самим же Атанагильдом и затем, под шумок, значительно расширившую предоставленную ей на юго-востоке территорию, пользуясь содействием южан.¹ В виде серьезной помехи сближению готов и испано-римлян выдвигался мотив арианства готов, который подчеркивали, главным образом, верхние слои населения. Но с переходом Реккареда в католичество (587) помеха эта была устранена и процесс ассимиляции пошел скорее. При Хиндасвинте (642—653) и Рецесвинте (653—672), т. е. менее чем через сто лет после отказа от арианства, было произведено объединение вестготских и испано-римских законов и устранены те из них, которые препятствовали сближению обоих народов. Был составлен так наз. *Fuero juzgo*, т. е. *Forum judicum*, сохранившийся до нас в редакции, какую он получил при втором из упомянутых королей. Грань между германцами и испано-романами стиралась; закон являлся только санкцией того, что уже успела сделать сама жизнь. Если присмотреться к упомянутому законнику ближе, то правильнее было бы говорить о приспособлении норм готского права к римскому. Римские порядки восторжествовали и здесь, как латинский язык над германским. Победенная Испания оказалась сильнее.

Увеличивается число смешанных браков, запрещенных в IV в. императорами Валентинианом и Валентом,² и разрешенных Рецесвинтом (ок. 655 г.).³ Но был ли Рецесвинт первым, отменившим прежний порядок? Готы предпочитают еще деревню городу, но селятся уже попеременно с испано-романами, тогда как первоначально они селились особняком. В испанской топонимике до сих пор сохранились характерные местные названия. Мы имеем ряд Годос в Португалии и в провинциях Корунья и Понтеведра в Галисии, Овьедо в Астурии и Теруэле в Арагоне; Ревильягодос, Вильяторо (стар. *Villa Otoro*, т. е. *V. Gothorum*) в пров. Бургос; Ла Года в пров. Барселоны; Годиеньуш, Годиеньу/о, Годиеньела, Годиеньясуш и т. п. в Португалии; Годонес в окр. Понтеведра; Годохос (<**Gothuculos*) в окр. Сарагосы.⁴ Рядом с этими названиями имеются целые группы поселений, носящих названия Романос, Романильос, Романонес, Романкос (<*Romanicos*), *Romão*, *Romãs* и *Romãinho* (три последних в Португалии).⁵ Жития отцов Мэриды, живших в VI в., отмечают постоянно происхождение своих героев: Масона и Суниа были готами; родители графа Клавдия были римлянами. Но рядом с этим отмечается и то, что епископы Павел и Фиделис были греками, а аббат Нункт — африканцем.⁶

¹ Только в VII в. византийцы были вытеснены из Испании окончательно (при Сисеберте и Хинтиле).

² Кодекс Феодосия, III, IV, 1.

³ „Fuero Juzgo“, III, I, 1 (Zeumer, *Leges Visigoth. antiquiores*, Ганновер, 1894).

⁴ Имена готских собственников или вождей сохраняют такие названия поселений, как *Casanande* (Корунья), содержащее имя Нандус; *Villabalde* (Луго) = *Villa Baldi*; *Villeza* (Леон) = *Villa Aiza*; *Vilabertran* (пров. Херона); *Gasaldoufe* (Вьяна ду Кастелу), в составе которого находится имя Андальфа; *Castro Adalsindo* (Лэрида) = *Castrum Adalsindi* и т. п. Топонимика с именами на -engo < -ing, как напр. *Villa Albarengo* (под 943 г.), типичная для южной Галлии, представлена очень слабо. Это указывает на малочисленность готских пришельцев.

⁵ G. Sachs. *Die germ. Ortsnamen in Spanien u. Portugal* в *Berl. Beitr. z. rom. Philol.*, II, 4.

⁶ Orígenes, I, 531.

Различение готов и римлян мы встречаем и позднее, в XI в.¹ Но это, конечно, уже простая формула, вроде „мавров и христиан“, *moros y cristianos*, которая повторялась по привычке для обозначения всего населения в целом. Практического смысла она не имела. Готы, как это показывают итальянские аналогии, сливались с романским населением легко. Школа, постоянный контакт с культурой и романизованными жителями в южной Галлии оказали огромное влияние. Огромное значение имело то, что готы были немногочисленны.²

Постепенно готы забыли свой язык. Но забыли его и франки. Однако франкские черты во французском гораздо значительнее готских в испанском.

Готские слова на полуострове входят уже в состав древнейшего слоя германских заимствований, как, впрочем, и в других языках, так как они стали попадать в оборот латинского довольно рано.³ К этой категории относятся такие латинские глаголы, как **adrêdare*,⁴ **conrêdare*,⁵ образованные на базе гот. **reþs* (др.-верхн.-нем. *rât*), имеющегося в гот. *und-rêdan* 'принимать в соображение, обдумывать', или *ur-rêdan* 'определять'; **conrêdare* может отражать гот. *ga-rêdan* 'учесть, обдумать'.⁶ Древнему слою принадлежит и *spiuts* 'пика', 'вертел'. Форма *spitus* известна латыни VIII в.⁷ Это ст.-исп. *espeto* (соврем. *espetón*) 'вертел'; сюда же относится *espetar* 'насаживать на вертел'.⁸ Гот. *brīkan* 'ломать' живет в пров. *bregar* 'ломать', гаск. *bargar* 'мять коноплю', кат. *bragar* в том же значении, исп. *bregar* 'раскатывать тесто'; *brega* 'спор, ссора', заимствовано из провансальского, где оно имеет то же значение.⁹ Вероятно из готского проникло в латынь и **krūppa* 'ком', откуда исп. *g(u)rupa*, порт. *g(a)rupa* 'круп у лошади'.¹⁰ К старому слою относится и исп., порт., кат. *bramar* 'рычать', 'кричать' из **bramtôn* в том же значении.

Однако широкое распространение слова не всегда является критерием древности его заимствования. В широкий оборот, но в разное время (и до, и после V в.) и в различные части Романии и независимо могли проникнуть слова более специального значения. Из этой группы мы имеем на полуострове гот. **hariberg*: кат. *alberch* 'пристанище, убежище', ст.-исп. *albergo*; **bandwa* 'значок, отметка': кат. *banda* 'военный значок', исп. *banda* с тем же значением; **krappa* 'крюк': кат. *grapa* 'железный крюк'; *hilms* 'шлем': ст.-исп. и порт. *elmo*;¹¹ *manwjan* 'готовить': кат.

¹ Там же, 536—537.

² Готское население южной Франции, по подсчету Л. Шмидта, в VI в. не превышало 200 тыс. См. Ludwig Schmidt. *Gesch. d. deutsch. Stämme bis z. Ausgang d. Völkerwanderung*, I, 290.

³ Об этом слое в вульг. латыни см. J. Brūch. *Der Einfluss d. germ. Spr. auf d. Vulgärlatein*, Гейдельберг, 1913.

⁴ 'Налаживать, устраивать'. Ср. кат. *arriar* 'убирать паруса', исп. *arrear* 'подгонять выючных или упряжных животных', *arrearase* 'наряжаться'; порт. *arrear* 'украшать', 'обставлять [помещение]'. Ср. с этим ст.-ит. *arredare* 'устраивать, налаживать'; ст.-фр. *areer* 'приводить в порядок'; пров. *aresar* 'приводить в порядок', 'устраивать'; р.-ром. *reder*.

⁵ То же значение. Ср. исп. *corredar* 'приготавливать'; франц. *courroyer* 'устраивать', 'дубить'; пров. *conrear*; исп. *correar* 'делать шерсть мягкой'.

⁶ Ср. *ga-qumþs* — *conventus*.

⁷ M. L. Wagner. *Das ländliche Leben Sardiniens im Spiegel der Sprache*. Гейдельберг, 1922, 154. В диалекте Логудору *ispidu* означает 'вертел'.

⁸ В итальянских диалектах мы имеем ряд аналогичных: *spite* (неап.), *speuto* (ст.-венец.) и др.; в нижне-энгад. *spait* 'игла'. См. REW³, no. 8163.

⁹ Слово имеется в итальянском и французском. Формы даны в REW³, no. 1299.

¹⁰ Франц. *croupe*, пров. *cropa* (откуда ит. *groppe*?). Другие формы в REW³, no. 4787. О вероятности готского источника в виду тонического *y* см. Gamilescheg. *Hist. lingüist.* в *Rev. de fil. esp.*, XIX, 121. Ср. его же „*Et. Wb. d. frz. Spr.*“ под *croupe*.

¹¹ Параллельная форма *yelmo* — отражение франкской формы *hēlm*.

amanir 'готовить', исп. *manir* ('дать мясу полежать перед тем, чтобы его готовить'); **randa* 'край щита': кат. *a ran de* 'у корня, у края'; **rapôn* 'вырывать': кат. *rapar* 'срезать до корня', исп. *rapar* 'сбривать'; **þruk*: кат. *truch* 'удар', 'толчок', исп. *truco*, *truque*, порт. *truque* 'род игры на бильярде', 'хватка, прием'; **darn*: кат. *esdarnegar* 'мучиться', 'усердствовать'; **brukja* 'кусок', 'обрубок': кат. *brossa* 'валежник', исп. *broza* — то же; *fani* 'грязь': кат. *fanch*, исп. *fango*; **spaiha*, кат. *espia*, исп. *spia* 'шпион'.

Третью категорию германизмов составляют вестготские слова; их всего около 90, причем большая часть из них проникла на полуостров до появления самих вестготов. Таким образом часть этих слов оказывается у иберо-романского общей с провансальским, часть с итальянским; но часть принадлежит только романской речи полуострова.

К первой группе относятся: **gasalja* 'товарищ' (букв. товарищ по зале, по комнате): исп. *agasajar* 'приветливо встречать' (откуда кат. *agasajar*), порт. *agasalhar* — то же; **reiks* 'сильный, могущественный': пров. *ric*, исп. и порт. *rico*; **sahrja* 'грубая плетеная корзина': исп. *sera* 'корзина для угляев', порт. *ceira* 'корзина для фиг', пров. и кат. *sarria*; **staka* 'столб', 'устой': пров., кат., исп. и порт. *estaca*; **stampjan* 'топтать': пров. *estampir*, *estampida*, исп. и порт. *estampida*, *estampido* 'короткий резкий звук'; **talôn* 'разорять, разрушать': пров., кат., исп. *talar* (порт. *talar* — испанское заимствование, так как местная форма была *bytar*) и др.

Итало-иберийскими словами являются такие, как **haspa* 'веретено': ит. *aspa*, кат. и исп. *aspa*; **rūkka* 'прялка': ит. *rocca*, исп. *ruca*, порт. *roca*; **stalla* 'конюшня': ит. *stalla* исп. и порт. *estala*; **strigga* 'шнуровальный ремень', ит. *stringa*, ст.-исп. *estringa* и т. п.

Только на иберийском п-ове мы встречаем: **at-lêwis* 'изменник': исп. *aleve* 'вероломный' (**at-lêweins* 'измена', порт. *aleive* 'обман'); **gansus* 'гусь': исп. и порт. *ganso*, *gansa*; **greima* 'маска': кат. *grim*, *grima* 'ужас', ст.-исп. *grimar* 'мерзнуть' (соврем. *grima* 'ужас', 'безвкусица'); *lôfa*: ст.-исп. *lua*, *luva* 'кожаная перчатка' (совр. *lúa* 'дыковая перчатка для чистки лошадей'), порт. *luva* 'перчатка'; **maþwa* 'луг': порт. *mouita* 'кустарник'; **mustriggs* 'подвижный': кат. *mostrenc* 'брошенный', 'бродячий', исп. *mostrenco* 'бродячий', порт. *mostrengo* — то же; **rûna* 'тайна': ср.-век. лат. *adrunare*; **skauts* 'рубец', 'край': исп. *escotar*, порт. *descotar* ('укорачивать с целью подогнать что-нибудь к чему-нибудь'); **tascôn* 'отнимать', 'красть': исп. и порт. *tascar* 'мять', 'жевать' (о скоте); **priskan* 'топтать ногами': кат. *tri/askar* 'расквашивать', 'топтать', исп. и порт. *triscar* 'мешать что-либо', 'производить шум ногами' и другие значения.

Фонетический анализ вестготских заимствований обращает внимание на отсутствие соноризации глухих *t*, *k*, *p*: **fat* 'платье', исп. *hato*, порт. *fato*; **Witila*, галис. *Guitiàn* (пров. Луго); **raka*: кат. *racar* 'огорчаться' (пров. *racarse* 'опасаться'), ст.-исп. *raca* 'несправедливость'; **rapôn* 'срезать', пров., кат., исп. *rapar*. Появление готов на полуострове как раз в эпоху соноризации, которую относят обычно к V—VI вв., указывает на то, что связь между завоевателями и завоеванными в эту пору не была еще достаточно тесной.

Когда это сближение произошло, то готы довольно скоро растворились в новой среде. Характерно, что в то время как „Lex Salica“ дает нам множество франкских правовых терминов, мы почти ничего не почерпаем из „Leges Wisigothorum“.¹ Здесь уже господствует терминология латинская. Вестготских терминов сохранилось не более пяти, и притом в полуиспорченном виде. Слово для обозначения крупного

¹ Mon. Germ. hist., Leges, I.

придворного чина и близкого королю лица, *gardingus* (от *gard* 'двор'), не понимали уже в VII в. и глоссировали его как *astualdus* (от *hazd* 'волосы' и *wald* 'распоряжаться?'), которое не вполне вразумительно и может представлять собою какой-то испорченный термин. Интересно, что ни то, ни другое в иберо-романском не отразилось. Более сохранным оказался имеющийся в романском *wardja-guardia*; *comes scanciarum* (< **skagkja* 'кравчий') живет в исп. *escanciador* (франц. *échanson*). Наконец, *thiufadus* 'тысяцкий' является термином, в котором спутаны *þusundifaþs* и *þiu-faþs* (от *þius* 'раб', 'слуга'). Другие германские слова, приводимые в вестготском кодексе, — франкские. Таковы *leudes*, который часто встречается в „Салической Правде“, или *saio*, *sagio* 'исполнитель судебных решений', исп. *sayón* 'палач', вероятно заимствованное из того же источника.

Древние франкские элементы на полуострове не такая уже редкость. В особенности часты те, которые связаны с историей костюма. Франкское **falda* 'ткань для обертывания', известное в Галлии (пров. *falda* 'женское платье', *faudes* 'свивальник', в швейц. кант. Во), по всей Италии и в Сардинии,¹ знакомо и испанскому: *falda* 'складка', 'женское платье' и другие значения, и португальскому: *fralda* 'женское платье'. Если бы мы имели дело с готским термином, то **falþa* дало бы в латинском *falta*, или надобно допустить поздний готский переход *lþ > ld*, а между тем слово, несомненно, старое.² Кроме того именно франкский дал довольно много терминов, относящихся к одежде: **rauba* 'платье', **hōsa* 'длинные штаны' имеют очень широкое распространение; областными словами являлись **harja* 'грубое платье', **hrök* 'куртка', **kotta* 'грубая шерстяная ткань', **huba* 'чепец', **lodari* 'одеяло из особого холста', **gordil* 'кошелек на поясе'.

По содержанию значительная часть готских терминов принадлежит категории слов, связанных с войной и военным делом: *ad-* (или *con-*) *redare*, *ad-manuire*; **spauira*, ст.-исп. *espuera* (соврем. *espuela*) 'шпора', порт. *espora*; **triggwa* 'союз', исп. *tregua* 'перемирие', порт. *tregoa*; **spitus*; **spaiha*; **hilms*; **bandwa*; **hariberg*; **gasalja* (о последних см. выше) и др.

Очень невелики должностные и правовые реминисценции. Мы отметили выше **skagkia*, исп. *escanciador*; укажем еще на *laistōn*, исп. *lastar* 'расплачиваться за кого-нибудь'. Остальные подобные термины исчезли, хотя, несомненно, и существовали. Наличные испанские слова этой семантической группы главным образом франкского происхождения: *alōd* 'недвижимая собственность' (исп. *alodio*), *feōd* 'движимая собственность' (исп. *feudo*), **banda* 'приказ под угрозой штрафа', исп. *bando*; готским является *andbahti* 'служба', но с которыми связаны исп. *ambajada*, *ambajador*; такие термины на Пиренейском п-ове заимствованы из соседней Галлии.

Другая группа германских терминов связана с домом и домашним хозяйством. Картина, которую они разворачивают перед нами, носит очень скромный характер. Если ограничиться только готскими терминами, сохраняющимися на полуострове, то оказывается, что готскому романские языки обязаны такими словами, относящимися к постройке дома, как **staka* 'столб', 'устой' (кат., исп., порт. *estaca*); **parca*³ 'изгородь' (ср.-англ. *parren* 'замыкать', 'закрывать'),⁴ **stalla* 'конюшня'; **krappa* 'крюк'; **rūkka* 'прялка'; **haspa* 'веретено'; **sahrja* 'большая корзина'; **strigga*

¹ В Логудору *falda* 'передник'.

² Gamillscheg, в *Rev. de fil. esp.*, XIX, 144.

³ Если только слово это не кельтское или баскское.

⁴ Gamillscheg. *Et. Wb. d. frz. Spr.*, 669 (под *parc*). В пров. *parren* 'сад', кат., исп., порт. *parra* 'шпалера', 'виноградная лоза, увивающая шпалеры или беседку'. См. REW³, no. 6252.

ремень для шнуровки; **taskôn*, исп. и порт. *tascar* (обо всех них см. выше стр. 73).

К области верований относятся: **rûna*, **greima* 'маска'; **inweitjan*, порт. *enquiçar* 'заколдовывать', 'приносить беду'; **darn-* (связано с англосакс. *derne* 'колдун', 'знахарь'), кат. *esdarnegar* 'мучиться', 'усердствовать'.

С земледелием и домашним хозяйством связан ряд терминов ботанических и зоологических: **aliza* 'ольха' (исп. *eliso*); **gansus* 'гусь'; **maþua* 'луг' (порт. *moujita* 'кустарник'); **maþus* хорек (кат., исп., порт. *marta*); **mustringgs* (см. стр. 73).¹ Группа этих терминов очень невелика, бледна и элементарна, каким, очевидно, было и вестготское хозяйство. Романизованному населению в этом отношении почти нечему было учиться у вестготов.

Особое место занимают термины морального порядка или, как их называют иногда, слова с большим аффективным содержанием. Так гордость выражалась при помощи франкск. **urgōli* (исп. *orgullo*, порт. *orgulho*) или для измены было недостаточно отражений *traditio* и прибегали к герм. **at-leweins* (порт. *aleive*), **at-leweis* (исп. *aleve*, откуда *alevoso* и *alevosia*); для выражения сильного желания пользовались гот. **gaainôn* (ср. кат., исп., порт. *gana*), а для обиды — готским же **raka* (см. стр. 73) и т. п. Объяснения этого следует искать в недостаточной выразительности с точки зрения романизирующегося германца некоторых старых латинских слов, которые он, поэтому, продолжал заменять своими и которые с течением времени были усвоены и всем романским окружением вообще. Рыцарское провансальское *ris* или франц. *honte* имели оттенок, который свои слова не передавали, откуда исп. и порт. *rico*, кат. *ric* 'благородный' (но и 'богатый' в то же время), следовательно сложное качество, которое наличествовало в специфической среде. Потребность в обогащении семантики побудила использовать соответствующие германские термины, которые воспринимались иначе, чем их латинские параллели; этим путем в язык проникли *blanco* (исп.), *branco* (порт.), *blondo*, *blau* (кат.) 'синий' и т. п.

Готскому языку полуострова обязаны, естественно, рядом личных собственных имен. Широко распространены всевозможные *Ramiro*, *Bermudo*, *Gonzalo*, *Elvira* и т. д. Ряд подобных им проник в оборот позднее, кружным путем, через провансальский или французский. За пределами лексикона следует отметить наречия, образованные с помощью герм. *guisa*, отвечающего лат. *mente*; *fiera mientre* || *fiera guisa*. Теперь они исчезли; но и в каталанском, испанском и португальском сохранилось *guisa* 'способ', 'обычай', в выражениях *de tal* или *en tal guisa* 'таким образом', 'способом' и целая семья слов, включающая и глагол *guisar*, обозначающий „стряпать“.² В каталанском широко распространен суффикс *-ing*, редкий в испанском и еще более в португальском: исп. *abadengo* 'относящийся к аббатству', *frailengo* 'монашеский', *realengo* 'королевский', *avoengo* 'дедовский'³ однотипны и ограничены узкой сферой феодальных и церковных отношений; *marengo* 'морской', но в смысле „запах моря“ не имеющий каталанской параллели, может все же, в виду связи с морем, быть не кастильским термином; родина *friolengo* 'зазяб-

¹ Мы даем главным образом испанские отражения германских оригиналов; большинство их имеет и португальские соответствия. Каталанские *velesa* 'свинцовый камень', *ataviar* 'украшать' — вероятно испанизмы.

² Ср. *guisado* 'блюдо', *guisador* 'повар', *guisandero* 'повар-артист', *guisandillo* 'мелкий горошек', из которых общи всем романским языкам полуострова *guisado* и *guisar*.

³ О соответствующих прилагательных в каталанском см. Meyer-Lübke. *Das Katalanische*, 96 (*agostenc*, *aguilenc*, *estivenc*, *negrenc*, *manbrenc*, *Madrilenc* и мн. др.). Тот же суффикс знает и провансальский: *albenc*, *estivenc*, *nevens*, *Caorsenc* и др.

ший' пока не ясна. В верхнеарагонском мы встречаем наш суффикс в обозначениях молодых животных: *frechenco*, *fraſenco* и другие варианты в значении „пороенок-сосунок“ и т. п.; но здесь он, в виду преобладания формы *-enc* в каталанском испытал, несомненно, влияние последнего. К суффиксу *-ing* примыкают два других, широко распространенных в пределах Романии: *-aldo* и *-ardo*: *heraldo* 'глашатай', *gallardo* 'отважный', 'молодец', *bastardo* 'незаконнорожденный', 'неподлинный'. Готским является суффикс *-ila*, который мы имеем, напр., в *Rikila*, *Ikila*, *Kintila*, *Witila*, сохраняющемся в *Guitián* (пров. Луго). Последние три суффикса не активны; они усвоены лишь в составе готовых образований. Наконец, отметим склонение собственных имен, главным образом ж. р., на *-a*, *-ape*, являющееся результатом германского влияния. Укрепившись, это склонение перешло затем и на некоторые нарицательные имена ж. р. Ст.-исп. *Wamba* — *Wambán*. С именем *Rikila* (свевского короля V в.) связан, между прочим, ряд местных названий в области Брага, Вьяна и Опорту: *Requião*, *Requiães*, продолжающих **Rikilane*, **Rikilanis*.

В заключение припомним незначительные остатки свевского. Только на старой свевской территории мы встречаем отголоски **laubja* 'беседка, увитая зеленью': галис. *lobio* 'низкорослая лоза' и ряд местных названий: *Lovio* (960 г.), ныне *Lobio* (в пров. Овьедо, Луго, Корунья), *Lobios* (Луго и Корунья). В галисийском *laverca* 'жаворонок' живет старое **lâwerka*. Ст.-порт. *trigar* 'толкать, проталкивать' отражает **prihan* 'протискиваться через толпу', превратившееся в **tricare* с *c* < древн.-герм. *h*. Наконец, топонимика северо-западного угла полуострова дает нам *Bougo* (Овьедо, Корунья), *Bourio* (Овьедо), содержащие **burjo* 'здание' (ср. нем. *Vogelbauer* 'клетка для птицы').

Таким образом непосредственное влияние готского на испано-романский можно считать слабым. Совершенно иная картина рисуется нам, когда мы начинаем разбираться в условиях, в которых очутился романский язык в Испании в эпоху вестготов.

Мы констатировали выше, что вестготы вновь объединили Испанию, распавшуюся было вследствие завоевания различными германскими племенами. Поглощенные романским окружением, они слились с ним во многих отношениях и, между прочим, в языковом. Вестготская столица Толедо стала центром объединенного государства и языковой иррадиации (см. стр. 70). Но на ряду с этим центростремительным процессом в вестготской Испании начинает развиваться и центробежный. Основной причиной последнего является образование, в связи с завоеваниями, сильной знати, объединившей в своих руках огромные земельные владения, доставшиеся ей при разделе захваченных земель или вследствие пожалований их королем за оказанные услуги. Сделавшись крупной социальной силой помимо своего экономического удельного веса еще и благодаря длительным войнам и неустойчивости королевской власти, по традиции остававшейся выборной, готская знать, поселившись в своих усадьбах-виллах, окруженная многочисленными клиентами, колоннами или сервами, превратилась в подлинных мелких царьков, в распоряжении которых имела всегда своя вооруженная сила, у которых был свой двор, свои помощники, советчики и большое хозяйство, дававшее им огромные ресурсы. Совокупность описанных условий делала этих царьков настолько сильными и влиятельными людьми, что они чувствовали себя совершенно независимыми от центральной власти, старались, наоборот, поставить ее в полную зависимость от себя и являлись для нее постоянной угрозой. Некоторым представителям королевской власти удавалось держать их в повиновении; но ликвидировать в корне грозя-

щую ей опасность власть эта и не могла и не хотела, поскольку она сама зависела от своих противников. Постоянная борьба и поиски союзников в целях спасения монархического принципа были для нее единственным выходом из положения.

Между тем опасность росла. Как мы уже отмечали выше, романизация готов привела их к сближению с местным населением и укоренению в них привычек, с которыми они познакомились за время длительного пребывания на Балканах, в Италии и Галлии до вступления в Испанию. Теперь перед местной знатью открывались новые возможности, перспективы занять прежнее положение; для готов — владельцев латифундий — это значило приобрести новых союзников. В результате старая знать вошла в ряды новой и оба эти слившиеся элемента принялись соединенными силами укреплять свои позиции и эксплуатировать народную массу. Со светской знатью сблизилась и знать церковная, поскольку им было по пути, но, поскольку они были конкурентами, церковники заняли особое положение, ориентируясь одновременно на короля.

Вот в чьих руках оказалась масса, сельская и городская, в начале владычества варваров как будто улучшившая свое положение. Руки эти были цепкие, сильные. Новые хозяева явились такими же эксплуататорами, как и прежние. Народ очутился постепенно в положении, которое приближалось к казавшемуся изжитым.

Силами класса этих эксплуататоров, ставших феодалами, светскими и духовными, и осуществлялся упомянутый нами выше центробежный процесс, в особенности светской группой этого класса. В стране стал намечаться ряд более или менее мелких центров, слабели связи с центром общегосударственным; вся территория Испании начала покрываться мелкими трещинами, имевшими тенденцию углубляться; жизнь дробилась; связь между возникавшими единицами затруднялась. Единственно прочными связями в эпоху этого дробления оставались те древние связи, которые не раз уже определяли карты переделов Испании, начиная с римских. Но конечно, и они сохранялись только в своих наиболее общих очертаниях.

Все это отражалось неизбежно и на судьбах языка.

Обращаясь к нему и подводя итоги готской поре, мы должны отметить следующие основные моменты.

Германцы осуществили, в конечном счете, полный отрыв Испании от центра и ее языковую изоляцию. Благодаря разобщению с Италией прервалась возможность обновления местной вульгарно-латинской традиции. Правда, вестготы объединили начавшую было распадаться Испанию, создали в ней свой центр и на первых порах несколько замедляли темп усилившейся было дифференциации испано-романского языка. Язык Толедо стал играть роль некоторой нормы. Но классовые расхождения в языке продолжали попрежнему углубляться. Мало того, новое обострение классовых отношений, вызвавшее усиление центробежного процесса, парализовало влияние нормы и привело к росту территориальных расхождений.

Готская пора является, таким образом, очень важным периодом, составляющим переход к последующему, с одной стороны сохранившему и укрепившему многое из старого наследия, с другой — ликвидировавшему кое-что из него и давшему место ряду новшеств. Совершенно естественно, поэтому, что именно на эту пору должно падать развитие ряда характерных особенностей испано-романского.

Но история языка движется настолько медленными темпами и настолько неровным фронтом, что приурочить сколько-нибудь точно те или

иные языковые процессы к какой-нибудь эпохе — дело очень трудное. Гораздо легче, конечно, установить их относительную хронологию.

Возьмем в виде примера латинский суффикс *-arius*, дающий в кастильском и, следовательно, национальном испанском *-ero*. В старом наварско-арагонском мы не имеем ни следов дифтонга, ни следов *a*. Правда, „Эмилианские глоссы“ (2-я пол. X в.) дают нам один только пример: *terzero*. Но и в XI в. повторится то же самое. В Каталонии господствует *-er*: *Cervera*; *cavalairia* и аналогичные — провансальское влияние, так же как *matiera* в Арагоне — отражение провансальской формы. В леонском мы находим *Autairos* (X в.) < *Autharius* рядом с *autero*, *otero* холм < *altarium* и т. п. Во второй половине X в. *-air-* и *-eir-* составляют здесь 35% всех подобных образований в памятниках. В XI в. *-eir-* составляли только около 15%, *-er-* же около 85%; в XII в. эти отношения выражаются в 12 и 88%. Западный Леон, как и Галисия и Португалия, сохраняет это *-eir-* до наших дней. В центральной и восточной части Леона колебания между *-eir-* и *-er-* наблюдаются еще в XII в. В Кастилье формы без дифтонга являются нормальными уже в X в.; так в Бургосе и на юг от него дифтонг (*-eir-*) редок. Остатки его и теперь еще живут в верховьях Эбро и в горах у Сантандера. Из приведенных примеров ясно, что уже в X в. существовало *-er-* и что территорией, где оно сосредоточивалось, была Старая Кастилья и в особенности район Бургоса. Западное крыло севера сохраняло в нашем суффиксе дифтонг. Сохраняли его и мосарабы, где такие формы, как *laxtayra* (< *lactaria* ‘подмаренник’), встречаются в X в.; *-er-* появляется у них только с XIII в., т. е. позднее, чем в центральном и восточном леонском, где оно имеется уже в XII ст. Так как на северо-востоке, включая Каталонию, мы имеем только *-er-* и так как даже на территории господствующего *-er-*, в Кастилье, мы констатируем еще наличие колебаний и следы дифтонга, то наиболее естественным будет тот вывод, что именно северо-восток, в непосредственном соседстве которого, в Аквитании, мы наблюдаем тот же рефлекс,¹ является исходной точкой *-er-*, откуда оно проникло очень рано в Кастилью, в свою очередь распространив его дальше на юг. Принимая в соображение медленность иррадиации и учитывая, что в Кастилье к югу от Бургоса имеется только *-er-* уже в X в., мы заключим отсюда, что наш переход значительно старше X в., и, может быть, начальную стадию распространения *-er-* следует относить еще к готской эпохе.²

Но мы хотели бы отметить и другое. На ряду с дифтонгом *-ai-*, *-ei-* в рефлексах *-arius* мы имеем его в таких словах, как иберск. *vaika*, как *-ei-* в *Veila* < вест.-гот. *Vigila*, как *-ai-* в *fait* < *factum*, как *-ai-* < *-a(v)i* или в иберо-романских отражениях *-ax-* в *fraxinus*. Судьба этих дифтонгов несколько иная. В Кастилье, в области Бургоса, мы не имеем вовсе старых примеров дифтонга *-ai-* из *-act-*. Весь дошедший до нас материал дает *-e-* или редко *-ei-*; *Veila* и *veiga* сохраняются еще в X—XI в.; *freisenda* < *fraxinetum* — в XIII в.; перфект *betait* (< *vetavit*) принадлежит X в. В этих случаях по сравнению с *-er-* < *-ariu* произошла некоторая задержка, и в отношении различных слов различная. В центр. и вост.-леонском *vaiga* доминирует еще в XI в., т. е. когда *-air-* уже уступает место *-eir-*. Зап.-леонский, как и галисийско-португальский сохраняют *-ei-* до настоящего времени. Наварско-арагонский, имеющий *-er-*, дает, однако, *feito* < *factum* || *feto*. В каталанском *feit* — также долго державшаяся форма, только позже уступившая место

¹ См. карту у Menéndez Pidal. (Orígenes, I, 526).

² Факты к *-arius* там же, 79—83, 97—102.

fet; feit известно в XIII в., а в Пальярс, области, лежащей у каталанской границы Верхн. Арагона, оно живет и поныне.¹ Мосарабы сохраняли еще в XIII в. старую форму *baika, bayga* на ряду с северной *bega*.²

В течение ряда веков, таким образом, единства в трактовке *-ai-* не существовало, хотя *-a st- > -ait- >*, *-ai < - a (v) i*, *-a x- > -ais-* и очень древние процессы, а в *vaika ai < ai* получилось после соноризации *k* (иначе мы не имели бы *vega*), т. е. опять-таки в очень отдаленную эпоху. Очевидно реально живут отдельные слова. Фонетический процесс начинает развиваться в одном из них: это создает известную тенденцию, и она уже только постепенно втягивает в свой круг слова, фонетически соприкасающиеся с исходным, но еще произносимые по-старому. Для того чтобы *ai* превратилось везде в *e* потребовалось несколько веков, а именно промежуток времени от X до XIV в., когда *e* охватило все случаи. Но ведь и *-air- < -a ri u* подобно *-ait- < -a st-* и т. п. явилось также в результате длительного процесса.

Эти-то соображения вынуждают быть крайне осторожными в хронологическом размещении тех характерных особенностей испано-романского, об интенсивном развитии которых в готскую пору речь шла выше. Некоторые из них зародились давно, имелись уже на довольно значительной территории, но только теперь, в готскую пору, получили возможность усиленно давать ростки и распространяться; другие, наоборот, в то же время стали только намечаться; третьи, наконец, существовали скромно на какой-нибудь очень ограниченной территории или в ограниченном социальном кругу, но стали сейчас получать признание в более широком масштабе. Наиболее трудной является фиксация начала какого-нибудь процесса, так как оно почти всегда скрыто от нас. Процесс становится заметным только тогда, когда он не только принял более или менее отчетливую форму, но когда он уже успел приобрести известное распространение. Это влияет и на количество материала, и на орфографию, обычно долго остающуюся традиционной. Следовательно, легче определить эпоху усиленной иррадиации процесса. Соответственно этому нам придется отодвинуть нашу характеристику особенностей испанского на более позднюю пору, ограничившись для раннего периода только некоторыми менее спорными чертами, и то не слишком настаивая на них.

В помощь идет сравнение их с тем, что дают нам другие области Романии. Если данное явление связано не только по существу, но и территориально с рядом других аналогичных или тождественных, то перед нами, очевидно, только частный случай более широкого процесса, относящегося к более древней поре.

Так, напр., переход латинской группы *-st- > -it-* через *-xt-*. Переход этот неизвестен на востоке Романии (рум. *lapt, fapt < lacte, factu*) и в значительной части Италии, где мы имеем *-tt-*, кое-где переходящее в простое *t*; ср. *latte, fatto*. Все же остальные части Романии дают звуки, восходящие к *xt* (*-it-*, *-č-*, *-c-*, *-ts*): франц. *fait*, р.-ром. *fač*, ломб., пров. *fač*,³ франц. фр.-пров., пров., р.-ром. *fats*). На Пиренейском п-ове мы встречаем *-it-* в португальском, в ст.-леонском (зап. и центр.), в наварско-арагонском, на окраинах Кастильи,⁴ у мосарабов; тот же рефлекс дает и Каталония (*llet < lacte*), которая, таким образом, связана не

¹ Origenes, I, 102.

² A. Kuhn, ук. соч., 15. — Origenes, I, 92.

³ Область *fač* в провансальском для средневековья очерчена Сюшье в „Grundriss“ Гребера (карта 6). Нынешняя территория *fač* почти совпадает с ней.

⁴ Ср. *Treto* в Кантабрии, в котором Мейер-Любке справедливо видит *Traiectum* (Das Katalanische, 36).

только со смежными с нею западными районами провансальского, дающими *fait*, но и со всем Пиренейским п-овом.¹ Иначе: рассматриваемый переход, охвативший западную Романию, распространился и на весь полуостров. Ныне *-it-* кроме Португалии (*feito*) и Каталонии сохраняется в Верхн. Арагоне,² в западном Леоне, Астурии, Саморе и Миранде на Дуэро,³ т. е. оно оттеснено на края полуострова, в то время как середина его занята рефлексом *ç*: *fecho*, *hecho*, *leche*, формами, которые уже в XI в. установились в Кастилье⁴ и оттуда широко распространились по всей Испании.⁵ Ту же картину дает и *ç*, развившееся из латинской группы *-ult-*: *mucho* || *muito*, *escuchar* || *escuitar* < *auscultare*, *cu-chillo* || *cuitre* (< *culter*); в каталанском, однако, латинская группа сохранилась (*molt*).

Другой чертой очень старого происхождения является соноризация глухих согласных между гласными.

Тенues *-p-*, *-t-*, *-k-* в некоторых областях Романии постепенно переходят в *mediae* и затем в звонкие спиранты *-β-*, *-δ-*, *-γ-*. Процесс этот, как известно, начался очень рано: следы его мы встречаем в надписях Помпей; надписи Испании дают нам *imudavit* уже во II в.⁶ Но широко распространился он только в V в., и то не везде. Западная Романия в этом случае противостоит восточной: рум. *mutá* < *mutare*, южн.-ит. *strata*, а с другой стороны ст.-фр. *muder*, пров. *mudar*, р.-ром. *roda* < *rota* и т. п. На Пиренейском п-ове мы находим *media* в Каталонии (*roda*) и Португалии (*mudar*). В Испании максимум соноризации дают Леон, Астурия; несколько меньше — Кастилья, минимум — Арагон, в особенности Ривагорса и зона, пограничная с Беарном и Бигоррой.⁷ Значительное количество случаев сохранения глухого находил Мейер-Любке у мосарабов,⁸ но для правильной оценки их необходимо учитывать возможность культизмов.⁹ Исключение составляет, таким образом, как будто, Арагон. Однако вполне возможно, как это предполагают Сарой-анди¹⁰ и А. Кун¹¹, что глухие звуки этой окраины, занимающей территорию, бывшую некогда баскской, являются результатом баскского влияния. Замечание Менéndеса Пидалья, указывающего на то, что баскский сам по себе невраждебен звонким,¹² находят себе возражение 1) в том, что в латинских словах в баскском консонантизм воспроизводится совершенно своеобразно и 2) в том, что сохранение глухих в романском имеет место только в этом отдаленном и небольшом уголке Испании.

Третьей особенностью является дифтонгизация лат. *ó*, *é* в открытом слоге перед палатальным. Этот тип дифтонгизации объединял значительную часть западной Романии, между прочим Галлию, не исключая Цисальпийской, т. е. итальянской. Знаком он и пиренейскому п-ову. Здесь он охватывал, кроме Галисии, Португалии и западного Леона, Кастильи, Эстремадуры, западной Андалусии, Гранады, части Мурсии

¹ Пиренейский материал у Menéndez Pidal (Orígenes, I, 289—295).

² А. Кун, ук. соч., 14 сл.

³ Orígenes, I, 293.

⁴ Как это ясно из написаний вроде *manegga* (ср. араг. *maneita*), *Cadreggas* (< *catharactas*) (Orígenes, I, 291).

⁵ Там же, карта, 519.

⁶ CIL, II, 462.

⁷ Напр. *capeza* 'голова', ст.-исп. *cabeça*, *marito* 'муж', исп. *marido*.

⁸ Rev. de fil. esp., XI, 1924, 1 сл.

⁹ Orígenes, I, 261 сл. Осторожность необходима при анализе подобных данных и за пределами мосарабского, поскольку мы встречаем их часто в памятниках правового порядка.

¹⁰ Rev. des ét. b., VII, 481, 490, 491, 494.

¹¹ Ук. соч., 73—74, 259—260.

¹² Orígenes, I, 258, прим. 2; ср. Кун, ук. соч., 74.

и восточных районов Новой Кастильи, т. е. он распространен на пространстве двух третей полуострова.¹ Мы имеем дело, несомненно, со сплошной территорией, связанной с соседней Галлией, почему и нет никакого основания рассматривать дифтонгизацию в Арагоне как результат каталанского влияния, как это делал Мейер-Любке,² а леонский дифтонг — как ложный дифтонг, позднейшую субституцию, как это делал Стаф.³

К числу поздних изменений той же поры можно отнести и упрощения трифтонга перед палатальным, т. е. *-uei-* (< *ō* + палатальн.) > *-ui-*. Аналогичное явление наблюдается и за пределами полуострова. Так в Галлоромании, где мы имеем франц. *puît* < **pueit*, гаск. *poeut*, аржеск. *peût*, бигорск. *pef*. В каталанском обычно *pit*, но Гриера говорит, что рядом с ним очень часто встречается и параллельная форма *puyt*;⁴ ср. с этим *pit* указываемые Менéndесом Пидалем „уже в самых старых документах как господствующие в них“ *fúl'a* < *folia*, *ul'* < *os'lu* и т. п., в которых *u* восходит к дифтонгу, „редуцированному еще в древнейшую пору“.⁵ А. Кун приводит для Арагона формы с *-ui-* на ряду с формами с *-uey-*: *puio* (< *rodíu*) || ст.-араг. *pueyo*; ст.-араг. *pueyt* || ст.-араг. *puít*. В неударяемом слоге редуцированная форма единственно возможная, что вполне естественно; так *anwitaródi* 'вчера вечером'.⁶ В ряде арагонских местных названий мы видим *ut*, как *Aquiluy*, *Senebui*, которые называются и *Aquilué*, *Senegüé*.⁷ Те же колебания встречаем мы и на юге Испании, у мосарабов, где мы находим дублет *Caracuey* || *Caraciuy* (< **Carsovium*), на юго-западе от Сиудад Реаль, *Espeluy* в Хаэне (северо-восточ. Андалусия).⁸ Однако, тот же *ui* констатируем мы и в Кастилье: *Bernuy* называются три поселения в пров. Сеговии и два в пров. Авила;⁹ в Леоне — *Aradui* || *Araduey*, старые *Aradue* = **Araduee*, рядом с которыми и *Aradoy*, *Aratoi*, без дифтонга.¹⁰ Формы с *ui* менее распространены на северо-западе и гораздо больше на северо-востоке. Возможно, что это распределение *ui* объясняется каталанским влиянием на северо-востоке. Слабое же развитие *ui* на севере вообще может быть просто следствием его слабости в исходной точке или, иначе, того, что оно — один из более поздних процессов, который поэтому не успел пустить достаточно глубоких корней; *ui* оказалось занесенным затем на север и в не слишком широких размерах.

В заключение отметим группы *scu*, *sty*. Для первой мы имеем написания: *x*, *ss*, *sc*, *sci*, выражающие звук *š*. В Леоне: *exatas* (< *asciata*) 'топор', 'кирка' в XI в., *pixotas* (< **pisciotta*) — XII в.; мосарабы дают *faša* (< *fascia*) — XIII в.; Арагон: *fascas* — XI в., *fassas*, *faxas* — XII в. В Кастилье мы имеем: *faccas* — X—XI вв., *faza faça* — XII в., т. е. *scu* > *š*. Тот же звук встречаем мы в верхн. Риохе: *açada* — VIII в.; нижн. Риоха дает *axadas* — XIII в. Кастилья идет здесь, таким образом, своим путем, в то время как остальные части полуострова (в галис.-порт. также *faixa*) напоминают Италию и Рецию с их *š* (ит. *fascia*, *pesce*;

¹ Orígenes, 155—160, 175—196, 522—523, 523 (карта).

² Das Katalanische, 6.

³ L. Staaff. Etude sur l'anc. dial. léonais. Упсала, 1907, 207.

⁴ A. Griera. Gramática histórica del catalá antic. Барселона, 1931, 47.

⁵ Orígenes, I, 157.

⁶ Ук. соч., 12—14.

⁷ Orígenes, I, 157—158.

⁸ Там же, 158. Конечно и *Carascoy*, без дифтонга.

⁹ Из лат. *vegani* → иберск. (?) суфф. *-oi*, которому в романском отвечают *-e a*, *-i sa* (ср. часто встречающееся *Braña* или *Beranga*). Orígenes, I, 159.

¹⁰ Там же, 155.

р.-ром. *faša, peš*) и Румынию, дающую *št (pešte)*. Вторая группа развивается аналогично: ср. ст.-леон. *ихо* (< *ūstiu*), кат. *antuxá* — XII в., соврем. ниже-араг. *antrujaño* 'летний загон для скота подле дома'; соврем. астур. *antoxana* 'небольшой садик перед домом' (леон. *ante usano* — XI в., может быть описка вм. *uscano*). В Кастилье опять-таки: *ицо* („*Mío Cid*“, стр. 888), *ante uzano* — X в. В Италии мы имеем *uscio*, в Энгадине — *üş*, в Румынии — *ușă*.¹

На ряду с завершением процессов, зародыши которых существовали уже ранее, возникают новые, специально иберийские, так как их не разделяют и не разделяли другие западно-романские соседи. Отправной точкой таких новшеств, получавших широкое распространение, мог являться в готскую пору, главным образом, политический центр страны, откуда исходили и языковые импульсы. К числу новообразований этой поры можно отнести палатализацию или напряженную артикуляцию начального *l*- (в написании *ll*): *llengua, lloco*. Наиболее значительной территорией, охваченной этим палатальным *l*, являются в данное время Каталония и Валенсия, что заставляло исследователей рассматривать этот звук как характерную черту каталанского.² Однако, для средневековой эпохи, уже для 908 г.,³ наличие его вскрывается в значительной части леонского, в зап.-галлисийском, с одной, в арагонском⁴ — с другой стороны.⁵ Связующим звеном являются мосарабы, у которых бен Хольоль (X в.) находил форму *yéngwa buba*, т. е. *lingua bubula* 'бычий язык', обозначавшее растение. Марокско-арабский знает в значении совы особого вида — *yuka*, рефлекс лат. (a)lucis.⁶ К сожалению, мосарабский материал очень скромен. Остаются северо-западные диалекты Испании, в которых наличие *ll*- трудно объяснить иначе, чем звук, занесенный с юга, где находился и иррадиирующий центр явления, центр всей Иберо-Готии, Толедо.⁷

К аналогичным выводам приводит нас и карта дифтонгизации лат. *ō*, дифтонгизации столь характерной для испанского, где она проходит и в открытом и в закрытом слоге: *bueno, muerte*. Как известно, дифтонгизация *ō* не ограничена одним только Пиренейским п-вом. За исключением Каталонии, Португалии, Румынии, Сардинии и центральной Италии она имеется во всей Романии, но проходит в разной степени, разных условиях и разной форме.⁸ Однако испанская территория дифтонга стоит совершенно особняком и не связана с этими последними областями непосредственно, хотя, вероятно, зародыши дифтонга в Испании восходят к очень отдаленной, еще до-готской поре. В X в. область дифтонга была значительно меньше нынешней, очень узкой на юге и довольно широкой на севере, где в центре ее находилась Кастилья. С запада и востока территория эта обрамлена зонами, не знающими дифтонга, разобщенными одна от другой. Принимая во внимание равномерность распространения дифтонга на севере, трудно предположить, чтобы импульс исходил отсюда; поэтому остается принять за исходную точку опять же центральную область страны или, может быть, ее южные части. Любопытно, что Кастилья уже в X в. остановилась на *ue*, т. е. на наиболее позднем варианте дифтонга, тогда как Леон и Арагон колебались

¹ Испанские примеры в Orígenes, I, 313 сл.; карта, 519.

² Meyer-Lübke. Das Katalanische, 28—29.

³ В документе из Леона: „*Lloco predicto*“, цит. в Orígenes, I, 246.

⁴ Диал. Хака и Соварве. См. А. Кун, ук. соч., 38.

⁵ Древнейшие факты по всему полуострову собраны Менéndесом Пидалем (ук. соч., I, 246—247).

⁶ Там же, 246.

⁷ Там же, карта 524.

⁸ Рефлексы колеблются между *uo*, *ue*, *ō* и *ie*.

между *uo*, *ua*, *ue*, т. е. пользовались еще всей скалой последовательно развившихся рефлексов *ó*.¹ Впрочем, и старому кастильскому знакомы, хотя и в очень малой мере, колебания между простым *o* и дифтонгом, которые у нас есть основания предположить и для Толедо² и которые мы наблюдаем у мосарабов.³

В Португалии и Каталонии, не знающих дифтонга, сохраняется, очевидно, первоначальное положение вещей, когда старое латинское *o* еще не изменялось. Дифтонгизация, начавшаяся в центральной области, была первоначально колеблющейся. Эти параллельные формы занесены были на север, где Кастилья остановила свой выбор на *ue*, очевидно потому, что она познакомилась с дифтонгом поздно и, следовательно, главным образом с его поздней формой. Отсюда это *ue* стало позднее распространяться в разные стороны, вытесняя, где оно с ними сталкивалось, своих конкурентов.⁴ Аналогичную картину представляет развитие *e*, почему мы можем ограничиться простым упоминанием параллельности этих двух групп явлений. Разница только в том, что *e* дает вместо трех дифтонгов два: *ie*, *ia*.⁵

Отмеченные выше особенности испано-романского в готскую эпоху получены при посредстве историко-географического метода, с учетом не только современного, но одновременно и древнего диалектического материала.

Перед нами разворачивается единообразная картина: полуостров распадается на две половины, западную и восточную, из которых каждая делится иногда, в свою очередь, на две части; в середину между ними вклинивается идущая с севера на юг полоса, не повсюду одинаковой длины, разобщающая первые. Связью между этими двумя или четырьмя западными и восточными зонами является мосарабская зона. Подобная конфигурация зон убеждает нас в том, что территория, прорванная затем с севера, была некогда единой. Как мы это уже видели, мосарабский материал, к сожалению, не всегда достаточно обширен, и это обстоятельство способно пробуждать в иных случаях сомнения в его доказательной силе. Кроме того теоретически можно рассматривать мосарабскую территорию не только как остаток старой связи, обломок прежнего относительного, конечно, единства, но и как источник, исходную точку языковых явлений, допуская, что они могли просачиваться с юга в эпоху халифата, поскольку мосарабы поддерживали сношения с севером. Однако первое сомнение парализуется тем, что случаи отсутствия мосарабского материала весьма редки, а второе, что связывающие запад и восток черты настолько многочисленны и характерны, что заимствование должно быть исключено. Так как горизонтальная связь между отдельными частями севера в начале арабской эпохи, в VIII—IX вв., была крайне слаба, то при наличии в обеих половинах севера одинаковых явлений „иборо-романского типа“, наиболее приемлемым выводом будет признание, что в разорванных ныне частях мы имеем остатки некогда единой ткани, соотканной еще в эпоху вестготского единства, т. е. в промежуток между V и VIII вв.

¹ После исчерпывающих разъяснений Менéndеса Пидалья (ук. соч., 140 сл.) отпадают совершенно старые гипотезы о том, что дифтонг был первоначально нисходящим и элемент *e* является, таким образом, ослабнувшим элементом *o*; *e* было первоначально открытым и искони ударенным, откуда устанавливается ряд: *uo* — *ua* — *ue* — *ie* — *ib*.

² Orígenes, I, 520—521.

³ Там же, 146 сл.

⁴ Там же, карта, 521.

⁵ Факты там же, 160—168.

Мы упоминали уже о колебаниях между дифтонгами *uo*, *ua*, *ue*, которые наблюдаются в западном Леоне, Астурии и Верхнем Арагоне. Может быть несколько позднее развились формы 3 л. мн. ч. перфекта на *-ogon*, *-ïogon*, свойственные как леонско-астурийскому, так и наварско-арагонскому.

Эти формы мн. ч. тесно связаны с отвечающими им формами ед. ч. В самом деле, „Эмилианские глоссы“ (2-я пол. X в.) дают нам *donauit* (34 и т. д.); в „Силосских глоссах“ мы встречаем *duplicaot* (8) из *duplicaov(i)t* > **duplicaot*, а форму *mandaut* мы действительно находим в одном документе из Клунии, относящемся приблизительно к 1030 г.¹ Отсюда возникли формы на *-ao*,² подле которых стоят стяженные формы на *-o*. Отсюда же развились и формы на *-ot* (*au* > *o*), которые получили широкое распространение и которые мы находим в Кастилье, Риохе, Арагоне в XI в. и у мосарабов (*afilot* = *afligot*, *alašot* = *allascot*). Все эти варианты существовали еще в XII в.; в 3 л. мн. ч. были формы на *-arunt*: *mandarunt* (Клуния, ок. 1030 г.) и т. п., которые являлись книжными и рядом с которыми уже в X в. имелись *levaron*, *taliaron* (Леон) и т. п. Отсюда путем контаминации с *o* 3 л. ед. ч. получились формы на *-ogon* вроде *comprogon*, однако еще довольно редкие в XI в. За ними последовало образование сокращенных форм 3 л. мн. ч. на *-ón*, как *tomón*, *comprón* и т. п. Аналогично образовались и формы с *io* в глаголах на *-er*, *-ir*; следовательно: *prometioron*, *cobrioron*, *fizioron*.³

Типы на *-ogon*, *-ïogon* встречаются, по Менéndесу Пидалью, в Астурии и Саламанке, в Леоне и Арагоне.⁴ Крюгер констатирует их в Саморе, Алисте, Эстремадуре;⁵ Гарсиа де Диего — в Вальядолиде, Паленсии, Бургосе и Сеговии.⁶ Конечно, не во всех перечисленных местах мы имеем весь комплект форм. В эпоху раннего средневековья они были распространены значительно шире на юге и в центре и охватывали за вычетом Галисии, Португалии, юга Испании, Каталонии, Валенсии и Старой Кастильи всю среднюю часть полуострова.

Так же располагались в эту пору и формы 2 и 3 л. ед. ч. глагола *ser* 'быть': *ues* (каст. *eres* из буд. *eris*,⁷ дабы не смешивать форму с 3 л. ед. ч.), *ue* (каст. *es*) с потерей *st* в виду того, что 3 л. ед. ч. большей части глаголов оканчивается на гласные.⁸ И эта особенность — характерная черта леонско-астурийского и наварско-арагонского.

Отметим в заключение, что так наз. сильные причастия прош. вр. (с ударением на основе) стали в ряде случаев выходить из употребления и, повидимому, довольно рано, так как с этим явлением мы встречаемся уже в древнейших памятниках. В ст.-испанском, ст.-португальском и ст.-каталанском имелись причастия прош. вр.: 1) на *-so*: исп. *pr̄eso* (<**prensu*) || *priso* (по аналогии с перфектом), *meso* || *miso*,

¹ Она исправлена затем в *mandau(i)t*. Из *-avit* получилось параллельно и *-a(v)it*: *betait* дают нам „Силосские глоссы“ (318), и эта форма продолжала сохраняться в XIV и XV вв. в арагонской письменности, где ее воспроизводят различные *mandé*, *gité*, 3 л. ед. ч., в которых *ai* > *e*. См. Orígenes (I, 379), где дана и литература вопроса.

² В архаизирующем Леоне они сохранялись еще в XIV в.

³ См. также Menéndez Pidal. Manual de gram. hist. esp. 5, 272. Ср. также F. K r ü g e r. Studien z. Lautgesch. westsp. Mundarten. Гамбург, 1914, 364.

⁴ См. Manual, 274, и Orígenes, I, 379, 380. Для Арагона детально у A. K u h n, ук. соч., 133—147.

⁵ Ук. соч., 364 сл.

⁶ Rev. de fil. esp., III, 317.

⁷ В западном Леоне и Андалусии (и Аргентине) эта форма заменена **sutis* > *sos*, первоначально 2 л. мн. ч. Ср. каст. *sodes*, *socs*. Та же форма сохраняется в еврейско-испанском.

⁸ См. старый материал в Orígenes, I, 375; для Леона — там же, 473; карта, 525.

promeso; порт. *preso*, *despeso* 'розданный, распределенный'; ст.-катал. *pres*, *defès*, *promès*, *mes*, *romasés* и др.; 2) на -to: *muerto*, *frito*, *abierto*, *cubierto*, *conquistó*, *visto* (<**vistu* в.м. *visu*); *dito*, *feito* (<*factu*), *aberto*, *morto* и т. д.; *fecho*, *decho* (<*dictu*, рядом с *dito* <*dictu*), *collecho* (<*collectu*), *cocho* (<*coctu*), *leyt*, *costreyt*, *conquist*, *quist* и т. д. Однако уже в ст.-испанском мы имеем *veído* в.м. *visto*, в ст.-португальском *viudo*, *veudo* в.м. *visto*; соответствующие сильные формы в каталанском оказываются более стойкими. С течением времени слабые формы прич. прош. вр. (с ударением на окончании) начинают приобретать перевес в испанском и португальском. Оставшиеся сильные либо остаются как редкие исключения и употребляются в известных только сочетаниях,¹ либо превращаются в прилагательные; таковы: *bendito*, *maldito* (*benedecido* от *benedecir* — причастие), *derecho*, *erecho*, *falto*, *junto* и др. Слабые причастия представлены формами трех типов: на -ado (I спр.), на -ido (II и IV спр.).² В старую пору, еще в XIII в., во II спр. был распространен, в особенности на севере, тип на -udo,³ лат. -u t u (первоначально к перфектам на -u i); форма эта древняя, но времени ее популярности мы не имеем возможности установить. Она существует в ст.-испанском *batudo* или образованных по аналогии *vençudo*, *defendudo* и т. п.; в ст.-португальском *creudo*, *vendudo* || *vendido*, *conocudo* || *conocido*, *sabudo* || *sabido* и т. д.; в ст.-каталанском: *tengut*, *sabut*, *batut*, *vençut* и т. п. В ново-испанском и португальском эти формы на -udo, как и сильные причастия, превратились в прилагательные. В ново-каталанском *batut*, *sabut*, *temut* и др. продолжают существовать попрежнему.

4

К концу готской поры Испания, как мы видели, представляла собой страну с ярко выраженным аристократическим строем, страну, в социальной и политической жизни которой преобладающую роль играл класс крупных земельных собственников, трудящаяся же масса очутилась в положении крепостных. Слагались элементы феодального строя; центробежные силы в государстве росли и крепили. Объединенная германская и испано-романская аристократия стремилась усиленно подчинить себе королевскую власть, прибегая для этой цели ко всевозможным средствам, не исключая обращения за военной помощью к чужеземцам. Такими союзниками оказались арабы, продвинувшиеся к этому времени к самым пределам Пиренейского п-ова. Одному из последних вестготских королей, энергичному Вамбе (672—681), неустанно боровшемуся со знатью, удалось отразить арабское вторжение. Но вскоре оно повторилось. Это произошло в момент, когда внутреннее положение государства значительно ухудшилось, а власть находилась в несравненно более слабых руках короля Родерика-Родриго. В битве при Гвадалете (или Лагуне де ла Ханда) в 711 г. войско Родерика было разбито, и арабы принялись за завоевание Испании. Характерно то, что для овладения всем полуостровом арабам понадобилось только семь лет, тогда как вестготам операция эта стоила более столетия упорной борьбы. Вестготское государство было настолько разъедено социальными противоречиями, что никакое сколько-нибудь серьезное сопротивление врагу было невозможно. Впрочем, крайний север остался за

¹ Напр., *la planta ha prendido* 'растение принялось'; но: *ha preso una decisión*.

² В ст.-испанском, и особенно в арагонском, они образуются иногда от основы перфекта; следовательно — *supido* от *saber* или *quesido* от *querer*.

³ Особенно в ст.-леонском.

готами; сюда, под прикрытие кантабрской кордильеры, ушла часть их, и поражение арабов при Ковадонге (718 г.)¹ показало им, что от этой неприступной части полуострова им придется отказаться навсегда. После этого арабы решили вознаградить себя за счет Галлии, но, разбитые Карлом Мартеллом при Пуатье (732 г.), оставили эту мысль и вынуждены были ограничиться тем, что успели приобрести. Мало того, Карл Великий предпринял встречное наступление на арабов. После неудач в направлении Сарагосы и Памплоны, он и сын его Людовик овладели (между 785 и 811 гг.) рядом важных пунктов на территории позднейшей Каталонии² и образовали в этом углу полуострова пограничную „Испанскую марку“, которая была слита в 811 г. с Септиманией в готский маркизат, просуществовавший до 865 г., после чего испанская его половина превратилась в самостоятельную единицу, ориентированную на Испанию.³ В то же время в состав сев.-испанской зоны вошли: на западе — Галисия, на востоке — область Сантандера,⁴ от которой пошла будущая Кастилья.

Так образовались две Испании. Мы очертили южную границу северной. Северный рубеж южной оставался неотчетливым; несомненно во власти арабов находилось течение Дуэро, представлявшее собой удобную естественную оборонительную линию. Между нею и южной границей северян лежала мертвая зона, которая и явилась объектом первых их наступлений.

Каковы же были условия языкового развития в той и другой Испании?

На север Испании ушли те, кто имел основание опасаться за свою участь; это были по преимуществу знать и католическое духовенство. Те, кто были спокойны за себя, остались на месте или очень скоро вернулись к себе, так как завоеватели обещали предоставить покоренным право жить по-своему, т. е. по-старому, свободно исповедывать свою веру, оставаться при своих обычаях, даже своих властях, своих законах и своем языке, при условии признания власти халифа, представителя его в Испании, эмира, и уплаты особой так наз. „уравнительной“ подати, которая была обязательна для всех немусульман. Оставшиеся или возвратившиеся составляли большинство старого населения. Остались также евреи, которых было немало в испанских городах, где они занимались торговлей и ремеслом. Положение их, прочное до той поры, в конце вестготской эпохи ухудшилось вследствие нетерпимой политики некоторых из последних вестготских королей, почему еврейство видело в арабах своего рода избавителей от преследований и насилия.

Христианское население центра и юга полуострова или, как его называли арабы, мосарабы (букв. арабизованные)⁵ составляли большинство, как по отношению к ушедшим, так и по отношению к победителям. Арабы сдержали данное им обещание.

Целый ряд городов сохранил свое прежнее положение. До 932 г. Толедо оставался своего рода автономной республикой; Сарагоса имела своего правителя из христиан и все время поддерживала связь с Толедо. Самостоятельной жизнью жила и Мэрида и другие городские центры.

¹ В Астурии, коммуна Кангас де-Онис, в 55 км. к востоку от Овьедо.

² Между прочим, Барселоной (801 г.) и Тортосой (811 г.).

³ К Испанской марке принадлежали графства Барселоны, Ампуриас, Хероны, Урхель, Пальярс и Ривагорсы. В состав Септимании входили Руссильон, Нарбонна, Каркассонна и побережье Средиземного моря до Нима. Септимания называлась так, потому, что в этой области был расквартирован некогда 7-й легион.

⁴ Старое Сант-Эмдер = Sancti Emeteri.

⁵ См. Enzyklop. d. Islām, III, 659 (Mozaraber, ст. E. Lévi-Provençal).

старой Испании. У мосарабов сохранялись их церковные и монастырские организации; за ними оставались городские старшины, их графы; они продолжали судиться по вестготским законам. Равным образом никто не преследовал романского языка мосарабов. Больше того. При Аль Мансуре (ум. 1002 г.), когда много христиан служило в арабской войске, в армии свободным днем было воскресенье. Часто бывало так, что церковь и мечеть мирно делили между собой одно и то же здание.

Прежние земельные владения оставались в руках мосарабов. Арабы конфисковали только имения бежавших и церкви.

Таким образом разноплеменный и разноречивый элемент мирно уживался в пределах арабского государства, по крайней мере на первых порах его существования. Но мосарабский мир стоял несколько особняком, сохраняя свой особый национальный облик. В массах эта обособленность чувствовалась сильнее, нежели на верхах общественной лестницы.

Знание арабского языка получило, естественно, широкое распространение: оно было необходимым даже в повседневной жизни. Однако знание это было различного качества и на социальных верхах настолько совершенным, что это свидетельствовало уже о глубоком проникновении в христианскую среду арабской культуры, об арабизации известных общественных групп.

В IX в. кордовский епископ Альваро сетовал, говоря о своих единоверцах: „*Neu, proh dolor! Linguam suam nesciunt christiani...*“ — „Увы, как это прискорбно! Христиане не знают своего языка. Среди них едва ли найдется один на тысячу такой, который сумел бы написать другу приемлемое письмо на латинском языке“. Это не значит, конечно, чтобы латынь вышла совсем из употребления: ламентирующий критик всегда склонен несколько преувеличивать. Но латынь и арабский временно обменялись местами, так как в последнем было слишком много культурных соблазнов, не говоря уже о том, что знание его сулило серьезные материальные выгоды. Тот же Альваро упрекает своих единоверцев в пристрастии к арабским стихам и сказкам, философии и богословию. Христианское юношество, выделяющееся своими способностями, знает только язык и литературу арабов, читает и старательно изучает арабские книги, тратит огромные деньги на то, чтобы собирать большие библиотеки, и громко провозглашает, что литература эта достойна всякого удивления. Если говорить ему о христианских книгах, то оно отвечает, что эти книги не стоят никакого внимания.¹

Употребление арабского становилось в известных кругах привычкой; он начинал вытеснять латынь даже в таких случаях, где она еще недавно казалась единственно возможным языком. В X в. на арабский переводится евангелие; в следующем столетии — каноны. В XII и XIII вв. толедские деловые документы писались по-арабски.

Арабские имена входят в моду среди христиан и на ряду с этим — отчества, образованные при помощи арабского *ibn* 'сын' (мн. ч. *bani*): *Fortunius iben Garseani* из Саагуна (Леон; под 962 г.), тождественный *Fortunio Garseani*. Графы Карриона (Леон) приняли в виде фамилии прозвище, данное им арабами: *Vani Gómez*. К той же эпохе относятся и прозвище *Benavides*, встречающееся и в формах *Vanavides*, *Vanevidas* т. е. *bani Vidas* 'сыновья или дети Виды'.² Гранадский автор арабских

¹ Эти слова, приводимые обычно для характеристики влияния арабской литературы, заимствованы из „*Indiculus luminosus*“, изд. в „*España sagrada*“ E. Florez'a (XI, 274).

² *Orígenes*, I, 535—536.

„Георгик“ XIV в. носил имя Ибн Луён, т. е. был сыном Леона и, следовательно, человеком романского происхождения.¹

Арабская культура была слишком богата, слишком блестяща, чтобы можно было не увлечься ею, ее литературой, философией, наукой и поэзией. Не забудем, что арабы прочнее всего утвердились на юге, т. е. в наиболее глубоко романизованных, наиболее культурных частях полуострова.

Правда, на ряду с влиянием арабской среды на христианскую мы наблюдаем и явления обратного порядка. Не редкостью было встретить среди арабов то, что называлось *moro latinado*, араба, знающего по-романски и даже знакомого с романской литературой. Знатные арабы принимали иногда романские прозвища. Так сын Аль Мансура, Абд ар Рахман, вступивший на престол в 1008 г., назывался Санчоль (*Sanchol*); прозвище другого знатного лица, Ройоль (*Royol*), представляет собою перевод арабского *Haimir*. Поэты, слагавшие лирические *zejel* и *muwaššaha*, пользовались не только романскими ритмами, но иногда и романскими словами. Мы находим их, напр., в „Диване“ Ибн Кусмана, поэта XII в. (ум. 1160 г.). Романизмы проникали и в обиходную арабскую речь. Больше того. Среди лиц, занимавших крупное положение в арабском мире, можно было встретить не только владевших хорошо романской речью, но даже людей, арабского языка не знавших, и это несмотря на то, что он являлся языком государственным. Арабский историк XIV в. Ибн Халдун утверждал, что испанские мусульмане по своему внешнему виду, платью и повадкам напоминают больше жителей северной Испании, т. е. испанцев, нежели арабов.

Не следует, однако, на основании фактов влияния романской среды на арабскую преувеличивать его значения. Если говорить о влиянии науки, философии и искусства, то арабской культуре придется отвести, конечно, первое место. Влияние романской культуры ограничивалось довольно узким кругом (мы не говорим здесь о знакомстве с обыденной романской речью) и по характеру своему было очень специфическим. Хорошее знание романского языка было распространено среди знати, так как женами мусульман бывали нередко северянки (остававшиеся при этом зачастую христианками), прививавшие своим детям знание родной речи. Так, вдова последнего готского короля стала женой сына Мусы ибн Нусаир, правителя северной Африки и завоевателя Испании; мать Хишема II, покровительница знаменитого Аль Мансура, была родом из Басконии, и многие другие. Романская поэзия служила развлечением для того же круга лиц, была своего рода экзотической забавой, которая не могла задавать тон арабской литературе, указывать ей новые пути развития.

Иное дело влияние арабской культуры и литературы. Увлечение ими вызвало задержку в развитии испанской литературы. Она оказалась в загоне. Романский язык был предоставлен самому себе, рос, как трава, растущая в поле, а не как садовое растение, за которым есть уход. Не было нормы, не по чему было ориентироваться. Арабская литература имела Кóрдову; у нее был центр. Толедо со времени падения вестготского государства перестал быть таковым. Он имел большое значение до 932 г., но значение это было ограничено определенным районом и, во всяком случае, не было литературным. Месарабы, являясь совершенно особой средой, не чуждавшейся контакта со своим окружением, были в то же время раздроблены на мелкие группы, и раздробленность эта все усиливалась благодаря росту центробежных сил в государстве.

¹ И. Ю. Крачковский. Арабская культура в Испании. Агр., 1937, 18, 30.

Испания представляла собой после завоевания провинцию дамаэского халифата; во главе ее стоял эмир, наместник халифа. Но уже в 756 г. один из Омаядов, Абд ар Рахман, искусно используя политические и этнические группировки в Испании, превратил ее в независимое государство, эмират, который при одном из преемников Абд ар Рахмана I, Абд ар Рахмане III (912—961), стал самостоятельным кордовским халифатом, просуществовавшим до 1031 г. Среди борьбы с христианами севера, все более и более продвигавшимися на юг, норманнами, высадившимися впервые на испанском побережье в 844 г. (в Галисии) и проникшими затем довольно глубоко внутрь страны по течению Тахо и Гвадалкивира, среди постоянной борьбы с внутренними центробежными силами государства — кордовский халифат вырос в могущественную политическую единицу, военную силу, с которой считались все средиземноморские государства, и крупную экономическую величину, важнейший центр торговли и промышленности, суда и караваны которого можно было встретить везде и который занимал одно из первых мест в мировой хозяйственной жизни эпохи. Испания славилась своим скотоводством, техникой своего земледелия, в особенности системой орошения, своими шелками и сукнами, стеклом, бумагой, коженными и металлическими изделиями, оружейным производством, предметами роскоши, не менее чем своими школами, учеными, философами, поэтами, архитекторами и скульпторами.

Территориально халифат делился на четыре провинции: Мэриду, Андалусию, Саракосту, т. е. Сарагосскую, и Толайтолу, т. е. Толедскую провинцию. Мэрида объединяла северо-запад и запад, т. е. Галисию и Португалию; Андалусия совпадала приблизительно с древней Бетикой; Сарагосская провинция в основном — с Тарраконской, а Толедская — с Карфагенской. Таким образом и арабское административное деление явилось невольным продолжением римской сетки, в свою очередь воспроизводившей доримскую группировку областей полуострова. Но, как мы уже говорили, в Кордовском халифате имелся целый ряд сил, которые неизбежно вели его к распаду, распаду внутри отмеченных основных территориальных единиц. Силы эти были различного порядка, национального и социального, в конечном счете — социально-экономические.

Обычный испанский термин для обозначения новых хозяев полуострова был не *árabes*, а *mozos*, обозначающий мавров, жителей Магриба или Марокко.¹ Дело в том, что большинство арабской армии, завоевавшей Испанию, состояло не из арабов, а из берберов; арабы являлись вождями и отборными войсковыми частями; рядовыми бойцами были воинственные берберские племена. Третьим элементом, направившимся в Испанию, были сирийцы, осевшие в противоположность арабам и берберам по преимуществу в южно-испанских городах, как напр. в Севилье, Малаге, Медине-Сидонии, в Хаэне и Мурсии. При расселении в завоеванном краю берберы-мавры устроились, главным образом, вне городов, *en camptiña*, в местах, напоминавших им их родину; это были большей частью северные и центральные области арабской Испании. Арабам достался плодородный, богатый юг; они осели также в деревнях, но отчасти и в городах. Арабы и берберы, а также сирийцы принесли с собой в Испанию свои привычки, свой быт и свои взаимоотношения, далеко не всегда удобосочетавшиеся с местными. Экономические преимущества, полученные в Испании одними, и менее выгодное положение других, руководящая роль арабов — все это вместе взятое обостряло

¹ *Encyclop. d. Islām*, III, 477 (Mauren, et. E. Lévi-Provençal).

противоречия, с самого начала имевшиеся в мусульманской среде. Немалое влияние на создание уклада жизни и социальных взаимоотношений имели и те феодальные тенденции в вестготском королевстве, с которыми познакомились завоеватели и которые были весьма соблазнительны для их верхушки. Отсюда трения и борьба, стремление привилегированных групп захватить в свои руки первое место и оттеснить конкурентов. Уже в 741 г. арабам с трудом удалось подавить крупное движение среди берберов. Сирийские арабы не ладили с арабами из Аравии. Родовая знать не ладила с центральной властью, стремившейся к созданию строго монархического порядка. Правда, междоусобия значительно ослабляли стороны и облегчали положение халифа; правда, халиф имел поддержку в массе городского и сельского населения как мусульманского, так и христианского, поскольку он боролся с теми, чья тяжелая рука уже начала все более и более ощущаться трудящимися, но социальная борьба не прекращалась, а только усложнялась и затягивалась. Энергичная политика таких халифов, как Абд ар Рахман I и III или Аль Мансур, могла ликвидировать отдельные вспышки борьбы, могла задерживать успехи диссоциирующих сил, но процесс шел все же своим порядком и был сильнее воли самых сильных его противников. Даже крупные победы халифа не могли изменить положение вещей. Вслед за старой аристократической оппозицией поднималась новая, выдвинутая властью в противовес первой и теперь требовавшая для себя того, что в свое время имели ее предшественники: военная служилая группа, ренегаты,¹ обязанные всем своему хозяину.

Дело усложнялось тем, что феодальные стремления господствующего класса тяжело отражались на экономическом положении христианской массы. Она объединяется с восставшими мусульманами. Так было, напр., в самом конце IX—начале X в., когда ренегату Омару бен Хафсун, готу по происхождению, удалось поднять крупное движение и организовать самостоятельное государство с центром в Малаге, которое могло нанести серьезный удар владычеству арабов в Испании, если бы Омар связался с христианами на севере и если бы в эту пору не имело места обострение религиозного вопроса. Омар вернулся к христианству, после чего его мусульманские сторонники оставили его, и в 917 г. движение было ликвидировано.

Усложняли положение вещей и усилившиеся в обоих лагерях, мусульманском и христианском, религиозные течения и течения национальные, пробужденные в конечном счете все тем же обострением социальной борьбы. И те и другие приводили к столкновениям и углубляли расхождения, начавшие образовываться между некогда мирно сожительствовавшими основными половинами арабской Испании.

Таким образом государство халифов начинало покрываться трещинами, шедшими в самых разнообразных направлениях и все увеличивавшимися в ширину и длину. Становилось все труднее бороться с процессом распада, обусловленного в первую очередь феодальными тенденциями наиболее сильных и влиятельных классов, и тем более, что опасность с севера в виде продвижения христиан все росла, а преодолевать ее становилось все труднее. Внутренняя борьба закончилась торжеством центробежных сил, и халифат стал распадаться на ряд независимых политических единиц, известных под названием *taifas*. В момент падения халифата (1031) их было семь: Сарагоса, Севилья, Гранада, Малага, Валенсия, Бадахос и Мурсия. Позднее число их возросло до 12, а во вторую половину века — до 23.

¹ По арабской терминологии — мауля.

Занятые непрерывной борьбой между собой, являясь одновременно ареной внутренних феодальных войн, *taifas*, естественно, ослабевали и не имели возможности сопротивляться напору христиан извне. Это обстоятельство заставило их искать помощи у мавров Марокко, и таким образом в Испанию являются Альморáвиды, становящиеся на некоторое время хозяевами халифата (1090—1146). Благодаря энергии их вождя, Юсуфа бен Ташфин, им удается подавить временно центробежные феодальные силы, объединить страну, нанести христианам ряд серьезных поражений (1086, 1108 гг. и ряд других). Но успехи Альморáвидов были недолговечны, а фанатизм их отнюдь не мог способствовать разрешению христианского вопроса в Испании. Наоборот, неприязненное настроение мосарабов продолжало расти, и вражда становилась более активной.

Тем временем в тылу у Альморáвидов в Африке стало неблагоприятно. Среди горцев Атласа началось религиозное движение,¹ и Альморáвиды вынуждены были направить против этих сектантов, альмохадов, значительные силы, что поколебало их положение в Испании. Центробежные элементы подняли голову, нажим с севера усилился, и государство, созданное Юсуфом, стало распадаться. Альмохады вторглись в 1146 г. в Испанию и к 1172 г. они уже успели овладеть всем полуостровом, к которому в начале XIII в. они присоединили и о. Майорку. Произошло новое объединение испано-арабского государства (1146—1269), но поддержать его в новых условиях оказалось делом еще более трудным. Очутившись между христианами, энергично наступавшими с севера, и диссоциирующими силами внутри страны, альмохады стали терпеть поражения на обоих фронтах. В битвах при Лас Навас де Толоса (1212) и при Фебраэкен альмохадам был нанесен соединенными силами Кастильи, Арагона и Наварры тяжелый удар, после которого стало ясно, что уничтожение арабского владычества на полуострове — вопрос только времени. Восстания испанских мусульман против альмохадов были другим тяжелым ударом по их власти. Когда альмохадская династия в Марокко была свергнута, Испания *taifas*'ов возродилась снова, и вновь начались междоусобицы, в результате которых *taifas* в XIII в. перестали существовать. В половине XIII в. в руках мавров оставалась еще только одна Гранада, королевство, основанное династией назаритов.

Обратимся теперь к другой половине Испании.

Север, как мы уже знаем, принадлежал к наименее романизованным частям полуострова. Переселение сюда выходцев из более южных областей повлекло за собой, естественно, усиление романизации, и таким образом процесс превращения севера в романский край, за исключением, впрочем, малодоступных горных его районов, был завершен.

Одновременно началась его организация. Победа при Ковадонге привела к образованию на севере небольшого королевства в стране древних астуриков, получившего поэтому название Астурийского королевства, центрами которого были последовательно Кангас де Онис, Правия и Овьедо (кон. IX в.). В состав его вошли, как мы видели, Галисия и область Сантандера, база будущей Кастильи. В восточной половине припиренейского севера образовалась Испанская марка. Сгруппировавшееся вокруг себя христианские силы севера Астурийское королевство приступило к завоеванию занятых арабами земель, к тому, что испанцы называют *reconquista*, т. е. обратное завоевание, длительной

¹ Инициатором его был Махди бен Тумарт.

и упорной борьбе, продолжавшейся в основном до второй половины XIII в., но завершённой полностью только в конце XV.

Говоря о Реконкисте, нужно иметь в виду два момента: момент вытеснения арабов и расширение территории и момент заселения и организации ее. Но этим не исчерпывается еще содержание периода Реконкисты: параллельно с отмеченными моментами происходит образование испанского государства, возникающего в процессе борьбы классовых сил, борьбы, теснейшим образом связанной с образованием территории, ее заселением и устроением. Со всем этим теснейшим образом связано развитие языка, а потому знакомство с общим ходом Реконкисты и образования испанского государства для нас очень важно.

Мы установили выше в общих чертах южную границу северной Испании, какой она была в начале X в. (см. стр. 89). В X в. продвижение в сторону арабской оборонительной линии, Дуэро, продолжалось.¹ Бывшая мертвая зона очутилась скоро в руках северян и настолько прочно, что столицу Астурийского королевства оказалось возможным перенести из Овьедо в Леон,² и с 944 г. короли Астурии начинают называться королями Леона. К началу XI в. северяне овладевают уже окончательно линией Дуэро, на западе — некоторыми частями нынешней северной Португалии;³ на востоке они спускаются до верхнего течения Эбро (Нáхера, Логроньо, Тудела) и присоединяют к своим владениям Совраве, Ривагорсу и Пальярс, принадлежавшие с конца VIII в. франкам. На крайнем северо-востоке графы барселонские, отказавшиеся признать Гугона Капета (987), становятся фактически автономными; к ним примыкают другие графы Испанской марки, которые в то же время начинают попадать в зависимое положение от Барселоны и постепенно утрачивают свою самостоятельность, а частью и владения. Южная граница Каталонии спускается к Эбро.

В XI в. северяне достигают Тахо и в 1081 г. овладевают Толедо (Альфонс VI). Взятие Толедо имело огромное значение. В руки северян попадала не только древняя столица Испании, крупный торговый и промышленный центр, но и важный стратегический пункт: занятие Толедо давало возможность проникновения в Андалусию и открывало пути на Талаверу на западе, Уклес и Куэнку на востоке. Все это подымало энергию северян и, наоборот, понижало ее у мавров. Несколько ранее Фердинанд I (1037—1065) завоевывает обширные территории в Португалии с такими центрами, как Висеу, Ламегу и Куимбра, и переносит границу в этой части полуострова на р. Мондегу. На северо-востоке в руки северян попадают в это время части королевства Сарагосы и такие важные пункты, как Барбастро и Монсón.

В XII в. на северо-восточном участке северяне выходят, наконец, на среднее и нижнее Эбро; они овладевают Сарагосой (1118), Фрагой, Лэридой (1149), Таррагоной (1117) и Тортосой (1149) и проникают затем далеко за Эбро, в район Альбаррасина, где они основывают Теруэль (1170), достигнув, таким образом, широты Толедо. На центральном участке северянам достается Куэнка (1177) на востоке, на западе — Пласенсия, на юге Аларкос, лежащий уже по ту сторону Гвадианы (близ нын. Сиудад Реаль). В 1094 г. знаменитый Сид, Руй Диас де Вивар, овладевает Валенсией, которая остается за христианами до 1102 г.

¹ После 866 г. граница Астурии проходит по линии Туй, Асторга, Леон, Амая; в конце века она продвигается до Бургоса и Кастрохерие в Кастилье, до Лансия, Саморы, Торо и Симанкас в Леоне.

² При Ордоньо II (914—924).

³ При Альфонсе V (999—1027).

Поражения мавров при Лас Навас де Толоса и Фебраэжен вынудили мавров отойти за Сьерру Морену. XIII век характеризуется крупнейшими приобретениями северян. Фердинанд III (1217—1252) овладевает северными и западными частями Андалусии и занимает столицу халифата, Кóрдову (1236), Севилью (1248) и Хаэн (1246). Иаков I завоевывает Валенсию (1239—1253), Мурсию (1265—1266) и о. Майорку (1229—1235). В руках мавров остаются только крайний юг Португалии (Альгарве) и область Гранады. Альгарве была отнята у них Альфонсом X (1248—1279) и передана Португалии. Гранадский же эмират просуществовал до 1492 г.

Таковы основные этапы реконкисты, глубокий анализ исторического значения которой дан нам К. Марксом.¹

Их нельзя себе представлять только цепью завоеваний. Завоевания сопровождались заселением, постройкой городов и опорных пунктов; но очень часто военному продвижению предшествовало гражданское, которым затем пользовались те или другие из северных государств. Подобного рода заселение, организованное государственной властью, всячески поощрялось и поддерживалось. Реконкиста являлась, таким образом, не только продвижением государства, но и передвижением народных масс, часто предварявшим первое и направлявшимся в места, которые оказывались выгодными и где труд не стеснялся феодальным гнетом или где не было религиозных преследований. Государственная власть, частные владельцы и монастыри, заинтересованные в эксплуатации новых земель, обороне рубежа или пополнении наличных ресурсов, давали переселенцам привилегии, льготы; на новых местах — *cartas pueblas*, которые освобождали их от крепостной зависимости; но так как в поисках лучших мест они часто оставляли занятые ими участки, то последние часто оказывались брошенными, и это обстоятельство привело вновь к прикреплению поселенцев к раз занятому ими месту и возвращало их к тем условиям существования, от которых они бежали или старались избавиться. Таким образом население новых мест постепенно иммобилизовалось; с другой стороны, с ростом безопасности на юге свободное заселение становилось менее частым и уступало место регулируемой колонизации. Тем не менее характер основной массы населения в новых областях оставался прежним. В большинстве случаев это были люди энергичные, предприимчивые, трудоспособные и свободолюбивые. Города или поселки, созданные ими, развились постепенно в важные торговые пункты, стали значительными центрами земледелия и скотоводства; они превратились в прочно организованные муниципальные ячейки, крепко державшиеся за свои привилегии, фуэрос, готовые во что бы то ни стало отстаивать их от всяких попыток умалить или уничтожить их. Известный демократизм, чувство солидарности и законности отличали их и в сочетании с их энергией и выдержкой делали их внушительной социальной силой, которая очень скоро показала себя.

Поселенцами, заселявшими новые территории, были не только местное население, выходцы из различных областей севера, но и пришлые люди. Кастилья была заселена горцами Кантабрии и области Сантандера, Леон — в значительной мере мосарабами; Альфонс I Воитель (1104—1134), совершивший ряд удачных походов на юг, вывел из Андалусии 14000 мосарабов, которые были поселены в Арагоне. Ряд местных названий сохранил нам память об этих передвижениях. Отсюда в топонимике севера: *Toledanos* (на северном притоке Дуэро, Арадуэй), *Toldaos* (в Галисии, пров. Луго), связанных с Толедо, *Mozárves*, *Mozarbitos* (на

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., X, 1938, 721.

юго-запад от Саламанки), *Huerta de Mozarbitos* и т. п. С другой стороны, вне пределов Басконии, Галисии или Астурии — различные *Gallegos* (на р. Сега, южном притоке Дуэро, и близ верхнего течения Тóрмес, а также на р. Агеда, южном притоке Дуэро), *Gallegillos* (бл. верхнего течения Тóрмес), *Villagallegos*, *Asturianos* (на р. Тепа, на северо-востоке от Брагансы), *Basconcillos* (к югу от Бургоса). Саламанка была заселена кастильцами, португальцами, колонистами из Торо (на Дуэро) и мосарабами. Мосарабский церковный обряд с этих пор водворяется в саламанкской христианской общине. О перемещениях населения с востока на запад и в обратном направлении свидетельствуют такие названия мест, как *Castellanos*, *Bascones* (в восточном Леоне), *Vascois* (на границе Леона и Галисии, на р. Силь) и т. п.

Мосарабский элемент оказывался в пределах христианских областей не только в порядке завоевания, но и добровольной эмиграции. В эпоху Альморáвидов выселение мосарабов на север приняло массовый характер, и то же продолжалось и в последующую эпоху. В XIII в. мосарабов в Кóрдове и Севилье оставалось уже немного. Эмигрировали люди различных социальных положений и профессий: земледельцы, торговцы, ремесленники, духовенство, монахи и ученые люди. В Астурии очень рано появляются памятники мосарабского искусства, мосарабские рукописи; в Леоне обосновываются монахи из Андалусии; там же возникают толедские колонии и т. п.

До сих пор, когда мы говорили о продвижении на юг масс северян, мы рассматривали его как нечто целое и единое. Мы делали это умышленно, так как пока нас интересовали хронология продвижения и границы, отвечающие различным его этапам. На самом деле реконкиста имела на севере несколько исходных баз, и движение осуществлялось поэтому несколькими параллельными потоками, то сливавшимися в один или несколько, то направлявшимися на юг каждый самостоятельно.

Укрывшись на севере, испанцы принесли с собой свой старый социальный уклад, свои диссоциирующие феодальные тенденции, которые продолжали развиваться и в новой обстановке. История северной окраины является продолжением вестготской эпохи. Север представлял собой не единую Испанию, а целую цепь государственных феодальных объединений большего или меньшего объема, внутри которых шла постоянная борьба феодальной знати между собой и с королевской властью, объединений, которые то враждовали друг с другом, то сливались в более крупные единицы, то, наоборот, дробились. Для нашей цели нет нужды следить за всеми перипетиями этой борьбы; нам важны основные моменты ее в пределах до XIII в. включительно и ее результаты.

Наиболее крупной государственной единицей на севере было первоначально, как мы уже знаем, Астурийское королевство, значительно расширившее свои пределы в течение IX в. и с 944 г. превратившееся в королевство Леонское. Кульминационной точкой его развития является время Рамиро II (931—950), современника Абд ар Рахмана III, при котором пределы королевства значительно расширились на юг. Однако Абд ар Рахман и Аль Мансур нанесли ему в X в. тяжелый удар, после которого оно хотя и оправилось, но не могло уже подняться на прежнюю высоту. В состав Леонско-астурийского королевства входила, между прочим, и Кастилья, первоначально являвшаяся его окраиной, имевшей, однако, большое военное значение, и поэтому покрытая многочисленными замками и укреплениями (откуда и ее название).

Связанная, таким образом, с Леоном, но резко отличная от него характером своего населения, вынужденная быть постоянно настороже,

удаленная от крупных леонских центров, Кастилья привыкла смотреть на себя как на самостоятельную область, и потому в середине X в. энергичному графу Фернán Гонсáлесу нетрудно было освободить ее от леонской зависимости, объединив ее феодалов под своей властью. Но эта независимость Кастильи оказалась недолговечной.

Бок-о-бок с ней усиливается новая политическая единица, Наварра, которая подчиняет себе в 1028 г. Кастилью и при Гарсесе III (Великом) — ряд областей на восток вплоть до каталанской границы (см. выше, стр. 92). Время Санчо была порой наивысшего подъема Наварры. По смерти его Наварра распадается. Санчо сам возвращает Кастилье ее самостоятельность и превращает в самостоятельные единицы восточные области, Арагон и смежные с Каталонией „синьории“.

Тем временем, как мы видели (см. выше, стр. 92), Барселона собирает вокруг себя графства Испанской марки.

Таким образом к половине XI в. север распадается на ряд христианских государств, на основе которых складываются последовательно новые политические группировки. Наварра, сжатая сильными соседями на западе и на востоке, колеблется между ними в борьбе за свое самостоятельное существование, тяготея, однако, к более близкому ей по строю и укладу жизни востоку, временно даже сливаясь с ним, пока она не попадает, наконец, в русло французской политики и на престоле ее не водворяются французы (см. выше, стр. 20). Только в XVI в. она возвращается в состав пиренейских государств, и то не целиком, так как часть ее остается в руках французов (Нижняя Наварра). За время борьбы с соседями Наварра лишается значительной части своей территории, а именно нижней Ла Риохи, которая в 1176 г. досталась Кастилье и постепенно кастилизировалась.

Кастилья, освободившись от своей зависимости от Наварры, занимает снова свое влиятельное место в ряду государств севера. В то время как Леонско-астурийское королевство идет под уклон, Кастилья непрерывно растет территориально и крепнет. В 1230 г. (Фердинанд III) происходит объединение ее с Леоном, и западная половина севера превращается, таким образом, в крупную политическую силу.

Несколько ранее, в XII в., объединяется восточная его половина. Когда со смертью Рамиро II мужская линия арагонского дома пресеклась, власть перешла в руки дочери Рамиро, доньи Петронилы, бывшей замужем за барселонским графом Раймоном-Беренгарием IV. Со смертью же ее в 1162 г. престол переходит в руки ее сына, Альфонса II, первого испанского трубадура, который становится первым арагонским королем из каталанцев (1164—1196). Таким образом Арагон и Каталония оказываются объединенными. Вместе с тем в руки объединения попадают значительные владения на юге Франции, принадлежавшие ранее каталанцам, благодаря чему история этой части севера Испании оказывается в течение некоторого времени тесно связанной с историей Франции.

В том же XII в. возникает на крайнем северо-западе полуострова и еще одна самостоятельная политическая единица.

Завоеватель Толедо и современник Сиды, Альфонс VI, благодарный французам за помощь, оказанную ему ими при взятии Толедо, выдал одну из своих дочерей, Тересу, за графа лотарингского Генриха и отдал ей несколько городов (Порту, Брагу, Куимбру, Висеу и Ламегу) и земли, лежащие между рр. Тахо и Минью. Территория эта была возведена в ранг графства, названного португальским (*Portucalense*, от *Portus Cale*), поставленного, однако, в ленную зависимость от Кастильи. Благодаря своей искусной политике, Тереса и ее муж, вмешавшиеся в династические устои кастильцев и арагонцев, сумели извлечь пользу

из участия в борьбе и увеличить свои владения, присоединив к ним новые, к северу от Минью и в области Вальядолида. После смерти Генриха (1114) Тересе удалось, воспользовавшись анархией в Кастилье, приобрести Туй и Оренсе и, несмотря на понесенное поражение, добиться признания за собой всех своих владений, в придачу к которым ей были уступлены еще некоторые земли в южном Леоне и в Кастилье. При сыне Тересы, Альфонсе Энрикесе, состоялось официальное признание графства, а несколько позднее, при Альфонсе VIII, победителе мавров при Лас Навас де Толоса, оно превратилось в королевство, которому Альфонс X передал отнятую им у мавров область Альгарве.

Таким образом история севера представляет собой историю образования нескольких национальных объединений. Вместо единой, хотя бы и редуцированной территориально, Испании, продолжающей Испанию вестготов, мы видим возникновение в прикантабрских и припиренейских областях ряда мелких государственных единиц, которые положили начало углублению местных расхождений, обусловленных географическими свойствами страны, партикуляризму и образованию нескольких типов испанцев. В каждой из этих единиц сложилась своя культура, свои учреждения, свой быт, свой язык, надолго определившие пестроту испанской жизни и своеобразие ее истории. Перед нами на исторической сцене не одна, а несколько Испаний, несколько действующих лиц, число которых все время меняется, так как политическое дробление непрерывно осложняется или даже обуславливается социальной борьбой, участники которой меняют свое место, свои роли и группировки. Мы в полном разгаре феодальных боев и напряжения центробежных сил, начавших свою деятельность в вестготскую пору и даже ранее.

Но уже развивается и диаметрально противоположный процесс. Мы видели, что число действующих лиц на исторической сцене уменьшается. Протагонистов оказывается в XIII в., собственно, только два: Кастилья и Арагоно-каталанское объединение (Португалия стоит особняком). Но и это положение вещей было переходным.

Сокращение действующих лиц являлось результатом успехов центростремительных сил, действовавших внутри каждой государственной ячейки и упорно боровшихся с центробежными силами феодализма, с феодальной знатью. Силами этими была королевская власть, стремившаяся к созданию государственного единства, и поддерживавшие ее социальные группы, горожане и крестьянство, страдавшие от феодального произвола и насилия.

Реконкиста была, как мы видели, не только процессом военного, но и мирного завоевания новых земель, на которые предприимчивые элементы проникали ранее вооруженных людей, потому ли, что это было выгодно, потому ли, что они искали более благоприятных условий для своего труда. Заинтересованные в этих своеобразных реконкистадах центральная власть и феодалы, светские и духовные, давали им особые права и привилегии, фуэрос, являвшиеся своего рода конституцией этих нарождавшихся вновь или заселявшихся наново городов или сельских общин. Впрочем зачастую эти фуэрос вырывались с оружием в руках, были результатом революционной борьбы. Содержание фуэрос варьировалось, для отдельных городов и общин оно было неодинаковым; одинаково было отношение к ним тех, кто их получал: они были ненарушимы в глазах их обладателей. Горожанин и крестьянин были готовы защищать их всеми силами против любого нарушителя, будь то кастильское дворянство, арагонская аристократия или богатые горожане Каталонии или, наконец, представители королевской власти. В борьбе за

свои права и привилегии они блокировались с последними против первых или с первыми против последних. Важным условием борьбы была организованность городской и сельской массы, в особенности городской, связанной внутри города в так наз. конфрерии по признаку профессии, объединявшейся в хермандады,¹ союзы, охватывавшие несколько городов и иногда соединявшиеся между собой. Крестьяне объединялись в бегетрии, достигавшие порой значительных размеров и добивавшиеся крупных льгот; но крестьянские организации в общем были слабее городских.

Так или иначе, организованное „третье сословие“ представляет собою в XII в. уже настолько крупную социальную силу, что в это время мы встречаем их представителей на ряду с представителями дворянства и духовенства в собраниях (кортес), которые королевская власть созывала для обсуждения финансовых мероприятий и которые с течением времени расширили круг своего ведения, превратившись, таким образом, в зачатки парламента.

Этими представителями, *personeros* или *procuradores*, были представители городов. На долю крестьянства оставался главным образом путь ходатайств и прямого действия, восстаний, борьбы с оружием в руках, к которому оно теперь неоднократно и прибегало. С крестьянами вели переговоры, восстания жестоко подавляли, но движения эти становились с течением времени настолько внушительными и упорными, что в результате нередко влияли на решение того или иного политического вопроса, на тот или иной курс правительства или классовых врагов крестьянства.

Вот эта-то масса, городская и сельская, но прежде всего городская, и явилась опорой того центростремительного процесса, который одержал верх над процессом феодального расчленения Испании и привел к возникновению единого национального государства. Проблема объединения встала еще в готскую эпоху. Вторжение арабов, расколовшее страну на-двое, лишившее ее центра, развязало руки центробежным силам, но в то же время наново и острее поставило вопрос об объединении, так как было ясно, что победу над завоевателями может обеспечить только концентрация сил. Астурия взяла на себя эту роль; не обладая в достаточной мере материальными ресурсами, она прибегла к идейным. Так была создана легенда об открытии мощей апостола Иакова близ древней Ириа-Флавиа (нын. Падрон), вокруг которой вырос скоро целый город — Сантьяго де Компостела. Ап. Иаков был объявлен патроном всей Испании, и в далекую Галисию, колыбель королей Астурии, стали стекаться паломники из всех углов Испаний, а скоро и всей Европы. Боевой клич борцов с маврами „*Santiago y sierra España*“ стал первым выражением сознания единства Испании, а эпоха его создания — первым этапом на пути ее объединения. Реконкиста, во время которой различные испанские „нации“ сражались бок-о-бок против общего врага, укрепила это сознание. В эту эпоху выдвигается Кастилья, к которой переходит роль Леона и центральная власть которой осуществляет в широком масштабе борьбу с диссоциирующими элементами в государстве. К этому времени в нем складывается уже и крупная социальная, т. е. материальная сила, заинтересованная в объединении. После вступления ее в борьбу взаимоотношение сил борющихся меняется в ущерб феодалам, которые в этом пункте вынуждены капитулировать. В 1479 г. Кастилья и Арагон объединяются окончательно под властью „католических“ государей, Фердинанда IV Арагонского (1479—1516) и Исабеллы Кастильской (1474—1504).

¹ В Кастилье уже в XII в.

В 1492 г. была взята Гранада, последний оплот мавров в Испании. Реконкиста была завершена. Мусульманам было предоставлено право оставаться в пределах Кастильи (Гранада была присоединена к Кастилье) или выехать в Африку. Оставшимся была гарантирована свобода вероисповедания и право судиться по своим законам. Они оказывались, таким образом, в положении, тождественном с положением мудехаров, обращенных мусульман. Однако условия эти были вскоре нарушены. Инквизиция, учрежденная в Испании еще в XIII в. и являвшаяся верным орудием церкви и монархии в борьбе со всякого рода инакомыслящими, не могла примириться с подобными изъятиями. Фанатичная королева и духовник ее, кардинал Сизнерос, нарушили мирный договор с гранадскими мусульманами, и начались преследования. Политика эта вызвала общее восстание мавров в целом ряде городов, подавление которого заняло несколько лет и стоило немало крови. В 1502 г. всем мусульманам Кастильи и Леона было предложено либо отречься от своей веры, либо покинуть Испанию. Последовали массовые отречения, конечно фиктивные, приведшие к тяжелым последствиям. В Арагоне принудительное обращение мавров, однако, не было разрешено.

Каковы же должны были быть результаты охарактеризованных выше условий для языкового развития?

Арабское завоевание разрезало Испанию на две части. Испано-романская речь лишилась центра, благодаря чему опять отчетливее выступили децентрализующие силы, старые местные тенденции, которые никогда не умирали.

В арабской половине полуострова:

1) романский язык очутился в иноязычном окружении, а так как окружение это было влиятельным политически и культурно, то оно не могло не отразиться на языке тех, кто в этом окружении оказался;

2) он очутился в положении языка завоеванных и занял второе место;

3) лишенный объединяющего центра, не имеющий людей, которые бы его серьезно культивировали, он был предоставлен самому себе и должен был подпасть, естественно, действию старых децентрализующих сил;

4) его территориальной и социальной дифференциации способствовало все растущее политическое дробление арабского государства и рост в нем социальных противоречий, приведших его в конечном итоге к распаду и, наконец, гибели;

5) однако территориальные расхождения языка мосарабов были менее значительными, чем этого можно было бы ожидать. Такое предположение опирается на относительную однородность мосарабской массы и отсутствие у нее самостоятельной политической жизни;

6) очутившийся в иноязычном окружении и заключенный в тесные рамки, язык мосарабов должен был естественно сохранить во многом свои прежние черты, т. е. известный архаический отпечаток.

Что касается севера, то:

1) мы должны констатировать, что он отнюдь не был герметически замкнут и совершенно отрезан от юга; между языками обеих половин полуострова существовал постоянный контакт;

2) раздробленность, господство диссоциирующих сил характерно и для севера. Оно привело здесь к возникновению нескольких политических объединений, а следовательно, должно было обусловить образование нескольких разновидностей испано-романской речи;

3) разновидности эти должны были более или менее значительно расходиться между собой, отчетливее индивидуализироваться, так как

они выросли на почве различного этнического субстрата и в условиях самостоятельной политической жизни;

4) в силу своего политического значения и, как мы знаем, наличия у них письменности, языки севера должны были иметь свои местные центры и нормы, что должно было, в свою очередь, придавать им известную устойчивость при наличии, однако, внутри каждого территориальных и социальных расхождений;

5) в то время как в арабской половине Испании диссоциирующий процесс растет, на севере мы имеем обратное движение. Отсюда понятно, почему здесь выдвигается на первое место один из языковых вариантов, который и завоевывает себе постепенно доминирующее положение, превращаясь в норму и, в конце концов, в национальный язык. Этим вариантом вследствие указанных выше политических причин оказывается язык Кастильи;

6) продвижение на юг территорий северных государств должно было повлечь за собой, естественно, распространение территорий и соответствующих языковых разновидностей и исчезновение местных южных вариантов;

7) расширение поля деятельности северных государств приводило их к общению с запиренейскими романскими языками, которое должно было оставить на них неизбежно более или менее заметный след.

Обратимся теперь от этих теоретических выводов к самым фактам языка.

5

Данная нами картина говорит о наличии постоянного контакта между обеими половинами Испании на почве языка и о постепенном продвижении северян на юг. Создается впечатление, что между мосарабским миром и северянами фактически не существовало границы. Однако это не совсем так, и данные языка помогают нам в этом случае уточнить наши исторические представления.

Мы говорили выше о том, что в течение долгого времени границей между арабской Испанией и христианской являлась р. Дуэро, а область между нею и Мондегу и даже Тахо служила (в X и XI вв.) ареной борьбы. Устанавливавшиеся здесь рубежи носили обычно временный характер до тех пор, пока португальцы не утвердились на устьях Тахо и не овладели Лиссабоном (1147). Но Лиссабон стал центром Португалии только в 1260 г.; в XII в. максимально населенной ее частью были все еще области между Дуэро и Минью. Длительная задержка на линии Дуэро (включая этот район Португалии) оставила по себе память и в языке. В то время как для галисийско-португальского языка характерно выпадение интервокального лат. -n- и -l-, на юг от Дуэро они долго сохраняются. Так, название старой столицы Португалии Куимбры (кельтское *Conimbriga*) сохраняет свое -n- в ст.-французском: Фруассар (1338—1404) дает *Conimbre*, между тем как в ст.-португальском мы имеем *teer* < *tenere*, *teor* < *minore*. Впрочем французская форма могла быть дублетом или полукнижной, так как порт. *Coimbra* может восходить и к поздней лат. *Colimbra*, *Colimbria*,¹ т. е. мы имели бы случай выпадения интервокального -l-, характерного уже для ст.-португальского, где мы встречаем *seo* < *cœlu*, *door* < *dolore*, *Fiiz* < *Felice* (ново-порт. *Fins* или *Fiz*), *poo* 'пыль' < **pulu* (< *pulvu*), *aas*, *ás*

¹ Прилагательное *colimbrense* засвидетельствовано под 883 г. (Portug. monum. hist. I Diplomata et chartae, Лиссабон, 1867; изд. Лиссаб. ак. наук).

‘крылья’ < *alas* и т. п. Во всяком случае в названии Мертолы, *Mertola*,¹ интервокальное *-l-* уцелело. Современник Фруассара, испанский политический деятель и историк Перо Лóпес де Айяла (1332—1407) употребляет для названия португальской столицы форму *Lisbona*, т. е. старую форму с *-n-*, тогда как португальский превратил ее в *Lisbõa*, аналогичную ст.-порт. *bõa*, т. е. *bõa* ‘хорошая’ < *b o n a*, *ção* ‘серый’ < *s a n i* или *sẽa* ‘ужин’ < *s e n a* и т. п. Арабская форма имени Лиссабона, Аль Ашбуна или Лишбуна воспроизводит мосарабскую, как, возможно, и *Conimbre* Фруассара. За тем же Дуэро долго сохранялись недифтонгизированными тонические лат. *ẽ* и *õ*; напр. в местных названиях на *-ẽllu*, *-õla*: *Aljustrel*, *Portel*, *Cazavel*, *Grandola* в южной Португалии. Аналогичные примеры сохранения *ẽ* и *õ* мы имеем в Андалусии, в области Гранады и Малаги (*Moradel*, *Maurel*). В восточной части юга, в Мурсии, южной части Валенсии остатки старого гласного (напр. *Alcoy* на крайнем юге Валенсии) чередуются уже с более характерным дифтонгом, как в более северных областях, где мы встречаем *Cuenca*, *Teruel*, *Orihuela*, *Almuradiel* и др., кроме Каталонии, для которой типично *Morell* (близ *Réusa*), *Morella* (близ Беникарло в Валенсии). При этом нужно заметить, что *õ* упорнее сопротивляется дифтонгизации, нежели *ẽ*. Итак перед нами следы известного рубежа, долго дававшего себя чувствовать; за ним лежала территория мосарабского испанского.

Судить об этом языке позволяет не только топонимика, но и арабские источники. Мы упоминали выше „Диван“ Ибн Кусмана. Еще больше можно почерпнуть в памятниках делового или научного характера. Ценные данные сообщает нам архив толедской мосарабской общины, исследованный недавно в основательнейшем труде А. Гонсáлес Паленсиа.² Интересный материал извлекаем мы и из арабских источников, как, напр., Аль Хушани, автора истории кордовских судей,³ или писателей-географов и натуралистов, какими являются известный географ XII в. Аль Идриси или ботаник Ибн аль Байтар. Наконец, мы располагаем двумя словарями: лейденским глоссарием XI в.⁴ и валенсианским XIII в.

Мосарабский интересен прежде всего тем, что он является продолжателем испано-романского языка готской поры, продолжателем в условиях иноязычного окружения. Язык мосарабов — авторитетный свидетель прошлого, который во многих случаях помогает нам восстановить картину этого прошлого и отчетливо оттеняет развитие романской речи северных христианских областей. Вот почему так часто приходится прислушиваться к его показаниям и вот почему обращение к нему помогло современным испанистам уточнить многое в наших познаниях по истории испанского языка и осветить наиболее темные его главы.

В облике своем мосарабский сохранил немало архаического.

Так в мосарабском уцелели, напр., до известной степени латинский дифтонг *au*, а также дифтонг *ai*, развившийся на почве вульгарного языка. Первый сохранился, между прочим, в форме *lauša*, засвидетельствованной для XIII в. и отвечающей исп. *losa* ‘каменная плита’; следую-

¹ На нижнем течении Гвадианы.

² A. González Palencia. Los mozárabes de Toledo en los siglos XII и XIII. Мадрид, 1928—1930. В этой работе дан и перевод толедских документов. Для истории мосарабов см. Fr. Javier Simonet. Historia de los Mozárabes (Мадрид, 1897—1903) и капитальное исследование Gómez Moreno. Las iglesias mozárabes (Мадрид, 1919). Для языковых отношений см. Orígenes, I, 434—461 и passim.

³ Аль Хушани писал в эпоху ученого сына Абд ар Рахмана III, Хакама II (961—976). „История судей“ издана с переводом J. Ribera (Мадрид, 1914). По-русски о ней имеется статья проф. Д. К. Петрова в журнале „Восток“ (III, 1923, 201 сл.).

⁴ Издан Seybold'ом (Glossarium latino-arabicum, Берлин, 1800).

шая его ступень, *ou*, представлена в X в. севильским *Banu Mourgat* < *Mauregatu*; *ai* сохранился до эпохи автора „*Vocabulista in aravigo*“ (1505), Педро де Алкала. Но и здесь рядом с *ai* мы имеем *ei*: *šemtair*, исп. *sendero* 'тропинка', местные названия *Junqueiro*, *Poqueira* и т. п. Конечные гласные *-e* и *-o* часто отпадали: *ešt* = *este*, *bun* = *bueno* дает нам Ибн Кусман. Такие отпадения подсказаны, несомненно, арабским влиянием.

Группа *-ct-* дает *-xt-*: *nohte* (Кордова); начальные *j-* и *g-* не отпадают: *jenair*, *yenexta* < *genista* 'дрок' (Кордова, Малага). Палатальное *l* (< *cl*, *ly*) у мосарабов сохраняется: *conelyo*, *xarralya* (Тоledo, Кордова, Малага). Сохраняются и начальные *f-* и группа *pl-*: *fazaurya* (у Ибн Кусмана, XII в.) и арабские заимствования более ранней поры дают *f*; в более поздних оно выпадает, что указывает на *f* > *h*; *plorar* 'плакать' (Кордова, Севилья).

В областях, занятых северянами до X в. и позже, до XII в., в районах с более густым населением отмеченные черты сохранились в большинстве случаев вполне хорошо; хуже на территориях с более редким населением, куда северяне проникали глубже. Если распространение кастильского в Тоledo в XI и XII вв. прошло энергично, то причина этого в том, что кастильцы явились сюда в большом количестве. И тем не менее еще в XII в. старые мосарабские особенности языка держались в этом районе очень стойко, и не в одних только социальных низах. Не забудем в связи с этим, что мосарабы в Тоledo были многочисленны, имели старые церковные организации, продолжали жить на основе вестготского права (*Fuero juzgo*), как прежде, и сохраняли вестготский богослужебный обряд. В этих частях полуострова кастилизация распространялась через занятые кастильцами крупные центры вроде Талаверы, Мадрида, Македы и Альхамича, где, помимо колонистов-франков, осел значительный кастильский элемент. В конце концов, после долгих трений и колебаний, кастильский вместе с латинским алфавитом одержал верх и как язык письменности, обслуживавшей широкие круги общества, тогда как альхамия была рассчитана только на арабов или образованный слой населения.

Говоря о рубеже между арабским и христианским миром, мы отметили некоторые расхождения в мосарабском, напоминающие невольно об административном делении арабской Испании (см. выше, стр. 89), возвращающем нас ко временам римского владычества. Но деление это сказалось в языке слабее, чем можно было ожидать. В общем консервативный мосарабский романский язык был консервативнее на западе и на юге; восток был прогрессивнее. Но различия эти не носят все же характера глубоких расхождений. Отсутствие большой дробности мы были склонны объяснять однородностью мосарабской массы и отсутствием самостоятельной политической жизни. На севере языковые расхождения были гораздо более значительными, а потому и языковая картина, которую дает нам христианская Испания, носит несколько иной характер.

Посмотрим же, каковы ее отличительные черты.

О судьбе латинской группы *m b* > *m* мы говорили выше по другому поводу. Это *m* имеется в Каталонии,¹ Арагоне,² Басконии, восточной Кантабрии, Старой Кастилье³ и за пределами Испании, но в той же

¹ Напр. *coloma* 'голубь', пров. *colomba*; *ambos* 'оба' = пров. *amdos*. См. Meyer-Lübke. Das Katalanische, 48—50. — J. Huber. Katal. Gramm. Гейдельберг, 1929, 12.

² Напр. *lomo* (< *lumbus* 'чресла', 'спина'), *sama* (< *samba* 'нога'). Примеры у А. Кун (ук. соч., 69—70).

³ Так *palomo*, *lomo*, *amos* (ныне *ambos*).

припиренейской Романии — в Аквитании.¹ В Кастилью, где *m* сосредоточено главным образом в области между Эбро и Дуэро, оно попало позже и, вернее всего, уже отсюда распространилось по полуострову. Так как Менéndес Пидаль дает кастильский пример *m* уже для X в., то начало продвижения его относится к довольно ранним временам.² На северо-востоке же переход *mb > m*, несомненно, очень давний и, как мы видели, объясняется, вероятно, местными этническими отношениями, так как он связан с территорией, бывшей некогда баскской. Перед нами, таким образом, новообразование, возникшее в северо-восточном углу полуострова и отсюда уже распространившееся.

Тому же северо-востоку, бывшей Тарраконской провинции, как и Аквитании, принадлежит и инициатива образования *e* из дифтонга *ei < ai*, возникшего в суффиксе *-arius*.³ О нем мы также говорили выше.

Арагонизмом или наварро-арагонизмом является притяж. мест. 3 л. мн. ч., восходящее к *illo rum*. Оно имеет в арагонском две формы: *lur*, *lures* (с XI в.) с *u*, которые мы встречаем в каталанском с древнейшей поры,⁴ и *lor*, которая появляется в то же время, но встречается редко: в Арагоне мы не знаем примеров ранее XI в. Встречается эта форма и в Ла Риоха в XIII в., но имеется и в документах Кастильи, куда она проникла, несомненно, из Ла Риоха, и довольно рано, так как мы находим ее в „Силосских глоссах“ (261), т. е. в самом начале XI в. Однако случаи такого раннего ее продвижения на запад являются единичными. Повидимому, влияние арагонского сказывалось сильнее в XII ст., в век Альфонса Воителя (el Batallador, 1104—1134) и его пасынка Альфонса VII, короля Галисии, Леона и Кастильи (1125—1157). В эту пору мы констатируем *lor* во фуэроссах г. Авилеса (1115), т. е. в Астурии (нын. пров. Овьедо).⁵ — Обычная форма притяжательного в кастильском и других наречиях Испании, как и в галис.-португальском, — *su us > su*.⁶ Рефлексы *illo rum* в арагонском не часты; в современном языке Верхн. Арагона, по свидетельству Куна, они неизвестны вовсе.⁷

Формы дат. пад. местоим. 3 л. *illi*, *illis* дали в наварско-арагонском *li*, *lis*. Формы эти старые. Менéndес Пидаль находит их в Верхн. Арагоне и в Соврарве уже в XI в.⁸ В XIII в. она засвидетельствована для Ла Риоха и северной части Старой Кастильи; ее употребляет и Гонсало де Берсео (между 1220 и 1246 гг.). Сейчас она вытеснена обычной *le*, *les* и сохранилась только в далеких Ансó и Эчо (Nechó), у самой баскско-наварской границы.⁹ Кун записывает такие примеры: *lis fa muyto goyo* (Эчо) 'им [это] доставляет большое удовольствие', или: *dáli con la masa* 'дай ему дубинкой' (Ансó). Эти формы дат. пад. исчезли в Арагоне уже в XV в.¹⁰

К числу особенностей арагонского в области морфологии следует отнести перестройку прилагательных одного окончания на *-e* (лат. III скл.) по типу на *-o*, *-a* (лат. *bonus*, *-a*). Следовательно, мы имеем здесь *grando* — *granda*, *tristo* — *trista*. В старую пору, однако, перестройка эта

¹ Ср. гаск. *camaligue*, *cameligue* 'лодышка', *came* у V. Lespy (Gramm. béarn., 452, словарь). Для Гасконии см. M. Henschel. Zur Sprachgeographie Südwestgalliens. Берлин, 1917, 73.

² Orígenes, I, 295—297.

³ Там же, карта, 526.

⁴ В современном языке *llur*, *llurs*. См. J. Huber, Katal. Gramm., 114.

⁵ Orígenes, I, 362—363.

⁶ Menéndez Pidal, Manual⁵, § 97. — Hanssen, ук. соч., 165.

⁷ Ук. соч., 123.

⁸ Orígenes, I, 357—358.

⁹ A. Kuhn, ук. соч., 119.

¹⁰ Там же.

ограничивалась чаще всего формой женского рода, так как надо было отличать его от мужского: *dolienta, simpla* и т. д. В этом последнем отношении арагонский, впрочем, не совсем одинок. Ж. р. на -а в прилагательных на -е знает и кастильский. Раньше всего аналогические образования на -а появились в прилагательных, образованных от названия местности: *leonés — leonesa, francés — francesa, andaluz — andaluza*¹ (случай естественного рода), откуда они через посредство таких прилагательных, как *burgés*, распространились и на более широкие круги: *ladrón — ladrona, holgazán — holgazana* 'праздный'.²

Ярко косервативной языковой фигурой является диалект Леона и особенно Астурии. Мы уже неоднократно ссылались на него, обсуждая древность того или иного процесса. Этот наиболее прямой наследник Толедо сохраняет и до сих пор свой архаичный облик. Так, латинский дифтонг *ai* сохраняется и до сих пор в зап.-леонском в виде древнего *oi*, являющегося первой ступенью приближения к *o*; то же самое мы видим на крайнем западе, в Галисии и Португалии. Но в XI в. *oi* существовал и в центральных частях территории Леона (Леон, Саагун, Каррион), где только с XIII в. прекращаются написания с дифтонгом.³ То же самое видим мы в южных ее частях (Самора, Саламанка); но сюда это *oi*, возможно, проникло и из галисийско-португальского. Ни в Кастилье, ни в Наварре, ни в Арагоне мы не имеем в XI в. следов *oi*; но каталанское *aloudes*, задержавшееся в XII в., тогда как уже в XI в. мы имеем *alodium, alodes* (герм. латинизированное *alaudes* 'алод'), может указывать на существование *oi* в раннюю пору и на северо-востоке вообще.⁴ Старое *ai* сохранилось у мосарабов: *lauša* 'шифер' (XIII в.),⁵ рядом с которым, однако, существовали уже рано и другие ступени дифтонга. Так, лейденский мосарабский словарь X в. дает форму *murzello* 'вороной', отвечающую северным написаниям: *mauricello* (латинизм) или *morcello*.

Мы говорили уже о дифтонгизации лат. *é, ô*, перед палатальными в леонском: *Argüello*, ст.-зап.-леон. *nueiti* < *nöste*, *pieito* < *přestu*. Тот же дифтонг и в наварско-арагонском: *hueyto* < *osto*, *pieyo* < *rodü*⁶ и в мосарабском. Рефлексы в леонском колеблются еще между *uo, ua, ue*; в зап.-леонском до сей поры дифтонг звучит как нечто среднее между *uo* и *ua*.⁷ В диалекте Миранды в условиях эмпазы появляется *uo*.⁸ Дифтонг, как мы знаем, известен и старому Арагону (*puode*). Аналогичную картину дает и *ie*, рядом с которым мы наблюдаем *ia*. В зап.-астурийском вне ударения мы имеем *ia*: *diaz* = *diez* < *deset*, *ya* < *et* и т. п.⁹ Подобно португальскому, леонский сохранял получившееся путем аттракции из *-ariu, -asi-* и т. п. групп *-ai*. Современный зап.-леонский дает в этих случаях *ei*: *beiso* 'поцелуй' (< *basiu*).

В области согласных отметим превращение в палатальное *l* интервокальных *-ly-, -cl-*; напр. *fillo, uello*, напоминающие мосарабские *šarala, šaralya* (XI в.) = *cerraja* 'замок', *welyo* (XI в.); мосарабские формы с *ž*

¹ Однако старый порядок удержался в формулах даже в языке классической лоры: *provincia cartaginés* (Hansen, ук. соч., 127).

² A. Zauner. *Altspanisches Elementarbuch*. Гейдельберг, 1908, 68.

³ Параллельными написаниями являются *obtorigare* (< *auctoricare* XIII в. или *octurgavit* XIII в.).

⁴ Обычными в Каталонии написаниями являются *ai* или *o*: *pausada* 'жилой дом', *resclosam* (< *resclausam*) 'огороженный клочок земли'.

⁵ Неясного происхождения. Ср. REW³, no. 4946: исп. *losa*, порт. *lousa*.

⁶ В ново-арагонском это *y* исчезает: *nuet, let* (< *lectu*), *dreto* (< *directu*).

⁷ A. Munthe. *Anteckningar om folkmälet i en trakt af vestra Asturien*. Упсала, 1887, 15.

⁸ Hansen, ук. соч., 19.

⁹ A. Munthe, ук. соч., 28.

вм. *ly* — новообразования, проникшие на юг из Кастильи (*kortizo=cortijo* 'земельное владение').¹

В старых документах уже в IX в. мы встречаем *merueillata*; написание *ll* чередуется с *lli*, *li*. В XI в. мы встречаемся уже с *g* или *i*: *Gragar*, *Graiar* (XII в.), нын. *Grajar*, т. е. с написанием, выражающим нынешнее леонское *y* (*fiya*). Палатальное *-l-* было широко распространено в Арагоне и Наварре, где уже в X в. мы имеем *Castjlon*, в XI в. — *muller* или *affilgot* 'усыновил' (3 л. ед. ч. перфекта); *spillu*=*speculu* дают нам „Эмилианские глоссы“ (Ла Риоха). В „Силосских глоссах“ не редкость *filius* с латинским написанием, но и *taillatu*, *conseillo* и т. п.² Смягчение начального *l-* (>*ll-*) свойственно, как мы уже отметили, ст.-леонскому (*llavore*), но и северо-востоку полуострова. Последний сохраняет и старое *-it-* < *-st-* (*feito*, *leito*, *muito*), которое мы видим и в португальском, и в арагонско-наварском и каталанском. Сейчас оно живет в зап. Леоне. — Вульг.-лат. *g* и *j* в начале слова перед *a* и *e* обычно сохраняются в виде *y*. В Леоне *lelbira* (X в.) 'Эльвира', *yermana* (XI в.) и тому подобные написания; *lenestares* (XII в.). То же дают нам Наварра и Арагон³ и мосарабы (*yenešta* < *genista* 'дрок', X в., *yenair* < *janiariu*, XII в.).

К числу архаических черт леонско-астурийского следует отнести и сохранение группы *mb*: *palombos*, *ambos*, о судьбе которой мы уже говорили. — В области групп согласных отметим нововведения: *d'g*, *b'd* > *lg*, *ld*: *judgar* < *judicare*, *dubita* > *dulda*, *capitale* > *caldal* 'знамя', 'руководитель' (ср. *cabdiello* 'начальник'). — В трактовке начальных групп *pl-*, *cl-*, *fl-* леонский сближается с португальским. В этом последнем мы имеем: *planu* < *chão* 'пол', 'ровный', *plantare* > *chantar*, *plus* > *chus*, *flagrare* > *chairar* 'нюхать', *clamare* > *chamar* 'звать' и т. п. Только в книжных и полукнижных словах или заимствованиях из других языков группа не палатализуется, а сохраняется, причем, однако, *l-* > *r*; след. *pl-* > *pr-*, как, напр., *preito*, *fl-* > *fl-* — *fraco* 'вялый', *cl-* > *cr-* — *cretença* 'снисходительность'. В зап. Леоне мы имеем *š*: под 1101 г. мы находим форму собственного имени *Xayniz* с параллельными формами *Flainez*, *Laynez*, восходящую к лат. *Flavinus*; в XII в. можно отметить *josa* < *clausa*, с *j* из более старого *x*. В современном леонском диалекте сохранилась та же форма *josa* в значении участка сухой земли, засаженного плодовыми деревьями.⁴ В Каталонии, Наварре и Арагоне группы эти сохранили свой латинский облик. В Арагоне имеются *pleno*, *flamera*, *clamar*.⁵ То же самое у мосарабов: *plantago* дает здесь *plantain* 'подорожник'.⁶

Как известно, формы члена на территории испанского отвечают лат. им. пад. ед. ч. и вин. мн. ч.: *ille* > *el*; *illa* > *ela*, сохраняющая в старых памятниках: *ela casa*,⁷ обычно — сокращенная *la*; *illos* > *los*, *illas* > *las* вм. *elos*, *elas*. Последние имеются в старом языке. Полные формы — *ela*, *elos*, *elas* употребляются в Леоне и Арагоне.⁸ Кроме того, старый язык Леона и Арагона сохраняет и форму члена, восходящую к лат. вин. пад. ед. ч.: *lo* (*por lo anno*), уцелевшую еще до нашего

¹ См. примеры в Origenes, I, 287—288.

² Origenes, 282—283.

³ В современном языке *ch*: *chen* < *gente*, *cheso* < *gypsu*, *chirmán* < *germanu* (Hanssen, ук. соч., 43—44).

⁴ Origenes, I, 245—247.

⁵ Kuhn, ук. соч., 32—34.

⁶ Origenes, ук. м.

⁷ Menéndez Pidal. Manual⁵, § 100.

⁸ Hanssen, ук. соч., 168.

времени и Соварве, где говорят *lo fuego*, и даже с потерей *l*: *o fuego, os machos* (< *masculos*) 'самцы', 'мужчины', *as navajas* 'ножи', как в португальском.¹ Впрочем, это *lo* обыкновенно употребляется после предлогов в согласии с его исконным значением. То же и в кастильском: *al* < *ad illum*, *del* < *de illum* (где *lo*, как им. пад., встречается только при субстантивированных прилагательных и наречиях, как *lo útil, lo más* максимум) и частые в старом языке *cóntral, sol*. Леонские *nel, col, pol* относятся сюда же. Кроме того, в леонском до сих пор живут своеобразные слитные формы вроде *conno, connos, enna, pelo, polla* < *con lo, con los, en la, per lo, por la* и т. д.

Леону известны (как, впрочем, и Наварре и Арагону) обобщенные формы 3 л. мн. ч. на *-oron, -ïoron*, происхождения которых мы касались выше. В леонском мы находим в глаголах на *-ïre* также и соответствующие формы перфекта на *-iron: feriron* (в кастильском — *ferieron*). В выборе между *-er* и *-ir* в неопределенном наклонении леонский отдает часто предпочтение *-er*, т. е. таким формам, как *viver, dizer, escrever, rier* и т. п. (каст. *vivir, dezir, escribir, reír*). Это тенденция, обратная арагонскому, который тяготеет к *possedir, tenir, veír*, т. е. следует линии кастильского, но идет дальше него (в кастильском *poseer, tener, veer*). Глаголы на *-er* стали на Пиренейском п-ове крайне многочисленны благодаря тому, что местная вульгарная латынь почти забыла лат. III спряжение.²

С другой стороны, сильно выросла и группа глаголов на *-ir*, и именно за счет III спряжения, так как такому переключению способствовали глаголы, имевшие основу на *-y*: *fugio* совпадало с *audio* в ряде форм, почему и воспринималось как *fugire*, *supere* как *supire*, *morì* как *moriri* или *morire*, что мы встречаем уже у латинских писателей. В группе на *-ïre* очутились затем и такие глаголы, как *sufferre*, обратившиеся в силу неправильной его увязки с *ferire* в **sufferire*. В силу подобных перемещений значительно вырос класс на *-ïre*, откуда затем чрезмерное тяготение к этому типу, которое особенно развилось в Кастилье и увлекло такие глаголы, как *decir, pedir* (*petere*), *seguir* (*sequere* вм. *sequi*) и многие другие. Наоборот, рост типа на *-ere* создавал другую параллельную тенденцию, которая могла конкурировать с первой и явиться антиподом кастильской системе. Это и имело место в Леоне подобно тому, как первой крайности подпал Арагон. Насколько рост популярности типа на *-ere* имеет более простое, более естественное и, несомненно, более древнее основание, предилекция Леона архаичнее; тип на *-ïre* развернулся, вероятно, позднее, и, следовательно, Арагон является в этом отношении наиболее радикальным неологистом.

В связи с этими глагольными формами отметим еще в леонском особую форму сослагательного от *dare*: *dia*; в зап.-астурийском это — *dea*, в диалекте Миранды — *deia*. Форма эта свидетельствует о существовании в этих областях вульгарной формы **deam*, получившей широкое распространение и вытеснившей более старую *dēm, dēs, dēt*. Последняя отразилась здесь в *dié*; точнее — это лат. *dēm* и т. д., форма классического языка, тогда как *dēm* и т. д., архаические, живут в каст. *dé des, dé*. Наконец, заслуживает внимания в ст.-леонском (знакомое, впрочем, и наварско-арагонскому) образование герундия и причастия перфекта от основ перфекта: *oviendo* и *ovido* к *ovo* < *habuit* или *sopiendo, supido* к *sope* < **saupi* (< *sarui*) > **soupi* и т. п. Но леонский

¹ Menéndez Pidal. Manual⁵, § 100.

² Кроме Каталонии.

знает и *sabendo* („Fuero juzgo“), т. е. старую форму на *-endo*, которую мы встречаем и в португальском, форму, которая позже уступила место аналогичной на *-iendo* по типу глаголов на *-ire* (*partiendo, durmiendo*). Для этих последних португальский, а отчасти и леонский дают формы на *-indo*: *servindo* и т. п.¹

Подводя итог нашим сопоставлениям, мы должны констатировать прежде всего ряд точек соприкосновения между наварско-арагонским и астурийско-леонским. И та и другая группа дифтонгизуют лат. *ē* и *ō* при всех условиях, причем они одинаково развивают в этих случаях колеблющиеся дифтонги *ia, ie, io, ua, ue*. Начальное лат. *f*- сохраняется в обеих группах; начальные *j*- и *g*- сохраняются в виде *y*; начальное *l*- дает *ll*-. Группы *-st-* и *-lt-* в середине слова дают *-it-*; *-cl-*, *-ly-* в тех же условиях *-ll-*. Обе группы знают *yēs* и *ye* из лат. *es* и *est*, *ue* из *et*. Форма определенного члена колеблется между *el* и *lo*. И там и тут известен тип 3 л. мн. числа перфекта *comparoron*.

Расхождения не столь многочисленны. Они касаются начальных латинских групп *pl-*, *cl-*, *fl-*, которые сохраняются в наварско-арагонском и тяготеют к галисийско-португальскому *ç* в леонском. Глухие интервокальные лат. *-r-*, *-t-*, *-c-* в известной мере сохраняются в наварско-арагонском. Дифтонги *ai* и *au* в леонском дают те же *ei*, *oi*, что и галисийско-португальский; наварско-арагонский дает в этих случаях простой гласный, *e* и *o*, подобно каталанскому.

Сопоставляя эти итоги, мы приходим к заключению об относительном архаизме обеих групп, в общем, очевидно, довольно близко стоящих к исходной точке, к языку и языковым тенденциям готской поры. Однако уже в пределах рассмотренного круга явлений наварско-арагонский обнаруживает свои особые, новаторские, склонности, которые сближают его с каталанским. Так латинская группа *-mb-* превращается у него в *-m-*, *-nd-* в *-n-*. Наварско-арагонский связан, таким образом, с другими романскими разновидностями северо-восточного угла полуострова, обнаруживающими, подобно ему, ряд новшеств, зародыши которых наметились еще в римскую пору, но развились много столетий спустя, когда условия для усиления расхождений стали особенно благоприятными.

Особое положение занимает диалект Кастильи. В древнейшей своей форме язык ее не дошел до нас. Судить о нем позволяют в известной мере документы, происходящие из монастыря Онья, являвшегося до Бургоса одним из важнейших центров иррадиации кастильского. Документы Онья бросают свет на ту пору истории последнего, которую можно было бы назвать кантабрской. В XI в. материал становится богаче, местные черты — отчетливее, и мы можем судить о кастильском с большей уверенностью. В эту пору определяется и политическая физиономия Кастильи, ее руководящая роль в реконкисте и организации будущей единой Испании. Оставаясь в течение долгого времени глухой окраиной, поздно романизированным медвежьим уголком, Кастилья сохраняет в своем языке черты ранней поры, иногда весьма архаичные. О некоторых из них мы уже говорили выше в другой связи. Напомню здесь, напр., отсутствие дифтонгизации лат. *ē*, *ō* перед палатальными. Единственный пример дифтонга, приводимый Менéndесом Пидалем, является форма *suejan* < *colligant*, относящаяся к 1244 г. Это факт поздний, одинокий, возможно результат влияния смежной области (Ла

¹ Hanssen, ук соч., 81. — Huber, ук соч., 188.

Риоха), где упомянутая дифтонгизация прошла; следовательно, у нас нет достаточных оснований предполагать, что в древнейшую пору дифтонг в Кастилье был более частым явлением. Нынешние *poshe*, *rescho* являлись издавна типичными для этой области полуострова.¹ К разряду архаизмов следует отнести и сохранение начального *l*-: *lengua*, *loco* и т. п.

Гораздо характернее для Кастильи то новое, что она внесла в романскую речь, подсказанное иногда очень древней местной традицией.

Кастилья, как мы уже указывали, повидимому, рано монофтонгизировала *ai* различного происхождения. Вместо *ai* в рефлексе суффикса *-arius* уже в X в. появляется как норма *e*; вместо *ai*, развившегося из *-act*, обычно *e*, и так в ряде других случаев, причем это несомненно результат влияния северо-востока, т. е. Тарраконской области, и влияния очень старого. В дальнейшей пропаганде *e* Кастилья сыграла едва ли не большую роль, чем Арагон. Она была настолько успешной, что кроме Португалии дифтонг сохранили только крайние западные районы Леона и Астурии.² — Кастильской является, как мы видели, не только дифтонгизация *é*, *ô* в открытом и закрытом слоге (*bueno*, *fuerte*, *cielo*, *diente*), но и очень ранняя фиксация формы дифтонга. В то время как всюду мы наблюдаем колебания между *uo*, *ua*, *ue*, *ia*, *ie*, в кастильском следы *uo* сохранились в очень незначительном количестве. Правда, *uo* дают как раз три самые ранние из дошедших до нас литературных текстов. Но „Поэма о Сиде“ сложилась в районе Мединасели, т. е. вблизи арагонского рубежа;³ мистерия о волхвах („Auto de los Reyes Magos“) принадлежит Толедо, где мосарабы в XII в. имели большое влияние, а „Спор души с телом“ („Disputa del alma y del cuerpo“) написан каким-то монахом из Онья, т. е. связан с той частью северной Кастильи, где как раз сохранялись еще небольшие следы *uo*.⁴ Таким образом в Кастилье *ue* — давнее; оно установилось здесь, как нас этому учат документы, уже в X в. Отсюда это *ue* начинает затем распространяться и становится общеиспанским, за исключением районов, примыкающих к Галисии, т. е. к португальской языковой территории.⁵ — Довольно рано появляется в Кастилье и *-illo* вм. *-iello*: *Castillo* вм. *Castiello* (Карденья, 921, по копии 1085 г.), *portillo* вм. *portiello*. Это *i* фигурирует в документах, начиная уже с XI в. В XII в. формы с *i* встречаются в документах из Онья и Ла Риоха; часты они и в Кампóо (Агилар) и в районе Бургоса.⁶ Начиная с XIII в., мы уже можем проследить распространение их на юг после того как *-illo* принято в Бургосе. Но оно шло медленно, в процессе упорной борьбы с *-iello*, ибо *-illo* воспринималось, очевидно, долгое время как вульгаризм. В Толедо оно проходит только в XIV в. (*Johanillo*, 1349); в XV в. мы видим его в Вальядолиде, Сеговии и Áвила; в конце этого века оно прочно водворяется в литературе.⁷

Конечное *-i* в абсолютном исходе слова в древнейшую пору кастильского сохранялось. Следовательно, существительные II лат. скл. имели в ед. ч. *-i*, во множ. *-os*. В „Силосских глоссах“ это *-i* очень

¹ Карта в Orígenes, I, 523.

² Старое *ei* встречается в Кастилье еще в XI в.; в XII в. оно сохраняется только на крайнем севере ее (обл. Сантандера). На юге (Бургос) господствует *e*. Аналогично развивалось и латинское *ai*, перешедшее сперва в *oi* и кончившее простым *o*. Колебания между *oi* и *o* можно уловить еще в X и XI вв.

³ Menéndez Pidal. Cantar de Mio Cid, 73—76.

⁴ Orígenes, I, 144.

⁵ Там же, карта, 521.

⁶ Факты, там же, 168 сл.

⁷ Там же, 188—189, 190.

частое явление, особенно в причастиях прошедшего, вроде *naſregatu*, *cadutu* и т. п.; но и *fruitu*. Однако на ряду с формами на -и мы встречаем немало форм и на -о: *adversario*, *uno con altro*, *toto* и т. п. Колебания между -и и -о знакомы и леонским и арагонским дипломам, и здесь это -и попадает даже чаще, нежели в Кастилье: *Bermudu Eitaz* (1076), *Adefonsu in Toletu*, *Alvaru Guteriz* (1097), *Petru Rodriquiz* (1094) и т. п. Окончание -и встречаем мы и у мосарабов: *Pietru Johannis* (1156), *Polo subrinu de don Tomé* (1157) и др. Однако здесь оно скоро уступает место -о, тогда как в кантабрийском, на крайнем севере Кастилии, -и держится до XIII в. на ряду с -о, причем употребляются они безразлично: *Miguel el clerigu*, *Johan Diaz e so ermanu*, *Domingo Moçu*, *so nietu don Johan vendiolu a don Diago*, *Martin Chicu*, *Malvezinu*, *tienu* (1245 г., из Онья) и т. п.¹

Латинские начальные *g*- и *j*- сохранились в виде препалатального вульг. лат. *y* перед ударенным передним гласным: *gēneru* > *yerno*, *īacet* > *yace*, *gŷpsu* > *yeso*.² Перед неударенным передним *g* и *j* исчезали: *januariu* > *enero*, *jactare* > *echař*, *germanu* > ст.-исп. *ermano*,³ *Gelovira* > *Elvira* и т. п. Перед задней гласной тот же порядок существует в *yugo* < *jugu* 'ярмо', рядом с которым стоит *uncir* 'накладывать ярмо', 'запрягать'. Но обычно, независимо от ударения, мы имеем *j*: *joven* < *juvene*, *juglar* < *jocular* и т. д. Формы с отпавшим *g*-, *j*- появляются в кастильском уже с XI в., а между тем мы находим еще в XII в. *giernos*, *iermano*, *ienero*,⁴ напоминающие бургосское *Jurde* < *Georgi* (X в.). Очевидно отпадение рассматривалось как вулгаризм и с трудом проникало в письменность, а оттуда и далее.—Мы упоминали выше и о рефлексах -ct-. В кастильском это *č* (ch; в написании *gg*, т. е. аффриката: *Sanggez* = *Sanchez*), которое в XI в. является уже широко распространенным; *č* имеется в документах из Бургоса, Осмы, Куэнки, Толедо и других мест; -it-, исходная точка развития, держится здесь только на окраинах, и то на юге, напр., рядом с *č*; ср. *peyte* и *leucho* (Мединасели) или *feyta* и *fechos* (Молина) в XIII в. Параллельно развивается и -ult-: *mucho*.—Упоминали мы и о кастильской трактовке групп *scu*, *sty*, отразившихся здесь как *ç*: *haça* < *fascia*, *uço* < *ustiu*. Карта распространения этого *ç* совершенно совпадает с картой иррадиации *č* < -ct- и ult-.

Особого интереса заслуживает замена начального лат. *f*—*h*. Истоки процесса скрыты от нас. Это настолько характерно, что Асколи считал его древним и объяснял влиянием иберского;⁵ за ним последовал Герланд, полагавший, что *f*- в средневековых памятниках является простым написанием.⁶ Это было, конечно, преувеличением, и вызвало возражения Дица, который ушел в другую крайность и утверждал, что *h* очень позднего происхождения.⁷ С этой поры романисты колеблются между этими двумя точками зрения. Идеи Дица развил Мейер-Любке, доказывавший позднее происхождение *h*- тем, что в вестготскую пору германские имена передавались без *h*, что будто бы странно, если предположить в языке местного иберо-романского населения *h*. Но возражение это опирается на идею тождества иберо-романского и германского *h*, что мало вероятно, так как *h* придавалось иногда таким герман-

¹ Там же, карта, 518.

² Откуда ясно, что *ye* — не дифтонг.

³ Чисто орфографическая приписка *h* вводит в заблуждение, заставляя думать, что *h* отвечает лат. *g*; но это не так. Ср. старое *ermano* и современное *hermano*.

⁴ Orígenes, I, 241 сл.

⁵ G. I. Ascoli. Due lettere glottologiche, 1881—1886 (нем. пер., 1887).

⁶ Grundriss Гребера, I², 427.

⁷ F. Diez. Gramm. des langues romanes (фр. перев.). I, Париж, 1890, § 408 и 602.

ским именам, где его в оригинале не было, вроде, напр. (H)alaricus. Другим аргументом Мейера-Любке является ссылка на сохранность *f*- перед дифтонгом из *ō* (*fuego*, но *hijo*), откуда следует, что в эпоху дифтонгизации *h* < *f*- еще не существовало.¹ Однако отсюда следует только то, что *f*- могло сохраняться кое-где довольно долго; отсюда оно могло затем распространиться постепенно и на всю Кастилью, но на других участках кастильской территории *h*- могло быть древним, древнее дифтонга, и в свою очередь охватить затем большую часть слов на пространстве всей Кастилии. Таким образом аргументация Мейера-Любке не решает вопроса. Отсюда естественна попытка вернуться к идее иберского влияния и рассмотреть вопрос в свете данных лингвистической географии. На этом пути он находит себе более удовлетворительное разрешение.

Древнейшие дошедшие до нас написания с *h* или без него относятся к XI и XII вв.: *hayuela* (1057 г., Онья),² название местности *Hormaza* (1057 г., Онья) и *Ortaza* (1092 г., Бургос), восходящее к *fortasea* 'стена из кирпича-сырца';³ *Rehoyo* (1151; ср. *Refoyo*, 1188) из **refōveu* вм. *fovea* 'яма'.⁴ На протяжении XI—XIII вв. таких написаний встречается в нотариальных документах немало, особенно в документах из Оньи. Большая часть их принадлежит долине верхнего Эбро, округе Онья и Верхн. Ла Риоха. Отсюда и шло распространение *h*- вм. *f*-.⁵ Будучи первоначально произношением местным, области, примыкающей к Басконии, и несомненно вульгарным, оно довольно скоро получило, однако, признание у себя дома и стало затем распространяться во все стороны, но особенно на юг.⁶ Карта, данная Менéndесом Пидалем, наглядно показывает нам не только пути распространения *h*-, но и борьбу форм с *h*- и форм с *f*- до и после XIV в.

Около 1300 г. мы находим *h*- от Ривадесельи (восточнее Овьедо) до Басконии и от Бискайского залива до Бургоса. Южнее этой территории начиналась область борьбы *h*- с *f*-. Последнее господствовало на запад от линии Ривадесельи — западная граница Льевана, Сальданья, Каррион, Монсён — Самора — Ледезма — Сиудад Родриго — Кориа — Касерес — Медельин — Аланхе (восточнее Мэриды) — Гуадальканалъ — Уэльва, т. е. в большей части Астурии, в центральном и восточном Леоне, западной Эстремадуре и на крайнем западе Андалусии. На востоке граница проходила немного западнее Эстельи и Тафальи и далее через Туделу и Сьерру де Деса, затем по линии, идущей вверх по течению Пьедра и вдоль хребтов Ла Менера и Альбаррасин; отсюда параллельно, но западнее, течению Гвадалавиар на Рекену и далее к устью Кабриель, впадающей в Хукар; отсюда вдоль Сьерры Грильемоны до истоков Сегуры и вдоль восточной границы Гранады до моря. На восток от этой линии лежали: южная Наварра, Арагон, Каталония, Валенсия

¹ W. Meyer-Lübke. Einführung in d. Stud. d. rom. Sprachwiss.,² 218.

² Уменьшительное от *fagus* 'бук'.

³ Ср. топонимические *Muros*, *Paredes*.

⁴ Самые ранние примеры *f* > *h*-. *Assur Hauniz* (Онья, 944) и *Anui Obecoz* (Коваррубас, 972).

⁵ В бургосских нотариальных документах *h* < *f*- встречается не часто еще и в XIII в. Наоборот, в Ла Риоха оно довольно обыкновенно. Много ценного материала дает топонимика. Северу Кастилии принадлежит *Santelices*; *Sahelices* (*Sancti Felicis*) и *Sahagún* (*Sancti Facundi*) — вост. Леону; западному — *Felis*. Сюда же относятся и весьма распространенные на полуострове местные названия с *fonte* в первой своей половине: *Fon*-, *Hon*-, *On*-, *Am*-. *Fombellida*, *Hontaneda*, *Ampuero*, *Onternuela* — все на север от Бургоса.

⁶ В литературном языке *f*- сохраняется перед *ie*, иногда перед *ie*, но и в ряде неясных пока случаев: *fuelle* < *fonte* 'источник', *fiero* < *feru* 'дикий', но *hiel* < *fiel* 'железо', *hierro* < *ferru*, *faltar* < **fallitare* 'недоставать' (у танжерских евреев, однако, — *haltar*).

и Мурсия. Область, где происходила ок. 1300 г. борьба между *h*- и *f*-, охватывала южный Леон с Саламанкой, восточную Эстремадуру, Андалусию, Старую Кастилью на юг от Бургоса, новую Кастилью и западную Мурсию (Альбасете). В XVI в. *h*- исчезло из произношения в центре и на юге Старой Кастильи, от Онья до Авила и от западной границы до восточной; на северо-востоке ее, в долине верхнего Эбро и далее до границы Басконии и моря, оно удерживалось с трудом, и только прибрежная зона от Ривадеселья до Сантандера сохраняет *h*- доныне. Сохранился *h* и на юге, в Новой Кастилье; но если разрезать последнюю по линии Авила—Мурсия, то на территории, лежащей направо от этой линии, *h*- уже теряло почву под ногами, не исключая и области Альбасете. Уцелело *h*- только в Эстремадуре и Андалусии, где оно живо до сих пор.

В литературном языке, благодаря его консерватизму, *h*- продолжало произноситься довольно долго. Антонио Небриха признает в своем словаре (1492) формы с *h*- (вм. *f*-) единственно правильными и это *h*- он, очевидно, произносил. У Гарсиласо де ла Вега (*1501—1536) *h*- обуславливает гнат; оно живо еще у Эрсильи (1533—1594); у Лопе де Вега (1562—1635) от него остался только легкий след, а у Кальдерона (1600—1681) и этот след исчез вовсе. Долго сохранялось и *f*-, и *h*- в написании. В XVI в. писали *fablar* 'говорить', хотя произносили *hablar* или *ablar*. В настоящее время испанцы пишут *hablar*, но произносят *ablar*. Как *j* (хотя) звучит это *h* только в словах, заимствованных из андалузского, где оно живет в настоящее время: ¹ *jaca* 'мерин', *cañajelga* (<саппа *ferula*) 'божье дерево (или болиголов?)', *jolgorio* 'день отдыха, развлечения', *juerga* 'увеселение' (ср. *huelga* 'отдых от работы, забастовка', к *holgar* 'переводить дух', лат. *follicare*), *jandalo* 'разносчик', *jamelgo* (<*famelicus*) 'заморыш', *joro* 'прочь' (может быть восклицание?).²

Кастилья является центром иррадиации $\check{z} < -ly-, -cl-$; это \check{z} превращается затем в *j*: *mejor* < *meliore*, *paja* < *palea*, *mujer* < *muliere*, *ojo* > **oc'lu*, *oveja* < **ovic'la*, которым в леонско-астурийском отвечают *tiuger*, в наварско-арагонском—*mullé*, *uello*, *ovella*. Из Кастильи это $\check{z} > j$ проникло на запад—в Леон, на восток—в Ла Риоха и, наконец, на юг.³

В связи с плавным *l* останавлиюсь на судьбе начальных групп *pl-*, *cl-*, *fl-*. В противоположность Каталонии, Арагону, Наварре, с одной стороны, и Леону и Португалии, с другой—глухой ассимилируется в Кастилье смежному плавному, т. е. группа превращается в *ll*: *llave* < *clave*, *llanto* < *planctu*, *llama* < *flamma*. Впрочем, *f* в этой комбинации в некоторых случаях исчезает: так рядом с *Llambla* (< *Flammula*) мы имеем *Lambla* и *Lambra*, где *f* пропало, как перед гласной; *Flavinu* через *Fiagīnu* дало *Laino* и другие аналогичные. Возможно, что в судьбе перечисленных выше групп с *l* известную роль сыграли привычки местных языков. Во всяком случае в соседстве Кастильи, в баскском, лат. *pluma* дало *luma*, *clamor*—*latur* 'плач', 'сострадание' (если только эта этимология приемлема) и *flore*—*lore*. В данном случае Кастилья явилась исходной точкой развития, широко разлившегося затем по всей Испании.⁴

В заключение напомним о группе *-mb-*, которая, как и в наварско-арагонском и под его влиянием, упростилась в *-m-*: *amos*, *palomos*.

¹ Так же как и в Эстремадуре.

² REW³, no. 4627.

³ См. карту в *Orígenes*, I, 289.

⁴ См. карту в *Orígenes*, I, 528.

В древнейших кантабрских документах *-mb-* еще сохранялось: *lombo* < *lombu* 'чресла', 'спина', 'хребет'. Группа *d'g* дала в кастильском *zg*, через *ǵg*, или *g*: *juzgar* 'судить' < *judicare*, суфф. *-adgo* < *-aticu* (> *-azgo*), *sosegar* 'успокаивать' < **subsedicare*.

Таковы характерные черты кастильского. Не все они хронологически равноценны и не все хронологически равноценные приняли сразу же определенную форму. Присматриваясь к документам внимательнее можно различить в развитии долитературного кастильского два периода: подготовительный, когда он был полон колебаний: рефлексы латинских дифтонгов *ai* и *au*, *ei* и *oi* стояли бок-о-бок с *e* и *o* и т. п. Это тот период, который можно было бы назвать *кантабрским*, так как в это время территория Кастильи почти совпадала со старой Кантабрией. Наиболее крупным центром иррадиации характерных черт ст.-кастильского являлась тогда Онья, с ее знаменитым бенедиктинским монастырем, основанным в 1011 г. графом Санчо Гарсиа, в нескольких километрах от римской переправы через Эбро. Следующий период можно назвать *бургосским*, так как теперь основным иррадиирующим центром является Бургос. Во второй половине X в., при Фернанде Гонсалес, Бургос стал столицей графства Кастильи, а в 1074 г. родина Сиды¹ превратилась в столицу старой Кастильи и сохраняла это положение до тех пор, пока королевская резиденция не была перенесена в Толедо (1087). Кастильский язык бургосского периода характерен исчезновением в нем старых колебаний и прочным усвоением некоторых черт, пришедших с востока; в нем укоренились *ie* и *ue* на месте латинских *ē* и *ō* и *-m-* на месте латинской группы *-mb-*.

Эти, как и другие черты кастильского, проникая на юг по стопам реконкисты, стали завоевывать все новые и новые территории, постепенно вытесняя местные речевые навыки, пока последние не ликвидировались совершенно. Кастильский принес с собой много нового по сравнению с местной консервативной речью: со своим *h*- < *f*-, *-ch*- < *-ct*-, *-m-* < *-mb-* и др. он явился силой, расшатывавшей языковую традицию на мосарабской территории, явился новатором; в других же случаях, как напр. в случае сохранения начального *l*- или монофтонга *é*, *ó* (< лат. *ē*, *ō*) перед палатальным и т. п., — силой, поддерживавшей очень старые традиции, утраченные в значительной мере даже мосарабской романской речью.

Однако кастильский распространялся не только на юг, но и на запад, и на восток. На западе ему пришлось преодолевать сопротивление астури-леснского, т. е. языковую разновидность первого крупного государственного объединения на почве христианской Испании, сыгравшего в свое время немалую культурную роль и создавшего языковую традицию. Борьба с ним была поэтому упорной и длительной, но успешной. Старые дифтонги *ei* и *oi* сменили простые *e* и *o*, доминировавшие в кастильском. В XII в. *ei*, *oi* отступают на территорию западного Леона. Гораздо медленнее распространялось кастильское *ue* < *ō*. В западной Астурии вместо него до сих пор слышен дифтонг средний между *uo* и *ua*.² Распространение *-illo* вм. *-iello* относится к XIV в.³ В Леоне долго держалось старое *-iello* или мосарабское *-iel*. Южнее Толедо *-illo* стало проникать только в XV в. Начальное *f*- в долине Эслы, в области Саморы и в восточном Леоне уступает тогда же место формам без

¹ Руй (т. е. Родриго) Диас де Вивар (1026—1099). Селение Вивар, родовое владение героя, находится всего в нескольких километрах к северу от Бургоса.

² A. Munthe, ук. соч., 15.

³ Orígenes, I, 171, 175.

него, т. е. кастильским образованиям с *h-*, переставшим звучать; южнее, в области Саламанки, куда несколько ранее проникли формы с *h-*, с ними конкурировали формы с исчезнувшей аспирацией.¹ Кастильские новообразования с *h-* и без него ощущались в Леоне как вульгаризмы, а потому долго отвергались в культурных группах. Формы с отпавшими начальными *j-* и *g-* проникли на запад в XI в. и были усвоены здесь, в восточном и южном Леоне (с Саламанкой). На юг они распространяются в эту пору до Гвадаррамы, но не доходят до Толедо. В ту же пору проникло в те же области и кастильское *j* < *c*¹, *g*¹, *l*^y. Центр и запад Леона удержали старый испанский рефлекс *ll*. В XIII в., судя по документам из Саагуна, кастильское *j* уже пускает глубокие корни в восточной его части. — В XI в. в восточный Леон проникает и *-ch-*, т. е. *-ç-* из лат. *-st-*. Под 1096 г. мы находим здесь *reccet* = *peche* (< *racu*) 'пóдать'; там же под 1136 г. — местное название *Fontecha* < *fonte testa*. Старое *-it-* сохраняется донныне на галисийско-португальской границе, на запад от Овьедо, в Асторге, Саморе и лежащей на португальской территории Миранде на Дуэро. Центральная часть Леона колеблется между *-ch-* и *-it-*.² К числу более ранних кастилизмов, проникших на запад, относится и кастильский рефлекс группы *ml*, получившейся в результате синкопы: *femina* > *fem'na*. В зап.-леонском преобладает *m*, ассимиляция *ml*: *fema* 'женщина'; в центральном сохраняется старое *ml*: *femna*; в восточном — обычно кастильское *mbr*: *fembra*, как *pombre* 'имя' < *pom'ne* и т. п. Последнее укоренилось здесь в XIII в.³ Медленность проникновения объясняется колебаниями в самом кастильском.

Так перестроились постепенно разновидности леонского. Старые его черты понемногу стирались по мере приближения к Кастилье. В наиболее чистом своем виде они сохранились на западе, в областях, смежных с Галисией и северной Португалией, в особенности же с первой. Здесь, на базе старой епархии Асторги, живут в общих чертах еще остатки языка, бывшего некогда языком всего королевства. Восток, старые графства Льевана, Каррион и Салданья, кастилизировался, начиная с XI и особенно с XII в. вместе со своим культурным центром, Саагуном, древнеримской Камалой, в средние века — крупным бенедиктинским монастырем, игравшим огромную роль в судьбах и культуре Леона между X и XV вв.⁴ Центральные области Леона занимали долго колеблющееся положение; но в конце концов капитулировали. Язык севера, Астурии (*el bable*), стоит несколько особняком и является наиболее близким к древней иберо-романской речи.

В общем эта часть полуострова оказалась не слишком податливой на новшества, и потому речь ее сохраняет до наших дней значительное количество архаических черт.

Проникновение характерных особенностей кастильского в противоположную сторону, на восток, дало несколько иные результаты. Старые колебания между рефлексам лат. *é* и *ó*, дифтонгами *uo*, *ua*, *ue*, *ia*, *ie* сохранялись долго в припиренейских областях, сохраняются и сейчас в глухих углах Арагона.⁵ Но материал, собранный Куном, показывает наглядно, что прежние местные дифтонги вымирают даже

¹ Там же, 238; карта, 240.

² Hanssen, ук. соч., 52. — Orígenes, I, 473. — Munthe, ук. соч., 33. — Sargolhandy в *Annuaire de l'École des hautes études*, 1901, 115.

³ Orígenes, I, 314—316.

⁴ Саагун пришел в упадок в XVI в. в связи с длительными внутренними разногласиями в среде братии и рядом стихийных бедствий, пожаров и землетрясений.

⁵ Orígenes, I, 143. — A. Kuhn, ук. соч., 67—68.

в Верхнем Арагоне.¹ Кастильские *ue* и *ie* постепенно вытесняют их. Довольно упорно держалось *-iello* < *-ëllu*. В существительных нарицательных *-iello* обычно еще в XIII и XIV вв. Такие факты, как топонимическое *Fontilgas* (1083), современное *Fontellas*,² не гонят ничего, так как, может быть, мы имеем здесь дело с суффиксом *-iculu* || *-iculu*.³ Первые надежные данные для *-illo* относятся только к XV в. В современном арагонском кастильское *-illo* встречается очень часто. Старое *-iello* сосредоточивается, главным образом, в районах, смежных с территорией каталанского.⁴ — Что касается начального *f*-, то отмеченная нами выше граница форм, его сохранивших в восточной половине полуострова, значительно отошла к Пиренеям и Средиземному морю под напором кастильских форм без *h*-. В провинции Сарагоса и округе Теруэля в XVI в. *f*- чередуется с аспирированным *h*-. Но в большинстве случаев на территории *f*- с ним конкурируют в XVI в. формы без *h*-. Наиболее глубоко проникают эти последние на восток по течению Эбро до впадения в него южного его притока Мартин и в области Сарагосы, западного Теруэля, западной Валенсии,⁵ западного края Аликанте и Мурсии, которая тогда целиком колебалась между *f*- и *h*-. После XVI в. продвижение кастильских форм с утраченным *h* пошло медленнее. В данное время западная граница *f*- идет приблизительно от среднего течения Арагона (Сангеса) на Уэску, Фонс, к устью Сегре и далее от Файона, вдоль по границе Каталонии и Валенсии на Лириа, Турис, Хативу. Моновар, Кревилльенте к устью Сегуры. В Верхнем Арагоне *f*- сохранилось только на истоках Арагона и Гальего⁶ и на юг от Лоарре в долине нижнего Гальего, следовательно в относительно глухих местах. В тех, которые связаны теснее с внешним миром, торжествует кастильское произношение. — Исчезновение начального *g*-, *j*-, так же как и кастильский рефлекс групп *s*!, *g*!, *ly* (*j*), в XI в. наблюдается в западной части Ла Риоха. Но в Наварре, Арагоне и остальной части Ла Риоха *g*- и *j*- долго сохраняются, а упомянутые группы дают *ll*.⁷ Но последнее было вытеснено в конечном счете кастильским рефлексом, проникшим на восток глубже, чем на запад, и дошедшим до линии: среднее течение Арагона — Уэска — Барбастро — устье Сегре — Абахуэла — Сегорве — Хатива — устье Сегуры. — Кастильское *-ch* < *-st* и *-ult* проникает в Арагон и Наварру довольно рано (XI в.). Но старое *-it* продолжало упорно сохраняться в Арагоне даже в ново-арагонскую пору: *feito* (< *factu*), *freito* 'сломанный' (< *fractu*), рядом с которыми стоят редуцированные *feto*, *freto* и т. п.⁸ или скрещенные *feicho*; *muichos*.⁹ В современном языке кастильское *ch* торжествует; старый рефлекс

¹ А. Кунн, ук. соч., 65—66.

² В Наварре близ Туделы, у Эбро.

³ Другие ранние факты XI—XII вв. приводит Менендес Пидаль (Orígenes, I, 172), но они сомнительны.

⁴ Там же, 172—173.

⁵ До Сегорве, Лириа, Турис.

⁶ В Ансб, Эчо, Лануса, Пантикоса, Торла.

⁷ Orígenes, I, 241, 243, 282—289. — Hanssen, ук. соч., 43—44, 51. Современные данные для Верхнего Арагона, еще сохраняющего старое *ll* (= *l*), — см. у А. Кунн, ук. соч., 20—26. Начальные *g*-, *j*- сохраняются в Верхнем Арагоне в данное время в виде *χ*, *s*, *t*, *ts*. Материал у А. Кунн, ук. соч., 34—38: *byelō*, *byalo* 'старый' (< *vetuli*), *malata* 'место, где укрываются от непогоды', 'защита, охрана' < *maculata*, *balela* 'долинка' (< *vallicula*), *antwelo* 'прихоть', 'мираж' (< *ante oculu*), *tele* 'черепица' (< *tegula*), *filō* 'сын' (< *filiu*), *sen*, *tēn* < *gente*, *titar* < *jectare* 'бросать', *tsuyo*, *χuyo*, *χibo* < *jugu* 'яро' и др.

⁸ Orígenes, I, 289, 295.

⁹ Hanssen, ук. соч., 52. — Orígenes, I, 293.

сохраняется только в Верхнем Арагоне, но в виде скромных остатков, ощущаемых как архаизмы; *peytar* 'договариваться', 'уплачивать' (<растаре), *peyto*, 'грудь' (<ресту), *leyto* 'кровать' (<лесту) и др.¹ В Наварре *-it-* держалось еще дольше и исчезло постепенно только в пору позднего средневековья, когда край кастилизировался.² — Группа *m'n* в наварском сохранилась, в арагонском же дала *mbr*, которое, в конце концов, одержало верх.

Таким образом восток и северо-восток дают несколько иную картину, нежели запад. В некоторых случаях они столь же упорны, как последний, но в общем они уступчивее, и кастильское влияние проникало сюда легче. Так было в средневековую пору; такое положение остается и поныне. Только каталанский останавливает продвижение кастильского; его рубеж в то же время — граница языковой кастилизации Испании на востоке.

Итоги, к которым приводит нас изучение лингвистического материала, как мы теперь видим, целиком поддерживают целый ряд выводов относительно языковых отношений на полуострове, которые позволяет сделать изучение важнейших моментов его истории (см. выше, стр. 98—99). Но мы еще не исчерпали нашего языкового материала: он дает нам возможность подтвердить и ряд других выводов истории.

До XI в. испанская культура ориентируется на арабскую. Мы уже видели, что очень скоро после завоевания страны арабами между завоеванными и завоевателями, начиная с руководящих групп и кончая рядовыми, установился контакт, превратившийся в систематическое общение, в силу чего понять историю и культуру арабской Испании можно только, учитывая эту ее особенность. Но не одной только арабской Испании. Противостоявшая ей и боровшаяся с ней христианская Испания постоянно соприкасалась с ней, и таким образом культурная жизнь в лагере врагов арабов складывалась в известной мере, а на определенном этапе и значительной, под влиянием мусульман. О мере этой говорит почти восьмивековое соприкосновение обоих миров. Связующим звеном между ними служили мосарабы или христиане пограничных областей, владевшие арабским языком, *cristianos algaraviados*, и арабы или мавры, знавшие по-романски, *moros latínados* или *ladinos*, как их называли в те времена. Христиане-северяне проникали на территории, занятые до той поры арабами или маврами, и оседали на них, причем часть мусульманского населения оставалась на месте и становилась подданными христианских государей и соседями колонистов-христиан. С другой стороны, мосарабы, а иногда и арабы переходили границу добровольно и превращались, таким образом, в граждан христианских государств.

Была и еще одна категория людей, которые помогали общению обоих миров, — евреи. Очутившись под властью арабов, они сохранили свою религию, но скоро усвоили арабский язык, быт и костюм; арабская обстановка оказалась для них благоприятнее вестготской. Как и при вестготах, они сосредоточивались по преимуществу в городах, иногда в весьма значительном количестве, как это было, напр., в Лусене между Малагой и Кордовой, где они даже не позволяли селиться мусульманам. Они занимались торговлей, врачеванием, наукой; некоторые из них превосходно писали по-арабски. Когда в XII в., при Альморáвидах, положение их стало ухудшаться, они стали выселяться на

¹ A. Kuhn, ук. соч., 14—18.

² Orígenes, I, 289.

север, где христианские государи охотно принимали их, стремясь использовать их в своих интересах, как знающих и опытных специалистов, способных администраторов и деятельных людей. Осев в значительном количестве в пределах Кастилии и других христианских государств,¹ они продолжали свою прежнюю деятельность и сыграли большую роль в деле приобщения испанцев арабской культуре и науке, в особенности философии и медицине, явившись, таким образом, столь же важными культурными посредниками, какими были мосарабы. Однако еврейские заимствования в пиренейских языках весьма немногочисленны и относятся к очень узкому кругу понятий: это, главным образом, религиозные термины, известные, притом, и другим романским языкам. В условиях испанского средневековья евреи ценились прежде всего как представители арабской культуры.

Арабская Испания внесла в оборот испанской речи множество арабских терминов самых разнообразных категорий, что является нагляднейшей иллюстрацией контакта на очень широком культурном фронте, охватывающем самые разнообразные стороны жизни. Но при всем разнообразии и пестроте заимствований известные категории в них все же преобладают.

Испанцы изумлялись военной организации арабов, которые учили их оберегать свои армии с помощью *atalayas* 'дозорных башен' или 'вышек' (араб. *al talâi'h* 'разведчики'), высылать вперед отряды, производившие внезапные нападения и вызывавшие панику криком, *algarades* (араб. *al arrâda*), поддержанным барабанным боем (*atambores*) или звуками труб *añafiles* (араб. *al nafîr*); они ставили во главе отрядов хороших *adalides* 'начальников' (араб. *al dalîl*), прекрасно знавших местность; они умели отлично организовывать арьергард своего войска. Испанцы считали образцовым устройство арабских *alcázares* 'крепостей' (араб. *al qaṣr*) или *alcalá* (обычно как собственное имя, араб. *al qa'l'a*), их *adarnes* 'стен' (араб. *al darb*, собств. 'тропа, узкая дорога'; *adarve* обозначало бы буквально „узкий проход по верху стены“) и *almenas* 'зубцов стен' (араб. *al man*), охрану стен, которую умело несли *alcaldes* 'коменданты замков' (араб. *al qâ'id*). По типу арабских военных организаций были созданы в Испании рыцарские ордена Калатравы, Алькантары и др.

Но в блестящие времена халифата у мавров можно было поучиться и организации власти, управления и т. п. На этой почве были усвоены термины *alcalde* 'старшины, судьи' (*al qâdî*), *alguacil* 'визиря' — крупного должностного лица (*al wazîr*), *zalmedina* 'судьи по гражданским и уголовным делам' (в Арагонии; *ṣāhib al madîna* 'градоправитель'), *almojarife* 'сборщика податей' (*al muṣrif*), *albacea* 'исполнителя завещаний' (*al wacî*) и т. д.

В эту пору расцвета мавританская торговля научила христиан покупать в *almacenes* 'магазинах' (*al maḥzan*), на *alhóndigas*, 'хлебных складах' (*al funduq* 'гостиница'), *almonedas* 'мытных дворах' (*al monâ-diya*); все взвешивалось и мерилось на мавританский лад, на *quilates* 'караты' (*qirât*), *adarmes* 'драхмы' (*al darâhim*);² *arrobas*³ (*al rob'*), *quintales* (*qintâr*), кинталы,⁴ *azumbres*⁵ (*al zunbel*), *almudes* (*al mudd*),⁶ *cahices*

¹ В одном Толедо их насчитывали до 12 тысяч.

² Собственно полдрахмы, 179 сантиграмм.

³ Часть фунта.

⁴ = 100 фунтам и 4 арробам.

⁵ Мера жидких тел = $\frac{1}{8}$ арробы.

⁶ Мера сыпучих тел = 1.75 литра.

(*qafiz*),¹ *fanegas* (*fanika* 'большой мешок'),² и даже за размол хлеба платили по *maquillas* (*maqila*).³ И когда упадок уже постиг вторгшихся на полуостров, они все еще снабжали христиан опытными рабочими и мастерами; отсюда названия *alfarero* 'горшечника' (*al faḡḡâr*), *alfayate* 'портного' (*al ḡayyat*), *albardero* 'седельника' (*al barda'a*), *alfajeme* 'брадобрея' (*al ḡajjâm*), *albêitar* 'ветеринара' (*al beîṭâr*); арабские *albañiles* 'каменщики' (*al bannî*) или *alarifes* 'архитекторы' (*al arif*) сооружали *alcobas* 'спальни' (*al qubba*) христианских домов, их *zaguanes* 'сени' (*saṭwân*), *azoteas* 'террасы на крыше' (*al sutaiḡa*), *alcantarillas* 'сточные трубы' (*al qanṭara*) и т. д. Мориски⁴ пользовались славой отличных садоводов; отсюда названия растений и плодов, как напр. *albaricoque* 'абрикос' (*al barqûq*), *albérchigo* 'персик' (<persicu), *naranja* 'апельсин' (*nâranj*), *acelga* род свеклы (*al cilq*), *algarroba* 'рожок' (бот.) (*al ḡarruba*), *altramuz* 'лупин' (*al tarmus*). Благодаря их превосходной системе орошения христиане завели *acequia* 'каналы' (*al sâqîya*), *aljube* 'колодцы', 'цистерны' (*al jubb*), *alberea* 'открытые колодцы' (*al birka*), *albufera* 'лагуны' (*al buḡair*), *poria* 'водяные колеса для черпанья воды' (*nâ'ûra*), *azuda* 'гидравлические сооружения' (*al sudd*).

В области науки испанский, а через него и другие языки обязаны арабам рядом математических и астрономических терминов. Старое *algoritmo* 'искусство счета' (альгоризм) есть имя арабского математика *Al Khuwârizmî*. Арабскими же словами являются: алгебра (*al jabr*), *cifra* 'цифра' (*ṣifr*); наконец математический символ *x*, ст.-исп. *xei* 'вещь', арабск. *ṣai*. Арабскими же являются названия теодолита, точек зенита (*simt*, *semt* 'направление', 'область неба') и надира (*nazîr* 'противоположный') и ряда звезд.

Продолжать эти списки — значило бы выписывать здесь целый словарь, так как культура пиренейских народов слишком многим обязана арабам.⁵ Наш список имеет целью отметить только те основные смысловые категории, между которыми распределялись заимствования. Влияние арабов в языке сказалось по преимуществу в лексиконе. За пределами его можно отметить очень немного следов контакта. Так мосарабы имели обыкновение произносить романское *s*, как *š* (араб. шин ش): *sucu* > *xugo*, *sarone* > *xabon*, *Setabi* > *Xátiva*. В „Поэме об Иосифе“ мы находим, между прочим, фразу: „amigox, xi boxotrox keredex binte dinerox box daré por el“ 'друзья, если вам угодно, я дам вам за это 20 динариев'.⁶ В ново-испанском это *x* превратилось в *j*: *jugo*, *jabón*, *Játiva*. От арабов испано-романский заимствовал суффикс *-î*, образующий прилагательные, обыкновенно от собственных имен: *Alfonsî*, *Marroquî*, но сюда же можно отнести и *baladí* 'плохой', 'ничтожный', и, как существительное, 'пустой человек'; иногда, впрочем, это *-î* имелось уже в составе арабского оригинала: *jabalî* 'кабан' из арабского *gabalî* с тем же значением.⁷

Отметим далее латинские и греческие слова, полученные через арабов; в них *p* передается как *b*, так как соответствующего звука в арабском не было: *praesocquu* > *al barqûq*, *al bechiga* < persîca („App. Probi“, 149), *pastinaca* > *biznaga*; или *st* как *z*: *Caesaraugu-*

¹ То же = 666 литров.

² То же = 55½ литра.

³ Помещечная плата.

⁴ Потомки мавров в Испании.

⁵ Menéndez Pidal. Manual⁵, § 4.

⁶ „Poema de Yūçuf“, изд. Менендеса Пидала (в „Revista de Archivos, Bibliotecas y Museos“, VIII, 1902), строфа 39.

⁷ REW³, no. 3940.

sta¹ > *Zaragoza* (ср. *agosto*), *Castulone* > *Cazlona*: *s* как *j*: *jenabe* 'горчица', *jibia* < *seria*, (греч.), *jilguero* 'щегол' > *silybu*. Испанский предлог *hasta* есть переработка араб. *hattā* 'до', ст.-исп. *fata*, при помощи *hacia* (< **facia* = *facies*);² *ojalá*, ст.-исп. *oxalá* 'дай бог!' есть араб. *wa ša' Allāh* с тем же значением.

Наиболее древние арабизмы появились в испанском в промежуток между VIII и IX вв. Таковы встречающиеся в документах: *acitara* 'стенка (брандмауер) из кирпича', *alcor* 'холм', *alfoz* 'урочище', *almafalla* 'войско' или 'военный лагерь', *almexia* 'мавританский плащ', *carmez* 'кошениль', *metcale*, *xafarice* 'гранаты' (бот). XI в. дал ряд новых; сюда относятся, напр.: *albaroc*, *alfetna* 'вражда', 'война', *alhasama*, *alhajara*, *almuzalla* или *almocella* (род ковра или покрывала), *anubda* и *annuduva* 'военное предприятие', *arrelde* (особый вес), *eirake* 'сок фиговой пальмы', 'ликер', *falifa*, *feruzi*, *leztori*, *tiraz* (особая ткань), *zavazouke* 'смотритель рынков' и нек. др. Сохранились в словаре (иногда с фонетическими изменениями): *adáraga* 'шит', *azenia*, *albalá* 'грамота' *alcalde* 'военный или административный чиновник', 'старшина в деревне', *aldea* 'деревня', *alf(i)érez* 'знаменосец', *alfondega* 'фисташка', *algodón* 'хлопок', *aljura* (род верхнего платья), *almude* (мера сыпучих тел — 1,75 литра), *aluazir* 'полицейский служитель', *alveidar*, *arravalde* 'окрестности', *arrobo*, *arrodoma*, *ata* 'ладанник', *azémila*, *cafiz* 'лопатка', *harroba*, *maquila* 'плата за помол', *meçkita* 'мечеть', *miskino* 'бедняк', *zumaque* 'кожевник' и др. Многие из арабизмов вышли из употребления; иные, вместе с понятием, деградировали. Так *aluazir* превратился в скромного *alguacil* 'полицейского', *almojarife* — в 'таможенного служителя' и др. На ряду с именами нарицательными следует отметить значительное количество собственных имен и местных названий, которые встречаются в документах нотариусов на протяжении всего XI в. и, конечно, позднее. Арабские имена или прозвища носят не только светские, но и духовные лица; таковы *Zalama presbyter* (938 г.), *frater Abdela* (917 г.), *Xabe monago* (1030 г.) или *Muza confessor et nomen eius Teudemiro* (1011). Арабская топонимика, столь характерная для Испании, попадает уже в памятниках того же XI в.: *Villa Hatteme*, нын. *Villatima* (1078) в Леоне, *Pozadurama*, ныне *Pozo de Urama* (1096) в Саагуне (собств. *Puteus Abdurama*) и т. п. Значительная часть топонимических названий связана с личными именами владельцев той или иной местности или поселения. Рядом с ними мы имеем слова такого типа, как *Almanza* (1044, Саагун) = *al manzah* 'дозорная башня, вышка', или *Almanara* (960, там же), ныне *Almenara* в районе Вальядолида и Саламанки. В Испании имеется несколько местностей с именем Медины (*medina* 'город'). Мединасели, упомянутая нами выше в связи с автором „Поэмы о Сиде“, есть Медина Селима. В провинции Кадис мы встречаем Медина Сидония; в провинции Вальядолид — Медина дель Кампо и там же на канале де Кампос — Медина де Риосеко. Различные Алькалá отмечают пункты военного значения, так как араб. *al qa'a* обозначало укрепление, крепость. Большое озеро подле Валенсии носит до сих пор название Альбуфера, т. е. 'лагуна', 'озеро' (*al buhair*). Арабское Альхесирас 'зеленый остров' (*al jazirat al xadrá*) заменило античную Картею; Валенсия де Алькántара сочетала римскую *Valentia* с араб-

¹ Augustus вм. Augustus — часто в надписях уже со II в.

² См. старую работу R. Dozy — W. Engelmann. Gloss. des mots esp. et port. dérivés de l'arabe (Лейден, 1869). — L. Egilaz y Yanguas. Glos. etimol. de las palabras esp. de origen oriental. Granada, 1886. — A. Fokker. Quelques mots esp. et port. d'origine orientale в Zs. f. rom. Ph., t. XXXIV, 1910, 560—568. — Chr. Gebhardt. Das arab. Etymon einiger rom. Wörter. Грейц, 1912. См. также Seybold в Grundriss Гребера, 12, 4.

ским словом „мост“, так как римлянами был построен здесь мост через Тахо (пров. Кáсерес). Такие же сочетания мы находим в названиях испанских рек, начинающихся с Гвад-, что отвечает арабскому *wādī* 'река': Гвадиана — *wādī Anas* 'река Анас', Гвадалете — 'река Лете' (*Lethe*) и т. п. На ряду с ними стоят чисто арабские Гвадалкивир — *wādī al kabīr* 'большая река', Гвадаррама — *wādī al ramla* 'песчаная река', Гвадалавиар — *wādī al abyad* 'белая река' и т. п.

Усваивая арабские слова, испанцы естественно приспособляли их к требованиям своего языка. Существительные женского рода, оканчивавшиеся в арабском на -а, были связаны с соответствующими романскими существительными на -а. Включение их в испанскую формальную категорию в этом случае не требовало никакой обработки заимствуемого материала. В эту категорию попал и ряд названий городов, поскольку арабский трактовал их как существительные женского рода: *Olisipone* > *Al Ašbuna* > *Lisbo(n)a*, *Barcinono* > *Baršalūna* > *Barcelona*, *Hisrālī* > *Išbīlīya* > *Sevilla* и др. Существительные м. р., оканчивающиеся в арабском обычно на согласный, должны были, наоборот, подвергнуться предварительной обработке, чтобы включиться в соответствующие романские категории. Им придали окончание -е или -о: *ṣaḥīb al sūq* превратился в *zavazoque*, *al darb* в *adarve*, *al faḥḥār* в *al farero*, *carcab* в *carcavo* 'брюхо', *mistah* в *mistico* (род судна), *talk* в *talco* 'тальк' и др. Приспособлением является превращение *ibn* 'сын' в *Aben*, пестрая трактовка арабских придыхательных гортанных, то превращаемых в простые гортанные (g, c), то во фрикативные (h, f), или, наконец, восстановление формы члена *al* там, где обычная регрессивная ассимиляция создавала неудобную для произношения группу; так *ad dai'a* 'деревня' < *al dai'a* превратилась в исп. *aldea* с *ald-* вместо *add-*.

В XI в. культурная ориентация начинает меняться. На смену Востоку приходит Запад в лице французов. Ежегодно огромные массы странников стекались в Сантьяго в Галисии на поклонение мощам св. Иакова.¹ После того как Аль Мансур разорил город (997 г.) Санчо Великий Наварский решил, как мы уже говорили, перенести дорогу, соединявшую запад с северными областями полуострова и являвшуюся коммуникационной линией огромного значения, южнее и проложить ее здесь по более безопасным и удобным местам. Благодаря этому движение по ней в скором времени значительно возросло. Под конец XI и в XII в. в Логроньо, Памплоне и других городах, расположенных на большой дороге и в прилегающих к ней районах, появились французские поселения. Уже в 1126 г. жители Навьеры делятся на „кастильцев“ и „франков“. Дорога, связывавшая Бордо с Сантьяго, приобретает огромное экономическое значение, превращается в важную артерию международного товарообмена. Сантьяго из небольшого поселка, окружавшего святилище, становится крупным промышленным городом. Расчеты на хороший заработок и добычу в войнах с арабами также привлекали в Испанию не мало людей из-за Пиренеев, и прежде всего французов.² После занятия Толедо христианами (1085) в городе образуется особый „франкский“ квартал,³ получающий свой фуэро на ряду с кастильцами, евреями и обращенными

¹ Город и святилище основаны в 829 г. (Diegks, ук. соч., 8).

² В осаде Толедо принимало участие большое количество немецких, итальянских и особенно французских рыцарей; всех их вместе взятых называли „франками“ (*Milā y Fontanals. De los trovadores en Esraña, Барселона, 1861, 68*).

³ *Notenaje a Menéndez Pidal, II, 117*. Цитирую эту недоступную мне работу по А. Куну (ук. соч., 278). Такие кварталы (*barrios*) имелись почти во всех городах. Город *Mescas* был почти весь населен гасконцами (*Milā y Fontanals, ук. м.*).

в христианство мусульманами (мудэхарами). Французы и европейцы вообще помогают в 1118 г. арагонцам в завоевании Сарагосы. Уэска приходит в контакт с Гасконью. В северо-восточную половину полуострова начинают проникать французские заимствованные слова; здесь становятся популярными французские имена. Возможно, что французскими связями следует объяснять и некоторые явления в языке, как, напр., *ir*, отвечающее лат. группе *tr*.¹ Влияние мосарабов неуклонно падает, уступая место французскому.

Начиная с Фердинанда I (1035—1065), кастильские короли усиленно поддерживают влияние французов. Альфонс VI (1072—1109) был большим почитателем Ключи и папы-ключица Григория VII, горячим сторонником папской супрематии и католической дисциплины, так как ориентация эта облегчала борьбу с маврами, обеспечивала поддержку Рима и западно-европейского христианского мира стране, которая в силу особенностей своего географического положения и исторического развития стояла несколько в стороне от больших европейских связей. Альфонс VI ищет их сознательно. Он дважды женится на французских принцессах и выдает своих дочерей за бургундских и тулузских графов. Он поддерживает тесные отношения с Аквитанией и Бургундией, покровительствует французам и поощряет переселение их в Кастилию. Он переустраивает свою армию на французских началах и приглашает к себе на службу военных людей из Франции. Он устраивает у себя французских монахов, отныне в большом количестве наполнивших испанские монастыри. При нем мосарабский и толедский церковные обряды прекращают свое существование. Толедский архиепископ Бернард, француз по происхождению, добивается распоряжения Альфонса о введении обряда галликанского. Альфонс подтверждает также постановление собора 1090 г. о замене вестготского письма французским. Бенедиктинцы целыми группами перебираются в Испанию; епископские кафедры замещаются французами, и испанские хроники постоянно жалуются на преобладание французских прелатов. Вместе с французскими клериками в Испанию проникают европейская схоластика и современная латинская литература. В XII в. французы заносят в Испанию готическую архитектуру, и тип построек центральной Франции становится на полуострове образцом, которому подражают и который распространяется повсюду, не исключая далекого юга.

Схоластическая латынь вытесняет старую испанскую с ее характерными вульгаризмами и компромиссными формами, столь ценными для историка языка, не располагающего для ранней эпохи связными памятниками народной речи. Следы последней, всевозможные *vendegado* или *gramatcos*, сохраняются еще и в XIII в., но время их уже прошло безвозвратно.

В истории вульгарной испанской литературы до половины XIII в. различают обычно два основных периода: период до 80-х годов XI в. и период, следующий за этой датой. Первый, отвечающий периоду героической борьбы испанцев с маврами, характеризуется преобладанием эпоса. К этой поре следует отнести, напр., песни о Фернанде Гонсáлес, основателе независимого кастильского графства (X в.), о семи инфантах Лара²

¹ Напр. *fratre* > араг. *fragre*, *petra* > ст.-араг. *peire* без дифтонга из ср. *quadra* и араг. *kwayron* 'перекладина на дымоходе для того чтобы вешать на ней что-нибудь' и пров. *cairat* 'перекладина', 'балка', гаск. *saure* 'угол' (внутренний или внешний).

² Поэма о семи сыновьях Гонсало Густнос, преданных их дядей Руй Веласкесом, мстившим за оскорбление своей жены, и погибших в бою с маврами при Альменаре.

и на темы, содержащиеся в намеках в „Crónica general de España“¹ — все это возникло вскоре после описываемых в них событий, возможно еще в том же X в. У нас, правда, нет пока прямых доказательств в пользу такого допущения; но много ли таких доказательств имеется в нашем распоряжении вообще, когда речь идет о началах литературного творчества в любой стране, и многие ли из „доказательств“, приводимых в отношении эпох с более отчетливой исторической памятью, заслуживают в действительности этого названия? Менéndес Пидаль подчеркивает, и совершенно справедливо, значение готского предания в возникновении эпической песни.² Те, кто возражает ему, ссылаются на возможность очень раннего французского воздействия в еще примитивную эпоху истории эпоса. Это, конечно, тоже едва ли подлинное „доказательство“; а как в теоретическом допущении в нем вряд ли есть какая-нибудь необходимость. Во всяком случае испанская форма имени Роланда, *Roldan*, едва ли проникла за Пиренеи вместе с „Песнью о Роланде“; она ближе к провансальской „*Rotlan*“ и вместе с нею может отражать более древнюю фазу имени. Мы можем обойтись для этой отдаленной эпохи без французского влияния. Другое дело словарь и композиция „Сиды“. Но Менéndес Пидаль относит поэму, и вполне убедительно, к 1140 г., следовательно к поре, когда во французском влиянии не может быть ни малейшего сомнения.

Этот второй период начинается с конца XI в. и тянется до половины XIII в. С французской литературой приходится считаться и позже, но тогда она делила свою руководящую роль с другими. Отмеченные только что полтора века характеризуются преобладанием религиозной поэзии и „искусственной“ эпики. Так как жонглер уступает теперь место клерiku, то эту пору называют иногда порой книжного мастерства, *mes-ter de clerecía*. Для ряда религиозных произведений скромного священника Гонсало из Берсео,³ как напр. особенно удавшихся ему повестей о чудесах девы Марии, французский источник не подлежит сомнению. Для иных памятников этой поры он вероятен. „Прение души с телом“ (*Disputa del alma y del cuerpo*) примыкает к такому же англо-норманскому прению. Из французской агиографической литературы извлечено и „Житие Марии Египетской“ (*Vida de Santa María Egipcíaca*). К французскому или провансальскому оригиналу возводят и „*Libro de los tres Reis d'Orient*“, повествующую о поклонении волхвов, бегстве в Египет и двух разбойниках, распятых вместе с Иисусом. Повидимому французская повесть вышла из клюнийской среды. Автор „Романа об Александре“ сам называет одним из своих источников Готье Шатильонского; но ему была известна и другая популярная в ту пору (XIII в.) французская литература о знаменитом македонском царе. Французской переработкой известного греческого романа об Аполлонии Тирском,⁴ принадлежащей Журдену из Бле (*Blaie*), пользовался и неизвестный нам автор „*Libro de Apolonio*“, в значительной мере, как и автор „*Libro de*

¹ Она (1260—1280) и ее поздние переработки, вроде „*Crónica abreviada*“, 1320—1324, „*Crónica de 1344*“, включающая хронику Абу Бакр Ахмеда ибн Мохаммед ибн Муса (1344); „*Crónica de los reyes de Castilla*“ и так наз. „*Tercera crónica general*“, — включают в свое изложение ряд переработанных, не дошедших до нас старых эпических песен.

² R. Menéndez Pidal. *L'Epopée castillane à travers la littérature espagnole*. Париж, 1910. — Он же. *Cantar de Mio Cid*. I—III. Мадрид, 1908—1911; *Poema de Mio Cid*. Изд. Lectura, Мадрид, 1913. О французском влиянии на Сиду, см. стр. 48.

³ Берсео — небольшая деревушка в районе монастыря Сан Мильян. Гонсало родился около 1200 г.

⁴ В западно-европейскую литературу эта повесть о сирийском царевиче, потерявшем свою жену и дочь и только после долгих приключений обретающем их вновь, проникла, как известно, через сборник „Римские деяния“.

Alíxandro“, проникнутой моральными тенденциями, но, впрочем, не плохо рассказанной. Даже в чисто испанской „Поэме о Фернанде Гонсáлес“ (Poema de Fernán González), в которой некий бенедиктинец из монастыря св. Петра в Арлансе повествует нам в 14-сложных александрийских стихах (*cuaderna vía*)¹ о благодетеле монастыря, графе Фернанде, мы встречаем отчетливые следы влияния французской эпической поэзии.

Не забудем, наконец, южной Франции и провансальской поэзии. Вместе с южно-французскими рыцарями, искавшими славы и добычи под знаменем королей Кастильи, за Пиренеи являлись и трубадуры, занятые не менее первых перспективами славы и обогащения, не говоря уже о том, что профессия певца и воина часто сочетались в одном и том же лице. Альфонс VII являлся как нельзя более подходящим государем, при котором можно было сделать блестящую карьеру. Он был сыном королевы Урраки и графа Раймонда бургундского и кузеном графа тулузского; был честолюбив² и носился с грандиозными планами борьбы с маврами. Трубадур Маркабрюн посетил его двор и был, вероятно, одним из первых провансальских певцов, явившихся в Кастилью.³ По смерти Альфонса VII (1157), Леон был отделен от Кастильи. Правившим им Фердинанду VI (1157—1188) и Альфонсу IX (1187—1230), повидимому, не пришлось меценатствовать, так как Леон лежал слишком далеко от южно-французского рубежа. Альфонс IX фигурирует только в произведениях Пейре Видаля, который, вероятно, побывал при его дворе,⁴ да упоминается вскользь у Элиаса Кайрель.⁵ Наоборот, Кастилья эпохи наследников Альфонса VII, Санчо III (1157—1158) и в особенности Альфонса VIII (1158—1214), победителя при Навас де Толоса, привлекала значительное количество трубадуров. Об Альфонсе, его гостеприимстве и внимании к певцам говорят Пейре Видадь⁶ и Раймон Видадь.⁷ В более или менее лестных выражениях отзываются о нем Пердигон,⁸ каталанец Гильем де Бергадан,⁹ Аймерик де Пегюльян,¹⁰ Гиральд де Калансон,¹¹ Гугон де Сан-Сирк и Пейре Роджер.¹² Традицию семьи поддерживал и сын его, Фердинанд III, превращенный, подобно своему кузену Людовика IX, в святого. Так, по крайней мере, утверждал его сын и наследник, Альфонс, будущий Альфонс X (1252—1284), прозванный Мудрым (*el Sabio*), хотя было бы вернее передать *el Sabio* — словом „ученый“. Действительно, Альфонс был астрологом, юристом и историком, поэтом и музыкантом. Одна из миниатюр эскуриальской рукописи его „*Cantigas*“ деве Марии изображает нам короля, диктующим писцам одну из своих работ и окруженным группой ученых клериков и жонглеров.¹³ В окружении его, как и в окружении Фридриха II Гогенштауфена, можно было встретить представителей и Запада и Востока. Среди первых было не

¹ Стих этот, широко распространенный в эпоху *mester de clerecía*, также заимствован от французов.

² Он носил, между прочим, титул императора Испании, характеризующий не столько положение Альфонса, сколько тенденции некоторых кастильско-леонских королей.

³ *Poésies complètes*. Изд. Dejanne, Тулуза, 1909, XXII и XXIII.

⁴ J. Anglade. *Les poésies de Peire Vidal*. Париж, 1923, XLII и XLIII.

⁵ См. торнаду по. 133, 12 по Grundriss Барча.

⁶ Изд. Англада, V.

⁷ См. Appel, Chrest., no. 5.

⁸ Grundriss Барча, no. 370,5.

⁹ Там же, no. 210, 10.

¹⁰ Mahn. Ged. d. Tr., 52.

¹¹ Grundriss Барча, no. 243, 8, и изд. Жанруа в „*Annales de Midi*“, XVII, 464.

¹² A. Jeanroy. *La poésie lyrique des troubadours*. Тулуза—Париж, 1934, I, 211.

¹³ Menéndez Pidal. *Poesía juglaresca y juglares*. Мадрид, 1926, 245 (где и воспроизведена эта миниатюра).

мало трубадуров. Кто из них именно — этим вопросом занимались Милá и Фонтанальс,¹ К. Михаэлис де Васконселуш,² Ж. Англад³ и, в последнюю очередь, А. Жанруа.⁴ В результате их исследований оказалось, что точного списка певцов установить нельзя, но что число их, во всяком случае, превышало десять. Они принадлежали разным категориям, от простых жонглеров и до мастеров поэзии, вроде Гиральда Рикьера, и в произведениях своих, посвященных королю, трактовали самые разнообразные темы, не исключая близких ему вопросов астрологии. Однако золотое время продолжалось для них, повидимому, не долго: все чаще и чаще раздаются жалобы трубадуров на королевских советчиков и придворных (*privatz*), благодаря которым поэтам уделяется недостаточно внимания и песни их недостаточно ценят. Местные придворные, конкуренты трубадуров, очевидно, недружелюбно смотрели на пришельцев, отнимавших у них лакомый кусок, а между тем финансы Альфонса были далеко не в блестящем положении: всем известны его меры, направленные к порче монеты, его вымогательство денег у евреев и, в связи с этим, преследование их. Положение осложнялось внутренними усобицами в Кастилье, спорами о престолонаследии и семейными неурядицами. При Санчо IV (1284—1295) положение не улучшилось, и после 1280 г., повидимому, ни один трубадур уже не наведывался больше в Кастилью.

Связи с поэзией южной Франции выражались не только в пассивном ее восприятии, а затем и в активном подражании ей на языках полуострова, но и в попытках писать по-провансальски. Текстов, свидетельствующих об этом, почти не сохранилось. Но, разумеется, не все дошло до нас; язык местной лирики говорит о близком знакомстве с провансальским лиризмом, его техникой и характерными терминами. Что же касается текстов на провансальском языке, то я напомним о строфе, которую цитирует Арнальд Видаль в одной своей новелле, написанной между 1220 и 1230 гг. Видаль приписывает ее некоему „кастильцу“, имя которого, по его словам, ему не знакомо. Она действительно написана по-провансальски с легким кастильским налетом.⁵

Послание-„прошение“, обращенное к Альфонсу Гиральдом Рикьером, сопровождается ответом-„резолуцией“ короля, написанной по-провансальски. Но он составлен, конечно, самим трубадуром, или, по крайней мере, формулировка точки зрения короля принадлежит Рикьеру.

Южно-французское литературное влияние проникало, однако, не только в Кастилью, но и в северо-восточные области полуострова. У Каталонии были издавна интересы в южной Франции, с которой она связана и географически. Еще задолго до своего объединения с Арагоном (в 1162 г.) она владела во Франции значительными землями, фактически или в качестве сюзерена. Короли арагонские из каталанцев в течение всего XII в стремились обосноваться прочнее на юге Франции за счет графов тулузских; отсюда их вмешательство в альбигойскую войну, в расчете на то, чтобы укрепиться в Провансе. Только после неудачи в этом направлении они в лице Иакова I (1213—1276) изменили ориентацию своей внешней политики и обратились на юг, к завоеванию Валенсии, Мурсии и Балеарских о-вов, тем более, что поражение мавров при Лас Навас де Толоса наглядно показало слабость последних.

¹ De los trob. en Esp., 194—246.

² В Grungriss Гребера, II, 173.

³ Le troubadour Guiraut Riquier. Бордо — Париж, 1905, 107.

⁴ La poésie lyrique des troubadours, I, 216—219.

⁵ „So fo el tems“. Изд. Cornicelius, Берлин, 1888, ст. 594—601.

За время близости южной Франции с каталано-арагонским северо-востоком Пиренейского п-ова не мало трубадуров побывало в Каталонии и при арагонском дворе. У Маркабрюна¹ и у Пейре Овернского² были связи с графом барселонским Раймоном-Беренгарием (ум. 1162), мужем дочери последнего арагонского короля Рамиро II, доньи Петронилы. При дворе Альфонса II, объединившего в своих руках Каталонию и Арагон (1162—1196), и Петра II, погибшего в битве при Мюрé (1213), неоднократно посещавших лично Прованс и Лангедок, мы видим уже целую группу трубадуров, которых оба государя охотно принимали у себя. И это были не случайные гости; к ним приезжают лучшие представители провансальской поэзии, среди которых находились и оба Арнальда, и „более“, и „менее знаменитый“, как говорит Данте, т. е. Арнальд Даньель и Арнальд де Марюэль; у них бывали и Гиральд де Борнель, и Пейре Видаля, и монах Монтальдонский. И это вполне понятно. Альфонс II,³ Петр II⁴ и Петр III (1276—1285),⁵ наследовавший Иакову I, были сами поэтами. Альфонс, как об этом свидетельствует биография Бертрана де Борн и одна пьеса Гиральда де Борнель,⁶ живо интересовался кроме того вопросами теории и критики поэзии и был противником так наз. „темной“ манеры письма (*trobar clus*). Целый ряд видных каталанских феодальных сеньеров следовал примеру своих государей. Гугон де Матаплана был, напр., по словам Раймона Видаля, крупным феодалом и устраивал в своем замке пышные ассамблеи, на которых трактовались вопросы любовной теории;⁷ Гильем де Бергадан был блестящим каталанским рыцарем,⁸ а Гиральд де Кабрера, славившийся кроме того и своим музыкальным талантом, принадлежал к числу видных каталанских сеньеров.⁹ После поражения альбигойцев при Мюрé, когда, трубадуры стали искать нового поприща для своих талантов, значительная часть их вспомнила, что, как говорил монах Монтальдонский, св. Юлиан (т. е. гостеприимство) пользуется особым почетом именно в Каталонии. И в Каталонию хлынула новая волна певцов, на этот раз „преследуемых“, *faidit*, среди которых мы встречаем опять же ряд крупных имен, вроде Пейре Карденаля, Аймерика де Пегюльян и др.

Таковы факты литературного общения пиренейских государств с Францией и Провансом, создававшие, естественно, благоприятную обстановку и для общения языкового. Общение с французской литературой продолжалось и за пределами второй половины XIII в. Правда, в испанской литературе между 1250—1400 гг. сказывается сильно влияние Востока. Благодаря переводам и компиляциям школы Альфонса X, в европейский литературный оборот проникают сборник рассказов о животных, „Калила и Димна“ (восходящий к индийской „Панчатантре“), „Семь мудрецов“ (оригинал также индийский), не говоря уже о различных лапидариях, астрологических сочинениях и трактатах, о любимых в ту пору играх в шахматы, тавлеи и т. п. За нею шла школа Хуана Мануэля (ум. 1342), автора испанской „Тысячи и одной ночи“, сборника рас-

¹ Изд. Dejanne, IV.

² Изд. Zenker'a, XI.

³ K. Bartsch—E. Koschwitz. Chrest. prov., Xc—XVe s. Марбург, 1904, 93.—Kolsen. Guir. de Bornel, 378.

⁴ Kolsen, ук. соч.—A. Jeanroy, ук. соч., I, 192, прим. 3.

⁵ A. Jeanroy, ук. соч., I, 344 (под Bernart d'Auriac) и 401.

⁶ Бертр. де Борн. Изд. A. Thomas, стр. LII.—Kolsen, ук. изд., XXVIII (= 242, 79 по Grundriss Барча).

⁷ См. новеллу Видаля „So fo el tems“ (цит. изд. Cornicelius'a).

⁸ О Г. де Б. см. G. Bertoni в Annales du Midi, XXV, 58, и в Studi romanzi изд. Soc. filol. rom., II, 81.

⁹ Он был виконтом и современником Альфонса II. См. C. Chabaneau. Biogr. des troub., 97.

сказов, известных под названием „Граф Луканор“ (Conde Lucanor), к которым, как жанр, примыкает книга апологов архипресвитера Иты (Hita), Хуана Руиса, так наз. „Libro de buen amor“, развертывающая перед нами пеструю картину всевозможных приключений любовного характера. Но на творчестве того же Руиса, которого считают крупнейшим писателем средневековой Испании и в котором, во всяком случае, кульминирует дидактическая школа Мануэля и линия восточных влияний, проходящая затем через весь XIV в.,¹ сказались и французские симпатии.² Целиком в кругу последних вращается рыцарский роман, дававший испанскому феодальному дворянству, расцветшему и преуспевавшему после реконкисты, готовую литературную формулу для его новых устремлений и вкусов. Как всегда, дело началось с переводов, популяризирующих за Пиренеями „Ренальдоса де Монтальбан“ и „Тристана“; от них перешли затем к созданию своих образцов рыцарского мужества, доблести и сентимента, вроде „Caballero Cifar“, от которого уже не так далеко и до „Амадиса“.

До XV в. испанская литература является, таким образом, ареной сменяющих одно другое влияний извне: французское, провансальское влияния сменяет влияние восточное. Французское оказывается наиболее длительным и сильным. Провансальское не исчерпывается эпохой непосредственного общения с трубадурами XII и XIII вв. Лирика последних порождает на полуострове своеобразное подражание в Галисии, а галисийские пьесы, несмотря на свое провансальское содержание, более близкие запиренейскому сеньеру по своему внутреннему складу и языку, широко распространившиеся поэтому в Кастилье, Леоне, Наварре и Арагоне, явились продолжением своих образцов и в течение целого века (1250—1350) вызвали восторг и подражание испанцев. Для них это была школа. Еще неопытный язык научился передавать благодаря ей непривычные чувства и мысли, и так постепенно и незаметно выросла на этой основе испанская лирика. XV век, в особенности его первые три четверти, — эпоха ее пышного, хотя и однообразного цветения.

Но этот век является и веком новых веяний в испанской литературе, завершающих круг перечисленных выше европейских влияний, а именно — итальянских. Это еще не Возрождение; испанская литература теперь больше, чем когда-либо раньше, увлечена аллегориями во французском и школьно-латинском духе. Таково время Хуана II (1407—1454). Но уже в начале второй половины века, при Генрихе IV (1454—1474), аллегория уступает место сатире, и эти критические тенденции указывают на нарождающееся в условиях затяжного политического и социального кризиса новое отношение к действительности, которое даст возможность, в ближайшем же будущем, по-новому отнестись и к тому, что раскрывала литература итальянского Ренессанса. Эта эпоха в то же время и канун объединения Испании, возникновения испанского национального государства и национальной литературы, канун признания кастильского диалекта языком новой национальности. Кастильский становится испанским.

Мы несколько вышли за пределы поставленных себе рамок. Нашей задачей является выяснение условий и размеров французского или, точнее, франко-провансальского влияния. Влияние это оказалось, однако, настолько длительным, что нам пришлось невольно дать краткую характеристику основных линий развития испанской литературы на протя-

¹ Через Перо Лопес де Айала („*Rimado de palacio*“), Сема Тоб („*Proverbios morales*“), через сборник рассказов неизвестного компилятора, так наз. „*Libro de los gatos*“ (вероятно, вм. *los cuentos*) и т. п.

² См. напр. его „Борьбу между мясом и постом“.

жении нескольких веков ее истории. Может быть некоторые детали нашего изложения покажутся излишними. Но знакомство со старой испанской, французской или провансальской литературой среди наших читателей едва ли настолько распространено, чтобы простые ссылки или намеки вызвали в них достаточно отчетливое представление о той обстановке, в которой протекала история испанского языка.

Вернемся же теперь, после нашего невольно затянувшегося отступления, к вопросу о влиянии французского на испанский.

Старый слой французских заимствований довольно значителен, причем, следует сразу же оговориться, что у нас не всегда есть возможность отличить галлицизмы от провансализмов, почему мы и не будем выделять последних особо. Там, где провансализмы очевидны, как, напр., в случаях вроде *monje*,¹ *fraile*, *trobar*, *trobador*, *balada*, выделить их не так уже трудно; но напр., *preste*, для которого провансальской дает и *preire*, *preveire* < *praebyter*² и *p(r)estre* (кат. *preste*), французский же *prevoir* и *preste* — может возбуждать сомнения. Старым слоem можно считать те французские заимствования, которые зарегистрированы в словаре Небриха (1492), известного испанского грамматика Возрождения.³ Здесь мы находим между прочим *cizallas* 'отрезки монеты', *baleo* 'цыновка', *chanfre* 'соборный певец', *dama*, *paje* 'паж', *doncel*, *garzón* 'молодой человек', *sargento/e* (стар. *sergente*), *linaje* 'род', *jardin* 'сад', *varjel* 'сад', 'цветник', *cofre* 'сундук', *manjar* 'есть', *jamon* 'окорок', *trinchar* 'разрезать (кушанье на части)', *chimenea* 'камин', 'труба', *jaula* 'клетка для птиц, для животных' (франц. *geôle*), *trocha* 'тропинка', *forja* 'горн золотых дел мастера', *loguer* 'поденная плата', *gañan* 'батрак', *cordel* 'веревка', *merchante* 'торговец', *bajel* род морского судна, *virar* 'поворачивать'; названия стран света: *norte*, *sur*, *este*, *oeste*; *reproche* 'упрек', *coraje* 'мужество', *homenaje* 'изъявление почтения'; *cantar de gesta* 'эпическая поэма'. В „Сиде“ весьма значительно число военных терминов. Линия боя называется *batalla*. Войско делится на *mesnada*, *esquella* (ст.-фр. *eschier* 'арьергард') и *hueste*. Французскими словами обозначаются и предметы вооружения: *yelmo* 'шлем', *cofia* 'род шлема', *velmez* 'кожаный нагрудник', *lansa* 'копье', *pendon* 'флажок на копье', *espada* 'меч', *escudo boclado* 'выпуклый щит', *palafren* 'верховой конь (для мирных целей)', *cavallo en diestro* 'боевой конь' и т. п. С военным и феодальным бытом связаны: *chancilleria* 'канцеляция', *mensaje* 'весть', *mensajero* 'посол'; *ugier* или *ujier* 'привратник'; из эпоса заимствован *jayan* 'гигант'. К XIV в. относятся *avanguardia*, *retaguarda* (вм. *delantero* и *zaga*). Для старых галлицизмов характерна передача французского *g* или *j* через *j*, *g*, которому в старом языке отвечал *z*; французской группе *mb* отвечает обычно *m* (*jamon*), т. е. *b* ассимилировалось *m*. Аспирированное *h*- германского происхождения французских слов передается через *f*, *h*: *fonta* < *honte*, *farpa* < *harpe*, но иногда и опускается. Большая часть заимствований относится к церковной жизни или феодальным отношениям (включая сюда и практику жонглерства). Не все из старых французских или провансальских заимствований выжили. Так существовавшие еще в XV в. *malefia* 'болезнь', *habillado* 'одежда', *sojornar* 'пребывать' или *fontaina* 'источник' были вытеснены *enfermedad*, *vestido*, *demorar*, *fuentes*.

¹ Впрочем *monje* может быть и через кат. *monxe*. В испанском имеется и свое продолжение *monacius* — *monago* в значении „мальтика, прислуживающего в церкви, или певчего“.

² CIL, X, 6635. — REW³, no. 6740. — Grandgent, ук. соч., 126.

³ Ant. de Nebrja. Lexicon e sermone latino in hispanicum (lat.-hisp. et hisp.-lat.), неоднократно переиздававшийся.

Приток галлицизмов и провансализмов в эту раннюю эпоху еще не слишком велик; с XVI в. картина начинает меняться, и к XVIII в. уровень заимствований резко поднимается.¹

6

Мы познакомились на предыдущих страницах с условиями языкового развития в арабской и христианской Испании и сделали отсюда ряд теоретических выводов, которые подтвердил затем анализ данных самого языка. Мы проследили процесс образования живых разновидностей вульгарной речи на Пиренейском п-ове и определили их взаимоотношения. Мы увидели, знакомясь с ними, что в тесной связи с политическим развитием испанского государства и той руководящей ролью, которую сыграла в нем Кастилья, язык последней, остававшийся долгое время языком местного значения, стал оттеснять постепенно на задний план своих конкурентов и выходить на более широкий путь, на котором ему предстояло превратиться в язык испанской письменности вообще и испанской нации в целом.

Но для того чтобы сделаться языком литературы в широком смысле этого слова, кастильскому пришлось выдержать долгую и упорную борьбу с рядом соперников, занимавших в этой области прочное положение. Прежде всего с латынью.

Как это происходило и в ряде других романских стран, проникновение вульгарного языка в письменность явилось в Испании результатом расхождения между латынью и романской речью, усилившегося с ростом школьного образования и с упорядочением латинской письменности. В Испании, как мы уже отмечали выше, немалую роль в этом последнем отношении сыграло французское влияние и внедрение схоластической латыни в конце XI в. К XII в. относятся и первые связанные письменные памятники вульгарного языка. Они принадлежат, естественно, к категории практических документов: потребность в общепонятном языке ощущалась здесь особенно сильно. Испанская церковь упорнее, нежели французская, держалась за латынь, а потому вульгарные литературные произведения религиозного содержания появляются в Испании позже, чем во Франции; испанский путь развития вульгарной письменности скорее аналогичен тому, который мы наблюдаем в Италии.

Одним из старейших памятников практического содержания является так наз. *fuero*,² т. е. запись прав и привилегий г. Авилес, в области Овьедо; документ этот, подлинность которого была кое-кем заподозрена, но который сейчас не внушает сомнений, относится к 1155 г. Несколько старше его, может быть, *фуэро* г. Овьедо, оригинал которого, к сожалению, не сохранился; оно относится, возможно, еще к 1145 г. 1206 г. датируется договор г. Каврерос. XII веку принадлежат, вероятно, и первые записи произведений вульгарной поэзии. С XIII ст. вульгарные документы тянутся уже непрерывно. С этой же поры вульгарным языком начинают все чаще и чаще пользоваться при составлении частных актов, а также и в королевских канцеляриях в Толедо, Леоне, Памплоне, Сарагосе и Куимбре.³ Само собой разумеется, что языком этим были диа-

¹ Для средневековой поры см. специальную работу J. B. de Forest. Old French borrowed word in the old Spanish of the XII and XIII century в *Romanic Review*, VII, 1916, 369—413. — R. M. Baralt. *Dicc. de galicismos*, 1849. — H. Peseux Richard. Quelques remarques sur le *Dicc. de galicismos* de Baralt. в *Rev. hisp.*, IV, 31.

² Лат. *fōrum* 'рынок', затем 'рыночная такса', 'закон'. Ср. старое французское выражение *à fur et à mesure* 'по мере того как, постепенно'; буквально 'по таксе и мере' или 'по порядку и мере'.

³ Португалия становится самостоятельным королевством в 1143 г.

лекты, и упомянутые нами только что первые письменные памятники написаны на диалекте, но конечно, в той мере, в какой диалектом пользуются в подобных случаях, т. е. это речь определенной социальной группы, несколько сублимированная при помощи единственного литературного авторитета, латыни. Фуэро Авилеса принадлежит по языку западной Астурии, фуэро Овьедо и договор Каврероса — Леону.

Диалектизм отличает и первые литературные опыты средневековья. В XIII в. для Гонсало де Берсео характерны черты наварско-арагонского (точнее области Нижней Ла Риоха); язык „Libro de Apolonio“, „Tres Reis d'Orient“ очень близок к каталанскому; „Libro de Alixandre“ связан с Арагоном, „Граль“ и „Disputa de Elena y María“, относящиеся к самому началу XIV в., наоборот, — с западом, с Леоном. Кастилья представлена „Primera Crónica general“, „Grande e general estoria“ и „Siete partidas“. „Поэма о Сиде“ с ее *uo* (каст. *ue*) и с *j* вм. *ll* (Castejon вм. Castellon), т. е. так наз. „сверхкорректными“ формами, принадлежит вероятно мосарабу из Мединасели;¹ „Auto de los Reyes magos“ приписывают также мосарабу, но из Толедо; что же касается до „Disputa del alma y del cuerpo“, то оно связано с Онья, т. е. северной, архаизирующей, частью Кастильи. В связи с политическими успехами Кастильи и экспансией кастильского, в XIV в. начинает исчезать из литературы леонский, которому был нанесен тяжелый удар объединением Леона и Кастильи, в особенности после их окончательного слияния в XIII в. За Леоном последовал Арагон.

Но кастильскому предстояло преодолеть сопротивление и еще одного сильного соперника, а именно галисийского.² В его руках находилась куртуазная лирика. Уже существовавшей, вероятно, параллельно с нею, правда в очень скромном виде, лирике на кастильском языке,³ приходилось с большим трудом пролагать себе путь в литературе. На переходе стоит еще так наз. сборник Баэна, составленный в 1445 г. одним королевским клериком, Хуаном Альфонсо де Баэна, лирические пьесы кастильца Альфонсо Альварес де Вильясандино и севильской школы, группировавшейся вокруг Франсиско Империаля, увлекавшегося Данте и итальянцами. Кульминирует эта лирика в творчестве Ёньиго Лóпес де Мендоса, маркиза Сантильянского (1398—1458), и Хуана де Мена из Кóрдовы. Они создали школу, влияние которой ощущается еще в XVI в. Они привили испанской литературе, в особенности ученый де Мена, с одной стороны, вкус к аллегории, итальянизму; с другой — к галантному тону, куртуазному изяществу, но с оглядкой порой на стиль и тематику народных романсов, *canciones*, пастушеских *serranillas* или незатейливых деревенских *villancicos*. В эпоху Хуана II (1406—1454), проявлявшего большой интерес к литературе, кастильский двор стал центром, куда охотно стекались эти трубадуры XV в., с которыми соперничал и сам король и его ближайшее окружение, и откуда влияние новой кастильской поэзии, а следовательно и ее языка, распространялось широко по полуострову. С водворением в Арагоне в начале XV в. кастильской династии кастильская лирика проникает и в Арагон и в его заморские владения. Об этом свидетельствует нам второй по древности *cancionero*, сборник лирических пьес, составленный в окружении Альфонса V в Неаполе и известный под названием „Cancionero de Stúñiga“.

¹ В пров. Сориа, в юго-восточном Суглау тарой Кастильи, между пров. Сарагоса (Арагон) и Гвадалахара (Новая Кастилья).

² Подробнее о галисийском см. 4-й очерк.

³ О ней можно судить в известной мере по „Libro de buen amor“ архипресвитера Иты Хуана Руис (1330), в котором имеется ряд кастильских пьес негалисийского типа.

Но влияние кастильского в этом случае встретило в Арагоне уже подготовленную почву. Арагонский язык прозы grosмейстера иоаннитов Хуана Фернандес де Эредиа (ум. 1396) „Gran crónica de conquiridores“, ватиканского „Tristán de Leonés“ и переводов Марко Поло содержит уже черты кастильского (напр. обычно *mucho* вм. *muíto*). Объединение Арагона и Кастилии (1479) окончательно решило вопрос в пользу, конечно, кастильского.

Понемногу вытесняя латынь из позиций, которыми она владела в области письменности, народный язык вынужден был, однако, в то же время опираться на нее и пользоваться ею. Помимо латыни в XIII и XIV вв. перед ним не было никакого иного образца, который был бы в достаточной мере авторитетен и к которому можно было бы обратиться за помощью в случаях, когда не выручала традиция. А между тем число этих случаев росло: приходилось создавать новые термины для новых идей и новые слова для выражения исчезающих понятий. Вопрос этот стал особенно остро в эпоху Альфонса X, когда потребность в обновлении старого кругозора и в усвоении знаний самого разнообразного характера стала ощущаться необычайно сильно. В связи с этим в ту пору широко развернулась переводческая работа и, между прочим, работа над переводами произведений латинской литературы. Для вульгарного языка эта работа явилась очень важной школой, не мало способствовавшей развитию лингвистического творчества переводчиков, многие результаты которого стали затем достоянием испанской речи. Правда, переводы бывали иногда неуклюжи, их язык слишком имитировал оригинал, так как переводчики оказывались зачастую беспомощными в разрешении задач, которые ставила перед ними их работа. Но от этих первых опытов серьезной вульгарной прозы, в которых язык впервые поднимался на уровень вопросов большого значения, многое вошло в оборот. Однако следует заметить, что неологизмы XIII и XIV вв. обличают гораздо большую верность традиции, нежели неологизмы последующих веков. Так лат. *monasteriu* передавалось *monesterio*, *finger* как *heñir* ‘месить тесто’, т. е. гласные, стоящие вне ударения, воспроизводились согласно требованиям вульгарного романского, не буквально (ср. *finger* ‘выдумать’, ‘ссылаться на вымышленный предлог’ и т. д.). Интервокальные глухие согласные превращались в звонкие; *ducatu* — *ducado* ‘герцогство’, *arábigo* ‘арабский’, *palatinu* — *paladino* ‘паладин, витязь’, *tósigo* (<*toxicu*) ‘яд’ и др. Группа -*st-* передавалась как -*ut-*: *actu* > *auto* ‘акт’, ‘постановление’, ‘церковная драма’;¹ *pauta* ‘линейка’ (<*pacta*?), *trauto* < *tractu*. Группы *su* и *ty* сохраняли свой *y*, откуда *Gallizia*, *ofizio* или *juizio* < *judiciu*, *serviçio* < *servitiu*, *graçia* < *gratia*, *preçiar* < *pretiare*, *palaçio*, (<*palatiu*), тогда как в словах, развивавшихся нормально, мы имеем иные характерные рефлексy: для согл. + *s* у или *ty* — согл. + *ç* (*calça* < *calcea*, *março* < *Martiu*), в новоисп. — *z* (*calza* ‘длинные гамашы, надеваемые как штаны’, *marzo* ‘март’); для тех же групп между гласных в ст.-исп. было *z* (*hornazo* ‘печь’ < *furpaseu*, *rozo* ‘колодезь’ < *ruteu*).² Но рядом мы наблюдаем как будто и колебания между *z* и *ç*: *cabeça* < **capitia* ‘голова’, *cabeço* ‘высокий холм’ < **capitiu*, *peça* ‘шуба’ < *pellicea*, *plaza* ‘площадь’ < *platea* и др. Расхождение может быть результатом особой народно-латинской трактовки соответствующих групп, в силу чего исходить надо не из *capitia/o*, а из *capittia/o*, из *pellicsea*, а не *pellicea*, из *plattea*, а не *platea* и т. д. Такие дубликаты известны латыни: *būsa*, *būssa*,

¹ Нормальным отражением лат. *actu* было бы *echo*.

² Ассимиляция -*ty-* в народно-латинском произошла, повидимому, ранее, нежели -*s* у. Примеры первой на полуострове мы находим уже в IV в., второй — в VI—VII вв.

littera, littera, litus, littus и т. п.; они могли давать и скрепленные формы вроде **stēlla* из *stēla* || *stēlla*, **tōtta* из *tōta* || *tōtta*.¹ Дублиеты эти оставили след и в других романских языках, французском, итальянском; между прочим и на Пиренейском п-ове. — Ряд испанских глаголов продолжает гораздо более распространенную в латинском серию сложных глаголов, составленных при помощи *facere* (>**fare*) или итеративного *-ficare*. Это [i]-*ficare* дало в испанском **-iguar* < **-iwgar* < **-iwigare*. Таким образом получились: *santiguar* 'креститься', рядом с которым имеется буквально повторяющий латинскую форму *santificar* 'освящать'; *apaciguar* 'умиротворять', *averiguar* 'выяснить, исследовать', *atestiguar* 'удостоверять' и ряд устаревших теперь: *muchiguar* 'умножать', *viviguar* 'оживлять' и др. Большое количество латинизмов проникло в живую речь из церковного языка. Но очень многим кастильский обязан и книге. Характер источников объясняет нам в значительной мере, почему из них пополнялась главным образом категория отвлеченных терминов: *auto* было прежде всего мистерией; понятие акта передавалось *acto*.

В связи с интересом к итальянской литературе в кастильском в XV в. появляются итальянизмы. Они проникают пока путем книги. Их прививали такие писатели, как Хуан де Мена (1411—1456), пропагандировавший аллегорический дидактизм Данте. Но XV в. дает в этом отношении еще немного, а потому мы вернемся к вопросу об итальянизмах ниже, когда будем говорить о языке XVI в., складывавшемся в значительной степени под итальянским влиянием.

Итак организация кастильского языка как языка письменности, достигшего в XV в. всеобщего признания, началась еще в XIII в.

Фердинанд III, окончательно объединивший Кастилью и Леон (в 1230 г.), рекомендует своей канцелярии для делопроизводства романский язык (*el romance*) и с этой поры вытеснение латыни и фиксация кастильского пошли более быстрым темпом вперед. Указы этого короля, даже когда они были направляемы в города Леона, составлялись по-кастильски, не исключая и тех случаев, когда секретарями были леонцы.² Когда Кórдова получает в 1241 г. вестготское право, Фердинанд приказывает тотчас же перевести с латинского на кастильский вестготский законник, так наз. „Fuero juzgo“. Со вступлением на престол Альфонса X картина меняется. Практику отца Альфонс возводит в закон. Будучи сам писателем, он уделяет исключительное внимание культуре языка. Мы уже говорили выше о переводах Альфонса и его школы. В то время как в ряде работ отмечено, что они выполнены по приказанию короля (*mandó fazer*), ряд других вышел из-под его пера непосредственно.³ Таковы имеющие огромное значение для истории старо-кастильского „Siete Partidas“, „Crónica general“ (называемая также „Estoria de España“) и „Septenario“; одновременно это и образцы юридической, исторической и научной прозы XIII в., как „Siete Partidas“ (1256—1263), широко задуманный свод законов в семи частях, в котором юридические формулы чередуются с изложением общих воззрений на правовые отношения современности. Работа эта имеет огромное значение и для характеристики ее автора, и роли римского права в истории испанского, а также как сборник данных о современных социальных, моральных, религиозных и бытовых отношениях.⁴ „Хроника“ содержит очень много ценного

¹ См. A. Carnoy. The reduplication of consonants in the vulgar latin, Modern philology, XV, 159.

² Напр. леонцы из Саморы: „Petrus Petri Samorensis scripsit era 1278“ (=1240). — Burriel. Memorias para la vida del santo rey, 511, цит. Г. Байстом в Grundriss Гребера, II/2, 408.

³ Вероятно все же не без помощи секретарей.

⁴ Издана в Мадриде, 1807 (3 тома).

исторического и литературного материала.¹ „Septenario“ представляет собой энциклопедию, резюмирующую содержание „семи свободных искусств“ (*artes liberales*).² В „Libro de la Esfera“ (1259) говорится, между прочим, что Альфонс настолько интересовался языком, что сам правил тексты „que non eran en castellano derecho“, которые грешили ошибками в отношении кастильского языка. Литературная обработка последнего была делом новым и требовала, естественно, большого внимания.

Итак народный язык приобретал постепенно право гражданства в письменности и завоевывал один за другим участки, которыми до тех пор безраздельно владела латынь. Кастильский, уже с XIII в. начавший накладывать свой отпечаток на язык литературы, обязан своим весом в этом процессе не столько литературным, сколько политическим успехам и положению Кастилии. С точки зрения литературной диалекты в XIII и даже в начале следующего века еще почти уравнивали друг друга. В этом отношении судьба кастильского напоминает больше судьбу диалекта Иль де Франс, чем судьбу флорентийского, обязанного своим положением гораздо больше своим литературным заслугам, нежели политической роли говоривших на нем.

С конца XIII в. и особенно в XIV—XV вв. наступает, как мы видим, пора литературных заслуг кастильского; ценность его поднимается, авторитет его становится бесспорным, и с этой поры уже ничто не в силах замедлить окончательной ликвидации его пиренейских собратьев, из которых одному португальскому, и то после длительной и очень упорной борьбы, удается сохранить самостоятельное положение. Наварра была близка в языковом отношении Арагону и ее длительные связи с Францией, удаленность от крупных пиренейских культурных центров, отсутствие своих собственных и слабый размах культурной жизни руководящих классов, дворянства и духовенства, обрекали ее на культурную, а, следовательно, и языковую зависимость от более сильных соседей, Арагона и Кастилии. В 1512 г. Фердинанд V Арагонский овладел южной частью Наварры, тогда как северная все более и более сближалась с Францией.

Но что понимать, в пору его торжества, под термином „кастильский“? Разновидностью его, задававшей теперь тон, был уже не язык Бургоса. К концу XIV в. руководящая роль в области письменности, нормирующее влияние в области художественной литературы приобретает язык Толедо, точнее язык его королевской канцелярии. Это в то же время в основе своей язык толедского „общества“, социальной верхушки города, ставшего столицей в 1087 г. и продолжавшего оставаться ею до 1561 г. Это тот самый язык, который Альфонс X считал нормой и к которому он предписывал обращаться в случае сомнений, „como á metro de la lengua castellana“.³

В XIII в., как и позднее, его характеризуют термином „толедский“; язык Толедо называют настоящим, наиболее чистым языком Испании. В связи с этим напомним об одном месте из „Дон Кихота“, в котором автор устами своих действующих лиц формулирует свой взгляд на материальную базу испанского языка. Диалог, который мы имеем в виду, возник по поводу одного слова, неправильно произнесенного Санчо Пансой.⁴

¹ „La Crónica general“, изд. R. Menéndez Pidal в „Nueva Biblioteca de autores españoles“, 5.

² Сохранилась только часть 1-й книги. См. Байст, ук. соч., 411.

³ Francisco de Pisa. Descripción de la imperial ciudad de Toledo. Изд. Th. Tamaio de Vargas, Толедо, 1617, кн. I, гл. 36. Цит. у Тикнора в „Ист. исп. литер.“, II, 23, прим., русск. перев.

⁴ „Дон Кихот“, II, 19.

„Вы, ваша милость, не придирайтесь ко мне [заметил Санчо], ведь вы знаете, что я воспитывался не в столице и учился не в Саламанке. Что же тут особенного, если я одну букву прогую или прибавлю. И к чему вам, ей богу, заставлять саягезца¹ говорить по-толедски. Да и в Толедо-то далеко не все собаку съели по части языка“.

„Это верно, — сказал лицензиат, — тот, кто проводит время у Кожевни и на Сокодове,² не может говорить так чисто, как человек, каждый день прогуливающийся по крытой галерее во дворе собора;³ а между тем все они толедцы. Чистый, правильный, изящный и ясный язык встречается у просвещенных столичных жителей, хотя бы они и родились в Махалаонде“.⁴

Дело, следовательно, не только в материальной базе, а и в культурной ее трактовке, откуда и рождается настоящий язык.

В 1615 г. Кодезилия Сантарена, говоря в своей поэме „Historia de Tobias“ о Толедо, пишет по поводу его жителей:

Entre otros muchos bienes y favores.
 Quel soberano hizo a esta gente
 Fue darle la facundia u los primores
 De hablar su castellano castamente,
 Y assí por justa ley de emperadores,
 Sé orden, que, si alguno, estando ausente,
 Sobre qualquier vocablo porfiasse,
 Quel que se usa en Toledo guardasse.⁵

По сравнению с языком бургосского периода и Бургоса кастильский язык характеризуемой нами поры представляет уже ряд довольно существенных отмен.

Кастильский XIII в. восстанавливает ямбический ритм слов, утраченный ими во многих случаях, реставрируя конечное -е. Это -е могло в ряде случаев отпадать, как оно отпадает в ново-испанском;⁶ но иногда здесь наблюдались колебания, особенно в глагольных формах: *pan* || *pa ie*, *pon* || *pone* < *pon it*, *sal* || *salz* < *sa it*. В особенности часты были колебания там, где -е стояло после групп согласных:⁷ *calle* || *cal* 'улица', *torre* || *tor* 'башня', *fuerte* || *fuert* 'сильный', *navz* || *naf* 'корабль', *crece* || *crez* < *cre sc it* и т. п. После двух групп -е бывало обязательным как опорный гласный: *noble*, *nombre*. С другой стороны, рядом с колеблющимися глагольными формами III спр. стоят формы I спр., вроде *cantas*, *canta* или *duzmes*, *duerme*, где -а и -е были обязательны; в склонении же рядом с формами ед. ч. без -е стояли формы мн. ч. с -es: *noch* — *noches* и *padre* — *padres*, где -е было нормальным. Наличие таких параллелей привлекло за собою униформацию, и в результате *yaz* < *jaset* уступило место *yaze* и *mont* превратилось в *monte*. Аналогичные изменения имеем мы в сослаг. накл. имперфекта, выросшего из формы лат. сослаг. плюсквамперфекта: *am assem* и *am asset* дали правильно *amás*. Издавнее

¹ Уроженца Саяго в округе Саморы.

² Площадь Zocodover — любимое местопребывание всякого подозрительного люда в Толедо.

³ Место прогулок толедской интеллигенции того времени.

Деревушка неподалеку от Мадрида.

⁵ Песня XI, в переводе: „Среди иных больших благ и признаков благоволения, которыми всевышний бог оделил этих людей, находится, между прочим, красноречие и искусство говорить на чистейшем кастильском языке. Согласно справедливому закону государей положено так, что если кто решится спорить относительно какого-нибудь слова, то он должен держаться того, которое употребительно в Толедо“.

⁶ После *l*, *r*, *n*, *s*, *z*, *d*, *t*.

⁷ *ll*, *rr*, *nn*, *ss*; *n*, *r*, *s*, *p*, *c* + *t*; *n*, *s*, *l* + *c*; *x*, *v*.

наличие нормальной формы *amasses* привело к аналогичной *amasse* (соврем. *amase*) для 1 и 3 л. ед. ч. В XV в. Небриха считает их единственно возможными. На том же пути развились и формы 1 и 3 л. ед. ч. буд. II: *cantar* || *cantare* и *partier* || *partiere*. Формы с -o (*cantaro*, *partiero*) заимствовали это окончание из наст. вр. — Таким образом старый ямбический ритм слова, напоминавший провансальский и французский, сменился трохаическим, господствующим в итальянском.

Обычные в старом языке короткие энклитические формы личного местоимения стали постепенно заменяться полными: *A lo que-m semeja* 'тому, кто мне надобен'¹ = *A lo que me s.*, или *Sonriso-s myo Cid* 'улыбнулся Сид'² = *Sonrriso se m. C.*; *nimbla darie* = *nin me la d.*; *quando-l vido* = *quando le v.* Во всех этих случаях в древнейших памятниках — колебания: в *me* и *te* -e стало отпадать раньше, в *le* оно держалось дольше.

Прилагательные на -e (его утратившие) типа *fuert(e)*, *feliz* начинают принимать -a в ж. р. по аналогии с *bueno*, *buena*. В XII в. — это прилагательные, обозначающие местность: *leonés*, *leonesa* 'леонский'; позже, в XIV в., к ним примыкают прилагательные и других категорий: *ladrón* 'разбойничий', *ladrona*, *obrador* 'рабочий', *obradora*.

Изменения охватили и область глагола. Здесь мы должны констатировать прежде всего ряд упрощений. Выходят постепенно из употребления такие глаголы, как *exir* 'выходить', который встречается еще в фуэро Авилеса и Овьедо, у Берсео. Его начинает заменять *salir*. Исчезают, как причастия, старые формы на -udo (к перфектам на -u i), которые еще употребляют Берсео, Альфонс X; их вытесняют, после колебаний, формы на -ido: *temudo* — *temido*, а формы на -udo переосмысливаются как прилагательные. Вымирают причастия, образованные от основы перфекта, вроде *supido* или *ovido*. Сильные причастия в той или иной мере вытесняются слабыми: *provisto* || *proveido*, *roto* || *rompido*. Остающиеся сильные осмысливаются иначе или получают иную функцию: *prendido* от *prender* употребляется в смысле 'принявшийся', когда говорят о растении, *preso* — обычное причастие; *maldecido* — причастие от *maldecir* 'проклинать', параллельное *maldito* 'злой' — прилагательное и т. п. — Известная унификация форм произошла и в имперфекте. Формы I спр. не дают повода к каким-либо замечаниям. Во II, III, IV спр. вульг. -ē(b) a- и -ī(b) a-³ совпали в -ia. Это ia, где a было в гиае, дало -ie,⁴ т. е. -ie. Отсюда развились формы без -e, вроде *avi*, где гиаг был ликвидирован путем опущения -e; с другой стороны — формы на -ée, где акцент переместился на тот элемент сочетания, где он стоял в *ie* < ē: *tiene*.⁵ Такой акцент был господствующим в XIII в.; в Толедо эти формы существовали еще в XVI в.⁶ Но с XIV в. они начинают решительно уступать место новым, с -ia, сложившимся под влиянием I спр., которые еще в том же столетии получили широкое распространение.⁷ Формы с *ie* считались в эту пору, повидимому, неприемлемыми в более культурных кругах. Уцелевшие в языке широких масс, они употребляются в XVI в. как вулгаризм в комическом театре.

2 л. мн. ч. в перфекте имело формы *amastes*, *temiestes*, *partiestes*. Окончание это держалось до XVII в. Еще Кальдерон пользуется формами на -tes, и не сразу переходит на современные с -teis. Однако, стремление связать одиноко стоящее -tes с аналогичными окончаниями наметилось

¹ „Cantar de Mio Cid“, изд. Menéndez Pidal, строфа 157.

² Там же строфа 154.

³ Ср. *audībat* у Овидия и Катулла.

⁴ Ср. *mie* < *me a*.

⁵ Формы с *ie* подтверждаются рифмами.

⁶ Menéndez Pidal. *Manual*,⁵ § 117.

⁷ Ha n s s e n, ук. соч. 79.

уже рано, и на этой почве выросли формы *amassedes*, созданные по аналогии с формами на *-assedes*, *-iessedes* и *-ades*, *-edes*, или формы типа *amasteis* по аналогии с *amáis*, *teméis*, *partis*. Первые не прошли; жизнеспособными оказались *amasteis*, *vendisteis*, *partisteis*, но они не являлись еще нормой для Сервантеса. Формы *amastes* и т. п. повлияли, в свою очередь, на формы 2 л. ед. ч., оканчивавшиеся в старую пору на согласный (*amast* или *amest*, *partist*) и превратили их в *amaste*, *-este*, *-iste*.

Окончание 2 л. мн. ч. *-tis*, исп. *-des* (соврем. *-is*) сохраняло свое *d* в XIII в.: *amades*, *partides*, в имперфекте *amábades*, *partiedes* и также в сослагательном плюсквамперфекта: *amássedes*, *partiéssedes*. В XV в. парокситональные формы стали терять свое *-d*, пропарокситональные же сохраняли его, и так до XVII в. Рядом с *amáis* и *decís* у Сервантеса и Лопе де Вега живут *amábades* и *hubiéssedes*.¹

В области словаря продолжается усвоение латинских терминов по мере того как растет потребность в словах ученого порядка, в которых испанский ощущал недостаток. Наплыв этих слов становится значительнее с ростом интереса к итальянской гуманистической литературе. В этой связи и удобнее говорить о латинизмах, которых мы коснемся, поэтому, когда будем характеризовать первый этап „испанского“ периода истории кастильского языка.

Параллельно идет вымирание ряда французских и старых местных романских слов. О французских мы говорили выше. Что же касается последних, то и здесь можно отметить процесс исчезновения ряда элементов. Часть их имеет чисто лексическое значение. Так, старое *cras* 'завтра' уступило свое место *mañana* (<**ma ne a na* 'утро'), являющемуся одновременно и существительным в значении „утро“ и наречием (рядом со сложным *de* или *por la mañana*). То же *mañana* вытеснило и *mane* в значении „утро“, известное многим частям Романии.² Старое выражение *otro día* 'на следующий день' стало также менее употребительным и сменилось тем же *mañana*. Постепенно начал отмирать ряд старых наречий, вроде: *amidos* 'неохотно' <*invitus*; ³ *abés* 'едва' <*ad vix*; ⁴ *fueras* 'вне', 'кроме' <*fōras*; *après* 'после' (вероятно из провансальского) <*ad pressum*; *nunquas* 'никогда'; *certas* 'конечно'; *sines* 'самопроизвольно'; ⁵ *aosadas* = *á. o.* 'смело' (где конечное *-s* адвербиальный придалок); *agora* 'теперь' <*hāc hōra* было вытеснено *agora* соврем. *ahora*, т. е. *ad hora*. В ст.-испанском наречия образовывались иногда с помощью germ. *wīsa*, исп. *guisa*: *que fazié fiere guisa grant mal*; ⁶ с помощью *cosa*: *nulla cosa*; *fiera cosa*.⁷ Наречия с *guisa* и *cosa* постепенно вышли из употребления, вытесненные аналогичными романскими образованиями на *-mente*: *fieramente*, *falsamente*. Старое *ansí* 'так'⁸ уступило место параллельному *así*; отмерли и *alguandre* 'когда-то'⁹ <*aliquando*, *pues* <*post* в значении 'после этого, позже' (*nin pues*, *nin ante*);¹⁰ *eston* 'тогда'

¹ Menéndez Pidal. Manual⁵, § 107.

² Рум. *mîine*, ст.-ит. *mane*, р.-ром. *maun*, ст.-фр. *main*, пров. *ma* в значении „утро“ и „завтра“.

³ Ср. ст.-ит. *invio*, ст.-фр. *a envis*.

⁴ Рум. *abea*.

⁵ В последних трех конечное *-s* по аналогии с *más*, *menos* и другими наречиями.

⁶ „El libro de Alix“, изд. Morel-Fatio, 511; арагонская версия.

⁷ „Cid“, 2202, 2310.

⁸ Может быть, контаминация ессе *sic* или *ac sic*, встречающихся часто в „Peregrinatio Aetherae“, с *in sic*, засвидетельствованным в сев. Италии. Но, может быть, это — неясное **anque* (ср. ит. *anche*, рум. *încă*, франц. *ains*, пров. *anc*, галис. и астур. *anque*) + *sic*. См. REW³, no. 488.

⁹ В отрицательных предложениях.

¹⁰ Атонная его форма *pos* сохраняется только в выражениях *en pos*, *en pos de* 'затем, после, за'.

<extunc, *estonce* < *extūnce* (ср. *entonces*), *enantes* 'раньше' (теперь вульгаризм), *acerca* 'близ', *ayso* 'вниз, внизу' (ср. *de dios en ayso* = *icibas* 'здесь на земле'), *desuso* 'вверх, вверху', *dende* 'оттуда' < *de inde*, *arriedro* 'вспять' < *ad retro*, *i* 'там' < *ibi*, *end(e) en* 'оттуда' < *inde*, *o* 'где' < *ubi*,¹ *onde*, *on* 'откуда' < *unde*, *prob* 'вблизи' < *prope* (*prob de Burgos*).

Последнее обращает нас к предлогам. Постепенно начали отмирать *cuentra* < *contra*, давшее и *contra*; *escuentra*,² *escontra* < *ex contra*; *segu(ond)* 'согласно, по' < *secundum* (соврем. *según*). Старое, господствующее еще в „Сиде“ и у Берсео *pora* 'для' < *pro ad* превратилось в *para*, которое обычно в Толедо и в Леоне;³ *so* < *sub*, которое продолжает сохраняться, главным образом, в готовых формулах, как *so pretexto*; *faza*, т. е. **faze a* (*facie ad*) 'лицом к', превратилось в *hacia*, как старое *cara a*, в том же значении, — в диалектич. *carria* по типу *hacia*;⁴ исчезли как предлоги *despues* и *empos*.⁵ Вместе с ним нарождаются новые, как *bajo* 'под' (**b a s s u m*), *bajo de*, *desde* < *de ex de*, обозначающий исходную точку в пространстве или времени; *cabo* < **ca-rit* или *cabe* < *cab + e*, как *noch* — *noche*; это *cabo* имело значение „у“, „при“: *cabo essa villa* („Сид“, 56). Форма *cabe* продержалась до XVI в. Предлог этот широко распространен в каталанском. В связи с новыми потребностями мысли, ее уточнением и углублением нарождается множество сложных предлогов, вроде *ante de*, *encima de*, *pormedio*, *entorno*.

Другие частицы несут функцию связи. Таков союз *y* < *et*. В ст.-испанском он превратился в *e*. Однако, сталкиваясь со следующим *e*, он становился *u*, и комбинация *e + elo*, обратившаяся в *u + elo*, воспринималась как *ue + lo*. Отсюда союз и стал выражаться частичкой *ue*, и даже *ya* (в зап. Астурии, где, как известно, *ie* и *ia* чередовались). В таких комбинациях, как *el uno ge el otro*, это *ge*, сливаясь со следующими *el*, осмысливалось как *y* (*y el*), а затем обобщалось, что и случилось в ново-кастильском. Старое *e* удержалось только перед словами, начинающимися с *i-*, *hi-*: *pa re e hijo*, *Galias é Iberia*, и так до настоящего времени. Лат. *ne* превратилось в *nen*, *nin* (с аналогическим *n* из *non*), которое затем сменило *ni*; *ca* 'что' < *qu(i)a*, как на то указывает его обычное значение: „non se abre la puerta, ca bien ira cerrada“ („Сид“, 39),⁶ вытеснило *que*; *maguer* 'несмотря на' (неясного происхождения), *aunque*. На ряду с традиционными старыми латинскими союзами стали формироваться новые, сложные, вроде *ya que*, *antes que* и многие другие, выражавшие оттенки, которых не могло дать доминировавшее некогда *que*, когда в связи с ростом потребности в нюансировке мысли стало развиваться сложное предложение.

Новым уступали место и старые, давно сложившиеся, готовые обороты-формулы, не отвечавшие более потребностям мысли и, следовательно, новой образности старых социальных групп, либо внесенные иными социальными слоями, речь которых начала оказывать влия-

¹ Исчезает в XIV в.; в поэтическом языке, однако, держится *do* 'там' < *de ubi*.

² Рядом с которым существовало и *escuentra* с *a* в слове под ударением под влиянием кочечного -*a*. Напр. в „Cron. gener.“, изд. Menéndez Pidal: „cajos por la ribera de la mar esquanira parte d'orient“ (цит. у Hanssen, ук. соч., 238).

³ В последнем, впрочем, рядом с *para*.

⁴ Menéndez Pidal. Manual⁵, § 129.

⁵ Напр.: *despues fecho todo aquesto* („Libro de los fechos et conquistas de Morea“ Хуана Фернандеса де Эредиа, изд. Морель-Фасью, § 152; цит. у Hanssen, ук. соч., 238; *en pos ty* у Хуана Руис („Libro de buen amor“, изд. Ducamin, 1473, цит. у Hanssen, там же).

⁶ Но, может быть, в нем имеются и остатки *quam* и *qua*. (Ср. Hanssen, ук. соч., 213).

ние, либо, наконец, — иными производственными отношениями. Так старый глагол *catar* 'смотреть, наблюдать, исследовать', отвечавший лат. *captare* (к *capere*, как *cantare* к *capere*), т. е. 'схватывать' или 'стремиться схватить что-либо',¹ вытеснил *mirar* 'воззриться во что-либо', 'смотреть на что-нибудь с изумлением'. Родиной последнего является, может быть, военный или охотничий язык. Старое *cuidar* 'думать', 'предполагать', 'заботиться', лат. *cogitare* (< *conagitare*). сменилось *pensar* (лат. *pensare* к *pendere*), с семантикой которого на полуострове связаны некоторые технические детали скотоводства. Иногда, наоборот, более книжный термин восторжествовал над более конкретным старым. Так, широко развилось употребление *volver*, вытеснившее *tornar*, между прочим в формулах вроде *volver á ver* 'снова видеть', *volver á decir* 'снова говорить, повторять'. Старый оборот *haber* с неопред. накл. заменил постепенно новый *haber á*: у Хуана Мануэля, напр., *pues que á yr se avían* 'так как им надлежало идти'.² Так появились и *deber á*, *ser á*: *los qui son et qui son á venir* 'которые есть и которые будут'.

В области синтаксиса следует отметить расширение круга пользования неопределенным членом. В ст.-испанском мы не встречаем его во многих случаях, где позже он становится обязательным: *fizole dende carta* 'он составил (или приказал составить) ему по этому поводу грамоту'; *semejás te omne bueno* 'ты кажешься мне хорошим человеком'. Характерное для современного испанского прямое дополнение с предлож. *á*, если дополнение не выражает вещи, не было столь обязательной его формой в старом языке. У Берсео: *por espantar la dueña* 'чтобы напугать женщину' рядом с *por espantar á ella* 'чтобы напугать ее'.³ И теперь еще можно обходиться без него в некоторых готовых формулах, как напр. *hay personas* 'есть лица'; ср. также *tener hijos* и т. п. Оборот с *á* знаком и старому галисийско-португальскому, но там к нему прибегали менее часто. Большую роль играет одушевленность объекта. Любопытно, что *á* опускается при глаголах, которые чаще всего употребляются с объектом-вещью, как напр. *perder* и др. При местоименных объектах возможны колебания. Тем не менее форма с *á* несомненно старая и связана с представлением об объекте не как о предмете, безразличном в отношении к направленному на него действию, а переживающем его либо как для себя полезное, либо вредное, т. е. этически. — Партитивный объект встречается в ст.-испанском, но не часто: *dandos del agua* ('Сид', 2798) или без члена: *dió les de oro e de plata* 'дал им золота и серебра'.⁴ К XVI в. подобные обороты вымерли. — Существительное *homo*, *omne*, как и во французском (*on*), могло функционировать с ослабленным значением и как местоимение. На пороге к этому *omne* стоит в таком выражении, напр., как *oto que mucho fabla feze menes á vezes* 'кто много говорит, иногда мало делает'.⁵ Еще дальше в направлении местоимения идет *omne*, в следующих выражениях: *viene a omne algun embargo* 'с каждым случается некоторая неприятность' или *fuera de las ruas vive omne mejor* 'вне улицы живет лучше'.⁶ В связи с этим отметим переход на новую функцию наречий *ibi* и *inde*, *y* и *end*, *ende*, *en*, *in*, обозначавших первоначально 'там, туда и оттуда'. Уже в ранних

¹ Широко распространенный в Румании: рум. *căta* 'смотреть за чем-нибудь', 'заботиться', итал. *cattare* 'добывать' (в диал. — 'искать', 'находить'). Ср. **accaptare* и его отражения, вроде фр. *acheter*, пров. *acaptar* и др.

² "Conde Lucanor", цит. у Hanssen, ук. соч., 225.

³ В "Vida de santo Domingo de Silos" (стихи 51 и 58). Zauener, ук. соч., 145, 146.

⁴ "Crón. gener." у Hanssen ук. соч. 223.

⁵ Juan Ruiz. Libro de buen amor, 102.

⁶ Zauener, ук. соч., 117.

памятниках мы встречаем их в смысле местоимений. Так в „Сиде“ мы находим *poco mi-n cal* 'это мало меня беспокоит' (2357), у Берсео¹ — *á ti no te in-cala* 'тебя это не тревожит'; в „Сиде“: *que non y fincás ninguno* 'чтобы из этого (них) не осталось такого' (2709) или у Берсео: *que nada non end prendas* 'чтобы ты ничего из того не брал'². Или: *con gran jura meted y las fes amos* 'великой клятвой подтвердите это оба' („Сид“) 120); *fuésse pora la yglesia et conto amas las visiones á sant Sinio que era ende obispo* 'он вышел из церкви и рассказал оба видения св. Синию, который был там (в ней) епископом'.² Подобное пользование обоими наречиями начинает выходить из употребления в более позднюю пору. — Обращаясь к глаголу, следует отметить часто встречающееся в ст.-испанском недостаточно четкое различие временных оттенков; поэтому имперфект, напр., часто несет функцию плюсквамперфекта: *pusieronle el nombre que avie en abuelo* 'дали ему имя, которое носил его [умерший] дед'; то же самое случается с перфектом: *omne de tal medida dizian que non vidieron*, 'они говорили, что такого человека никогда не видывали'.³ С аналогичными фактами встречаемся мы и в ст.-французском. Плюсквамперфект имеет обычно значение предпрошедшего, т. е. обозначает прошедшее действие, закончившееся ранее другого прошедшего: *dizia que muerta fuera*. Но оно встречается и в роли прошедшего вообще. У Берсео: „*non dormiera la noche* 'она не спала ночь'.⁴ В XV в. оно употребляется и вместо имперфекта и исторического прошедшего, претерита (*definido*), как это бывало и в латыни, ст.-французском и ст.-итальянском.⁵ В испанском форма на *-ta* получает рано значение, главным образом, сослагательного имперфекта или условного: *per poco le oviera la cabeça cortada* 'он чуть было не отрубил ему головы'. Условное опять-таки продолжает латинский порядок вещей: *si habuisset, dederat* — *si oviesse, diera* и находит себе аналогию в провансальском и отчасти в итальянском (особенно в некоторых южных диалектах). Временная окраска *si ovierse, diera* в ст.-испанском — прошедшее. Напр. у Берсео: *si á Millan crouiessen, fizieran muy mejor* 'если бы они поверили Эмильяну, они поступили бы лучше';⁶ это ирреальное условие, выражаемое в латинском обычно с помощью сослагательного имперфекта или плюсквамперфекта. Для выражения нереального условия в настоящем в ст.-испанском обычна формула с будущим прошедшего = условным; следовательно *si oviesse, daría*. В XIV в. приведенная выше формула начинает выражать условие и в плоскости настоящего времени.

Превращение кастильского в основной язык письменности, естественно, поставило на очередь вопрос о его упорядочении, о придании известного единообразия его грамматике и написанию. Несмотря на уже значительно разросшуюся к концу XV в. литературу и на стабилизацию важнейших очертаний языка, в нем было еще немало неустойчивого, немало колебаний и произвола, наследия эпохи феодальной раздробленности. На пороге XVI в. перед испанцами возникает задача преобразования прежде всего своего письменного языка, превращение его в нечто подобное итальянскому или классической латыни. Латынь и итальянский являлись отправной точкой: латынь потому, что она занимала издавна

¹ „Vida de s. Domingo de Silos“, изд. Fitz-Gerald, Париж, 1904, 693.

² „Crón. gener.“, цит. у Hanssen, ук. соч., 197.

³ Zauner, ук. соч., 118.

⁴ Hanssen, ук. соч., 98.

⁵ C. H. Grandgent. Vulg. latin, 55.

⁶ „S. Millan“, 288; цит. у Hanssen, ук. соч., 108.

руководящее место, была письменным языком *par excellence*; итальянский потому, что из всех вульгарных языков он был единственным, который занимал привилегированное положение. Все это те же самые вопросы, которые возникали и перед французами; но в Испании они были подняты несколько ранее. И как для французов, так и для испанцев их *volgare illustre* должно было следовать примеру итальянского.

Первыми обратившимися к изучению кастильского на основе итальянских идей и устранению его недостатков были гуманисты, работавшие в области древних языков. Историк Алонсо де Паленсиа составил в 1490 г. „*Universal vocabulario en latin y romance*“, латинско-кастильский словарь с кастильскими этимологиями. Другому филологу-гуманисту, андалусийцу Антонио де Небриха, принадлежит помимо упоминавшегося нами уже кастильского словаря с латинским объяснением слов первая кастильская грамматика, „*Gramática sobre la lengua castellana*“ (1492), явившаяся отправной точкой для подобных работ последующего времени.¹ Небриха же является и автором первой кастильской орфографии, „*Reglas de orthographia*“.

Вопрос о написании стал перед обращавшимися к народному языку уже давно. Попытки разрешить его были сделаны впервые еще в пору самых ранних вульгарных памятников, связанных с Онья как древнейшим центром вульгарной письменности. В орфографии этой эпохи еще много жестроты, неясности, вытекавших из известной беспомощности воспроизвести тот или иной звук. С XII в. орфография становится уже более устойчивой, чему немало способствовала толедская канцелярия, орфографическая практика которой широко распространилась вместе с выходившими из административного центра официальными документами, равно как и уже ставшая на ноги кастильская литература. К концу XIII в. кастильская фонетика приобретает известную четкость, и последующие сдвиги в ней уже не так часты. К этой поре сложилась и орфография кастильского, в основе своей фонетическая. Она продержалась в таком виде до начала XVI в.

Между тем за два столетия в фонетике успели произойти некоторые изменения; так *h* < *f* сделалось общераспространенным. Стал, следовательно, вопрос о ликвидации расхождения между написанием и произношением. „Правила“ Небрихи ставят себе задачей восстановить нарушенное равновесие, сделать орфографию более современной, отразив фонетические изменения, происшедшие за два последних века. Но работа его, вышедшая в свет в 1517 г., начала стареть в некоторых своих частях. К концу XVI в. начальное *h*-, напр., исчезнувшее еще ранее в произношении Старой Кастилии, перестало произноситься и в других центральных областях полуострова.² Таким образом пересмотр орфографии был неизбежен. Начались индивидуальные попытки ее обновления: Эррера избегал писать *h*- и старался сблизить написание с произношением; он вносил и поправки технического характера. Вопросами правописания интересовался и Хуан де Вальдес, производивший, между прочим этимологические разыскания в области испанского. Но все эти попытки оставались единичными опытами орфографических исправлений, а большинство держалось устаревшей традиции, подобно тому как в XV в. держались также успевшей уже устареть традиции XIII в. Реформы

¹ В Мюнхенской Государственной библиотеке (cod. hisp., 63) имеется латинская грамматика с каталанскими примерами, частично изданная Саройанди (Roman. Forsch., XXIII, 241). Саройанди считает ее старше грамматики Небрихи.

² Для андалусца Небрихи *h*- еще гортанный звук: „*nosotros la pronunciamos hiriendo en la garganta*“.

орфографии, как мы увидим ниже, испанцам пришлось ждать вновь целых два столетия.

Предыдущие страницы были посвящены характеристике условий языкового развития Испании от начала арабского владычества до начала образования единого национального государства, т. е. в период от VIII до XVI в., а также результатов этого развития. Мы видели, что лингвистический процесс разворачивается в тесной связи с политическим. Все усиливающееся в арабской Испании преобладание диссоциирующих тенденций в сочетании с рядом других особенностей социально-политического строя этой части полуострова сказалось на характерных чертах мосарабского и его судьбе. Тенденции эти имелись и на севере, но здесь они в значительной мере парализовались действием ассоциирующих сил, приобретших особый вес после победы при Лас Навас де Толоса (1212), решившей участь мавров в Испании по существу. В итоге, как мы знаем, Леон сливается с Кастильей в единое политическое целое в 1230 г., а в 1479 г. процесс этот заканчивается объединением Кастильи и Арагона. Поскольку Кастилья играла за последние два с лишним века руководящую политическую роль в стране, это было ее триумфом. Параллельный процесс развивается в области языка. За время реконкисты основные разновидности романской речи христианской части полуострова индивидуализируются и приобретают значение письменных языков. В ряду их выдвигается кастильский, обязанный своим продвижением первоначально политическому влиянию Кастильи и лишь постепенно, и главным образом в XIV и XV вв., приобретший литературный вес. Так получает он незаметно всеобщее признание как язык письменности, а затем и как язык национальный, ибо объединение Кастильи и Арагона является началом образования испанской нации.

Эпоха „католических государей“ имеет огромное значение в истории Испании. Она разрешила прежде всего вопрос, давно поставленный последней и живо интересовавший большинство населения, а именно — вопрос о ликвидации феодального строя, насилий и произвола знати, так широко развернувшихся при Хуане II (1407—1454), Генрихе IV „Бессильном“ (1454—1474) кастильских и Альфонсе V (1416—1458), Хуане II (1458—1479) арагонских. Был отменен ряд законов, вырванных в свою пользу аристократией у слабых предшественников Фердинанда и Изабеллы. С помощью различных приемов „католические государи“ старались подорвать политическую и военную мощь феодалов, когда нужно, направляя против них ополчение св. хермандады, т. е. объединения городских организаций, хермандад, задачей которых была борьба со знатью, срывая до основания замки, являвшиеся опорными точками и базой их бесчинств и насилий, и запрещая возводить новые, не разрешая феодальным сеньерам чеканить монету. Все усилия Фердинанда и Изабеллы были направлены к тому, чтобы снять их с мест и привлечь ко двору, превратить в придворных, связать их службой за плату, что имелось в виду, напр., при создании королевской гвардии. Военные ордена, которые находились до той поры в руках аристократии, поступили теперь в непосредственное ведение короны. Был значительно расширен административный аппарат, пополнявшийся по преимуществу представителями третьего сословия. Всюду назначались в целях контроля и руководства управлением королевские агенты, коррехидоры, веедоры де куэнтас. Поддерживая города, бывшие их союзниками в борьбе с феодалами, „католические государи“ часто замещали, однако, выборные должности городских советников лицами по своему назначению, как это

было, напр., в Барселоне (1940), изменяли положение об органах городской власти в пользу влияния центральной.

Королевская власть одновременно стремилась подчинить себе и церковь, и с этой целью духовником королевы, кардиналом Сизнерос, был проведен ряд реформ, теснее связывавших духовную власть со светской.

В связи с произволом знати большие тревоги вызывал вопрос крестьянский. В законе не существовало точных указаний относительно положения полузависимого крестьянства; с другой стороны, практика была полна случаев совершенно нетерпимых злоупотреблений крупных землевладельцев, на которые в кортесы поступали многочисленные жалобы. В виду этого в Кастилье был издан в 1480 г. закон, согласно которому крестьянин получал право оставлять землю, на которой сидел, и увозить с собой при этом свое движимое имущество, урожай и уводить стадо. Для Каталонии, где крестьянский вопрос стоял гораздо острее и где в 80-х годах вспыхнуло грандиозное восстание *pageses de remensa*, т. е. крестьян-выкупников, подавленное с большим трудом, были опубликованы особые (так наз. гвадалупские) „сентенции“, освобождавшие крестьян от ряда тяжелых и неприемлемых по существу повинностей („дурных обычаев“, *malos usos*), подтверждавших их право на выкуп и разрешавших оставлять своего сеньера.

В то же время происходило территориальное объединение Испании. В 1492 г. у мавров были отвоеваны их последние владения в Испании — Гранада, формально присоединенная к Кастилье.

В 1493 г. Фердинанд отнимает у Франции каталанские области Руссильон и Сердань; в 1504 г. Неаполь окончательно достается Испании, а в 1512 г. к ней присоединяется заpireнейская (Верхняя) Наварра.

Так организовалось постепенно новое единое испанское государство под руководством власти, руководящим принципом которой был абсолютизм. Испания складывалась в национальную абсолютную монархию, т. е. вступала в ту фазу своего исторического развития, в которую вступала в то же время, между прочим, и Франция. Аналогия здесь, несомненно, на лицо; но расхождения настолько велики, что еще Маркс заметил, что перед нами „лишь чисто внешнее сходство“.¹ И вот в этом-то несхождении положения вещей и лежит причина своеобразных лингвистических отношений в Испании.

По словам Маркса, „абсолютная монархия нашла в Испании материал, по самой своей природе не поддающийся централизации“, и со своей стороны „сделала все, от нее зависящее, с целью не допустить роста общих интересов, возникающих из национального разделения труда и многообразия внутреннего обмена, которые и являются подлинным фундаментом для единой системы администрации и господства общего закона“.² Таким образом испанский абсолютизм приобрел совершенно особый облик, и черты этого облика обозначились уже при самом его зарождении.

Стремясь подчинить себе знать и обессилить ее, „католические государи“ в то же время делают ей огромные земельные пожалования, санкционируют в 1505 г. систему майората, приводившую к накоплению в руках крупной знати огромных латифундий, тем самым укрепляя ее экономическую мощь. Ряд реформ направлен к укреплению королевской власти в церкви, которая, впрочем, давно уже поддерживала ее; но

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., X, 722 = Революция в Испании. Партиздат. 1937, 8.

² Там же.

в то же время светская власть иногда настолько далеко идет в своей поддержке церковной, что оказывается в плену у последней. Так было в области церковной и национальной политики, которая в конце концов нанесла огромные материальные убытки государственному хозяйству, и прежде всего Кастилье.

В эпоху феодальной анархии и нравственного одичания церковь вела усиленную пропаганду нетерпимости, стараясь использовать некультурность низших слоев населения. Жертвой агитации стали в первую очередь евреи, до сих пор спокойно существовавшие бок-о-бок с христианским населением. Правительство поддержало травлю, и между 1483 и 1486 гг. было издано распоряжение об изгнании их из Андалусии и Арагона. Так как распоряжение все же не приводилось в исполнение, то оно было возобновлено в 1492 г., причем евреи должны были либо креститься, либо покинуть Испанию в течение 4-х месяцев. Число высланных в эту пору в различные страны Европы и северной Африки историки определяют цифрами от 200 до 500 тысяч.

За евреями наступила очередь мусульман. Условия капитуляции Гранады обеспечивали им свободу вероисповедания. Но в 1502 г. порядок этот был отменен, и в Кастилье и Леоне им было предложено креститься или покинуть пределы Испании. Распоряжение это вызвало крупное возбуждение в различных областях государства, тем не менее оно было осуществлено, и Испания лишилась, таким образом, большого количества ценных работников и специалистов, а обращенные насильно мудахары (мориски) явились на будущее время только источником беспокойства для власти, не доверявшей им и в одинаковой мере подозрительно относившейся к инаковерным, как и иноплеменникам в составе своих подданных.

За исключением аристократии, тяжелая уравнивающая рука абсолютизма прошла по всему испанскому обществу. Бывшие союзники королевской власти, горожане, были поставлены на свое место. Мы говорили уже выше о коррехидорах и о замене выборных городских властей назначенными, об изменениях и самом строе городского управления. Правительство признавало только аристократизировавшуюся верхушку третьего сословия. Реформа барселонского Совета сводилась к насаждению в нем плутократии. Средние и низшие слои горожан понесли и крупные экономические потери. Администрация была дорогой, тяжеловесной и зачастую подкупной. Промышленность, торговля находились под опекой, строго, а главное, мелочно регламентировались и были обременены налогами. Изгнание евреев и мавров тяжело, ударило по испанской экономике. В ущерб мелкому производителю правительство поддерживало в некоторых областях производства крупного предпринимателя. Так было, напр., в области тонкорунного овцеводства, которым славилась Испания. В привилегированном положении в этой области находилась только „Мэста“, объединение крупных скотоводов, в жертву которым приносилось все остальное; а между тем членами Месты были владельцы крупнейших стад мериносов и одновременно огромных имений, т. е. та же аристократия.

От ориентации на последнюю страдал, естественно, и крестьянин. Цитированные выше кастильские законы 1480 г. на деле не исполнялись. Возможность пользоваться правами, данными крестьянину-ременсу гвадалупскими сентенциями, была обусловлена предварительной ликвидацией его задолженности сеньеру и, следовательно, очень часто практического значения не имела.

Для легального протеста и борьбы не было необходимой арены: кортесы почти не собирались; из них были удалены все критически

настроенные элементы, не исключая дворянских. Возобновленная в 1477 г. инквизиция жестоко расправлялась не только с врагами церкви, но и светской власти.

Испанский абсолютизм был скорее деспотией, особенно если учесть его административную методику, и Маркс совершенно прав, говоря, что испанская монархия должна быть приравнена скорее к азиатским формам правления.¹

В условиях отсутствия настоящей централизации было естественно, что власть не смогла преодолеть традиционных центробежных стремлений в стране. Да она и беспокоилась о них только тогда, когда они непосредственно затрагивали ее интересы. „При всем своем деспотизме — говорит Маркс — правительство не помешало провинциям сохранить их различные законы и обычаи, различные монеты, военные знамена разнообразных цветов и особые системы налогового обложения“.² Больше того: в данной обстановке центробежные стремления, имевшие многовековую давность, получили новые питательные соки и начинали расти. Ориентация центральной власти на такие по природе своей центробежные силы, как крупные феодалы, светские и духовные, была в корне ошибочной, и дальнейшая история Испании XVI и XVII вв. ошибку эту вскрыла полностью.

В таких условиях центробежность была не только необходимостью, но и единственной возможностью какой-то деятельности. Маленькое отечество оказывалось дороже большого, и люди готовы были крепко охранять его от всяких посягательств.

После всего сказанного нам становятся ясными и некоторые основные черты языкового развития Испании. Эпоха от середины XIII до конца XV в. превратила кастильский в испанский; она заложила фундамент национального испанского языка. Но процесс создания и распространения национальной нормы шел очень медленно. Диалекты оказались живучими, тем более самостоятельные языки, как баскский или каталанский. Необычайно медленным темпом протекало и образование испанской национальности.

И еще одна характерная черта социального развития, ценная для лингвиста. В итоге абсолютистской политики страна очутилась фактически в руках людей, совершенно бесполезных для жизни государства. Его деятельные созидательные элементы были выброшены за борт. „...в Испании — говорит Маркс — аристократия приходила в упадок, не потеряв своих самых вредных привилегий, а города утратили свою средневековую мощь, не получив современного значения“.³ Такое неестественное распределение ролей обостряло классовую борьбу, углубляло классовые противоречия. В области языка это углубляло социальные оттенки речи, социальные диалекты, о которых нам еще не приходилось до сих пор упоминать. В письменных памятниках они находят себе отражение несколько позднее, в силу чего у нас и не было повода обращаться к ним. Мы коснемся их позднее, в иной связи.

7

Таким образом новое национальное государство носило в себе зародыши глубоких противоречий, которые рано или поздно должны были неизбежно развиваться и определить его дальнейшую судьбу. Но на раннем этапе государство это еще имело возможность сохранять

¹ К. Маркс. Соч., X, 722 = Рев. в Исп., 8.

² К. Маркс. Соч., X, 722 = Рев. в Исп., 9.

³ К. Маркс. Соч., X, 721 = Рев. в Исп., 8.

более или менее устойчивое равновесие и даже больше того: создавать иллюзию силы и могущества и как будто справляться с теми коварными задачами, которые ставила перед ним история.

В год взятия Гранады, последнего оплота арабов (1492), была открыта Америка. В истории Испании событие это явилось некоторой неожиданностью, так как в поисках новых путей в Индию были заинтересованы, главным образом, итальянцы, которых утверждение турок в восточной половине бассейна Средиземного моря отрезывало от Азии. Не случайным, поэтому, является тот факт, что Колумб был генуэзцем, а Америго Веспуччи флорентийцем. Но Испания не могла, конечно, отказаться от такого подарка судьбы и вынуждена была занять новое место на исторической сцене. Оно было блестящим. Молодая национальная монархия становилась крупнейшей колониальной державой.

В 1516 г. на испанском престоле очутился Карл I, сын Хуаны Безумной (дочери Изабеллы и Фердинанда) и Филиппа Красивого (сына императора Максимилиана). В 1519 г. Карл I избирается германским императором и превращается в Карла V. Испания становится, таким образом, частью огромного государства и тем самым не только богатейшей колониальной, но и великой мировой державой. Это новый этап ее истории, грандиозный по размаху событий, по блеску и значению роли, которую она играла, и по влиянию, которое она имела в Европе. Еще не успевшая окончательно сложиться нация, молодое едва объединенное государство, оказывается лицом к лицу перед грандиознейшими историческими проблемами, одна другой сложнее, которые требовали величайшей концентрации сил страны, выдержки, расчета и колоссальных средств. Но они вызывали в то же время огромный подъем, так как действовали увлекающим, почти опьяняющим образом, когда участвующим в таком колоссальном движении не до мелочей, когда все увлечено потоком событий и не имеет возможности осмотреться, когда новые идеи и отношения действуют настолько захватывающе и возбуждающе, а фантастика происходящего вокруг так велика, что никому не приходит в голову подумать о грозящей от всего этого опасности. Настал так наз. „золотой век“ Испании, когда веками накапливавшаяся творческая энергия испанского народа нашла себе, наконец, выход и создала блестящие памятники испанской культуры, науки, искусства, литературы, поэзии.

XVI в. и первые десятилетия XVII в. — эпоха испанского Ренессанса, развернувшегося во всю ширь и давшего ряд блестящих деятелей на самых разнообразных поприщах культурного творчества.

Первая половина XV в. является как бы прологом испанского Возрождения, в котором традиционное переплетается с новым, притом часто воспринятым на старый лад. Огромной популярностью пользуется еще лирика провансальско-галисийского типа, возродившаяся после длительного перерыва в кругах феодально-куртуазных, переживавших кульминационный момент своих успехов и значения накануне эпохи „католических королей“, нанесшей феодальной знати чувствительный удар. На ряду с этой полудилетантской литературой аристократии заметно растет литература, складывающаяся под влиянием итальянской, но по своим дидактическим предилекциям примыкающая к традиционной аллегорической дидактике и идеологически обслуживающая преимущественно городские буржуазные группы.

Со второй половины века картина меняется. Литература времени Генриха IV, ее сатира, серьезная лирика, исторические работы и т. п. свидетельствуют о стремлении критически переоценить господствовавшие до той поры воззрения, перестроить старое мирозерцание. Пролог

развернулся незаметно в новую главу истории испанской мысли и литературы, отвечающую и новой главе политической и социально-экономической истории Испании, о которой мы только что говорили. В рамках объединенного арагоно-кастильского государства складывается новая наука, гуманистическая, опирающаяся на строжайшую критику авторитетов, новая мораль доверия к человеку и принятия жизни, новое искусство, изображающее жизнь в реальном, а не аллегорическом плане. Опорными точками этого движения являются античное наследие и современная итальянская литература. На итальянском Ренессансе и на Эразме воспитываются крупнейшие умы испанского Возрождения, как Луис Вивес, на античной и итальянской поэзии — такие представители XVI в., как Хуан Боскан (ум. 1542), воспитатель печальной памяти герцога Альбы, посредственный, но трудолюбивый и образованный поэт, поклонник Петрарки, Б. Тассо и П. Бембо. Во второй половине XVI в. итальянские симпатии перестали быть достоянием тесных кружков любителей и аристократов. Они становятся широким литературным течением, наиболее яркими представителями которого являются севильская школа и Эрнандо де Эррера, „божественный Эррера“, как его называли испанцы (ум. 1597). В отношении науки, впрочем и в отношении поэзии, Испания несколько запоздала. Но зато, по словам Эразма, „классические штудии в Испании в короткое время достигли такого цветущего состояния, что должны не только возбуждать удивление, но и служить образцом для наиболее просвещенных народов Европы“. Поставленная в центре мировой жизни, и не одной только политической, Испания теперь уже не только учится, но и сама выступает в роли учителя. Начинается экспансия испанской литературы, отчасти науки, принимающая необычайно широкие размеры. Испанские ученые преподают в Париже, Кракове и в Ингольштадте. Итальянские и нидерландские печатники распространяют и популяризируют произведения испанских писателей; они держат для этой цели особых корректоров-испанцев. Испанцы становятся подвижны; их можно встретить повсюду в Европе.¹ Испанская литература развернула за это время, т. е. во вторую половину XVI и в начале XVII в., необычайно широкую и разнообразную программу; испанский театр приобретает мировую славу.

Но никакие успехи, триумфы, никакое блестящее положение не могли приостановить развитие указанных выше зародышей падения. Внутренние, подлинно живые, созидательные силы в государстве продолжали скудеть, а все то, что считалось силой, не могло ничего дать стране; оно могло только погубить ее и действительно вело к гибели. Наконец, все отрицательные стороны испанского абсолютизма достигли теперь своей кульминационной точки.

Драгоценные металлы и прежде всего золото, предмет главного экспорта из Америки, произвели губительнейшее действие на европейский рынок и, в силу подешевения их, привели к так наз. „революции цен“, т. е. повсеместному вздорожанию товаров. Не избежала этого и сама Испания, где этот процесс окончательно расшатывал положение производящих классов — крестьян, ремесленников и рабочих. Кроме того, вывоз драгоценных металлов в XVII в. по сравнению с XVI вырос в 12 раз. Промышленно отсталая Испания должна была многие товары приобретать за границей, и таким образом золото широким потоком уплывало из страны, не говоря уже о тех огромных утечках, которые являлись результатом бесконечных войн. Приобретение Америки оказалось, в ко-

¹ L. Pfandl. Spanische Literaturgeschichte, I, Берлин — Лейпциг, 1923, 55.

нечном счете, источником обеднения масс и обогащения небольшой кучки и без того достаточно богатых людей или авантюристов.

Связь с империей, а затем положение крупной мировой державы или затеи объединения под властью испанского короля всего Пиренейского полуострова вынуждали Испанию вести дорогие стоящие и, с точки зрения испанских интересов, совершенно бесполезные войны вроде похода Альбы в Португалию (1581) при Филиппе IV или посылки „великой армады“ (1588); руководители же испанской политики разоряли страну, так как для них она была только туго набитым золотым кошельком.

В то время как социальная верхушка богатела, город и деревня продолжали беднеть и терять свой удельный вес. Промышленность попрежнему падала. Города теряли остатки своих вольностей. Деревенское население бежало из деревень, превращаясь в нищих и бродяг (*picaros*). Впрочем бродяги рекрутировались из самых разнообразных социальных групп, пострадавших от режима, и бродяга стал настолько типичной общественной фигурой, что современная литература уделила ему особое внимание и создала характерную форму *novela picaresca* или „плутовского“ романа.

Попрежнему усердствовал верный страж испанского абсолютизма — инквизиция. На площадях пылали костры; по улицам и дорогам тянулись толпы изгнанников. В 1509—1510 гг. около полумиллиона морисков вынуждены были покинуть Испанию; в 1570 г. была учинена кровавая расправа над остатками их в Андалусии, довершенная затем трибуналом „святой инквизиции“.

Впрочем нелепость, эгоизм и произвол абсолютизма подымали на ноги и не одних только морисков. Против него восстала и городская масса так наз. коммун (*comuneros*), сперва в Кастилье (1520—1522), за которой последовали Валенсия (1522) и Майорка (1521—1524), где видную роль в движении играло и крестьянство. Систематический нажим правительства, периодически объявлявшего себя банкротом¹ и вечно нуждавшегося в деньгах, на окраины вынудил и последние взяться за оружие. 40-е годы XVII в. ознаменованы серьезным революционным движением в Каталонии и Руссильоне, отозвавшимся в Португалии, где только что (1637) была подавлена первая попытка восстания. Последующее движение окончилось победой повстанцев и принесло Португалии отделение от Испании (1641, окончательно в 1665 г.). К тем же годам относятся заговоры и движения в Андалусии (1641), Арагоне и Басконии (1631). Яркое демократическое восстание в итальянских владениях Испании, в Палермо (1647) и в Неаполе (1647).

Испания, владевшая обширнейшими территориями за океаном и в Средиземном море, кончила тем, что стала терять не только их, но и старинные испанские земли. По Пиренейскому миру (1659), которым закончилась ее борьба с Англией и Францией, она должна была уступить первой Ямайку, второй — кроме ряда фландрских городов, Артуа, Люксембурга и Сардинии, также каталанский Руссильон.

А между тем представители испанского абсолютизма вырождались и морально разлагались. Габсбурги XVII в. попадают в руки фаворитов, эксплуатировавших свое положение, окончательно дискредитировавших власть и, в свою очередь, выродившихся в беззастенчивых спекулянтов и наглых грабителей.

Испанское государство, истощавшее в течение почти двух веков родники живой социальной энергии, оказалось, в конце концов, мертвым,

¹ Что заставило одного из историков Испании назвать ее финансовую историю, со времени Филиппа II, „сплошным криком отчаянья“. См. G. Desdévise de Dèzert. L'Espagne de l'ancien régime. Париж, 1897—1899, II, 416.

бесславно окончив свои дни со смертью последнего Габсбурга, Карла II (1665—1700).

Таким образом Испания пережила ту катастрофу, которую можно было предвидеть еще в самом начале ее вступления в период абсолютизма. Единственно прочными приобретениями ее за это время были культурные ценности „золотого века“ и окрепшая потребность свободы, которая свидетельствовала о том, что в мертвом государстве не исчезли еще живые социальные силы. Эта свобода понималась обычно по-старому, по-средневековому, как это показало восстание кастильских городов. По мнению Маркса, сущность этого движения состояла „в защите вольностей средневековой Испании против современного абсолютизма“. Одной из основных причин неудачи движения был недостаток единства между отдельными провинциями, ибо каждая группа защищала свой фуэро и не подымалась до подлинно государственной точки зрения. Малое отечество, как и в старину, еще господствовало над большим.

Отсюда нам понятна жизнеспособность речи отдельных частей Испании, еще помнивших о своей бывшей обособленности. Испания занимает в этом отношении среднее место между Италией, страной необычайно живучего диалекта, и Францией, где он относительно рано начал превращаться в патуа. Но темп распространения молодой национальной нормы стал все же менее медленным. Причиной этого являлся печатный станок, сделавший кастильскую книгу более доступной и, следовательно, известной более широкому кругу читателей. Немалую роль играли и далекие походы, и долгие войны, путешествия и бродяжничество населения. Но одной из важнейших причин являлось, конечно, развитие просвещения и рост влияния современной литературы. В этом отношении заслуга Ренессанса, т. е. влияние культурных ценностей, созданных этой порой, очень велика.

Одновременно с распространением национальной и письменной нормы шла и ее организация. Норму эту только что начали усиленно культивировать, и в этом отношении язык и литература таких передовых стран Возрождения, как Италия, явились, естественно, образцом, на который ориентировались или которому подражали. Но сам образец не был еще вполне единообразен; отсюда расхождения и в испанском, который продолжает искать себя, как это делали и его итальянские учителя.

Мы можем без особого труда различить в испанском языке, как и в испанской литературе, три основных течения. Первые два объединяет идеал итальянского *cortegiano*, гуманистически образованного, полноценного человека, представителя нового дворянства, сложившегося в синьориях XV в. и обосновавшегося при дворах различных *principi*, местных государей. Кастильоне дал нам яркое изображение этого нового социального типа, характеризовав и его язык, послуживший образцом и для *estilo cortesano*, которым старался овладеть испанский придворный.

Наиболее верным учеником итальянцев в этом отношении является Эррера. Он стремился осуществить в испанской литературе заветы Петрарки и продолжить дело, столь успешно начатое в Испании безвременно погибшим блестящим рыцарем XVI в. Гарсиласо де ла Вега (ум. 1536), произведения которого он издает и комментирует (1580). На ряду с этим Эррера слагает свои песни, но в этих „*modos puevos y llenos de hermosura*“ поэт занят прежде всего формой, языком, его благозвучием, гибкостью, выразительностью, богатством его лексики. Он пользуется латынью, но берет из нее только то, что получило

одобрение итальянских мастеров слова. Он удачно испанизует латинский, греческий и итальянский лексические материалы, обогащая родной словарь, точнее поэтический язык, который, как ему казалось, был еще беден и недостаточно выразителен. Он тщательно избегает всех слов и выражений обиходного языка. На этом основании он отвергает, напр., *¡tamaño* 'столь большой'. Он любит полновесные прилагательные на -oso, вроде *poderoso* 'мощный', *temeroso* 'боязливый', *cavalleroso* 'рыцарский' и другие подобные им новые образования, гораздо более многочисленные у него, чем старые латинские *fermoso* 'красивый' или *peligroso* (*periculosus*) 'опасный'. Против *pensoso* 'задумчивый' Эрреры восставал Кеведо; но термин прошел. Кеведо восставал и против таких слов, как *infamia* 'бесчестность', *dudanza* 'нерешительность'; но и они прошли, и, вероятно, существовали в языке уже в эпоху Эрреры. Лопе де Вега высоко ценил язык Эрреры,¹ а Сервантес, которому Эррера импонировал своими любовными стихотворениями, использовал для своего посвящения первой части Дон Кихота герцогу Бехар послание Эрреры к маркизу Айамонте. Таким образом и Эррера-прозаик удостоился, хотя и косвенно, признания великого романиста.

Эррера создал школу, в которую входил ряд деятельнейших и талантливых поэтов современности, оставивших заметный след в истории испанской лирики.

Но Эррера был андалузем, и это являлось одной из причин нападков на него со стороны кастильцев. Однако дело не только в неавторитетности в вопросах языка некастильца. Критические высказывания того времени позволяют нам вскрыть наличие в эту пору и другого течения в области языка. Эррера занимает в XVI в. прогрессивную позицию, более доступную влияниям извне. Из *estilo cortesano*, подобно ему, исходили и Гарсиласо де ла Вега, и Хуан де Вальдес. Гарсиласо хвалит Боскана за то, что он пользуется словами куртуазными, ни слишком новыми, ни далекими от языка народа. Гарсиласо считал необходимым в целях улучшения языка не столько обновление его с помощью неологизмов, сколько критический пересмотр традиции и отбор в наличном языке всего, что в нем есть лучшего. На той же точке зрения стоял и земляк Гарсиласо, толеданец Вальдес. Но у Вальдеса есть и более конкретный критерий, язык Толедо, заставлявший его предпочитать *fácil* 'легкий'—*raez, rese, subir* 'подымать'—*puigar* и т. п. Позиция Гарсиласо и Вальдеса являлась естественной реакцией против идей новаторов, которые в своих языковых новшествах заходили иногда слишком далеко; это была реакция кастильцев, несколько демократизировавших языковые идеалы *cortesanos*, требовавших сближения языка литературы с живой речью, большей доступности.

Из Кастильи вышла и св. Тереса.² Мистически настроенная, не придававшая никакого значения своим писаниям, однако несомненно обладавшая литературными способностями,³ Тереса занимает в вопросе о языке, так сказать, крайнюю левую позицию. Она пишет языком простым, доступным самым широким кругам, без всякой позы или литературной претензии. Она употребляет такие формы, как *anque* вм. *aunque* 'хотя', *paide* вм. *padie* 'никто' и т. п., существовавшие только в живой речи. Это язык обиходный, точнее, живой язык той дворянской кастильской среды, из которой она вышла и которым она владела с большим искусством.

¹ Тикнор. Ист. исп. лит. (русс. пер.), III, 24.

² В мире Тереса Сепеда и Аумада (*Ahumada*), 1515—1582.

³ 14 лет от роду она вместе со своим братом Родриго написала рыцарский роман. Через 5 лет после этого она постриглась.

Ее автобиография и „Путь к совершенству“ получили весьма широкое распространение, читались в самых различных слоях испанского общества, и потому имеют свое место в истории языка.

Грамматика и орфографические правила А. Небрихи подводили итог предшествующему этапу языка, т. е. фиксировали тот уровень, которого он достиг к классической эпохе. Основные особенности живой речи этой поры сохранил нам язык испано-еврейской диаспоры на Балканах (в Салониках, Скопье) и в северной Африке (Оран, Танжер). Как всякий изолированный в иноязычном окружении язык, он содержит множество ценнейших архаизмов, изучение которых является важным дополнением к тому, что дают нам письменные памятники, сами по себе не всегда в достаточной мере показательные.

Мы уже говорили, что классический век был оживленнейшей порой в истории национального испанского языка. За это время язык прошел основательную латинскую и итальянскую школу и обогатил вновь не только свои лексические ресурсы, но и свою синтаксическую структуру. Ему стало теперь доступно разрешение самых сложных выразительных задач как в области поэзии, так и в области прозы. В произведениях Сервантеса, Лопе де Вега, в прозе историков Хуана де Мариана (1601) и Диего Уртадо де Мендоса (1503—1575) или эпистолографа Антонио Пёрес кастильский приобретает такую выразительность, гибкость и законченность, что литературное наследие этих писателей становится надолго образцом для каждого пишущего по-испански.

За это время и звуковой материал испанского принимает почти те же формы, которые существуют в нем поныне. Латинские глухие взрывные *p, t, k* превратились между гласных в звонкие. С этим явлением мы встречаемся уже в надписях императорской поры, и не только в Испании. Лат. *-p-*, развилось в *-b-*, которое звучало как взрывной, не как фриктивный: *lu pu > lobo* 'волк', *apic(ū)la > abeja* 'пчела', *recipio > recibo* 'получаю'.¹ Параллельно этому лат. *b* превращалось в *v*:² *caballu > cavallo* 'лошадь', с тем же *v*, что и в *ave* 'птица' < *ave*; написание с *b* — латинизм: *hablaba* или *caballo*. В ст.-испанском эти *b* и *v* строго различались. Арауканцы южного Чили передают в заимствованных из испанского словах *b* как *p*, *v* же как *hu* или *ghu*: *pabos* (< *paros*) 'турнепс' — *napur*, *habas* (< *fabas*) 'бобы' — *aghuas*, *cavallo* — *cahuallu* и т. п. Но с XVI в. началось смешение *b* с *v*, так как *b* стало звучать как *β*: *lobo* превратилось в *loβo*.³ Артикуляция стала менее энергичной. С этой поры *β* стало распространяться, и сейчас оно господствует; *b* звучит только в абсолютном начале слова и после носового: *conveniente* 'подобающий' произносится *combeniente*, *un beso* 'поцелуй' — *um beso*.

Глухое *-t-* дало *-d-*: *rota > rueda* 'колесо', *pratu > prado* 'луг';⁴ следовательно исконное *-d-* совпало с новым рефлексом *-t-*. И здесь с течением времени произошло то же превращение последнего в фриктивный, причем инициативу взяло на себя, может быть, исконное *-d-*. Так или иначе, уже под конец XVI в. *-d-* < *-t-* стало исчезать в глагольных окончаниях 2 л. мн. ч.: гл. гласн. *-tis*: *amades > amaðes > amaes > amáis*; в форме 2 л. мн. ч. повелит. накл. перед энклитическим место-

¹ Глухое *p* сохранилось в ученых словах, как *ocupar* 'занимать' или *capítulo* 'капитул собора' (но *cabildo* — то же или 'городское управление').

² Это *v* в республиканскую пору было неслоговым *u*, т. е. *w*; позже оно стало лабиодентальным.

³ Однако исп.-евр. различает *b* и *v*. С. Crews, *Rech. s. le jud.-esp.*, Париж, 1935.

⁴ Книжное *minuto* имеет народный дублет *menudo*; *voto* — устаревшее *vodo* и т. д.

имением: *amad os* = *amados* > *amaos*; в причастных формах на *-ado* > *-ao* (народн. форма). Дольше, вплоть до XVI в., сохранялось *-d-* в *-ábades*, в форме имперфекта; но здесь это объясняется ударением, которое падало на 3-й от конца слог. Однако тенденция к выпадению *-d-*, раз появившаяся, широко овладела живой речью и в особенности той социальной среды, которая была далека от письменного языка. В то время как теперь *-d-* почти исчезает в *-ado*, в культурной речи в силу артикуляционного неудобства оно сохраняется в *-ido*, *-ida*; но и в причастных формах на *-ado* и таких словах, как *abogado*, *-d-* может оставаться и на ступени *-d-*. Последовательнее народное произношение, где мы имеем и *amao*, и *tuavía* < *todavía* и *trabajaor* = *trabajador* 'рабочий' и т. п.

Аналогичное превращение взрывного в фрикативный можно наблюдать и по поводу *-g-*: *lactusa* > *lechuga* 'латук', *securu* > *seguro* 'безопасный', 'верный'.¹ Подобно исконному *g* это новое *g* может иногда выпадать: рядом с *navegar* 'плыть на корабле' (< *navicare*) стоит старое *navear*, с *migaja* 'кусочек', 'крошечка' (от *misa*) — *miaja*; *rumigare* дает *rumiar* 'пережевывать', *ligare* > *liar* 'связывать', *legale* > *leal*, *regale* > *real*. Промежуточной ступенью было, очевидно, то самое *-g-*, которое имеется в современном испанском, где *rogar* 'просить' звучит как *rogar* и т. п. В народной речи *agua* 'вода' превращается в *aia* и *aguja* 'игла' (< **acusula*) в *áuja*, где получившееся после выпадения *g* *ai* превратилось в нисходящий дифтонг. Образование *u* и его последующее выпадение относятся к той же поре, что и оба предшествующие явления.

Склонностью к более вялой артикуляции можно объяснить также и ряд других явлений в области консонантизма. Старо-испанский, как известно, различал глухое *s*, писавшееся между гласными как *-ss-*, и звонкое, которое имелось, напр., в *casa* 'дом' (произнос. каза). Испано-еврейский до сих пор отличает *pasar* 'проходить' (< *passare*) от *goza*, *mozotrus* = *nosotros* или *caza*.² Хуану де Вальдес (1535) это различие также известно, так как в одних случаях он пишет *-ss-*, в других *-s-*, но уже довольно произвольно. Написание *-ss-* можно встретить и у Эрреры. Но в Америку, судя по заимствованным словам, проникло, повидимому, только одно *s*. Глухое *s* вытеснило в течение XVI в. звонкое. В „*Araucana*“ (1569 и 1578) Эрсильи и Суньига насчитывается несколько случаев рифмы: *passa* — *casa*; в поэтике Хуана де ла Куэва („*Exemplar poético*“, 1605) мы встречаем неправильное написание *vassos* вм. *vasos*, но поддержанное рифмой *passos*.

Старо-испанский различал *ç* глухой и *z* звонкий: *plaza* 'площадь' (< **platte*), но *plazer* 'нравиться' (< *placere*). Первое произносилось первоначально, вероятно, как *ts*, второе — как *dz*.³ В арагонском мы встречаем *z* в окончании 2 л. мн. ч. *-tis*: *cantatis* > *cantaz* < *cantats*; в конце слова *dz* должно было естественно звучать как *ts*, откуда и арагонское написание. Произношение *ç* как *ts* для XVI в. находит себе подтверждение в транскрипциях некоторых немецких местных названий, данных Луисом де Авила и Суньига в его описании Шмалькальденской войны: *Lançuet* = *Landshuet* или *Çuibica* = *Zwickau*. Писавший в те же годы

¹ Книжному *delicato* отвечает народное *delgado*, *sabuco* или *saico* 'бузина', — народное *sabugo* и др.

² В арагонском и до сих пор сохраняется *passar* рядом с *casa*. В диалекте Маль-партида де Пласенсиа (в Эстремадуре) звонкое *z* передается через *d*: *cadar* = *casar*, но *las alaj* = *las alas* (Menéndez Pidal. Manual⁵, § 35).

³ J. D. M. Ford. The old Spanish sibilants in *Studies and notes in philology*, изд. Harvard University, 1900. Иначе S a r o i h a n d y в Bull. hispanique, IV, 199.

Хуан де Вальдес говорит, что испанскому *s* отзвучает итальянское *z*, т. е. *z* равно *ts*. В XVI в. развивается тенденция к уравниванию обоих звуков. У Уртадо де Мендоса имеются рифмы вроде *cabeça ~ belleza*; у Хуана де ла Куэва — *pieça ~ fortaleza*. Во второй половине века Антонио де Торкемада утверждает, что многие не умеют различать *s* и *z*. Их различал еще кое-кто в XVII в. Но это было искусственно. С начала этого столетия оба согласные слились, но превратились при этом в *tʃ*, которое John Minshew (1623) изображал как *ths*; *thsufre* = *çufre*, современное *zufre* 'сера'. Постепенно аффриката эта превратилась в простое *ʃ*. Старое *vezin* 'сосед' стало *vedin*, причем под влиянием этимологии его начали писать *vesin*. В настоящее время *z* как и *s* перед *e*, *i* звучит как глухой *ʃ*. Только соседство звонкого согласного превращает его в звонкий: следовательно *pazco*, *conozco*, но *yazgo* (от *yacer* 'лежать'), *portazgo* 'весовой сбор'.

Различал ст.-испанский и *x* (глухой) и *j* (+ *a*, *o*, *u*), *g* (+ *e*, *i*). Последний звучал до XVI в. как *dʒ*: в испано-еврейском мы имеем *ž*. Хуан де Вальдес считал его эквивалентом ит. *gi*; англичанин John Minshew — англ. *ge* в слове Geoffrey. Испано-еврейское *ž* является позднейшей ступенью звука, как современное французское *j* в *jour* — позднейшей ступенью *dʒ* (*džur*). Совершенно аналогично старое *x* отвечало ст.-фр. *ch*, т. е. *tʃ*, превратившемуся позднее в *ʃ* (ср. *chambre* и английское произношение *chamber*); униформация *x* и *j*, *g* в XVI в. привела к торжеству глухого *tʃ*, ставшего постепенно *ʃ*. Испанские заимствования в арауканском свидетельствуют о том, что в южную Америку попал уже только объединенный звук: *ajos* 'чеснок' — араук. *achur*, *jarro* 'кружка с ручкой' — араук. *charu*. Что это *j* не было современной хотой, ясно из того, что последняя передается в арауканском звуком *k*: *Juan* > *Koan*. В современном языке *ʃ* сменило *j*: старое *dixe* (< *dixit*) пишется и произносится совершенно так же, как *hijo*, *dije*, т. е. *hiço*, *diçe*. Сервантес писал (в 1605 г.) имя своего героя *Quixote*; прежнее произношение сохранилось во французском и итальянском, где мы встречаем соответственно этому и написание *Quichotte* и *Quisciotte*.¹

Обращаясь к морфологии, остановимся несколько на вопросе о местоимениях. В ст.-испанском объект-местоимение, так же как и вспомогательный глагол, не мог стоять в начале предложения; такой порядок слов, как *avedes me olbiado* („Сид“, 155) или *me dixе*, были немыслимы. С тем же требованием встречаемся мы и в ряде других романских языков. В XIII в. испанский отошел от него в отношении вспомогательного глагола, а начиная с XVII в. — и местоимения. Теперь стало возможным предложение: *me dixе*.² Атонные формы местоимения, связанные с глаголом, располагаются постепенно так, что если глагол, начинающий собою предложение, стоит в изъявительном наклонении, то местоименная форма стоит обычно в проклитике; при глаголе в повелительном наклонении и императивном конъюнктиве — в энклитике: *no lo digo*, но *digame*, *cántalo*. В „Сиде“ же (153) мы находим: *al Çid besaron le las manos* 'они целовали Сиду руки' или *et me aiude* (221) 'и пусть он мне поможет'. Инфинитив и герундий также имеют способность притягивать к себе атонные формы местоимения-объекта. В ст.-испанском еще возможны *por á christiános la dar* („Сид“, 1191) вм. *darla*; *no lo sabiendo* вм. *no sabiendo lo*. При инфинитиве с предлогом *de* уже с XIV в. устанавливается порядок *de lo fazer* вм. более старого *defazer lo*; в XV и XVI вв. он

¹ Для фонетических изменений классической эпохи см. также: A. M. Espinosa. *Arcaísmos dialectales*, Мадрид, 1935.

² Когда вспомогательный глагол и объект-местоимение сталкивались, то последний должен был стоять перед первым. Так еще в ст.-испанском.

господствует, после XVI в. исчезает. Ассимилированные формы, развившиеся при этом еще в средневековую пору, продолжают держаться и в эпоху классическую. Таковы формы *ganalla* < *ganarla* 'выиграть' (добыть ее, т. е. вещь), *échasse* 'бросаться' < *echarse*. Происшедшие при слиянии метатезы сохраняются: *dalde* < *dad le* 'дайте ему', *dilde* < *di te le* 'я дал тебе его', как *dândos* < *dad nos* 'дайте нам', *cabildo* < *capitūlu*, *espalda* 'плечо' < *spatula*, *rolde* 'сверток' < *rotulu*, *candado* 'замок, засов' < *catenatu*, *rienda* 'возжа, узда' < **retina* и т. п.

Как известно, форма мн. ч. в применении к местоимению могла служить двум противоположным целям: *nos (otros)* 'мы' к *yo* растворяло человека во множественности и было, следовательно, выражением скромности; с другой стороны, 'мы' усиливало 'я', было своего рода множественностью величия (plur. maiestatis), откуда 'мы' государя и т. п. Это последнее 'мы' создало 'вы', *vos* как форму вежливости. Оба эти оборота известны латини императорской поры. 2-е л. мн. ч. в этом смысле знакомо и ст.-испанскому: *esforçad*, *sennor don Gonçalvo, et dexad de llorar* („Crónica general“).¹ Однако в живой речи сохранялось *tu* и оно же жило в поэзии. Недочетом *vos* был его отвлеченный характер, его несоответствие требованиям учтивости феодальной эпохи. Он был, поэтому, заменен точнее фиксировавшим дистанцию между тем, кто обращался и к кому обращались, выражением *vuestra merced*, как в Италии *vostra signoria* или во Франции *mon seigneur*, откуда *monsieur*. Как всякое обращение, *vuestra merced* сократилось и превратилось в *vuesarcé*, *vuesasté*, *usted*, *uscé*. Что же касается *vos*, то оно в этих условиях стало, естественно, обесцениваться и превратилось в формулу обращения к нижестоящему и приобрело даже уничижительный смысл. Испано-еврейский рассматривает *vos* как оскорбительное выражение. Но и *usted* не удержалось на прежней высоте. Полиняв, оно в пору итальянского влияния уступило свое место более куртуазному *usía*, т. е. *vuestra señoría*, которое и нашло себе широкое распространение в классический век испанского языка.

Usted продолжало, однако, существовать и дожило до наших дней, но осмысленное уже как обычное местоимение — немецкое *Sie* или итальянское *Ella*. Более изысканное обращение требует в современном буржуазном обществе либо титула, либо более общего *vuestra señoría*.

Относительное *quien* употреблялось в значении „который“ для обоих родов и чисел. Такое употребление мы встречаем и у Сервантеса. Но уже до классической поры появляется специальная форма мн. ч. *quienes*. Местоимение это обычно относится к лицам или олицетворенным предметам.

В области сложных времен глагола отметим прежде всего будущее время, образуемое из инфинитива данного глагола и наст. вр. глагола *haber*. Инфинитив обычно предшествовал форме последнего. Элементы этой комбинации ощущались в ст.-испанском как самостоятельные величины, почему между ними вклинивался косвенный падеж личного местоимения: *dezirté* = *dezir te e* вм. *te deziré*; *dar le has* вм. *le daras* и т. п. Однако чувство композитности формы постепенно утрачивалось, и в XVII в. интерполяция дополнений постепенно исчезает. То же следует сказать и о форме условного наклонения типа *cantaría*: в старом языке вм. *lo cantaríaís* была бы возможна форма *cantarlo híaides*. Превращение старой перифразы в сложную форму можно наблюдать и на прошедшем типа *he amado*, зародыши которого восходят ко временам Плавта, хотя систематическое пользование им как описательным перфектом мы наблюда-

¹ А. Зауер, ук. соч., 163, строка 54.

даем только начиная с VI в. Слабость связи между составляющими форму элементами выражается прежде всего в их подвижности: причастие может предшествовать личной форме глагола и следовать за нею и согласоваться с дополнением, а кроме того между глаголом и причастием возможна вставка подлежащего, дополнения, отрицания и т. д.: *desfechos nos ha el Cid* 'победил нас Сид' („Сид“, 1433); *acabado non as* 'ты не закончил', ¹ *las armas avien presas* 'они захватили оружие' („Сид“, 1001). Но уже в том же „Сиде“ встречаются предложения, где причастие с дополнением не согласуется: *tal batalla avemos arrancado* 'мы ринулись в такой бой' („Сид“, 793). Последний тип, начиная с XV в., становится нормой. — Непереходные глаголы, выражающие движение или состояние, образовывали ту же форму перфекта с помощью *seer* 'быть': *es venido*, *es muerto*. В XIV в. она начинает вымирать: *seer* вытесняется *haber*, в наши дни доминирующим.² Формы с *seer* встречаются иногда у Сервантеса; но классический век в целом уже на стороне *haber*.

С *haber* конкурирует иногда *tener*: *des aqui lograr quiero lo que tengo ganado* 'теперь я хочу воспользоваться тем, что приобрел'.³ Начатки такого употребления *tener* восходят еще к старой латинской поре. В более позднее время мы находим *tener* в этой роли у Хуана Мануэля и, наконец, у Сервантеса и Лопе де Вега. В современном испанском языке *tener*, однако, сдало свои позиции и осталось только в сочетаниях типа: *tengo hecha una cosa* 'я нечто сделал и теперь в моих руках результат сделанного'. — В роли вспомогательных глаголов в классический век появляются и другие, как напр. *llevar*, *dejar*, *ir*.⁴

Значительные изменения испытывает классический словарь. Возрождение дало испанскому лексикону прежде всего множество латинских слов. Из них многие сохранились до наших дней; но многие исчезли из оборота, так как явились плодом чрезмерного увлечения, которое сказалось уже в первую половину XV в. Таков, напр., ряд латинизмов, введенных Хуаном де Мена, писателем, оказавшим большие услуги литературному языку, но часто переступавшим границу необходимости, как об этом свидетельствует его „El Laberinto de Fortuna“, аллегорическое путешествие в потусторонний мир, написанное под влиянием Данте в форме видения.⁵ Поэма эта — любопытный образчик борьбы за обогащение языка, один из ярких эпизодов его истории, но в конечном счете давший меньше того, что рассчитывал дать писатель. В особенности далеко идет он в своей прозе, напр. в „La Iliada“, благодаря ее латинизмам совершенно неудобочитаемой. Однако латинизмы де Мена бледнеют перед тем, что пытались привить кастильскому писателю вроде Васко Диас де Фрехеналь. По словам Монтаня, последний старался сознательно латинизировать свой язык, чтобы придать ему латинский колорит, на ряду со словами вводя в него латинские обороты. В этом отношении очень характерны его „Двадцать триумфов“ (*Veinte triunfos*), посвященных изображению ряда эпизодов из жизни Карла V и написанных после 1530 г.⁶ Автор проводит свой принцип не только в прозаической, но и в поэтической части своего произведения. Это напоминает нам крайности Плеяды, его современницы. Приведу в виде примера несколько строк из вступления к „Двадцати триумфам“, где автор говорит о посвящении своей работы:

¹ Хуан Руйс. Libro de buen amor, 579.

² И сейчас еще возможны *es llegado*, *es caída*, *es nacida* и др.

³ A. Zauner, ук. соч., 124.

⁴ Hanssen, ук. соч., 101.

⁵ Изд. Foulché-Delbosc, Мокон, 1904.

⁶ Произведения свои автор издал в 1547 г. См. Тикнор, ук. соч., III, 4.

„Baste que la ferventissima aficcion y la observantisima veneracion, que á vuestras dignisimas y felicisimas Señorías devo, á la dedicacion de mis Veinte triunfos me han convidado. Como quiera que mas coronas ducales segun mi noticia en la indomita España no hay, verdaderamente el presente es de poco precio, y las obras del de menos estima. Pero su apetitosa observancia, su afecionada fidelidad, y su optativa servidumbre, por las nobilissimas bondades, y prestantissimas virtudes de vuestras excelentes y dignisimas Señorías en algun precio estimadas ser merecen“.

Латинизмы XVI в. носят уже иной характер, чем те, с которыми мы познакомились выше: они гораздо ближе к оригиналу фонетически. Теперь господствует тип *santificar, verifcar, homicidio, príncipe, gallico* и т. п., мало считающийся с требованиями испанского ударения и огласовки. Теперь более част дактилизм, являющийся следствием точной передачи латинского оригинала: *rúbrica, itálico, magnífico* 'великолепный', *fructífero* 'плодоносный', *púdico* 'стыдливый' и тому подобные кальки. Отсюда дактилическое ударение в порядке сверхкорректности: *méndigo* 'нищий' вм. *mendigo*, *cólega* вм. *coléga*. Широко распространяется в книжных образованиях суффикс *-ción*: *bendición* 'благословение', *trayción* 'измена', *narración* 'рассказ', *destruición* 'разрушение' отвечают таким старым формам, как *sazon* 'пора', 'время года', *poçon* 'яд' (< *potione*). Частыми становятся теперь также прилагательные на *-al*: *comunal, celestrial* 'небесный', *anual* 'годовой' (ср. народное *añal*). В абсолютном конце слова появляются и *i* и *u*: *spíritu*. Группа *x*, т. е. *ks*, передавалась в ст.-испанском как *š* (написание *x*), современное (с XVI—XVII в.) — *j*: *proximu* > *projimo* 'близкий', *maxilla* > *mejilla* 'щека', *exemplu* > *ejemplo* 'пример, образец'. Но уже в старом языке оно дает в конце слова *s* (*ad-vix* > *abés* 'уже'; вероятно из более старого *abeis*, как *seis* < *sex*), особенно в соседстве с *n*: *fraxinu* > *fresno* 'ясень', *exagiu* через *in-ex-agiu* > *ensayo* 'опыт', *exemplu* > *in-exemplu* > *ensimpro* 'пример' (но *examen* > *in-examen* > *enjambre* 'рой'). Теперь мы встречаем *esaminar* < *examinare*. Группа *gn* внутри слова давала *ñ*: *rugnu* > *riño* 'кулак', *cognoscere* > *coñocer* 'знать' (*conocer* — влияние простого *poscere*), *lignu* > *leño* 'дерево' и т. п. Теперь мы находим вм. *gn* — *n*: *dino* 'достойный' < *dignu*, *sino* 'знак' < *signu* и т. п. Сохраняются также глухие согласные между гласных: таковы прилагательные на *-fico*, как *magnífico, objeto* и др.

Увлечение латинизацией наблюдается на протяжении всего XVI в. и перекидывается в XVII в. В той или иной мере ему не чужды даже Сервантес,¹ Лопе де Вега, Кальдерон и многие *dii minores*.

Весьма ценный для характеристики испанского языка времен Карла V материал дает нам относящийся к 1534 г. „Diálogo de la lengua“ Хуана Вальдеса, одного из образованнейших людей своего времени и талантливого писателя. Диалог, в котором участвует сам автор, по соображениям цензурного характера мог появиться в печати только два века спустя (1737).² Помимо рассуждений на литературные темы и оценок различных произведений Вальдес занимается здесь и вопросом о генезисе испанского языка, его грамматикой, орфографией, этимологией и лексикой. В связи с последней автор говорит, между прочим, об итальянских заимствованиях, отмечая итальянизмы новейшего происхождения, на принятии которых он настаивает. Таковы: *discurrir* 'обдумывать,

¹ См. „Дон Кихот“ изд. Clemencin, V, 39, 292, 357, где дан перечень латинских слов у Сервантеса.

² Диалог издан Е. Boehmer'ом (в Rom. Stud., VI, 1895, 339), J. Moreno Villa (в Bibliot. Calleja, grupo C: Clásicos, 10, Мадрид, 1919) и J. F. Montesinos, Мадрид, 1928. См. J. Heerp. Juan de Valdés. Лейпциг, 1909.

продумывать, *discurso* 'речь', *fantasia*, *novela* 'роман', *facilitar* 'облегчать', *cómodo* 'удобный', *incómodo* 'неудобный', *pedante*, *entretener* 'поддерживать, сохранять' и некоторые другие, которые сейчас являются общепринятыми. Многие итальянские термины были введены в оборот Гарсиласо де ла Вега (ум. 1536): *selvaticuez* 'дикость', существующее поныне; Эррерой (ум. 1597): *vagueza* (ит. *vaghezza*) 'очарование', 'предатель', и таким поклонником итальянской школы и современником Вальдеса, как Диего Уртадо де Мендоса (1503—1575). Но симпатии Мендоса не были отданы безраздельно итальянцам; он был слишком испанцем и слишком любил свою старину, чтобы забыть о ней, а потому в своей „Guerra de Granada“ Мендоса восстает против излишней итальянизации языка, которой так увлекалось время Карла V и особенно Филиппа II (ум. 1598).¹ Впрочем, многое из отвергнутого им прочно вошло в обиход, и теперь никому не придет в голову возражать, напр., против *centinela* (ит. *sentinella*) 'часовой' (от *sentire*) вместо коренного испанского *vela* и т. п. Такова же была судьба и многих других возражений.²

Многими итальянизмами обязан испанский также переводчикам второй половины XVI в. и начала XVII в., как напр. Херónimo де Урреа, переведшему „Роланда“ Ариосто (1550), эпикам, выросшим на итальянских образцах, вроде Алонсо де Эрсилья и Суньига, автору известной поэмы о восстании арауканцев в Чили („Araucana“, 1590), и переводчикам итальянских пасторалей, из которых Сервантес высоко ставит Кристо́баля Су́арес де Фигероа, переведшего в 1602 г. пасторальную трагикомедию Б. Гварини „Верный пастух“ („Pastor fido“, 1590), и своего юного друга, учившегося в Риме, художника и поэта Хуана Хауреги, переведшего „Аминту“, *favola boschereccia*, Т. Тассо (1573) в 1607 г.³

Не одна только литература являлась источником, откуда черпал испанский язык словарный материал. Многие проникало путем живого общения благодаря обширным владениям Испании в Италии. Таким образом в испанском очутились итальянские диалектические термины. Немало давала также средиземноморская торговля, благодаря которой в испанском оказался ряд слов из так наз. *lingua franca*, питавшей своим лексиконом и более отдаленные страны.

С точки зрения хронологии заимствований очень интересны словари, приложенные к „Всеобщему искуплению“ (1585) Лопес Пинсиано. Здесь мы находим, между прочим, ряд слов, являющихся сейчас общераспространенными, вроде *fatal*, *abandonar*, *natal*, *gruta* 'грот', *asedio* 'осада', *abular* 'подлещиваться' и др. Немало итальянских терминов ввел в испанский и Сервантес, вообще говоря практически осторожный в отношении неологизмов, но не смущавшийся, когда он считал их нужными, как это видно из беседы Дон Кихота и Санчо по поводу слова *regoldar* 'рыгать', вместо которого рыцарь предлагает своему оруженосцу употреблять латинский термин *egutar*. „Не важно, что эти выражения не всем понятны; со временем они войдут в наш обиход и станут общепринятыми; это и называется обогащать язык; в котором обычай и простой народ имеют такую власть“.⁴

¹ Авторство Мендосы в отношении „Гранадской войны“ оспаривалось некоторыми критиками. Foulché-Delbosc удалось устранить сомнения. См. *L'authenticité de la Guerra de Granada* в *Rev. hisp.*, XXXV, 476. „Guerra de Granada“ издана в „Bibliot. de autores esp.“, XXI.

² Так Франсиско Нуньес де Веласко отвергал в своем „Diálogos de contención entre la milicia y la ciencia“ слова *estala* 'порт' и *estival* 'летний' (цит. у Тикнор, ук. соч., I, 21).

³ Дон Кихот, II, 62.

⁴ Дон Кихот, II, 43.

Большая часть итальянских терминов, проникших в испанский, связана с военным делом, искусством, торговлей и некоторыми новыми явлениями быта, с которыми испанцы впервые познакомились у итальянцев. К сожалению, кроме таких случаев, как приведенные выше, мы лишены возможности установить точно хронологию усвоения того или иного термина. Гораздо надежнее датировка целых групп, что, в конечном счете, дает косвенно ответ и на отдельные случаи; но, конечно, здесь необходима большая осторожность. К числу военных терминов относятся такие, как: *escopeta* (ит. *schiorpetto*) 'мушкет', *baqueta* 'шомпол', 'прибойник', *centinela* 'часовой', *alerta* 'внимание!', 'лозунг' (ит. *all'erta*), букв. [быть] 'на чеку', *bisoño* 'новобранец', *soldado*, *parapeto* 'бруствер', *emboscada* 'засада' (коренн. исп. *celada*), *foso* 'крепостной ров' (коренн. исп. *cava*), *bastión*, *batallón*, *bicoca* 'плохо укрепленное место, плохая крепость' (ит. *bicocca* — то же), *caporal*, *cartucho* (первоначально бумага, в которую завертывали порох), *casamata*, *coronel* (ит. *colonello*), *contraste* (ст.-исп. *contención* 'бой'), *espadón* 'длинный меч, шпага', *espión*, *espontón* 'полупика', *estocada* 'удар кинжалом', *gabión* 'шанцевая корзина', *infanteria*, *lazareto* (в венец. в XV в. || *nazareto*, по имени церкви Марии Назаретской, где был устроен чумной госпиталь), *penacho* (ит. *pennaccio*) 'султан', *pistola* и др.

Рядом с ними можно поставить термины морского дела: *brújula* 'компас', *corsia* 'проход вдоль галеры', *drizar* 'поднимать парус' (ит. *drizzare*), *estiva* 'судовой балласт', *fanal* 'судовой фонарь', *galera* (из ит. *galea* с исп. -*era*, уже в XIV в.), *galeaza* 'большая галера', *góndola*, *gúmena* 'якорный канат' (араб. *gommal*, через итальянский), *proa* 'нос судна', *piloto* 'лоцман' (ит. *pilota* < ср.-греч. **πηλότης*), *remolcar* 'брать на буксир' (ит. *remulcare*), *tramontana* 'северный ветер', 'север', *trinquete* 'фок-мачта (или ее парус)'.¹

В области искусства: *diseñar* 'рисовать' (ит. *designare*), *granito* (ит. *granita*, причастие от *granire* 'делать зернистым'), *medalla*, *mosaico*, *balata*, *piano*, *opera*, *sonata*, *tiorba* (особый вид лютни), *arquitrabe*, *baleón*, *baldaquin(o)*, *fachada*, *grotesco*,² *modelo* (ит. *modello* < *modellu* в м. *modulus* 'мера'), *pilastra*, *bufón intermedio* и т. п.

В области торговли и промышленности: *banca*, *bancarrota*, *fallida* 'несостоятельность', *fanti* 'писцы при коммерческом суде' (венец.), *negociante*, *riesgo* 'риск', *tráfico* 'торговля', *estafar* 'надувать'; названия тканей, как *brocado* 'парча', *burato* 'шерстяная ткань'; *sofión* 'поддувальный мех', 'спесивец'.

С домашним обиходом связаны, напр.: *barraca lampión*, *estrapontín* 'приставной стул'; с передвижением — *carroza*. Несколько терминов, касающихся частей одежды также итальянского происхождения; сюда относятся: *capucho*, *capuchón* 'капюшон', *escofión* 'чепчик', *escarpín* (ит. *scarpino*) 'мягкие легкие туфли', 'шерстяные носки', *pantalón*, *sotana* 'легкая верхняя одежда', 'сутана', 'подрясник' и др. К общественной жизни, развлечениям и т. п. относятся: *cortesán*, *charlatán*, *espadacín* 'забияка', *estafeta*, *gaceta*, *mascarada*, *pasquín* 'пасквиль', *saltimbanquí* или *saltimbanco*. В заключение отмечу еще такие слова, как *burlesco*, *capricho*, *aspraviento* 'крик или жест испуга', *estropear* 'уродовать' и др.

Французское влияние на испанскую лексику в классическую эпоху несколько упало. Благодаря войнам в испанский оборот попали кое-

¹ Может быть из французского. Исп. *fragata* 'фрегат' с *a* в первом слоге указывает на новопров. *fragato* (ср. франц. *frigate* в XV в.); ит. *fregata*, венец. *fregada* отвечает франц. *frigate* (XVI в.); у Рабле *fregade*. См. E. Gamillscheg, Et. Wb. d. frz. Spr., s. v.

² Живопись, сделанная кое-как, наподобие живописи в старых пещерах (*grotta*) Рима.

какие военные термины: *marchar*, *trinchea* 'траншея' (соврем. *trinchera*), *alojar* 'расквартировывать' (франц. *loger*). Вне военного круга понятий стоят: *rindibú* 'свидание' (франц. *rendez-vous*), *gage* (*gaje*) 'плата', *jarrete*, *jarretera* 'подвязка', *claraboya* 'просвет', 'верхнее окно' (франц. *claire-voie*), *tusón* 'руно', 'жеребенок' (до 2-летнего возраста, в Андалусии) франц. *toison*, и некоторые другие.

Как память от эпохи Карла V и Филиппа II в испанском осталось также несколько немецких и голландских слов. Немецкому испанский обязан *sacanete* (род карточной игры, ландскнехт, проникшей на полуостров через посредство немецких наемных солдат, с которыми испанцы не раз приходили в соприкосновение); *trinquís* 'глоток вина' родилось в той же военной среде. Термин *hollandá* 'голландское полотно' обязан своим происхождением, наоборот, мирному купечеству.

В эту пору после латыни и итальянского наиболее крупный вклад в испанскую лексику сделали языки Америки.

Колумб успел познакомиться только с Антильскими о-вами, с частью Центральной и северным побережьем Южной Америки. Он не проник далее дельты Ориноко (о. Тринидад, 3-е путешествие в 1498 г.) и мыса Гондурас (последнее, 4-е путешествие в 1502—1504 гг.).

Исходя из центральных областей нового материка, путешественники и конкистадоры овладевают прежде всего Центральной и Южной Америкой. Держась первоначально прибрежных районов, они только с 20-х годов XVI в. начинают проникать в глубь страны.

В Северной Америке испанцы ограничиваются на первых порах только теми ее частями, которые прилегают к Мексиканскому заливу. Так в 1518 г. Хуан де Грихальва достигает Тампико, к югу от Рио Гранде дель Норте. Только между 1537 и 1540 гг. Кортес добирается до Калифорнийского залива и почти в те же годы Аларкón подымается по впадающей в этот залив Рио Буена Гиа (нын. Колорадо), а в 1542 г. Кабрильо огибает Калифорнию и достигает, пробираясь вдоль берега, 40° сев. шир.

В связи с этими экспедициями и захватами земель расширяется и этнографический горизонт испанцев. Первыми туземцами, с которыми они столкнулись и которые сделались жертвами их захватнических планов, было население Антильских о-вов. Население это распадалось в лингвистическом отношении на две группы. На Гаити это было племя тайно, принадлежавшее лингвистически к группе арауак или аруак (*arahuac*); позднее явилось сюда и племя караيبов или карибов, говорившее на особом языке. Незадолго до появления на Антильских о-вах испанцев карибы явились сюда и уничтожили почти все местное мужское население, оставив себе одних женщин. Женщины сохранили свой язык, т. е. арауак, который стал языком и их потомства от карибов, но лишь на время его детства. Оба языка продолжали существовать параллельно, бок-о-бок, один — как язык женской и детской половины, другой — как язык мужской половины населения. Такое положение вещей продержалось кое-где, напр. на о. Доминика, до наших дней.

Язык арауак принадлежит к числу распространеннейших языков Южной Америки. На нем говорят, начиная от южных берегов Флориды вплоть до северного Парагвая и от тихоокеанского побережья Перу до устьев Амазонки. На острова арауак проник, повидимому, с материка.¹ Таким же путем очутился там и караибский, давней территорией

¹ P. Rivet. Les langues du monde, ред. A. Meillet и M. Cohen, Париж, 1924, 641—650.

которого являлись верховья правых притоков Амазонки Шингú и Тапахоса, откуда он распространился затем в северном, северо-западном и северо-восточном направлениях и на острова.¹ Из арауак-караибского источника почерпнута, пожалуй, большая часть американских терминов, усвоенных испанским в самом начале его общения с новым миром. Словарь Небрихи (1492) дает, между прочим, *canoa* 'лодка, челн' (собств. челн, выдолбленный из ствола дерева). Возможно, что слово это караибское, усвоенное арауак, как предполагают некоторые. Своеобразное устройство этих суденышек, с помощью которых жители островов передвигались по архипелагу, и способ управления ими побудили предпочесть местный термин своим *barca*, *barquilla*. Постоянное пользование им объясняет нам наличие для него ряда вариантов, отвечающих, может быть, его диалектическим разновидностям: *canaua*, *canahua*, *canagua* и др.; но, может быть, мы имеем здесь дело и с неточной репродукцией непривычных звуков.

Особой разновидностью челна являлась пирога, *piragua*, снабженная бортами и предназначенная, вероятно, для более далеких передвижений. С морем связано и слово *huracán* 'ураган', 'буря', получившее затем широкое распространение за пределами испанского. — Большая часть заимствованных слов относится к области флоры. Испанцы впервые познакомились здесь с *arcabuco* (особым видом колючего кустарника), с *batata* (сладким клубнем типа картофеля), с *bejugo* 'лианой', *ceiba* (видом мальвы), *henegúen* 'агавой', *maní* 'земляной фисташкой', *yuca* 'американским картофелем'. Экзотические плоды вроде *grayaha*, *papaia* или растения вроде *bija*, *guanábana*, *guayacán*, *güiro*, *mamey*, *mangle*, *tuna* сохранили, естественно, свои местные названия; к этой группе относятся и получившие впоследствии широкую известность *maíz* 'маис', служивший для индейцев основной пищей, и *tabaco* 'табак', являвшийся для них любимым предметом развлечения. С этим рядом терминов можно связать *savana* 'саванна', обозначающий дикую степь, какой испанцы не знали у себя дома. — Американская фауна представлена такими словами, как *sosúyo* 'жук-светляк', *comején* 'термит', *guacamayo* 'попугай ара', *iguana* 'игуана' (вид ящерицы), *tihurón* 'акула'.

Общественный строй индейцев познакомил испанцев с термином *cacique* 'карик', 'князек', 'родоначальник', прочно вошедший затем в испанский современный лексикон и образовавший там характерное производное *caciquismo*. Людоедство индейцев оставило по себе память в *canibal*, обошедшем затем все языки, не исключая русского; наоборот, название караибов, *carib*, как обозначение кровопийцы, осталось термином одного только испанского. Военные столкновения с индейцами познакомили испанцев со своеобразным оружием их, дубинкой, *tasapa*; быт туземцев — с *bohío* 'хижина', словом, сохранившимся в целом ряде вариантов: *bujío*, *buhío*, *buihío*, *buío*, *boío*, *boyo* и др., часть которых следует, вероятно, поставить на счет самих испанцев; *hamaca* 'гамак', *paguas* 'юбка'. Запомнились также плетенка из листьев растения ярей, в которых индейцы приносили испанцам плоды, овощи и т. п.; *carey* 'черепаха' (как материал, который ценили пришельцы), но в особенности *batea* 'сито для промывки золота', того самого золота, которое долго и безудержно влекло в Америку испанцев всякого рода и звания и было основным стимулом грабительских завоеваний.

В первом томе исторического словаря, издаваемого испанской Академией, отмечен ряд американизмов; значительная часть их заимствована из арауак. По значению это главным образом термины ботани-

¹ Там же, 659—665.

ческие и зоологические. Сюда относятся: *abuje* 'войлочная вошь', *ácana* 'дерево акана', *aje* (вид антильского картофеля), *aji* (вид перца), *apóa* 'дерево аноа'. К области быта здесь относятся *arique* (полосы из коры или листьев королевской пальмы), *arepa* (хлеб, испеченный из муки с примесью свиного мяса). Но цитируемые в том же „Diccionario histórico de la lengua española“ *areite* (род религиозной пляски) или *aura* (вид ястреба) — вероятно мексиканские слова, т. е. заимствования из языка нахуатль.

Число слов, приводимых испанскими словарями вообще и отмеченных как американские заимствования, очень значительно; из них на долю языка арауак выпадает очень много. К этой категории терминов следует отнести, между прочим, и ряд кубинских терминов: *capica* 'дикая корица', *saoba* 'красное дерево', *cauajan* (род лука), *quatini* (вид рыбы), *sabici* (род акации), *sao* (вид липы), *yarey* (вид травянистого растения) и др. Ботанические термины преобладают.

В 20-х годах XVI в., как мы уже отметили, колониальный грабеж разворачивается в грандиозном масштабе. Удар был направлен прежде всего на ближайшую к исходной базе Центральную Америку, где разведка предшествующих лет установила наличие крупного и богатого туземного государства. Это было государство ацтеков, спустившихся в свое время с севера и оттеснивших более древних хозяев края и творцев своеобразной культуры, мая (Мексиканское побережье, Юкатан, Гондурас).¹ В 1520 г. Кортес нападает на ацтеков, наносит им поражение при Отумбе, берет в плен главу государства, Монтецуму, овладевает его столицей Tenochtitlan и подчиняет себе Мексику. После этого испанцы начинают распространять свои владения на юг и на север, организуя на территории Центральной Америки Новую Испанию. Между 1524 и 1525 гг. Кортес вторгается в Гондурас, в который уже годом раньше проник соперник его Кристóбаль де Олид. Помощник Кортеса, Педро де Альварадо, проникает в западную Гватемалу. Через Гондурас испанцы вторгаются в Никарагуа, т. е. на Панамский перешеек, который они уже с 1520 г. захватывали с юга, со стороны Коста-Рики. Во второй половине 30-х годов испанцы могли считать себя хозяевами этих областей. Между 1530 и 1532 гг. Нуньо Гусмáн овладевает мексиканскими областями Синалоа и Халиско, лежащими на тихоокеанском побережье, а несколько позже Маркос де Ниса (1539) и Коронадо (1540—1542) проникают в Пуэбло, Новую Мексику и Арисону. Коронадо уже основывает ряд поселений в Соноре, расположенной на восточном берегу Калифорнийского залива.

Экспедиция Андагоя вдоль тихоокеанских берегов на юг внушила Писарро и некоторым его товарищам мысль попытать счастья в этом направлении. В 1524 г. они предпринимают завоевание Эльдорадо (Перу), а в 1539 г. брат Писарро, Гонсало, направляется с теми же целями уже в самую глубь страны. Несколько ранее (1525) Кесада овладевает Колумбией или, как ее тогда называли, Новой Гранадой, в состав которой входила и Венесуэла, а в 1532 г. Писарро захватил Эквадор. Наиболее населенные и ценные части Центральной и Южной Америки очутились, таким образом, в руках испанцев.

Завоевание Мексики познакомило завоевателей с культурой ацтеков, выражением которой служили четыре основных языка мексиканского плоскогорья (с юга на север): сапотек (*zapotek*),² миштек (*mixtek*),³

¹ „Les Langues du monde“, 630—632.

² В мексиканском штате Оахака.

³ В области между тихоокеанским побережьем Мексики и горными частями штатов Эрреро и Пуэбла, особенно же в западной Оахака.

нахуатль (*nahuatl*)¹ и хиа-хиу (*hia-hiu*) или язык отоми,² но прежде всего — нахуатль.

Из нахуатль испанский почерпнул слова, связанные с тем, что увидели испанцы в Мексике. Новая природа привела к усвоению ряда ботанических терминов, обозначавших незнакомые растения и плоды: *cacahuete* 'какаовое дерево' (<*cacahuatl*), *cacao*,³ *camote* (то же, что выше *batata*), *chile* (перец особого рода), *nopal* 'индейская смоковница', *tomate* (<*tomatl*), *zapote*, *chayote*, *chiele* (смола особого дерева) и т. п. Мексиканская фауна дала: *ocelote* 'тигровая кошка', *zapilote* 'мексиканский ястреб', *carite* (род трески). Домашний быт познакомил испанца с *atoli* — напиток из майсовой муки, сахара и воды, а также с другим напитком, называвшимся *pulque* (*palqueria* — лавка, где им торгуют), с *hule* 'провощенное полотно', с *chocolate*, с *jicara* или *xicara* (<*xicalli*) 'чашка, из которой пьют шоколад', с *petaca* 'кисет для табака', *mezcal* особый спиртной напиток, *pinole* 'ванильный порошок', *tamale* 'печенье из майсовой муки', *petate* 'цыновка', *metate* 'камень для размолы майса или какао' и т. п. Нахуатль принадлежат и слова, обозначавшие ацтека — *azteco* и туземца — *coyote*. Мексике обязан испанский такими терминами, как *teocalli* — названием пирамидообразных мексиканских храмов, *chinampa* 'плавающий сад на мексиканских озерах', 'свайная постройка', *galpón* (<*callpulli*) 'лачуга'; к нах. *naualli* 'колдун' восходит *nagual*, имеющее значение колдуна или знахаря.

Завоевание Перу и Боливии познакомило испанцев с совершенно новой государственностью, особой культурой, отличной от мексиканской. В древнейшую пору в этой части Южной Америки можно отметить три культуры: культуру юнка (*yunka*), центром которой являлся Чиму (*Chimu*), в северной части Перу (в округе нын. Трухильо), культуру кичуа (*quichua*), средоточием которой был Куско (*Cuzco*), в центральной части Перу, и аймара, точнее перуанско-боливийских колья (*colla*), прозванных аймара по имени одной из групп кичуа, усвоившей язык колья и осевшей к западу от оз. Титикака. Центром их был Тиахуанако.⁴ Но уже до появления испанцев юнка и аймара были политически поглощены кичуа, усвоившими родственную, но более древнюю культуру аймара, так что конкистадорам пришлось иметь дело с одним государством, охватывавшим обширные территории от экватора до Чили и от амазонских склонов Кордильер до Тихого океана. Это была империя инка, под которыми следует разумеать не династию, а одно из племен группы кичуа, занявшее под руководством Манко-Капас еще в XI в. господствующее положение и создавшее огромное политическое объединение. Юнка, занимавшие тихоокеанское побережье, были подчинены ими, так же как и культурно выше их стоявшие колья-аймара, иллюстрацией прошлого которых являются замечательные памятники в районе Титикака. Кичуа-инка усвоили древние верования и легенды аймара, более древние и всеми уважаемые, и когда инка необходимо было оправдать свое господство и власть своих государей, они постарались связать свое прошлое со священными преданиями аймара, с Титикака и местным культом солнца и показать божественное происхождение своих государей. Легендарные черты отличают первых четырех из них,

¹ В Мексике, Гондурас, Гватемале, Сан-Сальвадоре, Никарагуа и Коста-Рика.

² Центральная Мексика. Обо всех этих языках см. „Les Langues du monde“, 625—626, 634—635, 637.

³ Р. Ленц считает его чилийским. См. его „Diccionario etimológico de las voces chilenas derivadas de lenguas indígenas americanas“, Santiago de Chile, 1904, 149.

⁴ „Les langues du monde“, 651—653.

имена которых приводит Гарсиласо де ла Вега, сам происходивший от инка, в своих „*Commentarios reales*“.

Язык инка, кичуа, вместе с укреплением их господства, широко распространился по Южной Америке.¹ Он стал не только господствующим языком их обширного государства, но проник вплоть до южных частей Колумбии, т. е. несколько севернее экватора, на юге до Атакамы и границ Араукании. Языком кичуа пользовались в северо-западных областях Аргентины, не говоря уже о Боливии. Многие термины его стали употребляться во всей Южной Америке. Характерные стороны религиозной и социально-политической жизни Перу назывались местными словами. Из испанского европейцы узнали термины, обозначающие инка-государя, *inca*, и его жены *soya* 'государыни', девственных жриц солнца *tatacuna*, собств. „женщины“, хранителей древних преданий певцов или мудрецов *amautas*. До завоевания Перу испанцами царство инка представляло собой стройно организованное государство, располагавшее в эпоху наиболее могущественного царя, Хуайна-Капак (1475), сложным административным аппаратом, исполнителем его воли. Государственная территория была поделена на несколько округов, соединенных между собой и с центром, Куско, прекрасными дорогами, которые облегчали общение между частями государства и работу административной власти и экономические связи. Дороги тщательно подерживались; на них было устроено нечто вроде станций, *tambo*, название которых употребляется теперь и в смысле убежища, места для ночлега, постоялого двора. По этим дорогам курьеры, *chasqui*, развозили приказы и распоряжения центрального правительства. С целью создания опорных военных точек власти по всей стране были организованы военные поселения, *mitimaes*. С падением власти инка ряд государственных терминов превратился в исторические, стал достоянием представителей узкого круга людей, интересовавшихся местной торговлей, и, следовательно, в широком употреблении почти забылся. Термины же, связанные с бытом, пережили старые государственные порядки и долгое время сохранялись. Так долго держались в испанском термин *ayllo* 'племя' и *curacas* 'кастик', так как племенное устройство перуанцев пережило падение царства инка. Уцелели старые земельные отношения, обработка крупных земельных владений при помощи рабов, *yapasnas*. В новейшую пору это *yapacuna* обозначает уже только слугу. До сих пор живет слово *tanda* 'барщина', теперь имеющее главным образом значение дневного заработка рабочего. — Со старыми религиозными представлениями связаны способы погребения у туземцев Перу и, между прочим, название гробницы, *huaca*, слово, которое продолжает жить и по наши дни. К тому же кругу представлений относится и *yagavi* 'заплачка, причитание'. Слово это вышло за пределы своей родины и хорошо известно, напр., в Венесуэле. Тем более понятна жизнеспособность таких терминов, как *china* 'женщина' (туземная), *quichua*; *chacra* или *chacara* 'хижина' (первонач. хижина туземца), *pirca* 'стена', *zara* 'хижина'. С местными торговыми навыками связано слово *yapa* или *ñapa*, обозначающее надбавку к цене, которую покупатель предлагает продавцу, торгуясь с ним. Перуанскому столу хорошо известно *charqui*, *charquicán* (блюдо, приготовленное из сушеного мяса под соусом).

С топографией Перу связаны термины *pongo* (узкий проход, который пролагает себе река между гор или скал в Андах), *puna* (пустынное плоскогорье в Андах). Второй получил широкое распространение и за пределами Перу. Но это в особенности следует сказать

¹ Там же, 666—670.

о слове *рапра*, вошедшем в мировой географический словарь. Такими же мировыми терминами являются и *quina* 'хина', и *coca* (бот.) 'кока', *guano* 'гуано' (птичий помет, представляющий собою ценное удобрение).

В особенности много слов дали, как Антильский архипелаг и Мексика, перуанская фауна и флора. Перуанская горная коза *alpaca* (*alpaga* или *alpaque*) приобрела мировую известность, и название ее было перенесено затем как на ее ценную шерсть, так и изготавливаемую из нее особую ткань. Каждому известен теперь, конечно, *condor* 'кондор', *llama* 'лама', *puma* 'пума или кугуар' (андский хищник из рода фелис), *visuña* (давшая свое имя и ткани из ее шерсти), *chinchilla* (перуанская белка, шкурка которой ценится очень высоко). К родичам ее, грызунам, относится и гораздо менее популярная за пределами Южной Америки *vizcachá*, распространенная в Аргентине и далее, до Патагонии; туземцы пользуются ее шкурой и едят ее мясо. Менее известна у нас в Европе дикая лама, *guanaco*.

Среди терминов, связанных с перуанской флорой, отметим сперва более специальные: *chilón*, *guaba* (вид мирта), *guarango* (род дерева, идущее главным образом на постройку судов), *motaquí* (род пальмы, растущей в Перу), *papa* (род картофеля), *poroto* (род гороха), *zapallo* (род тыквы), *yugo* (сорная трава вообще). Гораздо более известна *mate*, собственно тыква, служащая для приготовления сосудов, из которых через трубочку тянут так наз. парагвайский чай; *mate* стало обозначать поэтому и самый чай, называемый *yerba mate* или просто *mate*. Но первое место в ряду терминов, связанных с растительным миром, занимает, конечно, каучук, *caucha*, приобретший мировое значение благодаря широкому применению его в промышленности. Широко известна также *guayaquil* (какао из местности, носящей то же название).

Определить с надлежащей точностью размеры вклада, сделанного в испанскую лексику языками кичуа и аймара, так же трудно, как сделать то же самое в отношении арауак и кариб. Ясно одно, что влияние этих четырех языков и языка нахуатль на испанский словарь было весьма значительным. Но у испанского были встречи и с другими американскими языками, которые нельзя не отметить, хотя они и не играли такой роли, как только что упомянутые.

Среди них укажем прежде всего на тупи-гварани, широко распространенный уже в момент появления конкистадоров в центральных областях Южной Америки, по верхнему и среднему течению Параны, по Парагваю и верхнему Уругваю, наконец, по Пилькомайо и верхнему Вермехо.

Европейцы проникали сюда с различных сторон. Наиболее успешно и глубоко — со стороны Перу и Боливии. На этом пути они добивались до тех частей Чако, где верховья Пилькомайо сближались с верховьями Рио Вермехо и Рио Саладо. Здесь возникли древнейшие поселения северо-западной Ла Платы: Сальта, Тукуман, Сантьяго дель Эстеро; отсюда началось затем овладение пампой между Кордильерами и Параной и здесь были основаны впоследствии Мендоса, Кórдова и другие старые города края. С большим трудом продвигались испанцы с юга и востока. В первом направлении, вверх по Паране, продвижение происходило в несколько приемов (Педро де Мендоса, 1535, Айолас, 1536—1537, Ирала, 1548), и вплоть до появления Хуана де Гарай, положившего прочное основание Буэнос-Айресу, — с малыми результатами. Ядром испанских владений в центре Ла Платы была в XVI в. та область, которая стала впоследствии называться Парагваем, и столицей ее до начала XVII в. являлся Асунсион, основанный Айоласом в 1536 г. С востока, от Атлантического океана, к верхнему Уругваю и Паране устремились

португальцы. В 1532 г., руководимые Альфонсом де Соза, они основали на берегу океана С. Висенте; 40 лет спустя было положено начало С. Андре и С. Паулу (1560). С. Паулу, религиозное ядро Бразилии, явилось исходной точкой для продвижения португальцев-паулистов в глубь материка и на юг, к Риу Гранди ду Сул.

В языках всех отмеченных выше групп европейцев общение с тупи-гваранí оставило известный след, причем наиболее значительный в языке португальцев. Остальные местные языки почти не отразились в испанском. Это объясняется в значительной мере той руководящей и влиятельной ролью, какую играла группа тупи-гваранí среди туземцев центральных областей Южной Америки, а следовательно, и их язык, уже до прихода европейцев. С приходом последних значение этого языка еще более выросло. Обстоятельство это стоит в теснейшей связи с деятельностью в интересующих нас сейчас областях иезуитского ордена.

Иезуиты явились сюда в 1586 г. из Перу. Они обосновались первоначально в Сальта, спустились затем южнее до Кордовы, где ими был основан крупный коллегий. Отсюда они двинулись в область Парагвая и Паранý, где и водворились, организовав свои „редукции“ на верхнем течении Паранý, в районе Гвайра. Явившись конкистадорами в интересах церкви и мечтая о превращении обширных внутренних областей южно-американского материка в домен своего ордена, иезуиты повели эксплуатацию края, однако, иными методами, чем те, которые применяли обычно испанцы и португальцы. Последние либо истребляли местное население, либо смешивались с ним. Паулисты-мамелюки или гаучос аргентинской пампы представляют собой результат такого смешения с туземцами. В противоположность уничтожению или ассимиляции иезуиты выдвигали принцип изоляции местных людей от влияния европейцев. Они христианизировали местные племена, но в то же время старались законсервировать их, ревниво оберегая их от воздействия белых колонизаторов, сохраняя их прежние культурные и бытовые традиции, отбрасывая только то, что было заведомо для них неприемлемо. Иезуиты тщательно оберегали свою паству даже от испанского языка, никогда не говоря на нем с туземцами и стараясь, наоборот, приспособить их язык к выражению христианских идей, делая его языком школы и книги, как богослужебной, так и светской. Это создало для тупи-гваранí совершенно исключительное положение; язык этот не только подвергся грамматической обработке, но вместе с иезуитской проповедью и влиянием ордена в Южной Америке получил широкое распространение, превратившись в орудие общения между местными племенами вплоть до самой Амазонки. Он стал тем, что португальцы называют *lingua geral*, своего рода „койнэ“ центральной части южно-американского материка.

Согласно исследованиям Л. Адана в языковой группе тупи-гваранí следует различать два основных диалекта: южный, или гваранí, представителем которого является современный гваранí Парагвая и смежных областей, и северный, или тупи, распространившийся в бассейне Амазонки и по всей Бразилии. Тупи и лежит в основании *lingua, geral*, т. е. общего языка, ставшего для многих туземцев вторым языком, в ряде же случаев заставившего их даже совершенно забыть свой родной язык. Европейцы постоянно пользуются им в своих сношениях с различными туземными племенами.¹

¹ „Les langues du monde“, 687—699.

Язык этот являлся языком того своеобразного теократического государства, в котором монахи заменили косиков, но которое сохранило свой старый социальный строй и экономический уклад.

Однако позиция и успехи иезуитов ни мало не устраивали их конкурентов, испанских и португальских колонизаторов; своей изоляцией туземца они мешали им делать свое дело. Отсюда борьба, длительная и упорная, с обеих сторон; она началась в первые же десятилетия XVII в. и закончилась лишь после половины следующего столетия. В 1767 г. иезуиты были изгнаны, и только развалины возведенных ими зданий и храмов да *lingua geral* напоминают еще времена их господства.

В испанском языке общение с племенами группы тупи-гварани и пользование *lingua geral* оставило относительно небольшой след, и, что особенно важно, заимствования из этого источника не превратились в термины широкого употребления, как это случилось, напр., с рядом слов кичуа, вроде *pampa* или *mata*, нашедшими себе применение и вне южно-американских отношений. Причина лежит, вероятно, в том, что терминология для крупных понятий, связанных с жизнью внутренних областей Южной Америки, занятых тупи-гварани, к моменту появления здесь европейцев уже успела сложиться на основе других туземных языков. Заимствования из тупи-гварани имеют почти исключительно местное распространение и местное значение. Одним из наиболее известных терминов, усвоенных испанским, является *bagual* 'дикая лошадь', одно из характернейших и крайне опасных животных пампы, так как *baguales* бросались на караваны, а чтобы оценить опасность такого натиска, следует помнить, что размеры этих диких табунов достигали иногда свыше десяти тысяч голов.¹ Более широкой известностью пользуются *tapirucu*, *tapirete*, *tapihire*, *tapir* (единственный представитель семейства тапировых), *yaguareté* или *jaguar* (американский тигр), *mandioca* (род картофеля), *tapioca* (растение из породы молочайных, корни которого идут в пищу), *curare* (растительный яд, которым индейцы смазывали свои стрелы и который теперь применяется в медицине), *ipescacuana* (рвотный корень, употребляемый в современной фармации как отхаркивающее).

Из менее известных названий животных отметим: *aguara* (вид волка, водящегося на берегах Параны и Уругвая), *aguarachay* (вид лисицы), *ai* 'ай-ленивец', *aguti* (вид морских свинок), *coati* (вид медведя, живущий в северных областях Аргентины), *matasa* 'броненосец', *paca* (вид крысы), *quincayú* (вид обезьяны), *tamanduá* 'четырепалый муравьед'. Местная фауна дала довольно большой ряд названий птиц вроде: *saracho*, *chimango* (распространенные в Аргентине виды соколов), *cachalote*, *chaja* (живущая по берегам рек в пампе и на Парагвае), *charata* (вид дикого голубя), *chuyña*, *ñandu* 'американский страус', *terutero* 'бекас', *tucán* 'перцеед', *tuuyu* 'цапля', *urubu* (вид ночного ястреба) и др. Из пресмыкающихся можно отметить ящерицу *matoasto*, крокодила *yacaré*, водящегося в Паране, и змею *yaráre*. — Богатая флора этой части Америки познакомила испанцев с *abati* (род маиса), с *anapas* 'ананасом', *coá* (род тыквы, из которой пьют мате), *camambú* (трава), с рядом местных кустарников, как *catunga*, *ñandubay*, *quirilui*, с рядом деревьев, как *tatani*, *urunday* или *yatay*, растущими на Паране, и т. п.

Из слов, относящихся к быту, я напому, кроме *abati*, *ubá* 'челнок, лодка', *osa* 'хижина'. Испанский словарь Аргентины дает еще больше.² Но несравненно богаче заимствованиями этого рода

¹ Blasco Ibáñez. Argentina y sus grandezas. Мадрид, 1910, 239 сл.

² Там же, 107 сл.

португальский язык Бразилии, усвоивший множество терминов тупигварань.

Продвижение испанцев вдоль тихоокеанского побережья к югу, с целью найти золото в пределах нынешнего Чили, было делом Диего де Альмагро (1535). Наследство Альмагро перешло к Педро де Вальдивия, которому удалось проникнуть до р. Био-Био. Им были основаны при устье ее порт Консепсьон, а севернее — город Сантьяго, будущая столица Чили. За Био-Био испанцы наткнулись на упорное сопротивление туземцев — арауканцев. Вальдивия погиб в борьбе с ними, после чего испанцы (Уртадо де Мендоса) попытались вновь вторгнуться в Арауканию и подчинить своей власти индейское ее население. Но когда испанское войско, после ряда успешных действий, оставило страну, арауканцы вновь восстали против угнетателей и эксплуататоров, разрушили построенные испанцами за Био-Био опорные пункты, в том числе Вальдивию, и истребили оставшихся в их стране белых. В половине XVII в. Вальдивия была вновь отстроена, но в 1726 г. испанцы были вынуждены опять отказаться от земель, лежащих к югу от Био-Био. Только в половине XVIII столетия Вальдивия и некоторые другие населенные пункты среднего Чили оправились и жизнь в них стала более или менее сносной. Одновременно начал происходить процесс смешения белых с исконным местным населением и превращение этих метисов в оседлых землевладельцев. Это родоначальники того социального слоя Чили, который называли *rotos* (оборванцы) и который занял в нем низшее место. В противоположность другим областям Америки, этот низший слой был почти белым, в то время как обычно им являлись чистокровные индейцы. Арауканцы, однако, еще долго давали себя знать. Окончательное покорение их состоялось только в 1887 г., когда они, в сущности, давно уже перестали быть чистокровными индейцами и борьба шла больше в классовом плане.

Испанский язык Чили отразил в своей лексике в особенности элементы языка арауканцев, мапульче, как его обыкновенно называют, откуда многое проникло и в общеиспанский. Таковы термины вроде *gaucho* 'пастух', то что американцы называют ковбоем, *maloca* (или *malón*) — собственно: набег индейцев, а затем — торговля с индейцами-разбойниками или, наконец, *poncho* 'пончо', особого рода плащ гаучо, состоящий из целого куса шерстяной ткани, в котором сделано отверстие для просовывания головы. Но подавляющее большинство арауканских заимствований осталось на уровне провинциализмов, которые понятны только в ограниченном кругу чилийцев или близко соприкасающихся с ними. Как и приведенные выше термины Антильских о-вов, Мексики и Перу, они связаны с местной природой, вроде *quinoa* (особый кустарник), *culprén* (род собаки — *canis magallanicus*) и т. п.

Некоторые из таких провинциализмов выходят на более широкую арену; но пределы их распространения ограничиваются обыкновенно только несколькими областями Южной Америки. При этом в каждой из них эти странствующие термины выступают иногда со своим особым значением. Так перуанское *tambo*, означавшее у себя на родине первоначально дорожную станцию, затем ночлег и постоялый двор, в Аргентине получило смысл молочной лавки (франц. *laiterie*), где торгуют молоком, но где можно и наскоро закусить. Такое значение могло развиться естественно в условиях жизни страны, где скотоводство играло первостепенную роль.

Оставил свой след в испанском языке и контакт конкистадоров с другими языками Южной Америки: в испанском языке Колумбии сохраняются небольшие остатки языка чибча (или муиска), старого насе-

ления области и носителя культуры нагорья Боготá, исчезнувшего около 200 лет тому назад. В центральной и южной Аргентине распространено патагонское слово *тага*, обозначающее особый вид зайца. Можно уловить местами и заимствования из языка более мелких этнических групп. Но такой перечень завел бы нас слишком далеко, да и материал, относящийся сюда, не всегда достаточно надежен. Мы ограничимся поэтому только тем, что дано выше.

Языковые отношения в латинской Америке складывались иначе, нежели в Америке англо-саксонской. В Сев. Америке языки индейцев либо вымерли, либо вымирают. Европейец оседал здесь с самого начала прочно, шел сюда с семьей и устранил местное население. На юге преобладал тип авантюриста-солдата, который являлся с целью обогатиться в возможно более короткий срок, превратиться в Креза, высосать из туземца максимум. У таких людей семьи не было; человек довольствовался тем, что находил на месте. А к тому времени, когда в Америке появились женщины из Европы, он уже успел привыкнуть к местным. Конечно, дело не обходилось без уничтожения туземного населения; но оно было слишком многочисленно, часто культурно, жило слишком сплоченно, чтобы с ним можно было разделаться как с охотничьими племенами, рассеянными относительно редкими группами по обширным пространствам северных прерий. Только восточная половина Южной Америки несколько напоминала условия Северной: Бразилия, Уругвай, Аргентина. Отсюда — в известной мере аналогичные результаты. Но здесь не было *reservations*; какие-нибудь чарруа просто уничтожались. Таким образом языки майя, нахуатль, кичуа, аймарá, тупи-гваранí и др. сохранились не только в виде заимствованных из них слов в испанском или португальском, а как живые языки, и некоторые из них — вплоть до наших дней.¹

Политическая и экономическая роль Испании в XVI в., ее богатая литература создавали для испанского языка совершенно исключительное положение в Европе. Л. А. Доменики говорит в предисловии к испанскому переводу его „*Ragionamento*“,² предпринятому венецианским издателем испанских книг Алонсо Ульоа (1558),³ что из всех европейских языков испанский наиболее международный: „*es lengua muy común á todas naciones*“. Известно, что Ришелье любил писать по-испански и что французы и итальянцы охотно обращались к этому языку в XVI в. и изучали его. Сервантес говорит, что во Франции мужчины и женщины постоянно учатся испанскому языку. Французский лексикон, особенно со второй

¹ R. Lenz. *Diccion. etimolog. de las voces chilenas etc.* (см. выше, стр. 158). — R. J. Cuervo. *Apuntaciones críticas sobre el lenguaje bogotano*. Париж, 1914. — R. Lenz. *Beiträge z. Kenntnis d. Americano-spanischen* в *Zs. f. rom. Ph.*, XVII, 1889. — R. Grossmann. *Das ausländische Sprachgut im Spanischen des Rio de la Plata. Ein Beitrag z. Problem d. argent. Nationalsprache* (Seminar f. rom. Spr. u. Kultur). Гамбург, 1926. О туземных языках см.: P. Rivet. *Les Langues du monde*. Париж, 1924. — S. Enríquez Ureña. *Palabras antillanas: en el Diccionario de la Academia* в *Rev. de fil. esp.*, XXII, 1935, 175 сл. — Wagner. *Amerikanisch-spanisch u. Vulgärlatein* в *Zs. f. rom. Ph.*, XL, 1916, 395. См. также отчет об этих работах в „*Rev. de fil. esp.*“, XV, 1928, 294 сл. — G. Friderici. *Hilfswörterbuch. f. den Amerikanisten*. Halle, 1926. См. также REW³ под соотв. словами.

² „*Razonamiento de empresas militares*“. Этот Доменики — то же самое лицо, которое дало в 1545 г. новое издание поэмы Боярдо, подновив ее язык.

³ Ульоа, как это видно из посвящения книги, жил с 1546 г. в Венеции, а ранее служил под начальством Кортеса.

⁴ Cervantes. *Persil. v Sigism.*, кн. 3, гл. 13. Но все эти факты не дают нам, конечно, права утверждать вслед за И. Ф. Пастером, что испанский сделался „национальным языком“ Франции. См. его „*Las apologias de la lengua castellana en el siglo de oro*“ (Мадрид, 1929).

половины XVI в. и в XVII в., пополнялся испанизмами, составляющими большинство испанских заимствований во французском.¹ Характерно то, что именно к этой эпохе относится большинство слов, ставших настолько французскими, что происхождение их более не ощущается.²

На ряду с французским наибольшее влияние испанского лексикона обнаруживает итальянский, в особенности язык южной Италии. Период испанского владычества в Неаполе оставил заметный след в местном народном языке, и даже в местной фонетике. Неаполитанская орфография XV в. пользовалась написанием (с)cz в самых различных случаях. Знак этот употреблялся параллельно с с не только для передачи рефлексов иотированных лат. t и c,³ но и с + e, i: *Marcia* и *Marczia*, *piacze* и *piacere*, *acczetto* и *acchetto*. Очевидно (с)cz могло обозначать и ts и č. Причины колебаний можно искать во влиянии испанского *seceo*, т. е. произношении не только с, но и z как ř, глухого интердентального спиранта. Действительно, такие испанизирующие писатели, как Дель Туппо, несомненно, сознательно прибегали к особым написаниям в словах, напоминавших испанские: *saza* вм. *casa*, *faza* < *faciat* и т. п. Но z имеется и в других, диалектических, словах. Принимая во внимание, что написания с (с)cz встречаются уже в XIV в., когда они могли выражать и ts, и č, мы будем искать причины скорее всего в особенностях неаполитанского произношения, в котором и сейчас нетрудно уловить наличие своеобразного интердентального сибиланта.⁴ Возможно, однако, что испанское влияние помогло развернуться местным тенденциям.

Впрочем, испанский оставил по себе память не только на юге.⁵ Неапол. *frabutta* 'мошенник', калабр. *frabutta* 'обжора' отвечает тоск. и миланск. *farabutto* 'обманщик', воспроизводящее исп. *faraute* 'посол', 'фактотум', 'интриган'.⁶ Возможно, что с испанским надо связывать и распространенное в Италии *meschino*. Несомненно из испанского заимствовано

¹ Общее число испанских заимствований доходит до 300 по подсчету F. Brunot—Ch. Brunet, *Précis de grammaire historique de la langue française*. Париж, 1933, 189. Слова, заимствованные в эпоху Реконквисты (XI—XIII в.), в XIV и XV вв. очень немногочисленны и носят в большинстве случаев специальный характер: *algalife*, 'калиф', *amirafle* 'эмир', *maravedi* 'золотая монета', *genette* (особый вид хорька), *mesquite* 'мечеть' < араб. *mašğid*; нынешнее *mosquée* прошло в XVII в. вероятно через итальянский (*moschea*); *infant* и т. п. Такие термины, как *meschin*, -e, 'девочка', *laquais* < исп. *lacayo* составляют меньшинство. См. „Dict. génér.“, I, 25.

² Как напр. *alcôve*, *artichaut*. Сюда относят иногда и *bizarre*, встречающееся несколько раз в испанском значении „мужественный“, обычно же „странный“, „удивительный“. Вероятнее, однако, что французский термин заимствован из итальянского, так как значение „странный“ в итальянском—основное. Что же касается до „мужественный“ у Ла Ну и Брантома, то у них это, может быть, простой испанизм. Попытка Wind связать ит. *bizarro* 'тневный' с 'мужественный' для французского излечения. Этот семантический переход следует отодвинуть к моменту заимствования термина итальянцами; но здесь связующим было скорее всего значение преувеличенной рыцарственности, блеска и великолепия. С. Wind. *Les mots italiens introduits en français au XVIe s.* Deventer, 1928, 61. К той же категории: *camarade* (в XVI в. ж. р. и еще в значении коллектива, живущего в одной комнате), *embarcation*, *me/armelade*, *melasse*, *mordache*, *peccadille*, *romance* и др. См. „Dict. génér.“ (I, 25—26), в списке которого должны быть сделаны теперь сокращения. Ср. F. Brunot. *Hist. de la langue franç.*, II, 208—214. Здесь дана лингвистическая классификация испанских заимствований. Испанским заимствованиям во французском посвящена специальная работа: W. Fritz Schmidt. *Die spanischen Elemente im franz. Wortschatz*. Halle, 1914 (54 Beiheft к „Zs. f. rom. Ph.“).

³ Изображавшихся в старейших рукописях обыкновенно с помощью c.

⁴ P. Savj-Lopez. *Appunti di napoletano antico* в *Zs. f. rom. Ph.*, XXX, 1906, 41.

⁵ О влиянии, напр., испанских проповедников уже в XVI в. и распространении типа испанской проповеди XVII в. см. B. Croce. *Saggi sulla lett. ital. del Seicento*. Бари, 1911, 163 сл. — Он же. *Lingua spagnuola in Italia*. Рим, 1895.

⁶ Связанное вероятно с **herialt* (франк.) 'герольд'. REW³, no. 4115b.

ginnetto (легкая, подвижная лошадка), исп. *ginete*; Мейер-Любке относит к числу испанизмов и *catatura* 'право находчика'.¹

После описанных побед и влияния испанскому оставалось только занять соответствующее место в международных сношениях XVI в., как языку крупнейшей мировой державы, которую так естественно было отождествить с империей благодаря ее огромному политическому значению и тому, что Карл I был одновременно и Карлом V. Но занять такое положение значило вытеснить латынь, привычка к которой была еще слишком сильна и престиж которой Возрождение подняло на огромную высоту. Другой помехой была широкая популярность итальянского как языка исключительно ценной культуры того времени, у которой продолжали учиться все, как бы кто ни хотел быть самим собой. Вот почему какой-то странной и совершенно неожиданной демонстрацией прозвучала испанская речь Карла V, с которой он выступил в 1536 г. в Ватикане перед Павлом III и аккредитованными при папе представителями других держав. Именно как демонстрация рисуется она в сохранившихся до нас реляциях, сделанных рядом присутствовавших представителей своим правительствам. А между тем император, говоривший о франко-испанских отношениях, хотел своим обращением к испанскому языку только подчеркнуть свою связь с родиной своих товарищей по оружию и ту преданность к ней, в недостатке которой его неоднократно обвиняли испанцы, долго помнившие, как в 1518 г. на собрании кортесов в Вальядолиде ему настойчиво рекомендовали отстранить от себя фламандских советников, а бургосский делегат Сумель советовал выучиться по-кастильски, „чтобы лучше понимать своих подданных и быть лучше понимаемым ими“. Тем не менее испанская речь оказывалась неприемлемой, и сам император никогда больше в аналогичной обстановке не прибегал к ней. Французским языком XVI в., языком политики и дипломатии, он не стал. Возможно, что это и случилось бы, если бы Испания оставалась объединенной с империей и если бы в ней не развились так рано и с такой силой те условия, которые привели ее к падению. Европейская роль испанского ограничилась, таким образом, тем кругом случаев, с которыми мы познакомились выше.²

Впрочем, в пределах этого круга не все случаи нами исчерпаны.

Иррадиация испанской литературы и испанского языка продолжалась еще и в XVII в., в эпоху Филиппов III и IV (1598—1665). Когда литература и искусство Испании стояли еще на высоте, когда работали такие мастера слова, как Сервантес, Лопе де Вега и Кальдерон, и создавались полотна Риберы, Сурварана, Веласкеса и Мурильо, историческая драма страны однако приближалась уже к своей развязке.

Дворянство, которому приносились в жертву живые силы народа, превратившееся в беспрекословных, но привилегированных слуг монарха, потрясло в бездеятельности; жизнь его была связана многочисленными внешними формами; характеры мельчали; вкус и интересы направились на мелочи, превращали искусство в формальную забаву, лишенную серьезной мысли и широкого содержания. Это сказалось в так наз. культизме, *estilo culto*, насадителем которого был Гóngора,³ имевший

¹ Ital. Gramm., 284.

² A. Morel-Fatio. L'espagnol — langue universelle в Bull. hispan., XV, 1913, 207—225. — Об испанском языке в XVI в. см. оставшуюся недоступной нам работу R. Menéndez Pidal. El lenguaje del siglo XVI. Madrid, Cruz y Raya, 1933.

³ Собственно, Луис де Арготе и Гóngора (1561—1627). Гóngора был уроженцем Кórдовы

целый ряд последователей, а теоретиком — арагонский иезуит Бальтасар Грасиан (ум. 1658), изложивший правила этого стиля в своей „*Agudeza y arte de ingenio*“. Явление это имеет, как известно, ряд аналогий в европейской литературе эпохи: ему отвечает в Италии маринизм, в Англии — эвфуизм, во Франции — прециозность. Попытка некоторых историков литературы показать их различие и вывести порознь из местных условий вполне основательны и законны, но отнюдь не снимают конечного вопроса о генезисе скрывающейся за этими вариантами некоторой общей сущности, которая может быть понята только из сопоставления социальных аналогий в развитии создавших их обществ.

Estilo culto предполагал, естественно, и особый язык, и он создавал его. Вопросы языка интересовали Гóngору в такой же мере, как и посетителей салона м-м де-Рамбулье. Он был большим неологистом; он старался создавать новые слова из латинских; он обновлял старинные полузабытые выражения, придавая им новый смысл. Это казалось его современникам подвигом, и они не без основания называли его *prodigioso*, т. е. изумительным. Для Кеведо (1586—1645), младшего современника Гóngоры, который несмотря на весь свой острый критический ум сам отдал дань концептизму, Гóngора являлся *latiniparla*, ибо одной из характерных черт его языка было стремление латинизировать его, дабы придать ему большую значительность и великолепие. После Ренессанса латынь была, таким образом, снова призвана на помощь и наполнила испанскую речь новыми образованиями книжного типа, сделанными, главным образом, по типу итальянских, из которых кое-что в языке удержалось. Один из критиков XVIII в., Варгас и Понсе дает в своей „*Declamación contra los abusos de la lengua castellana*“ список слов и выражений, которые последователи Гóngоры пытались ввести в оборот испанской литературы. Список этот далеко не полон, но довольно значителен. Однако в испанской грамматике культура утонченного стиля, *agudezas*, не оставила сколько-нибудь заметного следа; очередными вопросами эпохи были вопросы не лингвистические, а стилистические, вопросы словаря и словообразования. В грамматическом отношении продолжали оставаться в силе правила и положения Небрихи. Продолжена была только орфографическая его работа. В XVI и XVII вв. к проблемам написания вернулись А. Венегас (1531), Матео Алеман (1609), Х. Корреас (1621) и некоторые другие.

Estilo culto имел влияние не в одних лишь пределах Испании, и не меньшее, чем стиль знаменитого „кавалера Марини“, побывавшего в 1615 г. во Франции и напечатавшего здесь в 1623 г. своего „Адониса“. Говоря, что м-м де Рамбулье оказала ему исключительное внимание; сам он об этом умалчивает, и А. Оветт пытался подчеркнуть это как факт, свидетельствующий о том, что французы занимали по отношению к неаполитанской знаменитости особую позицию.¹ Дело, конечно, не в приеме; гораздо более показательно сочувствие Марини со стороны Теофиля, Шаплена и даже старика Малерба и др.; а некоторые из этих лиц были близки салону м-м де Рамбулье.²

Несомненно, что если бы Гóngора пожаловал в Париж, его ждало бы здесь не менее сочувственное отношение. Но этого не случилось. Проводником культизма во Франции явился некий Антонио Пéрес, один из секретарей Филиппа II. Благодаря ему салон м-м де Рамбулье был посвящен во все тайны метода Гóngоры и посетители его получили возможность использовать его завоевания. Не менее сочувственный прием

¹ Ист. итал. лит. (русс. пер. под ред. В. Шинмарева), 229.

² Г. Лансон. Ист. франц. лит. (русс. пер.), I, 491.

нашел Перес и в Лондоне Джона Лилли и „Euphues“, куда он направился из Парижа. Вкусы господствующей феодальной дворянской группы времени абсолютизма развивались повсюду единообразно. Классицизм еще не успел развернуться; прежде чем обратиться к нему, старались исчерпать последние возможности Ренессанса.

8

В 1700 г. австрийская династия на испанском престоле пресеклась, и Испания очутилась под властью иноземных государей, французских Бурбонов, в лице внука Людовика XIV, Филиппа Анжуйского, превратившегося в Филиппа V. Это стоило Испании прежде всего 13 лет войны и потери части своих владений: по Утрехтскому миру Минорка отошла к Англии, Сицилия — к Савойе; по Раштадтскому договору испанские земли в Италии, Сардиния, Люксембург и Фландрия, отошли к Австрии.

Гораздо более важным следствием водворения Бурбонов было, однако, то, что Испания очутилась в русле французской политики и как бы придатком к Франции, с которой с 1761 г. ее связали всевозможные „семейные пакты“ и тому подобные „дружественные“ договоры вплоть до оборонительного и наступательного союза. Но дело не ограничилось областью политики. Вся жизнь страны в течение XVIII в. испытывала на себе глубокое влияние Франции.

Испанский абсолютизм сменил абсолютизм во французском духе: в XVIII в. это был так наз. просвещенный деспотизм, кульминационной точкой которого явилась эпоха Карла III (1759—1778). Началась перестройка страны, которая производилась в течение довольно долгого времени, даже с помощью технических руководителей-французов; их только постепенно сменили испанцы, среди которых наиболее выдающимися фигурами являлись Кампоманес, Флорида Бланка, премьер-министр Карла III, и ученый энциклопедист, министр Карла IV, Ховельянос. Но все это были люди, прошедшие французскую политическую и философскую школу и проводившие в жизнь у себя на родине принципы французского абсолютизма. Кампоманес был экономистом и финансистом, второго Маркс характеризует как „плебея-бюрократа“, проникнутого „верой в деспотизм и неверием в способность народа к самостоятельности“; третьего он называет „аристократом филантропом“.¹

Перестройка старых порядков дала ряд положительных результатов. Был упорядочен государственный бюджет, проведен ряд мероприятий, направленных к поднятию торговли и промышленности: улучшены пути сообщения, положено начало распространению технических знаний, оказана поддержка „Экономическим обществам друзей страны“ (число которых в начале XIX в. доходило до 62), сокращены привилегии союза скотовладельцев, Месты. В Каталонии и Валенсии, Басконии, Астурии и в области Альмадена промышленность начала оживляться. Были отменены майораты с тем, чтобы „дезамортизировать“ огромные латифундии и передать их в руки мелких собственников; была продана часть земель духовенства, и само оно лишено права приобретать новые земельные владения; принят ряд мер для заселения испанцами и иностранцами пусто-порожных земель, которых было немало. Цеховые организации подверглись стеснениям, направленным к расширению свободы труда. Не входившие в состав корпораций ремесленники получили право устраиваться самостоятельно; в интересах работников высокой технической опытности

¹ Революция в Испании, 18—19.

был упразднен ряд цеховых организаций. Наконец нельзя не отметить мероприятия, направленные к поднятию просвещения: расширение сети школ, учреждение стипендий, реформу университетов и т. п.

Но все это имело и обратную сторону. При заселении пустопорожних земель испанцы оказывались в несравненно менее выгодных условиях нежели выписанные немцы или фламандцы, что напоминает аналогичные мероприятия в России в эпоху Екатерины II. Майоратские земли доставались наиболее имущим элементам земледельческого класса. Свобода устраиваться помимо корпорации была фактически доступна только тем из ремесленников, кто обладал известными средствами. В этих, как и во многих других случаях правительственные реформы подымали благосостояние только ограниченного числа групп населения, наиболее сильных и состоятельных, и прежде всего городскую буржуазию. Но и для нее, как частью и для широких масс, французский режим принес с собой немало испытаний. В Арагоне и особенно в Каталонии, с оружием в руках выступившей против кандидатуры Филиппа V, многие из прежних прав и преимуществ были отменены и заменены кастильскими порядками; в Валенсии же и на Майорке древние фуэрос были уничтожены вовсе.

Тяжело пришлось расплачиваться за французский режим производящим группам населения еще и потому, что войны аннулировали почти все мирные завоевания эпохи. Водворение в Испании французских Бурбонов поставило ее во враждебные отношения к Англии и Австрии и привело к целому ряду вооруженных столкновений, тянувшихся на протяжении всего XVIII в. и страшно изнуравших страну. Войны эти уносили все приобретенное упорной борьбой и работой, между тем финалом их было то, что к началу XIX в. Испания потеряла все свои европейские владения, за исключением Балеарских островов, и часть принадлежавших ей территорий в Африке и Америке.

Однако, несмотря на политику Бурбонов, Испания не превратилась до конца в некий придаток к Франции. Наоборот, даже вопреки тому полсжительному, что она получила в XVIII в. благодаря французскому влиянию, она осталась сама собой. И не только потому, что привилегированное положение феодального дворянства и чрезмерный авторитет церкви окрашивал, как раньше, в характерные тона испанскую жизнь. Никакие попытки централизации во французском стиле не смогли переделать Испанию в некоторое подобие Франции. Может быть именно то, что централизация насаждалась иностранной династией, вызывало усиление какого-то безотчетного тяготения в сторону старой привычной диссоциативной тенденции, заложенной многовековой предыдущей историей, а потому необычайно живучей. В той средневековой форме, в которой жила в эту пору тяга к „малому отечеству“, она была пережитком, но эта пережиточная форма являлась пока единственно возможной хранительницей своеобразного национального чувства, которое в отношении „большого отечества“ ощущалось пока несколько отвлеченно.

Этот пережиток помог пронести через то время, когда Испания попала во французскую школу, желание создать свою культуру, науку, искусство, литературу, подняв их до уровня требований современности. Французам можно было подражать, но можно было и, используя их как образец, создать нечто аналогичное свое. Так появился на свет ряд ценных научных работ испанцев в области математики, физики, естествознания; так добились они известных, правда более скромных, успехов в области истории и филологии; в области изобразительного искусства Гойя является не только центральной фигурой испанского XVIII в., но и крупнейшей европейской фигурой этого времени.

История современной испанской литературы представляет нам картину борьбы между чрезмерным поклонением французским образцам галломанов, *afrancesados*, и стремлением продолжить или нащупать свои пути. Та же самая борьба ведется, естественно, и в области языка, тесно связанного с литературой.

В Мадриде, ставшем с 1561 г. постоянной столицей государства, стали довольно рано укореняться французские привычки и вкусы. По образцу знаменитых собраний в Голубой комнате у м-м де Рамбулье возникают *tertulias*, как их называли испанцы, наиболее ярким примером которых может служить возникший в 1749 г. салон графини Лемос, являвшийся академией хорошего вкуса (*buen gusto*). Все старались говорить по-французски. Сатирик иезуит Хосé Франсиско де Изла (1703—1781), поклонник добрых испанских нравов, издевался над своими современниками, старавшимися корчить из себя иностранцев.¹ В 1789 г. одному молодому человеку, желавшему сделаться писателем, дают совет писать по-французски.² Так и поступает последователь Буало и французских классиков Игнасио де Лусан, часть произведений которого написана по-французски. Основанная им первая испанская литературная газета „*Diario de literatos*“ пропагандирует принципы современной французской поэтики. Произведения Мелендеса Вальдес пестрят французскими словами и оборотами; о более скромных величинах нечего и говорить.

Галломания была, конечно, крайностью. Серьезный же интерес к Франции имел большое значение для страны, в которой руководящие социальные группы, при всем своем внешнем блеске, были отсталыми и невежественными. Ведь даже испанские университеты являли печальную картину умственного упадка, и преподавание велось в них так, „как будто Бекон, Декарт, Ньютон, Лейбниц никогда не существовали и в физике, медицине, государственных науках не было никакого прогресса“.³ Естественно, поэтому, что на Францию ориентировались такие люди, как Бенито Фейхóо,⁴ старавшийся познакомить своих соотечественников с современными идеями и достижениями французской науки. Из Франции во второй половине XVIII в. проникли за Пиренеи и рационализм и идеи политической свободы в их французской формулировке. Примеру тех же французов обязана во многом и деятельность тех ученых и писателей, которые обратились к изучению истории Испании, ее языка, литературы и стали издавать памятники своего национального прошлого.⁵ На французах, наконец, учились и те писатели, поэты, критики и драматурги, которые вносили светлую струю в испанскую художественную литературу: Моратин старший, глава кружка, собиравшегося в старом мадридском трактирчике „*Fonda de San Sebastian*“, входивший в состав

¹ José Francisco de Isla. A los que, degenerando del caracter español, afectan ser extranjeros. По поводу языка см. также его „*Fray Gerundio*“, кн. 4, гл. 8.

² Тикнор, ук. соч., III, 234.

³ Ph. A. Becker. *Gesch. d. span. Literatur*. Страсбург, 1904, 100. Ср. также ряд примеров культурной отсталости Испании у Тикнора (ук. соч., III, 240, 245—248, 253, 255). Ср. также цит. работу *Desdévices de Désert*.

⁴ Ему принадлежит „*Teatro crítico universal*“ (1725—1739) и „*Cartas eruditas*“ (1741—1760).

⁵ В 1737 г. выходят „*Orígenes de la lengua española*“ валенсийца Маянс и Сискара; с 1747 г. — огромная „*España sagrada*“ Энрике Флорес; в 1754 г. — „*Orígenes de la poesía castellana*“ Луиса Хосé де Веласкес. В 1768 г. Лопес де Седано, приступает к изданию классиков золотого века, „*Parnaso español*“; в 1785 появляется „*Teatro español*“ Висенте Гарсиа де ла Уэрта; между 1786 и 1794 гг. — „*Teatro histórico-crítico de la elocuencia española*“ Антонио де Капмань и Монтпалау и работы, из которых многими мы пользуемся до сих пор и которые в свое время явились целым откровением, к сожалению однако не сразу сказавшимся практически.

этого кружка талантливый анакреонтик и сатирик Хосé де Кададьсо и выступившие позже критик Хуан Пабло Форнер и драматург Моратин младший.¹

Влияние Франции в жизни испанского языка сказалось двояко. От XVIII в. испанскому языку достался целый ряд новых терминов, в большинстве своем проникших и во многие другие европейские языки. Таковы: *petimetre*, *coqueta*. Испанские термины, отвечавшие первому, были: *lindo*, *lucido*, *pisaverde*, *currutaco*, *lechugino*, *gomoso* (ср. наши „петиметр“, „щеголь“); второму — *casquivana* (букв. пустоголовая; наша „ветреница“). Сюда же относятся *soirée* (исп. *sarao* или *serano*, обозначала больше нашу вечеринку с танцами или даже бал); *asamblea*, *toilette* (исп. *tocado* являлось больше обозначением специальных украшений на голове или на платье); *toupé* не покрывалось *cepete*, выражавшему наш завиток, локон, спускающийся на лоб; *corsé* очень отдаленно напоминало исп. *cotilla*; *glasé* обозначало особую гляцевитую тафту, но и иную аналогичную ткань. Ряд слов связан со столом и кухней; сюда относятся напр. *potpourri*,² имеющее, впрочем, и значение ящика или шкафа портного, поражающего разнообразием содержащегося в нем материала; *fricasé* и т. п. Старое *fonda* (наша „гостиница“, в старину — „трактир“) вытеснено словом *hotel*, ставшим интернациональным. В испанском акклиматизировались: *comité*, *bufete* „письменный стол“ (исп. *escritorio* или *estudio*), *silueta*, *couplet* (исп. *copla* или *tonadilla*), *parterre*, *ficha* „фишка“, *burgés*, *equipaje*, *chimenea*, *librea*, *pichón* „молодой голубь“, *avalancha* „лавина“ (исп. *alud*), *etiqueta* — *rótulo*, *retreta* — *gurda*). В виде *laqué* в Испанию вернулось старое местное *lacayo* и т. д. Благодаря французскому влиянию в испанский проникли и латинизмы нового типа, как *superficialidad* или *incontestabilidad* и т. п. Многие французские термины оказались недолговечными: *remarcable* вм. *notable*, *surtout* вм. *sobretudo*, *coclíco* вм. *amapola* отзывались аффектацией, употреблялись в ограниченных социальных кругах и постепенно вымерли. Но многое сохранилось и должно было сохраниться как необходимое. К сожалению вопрос о французском влиянии на испанскую лексику и синтаксис не подвергался еще обстоятельному изучению, хотя он, несомненно, не замедлит привлечь к себе внимание исследователей.³ Как видно из наших примеров, большая часть лексических заимствований принадлежит к области быта или искусства, включая сюда и литературу.

Формальными признаками нового слоя французских заимствований является передача франц. *g* как *ch* или *s*: *pichón*, *bisutería*, тогда как старый слой дает *jardín*, *forja* и т. п.

Увлечение всем французским, как мы видели, пробудило, в виде протеста, интерес к испанскому. Но интерес этот воспитывало и само подражание французам, помимо идеи протеста. Забота об испанском языке и изучение его родились задолго до появления работ Маянса и Сискар и под непосредственным влиянием того, что делалось для французского языка во Франции.

В 1714 г. по инициативе короля, формально же по предложению маркиза де Вильена, была учреждена Испанская академия. Созданная

¹ Для истории языка интересны, между прочим, „Esequias de la lengua castellana“ Форнера и „Derrota de los pedantes“ Моратина-младшего, а также 25-е письмо „Cartas marrucassas“ Кададьсо (изд. в *Rev. hisp.*, I, 302).

² Перевод исп. *olla podrida*, букв. горшок, наполненный несвежими вещами. Так называлось блюдо, состоявшее из зелени и кусков (первонач. остатков) мяса, баранины, курятины и т. п. Испанцы получили свой термин обратно во французском переводе.

³ Значительный, но не вполне надежный материал собран венецуэльцем R. M. Baralt в „Diccionario de galicismos“ (1860), см. фактические и принципиальные поправки H. Peseux-Richard в *Rev. hisp.*, IV, 31—44.

в подражание французской, Испанская академия должна была заняться составлением словаря, грамматики и истории кастильского языка. Члены академии обратились в первую очередь к словарю, так как в виду той лексической пестроты и разногласий, о которых мы говорили выше, составление словаря являлось делом огромной важности. После словарей Небрихи (1492) и Севастьяна де Коваррубиас, появившегося в 1611 г., а в дополненном, новом издании в 1674 г.,¹ это был первый опыт большого лексикона. В 1726 г. академики принялись с большой энергией за работу и к 1739 г. составили шеститомный „Diccionario“, который несмотря на неполноту, неточности и ошибки, явился все же необычайно ценной работой. В словаре был собран огромный материал; были даны этимологические справки и приведено множество ценнейших примеров. Понимая, однако, что работа в таком виде не может обслужить широкие круги, Академия решила дать сокращенное издание словаря без цитат и этимологий, но с большим уточнением определений значения слов. Это издание появилось в свет в 1780 г.

Хуже обстояло дело с грамматикой. Так как среди академиков не было достаточно людей лингвистически подготовленных, то грамматикой занялись только в 1740 г., а самая грамматика была опубликована лишь в 1772 г. Недостаток подготовленных к ее составлению специалистов сказался в том, что она вышла мало удовлетворительной как в теоретическом, так и в практическом отношении. Переработки ее, вплоть до XX в., также оставляли желать много лучшего; тем не менее академическая грамматика являлась в течение очень долгого времени нормой для школы.² Одновременно со словарем Академия занялась вопросами орфографии. Проблема была актуальнейшей, а между тем со времени Небрихи³ к ней не обращался никто, если не считать остроумной, но едва ли приемлемой „Ortografía de la lengua castellana“ Матео Алемана, изданной им в Мексике, в эпоху его пребывания в этой стране, в 1609 г., да фантастического „Alfabeto o nueva colegacion de las letras qonozidas en nuestro idioma Qastellano“, принадлежащего перу некоего Хосе Ипполита Валиенте, „profesor de artes en los estudios de la ciudad de Plazencia i de leys en la universidad de Salamanca“. Эта последняя работа была издана в 1731 г. На следующий же год появилось опровержение ее положений под заглавием „Hypolito contra Ipolito, el Español vendido...“, написанное Габриелем де Атарве и Ангита (Мадрид, 1732).⁴ Атарве отстаивал традиционную точку зрения, т. е. исторически сложившееся написание. Алеман был новатором и стремился отчасти упростить обычные знаки, отчасти сблизить их с произношением. Так он предлагал изображать звук *sh* в виде опрокинутого *s*, писать союз *y* как *i* и т. п. Некоторые его орфографические идеи нашли себе признание впоследствии.

Орфографические рассуждения Академии вышли в виде приложения к ее словарю, а затем, в 1742 г., и отдельно. Интерес, пробужденный ими, был настолько велик, что издание пришлось повторять, хотя многое долго оставалось спорным. Только в 8-м издании рассуждений, появившихся в 1815 г., орфографические правила приняли ту форму, которая в основном существует и поныне. В 1817 г. они были включены в сокра-

¹ S. de Covarrubias. Tesoro de la lengua castellana. Известное значение имел и „Diccionario de la lengua española y francesa“, появившийся в 1705 г. и позже неоднократно переиздававшийся.

² Пока Академия работала над нею, появились грамматики Гайосо (Gayoso) (Мадрид, 1745) и Сан-Педро (Валенсия, 1769). В 1775 г. было дано подложное издание грамматики Небрихи, о которой мы упоминали выше.

³ „Reglas de ortografía“, Алькала де Энарес, 1517; переиздана вместе с его грамматикой J. Gonzales-Llubere (Oxford University Press, Лондон, 1926).

⁴ Об этих орфографических трактатах см. Тикнор, ук. соч., III, 223.

щенное издание словаря. Впрочем вопрос об испанской орфографии и до сих пор представляет еще ряд затруднений и не может считаться разрешенным.

История кастильского языка не привлекла к себе в достаточной мере внимания Академии. Косвенно для этой темы будущего была произведена значительная подготовительная работа в предпринятых Академией литературных комментированных изданиях классиков. Немало ценного можно найти и в монографиях, написанных отдельными академиками.

9

Как мы уже отметили выше, Испания познакомилась в XVIII в. с социальными и политическими идеями Руссо, Вольтера и других французских писателей. Революция 1789 г. усиливает подъем недовольства и пробуждает стремление освободиться от гнета абсолютизма и феодалов. Однако успехи революционного движения во Франции вызывают перепуг правящих и их главной социальной опоры, дворянства и духовенства. Карл IV объявляет Франции войну. Но через несколько времени в расчете на то, что революция не удержится и французский престол может достаться испанским Бурбонам, Карл сближается с директорией, а затем и с Наполеоном. Однако расчеты Бурбонов были разгаданы последним, который еще в 1807 г. решил ликвидировать их и посадить на испанский престол своего человека, превратив Испанию, таким образом, в вассала Франции. В 1808 г. одураченная династия после ряда унижительных сцен отдала сама свою страну в руки Наполеона. Испания получила „одну из готовых конституций“ (К. Маркс), а на испанский трон был посажен брат Наполеона Иосиф. Испания оказалась таким образом вновь на поводу у французской политики. Это вызвало возмущение народа и ряд народных восстаний в Мадриде, Толедо, Бургосе, Астурии, Галисии, Андалусии, Валенсии и привело к семилетней борьбе с французами, так наз. войне за независимость (1808—1814). Наполеон просчитался. Уверенный, подобно своим современникам, в том, что Испания — безжизненный труп, и не видя в испанской монархии ничего живого, кроме жалкой династии, он „должен был с изумлением убедиться, что если испанское государство было мертво, то испанское общество было полно жизни, и в каждой его части били через край силы сопротивления“.¹ То своеобразно выраженное национальное чувство, о котором мы говорили выше, возбужденное грубым насилием, бурно прорвалось наружу и явилось одной из основных причин не только неуспеха насилия, но и гибели насильника.

Однако движение 1808—1814 гг. было не только национальным, но и социальным. Угнетенная трудящаяся масса бросилась в борьбу во имя свержения ненавистного феодального строя. К ликвидации его стремилась и часть буржуазии, и это отразилось в конституции 1812 г. Но та же конституция представляла собой, по выражению Маркса, „воспроизведение древних „fueros“, понятых, однако, в духе французской революции и приспособленных к нуждам нового общества“.² На практике она не дала ничего.

Главная руководящая организация — центральная хунта — „мало того, что мертвым грузом повисла на испанской революции, она в буквальном смысле действовала в пользу контрреволюции: восстанавливала прежние власти, снова ковала уже разбитые цепи, старалась тушить пламя рево-

¹ К. Маркс. Соч., X, 722 = Рев. в Исп., 9.

² Там же, 751 = Рев. в Исп., 98.

люции всюду, где оно загоралось, бездействовала сама и мешала действовать другим".¹ „Центральная хунта не сумела защитить родину, ибо она не выполнила свою революционную миссию".² Регулярная армия оказалась повтому уже в 1809 г. бессильной против французов. И если победа была одержана, то только благодаря энергии самого народа, благодаря партизанской, народной войне (герилье), участники которой оказались сильнее французских регулярных войск.

„Французы были в полном недоумении, видя, что центр сопротивления испанцев находится всюду и нигде".³

Испанский народ справился с внешним врагом, но буржуазия, преисполненная страха перед революцией и неспособная возглавить ее, капитулировала перед врагом внутренним, реакцией, и народ оказался, в конце концов, в плену у феодальной знати, светской и духовной. Испания вернулась к исходной точке, к старому режиму. В 1814 г. возвратился Фердинанд VII, а вместе с ним феодальная реакция, „святая инквизиция" и прочие атрибуты старого порядка; конституция 1812 г. была отменена, а наиболее активные противники феодально-клерикального деспотизма вынуждены были эмигрировать.

Но раз данная революционным движением зарядка не могла быть так просто ликвидирована. С другой стороны, армия, выдвинувшаяся в эпоху войны за независимость, превратилась в силу, которая отныне начинает играть в политической жизни Испании крупную, хотя и обоюдоострую роль, и в течение довольно долгого времени. Легко воспламеняющимся и тоже обоюдоострым элементом становятся и герильеры. Военное движение Риго (1820) было подхвачено массами и привело к временному восстановлению конституции (1820—1823), и только нажим Священного союза, поддержанный штыками французских войск, „ста тысяч сыновей св. Людовика", мог восстановить старый порядок. Впрочем не надолго.

По смерти Фердинанда (1833), на фоне династических столкновений (Изабелла II — Дон Карлос), вспыхивает новое движение, в котором армия играет вновь значительную роль, но в котором и массы поднимаются огромной волной. Движение продолжается до 1843 г., но опять-таки не дает тех результатов, которых от него можно было бы ожидать, так как испанская буржуазия и на этот раз оказалась неспособной повести народ на решительную борьбу с феодалами. Она удовлетворяется вынужденными уступками новой власти, понявшей необходимость замаскировать свою истинную реакционную сущность видимостью компромисса. Но лицемерие и полумеры только усиливали недовольство более прогрессивных групп буржуазии, успевших уже отслоиться к началу 40-х годов.

1849 год, увидевший рабочие дружины на улицах Мадрида, вызывает испуг буржуазных руководителей промышленности и торговли перед рабочей массой и приводит к капитуляции их перед деспотизмом, к поискам убежища за спиной постоянной армии. Но тем более глубокими становятся расхождения внутри буржуазии; армия оказывается все менее надежной силой в деле поддержания внутреннего порядка; в связи с некоторым оживлением торговли и промышленности растет рабочий класс, отсталые порядки в области земледелия и землевладения увеличивают недовольство крестьянства; усиливается влияние интеллигенции, представителей так наз. свободных профессий. В 1854 г. образуется республиканская партия. Начинается новая серия революционных войн. Дви-

¹ К. Маркс. Соч., X, 739 = Рев. в Исп., 26.

² Там же стр. 741 = Рев. в Исп., 27.

³ Там же стр. 730 = Рев. в Исп., 16.

жение 1854—1856 гг. дало Марксу основание установить, что революция утратила не только свой династический, но и свой военный характер,¹ и в то же время выразить уверенность, что „ближайшая европейская революция найдет Испанию созревшей для сотрудничества с нею. 1854 и 1856 гг. были переходным временем, которое она должна была пройти для того, чтобы дойти до этой зрелости“.²

Серия этих движений кончается революцией 1868—1870 гг., завершающейся изгнанием Изабеллы II, которую монархистам, все еще достаточно сильным, удалось заменить на два года позаимствованным у итальянского савойского дома Амедеем [I].

В 1873 г. Испания становится республикой. Но эта первая буржуазная испанская республика не сумела найти контакт с массами, не сумела ни серьезно улучшить положение трудового крестьянства и рабочих, ни разрешить национальный вопрос. В 1874 г. республика пала и в Испанию вновь явились Бурбоны (Альфонс XII и XIII), призванные реакцией, светскими и духовными феодалами и крупной буржуазией. Политическая линия эпохи Изабеллы II восстанавливается. А между тем Испания уже перестала быть прежней. В этой отсталой в промышленном отношении стране, как ее характеризовал Энгельс в начале 70-х годов,³ начала понемногу расти индустрия, а следовательно, рабочий класс и вместе с тем его сознание собственного пути. В 1879 г. образуется рабочая социалистическая партия: в 1886 г. — генеральное объединение трудящихся. Рабочий класс выходит на арену политической борьбы, не желая предоставлять ее деятельности имущих классов. С другой стороны, продолжается расслоение буржуазии и радикализация ее трудовых групп, и вместе с тем растет недовольство существующим строем. Таким образом все большую остроту приобретает вопрос социальных отношений и политического устройства страны. Стремление правительства централизовать страну, превратить ее в некоторое подобие других крупных буржуазных стран Европы, игнорируя традиции и права ее составных частей, пробуждают национальное сознание меньшинств, идеи автономии и полной политической самостоятельности. На ряду с каталанскими регионалистами (областниками) вырастает партия каталанистов или каталанских националистов, в Басконии — партия бискайтарра. Параллельно социальному вопросу и часто сплетаясь с ним, в Испании встает, таким образом, вопрос национальный. Правительство ограничивается в том и другом отношении мелкими уступками, которые ничего не дают и только убеждают в его бессилии, а следовательно, и в бессилии правящих классов и в нежелании их разрешить поставленные жизнью вопросы по существу.

Хозяйничанье этих классов кончается потерей Испанией последних остатков своих заокеанских владений.⁴ После мировой войны хозяева Испании оказываются в тупике, из которого они ищут выхода в военной диктатуре (Примо де Ривера, 1923), окончательно запутавшей положение. Наконец, в 1931 г. буржуазно-демократическая революция свержает окончательно разложившуюся монархию, и в Испании устанавливается республика. Поддержавшие ее на первых порах консервативные группы сделали это лишь для того, чтобы затем расправиться с нею. Разброд в рядах реакции помешал ей добиться своей цели, и одновременное сплочение сил демократии на выборах 1936 г. привело к победе народного фронта. Реакция ответила на это контр-атакой, при активной под-

¹ К. Маркс, Соч., XI, ч. I, 48—Рев. в Исп., 118.

² Там же — Рев. в Исп., 120.

³ Ф. Энгельс. Бакунисты за работой. Соч., XV, 108 — Рев. в Исп., 171.

⁴ Порто-Рико, Кубы, Филиппин в войне с Соединенными штатами Америки.

держке некоторых европейских стран, в результате чего борьба окончилась поражением народного фронта и ликвидацией целого ряда реформ, проведенных в 1937—1938 гг., как, напр., частичное разрешение вопросов социальных и переустройство вопроса национального.

На предыдущих страницах мы познакомились бегло с важнейшими моментами истории за последний век с третьей и с тем, как разрешались за это время такие важные вопросы, как вопрос социально-политический и национальный. В характеризованных выше условиях следует искать объяснение и важнейших явлений в жизни языка данной эпохи. Не все они еще достаточно изучены, а потому подведение итогов пока преждевременно. Это задача истории испанского языка, которая еще только должна быть написана. Мы можем остановиться лишь на некоторых сторонах вопроса.

Борьба за независимость подняла национальное чувство, стимулировала начавшуюся еще в конце XVIII в. работу над возрождением испанской литературы. Это течение представлено в эту пору *género chico*, малыми театральными формами, сатирическими „сайнетес“¹ Рамона де ла Крус и Хуана дель Кастильо и так наз. „тонадиллас“ (*tonadillas*), пьесами с музыкой, исполнявшимися на народных сценах и пользовавшимся огромным успехом. Одновременно идет тогда же и борьба с галлицизмами в языке. Она была долгой и упорной, и только в 20-х годах XIX в. галлицизмы стали исчезать, хотя и не слишком надолго.

1830-е годы принесли с собой романтические увлечения. Внедрению их в литературу способствовало немало возвращение эмигрантов, после 1833 г., явившихся на родину во всеоружии знакомства с последними завоеваниями европейской мысли, о которых они могли говорить как свидетели и даже участники их. Национальный момент романтизма явился новым стимулом к усиленному культивированию своей литературы, своего театра и сближению с классиками „золотого века“. Немало внимания уделяют романтики и культуре языка, который начинает понемногу освобождаться от элементов, проникших в него в эпоху классицизма, и обновляться на основе народного языка и языка классиков.

Революционные годы после 1868 и до 1874 г. характеризуются широким размахом литературного творчества и интенсификацией работы над языком. В 1870 появляется первый роман Пэреса Гальдос, и к 1874 он почти заканчивает свои „*Episodios nacionales*“. В 1874 выходят в свет „Пепита Хименес“ Хуана Валера, „Треуголка“ Аларкона (*El sombrero de tres picos*) и первые драматические произведения Хосэ Эчегарай. Литературный язык приобретает ту форму, которая становится классической для целого ряда поколений, пока следовавшие за романтизмом реализм и натурализм не сменяются исканиями „поколения 1898 года“ и язык не начинает искать новых путей и новых ориентаций. Испанская литература этой поры развивается под знаком интенсивного изучения европейской литературы; в языке идут опыты создания новых синтаксических форм, пересмотра словаря, которым сопутствует углубленное изучение прошлого испанской речи и критическое издание ее памятников.

История послевоенной литературы в Испании вплоть до последней гражданской войны представляет собой необычайно сложную картину, в которой самым запутанным образом переплетаются всевозможные течения, от крайнего формализма и до подлинной революционности, пока, наконец, борьба за родину бок-о-бок с народными массами не вносит известного отрезвления в писательские круги и не приводит к преодолению крайнего индивидуализма или нигилизма, отличавшего

¹ *Sainetes* — короткие пьески вроде старых *pasos* и *entremeses*.

художественное творчество 20-х и начала 30-х годов. Для языка и стиля этой эпохи характерны переходы от безудержного увлечения словесным мастерством к возрождению искусственной манеры Гонгоры и к увлечению народным творчеством и языком и стилем народной песни. И не является ли наблюдаемая в последнее время тяга к романсу вместе с литературой, выросшей в борьбе за свободу и посвященной ей, поэтическим выражением упомянутого отрезвдения, а интерес к народному языку — выражением потребности обрести чувство родной речи, несколько притупившееся в экзотических экспериментах последних десятилетий.

Усиление централизационных тенденций во внутренней политике испанских правительств описываемой поры (до 2-й республики) не могло не сказаться на усилении влияния национального языка. Вместе с административным аппаратом он проникал теперь глубже в толщу населения. На то же была рассчитана и школьная политика правительств, неприязненно, а в лучшем случае холодно относившихся к языкам национальных меньшинств. Огромную роль в деле распространения кастильского играла военная служба, в особенности с той поры, когда она стала обязательной. Крупным фактором в этом процессе являлись и переселения и колонизация, очень давние движения, частью свободные, частью организовывавшиеся центральной властью.¹ На этом пути произошла, напр., кастилизация Андалусии, современный диалект которой является, как известно, не продолжением старой местной речи, а разновидностью кастильского, проникшего на юг очень давно, как о том свидетельствуют факты вроде произношения $h < f$ как j . Передвижением населения объясняется и отход южной границы баскского на север, о котором мы говорили в нашем первом очерке.

Но мы уже знаем, что централизация встретила энергичный отпор в стране, в которой малые отчества и меньшие культуры не только сохраняли свою силу, но и увеличили свою сопротивляемость и свои ценности в борьбе за право на существование. Мы уже говорили о результатах этой борьбы в Басконии; ниже будет речь о Каталонии и Галисии. Политика народного фронта, направленная на примирение интересов малых и больших компонентов испанской республики, сумела тем самым сделать немало в смысле создания нормальных условий для жизни их языков.

Но не одни только языки национальных меньшинств уцелели в этой, казалось бы, неравной борьбе. Они были самостоятельны как лингвистические единицы и в этом был один из существенных моментов их успехов. Живучесть проявили и диалекты, которые не имели преимуществ баскского или каталанского. За диалектами стояла также своя маленькая родина, которая для испанца с его вековыми центробежными тенденциями была не малой силой. Вот почему диалекты в Испании сохранились до сих пор в гораздо более нетронутом виде, чем диалекты соседней Франции.

10

В современной Испании мы имеем две группы наречий — северную и южную.

Северная имеет две основных разновидности — западную, или леонско-астурийскую и восточную, или арагонскую. Мы имели уже случай неоднократно касаться выше той и другой в связи с языковыми отно-

¹ Constancio Bernaldo de Quirós. Los reyes y la colonización interior de España desde el siglo XVI al XIX. Мадрид, 1929.

шениями на полуострове. В настоящей характеристике мы остановимся, главным образом, на деталях, на явлениях, которые отличают леонско-астурийский или арагонский в отдельности, и только очень коротко напомним о важнейших чертах, общих обеим группам. Начнем с последних.

В области вокализма, как мы видели, и запад, и восток дифтонгизуют лат. *ē* и *ō* перед палатальным: леонско-астур. *nueite*, араг. *tiengo*, *nueite* или *nuet*; ср. исп. *noche*, *tengo*. В самом дифтонге — колебания. Современный зап.-астурийский дифтонг представляет собой, по мнению некоторых исследователей, нечто среднее между *ue* и *uo*; *ie* в атонном положении превращается в *ia*: *diaz* = *diez*, *yia* < *est*.¹ В арагонском наблюдаются аналогичные колебания: *vialō* < *vetulu*, *fuogo* || *fuaga*. Конечный *-o* часто отпадает, особенно в арагонском; в леонско-астурийском особенно часто в суффиксе *-in(o)*: *molín*, *vecín*, *camín*; но во мн. ч. это *o* появляется снова: *molinos*, *vecinos*, *caminos*. В таких словах, как *llinu* (< *plenu*) или *pínu*, отпадения естественно не происходит. Арагонский дает не только *camín*, но и *estan* вм. *estando*, сильно напоминая в этом случае, как и во многих других, каталанский (см. ниже стр. 200, 237).

Если обратиться к согласным, то прежде всего останавливает на себе внимание сохранение *h* < лат. *f* в начале слова, т. е. то положение вещей, которое существовало в Испании в эпоху открытия и завоевания Америки.² Начальные лат. *j*- и *g*- перед *e*, *i* сохранились в виде позднейших рефлексов, тогда как в испанском они стерлись до полного исчезновения. Лат. *jenuariu* (вм. *januariu*) дало в испанском *enero*, *gente*, ст.-исп. *yent*, герману — *hermano*. В леонском соответственными отражениями будут *xineru*, т. е. *šineru*, *xente*, перешедшее в испанский, где оно вытеснило *yent(e)*; в арагонском *jupireru* превратилось в *chinebru*, т. е. *tšinebru*, *gente* в *chen*; исп. *joven* здесь отвечает *choben*, лат. *caelu* — *chelo*. Леон.-аст. *š* представляет собою более новую ступень старого *tš*, сохранившегося в арагонском. Но тот и другой рефлекс ближе к исходному *dž*, чем современный испанский. — Латинские группы *-c'l-*, *-ly-* дают в леонско-астурийском *y*: *oreya*, *muyer*; в арагонском — *ll*, т. е. палатальное *l*: *agulla*, *mullé*, *ruello* < *rot(u)lu* (круглый камень, служащий для выглаживания тока). Соответствующие испанские формы звучат *oreja*, *mujer*, *aguja* и т. д. В небольшом районе Верхн. Арагона *-ll-* развивается в *-ts-*: *grit̃as*, *castets*. — Латинское сочетание *-ct-* превращается и там и тут в *-it-*; след. *factu* дает *feito*, *strictu* — *estreito*, в то время как в испанском мы имеем *hecho*, *estrecho*. Сюда следует отнести и рефлекс группы *-ult-*: *multu* живет в леонско-астурийском и арагонском в виде *muito*, в испанском — в виде *mucho*.

В области морфологии отметим акцентированные формы глагола „быть“: *yes*, *ye*, *yera* и, наконец, формы 3 л. мн. ч. перфекта на *-oron*, образованные по аналогии с формой 3 л. ед. ч. на *-ó*.

Но на ряду с этими чертами сходства у обеих разновидностей имеются и свои особенности.

Леонско-астурийский. В леонско-астурийском можно различить три основные группы, осуществляющие переход от кастильского к галисийскому. Территория леонско-астурийского была некогда гораздо обширнее, но наступление кастильского значительно сократило ее, оттеснив характерные особенности местного языка на запад и на север. Восточная группа, группа Монтанья де Сантандер, находится в непосредственном

¹ Munthe, ук. соч., 15, 28.

² В зап. и центр.-леонском сохраняется еще и начальное *f*: *farina*, *fierro*.

соседстве с областью Бургоса и естественно сильно кастилизирована. Но здесь, напр., еще сохраняется старое аспирированное *h*- в начале слова, развившееся из лат. *f*-.

Центральная группа — это группа Астуриас де Овьедо. Астурийцы склонны рассматривать свой язык, *bable*, как нечто совершенно самостоятельное. Но это неправильно, так как *bable* является всего лишь вариантом леонского, только сохранившим в бо́льшей неприкосновенности некоторые древние его черты. Особенно типичен в этом отношении говор Овьедо. Конечное *-o* звучит в центральных говорах как *-u*: *uni*, *ricu*. Перед этим атонным *-u* часто развивается *i*: *murii*, *mundiu*. — Суффикс *-oriu/-a* дает здесь *-oiru/a*; след. *cooperetoria* > *cobertoira*, *passatoriu* > *pasadoiru* (лава для перехода через ручей, сложенная из камней), *Doriu* > *Doiru*. В испанском этим формам отвечают *cobertiera* (или *cobertera*), *Duero* и т. п. В районе Овьедо конечные *-as*, *-an* ослабевают в *-es* *-en*, и мы имеем: *casa* — *cases* или *canta* — *canten*. — Начальное лат. *l*- (и даже отчасти *n*-) палатализируются (*ll*-): *llado*, *llegar* < *ligare* (*ñarices*, *ñombre*). Группа *-mb-* сохраняется: *camba*, *palomba*. — В группах *pl*, *bl*, *gl* элемент *l* переходит часто в *r*: *pruma*, *prata*, *iglesia*, *sigro*. — Некоторые предлоги, как *con* или *por*, могут сливаться со следующими за ними формами члена, т. е. *con* + *la* дает *cola*, *con* + *una* > *cuna*, *por* + *la* > *polá* и т. п. — Конечное *-r* инфинитива ассимилируется с начальным согласным следующего за ним непосредственно местоимения; таким образом *matar lo* превращается в *matálo*, *matar me* в *matáme*. Сочетание *dedit* + *illi* > *dio-lle* или даже *dio-ye*; каст. *dijeselo* здесь отвечает *dijoyelo*. — Глагольная форма на *-ra* сохраняет свое значение плюсквамперфекта.

Зап.-леонский представляет собой сочетание астурийских особенностей с галисийскими. Здесь сохраняются, напр., старые *ei* и *ou*; следовательно, как в галисийско-португальском, мы встречаем в этой части Испании *primeiro* или *rouco*. — Группа *-ct-* и *-ult-* дают *-it-* и *-uit-* (*feito*, *muíto*). Начальные группы *cl-*, *pl-*, *fl-* развиваются на западе, как в Галисии, в *č*: *plumbu* > *chombo*, но и в *ts*: *clave* > *tsabe*. — Начальное *l* через палатализованное *l* дает в конечном итоге *ts*: *luna* > *tsuna*.

Леонско-астурийская разновидность иберо-романского отличается, кроме того, конечно, и своим словарем.¹ Некоторые элементы его были усвоены кастильским, и, следовательно, испанским; таково, напр., слово *vobra* (< *corula*), обозначающее упряжку в несколько лошадей, в Андалусии и Эстремадуре предназначенную специально для молотбы, т. е. для топтания снопов. Как мы уже отмечали, переход *p'l* > *br* характерен для леонского. Другим характерным переходом является *t's*, *d's* > *lg*. Отсюда ясно, что леонскому обязаны своим происхождением попавшие в испанский словарь: *mielga* (< (*herba*) *medica*), вид клевера, и *palga* < **natica* 'ягодица'.

С тех пор как кастильский занял привилегированное положение, леонский превратился в патуа по преимуществу. Его рассматривали как язык малокультурных слоев населения, и прежде всего крестьянства. Поэтому, когда в литературе выводили на сцену крестьянина, то его заставляли говорить по-леонски. Хуан дель Энсина, считающийся родоначальником испанской драмы, использовал ради достижения комического эффекта одну из разновидностей леонского, а именно говор окрестностей Саламанки. Его приняли за говор лежащего по соседству (но

¹ Астурийский словарь составлен Apolinar de Rato y Hevia (*Vocabulario de las palabras y frases bables*, Мадрид, 1891). См. также Bernardo Acevedo y Huelves y Marcelino Fernández y Fernández. *Vocabulario del bable de Occidente*. Мадрид, 1933 = „Archivos de Tradiciones populares“, n° 3.

в округе Саморы) Саяго, *sayagüés*, и с этой поры термин „саягуэс“ превратился в обозначение той условной крестьянской речи, которая вкладывалась в уста крестьян на сцене и в синоним чего-то грубого, неотесанного.¹

Арагонский. Специфические особенности арагонского носят несколько иной характер. До недавнего времени арагонский диалект был относительно мало изучен. Только теперь в нашем распоряжении имеются документы и историко-лингвистические исследования, позволяющие нам представить себе отчетливее настоящее и прошлое арагонского, занимающего особое место среди разновидностей иберо-романского. У него целый ряд точек соприкосновения с каталанским и даже с галло-романским;² он является одним из любопытнейших представителей романской речи северо-восточного угла Пиренейского п-ова. Это нужно сказать в особенности относительно верхне-арагонского, так как этот вариант можно рассматривать как наиболее хорошо сохранившийся образчик старой местной речи: влияние кастильского на северо-востоке Испании сказалось, однако, настолько сильно, что на большей части территории Арагона древние языковые черты стерлись и уступили место кастилизмам. Язык Верхн. Арагона подвергся детальному изучению только в самые последние годы. Я имею в виду, главным образом, работу А. Куна, не раз уже цитированную выше.³

В области фонетики для арагонского характерно отпадение конечных *-e* и *-o*. Примеры последнего мы проводили выше; примерами отпадения *-e* могут служить хотя бы многочисленные наречия на *-ment* вм. *mente* или такие слова, как *dien* < *dente*, *fuen* < *fonte*, *cien* < *centum*. В именных формах мн. ч. и формах глагольных *-s* прибавляется непосредственно к предшествующему согласному: следовательно *biens*, а не *bienes*, *tiens*, а не *tienes*. Начальное *l-* палатализуется (*ll-*): *lloza* 'сквородка с ручкой'. В Ривагорса палатализуется даже *l-* в начальных комбинациях *pl-*, *cl-*, *bl-*, превращающихся таким образом в *pll-*, *cll-*, *bll-*. — Начальные группы *pl-*, *cl-*, *fl-*, сохраняются; следовательно мы имеем здесь *clamar*, *plegar*, *flama* и т. п. Сохраняются они и внутри слова, где кастильский после согласных дает *ch*: *amplo*, каст. *ancho* и т. п. — В арагонском имеются следы *tenues*, не перешедших в *mediae*. Так в Верхн. Арагоне можно встретить *tenito*, *capeza*, *liepre*, отвечающие кастильским *tenido*, *cabeza*, *liebre*. — Конечное *-r* отпадает в существительных: *lugar* > *lugá* и во мн. ч. — *lugás*.

В морфологии можно отметить превращение прилагательных типа на *-e* в прилагательные типа на *-o*, *-a*: *grande* становится *grando/a*. — Определенный член отражает не *ille*, а *illum*, откуда *lo* (*o*), тогда как в кастильском мы имеем *el*, т. е. *ille*. — Притяжательное местоимение 3 л. мн. ч. имеет форму *lur*, *-es* — 'их'. — Дат. пад. личн. местоим. 3 л. *le(s)* отличается от вин. пад., имеющего только форму *lo(s)*. — Герундий и прич.

¹ Для деталей леонско-астурийского см. R. Menéndez Pidal. El dialecto leonés, в Revista de archivos, bibliotecas y museos, X, Мадрид, 1906, 128—172, 294—311. — F. Krüger. Studien z. Lautgesch. westspan. Mundarten auf Grund v. Untersuchungen am Ort u. Stelle. Гамбург, 1914. Старо-леонскому посвящены работы: A. Morel Fatio. Recherches sur le texte et les sources du Libro de Alexandro, в Romania, IV, 7. — Erik Staaff. Etudes sur l'ancien dialecte léonais. Упсала, 1907.

² Каталано-арагонская языковая граница была обстоятельно исследована А. Гриера (La frontera catalano-aragonesa. Барселона, 1914; Contribució a una dialectologia catalana. Барселона, 1921).

³ Работа эта появилась в 1935 г. До ее появления мы располагали только ценными исследованиями Сарайанди, вышедшими в Annuaire de l'Ecole des hautes études, за 1898 и 1901 гг. На основе их G. W. Humphrey дал свой „The aragonesa dialect“ (Revue hispanique, XXIV, 5—45). См. также Gil i Gaya в Homenaje a Menéndez Pidal, II, 99 сл.

прош. вр. образуются нередко от основы претерита: *supiendo*, каст. *sabendo*, и равным образом *supido*, каст. *sabido*.—В формах так наз. неправильных глаголов наблюдается тенденция к выравниванию, откуда получают такие новообразования, как перфект *facié*, каст. *hice*, от *hacer* или *decie*, каст. *dije*, от *decir*.

В словообразовании характерен префикс *es-*, которому в кастильском отвечает *des*, т. е. *de ex*; вм. каст. *des-barrar* арагонский имеет, поэтому, *esbarrar*.—В противоположность кастильскому в арагонском гораздо более распространен суффикс *-enco/a*; его употребляют здесь часто для обозначения молодого животного; так *mayorencos* 'трехгодовалая овца' и др.¹

Андалусийский. В состав южной группы входят диалекты Андалусии (*el andaluz*), Эстремадуры (*el extremeño*) и Мурсии (*el murciano*). Андалусия перешла в руки кастильцев в XIII в.: Кórдова и Хаэн—в 1236 г., Севилья—в 1248 г., Уэльва—в 1257 г., Кáдис—в 1267 г. Арабы сосредоточились в Гранаде, куда они выбрались из Андалусии. Наши сведения о населении Гранады в XIV и XV вв. очень скудны. Из показаний туниста Бен Халдуна, побывавшего в Гранаде в 1362, 1365 и 1374 гг., видно, что большинство ее населения составляли потомки христиан. Говорили они на плохом арабском языке, и одной из причин этой порчи Бен Халдун считает постоянную связь этого населения² с христианами. Таким образом систематическое общение между арабским и христианским миром продолжалось, так же как и переходы на занятую христианами территорию. В XIV в. началось новое продвижение кастильцев в пределы *reino de Granada*, гранадского царства. Оно шло в направлении с северо-запада на юго-восток, и в XV в. удар был нанесен в самое сердце государства, Гранаду, взятую в 1491 г., но уже после того как кастильцы дошли до моря, от Альхесираса (1344) до Альмерии (1489). С занятием Андалусии Севилья превратилась в один из важнейших городов Испании, исходный пункт операций и против Португалии в XIV в., и против Гранады. При Педро Жестоком (1350—1369) Севилья стала центром всего государства и продолжала играть эту роль и в эпоху династии Трастамара.

Таким образом кастильское влияние и влияние кастильского языка проникло глубоко в Андалусию и было здесь длительным. Но в то же самое время Севилья, сделавшись влиятельным центром юга, сама стала исходной точкой иррадиации всякого рода. Если андалусийский диалект является продолжением и дальнейшим развитием ново-кастильской базы, то мы не поймем многого в истории не только местного, но и испанского языка, если не учтем этой роли Севильи, ставшей в XVI в. центром управления колониальной Испанией, местопребыванием „Трибунала по делам Индии“ (до 1720 г., когда он был перенесен в Кáдис), т. е. фактически ее столицей, важнейшим торговым городом государства,

¹ Для арагонского словаря см.: J. Borao. *Diccionario de voces aragonesas procedido de una introducción filológico-histórica*. Caparoca, 1908. — Luis V. López Puyoles y José Valenzuela La Rosa. *Colección de voces de uso en Aragón*. Caparoca, 1908.

² „Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque Impériale“, XXI. Париж, 1868, 423. Цитирую по Menéndez Pidal (*Orígenes*, I, 449). — Андалусийский арабский близок к зап.-африканскому и в частности марокканскому. Но в нем имеются черты, которые мешают его отождествлению с одним из существующих диалектов Марокко. В диалекте Гранады, как его описал в 1505 г. Педро де Алькалá, вскрываются особенности более нового типа по сравнению с теми, которые позволяют установить арабские заимствования в испанском языке. Об арабском языке в Испании см. работу A. Steiger'a „Contribución a la fonética del hispano-árabe y de los arabismos en el ibero-románico y el siciliano“. Мадрид, 1932, пересматривающую критически положения Дови и Энгельмана.

имевшим монополию трансатлантической торговли, занимавшим, однако, одновременно видное место и в области искусства, науки и литературы. В Севилью стекались отовсюду люди различных званий, специальностей и состояний, от крупных дельцов, чиновников и военных вплоть до цыган, охотно оседавших здесь, и до всевозможных *rufianos* (мошенников), *germanes* (воров), *pícaros* (плутов) или *jaques* (буянов), людей неопределенных или, если угодно, слишком определенных и специфических профессий.

Одной из характерных особенностей андалусийского является трактовка *s* и *z* (*c*). Мы наблюдаем на территории Андалусии двойного рода фонетическое явление: 1) так наз. *ceseo*, когда *s* произносится как интердентальный глухой спирант, отвечающий кастильским *z* или *c* перед *e*, *i*; следовательно произношение: *zaber*, *zubir*, *nezeziá* = *saber*, *subir*, *necesidad*, и 2) так наз. *seseo*, т. е. обратное явление, когда *z* (*c*) произносится как *s*: *serrar* (*cerrar*), *haser* (*hacer*). Только недавно *ceseo* и *seseo* были подвергнуты внимательному обследованию в связи с собиранием материалов для лингвистического атласа испанского языка.¹ В результате фонетических наблюдений оказалось, что *ceseo* и *seseo* объясняются особенностями артикуляции *s* на юге. В кастильском *s* произносится так, что кончик языка упирается в нижние десны. В последнем случае очень легко может произойти упор языка около зубов и даже соскальзывание его в междузубное положение, при котором получается звук *z*, т. е. *ʒ*. Это и создает *seseo* или *ceseo*, в зависимости от того, отдается ли, при наличии путаницы, неотчетливости и образования параллельных форм, предпочтение сибиланту или спиранту. *Seseo* охватывает не всю Андалусию. В территорию его не входят часть пров. Уэльва и пров. Хаэн (равно как и соседняя Мурсия). В Уэльве юг принадлежит *ceseo*; область между Гвадианой и Одиель знает *seseo* только отчасти, северная же часть провинции дает пеструю картину. Что касается Хаэна, то здесь *seseo* распространен только по Гвадиане от Мармолехо до Баэса; район Алькалá ла Реаль и Пегалахар — район *ceseo*. Кроме того, *seseo* имеется на крайнем западе пров. Бадахос, у португальской границы, и в окрестностях Картахены и Мурсии. В Севилье *ceseo* первоначально — черта вульгарная; *seseo* здесь господствовал, и этим объясняется то, что он проник в Америку, на Канарские о-ва и на Филиппины. Сейчас большая часть Андалусии предпочитает *ceseo*. Но основной его территорией является крайний юг, и в особенности прибрежная полоса, т. е., говоря исторически, старое гранадское царство, что и дает известное основание видеть в *ceseo* наследие арабских фонетических навыков. За и над этой зоной *ceseo* тянется неширокая полоса *seseo*, нами только что описанная. Вся остальная Андалусия различает *z* (*c*) и *s*.²

Что касается других особенностей андалусийского, то мы уже упоминали выше своеобразное произношение начального *h* < *f* почти как исп. *j*, т. е. сохранность старого произношения XVI в. Оно объясняет нам такие испанские слова, как *jamelgo* 'кляча' (< *famelicu*), *jaca* 'лошадь' и некоторые другие примеры так наз. *jandalo*, т. е. андалусийского произношения *h* как *j*. — Отметим теперь так наз. *yeísmo*, т. е. произношении *ll* как *y*; следовательно *caye* 'улица' = *calle* или *cayar* 'замалчивать' = *callar*. Иеизм является, впрочем, особенностью не одного

¹ T. Navarro Tomás, A. M. Espinosa, L. Rodríguez-Castellano. La frontera andaluz., в Rev. de fil esp., XX, 1933, 225 сл.; — A. Castro. El habla andaluza в Lengua, enseñanza y literatura, Мадрид, 1924.

² См. общую карту в цитированной работе Tomás, Espinosa, Rodríguez-Castellano (260—261); для деталей по районам см. там же, 233, 238, 247, 250, 252, 254, 256, 259. *Seseo* мы встречаем, кроме того, у басков и каталанцев.

только андалусийского. Мы встречаем его и в мадридском произношении в условиях обиходной речи. Иезизм знаком и говорящей по-испански Америке. Старому произношению остаются верны, главным образом, Старая Кастилья, Астурия и некоторые районы Галисии.—Для андалусийского следует отметить также и своеобразное произношение начального *hw* как *gw*: *huevo* 'яйцо' звучит как *güevo*, *huérfano* 'сирота' — как *güerfano*, *hueso* 'дыра, отверстие' — как *güesco*, *hueso* 'кость' — как *güeso*. Отсюда неправильные обобщения вроде *goler* вм. *oler* 'пахнуть', так как форма *huele* 'пахнет' превратилось в *güele*. Тем легче был переход *bw*-, *vw*- > *gw* -: как известно *b* и *v* совпали с XVI в. в произношении, каковым явилось *β*, даже в начале слова. Таким образом появились формы *güeno* вм. *bueno* или *güelvo* вм. *vuelvo*. Отсюда и обобщение *golver* вм. *volver*. Но дело пошло и дальше. Если *hw*-, *vw*- = *gw*-, то очевидно и *bw*- может заменить *hw*-. Отсюда *bwevo* 'яйцо' вм. *huevo*. С этими подстановками связана и замена *gu* со слоговым и сочетанием *bu*: *aguja* 'игла' уступает свое место *abuja*.—Характерна в той или иной мере для андалусийского и замена одной плавной другой, *l* вм. *r* и наоборот, *jacer* вм. *řacer*, т. е. *hacer* согласно андалусийскому произношению *h*, или *gorpe* вм. *golpe* 'удар'.

Но и в кастильском мы встречаем *pardo* < *pallidu* и *urce* < *ulice*, а *rapel* < *rapug* отвечает полностью *jacer* вм. *jacer*. Более типичны замены *l* и *r* звука *d*: *perfidia* 'вероломство' превращается, таким образом, в *perfiria*, а *seguidilla* (род танца) — в *seguriya*. Наконец, замена *r* — *n*, обратившая *mejor* в *mžón*.—Трактовка начальных групп *pl*-, *bl*- напоминает трактовку их в леонском (и португальском): *prata* вм. *plata* 'серебро' или *branco* вм. *blanco*. Но замена групп *pl*- и *bl*- группой с *r* вообще распространена и за пределами западной части полуострова. Так, мы находим у Хуана Руис формы *diabro*, *ensiempro*.¹ За пределами андалусийского известно также и отпадение конечных *r* и *d*: *contá* вм. *contar*, *pedí* вм. *pedir*, *cantá* вм. *cantad* и т. п. Мы говорили уже выше об отпадении *-r* в арагонском; *-d* не звучит обычно в живой речи испанца. Но андалусийский проводит эти выпадения последовательно. Так же последователен он и в опущении интервокального *-d-* (иногда и *-g-*): *liar* < *ligar* 'связывать', *migaja* 'крошка' > *miaja*, но *ciego* 'слепой', *prao* < *prado*, *to* < *too* < *todo* и т. п. Что касается *-d-*, то оно в обиходной живой испанской речи почти совершенно исчезает между гласными: *amado* звучит почти как *amáo*, *cantado* — *cantáo*, причем такое произношение отнюдь нельзя считать исключительно вульгарным. Так в Мадриде все говорят *Estuve en el Prao* 'был в Прадо'. В андалусийском исчезает и начальное *d* -: *escaer* 'убывать, падать' вм. *descaer*, *e* вм. *de*. Такое выпадение становится вполне понятным в связи с тем, что только что было сказано об исчезновении интервокального *-d-*. В живой речи *d* частицы *des* или предлога *de* оказывалось часто в положении между двух гласных и, естественно, не звучало. Конкуренция между получившимися таким образом дублетами с *d* и без него повела к обобщению формы без *d*, с одной стороны, с другой — к так наз. гиперкоррекции, результатом которой явились такие формы, как *dir* вм. *ir* 'итти', где *d* не имеет никакого этимологического основания.²—Особым образом произносятся *s*, *z* и *r*, если они оканчивают собой слог. Первые два звука превращаются в простое придыхание (отличное от *j*), которое можно обозначить как *h*: *las dos* звучит *lah doh*, *este* как *ehte* и т. п.

¹ „Libro de buen amor“, 773, 909.

² Для андалусийского диалекта см. H. Schuchardt. Die „cantares flamencos“ в Zs. f. rom. Ph., V, 249. — Wulff. Un chapitre de phonétique avec transcription d'un texte andalou в „Recueil“ в честь Гастона Париса, Париж, 1899.

Если, однако, за этими *s* или *z* следуют *b*, *v*, *m*, *n* или *g*, *l*, то это *h* ассимилируется следующему согласному: напр.: *muslo* 'ляжка' становится *mullo* < *muhlo*, т. е. *mul-lo*; *tiznar* 'пачкать, покрывать черными пятнами' звучит *tihnar*, откуда *tinnar* и т. д. То же самое случается и с *-r-*: *carne* 'мясо' дает *cahne*, откуда затем *canne*. Аналогично в конце слова: *subirlo* > *subillo*, *bajarlo* > *bajallo*. — Окончание *-azgo* превращается в Андалусии в *-ajo*: *portazgo* 'дорожная пошлина' звучит *portajo*, *noviazgo* 'время между помолвкой и свадьбой' — *noviajo*. К числу отпадения конечных согласных принадлежит и отпадение *-z*: *juez* 'судья' звучит в андалусийском *jué*, *almez* 'каркасовое дерево' — *almé*. В отношении согласных андалусийский склонен, таким образом, к редукции, которая идет дальше кастильской.

Андалусийский, подобно другим диалектам, имеет, конечно, и свои словарные особенности, с которыми нас знакомят, между прочим, *cantares flamencos*, песенки, распеваемые в кафе и обязанные своим наименованием названию, которое в Севилье дают цыганам, так как они являются часто исполнителями этих пьес.¹ Но еще больше дает нам областная литература, начало которой в Андалусии было положено в 40-х годах Фернán Кавальеро (псевдоним испанской писательницы Бельфон Фабер, полунемки по происхождению;² она умерла в 1877 г.). Некоторые ее романы (как напр. „La Gaviota“ — 'Чайка', 1849), но в особенности ее мелкие рассказы из быта Андалусии и андалусийской деревни знакомят нас и с местным лексиконом. Еще более интересный языковой материал можно почерпнуть в „Escenas andaluzas“ (1847) Эстéбанеса Кальдерона (ум. 1867). В свое время эти заметки о современной автору жизни Андалусии не имели успеха именно из-за своего языка, слишком местного и архаического; для лингвиста-историка они представляют ценность как раз этой своей стороной. Наконец, следует упомянуть и драмы братьев Кинтеро, сумевших отлично передать андалусийское остроумие и языковые приемы его выражения. Много любопытного лексического материала рассыпано в произведениях Хуана Валеры, Ганивета, Артура Рейес, Лопеса Пинильос („A tiro limpio“, „La sangre de Cristo“), Родригеса Марин („Cantares andaluces“) и др. У всех этих писателей мы найдем немало андалусийских слов, оборотов и выражений, к которым они прибегают то сознательно, то бессознательно. Регистрация их дала бы нам очень много ценного для характеристики этого наиболее яркого типа южно-испанской речи.

Андалусийский лексикон является одним из наиболее ярких памятников влияния арабской культуры. Юг, как мы уже видели, оставался дольше других частей Испании в контакте с арабами или, по крайней мере, с арабским языком. Когда в 1492 г. господство арабов было сломлено, то часть арабского и арабизированного населения Гранады ушла в Африку, но часть осталась на месте. Она приняла христианство и продолжала жить и работать попрежнему. Это так наз. мориски. Вплоть до эпохи Филиппа II все оставалось по-старому, пока этот представитель испанского абсолютизма и церковной реакции не обратился к проведению в жизнь огнем и мечом программы устранения всяких правовых изъятий и насаждения религиозного единомыслия. Мориски были бельмом на глазу. В 1568 г. они были спровоцированы на восстание, которое стоило Филиппу упорной борьбы и было подавлено только в 1570 г., после чего около полумиллиона морисков были либо водворены

¹ Но не их авторами, хотя мы и находим в лексике их ряд слов, заимствованных из *caló*, т. е. языка цыган.

² Ее первые „Очерки народных нравов Андалусии“ (начало 30-х годов) вышли даже на немецком языке и только позже были переведены на испанский.

в Африку, либо расселены в наиболее бесплодных районах полуострова, где большинство из них и погибли. Долгое общение с арабским миром привело на юге к тому, что в быте его сохранилось немало элементов, идущих от арабской традиции, а в языке больше чем где бы то ни было арабских реминисценций. Из словаря арабских заимствований, составленного Дози и Энгельманом и пересмотренного затем Эгилас и Янгас, словаря, насчитывающего около 1000 слов, далеко не все принадлежат испанскому. Многие из них являются диалектическими терминами, обращающимися лишь в известных областях Испании. Так, напр., *alporchón* (дом, где сдаются с торгов оросительные каналы) связан с Мурсией; *gafete* 'крючок' принадлежит Арагону; *rabatines* обозначал христиан, живущих между арабами, но термин этот употреблялся главным образом в Валенсии; *raceles* (особые корабельные приспособления для облегчения управления судном) характерны для Севильи и т. п. Андалусии принадлежит не только большое количество слов, свойственных исключительно ей, но и число арабизмов в ее лексике является гораздо более значительным, чем где бы то ни было.

В заключение нашей краткой характеристики диалектов юга Испании отметим *extremeño*, т. е. наречие Эстремадуры, и диалект Мурсии.

Эстременьо. Эстремадура представляла собою во времена римлян и арабов одну из наиболее богатых областей полуострова, в которой земледелие достигло высокой степени развития. После изгнания арабов край опустел и экономически опустился. Обширные, удобные для распашки земли его попали в руки немногих крупных собственников, а местное трудовое крестьянское население очутилось в положении батраков или мелких арендаторов. И до последнего времени Эстремадура оставалась страной латифундий и скотоводства, ведшегося в широком масштабе. Ко всему этому следует добавить, что связи Эстремадуры с остальной Испанией довольно слабы. Она открыта, в силу географического своего положения, главным образом в сторону Португалии. С Испанией ее связывает старая дорога, идущая от Мадрида на Талаверу, Бадахос и далее на Лиссабон. Нижние течения Тахо и Гвадианы несудоходны. Железнодорожные линии нового времени несколько компенсировали неудобства старых путей сообщения, но все же не настолько, чтобы ликвидировать известную изолированность области. Все эти условия вместе взятые явились причиной некоторой отсталости края, сказавшейся и на ее языке.

Взятый в целом эстременьо представляет собой переход от андалусийского к южно-леонскому. Отсталость Эстремадуры обусловила известную архаику ее речи. Так здесь кое-где до сих пор различается глухое *s* от звонкого *z*.¹ Начальное *h*- продолжает произноситься в ряде районов (на ряду с сохранением *f*). Конечные *-e* и *-o* звучат как *-i*, *-u*. С литературной обработкой эстременьо можно познакомиться в стихах Хосе Мариа Габриэль и Галан (1870—1905), поэта, умеющего несмотря на известную ограниченность кругозора его „*Extremeñas*“ (1902), заинтересовать и читателя неэстремадурца.

Лежащая на противоположном конце южной Испании Мурсия состоит из двух провинций: северной — Альбасете и южной — Мурсии. По устройству своей поверхности первая является продолжением Новой Кастильи, точнее, Ла Манчи; вторая же, в особенности в частях, лежащих ближе к морю, или оазисах, орошаемых Сегурой, имеет совершенно иной облик, нежели первая, сухая и степная. Соответственно этому

¹ Главным образом в той части провинции Касерес, которая лежит к северу от Тахо. Ст.-исп. *dezir* здесь отвечает *idil*, где *d=δ*.

северные. районы, мало населенные и менее культурные, сохраняют кое-какие архаические черты и, между прочим, различают *s* и *c*, *z*, как Кастилья. *Seseo* наблюдается в Мурсии лишь в небольшом районе вокруг Картахены, который один только связывает Мурсию с Андалусией. Язык этой области использован в литературных целях Висенте Медина (род. 1866), с большим успехом изобразившим в своих стихах пейзаж и людей своей родины, пожалуй более всех других частей Испании напоминающих соседнюю Африку. Его „*Aires murcianos*“ („Мурсийские песни“, 1899) напоминают народные песни; его „*La canción de la Huerta*“ (1905) живо переносит читателя в обстановку знаменитого мурсийского оазиса, питаемого Сегурой. В языке Медины мы встречаем уменьшительные типа *bonico*, *-a*, которым на астурийском севере отвечают формы на *-ín*, в Эстремадуре формы на *-ino*; образования вроде *mesmico*, *-a* вм. *mismo*, *-a* 'тот же самый'; *ande* вм. *adonde* 'где', форму, образовавшуюся через промежуточную *aonde* и имеющуюся в вульгарной речи Аргентины, или *anque* вм. *aunque*. Мурсийское *armar* 'жилет', 'лиф', т. е. *armador* говорит о том, что и этому диалекту знакомо выпадение интервокального *-d-*.

Итак, не взирая на централизационную политику власти в буржуазно-феодальной Испании, языки национальных меньшинств не только выжили, но и окрепли, а диалекты уцелели до последнего времени в гораздо более сохранном виде, нежели в соседней Франции.

Но если баскский или каталанский сумели дать отпор административно-политическому насилию, а правительства XIX и начала XX в. не могли справиться с самостоятельностью провинций и ликвидировать их внутреннюю жизнь, то гораздо труднее было сопротивляться мирному завоеванию Испании кастильским языком. Он распространялся потому, что был органом большой культуры, которая импонировала и влекла к себе помимо всякого принуждения.¹

Это была крупная сила, и влияние этой силы росло и ширилось, так как росло количество тех путей, по которым оно распространялось. Печатный станок, давший когда-то первый сильный толчок продвижению в широ-

¹ Этим объясняется и влияние кастильского на баскский, галисийский и каталанский: выражающееся не в одном только заимствовании словарных элементов, но даже в имитации подчас некоторых синтаксических оборотов, особенно в каталанском. Обратное влияние выражается как будто исключительно в заимствованных словах, число которых невелико.

У галисийского связи с кастильским старее. В XIII—XV вв. кастильцы пишут по-галисийски (точнее на галисийско-португальском языке); наоборот, в XVI—XVII вв. португальцы пишут по-кастильски. Таким образом в испанском словаре очутился совершенно естественно ряд галисизмов, или, может быть лучше, португализмов, так как отличить первые от вторых обычно не представляется возможным; на счет португальского надо поставить: *achantarse* 'прятаться перед лицом опасности', *arisco* 'дикий, неподдающийся приручению', *chubasco* 'проливень', *chumacera* 'полупка для уключины', 'фальш-борт лодки', *follada* 'слоеный пирожок', *tacho* (<*mulacho*) 'самец', 'ребенок мужского пола', *morriña* 'тоска, печаль', 'падеж скота', *payo* (<*pelayo*) 'мужиковатый', 'нескладный', *portugués* (стар. *portugalés*) 'португальский', *vigia* 'дозорная башня', 'дозор'. Сюда же следует отнести и некоторые топонимические термины вроде *Lisboa* (стар. *Lisbona*) и *Braga* (вм. *Brámana* в XIII в.). Португализмом, но может быть не галисизмом является выражение *echar menos* или *e. de m.* 'не находить' из порт. *achar menos*, вм. которого еще в XVII в. по-кастильски говорили *hallar menos*.

Каталанизмом является прежде всего испанское название Каталонии, *Cataluña*, которое должно было бы иметь по-испански форму *Cataluena*, как *Gascuña* 'Гасконь'. Так и говорили в XIII в., но затем прошла местная форма, *Cataluna*, подобно тому, как из гаск. *Gasciño* было заимствовано *Gasciña*. Каталонскому испанский обязан: *la nao*, кат. (или пров.) *nau* 'корабль', *la seo* 'собор' (кат. *seu* < *sede* 'седалище', 'церковный центр'), *pleita* 'плетенка' (< **plista*, которое в кастильском дало бы *plecha*), *saricúa* (последний ход в игре в домино), *retor* 'оратор' и др.

кие круги кастильской книги, работал теперь еще с большим успехом. Газета, журнал, библиотека, театр делали кастильский все более общеиспанским достоянием. Огромное значение имел также рост промышленности и торговли, увеличение подвижности населения. В новейшее время говорящий кинематограф и особенно радио являются едва ли не лучшими и, во всяком случае, наиболее доступными преподавателями кастильского по прямому методу.

Таким образом испанский все с меньшим правом может обозначаться старым термином „кастильский“. Последний давно уже не годился для определения того языка, на котором говорила испанская Америка, так как здесь „кастильскому“ не противостояло разнообразие живых диалектов, и он воспринимался говорящими на нем как язык их общей родины, Испании, т. е. как испанский. Теперь кастильский и у себя дома становится окончательно испанским. Вот почему и Испанская академия назвала изданную ею испанскую грамматику „Gramática de la lengua española“¹ и прибегла к термину „испанский“ в новейшем издании своего словаря, объяснив свой отказ от исторического термина „кастильский“ тем, что вклад, сделанный в язык отдельными областями Испании и Америкой, слишком велик и требует отображения этого в термине более общего характера. Но консервативная и, следовательно, подобно многим учреждениям такого рода, всегда несколько отстающая, она сделала этот шаг очень поздно. Упомянутая грамматика вышла в 1924 г., словарь — в 1925 г. „Впрочем, — добавляет предисловие к последнему — это не значит, что Академия отменяет термин «кастильский» или понимает «испанский» лишь в узком смысле этого слова, как *el español*. Испанским являются и другие языки Испании, хотя они не представляют собою «испанского»“.²

Итак, для Испании XIX в. характерно глубокое внедрение общеиспанского при относительно хорошей сохранности диалектов, т. е. старых местных языков, территория которых в общем совпадала с территориями, которые они занимали в конце так наз. средневековой поры. Но только в общем, так как надо иметь в виду, что многие старые местные центры отмирали, в связи с изменениями в области экономики, и по той же причине нарастали новые, что экономика заставляла массы перемещаться и иногда значительно удлиняла радиус влияния того или иного центра или образовывала новые внутренние связанные области. В итоге происходило перерайонирование страны; на старую карту Испании, распадение которой на области было обусловлено всем ее прошлым, начиная с древнейших времен, накладывалась новая, деления которой зачастую не совпадали с прежними. В отношении языка это обозначало перемещение ряда языковых явлений, сплетение до той поры бывших раздельными или расхождение бывших ранее совместными. Итак, с одной стороны, некоторое языковое единство, всемерно поддерживаемое буржуазно-феодальным государством; с другой — противостоящая ему раздробленность, наследие феодального прошлого. Но этой антитезой положение вещей еще не исчерпывается.

Языковой антитезе отвечает социальная: диалект — язык нижних слоев, испанский в его наиболее законченной и чистой форме — язык господствующих классов. Но между этими крайними социальными точками лежит целая социальная лестница, и мы в праве поставить вопрос

¹ Real Academia Española. Gramática de la lengua española. Мадрид, 1924.

² См. „Advertencia“ к словарю. Madrid, 1924.

о том, каковы отношения отдельных ее ступеней к обще-испанскому и диалектам. Для капиталистической эпохи, углубившей социальные расхождения и обострившей борьбу классов, отношения эти представляют особый интерес. К сожалению на данном этапе изучения языка Испании и в наших условиях осведомленности в соответствующей литературе мы не можем удовлетворительно ответить на поставленный вопрос. Нам приходится ограничиваться несколькими общими соображениями, приложимыми и к испанским отношениям, поскольку соображения эти имеют общую значимость. Но, конечно, их не следует переоценивать.

Как и везде, диалект есть прежде всего язык крестьянства. Диалектический словарь отличается конкретным характером; он полон терминов для каждой хозяйственной и бытовой мелочи. Достаточно 'познакомиться хотя бы, напр., с работой А. Куна (для Верхн. Арагона), чтобы убедиться в справедливости сказанного. Она пестреет словами, обозначающими различные земледельческие операции, части сельскохозяйственных орудий, названиями различных видов домашних животных. Припомним такие термины, как *espinatsar* 'собирать в мешок кукурузные листья', *esfaratsar* 'мять лен' (исп. *farachar* дает только словарь Академии, и то как арагонизм), *graban* 'железный плуг' (к *Brabant*), *perrecallo* 'плохая лошадь' (переносно — ничего не стоящая вещь), *farnaca* 'заяц' (переносно — дурная женщина), *tsabola* 'пастушья хижина'; *bo/urgil* 'баран, выгоняемый на пастбище' (гальск.?), *barga* 'соломой крытая хижина' и т. п. Синтаксис, другой ряд языковых фактов, особенно показательных в идеологическом отношении, переполнен архаикой, элементарными формами выражения мысли, когда вся она строится в одном плане, когда оттенки времени не передаются вовсе или изображаются только в конкретном виде (напр. буд. вр.), когда союз *que* может иметь самые разнообразные значения и т. п.

Однако было бы ошибкой, говоря о крестьянстве, не учитывать того расслаивающего влияния, которое имел на него капитализм. Испанская деревня, как и всякая другая, в силу этого классово дифференцирована, а следовательно дифференцирован и ее язык. Отдельные ее группы удаляются от диалекта, речь их носит на себе влияние языка какого-нибудь местного центра, в конечном итоге — общеиспанской нормы. Много ценного материала для знакомства с языком испанской деревни находим мы у писателей-областников или интересовавшихся деревенскими отношениями, начиная с Фернán Кавальеро, С. Э. Кальдерона, Паласио Вальдес („*La aldea perdida*“, 1903), Р. Масиас Пикавеа („*La tierra de campós*“, 1898) и вплоть до наших современников, Арконады („*Турбина*“, „*Раздел земли*“) и Р. Альберти („*Эстремадурские крестьяне*“).

Еще более деревни дифференцирована городская буржуазия, в особенности типичный современный индустриальный город или крупный промышленный центр. Здесь мы имеем целую скалу оттенков, зафиксированную множеством писателей XIX и XX вв. Для провинциального языка мы находим немало ценных данных в романах Паласио Вальдеса (напр. „*La hermana San Sulpicio*“) у Асорина (Хосé Мартинес Руис; напр. „*Los pueblos*“, 1904) и в драмах создателя областного театра Хосé Фелиу и Кодина („*La Dolores*“, 1892, „*Maria del Carmen*“, 1896, „*La real toza*“, 1897), вводящих нас в жизнь Арагона, Мурсии и Андалусии.

Поднимаясь выше по социальной лестнице, мы оказываемся, наконец, на той ступени ее, где господствует речь, почти совпадающая с письменной нормой. Но и здесь возможны иногда очень тонкие оттенки, позволяющие уловить прошлое говорящего, его старые социальные связи или фиксировать точнее его современное социальное положение.

Свою речь имеет и рабочий, пролетарий промышленного центра. Она будет одной, если он еще связан с деревней, и другой, если он порвал с нею окончательно. В этом последнем случае речь рабочего-профессионала — городская, иногда с легким диалектическим налетом; она ориентирована на городскую норму, но самостоятельно переработанную, и тем более близка к общенациональной, чем крупнее город, чем давнее с ним связи рабочего и чем он культурнее. Для изучающего язык современного рабочего особенно много дает литература наших дней. Для более ранней поры кое-что можно почерпнуть у драматургов, как напр. у Р. де ла Вега (напр. „La verbena de la paloma“, 1894, рисующая жизнь „низов“ мадридского общества) или в набросках Хосé Лóпес Сильва вроде „Gente de tufos“, „La gente del pueblo“ (1908), „Los hijos de Madrid“ (1910), написанных на мадридском народном языке.

Диалектологические разыскания последнего времени на Пиренейском п-ове, отражающие общеевропейские сдвиги в этой области знания, значительно уточнили наши сведения об испанских диалектах, равно как и о взаимоотношениях иберо-романских языков. Ценнейшие данные содержат, несомненно, материалы, собранные для географического атласа Испании. Работы этого рода в других странах уже позволили оценить значение географического метода для точного разрешения вопроса о связи между историей данной страны и ее языком и уточнение старых представлений о диалекте. Результатами этих работ воспользовались и мы в своем очерке, и каждый наш читатель без труда установит нашу зависимость от них. Но столь же отчетливо видно из нашего изложения, что проблема социальной диалектологии должна быть пока отнесена к числу *pia desideria* испанистики, несмотря на то, что современная нам эпоха, казалось бы, толкает нас в языкознании именно в сторону вопросов этого порядка. Но что же требовать от испанистики, науки относительно молодой, если в не много лучшем положении находятся и некоторые другие специальные области языкознания, имеющие более солидный возраст.

То же самое пришлось бы повторить и в отношении некоторых других языковых явлений в Испании, выросших на почве социальной дифференциации капиталистического общества. Мы разумеем прежде всего так наз. профессиональные языки или говоры. Испания знала цеховые группировки, замкнутые организации, в рамках которых рождался свой профессиональный язык, главным образом — своя лексика. Ее имели севильские и сарагосские прядильщики и суконщики Куэнки, и толедские или кордовские кожевники, и толедские оружейники, и гончары из Малаги, Талаверы, Севильи, Мурсии, Толедо и других городов. Как и в других странах, многие элементы этой лексики стали общеиспанским достоянием (ср., напр., цитированное выше *farachar* 'мять' и тому подобные многочисленные арагонизмы, леонизмы, андалусизмы в испанском); но многое осталось на месте. Многие специальные термины получили общее значение; многие выражения, первоначально узко-технические, приобрели широкий смысл. Так, понятие „охотиться“ выражается по-испански посредством *cazar*, *dar caza*, т. е. лат. *captiare*, и *montear*, рядом с которым мы имеем в исп. *monte* 'лес', — терминами, обозначающими первоначально разные виды охоты. Вероятно сельским термином было сперва и *buscar* 'искать', первоначально — 'собирать дрова, хворост' (ср. франц. *bûcher* 'рубить дрова, лес'). *Errar el tiro* 'промахнуться' в смысле „ошибиться“, „просчитаться“ — также первоначально термин специального лексикона. Но критическое собирание и научный анализ подобного материала в Испании, как старого, так и современного, пока дело будущего.

Профессия создает и свой быт, а поэтому в состав профессионального лексикона могут входить слова, непосредственно с самой профессией не связанные. Такого рода явление можно наблюдать в языке военных, студентов и ряда других профессиональных групп повсюду. С языком мадридских художников познакомили нас еще Труэва и Ла Кинтана (?—1889; „*Cuencos populares*“). Это так наз. жаргоны или, может быть, точнее жаргонные словари, поскольку язык студентов, напр., не имеет своей грамматики и, следовательно, не является подлинным языком. Но и как словари они имеют довольно ограниченный объем, так как создают только такие термины, которые тесно связаны с обстановкой и бытом их творцов.

Несколько иным более ярко выраженным продуктом языкового творчества является воровской язык, аргó, как его называли французы. По существу это также словарь. Но аргó дает нечто большее, поскольку словообразование его пользуется часто суффиксами искаженными, фантастически скомбинированными или заимствованными из других языков. Другой отличительной чертой аргó является сплошная перестройка лексикона, не только профессиональной, но и общей, так сказать, его части, что делает его тайным языком, недоступным пониманию окружающего общества. Такой характер аргó как нельзя лучше отвечает положению в обществе говорящих на нем. Это деклассированные элементы, выброшенные из общества, а потому находящиеся в состоянии постоянной борьбы с ним, в которой тайный язык оказывает им немалую услугу. Аргó—явление широко распространенное, знакомое, естественно, и Испании, вероятно гораздо ранее XVI в.; но тип бродяги-авантюриста, *pícaro*, стал обычным элементом испанского общества, порожденным тяжелым экономическим кризисом, охватившим страну с середины XVI в. Так как кризис этот коснулся различных классов общества, то социальный состав пикарос был очень пестрый, и среди них так же часто можно было встретить обнищавшего крестьянина, как и поденщика, ремесленника, солдата, студента, обедневшего дворянина а также и крупного аристократа, опустившегося до уровня бродяги. Став одним из характернейших социальных типов XVI—XVII вв., пикаро обратил на себя внимание представителей литературы и подсказал им создание целого специального жанра, так наз. *novela picaresca*, „плутовской“ повести или романа, одним из ранних и классических представителей которого является „Ласарильо из Тормес“; на этот жанр отозвался Сервантес в своих „Назидательных новеллах“ и в „Дон-Кихоте“. Бродяжничество было явлением, широко распространившимся в ту пору по всей Испании,¹ но ареной деятельности пикаро являлись, конечно, по преимуществу такие центры, где они легче всего могли удовлетворить свои потребности и авантюристические вкусы. К числу подобных городов принадлежала Севилья, „Вавилон“, как называли ее в XVI в., которая благодаря своей торговле и связям с Америкой стала одним из крупнейших городов не только Испании, но и Европы. О том, какова была жизнь этого Вавилона во времена Сервантеса, рассказывает нам, между прочим, послание одного лиценциата к своему начальнику-кардиналу, которому предстояло занять епископскую кафедру в Севилье. „В Севилье нет никакого правосудия; правда здесь — дело редкое и здесь очень мало стыда и страха божья, никакого доверия; никто не может добиться своих прав, если он их не купит, или устроить свое дело, если он не уплатит десятой части выплачивающему деньги или альмохатида, чтобы тот распорядился о выплате. Никто не исполняет своих обязанностей и никто

¹ Впрочем одновременно и по всей Зап. Европе.

не стоит на своем месте. Все продается, вплоть до святых таинств и сообщения их. Никто себя не знает и не трактует себя соответственно своему состоянию и достоинству. Два полюса, которые двигают этим миром, это — дары и женщины. Здесь бичуют только того, у кого нет спины, осуждают на галеры только того, у кого нет рук; здесь не страдает ни один преступник, а только тот, кто мучится от нужды и у кого нечего дать секретарям, прокурорам и судьям. Я уже шесть лет не видел, чтобы в Севилье повесили разбойника, да и никто не помышляет сделать это, так как преступников здесь, что пчел в рое: одних двенадцать миллионов, других восемьдесят миллионов. За этот и за прошлый год в Севилье пошли в ход при помощи чужого добра двадцать шесть человек, которые пользуются им из 50 процентов... Чего в Севилье больше всего, так это насильников, прелюбодеев, лжесвидетелей, игроков, мошенников, убийц, лихоимцев, надувателей, бродяг, живущих, ничего не имея, только тем, что они выиграют или награбят в бильярдных домах или в кости, после чего они наведываются еще в триста игорных и три тысячи публичных домов. Бывают такие люди, которые с помощью двух сломанных столов и шести старых стульев зарабатывают на картах четыре тысячи дукатов. Торговля превратилась в грабеж и плутню, чем все виды ее нарушены, начиная с торговли золотом и шелком и до торговли овощами, так как все это продается по крайне высоким ценам, а хуже всего то, что так поступают те, кто должны были бы исправить это дело".¹

Эти социальные контрасты воспитали те деклассированные элементы, о которых мы говорили выше и которые в Испании носили кличку *пикарос*, *херманес*. Они попали в „Селестину“ и ее подражание „Гусман де Альфараче“ Матео Алемана; ими занимался Сервантес в своей новелле „Ринконете и Кортадильо“. ² Эти произведения, равно как и нравоучительное „*Fiel desengaño contra la ociosidad y los juegos*“ („Верное разоблачение праздности и игры“) Луки Фашардо, являются ценнейшими памятниками испанского аргó эпохи золотого века. Арготические элементы встречаем мы и в пьесах Лопе де Руэда и Лопе де Вега.

Здесь перед нами проходит и *godeña* в значении „знатный“, напоминающее современное *hacerse de los godos* 'заставлять принимать себя за человека благородного происхождения', ³ и *mandil, mandilete* в смысле „слуги мошенника“ ⁴ и *jayán* 'главарь' или 'наиболее уважаемый мошенник' (собственно: гигант, человек большой физической силы). Те же писатели знакомят нас с условными обозначениями различных мест в Севилье. От них же мы узнаем, что *consejil* — собственно „городской уполномоченный“, а затем „найденш“, может обозначать и „проститутку“. Они сообщают нам и ряд характерных терминов, из которых видно, что присяжным посетителям игорных притонов эти заведения представлялись в виде голубятен, *palomar*, а игроки — голубями различных цветов, в зависимости от их опытности: *blanco* — неопытный, *negro* — опытный. Невнимательного игрока характеризовали как животное, и именно лошадь, *caballo*. Шуллерские приемы игры назывались „цветком“, *flor*; „поводить бровями“, *hacer la ceja*, значило играть с помощью третьего лица, очевидно делавшего бровями соответствующие знаки.

¹ Цитируем по J. Hazañas y la Rúa (Los rufianes de Cervantes. „El rufián dichoso“ у „El rufián viudo“ con un estudio preliminar (Севилья, 1906, 21—22).

² См. также его пьесы, цитированные в предыдущем примечании, и „Дон Кихота“.

³ Ср. исп. *godizo* 'богатый'. Отсюда франц. арготич. *godiz*, исчезнувшее в XV в. Во Франции оно обновилось в XVIII в. в форме *godiche* 'неуклюжий, глупый'. См. A. Dauzat. Les argots. Paris, 1929, 76.

⁴ Очевидно к *mandar, mandil* — 'человек, исполняющий поручения'.

Термином, обозначающим содержателя игорного притона, *garitero*, назывался одновременно и укрыватель грабителей. *Garitero* связан с *garita* 'будка сторожа', 'укромная коморка', 'уголок'.

Подобного рода материал уже давно начал привлекать к себе внимание исследователей. Работы Салильяс¹, известного сервантиста Родригеса Марин², Бонилья и Сан Мартин³, Асаньяс и Ла Руа⁴ и некоторые другие дают не только языковой комментарий к тем литературным произведениям, которыми они занимаются, комментарий, без которого мы не в состоянии были бы разбираться в тексте ряда писателей XVI в., но представляют собою и ценный вклад в историю испанского языка и его внутренних отношений. XVI в. дал впервые очень много арготического материала, и так как понимание его необходимо для понимания ряда литературных произведений того времени, то вполне естественно, что филологи обратились к его расшифровке. Но аналогичные данные мы встречаем и в более поздние эпохи.

Аргó, который мы только что характеризовали, есть так наз. *germania*. Хермания представляет собой древнее аргó Испании. Термин *gueritero*, приведенный нами выше, связан, конечно, через *guerita* с французским *guerite*, известным еще в XIII в. и именно в значении убежища. В XIV в. он появляется уже и в смысле сторожевой будки.⁵ Связь испанского арготического слова с французским не случайная. Хермания, язык „братцев“ (*germanos, hermanos*), переполнена французским и провансальским лексическим материалом, так как она сложилась, по всей вероятности, где-нибудь в северо-восточных областях полуострова.

Будучи многим обязано французам, испанское аргó явилось в свою очередь источником, из которого стали черпать учителя. Таким образом во французский оборот проникло некоторое количество аналогичных терминов вроде *arton* 'хлеб' (херм. *artón*), *bolir* в значении „воровать и продавать наворованное“ (херм. с тем же значением) и др. Некоторые испанские термины пришли во Францию, может быть, кружным путем через Италию (фурбеско дал французскому вообще очень много материала): таков напр., *gouape* 'негодяй' < херм. *guapo*, засвидетельствованный в Неаполе, однако, уже в XV в.⁶ Мы ограничиваемся одним воровским языком. Многие термины миновали его, но осели в жаргонах иных групп населения. Ряд подобных примеров цитирует Доза, не различающий в этом случае достаточно четко отдельных категорий.

Интересно то, что французское аргó не содержит ни баскских, ни каталанских слов. Все заимствования почерпнуты из испанского и, следовательно, занесены из внутренних областей Испании.

Хермания представляет собой древнюю форму аргó.⁷ Новая форма его носит иной характер. Это так наз. *кало́*. Его лексика содержит большое количество цыганских слов, так как родиной его была, несомненно, Андалусия, в которой *gitanos*, цыганский элемент, имелся в довольно значительном количестве.

¹ Salillas. El delincuente español в Rom. Forsch. V, 1, 1896, 411.

² Rodríguez Marín. Rinconete y Cortadillo. Введение.

³ Bonilla y San Martín. La vida del pícaro, 1902.

⁴ См. цит. выше его работу.

⁵ A. Dauzat, ук. соч., 76.

⁶ Там же.

⁷ Древнейшим крупным памятником хермании являются „Romances de germania... con el vocabulario“ Хуана Идальго (Hidalgo), вышедшие в свет в Барселоне в 1669 г.

КАТАЛАНСКИЙ

1

Всякий, кто станет сопоставлять каталанский язык с испанским, т. е. кастильским, невольно обратит внимание на их различие, а с другой стороны — на сходство каталанского с провансальским; поэтому естественным является желание отвести ему особое место, вблизи провансальского. Это первое впечатление лингвиста формулировал Диц, охарактеризовавший каталанский как „самостоятельный язык (*Idiom*), ближайшим образом родственный провансальскому“, но „не являющийся его диалектом“.¹ На связи с провансальским настаивали и романисты следующего за Дицем поколения. „Каталанский — говорит один из них — принадлежит галло-романской, не испанской (кастильско-португальской) семье; он не является связующим звеном между ними; он просто вариант (*Spielart*) провансальского“, сложившийся под влиянием политических условий и, в результате экспансии Арагона, распространившийся затем по восточному побережью полуострова и на соседние острова.² Большинство исследователей этой поры подходило к каталанскому со стороны провансальского.

Но уже каталанский романист Милá и Фонтанальс обратил внимание на различие между каталанским и провансальским в средневековую эпоху.³ Он исходил из литературных текстов. Несколько позже него Алар, обратившийся к сравнению актов Руссильона, Сердани и Лангедока, пришел к выводу, что между каталанским и лангедокским существовали издавна заметные различия.⁴

С тех пор как языковые отношения Пиренейского п-ова подверглись более глубокому изучению, к каталанскому стали относиться иначе;⁵ его начали сопоставлять с другими членами иберо-романской группы. Так один из современных представителей испанистики говорит: „Вопреки различиям, отделяющим от кастильского язык, на котором ныне говорят

¹ F. Diez. Gramm. d. rom. Spr., I, 112.

² A. Morel-Fatio, Grundriss Гребера, I², 673. Так же смотрел на дело Мейер-Любке в своей „Gramm. d. rom. Spr.“ (I, 14): „каталанский — это провансальский, занесенный в XIII в. в Испанию“. Во втором издании „Einführung in d. rom. Sprachwiss.“ (Гейдельберг, 1909, 26) он определяет каталанский как „продвинувшийся вперед, благодаря вытеснению арабов, провансальский диалект“. И E. Bourciez считает каталанский „на его древнейшей ступени очень близким провансальскому“ и только позже, в силу политических условий, от него отклонившимся (*Éléments de linguist. rom.*, Париж, 1935, 288). Вариантом (Abart) провансальского считает каталанский и O. Schultz-Gora (*Altprov. Elementarbuch*, Гейдельберг, 1906, 8).

³ Milá y Fontanals. De los trovadores en España, 1861, 453 сл.

⁴ Alart в *Revue des langues rom.*, 1872, 265 сл.

⁵ B. Schädcl. La Frontière entre le gascon et le catalan в *Romania*, XXXVII, 140 сл. — Ср. C. H. Grandgent. An outline of the phonology and morphology of old provençal, Бостон, 1909, 2. Этот автор говорит, что „каталанский существенно отличается от провансальского и заслуживает быть изученным отдельно“.

в Каталонии, нет, на наш взгляд, основания исключать его из группы испанских языков. Вероятно каталанский развился в горных областях страны, распространился затем, в связи с завоеваниями христиан на мавританской территории, на юг и продвинулся, в конце концов, до восточного побережья полуострова и далее на острова Средиземного моря. С другой стороны, теснейшие политические отношения, долгое время связывавшие Руссильон и французскую Сердань с каталанскими областями, объясняют нам, почему по обе стороны Пиренеев говорят на одном и том же языке¹. Но и на этой стадии истории романистики раздаются оговорки. Так, один из известных современных романистов, уже учитывая работы последнего времени и возражая против объединения, в той или иной мере, каталанского с провансальским, полагает, однако, что его не следует связывать и с испанским, так как он „столько же отличается от последнего, сколько и португальский, сохранностью в нем более древних ступеней развития и новыми чертами, самостоятельно развившимися. Каталанский должен рассматриваться как особый язык“².

Разногласия побудили Мейера-Любке пересмотреть вопрос „в более широких рамках, не ограничиваясь тем участком каталанского, который дан нам в «Atl. linguist. de France» (т. е. Руссильоном), чтобы, не удовлетворяясь одними только общими впечатлениями, добиться надежных результатов“. Он посвятил проблеме каталанского обстоятельнейшее специальное исследование, которое привело его к выводу, что строй каталанского связывает его не с иберо-романской, а с галло-романской группой³. Работа Мейера-Любке, оперирующая огромным сравнительным материалом, вызвала, между прочим, сочувственный отзыв Мейё, впрочем осторожно предложившего, в то же время, не включать каталанский в галло-романскую группу, а говорить только о „его приближении к провансальскому“⁴. Но она подверглась и критике как с каталанской⁵, так и с испанской сторон⁶.

Основной недочет работы Мейера-Любке в том, что он, говоря об испанском, обычно понимает под этим термином кастильский, а не всю совокупность иберо-романских диалектов. Это помешало ему дать точную картину иберийских отношений каталанского. Теперь, после работ современных испанистов, и в особенности Менéndеса Пидалья, сопоставление с одним только кастильским является недостаточным и не может дать прочных результатов. В этом можно было убедиться уже из нашего предыдущего очерка. В целях иллюстрации приемов Мейера-Любке приведу несколько примеров.

Для каталанского, как и для провансальского, характерным считается, напр., сохранение латинских *ō*, *ē*, которые в испанском дают

¹ J. Saroïhandy, в Grundriss Гребера, I², 846. К группе испанских языков относит каталанский и Г. Морф (Bullétin de dialectologie romane, I, 2 сл.); еще ранее B. Schädel (Die katalanischen Pyrenäendialekte в Rev. de dialectol. rom., I, 1909, где дается и библиография). Ср. также R. Menéndez Pidal в Discursos leídos ante la real Acad. de la Historia en la recepción pública del exc-mo Sr. D. Francisco Codera, Мадрид, 1910.—P. Savi-Lopez (Le origini neolatine, Милан, 1920, 232) склонен примкнуть к точке зрения Морфа.

² W. v. Wartburg в Zs. f. rom. Ph., XLII, 372. В особую группу выделяют каталанский и „Les Langues du monde“ (58). На той же точке зрения стоит и W. J. Entwistle. The Spanish language together with portuguese, catalan and basque, Лондон, 1936, 82.

³ Meyer-Lübke. Das Katalanische. Seine Stellung z. Span. u. Provenz, которое мы не раз цитировали выше. Говоря о фонетической системе, Мейер-Любке имеет в виду прежде всего тонические гласные и ритм (149).

⁴ Meillet в Bull. de la Soc. linguist. de Paris, т. XXVI (1925), 120 сл.

⁵ A. Griera. Castellà — català — provençal в Zs. f. rom. Ph., XLV, 198—254.

⁶ A. Alonso. La subagrupación románica del catalán в Rev. de fil. esp., XIII, 1926, 1—38, 225—261. Частично Menéndez Pidal, Orígenes, I, passim.

дифтонг: *puerta*, кат. *porta*, ст.-пров. *porta*; *piè*, кат. *peu*, ст.-пров. *pe*. Но дифтонг отсутствует в Галисии и в Португалии, а также, по крайней мере частично, в Бетике. Мейер-Любке напоминает формы *Sanchol* (прозвище сына Аль Мансора, Абд ар Рахмана, вступившего на престол в 1008 г.) и *el Royol* (прозвище одного военачальника, служившего Омару бен Хафсун и умершего в 917 г.). Такие примеры были умножены Менéndесом Пидалем.¹ В связи с ними Мейер-Любке замечает, правда осторожно, что „в некоторых частях юга дифтонгизация могла быть моложе арабизации“.² Но, следовательно, она не была сплошной, что после примеров Менéndеса Пидала становится совершенно ясным. Между каталанским и языком прочих частей полуострова нет полного разрыва. Мейер-Любке старается показать, что совпадение каталанского и мосарабского с галисийско-португальским происходит только на бумаге, тогда как на деле речь идет о различных звуках: галис.-порт. *ovo* имеет *o*, *ova* — *ø*.³ Действительно *ø* и *q* в ст.-португальском суживались перед передними *e*, *i*, *o*, в гиаге и перед носовыми.⁴ Но все же *o* или *e* гораздо ближе к своим исходным точкам *q* и *ø*, нежели соответствующие им дифтонги. Тонкие фонетические различия мало помогают делу; иберийские связи каталанского остаются неразорванными. С другой стороны, А. Гриера допускает наличие дифтонга в дописменном каталанском. Он ссылается на ряд форм, относящихся к IX—XIII вв.⁵ Если допустить, что явление это было в древнейшую пору широко распространено, то мы имели бы аргумент против Мейера-Любке. Но разбираясь в примерах Гриера, мы видим, что очень многие из них принадлежат области Валенсии, Аликанте, т. е. районам, связанным с Толедо, Кастильей в гражданском и церковном отношениях и имеющим дифтонг.⁶ Остающиеся же (их очень небольшое количество) требуют еще проверки, которую я лишен пока возможности произвести. Во всяком случае ясно, что некоторые из них относятся к поздней поре; *quiega* 'кобыла', напр. (исп. *uegua*, кат. лит. *egua*), принадлежит XII в. Если формы с дифтонгами и можно вслед за Гриера относить к ранней поре, то это может свидетельствовать о наличии известного тяготения к дифтонгу на ряду с сохранением старого монофтонга, т. е. о наличии некоторой борьбы между двумя тенденциями. Во всяком случае вывод, который делает из этого Гриера, а именно вывод о том, что дифтонг характерен для древней поры, а простой гласный результат восстановления старого звука под влиянием провансальского, — следует считать преждевременным. Так или иначе, приведенные факты говорят о том, что на ранних этапах развития каталанский в данном отношении не находился в отрыве от своих иберийских соседей.

Как известно, в каталанском и провансальском *ø*, *q* перед палатальным обращаются в дифтонг, в то время как в испанском мы имеем здесь *e*, *o*; ср. кат. *pits*, пров. *pieit* и исп. *pecho*, *vuut*, *uesh* и *ocho* > *osto*.⁷ Но сейчас дифтонг имеется в части леонско-астурийского и арагонского, а так как он существовал и в мосарабском,⁸ и даже „на крайнем севере, от

¹ Orígenes, I, 153—154.

² Meyer-Lübke. Das Katalanische, 5.

³ Там же, 150.

⁴ J. Huber. Altportugiesisches Elementarbuch. Гейдельберг, 1933, 51, 54—55.

⁵ Это небольшая группа местных названий, в которых мы имеем характерные и для других разновидностей иберо-романского колебания *ua*, *ue*, *ia*, *ie*. Ср. *Lilieto* (IX в.), *Siarp* (IX в.); в „Acte de consagraci6n de la Seu d'Urgell“: *illa corre (ipsa Quarro)*, ныне *La Quar*, *Duaria* = *Dorria*, *Yeneva* = *Enova*, *Bucuerp* = *Bicorp* и т. п.

⁶ См. эти примеры у Менéndеса Пидала (Orígenes, I, 149).

⁷ Ср. A. Griera. Gram. hist., 44: *six* — *sex*, *mils* — *mélius*, *monastir*; *huyt* — *oculu*, *sixa* — *soxa*, *vuyt* — *hödie*, *Catalunya*, *muyr* — *morio*, *depuys* — *deposte* + гласн. и т. п.

⁸ Orígenes, I, 158 сл.

Бургоса... и в Сеговии",¹ то ясно, что он охватывал некогда весьма значительную территорию, прорванную затем в направлении с севера на юг кастильским монофтонгом. Тем не менее Мейер-Любке отрицает возможность такого распространения явления, для чего ему приходится допускать, что леонская дифтонгизация „очевидно (*offensichtlich*) обусловлена не палатальным“, а старое арагонское *hueu* и современные *nueite*, *fuella*, *viello* и т. п. представляют собой результат иррадиации каталанского вокализма (имевшей место до редукции *iei* > *i*, *uei* > *u*), так как дифтонг встречается в Арагоне в области, где обычным является *o*. Однако и факты XI в., приводимые Менéndесом Пидалем, и современные данные, собранные А. Куном,² показывают, что мы имеем здесь дело не с зоной *o*, а со старой областью дифтонга, которой незнакомы специфические каталанские варианты его развития. Так Кун „почти не находит“ в Арагоне редуцированных форм, что было бы странным, если бы имела место иррадиация каталанского.³ При этом *-ellu* дает *-yello* и *-yallo*; для *hodie* мы имеем *huou* и *hueu*, т. е. разнообразие рефлексов, характерных и для леонского. Таким образом попытку Мейера-Любке оспаривать наличие большой и связной территории, знающей дифтонг перед палатальным, территории, тянувшейся от Галлии до Астурии, едва ли можно признать убедительной.

В области консонантизма остановимся на начальном *f*-. Мы уже знаем, что в кастильском (и, следовательно, испанском) оно сохраняется только перед *ie* и *r* (*fuego*, *frente*); в каталанском — всегда, как в провансальском (*fron*, *foc*, *femna*), и с этим последним Мейер-Любке его и сопоставляет.⁴ Но мы видели выше, что *f* > *h* было распространено первоначально только в Кантабрии и через баскский связано с аналогичным явлением в юго-западном углу Франции, в Аквитании.

Переходя к морфологии, Мейер-Любке останавливается между прочим на образовании мн. ч. Каталанский связан с провансальским тем, что окончание *-s* присоединяется в обоих языках к исходной точке непосредственно, тогда как в испанском перед *-s* появляется гласный (*e*), даже если он исчез в ед. ч.: *señores*, *soles*, но *señor*, *sol* и т. п. В ст.-каталанском мы имеем *cabals* 'доля', 'имущество', *cars*, *colors*, *rams*; в современном: *pals* 'мачты', *purs*, *nomis*.⁵ Но то же самое мы встречаем в арагонском, и, следовательно, полного разрыва с иберо-романским нет.⁶

Что касается синтаксиса и словаря, то, по замечанию А. Алонсо, в первом случае у Мейера-Любке имеется ряд недоразумений (*equivocaciones*), во втором — недосмотров. Действительно, рядом с каталанскими словами, имеющими общую базу с провансальскими, испанский не дает иногда как будто соответствия. „Однако, — говорит Алонсо, — очень часто Мейер-Любке не знает, что то или иное слово зарегистрировано не только в словарях областных или старых, но даже в словаре Испанской академии“.⁷

¹ García de Diego, в Rev. de fil. esp., III, 302.

² Ук. соч., 12—14.—Ср. Hanssen, ук. соч., 28.

³ Отметить можно только *luit* < *poste*, известное и каталанским диалектам на ряду с *nit*. См. A. Griera, ук. соч., 47. Но по словам Куна *luit* в Верхн. Арагоне — редкость. Перед латинской группой *ct* мы имеем в арагонском и дифтонг, и простой гласный: *peito* < *pectu*, старое *leito* < *lectu* (теперь обычно *sama*, но ср. *leitera* 'шерстяная покрывка постели'), *poste* > *nueit(e)*, *sueitas* 'страдания' < *costas*, встречающееся в латинском тексте (Kuhn, ук. соч., 14); но то же *costu* живет в *siricueta*, *siriketa* 'пахтанье' (*serum costum*).

⁴ Meyer-Lübke. Das Katalanische, 24; ср. 153.

⁵ R. Foulché-Delbosc. Abrégé de grammaire catalane, Барселона, 1902, 53.

⁶ A. Alonso, в Rev. de fil. esp., XIII, 29.

⁷ Там же, XIII, 30.

Так по поводу слов гальского происхождения, существующих в обороте северной и южной Франции, Мейер-Любке утверждает, что их „нет вовсе в испанском“, между тем как значительное число их имеется в каталанском. Совершенно естественно, конечно, что гальских слов больше в припиренейских областях; но они имеются и в более отдаленных частях полуострова. Так напр., *arañón* 'дикая слива' (**agrapione*) общеупотребительно в арагонском¹ и наварском; *calmis* (необработанное или не поддающееся обработке поле, каменистое плоскогорье)² в испанском может отвечать *calmo* (не заросший деревьями участок); с *doga* (насыпь, обрамляющая ров, яму) следует сопоставить исп. *dovela* (камень, завершающий свод); с *grava* 'камень' — исп. *grava* 'песок'; с *garra* 'подколенок' — исп. *garra* 'коготь';³ с *pariolu* 'котел' — исп. *perol* 'большой котел'. Возможно, что с *сумба* 'долина' связано исп. *comba* 'кривизна, искривление', 'прогиб' (балки и т. п.); сюда же относятся исп. *combo* 'кривой' (< *сумбус*), *combar* 'искривлять'.

Мейер-Любке дает в заключение своего обзора каталанского словаря классифицированный перечень слов, которые, по его словам, не имеют соответствий в испанском. Однако при ближайшем анализе списка оказывается, что список этот не совсем точен. Испанский знает: *nodriza* 'мамка', *barra* 'челюсть', *pulsos*, *cerebro* 'мозг', *auca* 'гусь', *talón*, *finca* 'залог', 'заклад', *borda* 'хижина', *poste* 'столб, косяк', *hogar* 'очаг', *cramillera*, *mecha* 'светильня', *destral* 'топор', *esquila* 'колокольчик (у скота)', *cerco*, *cerquillo*, *garbillo* 'грубое сито', *calza*, *estío* 'лето', *Pascua florida* 'троицын день', *carrihuela*, *rosada* 'роса', 'иней', *pequeño duque* 'сыч', *babuta* (насекомое), *embutar* 'прививать' и т. д.⁴ При анализе словарных данных нужна большая осторожность: *barra*, напр., живет в Ла Манче, но его уменьшительное в Наварре; Наварре же принадлежат *borda*, *carrihuela*, *pequeño duque*, *babuta*, *embutar*;⁵ *rosada* известна Наварре и Арагону и т. п., т. е. параллелей надо искать среди синонимов (*estío* 'лето' || *verano* или *pequeño duque* || *buho*, *babuta* || *abubilla* и т. п.) и диалектизмов. Если так, то иберо-романские связи каталанского гораздо значительнее, чем предполагал Мейер-Любке. И эта сторона языка, таким образом, подтверждает то, что дают нам, как мы видели, и фонетика, и морфология.

Но у Мейера-Любке есть и другие недочеты. Ряд существенных фактических поправок в лексические наблюдения Мейера-Любке был внесен с точки зрения каталанского Гриерой. Отметим, между прочим, что Мейер-Любке настаивает всегда особенно на случаях различия, отклонений, которые представляются ему особенно ценными как доказательство. Это сказалось, напр. в вопросе об *и*, которое, как известно, звучит в каталанском — как в испанском, в провансальском — как во французском. По мнению Мейера-Любке эта характерная особенность еще ничего не говорит,⁶ что, может быть, совершенно правильно если взять ее изолированно. Но едва ли можно согласиться с тем, как Мейер-Любке снимает эту черту со счета. В предисловии к своей работе он спрашивает читателя: разве баски-сулетинцы (*Soule*), произносящие *и* как *й* (*y*),

¹ Кuhn, ук. соч., 88.

² REW³, no. 1522.

³ Дано рядом с португальским между прочим в REW³, no. 3690.

⁴ Алонсо, у которого я заимствую этот перечень, утверждает, что он может быть значительно увеличен (*Rev. de fil. esp.*, XIII, 32, 29—31).

⁵ Лат. *imputare*. Параллельное кат. *impeltar* (очевидно *imputare* + *pelle*) распространено не только во Франции, но и в Басконии. Еще ст.-французский знает *etrepa* (REW³, no. 4300).

⁶ Meyer-Lübke. *Das Katalanische*, 151—152.

стоят оттого ближе к французам, нежели к прочим баскам?¹ Конечно, нет. Но ведь мы знаем, что баскский язык не французский. Если же он был бы разновидностью романского, близкой французскому, то мы не имели бы основания дать отрицательный ответ на вопрос, поставленный Мейером-Любке. Само собой разумеется, что на основании одного только наличия *и* вопрос о связях каталанского разрешен быть не может. Но не учитывать этой черты на ряду с другими при сопоставлении каталанского с галло- и иберо-романским нельзя, в такой же мере, как отрицать влияние французского *и* на образование *й* в сулетинском.

Будучи тонким аналитиком, Мейер-Любке впадает, однако, иногда в этом отношении в крайность, приводящую его к искусственным построениям. Так, напр., начальные латинские группы *pl-*, *cl-*, *fl-*, как известно, сохраняются в провансальском и каталанском, в испанском же дают *l̃* (написание: *ll*); следовательно:

кат. <i>ploure</i>	пров. <i>ploure</i>	исп. <i>llover</i>
<i>clamar</i>	<i>clamar</i>	<i>llamar</i>
<i>flama</i>	<i>flama</i>	<i>llama</i>

Прежде всего фактическая поправка: сохраняются упомянутые группы и в современном наварско-арагонском,² а в старые времена они сохранялись в Бетике, в большей части Карфагенской области и в районе Мэриды.³ Переходной ступенью к *ll* являлись *pl̃* и т. д., которые живут и поныне и территория которых вклинивается в территорию сохранившихся *pl-* и т. д. Тем не менее Мейер-Любке рассматривает *pl* и т. д. как компромисс, как результат скрещения каталанского типа с кастильским.⁴ Между тем эту промежуточную ступень, не развившуюся, однако, далее, мы имеем в таких областях Романии, где о влиянии кастильского не может быть и речи. На французские параллели указал еще А. Алонсо;⁵ я могу напомнить в дополнение к ним македонско-румынские формы: *slave* > *cluae*, *oc'lu* > *oclyu*.⁶

Подобные тонкие различия и объяснения заставляют Мейера-Любке строить свои заключения на очень зыбких основаниях. Примером может служить и его толкование судьбы интервокального лат. *-d-* в каталанском. В провансальском это *-d-*, как известно, превращается в *-z-*:⁷ *auzir* < *audire*; ему отвечает кат. *ohir*, исп. *oír*. Тем не менее Мейер-Любке старается показать, что выпадения в испанском и каталанском различны, и последний в этом отношении ближе к провансальскому. Выпадение в провансальском подвергается, поэтому, очень сложному фонетическому анализу,⁸ из которого ясно, 1) что все построение Мейера-Любке опирается, в сущности, на одно слово, а именно *coda*, и 2) что все тонкости, строго говоря, излишни, так как рядом с формой *coa*

¹ Там же, VIII; стр. 10, 152.

² См. примеры в *Orígenes I*, 245 сл. — А. Кuhn, ук. соч., 32 сл.

³ *Orígenes*, 246, 529.

⁴ Meyer-Lübke. *Das Katalanische*, 26—28.

⁵ *Rev. de fil. esp.*, XIII, 11.

⁶ Румынский дает, как известно, *plînge* — *plângere*, *blînd* — *blându*, *floare*, но *chiată* — *clamat* < **clymă* и *ghîndă* — *glande* > **glyindă*. Молд. и вост.-рум. *kl'ept*, отвечающее рум. *pîept* < *pești*, где *py* > *ky*, — факт не гиперкоррекции, а славянского влияния: 1) рядом с *kl'ept* мы имеем и *fl'er* = *fier*; 2) *pl-* сохраняется: *plînge*, *plăcă* = *plăcere*.

⁷ Говоря точнее: в областях, прилегающих к каталанскому; на севере это *-d-* исчезает; на юго-западе оно остается.

⁸ Meyer-Lübke. *Das Katalanische*, 30.

в „Lexique roman“ Ренуара зарегистрирована и форма *soza*, т. е. форма, примыкающая к наиболее употребительным.¹

Сказанного вполне достаточно для характеристики работы Мейера-Любке. Я остановился на ней подробно потому, что 1) вопрос об отношении каталанского к его соседям стал актуальным; 2) работа эта — одна из наиболее обстоятельных, и имя автора, одного из крупнейших романистов конца XIX — начала XX в., заставляет отнестись к ней с особым вниманием; наконец, 3) в результате проделанного анализа у нас остается кое-какой материал, который можно будет использовать в дальнейшем.

В итоге оказывается, таким образом, что и эта наиболее обоснованная попытка связать каталанский с галло-романским не убедительна. Самый сильный удар наносят ей исследования Менéndеса Пидалья, которые позволяют нам глубже заглянуть в языковые отношения на Пиренейском п-ове и, притом, с охватом всех разновидностей латыни, на нем развившихся. Уже из предыдущего очерка, посвященного испанскому, следует, что отрывать каталанский от остальной Иберо-Романии, несмотря на его отличия, невозможно, что некоторые из этих отличий — кажущиеся и что резкой грани между каталанским и испанским, в широком смысле этого слова, не было и нет. Это положения, которые добыты новейшими исследованиями в области иберийских языков и диалектов. Да и сам Мейер-Любке установил ряд точек соприкосновения между каталанским и его соседями на полуострове; только он не проанализировал и не использовал их до конца.

2

Круг иберийских связей каталанского, намеченный выше, может быть значительно расширен. Мы уже отмечали характерные для Иберии *u* из лат. *ū*, которому в Галлии и части северной Италии отвечает *ū* и родственные ему гласные. Северная граница *u* совпадает с линией, отделяющей старый Руссильон от Франции, т. е. она проходит по французским отрогам Пиренеев, носящих название Корбьер, начиная от большого Пиренейского хребта и до Средиземного моря. Франц. *lune* (*lūne*), пров. *luna* (*lūna*) соответствует кат. *lluna*, исп. *luna*, порт. *lua*. — Латинский дифтонг *au* дает в каталанском и кастильском *o*: *cosa*. В галисийско-португальском и зап.-леонском мы находим *ou*: *cousa*; дифтонг давал и мосарабский. Провансальский остается верным латинскому: *causa* (во французском, однако, *chose*). — Аналогичные рефлексы оставил *ai* в *aira* (лат. *aiea*), кат., исп. *ega*, порт. *eira*; пров. также *aire*.

В области согласных отметим в ряде случаев произношение *b*, *d*, *g* как фрикативных β , δ , γ : *cabell* 'волос' звучит в современном языке как *kəβāl*, *edat* 'возраст' — как *eɖat*, *cogombre* 'огурец' как *kɔγɑmbɾə* и т. д. Но сохранились и взрывные: *doble* 'двойной' = *doblə*, *mandat* = *məndat*, *l'aglà* 'жолудь' = *l'əglɑ*. Повидимому, образование фрикативных — тенденция, развившаяся позднее. — Группа *-np-* > *-ñ-* (написание: *ny*): *any* < *anpu*, *dany* 'ущерб' < *dampu*. Следовательно в этом случае каталанский идет рука об руку с иберо-романским. В провансальском мы имеем *an*, *dan*, *son* < *sompni* (или *som*). — О начальном *l-*, превратившемся в *-ll-* (*llarg* 'широкий', *lleu* 'закон', *lloba* 'волчица' и т. п.), мы уже говорили; палатализация его известна и астурийскому, и мосарабскому, где *uengua* предполагает **llengua*.

¹ Выпадение *-d-* происходит не только после заднего, но и переднего гласного: *suor* < *sudore*, *crud* < *crudele*, *creansa*, *envair* < *invadere*; *nidu* > *niu*, *nieu*.

В области морфологии для каталанского, как и для иберо-романского вообще, характерно отсутствие склонения, тогда как ст.-провансальский, подобно ст.-французскому, имеет двухпадежную систему склонения.

Ряд других особенностей является общим у каталанского с иберо-романским и провансальским, а иногда сходство это объединяет и более обширную территорию Романии. Выше мы говорили о дифтонгизации лат. *ě, ō* (194 сл.); кроме каталанского и провансальского она не знакома вовсе португальскому, сардинскому, северной Италии и Сицилии: *mel(e/i)*; не знакома — отчасти итальянскому, французскому, румынскому.¹ Дифтонгизация тех же гласных перед палатальным распространена широко и на Пиренейском п-ове. — Что касается трактовки конечных гласных, то и в этом отношении каталанский связан не с одним только провансальским. Если отправляться от ст.-кастильского, арагонского, мосарабского, то и *-e*, и *-o* обнаруживали в них сильную склонность к выпадению, как и в ст.-каталанском. Но, как показывает дальнейшая история, тенденция эта в большей части полуострова не развилась; больше того: ее сменила позднее тенденция к восстановлению отпавших было гласных. В северо-восточном же углу Иберии, и особенно в каталанском, она укрепились и дала в итоге картину, напоминающую соседнюю Галлию. Здесь можно говорить о влиянии последней, но выводить из нее самую тенденцию, видеть в ней признак принадлежности каталанского к галло-романской системе у нас нет оснований.

Конечное *β* из *b* или *v* переходит в каталанском в *u*: *deu, beu, escriu*; в ст.-провансальском мы имеем также: *breu, clau, beu, deu, escriu*; испанский дает *breve, debe, escribe*, но и в арагонском мы находим *breu, deu, escriu*, как в провансальском и каталанском. — Конечное *-n* сохранялось в каталанском в ряде случаев до XIII в. Гриера цитирует: *rap, matin, raon, Rosseylon* и другие формы, параллельно которым существовали формы без *-n*: *Castelló, carbó, raó, camí, ví* и т. п.; *bo* стоит рядом с *bon*: *bon home*, но *un home bo*.² То же самое наблюдаем мы в провансальском. Испанский сохраняет *-n*. Но и каталанский предпочитает его в некоторых случаях; так *be, bo*, но во мн. ч. — *bens, bons* и т. д. — Конечное *-r* отпадает в вост.-каталанском в окситонах и инфинитиве уже в XV в.: *doná = donar, partí = partir, abaureó = abeuredor* и др.;³ в современном языке: *muller, mullers* произносятся как *mullé, mullés*. В провансальском конечное *-r* стало выпадать в некоторых диалектах на западе и юге в XIV в.; в современном языке оно исчезло на западе и на юге везде: *amou < amore, flou < flore*.⁴ В испанском это *-r* сохраняется: *mujer, mujeres*; но в арагонском мы имеем форму, тождественную каталанской. Таким образом связи каталанского в этом отношении идут в обе стороны. — Начальные латинские группы *pl-, cl-, fl-* сохраняются в каталанском и провансальском как и в значительной части Романии и в восточной половине полуострова в арагонском, но и в мосарабском. Изменения надвигались с запада, из Галисии и Леона. Таким образом мы имеем в ст.-каталанском: *ploure, ploma* 'перо', *clau* 'гвоздь', *flor*;⁵ в провансальском: *plen, clars, flors*; в испанском: *llaga < plaga, llamar < clamare, llama < flamma*.

¹ В итальянском и французском — в закрытом слове: *miele*, но *morte*; *miel*, но *mort*; в румынском — в отношении *o*: *miere, fier* 'железо', но *mor-mörit, porc*.

² Griera. Gram. hist., 62—63.

³ Там же, 59.

⁴ C. H. Grandgent. An outline of the phonology and morphology of old prov., 53, 80.

⁵ A. Griera, ук. соч., 66.

Арагонский дает нам: *plaga, plená=llenar, clamá(r), clau, flama*.¹ — Группа *-tr-* между гласными уже в ст.-катал. > *-r-*: *pare, mare, frares, pera* < *petra*;² в провансальском она > *-ir-*: *paire, maire, fraire, peira*. В испанском мы имеем *padre, madre, Pedro*, но *cadera* < *cathedra*, как в вульг.-исп. *pare, mare, Pero*, которые совпадают с каталанским и где переходной ступенью могли быть *padre, madre*, как и в каталанском. Арагонский дает нам *fraire, peira* < *petra, beire* (стар.) < *vitru*,³ где, как и в провансальском, *-dr-* > *-ir-*. Очень вероятно, что и каталанская и испанская формы знали этот переход *-dr-* < *-ir-* через *-dr-* с выпадением затем *i*. Каталанский и здесь связан не только с провансальским, но и со своими зап.-иберийскими соседями. — О превращении групп *ly, cl* < *l*, которое имеется и в провансальском и в иберо-романском, мы уже говорили.

В связи с фактами морфологии напомним о притяжат. местоим. 3 лица. Каталанский дает *llurs*, которое знает и арагонский (*lures*). Вопросит. местоим. *quí* известно не только провансальскому и каталанскому, где оно имеет форму *quí*, но и арагонскому, где оно живет поныне (*qui*),⁴ и ст.-испанскому, в котором его только постепенно вытеснило *quien*, т. е. *quem*. — Форма 1 л. мн. ч. глаголов оканчивается в каталанском на *-am, -em, -im*, как в провансальском. Но в Арагоне (Ривагорса) мы имеем окончания *-an, -en*. — Плюскамперфект сохранился в каталанском (*trobara*), но также отчасти и в провансальском и хорошо в испанском. — Что касается страдат. причастий, то нужно заметить, что и ст.-испанский знал формы на *-ido*, которые были в употреблении особенно в ст.-леонском и в ст.-арагонском. В течение средневековой поры⁵ они были, однако, вытеснены формами на *-ido*. В ст.-каталанском были известны и та и другая формы.⁶ Но постепенно причастие на *-ut* вытесняло своего конкурента, и каталанский оказался здесь на одном пути с провансальским. Кроме того, каталанский, как известно, образует страдат. причастие от основы перфекта, испанский же от основы наст. вр.: кат. *haver, haguí, hagut*; исп. *haber, habemos, habido*. Провансальскому известны и тот, и другой способы образования причастия: *perdut, crezut, vezut*, с одной, и *nascut, vengut* (от *venser* 'побеждать'), *viscut* — с другой стороны. В ряде глаголов имеются дублиеты: *avut* и *agut, cazut* и *cazegut, venut* и *vengut*; но таких глаголов немного. Каталанский метод образования причастия известен также и арагонскому, где мы находим *tuvido, supido* и др. от *tener, saber*, перфекты которых звучат *tuve, supe*. — В заключение отмечу образование формулы сравнения. В ст.-каталанском она строится обычно при помощи *plus (pus)*; новый язык предпочитает *magis*, т. е. следует примеру испанского. — В области синтаксиса любопытны выражения отрицания. В ст.-каталанском не редкость усиление *no* при помощи *gayre, pas, gens, res, gota, punt, mica*.⁶ Начатки такого усиления имелись и в испанском, но они вымерли, и каталанский в этом отношении напоминает больше провансальский или французский.

Что касается словаря, то здесь следует отметить, что в виду частой близости каталанских форм к провансальским, не всегда бывает легко установить происхождение данного слова. Во всяком случае ясно одно: до времени Иакова I Завоевателя (1213—1275) провансальский словарь имел на каталанский довольно значительное влияние, и только с этой

¹ A. Kuhn, ук. соч. 32—34.

² A. Griega, ук. соч., 68.

³ A. Kuhn, ук. соч., 20.

⁴ Там же, 124.

⁵ A. Griega, ук. соч., 81.

⁶ Там же, 120, 121.

поры начинается проникновение в каталанский кастильских слов, с течением времени все более и более усиливающееся.

На ряду с только что отмеченными в каталанском есть и такие черты, которые роднят его с провансальским. Но они весьма немногочисленны. Я отмечу прежде всего сохранность глаголов III лат. спр. (-ēre), которые хорошо известны провансальскому, но в испанском перешли в тип на -ēr (*vendēr*): кат. *coneixer* 'знать', пров. *conoïsser*, исп. *conocer*, порт. *conhecer* и т. д. — Другой особенностью является трактовка глагольного суффикса -isc, -esc. В провансальском, как и во французском, он употребляется как частица, организующая спряжение глаголов на -ir, вроде *florir* (*florisc*, *fleuris*). Иберо-романский пользуется ею для образования новых глаголов вроде *florescer* и т. п. — В области фонетики останавливает на себе внимание трактовка лат. -ult-, которая как будто позволяет противопоставить каталанский и провансальский иберо-романским диалектам. В самом деле *multum* сохраняет свою группу -lt- в катал. *molt* и пров. *molt*. Но в провансальском, как и во французском, мы имеем и форму с вокализованным *l*: *mout*, и ее же нужно предположить как исходную для образования каст. *mucho*, выросшего из *muïto* через **muityo*.

Наконец, каталанский имеет и свои особые черты. Правда, некоторые из них общи у него с его западными соседями, но первоначальный район их распространения был, повидимому, очень ограничен. Мы имеем здесь в виду трактовку латинских групп -mb- и -nd-, которых мы уже имели случай касаться. Их рефлекс — -m-, -n- (*paloma* вм. *palomba*, галис.-порт. *romba* 'голубь', *ona* < *unda* 'волна'). Он охватывает, кроме Каталонии, Арагон, часть Старой Кастильи, область басков и Аквитанию.¹ Это — характерная черта северо-восточного угла Иберии, объяснения которой следует искать, возможно, в местных этнических отношениях. — Как в случае с *multum*, так и в случае с *alterum* каталанский сохранил группу -lt-: *altre*, в то время как провансальский дал *autre*, порт. *outro*, а испанский пошел еще далее и кончил *otro*. — Особняком стоит каталанский в трактовке латинского интервокального -c-: *vicini* дает здесь в старом языке *vehins*, в провансальском -*vezi*, в ст.-испанском *vezino*; *cruce* — в ст.-каталанском — *crod* (но *placet* — *platz*), в провансальском — *crutz*, *crotz*, в испанском — *cruz*; в ново-каталанском же мы имеем вместо *crod* — *creu*. Конечное латинское -d превращается в каталанском в -u: *peu* < *pede*, *creu* < *credit*, *seu* < *sede*; в провансальском же мы имеем *pe*, а в испанском *pie*. — В трактовке латинского интервокального -d- каталанский идет рука об руку с испанским и отходит от провансальского: ср. ст.-катал. *ohir* < *audire*, исп. *oír* и пров. *auzir*; или *veer*, *veg* и *vezer*. — Наоборот, ст.-каталанское отражение окончания 2 л. мн. ч. -tis совпадает с провансальским: -ats, -ets, -its мы встречаем и в провансальском. В ст.-испанском -tis превратилось в -des, которое в парокситонах стало утрачивать с XIV в. свое -d-, выпавшее в XV в., но сохраняющееся еще как пережиток в XVII в.;² в пропаракситонах это -d- стало исчезать позднее, в XVI в., но продержалось до XVIII в. В Верхн. Арагоне соответствующие окончания звучат: -ař, -eř, -iř. Каталаник не сохранил, однако, цитированных форм, близких провансальскому, и пошел затем иным путем, приведшим к более новым окончаниям -ai, -ei, -iu. — Заканчивая свою характеристику особенностей каталанского, остановимся на формах определенного члена.

¹ Область *n* несколько менее обширна.

² След. *amades* > *amaes*, откуда затем *amais* || *amas*. В астурийском и теперь существует *tenes*, а в еврейско-испанском *verēs*.

Определенный член имеет в каталанском следующие формы:

<i>el, lo; la</i>	<i>es; sa</i>
<i>los, els; las</i>	<i>ets; sas</i>

В ст.-каталанском последняя группа форм обычна. Топонимика дает много примеров *ir se* в районе между рр. Тордера и Тер (к северу от Барселоны), главным образом в прибрежной полосе.¹ Но мы встречаем такие же образования и южнее (кроме Валенсии), откуда следует, что *ir se* было хорошо известно во всей северной Каталонии. Латинские и полулатинские документы до XIII в. подтверждают господство на каталанской территории *es* и *sa* как форм определенного члена.² Около XII в. начинается борьба между ними и все более распространяющимися формами *ille*, и с начала XIII в. *el, lo, les, los, la, las* появляются в памятниках юридического содержания. В XII в. формы *ir se* и *ille* стоят еще рядом в одном и том же документе, но в XIII в. Гриера находит пережитки *ir se* только в одном тексте. Распространение *ille* он приписывает влиянию литературного провансальского языка и из того же источника выводит он и формы *el, lo*.³ Однако каталанская колония Альгеро на о. Сардинии, основанная в XII в. выходцами из округа Барселоны, употребляет *lo*, а заселившие в XIII в. Балеарские о-ва каталанцы употребляют *ir se*. Равным образом в более удаленных от прибрежной полосы областях живет *ille*. Ясно, что объяснять гибель *ir se* влиянием провансальского литературного языка нельзя. Каталония представляла собой, очевидно, уже издавна территорию, на которой *ir se* существовало рядом с *ille*, т. е. обе формы определенного члена, известные нам уже в IV в. н. э.,⁴ из которых *ir se* продолжает жить в Сардинии, но и в юго-восточной и юго-западной частях старой Галлии, в Беарне, а с другой стороны — на восток от Роны, в нынешних деп. Нижних Альпов и Приморских Альпов (здесь уже в конце XI в.). К сожалению лингвистический атлас Франции не дает в этом отношении ничего, и мы лишены возможности проследить распространение области *ir se* на запад от Роны. Что она была шире существующей — об этом говорят тулузские „*Leys d'amors*“ (середина XIV в.), констатирующие наличие *ir se*, ибо они форму эту порицают.⁵ Подтверждают это и другие памятники, но мы, к сожалению, лишены возможности локализовать их. Так или иначе, Каталония не представляла собою в данном отношении цельной территории.

Обращаясь к формальной стороне вопроса, мы видим, что форма *lo* (или *lu*) живет еще сегодня в Альгеро (Сардиния), в области Валенсии и западных частях Каталонии, тогда как восток ее, и в особенности литературный язык, точнее язык барселонской школы, допускают только *el*.⁶ Формально это *el* толкуется обычно как извлеченное из сочетаний, где *lo* сокращалось, так как стояло в энклизе: *que-l, de-l* и т. п. были поняты как *qu-el, d-el*. То же объяснение дается и тождественной провансальской форме.⁷ Характерно, что там, где сохранилось *ir se, lo,*

¹ Ср. Saroca, S. Andreu des Coll (близ Безалы), S. Just des Vern (близ Барселоны), Pobla des Caudell (Таррагона) и т. п. Топонимические исследования Carbó, Rokseth и Alcover указаны у Мейера-Любке (Das Katalanische, 74).

² A. Griera. Gram. hist, 77.

³ Там же, 77—78.

⁴ C. H. Grandgent. Introduction to the vulgar latin, 164.

⁵ „Leys d'amors“, изд. Gatién-Arnoult, II, 122.

⁶ Фусе-Дельбоск говорит, что *lo* допускается на ряду с *el* в письменном языке. См. его „Abrégé de gramm. catalane“, 28. Ср. также, J. Huber. Katal. Gramm., 24.

⁷ O. Schultz-Gora. Altprovenzalisches Elementarbuch, 77. — C. H. Grandgent. An outline of... old prov., 100. — Meyer-Lübke. Das Katalanische, 75.

а тем более *el*, придается значение „подлинной“, „настоящей“ формы, и что *el* распространен, поэтому, главным образом в социальных верхах. Мейер-Любке приводит интересные выдержки из наблюдений Винсенса Серра и Орвай над каталанским диалектом о. Ивисы, который требует *el cel, el purgatori, la mort es trista*, но *ipse* в таких выражениях, как *sa mort de sutanu serà molt plurada*, так как *el* не идет к смерти портного, об оплакивании которого говорится во фразе.

Если *el* и могло формально сложиться на месте, а *lo, lu* проникнуть в восточную Каталонию из западной, как об этом позволяет думать соответствующая карта каталанского лингвистического атласа Гриеры, то значением своим *el* обязан, несомненно, влиянию испанского, который занимал особое положение и потому оценивался иначе. Где сложилось *el*? Несомненно на территории *ille*. Мейер-Любке высказывает, однако, предположение, что это произошло в промежуточной полосе, где *ille* и *ipse* чередовались, и что формально *el* может быть рассматриваемо как параллель к *es*, иными словами: *el* есть косвенный свидетель наличия некогда существовавшего *es*.¹ Не проще ли и не естественнее ли, однако, допускать образование *el* на территории *ille*, где могло совершенно самостоятельно повториться образование *el* из *quel, del* и т. п., как это произошло в провансальском, и где ценность *el* определил все же испанский, так как в провансальском форма *el* встречается не часто.² Несколько искусственное построение Мейера-Любке вызвано совершенно понятным желанием нащупать территориальную границу *ille* и *ipse*. Но едва ли анализ его достаточно убедителен. Границы области *ipse* остаются и после него открытым вопросом. Ясно только, что 1) зона *ipse* была некогда довольно широкой и отходила от приморской полосы дальше на запад, и 2) *ille* стал продвигаться с запада на восток давно, завоевывая сперва социальные верхи и только постепенно спускаясь социально вглубь и вытесняя своего соперника, пустившего особенно глубокие корни вниз.³

Формы определенного члена связывают Каталонию с Галлией; но только отчасти. Мы уже говорили, что внутренние ее области принадлежат *ille*, и за этим *ille* тянется сплошной ряд языковых зон, имеющих ту же форму для определенного члена.

Впрочем, во всех этих областях иберо-романского мы имеем и *ipse* и, следовательно, Каталония является звеном длинной цепи, тянущейся от Галлии до крайних западных границ Пиренейского п-ова. Во всех испанских областях мы встречаем *ipse* в X, XI вв., в памятниках латинских и полулатинских. Характерно, что в то время как *ille* дает в них вульгарные формы, *ipse* сохраняет в полной неприкосновенности свой латинский облик, без романских модификаций. Такую устойчивость формы можно объяснить только ее малой употребительностью и архаизмом.⁴

¹ Meyer-Lübke. Das Katalanische, 76.

² O. Schultz-Gora, ук. стр. — V. Crescini, Manuale³, 1926, 90—91.

³ Мы не дали объяснения форме им. пад. мн. ч. м. р. *els*, встречаемой на Майорке. Мейер-Любке толковал ее как форму, подсказанную *istos*, причем средним термином являлось ед. ч., звучавшее для *iste* и *ipse* одинаково („Gramm. d. rom. Spr.“, II, § 106). В „Das Katalanische“ (77—78) он возвращается к этому толкованию, так как попытка объяснений Цаунера, появившаяся в промежутке, его не убедила. Я полагаю, что из предложенных гипотез гипотеза Мейера-Любке наиболее приемлема. — Несоответствие в фонетическом развитии *ipse* по сравнению с другими словами, содержащими группу -рs- и имеющими палатальное s, объясняется, конечно, синтаксической ролью *ipse*, которое, в роли определенного члена, подобно *ille*, должно было дать особый рефлекс.

⁴ Hansen. Span. Gramm., 169. — Orígenes, I, 355.

Повидимому *ir se* довольно рано вымерло, но это не помешало отголоскам его сохраняться еще в „Поэме о Сиде“.¹

В испанском господствует *ille*. В кастильском раньше других установилась единая форма *el*, т. е. *ille*; следы иных крайне редки. В наварско-арагонском доминировала *illu*, *elo*, *lo*. И сейчас Арагон знает ее, особенно менее культурные его части; в более крупных центрах ему отвечает *o*.² И ту и другую форму вытесняет кастильское *el*, продвигающееся, как это показывает карта у Куна,³ с юга от Сарагосы. На восток от р. Сегре *el* может быть и результатом каталанского влияния; здесь, как мы только что говорили, эта форма сложилась в особых условиях. Зона *el*, обрамляющая Верхний Арагон с севера и вклинивающаяся затем в зону *lo*, — результат гасконского влияния. — Леонско-астурийский дает нам колебания между *el*, *le* и *lo*.⁴ Для мосарабского Менéndес Пидаль отмечает, между прочим, форму *el* для м. р. и *les* для мн. ч. обоих родов.⁵

Заканчивая нашу характеристику каталанского, мы еще раз подчеркиваем, что огромное большинство черт, которые сближают его с провансальским, встречается и в бесспорных вариантах иберо-романского. Число особенностей, свойственных только ему и провансальскому, очень невелико. К категории иберизмов принадлежат, в сущности, и те признаки каталанского, которые характерны только для северо-восточного угла полуострова. Отсюда ясно, что у нас нет достаточных оснований исключать каталанский из группы „испанских“ языков. Он является в основе своей продолжением латыни далекой северо-восточной „украины“ иберийской провинции Рима. Если продолжение это явилось в отдельных случаях в той или иной мере отходом, если каталанский получил возможность развиваться в некоторых отношениях самостоятельно, то это объясняется политической историей говорящей на нем окраины и наличием в старую пору в языке северо-восточного угла известных тенденций, отличных от тех, которые существовали на остальной территории Иберии и которые обусловили очень раннее образование трещины между областями по сю и по ту сторону Эбро. Тенденции эти определились своеобразной романизацией северо-востока, проникавшей в глубь страны, от Тарраконы вверх по Эбро, романизацией, которую мы характеризовали выше как военно-земледельческую, а в отношении языка — как прогрессивную по сравнению с консервативной романизацией городского и более культурного юга. Появлению трещины способствовали и этнические расхождения, поскольку северо-восток и припиренейские области были в значительной мере иберийскими, как о том свидетельствует топонимика.

Однако были попытки объяснить особенности каталанского не этой совокупностью причин, а иначе. Мы имеем в виду работу А. Гриеры „*Afro-romànic o Ibero-romànic?*“, появившуюся в 1922 г.⁶ По мнению этого каталанского исследователя латинская культура проникала на полуостров также двумя путями; но пути эти были иные, чем те, о которых только что напоминали. Один культурный поток, утверждает Гриера, —

¹ „*Mío Cid*“, изд. Menéndez Pidal, I, 330.

² Примеры у А. Kuhn, ук. соч., 717; J. Sarrailh в *Annuaire de l'Ec. des hautes études*, 1901, 114; Menéndez Pidal в *Orígenes*, I, 347—352.

³ Ук. соч., 355.

⁴ Ср. Hansen, ук. соч., 167—168. — *Orígenes*, 343—347.

⁵ *Orígenes*, 355.

⁶ В *Bull. de dialectologia catal.*, X, 34—53.

двигался с юга, из северной Африки, другой — с севера, из южной Галлии. Первый обусловил возникновение иберо-романских разновидностей, второй — каталанского. Первые Гриера связывает с южно-итальянской и румынской группой наречий; каталанский — с провансальским, французским и альпийскими романскими группами. „Подтверждение этого факта (т. е. подтверждение принадлежности испанского и португальского африканскому течению) — говорит Гриера — мы находим в ряде фактов лексикологического порядка, позволяющих разбить словарный материал на две группы: южно-романскую и северо-романскую“.¹ И он приводит ряд слов, которые являются, по его мнению, доказательством принадлежности испанского и португальского африканской группе, ибо они неизвестны каталанскому. Он ссылается на испанские слова, которые приводит Исидор Севильский в своих „Этимологиях“, и на ряд берберских слов, отмеченных еще Шухардтом в его „Die romanischen Lehnwörter im Berberischen“ (1918). Однако при ближайшем рассмотрении одни из слов Исидора оказываются встречающимися и в каталанском,² другие не отразились ни в одном из языков Пиренейского п-ова. За вычетом их остаются *sata* и *formataseum*,³ которые известны одному только испанскому (*sata* 'кровать', *hormazo* 'стена из неотесанного камня'). Что же касается до берберских слов, то они, действительно, могут служить показателями связи между Африкой и Испанией, но лишь постольку, поскольку Африка заимствовала их из Испании; это не латинские, а романские слова. Из того списка, который приводит Гриера, можно отметить только одно испано-португальское слово, неизвестное каталанскому и галло-романскому, а именно исп. *colmillo* (впрочем, португальский заимствовал его из испанского) < *columellus* 'глазной зуб'. Но ни *sata*, ни *hormazo*, ни *colmillo* не имеют соответствий в южно-романской, т. е., по терминологии Гриера, афро-романской группе языков и диалектов.

Третьим аргументом Гриера являются 46 слов, которые он приписывает своей южно-романской группе. По значению это, главным образом, названия частей тела и различных южных растений. После тщательной проверки списка оказывается, однако, что из 46 слов 27 существуют в испанском и каталанском, и 3 — неизвестны ни тому, ни другому. Кроме того, следует заметить, что из группы 46 лишь одно слово, а именно *foedus* 'отвратительный', живет только в испанском, португальском, корсиканском и центр.-сардинском (Логудору); все остальные имеют родичей в северной или южной Галлии, т. е. оказываются связующим звеном между северной и южной группами Гриера.

Я ограничусь только этими немногими замечаниями: их одних вполне достаточно, чтобы показать, насколько мало убедительна попытка Гриера различить на полуострове афро-романскую и иберо-романскую культурные зоны. Более обстоятельная полемика отвлекла бы нас слишком далеко в сторону;⁴ к тому же теория двух течений Гриеры плохо вяжется с его статьей, посвященной критике книги Мейера-Любке о каталанском.⁵

¹ В Bull. de dialectologia catal., X, 38.

² Таковы: *mantum* и *sisopia*; последнее в смысле аиста, машины для изготовления колодок и т. п., т. е. приспособлений, формой своей напоминающих клюв аиста; *sa gna* 'короста'.

³ Не *formaticum*, что является ошибочным чтением слова Исидора.

⁴ См. Meyer-Lübke. Afro-rom. u. Ibero-rom. в Zs. f. rom. Ph., XLVI, 116 сл. — A. Alonso в Rev. de fil. esp., XIII, 225 сл. — J. Jud в Romania, LI, 291 сл.

⁵ В Zs. f. rom. Ph., XLV, 198—254. Однако Гриера настаивает на своей теории в своей „Gram. hist.“ (1—2).

3

Весьма ценный комментарий к языковым отношениям между каталанским и его галло- и иберо-романскими соседями дает изучение его северной и западной границ.

Первая представляет собой четкую линию, резко отделяющую каталанский от провансальского, точнее — лангедокского. Она начинается от границ Андорры и идет дальше южнее, но в непосредственной близости следующих лангедокских пунктов: л'Оспиталé (l'Hospitalet, лангед.), Керигют (Quérigut, лангед.; в старом графстве Капсир, ныне в департаментах Арьеж и Вост. Пиренеев), Карканьер (Carcanières), Рокфор де Со (Roquefort de Sault), Кунозуль (Counozouls), Монфор, Рабулье (Rabouillet), Сурнья (Sournia), Ла Тур де Франс,¹ Пазьольс (Paziols, южнее Touchan), Перийос (Perillos), Фиту (Fitou) и далее к морю, пересекая лагуну, Лекат (Leucate).² Северная граница каталанского тянется, следовательно, по южным склонам Корбьер; северные же склоны этого отрога Пиренеев заняты лангедокским. Граница эта обстоятельно изучена Сало,³ и на сводной карте его совершенно отчетливо видно совпадение линий, отмечающих пределы распространения характерных примет каталанского; линии нигде не расходятся.⁴ Каталанский выступ, находящийся на территории Франции, занимает старые области Сердань и Руссильон.

Распространение каталанского на север, за Пиренеями, Шедель объяснял переселением в VIII и IX вв. испанских беженцев, уходивших от арабов в пределы Испанской марки и Руссильона после завоевания этих областей Карлом Великим и его сыном Людовиком Благочестивым. Конфигурацию границы он старался связать с политическим и церковным рубежом.⁵ В том же направлении ищет разрешения вопроса и Г. Морф. И по его мнению каталанский проник сюда относительно поздно. Он был занесен за Пиренеи из восточных частей Испании через Сердань, по которой проходила одна из важнейших горных дорог, связывавших Галлию с Испанией. „В какую же пору овладели испанцы этой частью старой лангедокской территории? В эпоху, когда сарацины завоевали Испанию и оттеснили испанцев в северные горы?“ — спрашивает Морф. „Я не думаю этого, — отвечает он, — так как через Сердань проникли и сарацины, овладевшие затем всей Септиманией. Каталанская колонизация связана, несомненно, скорее с историческим развитием графства Барселоны, со старой *Marca hispánica*. Начало этому графству положила борьба с сарацинами; оно оставалось французским вассальным государством, а Руссильон, куда из графства вел удобный путь через Сердань и горный проход Пертюи (Col de Perthuis, по-каталански Pertús), был связан с ним с очень давних пор. В XII в. граф Барселоны, как

¹ Находящийся на противоположном конце равнины, всего в $\frac{3}{4}$ часа от Ла Тур, городок Эстажель (Estagell) принадлежит области каталанского. Эстажель всегда входил в состав Руссильона (см. Alart в Rev. des langues rom., 1877, стр. 11).

² Перечисленные пункты, начиная от Сурнья, принадлежат деп. Вост. Пиренеев.

³ Еще ранее северная граница каталанского во Франции была предметом исследования Hovelacque'a (Rev. de l'Ec. d'Anthropologie, 1895, номер от 15 мая) и F. Holle (La frontera de la lengua catalana en la Francia meridional в Primer Congrès internacional de la llengua catal., 335 сл.).

⁴ K. Salow. Sprachgeographische Untersuchungen über den östl. Teil d. katal.-langued. Grenzgebietes, Гамбург, 1912 = Jahrbuch d. Hamburgischen wissenschaftlichen Anstalten, XXIX, 1911, 7-tes Beiheft. См. Synthetische Hauptkarte.

⁵ Schädell. Die katalanischen Pyrenäendialekte в Rev. de dialectologie rom., I, 1909, 53—83. О вероятной роли „Hispani“, переселившихся под давлением арабов на север от Пиренеев и занесших сюда свой язык, говорил уже раньше (1904—1906) Ж. Саройанди (Grundriss Гребера, I², 845).

король Арагона, освободился от французской зависимости, и Руссильон оказался, таким образом, на целых пять столетий (до Пиренейского мира) политически отделенным от Франции. А так как он составлял самостоятельную епархию (Elne), то это способствовало и его экономическому обособлению от Франции, оказавшемуся настолько глубоким, что и до настоящего времени между каталанским и лангедокским проходит на равнине резкая граница".¹ Однако, как это видно из исследований Сало, *Hispani* распространились не только по Руссильону, но и в области Нарбонны, Каракассоны, Безье, а, кроме того, группа эта состояла едва ли из одних только каталанцев.

Этнографические, археологические и исторические данные позволяют нам за этим относительно поздним рубежом разглядеть рубежи гораздо более древние и дают нам право рассматривать Руссильон и Сердань как исконную часть старой запиренейской Иберии.

По свидетельству древних писателей Сердань была занята племенем церретанов (*Cerretani*), живших в долинах южных и северных склонов Пиренейского хребта. Современная топонимика сохраняет память об этих поселенцах: в *Cerdagne*, *St. Laurent de Cerdans* в Валлеспир совершенно отчетливо сквозит имя древних хозяев этой местности. Страбон, примыкающий в этом вопросе к Посидонию, считает их „в большинстве своем иберийцами".² Плиний и Страбон причисляют область церретанов к Испании. Соседями их с юга были сордоны (*Sordones*). Поселения сордонов тянулись до южных склонов Корбьер и лагуны Леката³ и по рр. Тет и Тек. Были ли они иберами? Вероятно, так как они упоминаются у авторов, писавших до появления кельтов на юге Галлии. Монеты, найденные в Руссильоне, имеют и иберские надписи. Этнически и лингвистически эта французская окраина связана была с коренной Иберией. На север от Корбьер мы не имеем никаких следов докельтского населения; если таковое и имелось, то оно было совершенно поглощено кельтами. Таким образом уже в эту отдаленную пору северная граница иберийского выступа за Пиренеями проходила там же, где сейчас проходит языковая граница между *и* и *й*, т. е. по южным склонам Корбьерской цепи.

Древние писатели, Помпоний Мела, Плиний, относят этот нынешний каталанский уголок Франции как будто к области Нарбонны, и это вполне возможно. Но отсюда не следует, что иберийский край этот тяготел к ней в культурном отношении или был связан с нею экономически. Наоборот, образование римской колонии Русцинона (*Ruscino*) создало для области сордонов свой собственный центр, на который она и ориентировалась в местном масштабе, не порывая в то же время связей с Иберией. С упадком значения Русцинона и превращением его в рядовой город области тектосагов его область не растворилась в области соседней Нарбонны. Место Русцинона занял Эльне, древний Илиберрис, как показывает его название — также иберское поселение, ставшее в христианскую эпоху новым центром края. Вестготы организовали здесь в VI в. епископскую кафедру и диоцезу, границами которой остались старые гражданские границы. В состав этой епархии входили в XI в. Руссильон и Конфлан (*Conflent*), т. е. верхняя половина долины р. Тет, и в таком виде она была поглощена в 1117 и 1172 г. графством

¹ Эти положения развиты Морфом в его докладе на международном историческом конгрессе, происходившем в Берлине в 1908 г.: „Mundartenforschung und Geschichte auf romanischem Gebiet“, напечатанном затем в *Bull. de dialectologie rom.*, I, no. 1.

² Изд. Meinecke (1852), I, 219: *Κερρετανοὶ τὸ πλεον τοῦ Ἰβερικοῦ φύλου*.

³ *Pomponius Mela*, изд. Frick, II, 5, §§ 82, 84. — Ср. *Plinius. Hist. natur.*, III, 4, 32.

Барселоной,¹ а в 1695 г. — Францией, и в таком виде просуществовала до революции 1789 г.

Связанный политически с Септиманией, Руссильон не терял, однако, никогда своих более старых, а потому и более прочных связей с южными частями Испанской марки. Этот небольшой выступ, вклинившийся в галльскую территорию, невзирая на все превратности истории, продолжал, таким образом, оставаться иберским уголком, маленькой Иберией, упорно и систематически поддерживавшей тесное общение с большой, уголком, сохранившим свою латынь, с течением времени ставшую каталанским языком, областью, настолько крепко отмежевывавшейся от своих кельтских соседей, что нынешняя граница каталанского во Франции представляет собой повторение старой границы между *pagus Ruscionensis*² и *Confluentis*, с одной, и *pagus Narbonensis* и *Redensis*, с другой стороны. Определенность и четкость языковой границы есть следствие того, что эта пограничная черта, как мы видели, проводилась не раз сменявшими один другого хозяевами положения в крае, по одному и тому же месту, причем они все время оглядывались на юг, на „сердину земли своей“.

Таким образом через французский департамент Восточных Пиренеев можно провести совершенно отчетливую линию, на север от которой живут: *mür, pieitz, primier, nueit, fuelha, maire, auzir, ponre, venduda, mandar, vezi, disetz, aur, auca, fur, tenetz, votz, pe*; на юг — *mur, pits, primer, nuit, fulla, mare, oir, pondre, venuda, manar, vehi, or, oca, forn, teniu, veu, peu*. Та же линия является и словарным рубежом. На север от нее мы имеем: *pla* 'хорошо', *pelsis* 'волосы', *cupá* 'резать', *cutel* 'нож', *büre* 'масло', *dansá* 'плясать', *fenno* 'женщина', *jup* 'день', *ustal* 'дом', *maridats* 'вы выходите замуж', *suasanto* '60', *sor* 'сестра', *puvel* 'новый', *tutchun* 'всегда', *medesi* 'врач'; на юг (в том же порядке) — *ben, cabells, trencar, ganivet, mantega, ballar, dona, dia, casa, caseu, хеханта, germana, nou, sempre, metge*.

Совершенно иную картину дают языковые отношения на испанской (арагонской) границе, говоря точнее: в северной ее части, так как центральный и южный ее участки позднего происхождения.³ В самом деле, ощутимым становится рубеж между испанским и каталанским, начиная с того места, где кончаются горы и начинается Ла Литера, равнина, спускающаяся к Эбро. Граница между испанским и каталанским проходит к западу от Тамарите (между Тамарите и Бинэфар), Лэриды (Льейда), Фраги, пересекает Эбро почти у впадения в него Сегре, следует далее по западному рубежу Каталонии и средневекового королевства Валенсии. На этом последнем участке пограничная линия идет несколько восточнее Сегорбе, западнее Хативы и восточнее Энгеры. На юге она совпадает с нижним течением р. Виналапó, протекающей через Эльче (в Мурсии), и упирается в море южнее Аликанте и несколько севернее устьев Сегуры. Ла Литера являлась в эпоху реконкисты ареной борьбы с маврами, после же изгнания их отсюда обезлюдела и вместе с ближайшими к ней областями за Эбро была заселена только в XII и начале XIII в.; но с этой поры население стало накапливаться здесь, на этой богатой и плодородной равнине, оставляя ради нее горные местности, где оно сосредоточивалось в более раннюю пору. Валенсия,

¹ Фактически, впрочем, уже с XI в. — Сердань и Конфлан окончательно в 1117 г., Руссильон — в 1172 г.

² Как на это указал еще Allart (*Géographie historique du Conflent* в *Bull. de la Soc. Agric.*, X, 94).

³ A. Griera i Gaia. *La frontera catalano-aragonesa. Estudi geográfico-lingüístic* (Institut d'Estudis catalans). Барселона, 1914. — Menéndez Pidal, в *Rev. de fil. esp.*, III, 73—88 (рец. на работу Грнера).

как известно, была завоевана Иаковом I в 1238 г. и присоединена к Арагону. Заселение этой области произошло, следовательно еще позднее. На валенсийском участке каталанскому принадлежит приморская равнина, тогда как испанский занимает гористую часть края, прилегающую к Новой Кастилье и Арагону.

Наибольший интерес представляет собой, таким образом, северная, горная часть каталанской языковой территории, являющаяся в то же время и древнейшей ее частью. В средневековую пору она входила в состав Испанской марки и была убежищем романского населения, отошедшего в горные районы полуострова под давлением арабов, но не оставившего старых своих поселений совершенно. Было бы неверно предполагать, что организовавшие марку франки в то же время заселили ее и ассимилировали местное население. Устойчивость и характерные особенности каталанской речи, отличающие ее от провансальской (лангедокской), указывают на то, что область сохранила свой старый романский облик и что политическая жизнь, поставившая ее в тесную связь с южной Галлией, могла обусловить влияние на нее этой последней в различных отношениях, но отнюдь не превратила ее в южно-французскую окраину. Это положение вещей продолжалось до альбигойской войны, после которой резко меняется и политическая, и культурная ориентация Каталонии.

Политическую границу между Каталонией и Арагоном на север от Эбро составляет сперва небольшой левый приток Эбро, Саладо, затем приток Сегре, Ривера Ривагорсана. Но языковую границу фиксировать в этом районе невозможно; речь может идти только о границах различных языковых явлений. На восток от Ногера Ривагорсана лежит старое графство Пальярс (Pallars), занимающее течение Сегре и его правого притока Ногера Пальяреса; Тремп, Балагер и Лэрида (Льейда) являются важнейшими центрами Пальярса. Начиная от крупного правого притока Сегре, Синки (Cinca), мы оказываемся уже на арагонской территории, точнее в графстве Соврарве, важнейшим стратегическим оплотом которого был Барбастро. Между Пальярсом и Соврарве, в долинах Исавены и Эсеры, расположилось старое графство Ривагорса, которое возникло в начале IX в. и церковным центром которого являлся Рода. Вплоть до X в. ривагорсанские графы роднились с каталанскими графами Пальярс; но с XI в. Ривагорса входит вследствие родственных отношений в состав Арагона.¹ В силу этого совершенно естественно, что некоторые черты каталанского обнаруживаются уже в этом преддверии, так сказать собственной Каталонии. Но со многими из этих особенностей мы начинаем знакомиться значительно западнее, еще в пределах Верхн. Арагона, на самой границе баскских областей, в долинах Арагуэс, Эчо, Ансó и Фаго. Тем более понятны „каталанизмы“ восточнее, в долинах План и Бьельсы. С другой стороны, ряд особенностей арагонского, неизвестных или почти неизвестных каталанскому, известны на территории Ривагорсы.

По всему Верхн. Арагону распространены формы мн. ч. существительных и прилагательных, являющиеся характерными и для каталанского: *casals* — каст. *casales*, *pasto(r)s*, *corde(r)s* — каст. *corderos* и т. п. То же самое следует сказать о сохранении начального лат. *f*, групп *pl-*, *cl-*, *fl-*. Конечное *-o* после *l*, *n*, *r* выпадает в Бьельсе (Соврарве):

¹ Пальярс тогда же включается в графство Урхель (Урхель). О Ривагорсе см. Menéndez Pidal в Rev. de fil. esp. III, 77 сл. Очень важна также оставшаяся мне недоступной работа Serrano y Sanz. Documentos históricos del contado de Ribagorza hasta la muerte de Sancho Garcés (1035).

fil, man, soler; в Бенаске (Ривагорса) -о сохраняется в ед. ч. и исчезает во мн. ч.: *el amigo, els amics*. Начальное *ll-* можно проследить вплоть до р. Эсера (в Граус, Бенаске): *lluna, lluego; dreto, estreto*, совпадающие с кат. *dret, estret*, встречаются в Бьельсе; но за ней начинается уже область тех же форм с дифтонгом: *dreito, estreito*, которые свойственны ст.-арагонскому, не знающему кастильских *derecho, estrecho*. Формы 1 л. мн. ч. типа *fem, cantam* (вм. *femos, cantamos*), тождественные с соответствующими каталанскими, обычные в Бьельсе и в долине План, т. е. на запад от Эсера. Формы 2 и 3 л. мн. ч. перфекта в Бьельсе: *cantores* (каст. *cantaste*), *cantoren* (каст. *cantaron*), близки к кат. *cantares, cantaren*. В припиренейских областях полуострова 2 л. мн. ч. звучало всюду в старом языке, как в *manats, venits, sabets, perdets*; в современном каталанском форма эта оканчивается на *eu*: *commenceu, bateu, enteneu*, в верхне-арагонском на *-ař -eř*: *lomař, teneř*. Но в Бенаске говорят и сегодня: *cantats, fets, dits*, т. е. здесь живет еще старая припиренейская форма. В Бьельсе опред. член мн. ч. имеет форму *es*, т. е. *els*, которая известна и каталанскому; *elos* знакома арагонскому (в кастильском *los*).¹ — В области словаря отметим, что *trobar* и *posar* заходят глубоко в Арагон, откуда их еще до сих пор не вытеснили кастильские конкуренты *hallar* и *poner*.²

Если снять с арагонского позднейшие кастильские наслоения и добраться до его подлинного облика, то окажется, что переход от него к каталанскому происходит незаметно и что различие бросается в глаза только при сравнении языка удаленных одна от другой точек, между которыми существует целый ряд постепенных переходов.³

4

Характеристика границ каталанского привела нас естественно к вопросу о его распространении. Оно совершалось в двух направлениях: 1) южном и юго-западном и 2) восточном.

В одном рукописном историко-географическом очерке Каталонии, относящемся ко второй половине XVI в., мы читаем между прочим следующее: „Прежде чем установить основные области Каталонии, необходимо заметить, что после того как она погибла от мавров, епархия Уржель (Урхель) все время продолжала сохранять своего епископа и не исчезала или исчезала только на короткое время. Находившиеся здесь каталанцы удалились в Пиренеи и стали оттуда отвоевывать обратно Вик, Жерону (Херону) и Барселону, всю часть Каталонии от Пиренеев до р. Льобрегат...; эту область до р. Льобрегат они называли старой Каталонией. Затем дон Рамон Беренжер, женившийся на арагонке, объединил Каталонию и Арагон; сам он и его преемники приобрели Панадес, Таррагону, Тортосу, Уржель, Балагер, Льеиду (Лэриду), области вплоть до Эбро и называли эту часть Новой Каталонией“.⁴ Старая Каталония представляла собою основанную франками в 801 г. Испанскую марку. Последняя составлялась из графств Барселоны, Жероны, Аусоны (Вик), Ампуриас (древн. Эмпории) и Руссильона, Сер-

¹ Hanssen, ук. соч., 168. Для арагонских примеров, цитированных выше, см. J. Sarróhandy в Grundriss Гребера, I², 846—847, и A. Kuhn, ук. соч., passim.

² J. Sarróhandy, ук. соч., 846, примеч.

³ Вот почему карта каталанской пограничной языковой зоны, приводимая Энтуистем (ук. соч., 92—93), дает не вполне исчерпывающее представление о связи между каталанским и арагонским (карта эта базируется на карте Пидалья в Rev. de fil. esp., III, 78).

⁴ Рукопись о. Жилия, хранящаяся в библиотеке семинария в Барселоне; цит. по Грера. Gram. hist., 11—12.

дани и Уржелъ; с присоединением к ней Септимании новая территория получила название Готского маркизата, с 864 г. ставшего автономным. С упадком каролингов связи с франками ослабли и к X в. то, что называется Старой Каталонией, превратилось фактически в самостоятельную политическую единицу, центром которой стала Барселона; графы барселонские объединили постепенно соседние территории. Мы не знаем в точности границ старой Испанской марки. Однако в ряде архивных документов, приводимых Гриера в отношении нескольких местностей и поселений, говорится, что они находятся „на самой границе марки, подле Испании“ (*in extremis finibus marchiarum iuxta Yspaniam*).¹ Среди этих местностей названы: Каствельи де ла Марка в области Пенедес, Кальдерс, отождествляемый с Сант Висенс де Кальдерс, Пудж д'Ангера, Копонс, Миравет. Часть их лежит уже между Барселоной и Таррагоной, т. е. в области Пенедес за Льобрегатом, но на территории, которая в данное время лингвистически связана со старой Каталонией. Пенедес был одним из ранних приобретений графов Барселоны. Двигаясь по направлению к устьям Эбро, они в 1148 г. овладели Тортосой. — На верхнем течении Льобрегата находились Сольсона и Кардона; эта часть бассейна Льобрегата была связана с епископией Уржелъ и составляла особую область со своим центром, каковым являлся Уржелъ. Укрепившись прочно в приморских районах, барселонские графы стали расширять свои владения в глубь страны, и со взятием Льеиды в 1149 г. они достигли р. Сегре, выйдя, таким образом, к границам Арагонии. Область влияния Уржелъ, т. е. верховьев Льобрегата и верховьев Сегре, явилась переходной зоной. Процесс объединения важнейших территорий, явившихся исходной точкой последующих продвижений на юг и на запад, завершился при Рамоне Беренгарии IV (1131—1162). Упомянутые области явились базой и для лингвистической конфигурации края; Барселона, Уржелъ, Льейда, рядом с которой следует поставить Таррагону, играли в нем роль основных иррадирующих языковых центров. Так на основе феодальной раздробленности страны сложились диалектические разновидности каталанского.² Важнейших из них две: восточная и западная. Только что упомянутая зона Уржелъ — Сольсона — Кардона является переходной от восточной к западной: переходным можно считать и таррагонский (*tarragoni*).³

Вост.-каталанское наречие характеризуется тем, что произносит *e* под ударением в открытом слоге как *e* закрытое (*e*), а такое же *e* в закрытом слоге, как *e* открытое (*e*). Атонные *a* и *e* смешиваются, превращаясь в редуцированное, неотчетливое *ə*, атонное *o* становится *u*. В припирейском районе 1 л. ед. ч. изъяс. накл. оканчивается на *i*, в остальной части вост.-каталанского на *u*. Основными разновидностями вост.-каталанского являются: руссильонский, капсирский (провансализованный), ампурданский (обл. Ампурсис)⁴ и барселонский диалекты.

Развитие западной разновидности связано с такими культурными центрами, как Уржелъ, Рода, Льейда. Говоря о западной границе каталанского, мы говорили об отношении Ривагорсы к каталанскому до XI в. и о заселении Ла Литера. Влиянию каталанского в Ривагорсе положило

¹ Ук. соч., 12.

² Писавший в XVI в. Пужас говорит, что в Каталонии „фраза и способ говорить в каждой епархии свои“. См. его „Crónica universal del principat de Cathalunya“, 1609, Proleg., ff. 3 и 4; цит. у Гриера, ук. соч., 14.

³ A. Griera. Contribució a una dialectologia catalana. Барселона, 1921. Деление на восточную и западную группы предложено еще Милá и Фонтанальс („Obras“, III, 511 = Estudios de lengua catalana, Барселона, 1875, 3) и обосновано Альковером в Bol·letí de la llengua catalana (IV, 202 сл.).

⁴ Здесь в Салат живет еще форма определенного члена *es, sa*.

конец присоединение этого графства к Арагону в XI в. Соединение Арагона с Каталонией в 1162 г. не внесло никаких изменений в установившееся здесь языковое равновесие. Что же касается южного направления, то, как мы уже знаем, Валенсия была взята в 1238 г.; за ней последовала Мурсия, уступленная, однако, в 1266 г. Кастилье. Границу между арагонским и кастильским в бывшем королевстве Валенсии, начиная от Файо на Эбро, несколько ниже впадения в него Сегре, мы дали выше (стр. 210). Детально она изучена Гадвигером, к работе которого и следует обратиться для подробностей.¹

В Валенсии каталанскими остались местности, колонизованные каталанцами, и арагонскими — местности, колонизованные арагонцами. На юге — Энгера (Enguera) по языку — смешанный район. Она была завоевана Иаковом I, но уступлена им затем магистру кастильского ордена Сантьяго (1224) и позднее перешла частично к Альфонсу Мудрому (1249 г.).

Из „Хроники“ Рамона Мунтанера мы знаем, что Мурсия была снова занята Альфонсом X; но скоро арабы вернули ее себе, и только в 1266 г. она попала вновь в руки христиан, и именно каталанцев, так как Альфонсу пришлось призывать на помощь Иакова I.² В половине XIII в. здесь говорили, поэтому, по-каталански. „Подобно тому, как названный город [Мурсия] был взят и заселен каталанцами, так точно и Ориола, Эльш (Elx), Гвардамар, Алакант, Картахена и другие места. Поэтому будьте уверены, что все населяющие названный город Мурсию и упомянутые выше места — настоящие каталанцы, и говорят они на лучшем каталанском языке (*del bell catalaneseh del mon*)“.³ Когда эта область попала позже в руки кастильцев, каталанский исчез из нее.

Такова территория зап.-каталанского, которому еще в эпоху каталанского Возрождения в XIX в. не уделяли должного внимания и не достаточно ценили его. На зап.-каталанском написаны древнейшие памятники каталанской литературы. Это придает зап.-каталанскому особое значение.

Западный диалект сохраняет качество гласных в закрытом и открытом слоге. Атонные *a*, *e*, *o*, *u* сохраняются также. В лексиконе западного диалекта имеются арагонизмы, а в некоторых долинах, смежных с Гасконией, — гасконские термины (Андорра, Феррера и др.).

В валенсийском каталанском можно различить три варианта: диалект Аликанте очень близок к вост.-каталанскому; диалект области Тортосы содержит много архаичного; в валенсийском чувствуется влияние арагонского. Городской валенсийский (*valencià*) называют также [*parlar*] *apitxat* (или *apitjat*, *apitžat* 'толчковый?'). Характерными чертами его является различие атонных *a* и *e* (они сохраняются, как и атонное *o*); превращение в глухие звонких *dž*, *ž*, *z*: *viatge* > *bjače* в м. *viadže*, *jove* >

¹ Hadwiger в *Zs. f. rom. Ph.*, XXIX, 715 сл. Начиная от Файо (Fayó), каталанскими являются в пров. Кастельо следующие пункты: Favara, Nonasp, Maella, La Ginebrosa, Masalió, Valdel tormo, Valljunquera, Mas del Llaurador, La Codonyera, Fórnoles, Cerollera, Aiguaviva, Torre d'Arca, Saranyana, La Mata, Vistabella, Benafigor, Xodos, Atzaneta, Lucena del Cid, Figueroles, Useres, Costur, Alcora, Ribes Albes, Suera, Artesa, Tales, Betxi, Artana, Eslida, Vilavella, Alfondeguilla, Vall d'Uixó, Algar. В Валенсийской провинции граница проходит через Algemia, Torres-Torres, Estivella, Albalat, Petres, Gilet, Serra, Olocau, Casinos, Llíria, Beniguacil, Vilamarxant, Riba-Roja, Miralcamp, Cochicheles, Turis, Montserrat, Monroi, Real de Monroi, Llombai, Caladans, Carlet, Alcúdia de Carlet, Masalavés, Estuveny, Casa de Marc. В пров. Алакант (Аликанте) — через Fontfiguera, Canyada, Campdemirra, Biar, Petrell, Monóvar, Pinós, Novelda, Crivillent, Santa Pola, Guardamar.

² „Crónica“, гл. XII.

³ Там же, гл. XVII.

çoze в. *žove*, *rosa* > *rōsa* в. *rōza* и т. п. Из тех же примеров видно, что *apitxat* произносит *v* как билабиальный спирант.¹ Область этого наречия — столица и центральные части старого королевства. Но потеря звонких распространяется все более и более и за эти рамки, хотя и медленно.² Литературный валенсийский расходится с *apitxat*. Валенсийцы сами подшучивают над ним и смотрят на него как на неправильную речь.³ Валенсийская письменность ориентируется на каталанский стандарт, тем не менее язык ее отзывается все же местными особенностями.

В говорах, переходных между восточными и западными (Кардона, Сольсона), при образовании мн. ч. перед *-s* является *e*, и атонное *-o* трактуется как в зап.-каталанском.⁴

В другой переходной зоне, в области Таррагоны, различаются *b* и *v* (впрочем, в городском говоре Таррагоны они смешиваются). В Реусе появляются уже отчетливо западные черты.

Вост.-каталанский живет еще за пределами собственно Каталонии. В XIII в. он проник на Балеарские о-ва, после того как в 1229 г. была занята Майорка (Мальорка). Впрочем в местной письменности он стал употребляться только в конце этого столетия (*mallorquí*). В наше время языком балеарской литературы, играющей немаловажную роль в общей литературной жизни Каталонии, является каталанский стандарт; местные отклики сохраняются лишь в балеарском фольклоре, в особенности в популярной на островах повествовательной прозаической литературе, так наз. *rondalles* (ср. *rondar*, имеющее, между прочим, значение франц. *balader* 'бродить без дела', 'заниматься пустяками', 'распевать серенады').

В связи с каталанской экспансией в Средиземном море каталанский проник даже в Грецию, но здесь он оказался столь же эфемерным, сколько и каталанские владения в Морее.⁵ Арагонское владичество в Сицилии и Неаполе также не привело к серьезным лингвистическим завоеваниям.⁶ Исключение составляет Сардиния. Петр IV (1336—1387) изгнал всех сардинцев, населявших г. Кальяри, и заменил их каталанцами.⁷ Кристофор Деспудж (Despuig) (середина XVI в.) сообщает нам в своем „Colloquis de la insigne ciutat de Tortosa“, между прочим, следующее: „На о. Сардинии, завоеванном инфантом доном Альфонсом, который стал затем королем Арагона, живет каталанский язык, хотя далеко не все говорят там по-каталански, так как во многих частях острова пользуются древним языком королевства; однако рыцари и люди воспитанные и, наконец, все, кто занимается торговлей, говорят по-каталански, потому что каталанский язык там — язык учтивости (*es allí cortesana*)“.⁸ Но каталанский не удержал в Сардинии своих позиций, так как соперничал с кастильским, а это позволило итальянскому очутиться в роли *tertius gaudens*. Каталанский уцелел только в Альгеро, городе,

¹ M. Sanchis Guarner. Extención y vitalidad del dialecto valencian „apitxat“ в Rev. de fil. esp., XXIII, 1936, 45 сл. Ранее диалект этот был предметом изучения P. Barnils. El parlar „apitxat“ в Bull. de dialectologia catal., I, 1913, 18—25.

² У Sanchis Guarner даны карты распространения основных явлений (стр. 47, 48). — Фонетический анализ *apitxat* см. у Tomas Navarro Tomás и Sanchis Guarner. Analisis fonet. de valenciano literario в Rev. de fil. esp., XXI, 1934, 113 сл.

³ Rev. de fil. esp., XXI, 115.

⁴ A. Griega. Gram. hist., 13.

⁵ Здесь арагонцы и каталанцы основали так наз. Афинское герцогство (Неопатрию), стоявшее в ленной зависимости от короля Арагона (1335—1387).

⁶ С конца XIII в. каталанский был, однако, официальным языком в Сицилии и Неаполе, но затем скоро исчез. Альфонс I Неаполитанский был пятым королем того же имени в Арагоне (1416—1458).

⁷ Об этом рассказывает нам каталанский хронист XV в., Бернарт Боадес.

⁸ „Colloquis“ издан в Барселоне в 1897 г. Посвящение книги помечено 1557 г. См. Grundriss Гребера, I², 842.

основанном в начале XIV в.¹ и заселенном каталанцами из Барселонны, в силу чего он получил название Барселонеты, т. е. маленькой Барселонны. Наречие Альгеро, *alguerés*, усвоило кое-какие черты испанского и итальянского, но в синтаксисе и лексике его особенно заметно влияние сардинского.²

Вне Европы на каталанском говорят на о. Кубе и в Аргентине.

5

Восточной разновидности каталанского, и в частности ее барселонскому варианту, история отвела совершенно особое место: он стал основой литературного языка. Но это место он занял не сразу.

Западные каталанские области и их центры, Уржель, Органья, Санта Мария д'Анеу, Мур и Рода, имели в IX в. огромное значение в стране, и это не могло не сказаться на жизни языка, что недостаточно учитывали представители эпохи обновления Каталонии (так наз. *Repaï-xença*). Во всяком случае самые ранние памятники вульгарной каталанской письменности связаны с территорией зап.-каталанского. Таковы „Acte de consagració de la Seu d'Urgell“ (Акт об освящении Уржельского собора) 839 г.;³ сборник вульгарных документов XI—XII вв., относящихся к епархии Уржель и изданных П. Пужолем (Pujol);⁴ каталанские документы из Органья, опубликованные Мирет и Санс.⁵ Едва ли это случайный факт. Вероятно более детальное изучение местных отношений раскроет нам причину того, почему культурная жизнь развивалась в этих горных пиренейских районах раньше, чем в восточных. С западной Каталонией связан и древнейший литературный памятник каталанской речи — проповеди Органья („*Homèlies d'Organyà*“), относящиеся к концу XII или началу XIII в.⁶

В восточной Каталонии вульгарная письменность на каталанском языке возникает позднее. Письменность эта носит светский характер. Таким образом, если взять Каталонию в целом, то она как будто напомнит нам вообще скорее Италию, нежели Францию, где ранними письменными памятниками вульгарного языка были памятники литературные и притом религиозные. Возможно, правда, что вслед за памятниками делового характера на вульгарном языке в Каталонии появились и записи литературных пьес религиозного содержания, до нас не сохранившиеся. Во всяком случае издавна и вплоть до последнего времени в Каталонии были широко распространены так. наз. *goigs* (*gaudium*, т. е. *jubilatio*), религиозные песни, обычно в честь святых, обнаруживающие следы древнего происхождения.⁷ Но если все это и было, то было, конечно скромнее французских житий Леодегария или Алексея,

¹ Сардиния была завоевана Иаковом II в 1323—1324 гг. См. стихотворное „*Sermó pel passatge de Sardenya*“ Рамона Мунтанера, посвященное этому событию. „*Lo Sermó d'En Muntaner*“, изд. Milà y Fontanals, Монпелье, 1880, и „*Adició*“ к нему (там же, 1881).

² Об Альгеро и альгерском диалекте см. работу Н. Куен. *El dialecto de Algher* в *Annari de L'Oficina Romanica*, V сл. и более раннюю работу Р. Е. Гуарнерио. *El catalano d'Alghero* в *Arch. glott. it.*, IX, 1895, 261 сл. См. также *Zs. f. rom. Ph.*, XI, 280 сл.

³ „*Estudis Romans*“, II, 92—115.

⁴ Барселона, 1913 = *Bibliot. filolog.*, I.

⁵ *Rev. hispan.*, XIX (1908), 6—20.

⁶ „*El mes antig text literari escrit en català*“ в *Revista de bibliogr. catal.*, IV, 1906, 30—47, 215—220. Переизданы в „*Antics documents de llengua catal.*“, Барселона, 1915. См. также А. Грера. *Les Homèlies d'Organyà*, *transcripció diplomática*, Барселона.

⁷ С ними можно сопоставить и литургические пьесы, отмеченные еще Милà и Фонтанальсом. См. его „*De los trovadores en España*“, 466.

и таким образом мы стоим в Каталонии все же ближе к Италии. Это сходство станет еще более значительным, если припомнить, что и светская литература и той и другой облакалась сперва в формы провансальской речи. Правда, дошедшие до нас записи пьес относятся к XII—XIII вв., но трудно себе представить, чтобы они не существовали и в более раннюю эпоху, хотя бы и в небольшом количестве.

Провансальская поэзия была ярким типичным выражением известных сторон идеологии феодального сеньера; ее язык стал как бы неотъемлемой оболочкой этой формулы, вне его не мыслившейся, и если для северо-итальянского феодала провансальский стал своим языком, обязательным для поэзии, то тем более для каталанца, речь которого стояла ближе к провансальской, чем речь итальянца. Но были и другие обстоятельства, которые обеспечивали провансальскому привилегированное положение в Каталонии. В то время как провансальские связи итальянцев были особенно сильны в области литературы (почему итальянская городская буржуазия с первыми попытками создать свою литературу перешла на родной язык), Каталония вплоть до XIII в. жила в тесном общении с южной Францией и невольно ориентировалась на ее культуру вообще, даже в лице горожан. В дополнение к тому, что нами было сказано выше о провансальских связях каталанской феодальной знати и политических тенденциях королей Арагона и Каталонии со времени объединения обеих этих областей в 1162 г. при Альфонсе II,¹ напомним, что еще ранее, с 1112 г., барселонские графы владели Провансом, с 1130 г. — графствами Мийо (Milhau) и Картá (Cartat); они являлись также (вместе с графами тулузскими) сюзеренами виконтов Безье, поскольку эти последние были сеньорами Разеса (в Лиму) и Каркасоны, и графов Фуа и Комменжа, часть владений которых находились по ту сторону Пиренеев. Наконец, в 1174 г. Барселона приобрела Руссильон и Сердань. Провансальская поэзия и ее язык были для каталанцев таким образом не только непревзойденными образцами, но и почти своими, родными.

Характерно, что язык поэзии каталанцы называли „лимузинским“, *Lemosí*. Поэт и теоретик *art de trobar* (поэтического искусства), Рамон Видадь, говорит по этому поводу следующее: „Каждый человек, желающий слагать стихи и разбираться в этом (*trobar ni entendre*), должен знать, что ни один из наших языков [т. е. каталанских наречий]² не подходит по своей природе (*naturals*) и не пригоден для этой цели, кроме языка Франции, Лимузина, или Прованса, или Оверни, или Керси“. И дальше он оговаривается, что под „лимузинским“ будет разуметь язык не только Лимузина, но „всех пиренейских областей, а также соседних с ними и лежащих между ними“. „Те, кто воспитались или родились в Лимузине, говорят на настоящем языке. А потому по сравнению с песнями, сложенными на других языках, наиболее авторитетны песни на языке Лимузина“. Следовательно, „всякий, кто хочет сочинять стихи, должен в совершенстве овладеть им (*deu aver fort privada la parladura de Lemosin*)“.³ Под лимузинским Р. Видадь подразумевает, таким образом, не столько язык Лимузина, сколько язык провансальской поэзии вообще, т. е. тот, который мы называем, также условно, „провансальским“.⁴ Название „лимузинского“ оставалось за языком поэзии

¹ См. стр. 213.

² Рамон Видадь был каталанцем из Безаудуна, нын. Безалу.

³ „*Razos de trobar*“ (начало XIII в.). Цит. по С. Appel (*Provenz. Chrestom.*, 196—197).

⁴ Н. Morf. *Vom Ursprung d. prov. Schriftsprache* в Sitzber. Берлинской академ. наук, Philol.-hist. Klasse, XLV, 1912, 1014 сл.

до XIX в. В таком смысле употребляет термин *llemosí* каталанский поэт Арибау в своей известной оде „А та patria“, написанной в 1833 г.¹

„Лимузинский“ противопоставлялся *plá catalá* 'вульгарному каталанскому', и этот последний допускался первоначально только в прозе. Луис д'Аверсо (XIV в.) говорит, между прочим, в одной своей работе: „я не пользуюсь языком, которым пользуются в своих произведениях трубадуры..., так как я пишу настоящую свою книгу прозой (*prosaicament*)“.² Поворот в пользу *plá catalá* стал намечаться в XIII в. в связи с укреплением прозы и изменившейся социально-политической обстановкой.

Мы уже имели случай убедиться выше, что после разгрома южной Франции французами-северянами арагонско-каталанское государство перестраивает свою политическую программу и обращает свои взоры на Испанию и Средиземноморье, интерес к которому у каталанского горожанина проявился, впрочем, уже ранее. Каталония вырастает понемногу в одну из наиболее торговых и промышленных стран Европы. Каталанский торговец и промышленник стремятся стать хозяевами на Средиземном море, и под их давлением Арагон осуществляет здесь ряд завоеваний. В 1230 г. он уже овладевает Балеарскими о-вами. Но наиболее крупным и важным моментом в истории этого продвижения Арагона является Сицилия, на которую Арагон претендовал потому, что дочь Манфреда стала женой Петра III Арагонского (1276—1285). После упорной борьбы с французами и папой, поддержанной населением острова, Сицилия оказалась, наконец, в 1302 г. в руках арагонцев. Теперь очередь была за Корсикой и Сардинией. Сардиния была завоевана в 1323—1324 гг., после чего арагонские авантюристы устремились на Балканский п-ов и обосновались в Морее (1335). В XIV в. завершается покорение Валенсии. Не взирая на запрет папы, каталанцы ведут оживленнейшую торговлю как с мусульманским, так и с христианским средиземноморским миром. Теперь их можно встретить не только в южной Франции, но и в Италии, Тунисе, Александрии, Константинополе, на Кипре; с XIV в. — в Нидерландах и Англии. Каталанские металлические и кожаные изделия, шерстяные и льняные ткани, лес, хлеб и корабельные материалы становятся известными на всех рынках. По всей зап. Европе они развозят сахар, шелк, пряности и т. п. В связи с таким оживлением экономической жизни, ростом городов и обогащением торгово-промышленных групп растет и значение каталанского горожанина. В XIII в. в кортесах появляются депутаты от третьего сословия, а с 1283 г., когда было постановлено ежегодно собирать их, представительство в них горожан становится постоянным. Города, уже в XII в. получившие право иметь выборные власти, независимые от феодальных сеньоров, свой суд и администрацию, превращаются в экономически мощные и политически влиятельные единицы, с которыми приходится считаться столько же феодальным сеньерам, сколько и королевской власти. Наиболее типичным и крупным городским центром становится Барселона, выходящая на первое место со своими *maio mayor* и *maio mediana*, т. е. крупными и средними торговцами и промышленниками, но постепенно попадающая во власть первых. Благодаря своему богатству и широ-

¹ En llemosí sonà lo meu primer vagit (ленет)
Quan del mugró (грудю) matern la dolça llet bevia;
En llemosí al Senyor pregava cada dia
I càntics llemosins somiava (грезил) cada nit (ночь)...

Ср. О. Салтор. Les idees literaris en la Renaixença catalana, Барселона, 1934, 21.

² Цит. в Grundriss Гребера, I², 844.

жим правам, праву заключать торговые договоры с иностранными государствами, распоряжаться муниципальными финансами, устанавливать налоги, руководить общественными работами, давать пристанище бежавшим от своих сеньеров крестьянам и по истечении одного года и одного дня пребывания в городских стенах обеспечивать им свободу, опираясь на ряд своих фуэрос, которыми город отгораживал себя от власти местного графа, будь он даже арагонскими королем, и т. п., — благодаря всем этим особенностям своей экономической жизни и своего политического строя Барселона превращалась почти в республику с весьма широкими возможностями. Ее примеру старались подражать другие города Каталонии и даже вновь завоеванного королевства Валенсии; но здесь добиться подобных результатов было труднее. Нет, поэтому, ничего удивительного, если в стенах Барселоны и других городов очутилось немало дворянского элемента, привлеченного сюда теми выгодами, которые сулила новая экономика, если дворянские элементы стремились сделаться барселонскими гражданами, тогда как в соседнем Арагоне мы наблюдаем обратное, ибо здесь выгоды обещали только дворянские привилегии.

В своей борьбе с феодалами арагоно-каталанские короли, учитывая огромное значение новой социальной силы, стараются всячески использовать ее для борьбы с феодальным дворянством и создания абсолютной власти и единого национального государства. Городская буржуазия охотно идет на союз с властью и поддерживает ее, насколько она ее попутчик в деле борьбы с общим врагом. Иаков I, завоевавший Балеары, Валенсию и Мурсию, широко распахнувший перед каталанской буржуазией двери в Средиземное море, — ее герой. Она охотно поддерживает его в его борьбе с арабами, сочувствует его идее создания крепкой центральной власти на основе римского права¹ и использования инквизиции в целях борьбы с противниками. Из буржуазных рядов выходят такие его помощники и советчики, как Рамон де Пеньяфорте (ум. 1275), увлекавшийся римским правом, или Рамон Мартí (1230—1284), знаток и критик еврейской литературы и арабской философии.

Но та же буржуазия, уже накопившая силы, начала оказывать королевской власти решительный отпор, как только она почувствовала возможность превращения бывшего союзника во врага и поняла всю опасность нарождающегося абсолютизма. Появление в качестве кандидата на арагонский престол (после прекращения местной династии) Фердинанда I, родом кастильца, чужого человека, заставило каталанцев и валенсийцев очень насторожиться, и даже после того как компромисс в Каспе (1412) утвердил Фердинанда арагонско-каталанским королем, многие каталанцы продолжали выражать ему недоверие, и когда он отказался было уплатить Барселоне один из обязательных налогов, общественное мнение оказалось настолько возмущенным и возбужденным, что Фердинанд поспешил уступить.

Описанные выше изменения в социально-экономических и политических условиях жизни Каталонии, начиная с XII в., не замедлили, конечно, сказаться на психике каталанца. Известное материальное благополучие увеличивало потребность в культуре ума и вкуса. Систематическое общение со средиземноморским миром, с представителями различных культур, взглядов и привычек, идей и симпатий прививали терпимость,

¹ В этом отношении очень любопытна „Книга деяний дона Иакова Завоевателя“, написанная если не им самим, то под его непосредственным руководством (*Crónica o comentaris del gloriosissim y invictissim Rey en Jaime I, rey d'Aragó... escrita per ell meteix en llengua natural*. См. издание ее — Барселона, 1905).

широту взгляда, приучали скептически относиться к традиции. Успехи и удачи, большой размах работы воспитывали уверенность в себе, своих силах и значении того класса, к которому принадлежали эти новые люди. И в то же время росла любовь к родине, стремление обеспечить ей независимое положение, желание поддерживать все свое, каталанское.

Так стал на очередь и вопрос о создании своей литературы и культуре своего языка. Иаков I был каталанским писателем и почитателем каталанского языка, большим мастером которого он являлся. Отсюда и перестройка литературной программы в XIV в.

Трубадуры еще являются ко двору Иакова I. В окружении его мы встречаем Аймерика де Пегюльян, Бернарта Сикарт де Марьежольс, Пейре Баска и даже мантуанца Сорделло. Но это уже последние провансальцы, пытавшиеся искать счастья за Пиренеями. Гильем де Монтаньяголь, Дюран де Паэрнас и др. подчеркивают упадок интереса к провансальской поэзии. Каталония как страна гостеприимства, за которое ее так восхвалял трубадур-монах монтальдонский, уходила в прошлое. Время правления Петра II (III) (1276—1285) как будто возвращает нас к провансальской литературе, но не надолго: взывавший к идеалам доброго старого времени Паулет из Марсели успеха не имел. Тулузанца Ата де Монс и нарбонца Гиральда Рикьера встречали сочувственно, несомненно, за дидактический тон их поэзии. Реже встречаются и свои местные трубадуры или почитатели провансальской школы. Последними представителями ее в Каталонии были Аманьеу из Сескас, Серверй из Жероны и Жофрэ де Фошá, бенедиктинец из Сан Фелíу де Гишольс, составивший по поручению Иакова II свод правил поэтического искусства, „Regles de trobar“ (1291).

В эпоху Иакова II (1291—1327) итоги сдвигов дают себя чувствовать вполне отчетливо. Иаков интересуется наукой, искусством и литературой. Он поощряет переводы на каталанский. Он основывает в 1300 г. в Лэриде университет по типу болонского. Он идет в основном по стопам своих предшественников. Но интересы его шире и космополитичнее. И в то же время этот представитель барселонского дома большой поклонник каталанского языка; он сам пишет религиозные стихи; он — меценат, которому посвящают свои произведения каталанцы, как Жофрэ де Фошá или Бэнсенбор, и еврей Яфуд. Отлично владея каталанским, Иаков был и блестящим оратором, о чем свидетельствует речь, произнесенная им в Портфангос.

Провансальский *art de trobar*, как мы видели, быстро шел на ущерб. Но порвать окончательно со старыми связями было трудно, и тем более, что в литературе самого Прованса произошел сдвиг, который не мог не заинтересовать каталанского горожанина. В 1323 г. в Тулузе семью тулузскими буржуа была основана „Консистерия“, которая должна была возродить искусство трубадуров буржуазными силами. Мы знаем, что возрождения этого не произошло, потому что оно и не могло произойти в той среде, которой этого хотелось. „Консистерия“ создала нечто совершенно иное — поэзию религиозную, дидактическую, которая была несравненно ближе вкусам и умонастроению тулузанцев XIV—XV вв., нежели аристократическая лирика трубадуров. С целью приблизить поэзию к более широким кругам ее любителей было решено сделать более доступной самую работу над лирикой, и для этой цели канцлеру „Консистерии“, Гильему Молиньеру, было поручено составить руководство к овладению поэтическим искусством, состоящее из грамматики и поэтики. Так появились в свет (в 1353 г.) „Leys d'amors“, сделавшие доступными сведения о поэзии и ее языке далеко за пределами их родины.

Каталанцы, каталанская буржуазия и прежде всего барселонская, не могли, конечно, не заинтересоваться тем, что делалось у признанных издавна мастеров поэзии.

„Leys“ попали в Каталонию, а в 1393 г. Луис де Аверсó и Жауме Марк основали в Барселоне по поручению Иоанна I (1350-1395) свою „Консистиорию“. Вскоре подвергнуты были переработке слишком обстоятельно написанные „Leys“, и эта сокращенная их редакция, известная под названием „Compendi“, составленная по просьбе некоего сеньера, Дальмау де Рокаберти, Жоаном де Кастельноу, стала основным поэтическим справочником для тех, кто продолжал писать в провансальском стиле.¹

Таким образом в конце XIV и в XV вв. провансальская традиция, хотя уже и в иной форме, снова обновляется. Но каталанцы не могли ограничиться тем, что им давал Прованс. Они уже успели познакомиться с французской поэзией, у них уже была своя лирика, а потому они пытаются расширить программу провансальцев. Формально это сказалось в создании в Каталонии своей ритмической формы, своего стиха. Особенно широкой популярностью пользовалась здесь строфа (*cobla*) из 4 десятисложных стихов (*bordons*), состоящих из 2 полустиший с мужской цезурой на 4-м (или 6-м) слоге. Эта строфа производит впечатление монотонной и вялой, и одни только рифмы могут парализовать его. Тем не менее однообразие это повидимому, в свое время, не утомляло, так как к этой форме охотно обращались даже наиболее талантливые поэты, рассматривая ее, очевидно, как нечто свое, отличающее каталанскую поэзию от провансальской. Такова была новая провансальская волна, прокатившаяся по каталанской литературе. Она задержалась в ней не слишком долго, так как в XV в. ее сменила другая.

Параллельно этой провансализующей поэзии развивалась в XIV в. значительная переводная литература весьма разнообразного содержания и происхождения. К XIV в. относятся переводы Библии, Августина, Сенеки, Боэция и др. Одновременно каталанского читателя знакомят с произведениями восточной литературы. Рамон Луль дает отрывки из „Калилы и Димны“. Благодаря Бернарту де Со (1315—1385), Жакме и Пере Маркам, в Каталонию проникают памятники французской литературы. Переводят „Повесть о семи мудрецах“, роман о „Парисе и Виане“,² „Партенопея из Блуа“ и др. На ряду с этим появляются в переводе философские, медицинские и астрологические работы. О богатстве и разнообразии этой литературы можно судить по обстоятельному классифицированному ее перечню, составленному Морелем-Фасьо.³

За переводами следовали подражания.

Переводная литература помогла *pla catalá* расширить свой словарь, ощутить отчетливее свои возможности. В борьбе с чужим словом он приобрел гибкость и стал изобретательней. Успехи прозы не могли не заразить поэзию, но это происходило настолько медленно, что она в отношении языка долго оставалась на уровне „провансальско-каталанского“.⁴ Впрочем находились и более решительные люди. Я имею в виду Рамона Луля. Он начал в провансальском духе и на *le mosí*, конечно с отступлениями, свойственными всем каталанцам. Но затем он

¹ О барселонской Консистиории см. Morel-Fatio в Grundriss Гребера, II², 77, 126.

² Известную и в русской литературе. См. ст. И. А. Шляпкина в Журн. Мин. нар. пр., 1915, май, 215—232.

³ В Grundriss Гребера, II², 86—125.

⁴ Этим термином пользуется Pagès в своей работе о каталанской поэзии XIV в. в Romania, XLII, 174 сл.

оставляет эту манеру, и старается приблизиться к каталанскому, насколько позволяла традиция, так как хочет быть понятным широким кругам читателя. В своей прозе он идет значительно дальше и дает нам в ней образец литературной обработки живого каталанского языка.

Такой смелый переход к каталанскому отличает и хроники XIII и XIV вв. Мы уже упоминали „Хронику“ Иакова I. За ней следует „Хроника“ Бернарта Десклот, охватывающая царствования Иакова I и Петра III, причем о событиях времени последнего автор повествует как очевидец.¹ Великолепным образчиком летописной литературы является „Хроника“ Рамона Мунтанера, один из лучших памятников каталанской прозы XIV в.² Она написана псевдом морских и военных успехов Каталонии, сторонником идеи универсальной каталанской империи и пламенным поклонником своего родного языка, *catalanesc*, как он его называет. Наконец — „Хроника Петра III (IV) Арагонского“ (1335—1387). К этим памятникам каталанской прозы надо присоединить сборник писем Петра IV, в которых король касается самых разнообразных вопросов и обнаруживает мастерское владение языком. „Образцами великолепной каталанской прозы“, по словам Милá и Фонтанальс, являются и официальные депеши Бернарта Медже (Metge), поэта, отдавшего в свое время дань провансальской школе, но постепенно обратившегося к чисто каталанской прозе. Он состоял секретарем при нескольких королях из барселонского дома, вплоть до Мартина I, чем и объясняется составление им упомянутых депеш. Своей репутацией превосходного прозаика Медже обязан своему „Somni“ (Сон), написанному в 1398 г., композиционно довольно несладкому произведению, мало оригинальному по своему идейному содержанию, но обладающему бесспорно большими языковыми достоинствами.³

Так разрешался постепенно вопрос о каталанской литературной прозе. Установлению ее способствовала немало королевская канцелярия, в эпоху Иакова II и Петра IV положившая много труда на фиксацию языка и приданию ему известной отделки при помощи латыни и итальянских „*Artes dictandi*“.

Процесс его формирования к XV в. закончился. Это век увлечения Петраркой и Боккаччо, век в то же время наиболее крупного из каталанских поэтов старой поры, Аузиаса Марка (1397—1459), являющегося одним из талантливейших петраркистов своей эпохи. Поэзия XV в. представлена в Каталонии довольно значительным числом поэтов,⁴ среди которых Милá и Фонтанальс различает: 1) предшественников, 2) современников Марка и его самого и 3) эпигонов. Это — представители так наз. валенсийской школы. В языке А. Марка есть черты провансальского, и в частности трубадуров, писавших, подобно Арнальду Даньелю, в так наз. „темной манере“ (*trobar clus*). Но что

¹ Ее каталанский текст хранится в Парижской Нац. библиот. (Esp., no. 329); он был издан Buchon'ом (*Chroniques étrangères relatives aux expéditions françaises pendant le XIII siècle*).

² „*Crònica dels fets e hazanyes del Rey en Jaume I e de ses succedents*“ (1276—1327).

³ Основная идея заимствована из „Тускулан“ и Боккаччо. Автор рассказывает в „Сне“ о том, как ему однажды, в бытность его в заключении, явился во сне сперва король Иаков I, с которым он вступил в диалог на темы о бессмертии души и будущей жизни; затем — Орфей и Тиресий, которые в присутствии автора беседуют о женщинах (Romania, XIX, 141).

⁴ Произведения их сохранились до нас, главным образом, в „*Cançoner d'amor*“ Парижской Нац. библиот., в сарагосском сборнике (Милá и Фонтанальс в *Jahrbuch f. rom. u. engl. Lit.*, V, 151). Выдержки у V. Balaguer. *Hist. de Catalunya*. Мадрид, 1886, VI, 328—378, и в четырех сборниках Вега-Агилó (описаны у Милá и Фонтанальс в „*Poètes lyriques catalans*“, Париж, 1878; сперва в „*Rev. des langues romanes*“).

особенно интересно, так это то, что валенсийские поэты XV в. пишут на том же языке, что и поэты-барселонцы. В этом отношении у них нет расхождений, и это обстоятельство свидетельствует о том, что поэтический стандарт к эпохе XV в. успел уже вполне определиться, подобно тому как это произошло и в области прозы. Различие состояло лишь в том, что поэзия не могла отрешиться до конца от влияния провансальского, тогда как эмансипировавшаяся от него проза стала решительно на путь использования *plá catalá* и, в частности, его барселонской разновидности, так как это была речь наиболее древнего, политически, экономически и культурно влиятельного центра страны.

Перемещение литературного центра в XV в. в Валенсию в языке ничего не изменило по существу. Правда, автор известного романа „*Tirant lo Blanc*“ (1490), Жоан Марторель, утверждает, что он пишет на *vulgar valenciana*, т. е. на „вульгарном“ валенсийском языке,¹ но такое заявление не следует понимать буквально. Еще в XIV в. переводчик „*Memorabilia*“ Валерия Максима, доминиканец Антони Канальс, говорил в посвящении своей работы кардиналу Жакме Арагонскому, между прочим, что он перевел латинский текст на *nostra vulgada lingua materna*, хотя другие уже перевели его на каталанский.² Эти другие переводы нам неизвестны. Канальс утверждает, таким образом, что, невзирая на них, текст должен быть переведен для валенсийцев на валенсийский. Но в том же XIV в. Фр. Тьерри, переводчик одного хирургического трактата,³ майорканец, говорит, что он переводит *de latín en romans catalanesch*, т. е. с латинского на каталанский, без всяких указаний на отношение этого каталанского к языку Майорки. До конца XV в. ни руссильонские, ни майоркские, ни валенсийские памятники не представляют никаких особенностей, которые давали бы нам право выделять их в особые единицы. Особенности эти появляются позднее.⁴ Единственная возможность примирить факты с термином и с заявлением Канальса — это предположить, что с распространением каталанского новые завоеванные им области стали обозначать один и тот же язык различно, пользуясь новой политической номенклатурой, чтобы подчеркнуть свою самостоятельность и свое значение. „Нынче — говорит Морель-Фасьб — ни один житель Валенсии, Майорки или Миньорки не согласится с тем, что он говорит по-каталански; все они убеждены, что говорят только на *valenciá, mayorquí* или *menorquí*“.⁵ Между тем еще в XIV в. термин *catalá* употреблялся для каталанского в целом, а *plá catalá* — как антитеза языку трубадуров, *llemosí*.

6

Перемещение литературного центра в Валенсию в XV в. было отнюдь не случайным. Старая Каталония отходила на второй план потому, что резко изменилась историческая обстановка.

Иоанн I (1387—1395) и Мартин I (1393—1410) были последними арагонскими королями из барселонского дома. С прекращением этого дома на арагонском престоле водворилась младшая линия кастильской

¹ „*Libre del valorose e strenu cavaller Tirant lo Blanc*“ представляет собою повесть о странствующем рыцаре, своего рода параллель к „Амадису“ кастильцев. Жоан Марторель не единственный автор романа; последняя его часть написана Жоаном де Гальба.

² Парижск. Нац. библ., Esp., no. 10, цит. Морель-Фасьб в Grundriss Гребера, I², 114; ср.: там же, I², 843.

³ Там же, Esp., no. 212; Grundriss Гребера, I², 843.

⁴ A. Griera. Gram. hist., 16.

⁵ Grundriss Гребера I², 843.

династии в лице Фердинанда Антекерского (1412—1416).¹ Таким образом Каталония очутилась в кастильских руках. Как раз при наследнике Фердинанда Альфонсе IV (1416—1458) валенсийская школа достигает кульминационной точки своей деятельности. Но это была только прелюдия. В 1474 г. состоялось соединение Кастилии и Арагона, и жизнь Старой Каталонии и Барселоны потекла по новому руслу. XV столетие завершает период возникновения и расцвета старо-каталанской литературы и языка и открывает период упадка, тянувшийся до начала XIX в.

После соединения Арагона и Кастилии Каталония оказалась, прежде всего, включенной в орбиту кастильской экономики, что крайне тяжело отозвалось на ее благосостоянии. Старая страна торговли, имевшая обширнейшие коммерческие связи, свободно и широко развертывавшая свою программу, Каталония была лишена права торговли с Америкой, так как ее монополизировала Кастилья. С другой стороны хозяйничанье турок на Средиземном море подрывало каталанскую торговлю с Левантом. Упадок торговых оборотов сопровождал неизбежно и упадок промышленности, которая страдала помимо того от затруднений, чинившихся ей кастильскими конкурентами, и от отлива рабочих рук, устремившихся либо в Америку, либо на более легкие и прибыльные участки работы, какие можно было в эту пору найти по монастырям или на военной службе и т. п. Упадок экономической жизни в Кастилье в XVI—XVII вв., систематически каждые 25 лет повторяющиеся в ней государственные банкротства естественно отражались и на хозяйстве Каталонии.

Но если Каталония, крепкая экономически, могла еще так или иначе сопротивляться давлению Кастилии в этом отношении, то борьба с политической зависимостью от последней была невозможна, и Каталония спускалась постепенно до уровня обыкновенной провинции. Управление ею поручалось обычно не-каталанцам; в целях упрочения кастильского режима в ней держали значительные военные силы, составлявшиеся опять-таки из не-каталанцев. Она сохраняла, правда, свои кортесы, привилегии и муниципальное устройство, но практически все это имело мало значения. Сопротивление было немыслимо. В 1520 г. это показало восстание *comuneros*. После 1592 г. у всех надолго осталась в памяти жестокая расправа с Арагоном Филиппа II, упорно и всеми средствами внедрявшего абсолютистские порядки повсюду в Испании. Дело это продолжали и его бездарные преемники. Но на этот раз терпение каталанцев не выдержало, и когда Филипп IV решил упразднить старые вольности Наварры, Басконии и Каталонии, каталанцы восстали и провозгласили своим государем французского короля (1640). Борьба, поддержанная Ришелье и Мазарини, была упорной и жестокой. В результате ее Филипп оставил каталанцам их старые права, потеряв, однако, Руссильон и Сердань, уступкой которых был куплен у Франции так наз. Пиренейский мир (1659).

В 1700 г. обаякнутых Габсбургов сменили на испанском престоле французские Бурбоны. Новому королю, Филиппу V, стороннику французского абсолютистского централизма, пришлось выдержать во время войны за испанское наследство упорную борьбу и со своими собственными подданными. Наварра, баски, отчасти Арагон и Каталония, предвидевшие утрату своих фуэрос, поддерживали конкурента Филиппа, эрцгерцога австрийского Карла. После заключения мира, когда австрийские войска эвакуировали Каталонию, кастильско-французское правительство потребовало от нее принятия кастильской кон-

¹ Он был сыном Генриха II Транстамара и дочери Петра IV Арагонского, Леоноры.

ституции. Каталанцы оказали отчаянное вооруженное сопротивление; Барселону пришлось взять приступом после целого года осады (1714). Лишь после жестокой расправы, учиненной властью, восставшие решили капитулировать.

Бурбоны принесли Испании по существу мало нового. Принципы абсолютизма были ей хорошо знакомы со времен Филиппа II; только проводились они теперь по французскому образцу. Что же касается Каталонии, то она потеряла в 1707 г. все свои старые учреждения и превратилась окончательно, и формально и фактически, в одну из испанских провинций.

Таков был путь, пройденный Каталонией почти за два с половиной столетия. Экономически подорванная и ослабевшая, политически обезличенная, морально подавленная она, конечно, не могла продолжать своей прежней национальной культурной работы. В области литературы в XVI в. следует констатировать улагод „веселой науки“ (*gay saber*), т. е. поэзий провансальского типа, и зарождение поэзии в кастильском духе, типичным представителем которой является Пере Серафí и Жоан Пужоль де Матарó. Появление в испанской литературе таких крупнейших талантов, как Сервантес, Лопе де Вега, Кальдерон, только усилило престиж Кастильи и давало лишнее основание рассматривать каталанскую литературу, бывшую не в состоянии противопоставить им что-либо хотя бы отдаленно их напоминающее, как скромную провинциальную литературу, не имеющую прав на общеиспанскую ценность в лучшем случае, в худшем же — вообще ненужную. В XVII и XVIII вв. Каталония не дала в области идей ничего выдающегося; все то, что появлялось в сфере литературы, было еще менее значительным, нежели продукция XVI в. Ни Старая Каталония, ни Валенсия не могут похвалиться каким-нибудь крупным поэтом или прозаиком, хотя писавших по-каталански и было больше, чем можно было бы ожидать. Каталонская литература этой поры безнадежно скучна, малосодержательна, груба или очень примитивна.¹

Движения 1640 и 1700 гг. пробудили и обострили национальное самосознание каталанцев и вызвали к жизни значительную полемическую литературу.

Насилия, чинившиеся в 1640 и следующих годах отрядами Оливареса над крестьянами Каталонии, стали предметом возмущенных описаний каталанских публицистов. Церковные писатели рассказывали о святотатственных поступках кастильской военщины. Юристы выступили на защиту старинных прав и привилегий каталанцев. Критическая литература эта обращалась охотно к кастильскому языку, так как в интересах ее авторов было повлиять на возможно более широкие круги читателей и привлечь на свою сторону общественное мнение за пределами Каталонии. Однако по мере того как борьба разгоралась, каталанцы стали все чаще прибегать к родной речи. К числу произведений этого рода принадлежат, между прочим, „*Secrets publichs, redga de toch de las intencions del enemich*“ (Публичные секреты, пробный камень намерений врага), появившиеся в Барселоне в 1641 г. и сейчас же переведенные на кастильский, португальский и французский языки. Но язык памфлетов и листков такого содержания не оставляет ни малейшего сомнения в том, что кастильский успел уже глубоко пропитать

¹ Ср., напр., скудные творения Висенто Гарсиа или отца Мулет. См. образцы валенсийского творчества в „*Estudio crítico de los poetas valencianos de los siglos XVI, XVII, XVIII*“, изд. J. M. Puig Torralva и F. Martí Grajales, Валенсия, 1883.

каталанский и что каталанцы, в сущности, разучились владеть надлежащим образом родной речью.¹

Аналогичную литературу можно наблюдать и в начале XVIII в. Но она менее обширна и язык ее значительно хуже языка полемических произведений XVII в. Впрочем, на этот раз следует отметить большое количество поэтических произведений, песен и сатир.

Ни в XVII, ни в XVIII в. борьба не создала ни одного крупного каталанского писателя, и как только движение успокаивалось, все начинало вновь идти по-старому: о каталанской литературе и языке никто больше не думал; руководящая роль переходила снова к кастильским образцам.

В XVIII в. следует отметить ряд библиографических, исторических и филологических работ. Заслуга их в том, что они открыли каталанцам их прошлое и показали, что каталанская литература и язык имеют весьма почтенную историю и значение. Первое место и здесь принадлежит валенсийцам, Родригесу и Хилено, составившим обширные библиографические указатели к литературе старого Арагона.² Антони де Капмань (1742—1813) принадлежат ценные не только для историка, но и филолога „Memorias históricas sobre la marina, comercio y artes de la antigua ciudad de Barcelona“ (1779—1792), познакомившие его сограждан с интереснейшими главами из прошлого Барселоны. Только в начале XIX в. появляется первая грамматика каталанского языка, весьма скромная по задачам, которые она себе ставит, наивная в некоторых своих суждениях, но проникнутая трогательной любовью автора к родному языку и желанием помочь ему выйти из неизвестности.³

Пора упадка каталанской литературы является одновременно и порой упадка каталанского языка. Он превращается в провинциальное наречие. В начале XVIII в. ему отказывают в праве быть официальным языком: в 1700 г. — в Руссильоне, в 1707 г. — в Валенсии, в 1715 г. — на Балеарах и в 1716 г. — в Каталонии.⁴ В том же году, по распоряжению Филиппа V, закрываются университеты в Льежде (Лэриде), Барселоне, Жероне, Таррагоне и Вике, и вместо них в 1717 г. организуется университет в Серьере, небольшом городке на дороге из Барселоны в Льеиду, предпочтенном другим, потому что во время антифранцузского движения он один остался на стороне Филиппа. Он должен был заняться денационализацией каталанцев. Таким образом для каталанского была закрыта область официальной науки.

7

Понесшая в XVII и XVIII вв. серьезные поражения Каталония, и прежде всего каталанская буржуазия, вынуждена была замолчать. Вторая половина XVIII в. принесла ряд улучшений. Каталония получила при Флорида Бланка и Кампоманесе⁵ право торговли с Америкой;⁶

¹ Ср., напр., язык панегирика в честь одного из крупнейших деятелей движения, Пау Кларис. См. Морель-Фасьо в *Grundriss* Гребера, I², 128.

² „Biblioteca valentina p. José Rodríguez, 1747“. — „Escritores del reino de Valencia p. Vicente Jimeno“, 1747—1749. Дополнением к ним служит: „Biblioteca valenciana p. J. Pastor Fuster“, 1827—1830.

³ J. Pau Ballot y Torres. *Gramática y apologia de la llengua catalana*. 1814. Баллот родился в конце XVIII в. и умер в 1821 г.

⁴ Ст. 4-я „Nueva planta de gobierno de Cataluña“. См. M. de Montoliu. *Manual de historia crítica de la literatura catalana moderna*, I. Барселона, 1922, 12.

⁵ Министры Карла III (1759—1788).

⁶ Prat de la Riba в „La nacionalitat catalana“ (Барселона, 1919) говорит, что „en revendicar per als catalans el dret de mercadejar amb America“ почувствовался „el primer impuls de renaixença“ (21—22).

из Испании были изгнаны иезуиты, была ограничена компетенция инквизиции, разрешена свободная торговля хлебом; каталанская Менорка была возвращена по Версальскому миру (1783) Испании. Это примирило в известной мере с Кастильей и несколько притупляло воспоминания о старых обидах и ущемлениях национального чувства. Но положение оставалось все же неустойчивым.

Вторжение Наполеона явилось толчком, нарушившим застой и пробудившим дремавшие до той поры силы Испании. Как мы уже указывали выше, подъем народной энергии не дал, однако, того обновления, в котором так нуждалась страна, ибо руководивший движением центр (центральная хунта) и буржуазия не сумели использовать его для революционной перестройки Испании. Хунта занималась интригами; лишенная престижа, она давала на места директивы, парализовавшие их энергию, и таким образом подготавливала переход страны в руки феодально-дворянской и клерикальной реакции, против которой была призвана бороться всеми силами. „В Валенсии — говорит Маркс — где, казалось, открывались новые перспективы, пока народ был предоставлен самому себе и своим выборным вождям,¹ революционный дух был сломлен влиянием центрального правительства“. Поведение комиссара центральной хунты привело к борьбе с нею хунты Валенсии и вызвало, в конечном счете, стремление последней, после возвращения Фердинанда VII, „провозгласить последнего королем в противовес тогдашнему революционному правительству“.²

Не лучше было и в Каталонии, население которой, забыв на время о своих местных интересах, увлеченное общим порывом, сражалось бок-о-бок с испанцами против французов, причем каталанское ополчение (сометен) дважды отбрасывало их от горного прохода Брук.

Конституция 1812 г., учитывавшая старые испанские традиции, предусматривала, правда, интересы провинций: рядом с губернаторами (*jefe politico*) она ставила провинциальные депутации, состоявшие из членов, избранных местными округами, обязанных регулировать действия представителей центральной власти; наряду с регулярной армией в каждой провинции должны были формироваться корпуса национальной милиции из жителей данной провинции. Но фактически все это было трудно использовать в провинциальных интересах, а с возвращением Фердинанда этот порядок был ликвидирован и на место его водворился старый. Таким образом в итоге долголетней борьбы и тяжелых испытаний Каталонии и Валенсии предоставлено было существовать на прежних основаниях. Но национальное чувство уже было разбужено.

Со смертью Фердинанда VII в Каталонии обновляется революционное движение, в котором национальные мотивы ощущаются вполне отчетливо. В июле 1835 г. в Барселоне вспыхивает восстание, в котором к народу присоединяется милиция и которое очень скоро находит себе отклик во всей Каталонии. Восставшие сбрасывают на площади Барселоны статую Фердинанда и с криками „да здравствует свобода!“ водружают на ее место изображение Изабеллы II.³ Вскоре после этого для провинции обнародывается особый статут. Каталонцы еще верят в возможность добиться для себя особого положения при помощи королевской власти, не дававшей, в сущности, никакого основания ожидать от нее больше того, что она давала раньше.

И в революционном движении 1834—1843 гг. социальные и политические мотивы переплетаются с национальными. Восставшие в 1842 г. провозглашают независимость Каталонии. В 1843 г. выступает Валенсия

¹ Т. е. провинциальным хунтам.

² Соч., X, 738 = Рев. в Исп., 25.

³ M. Hume. Modern Spain в серии „The story of the nations“. Лондон, 1906, 320—322.

и опять Барселона, которая сдается только после жестокой бомбардировки. Борьба все более обострялась; все очевиднее становилась невозможность найти общий язык с монархией; идея республики начинала все глубже укореняться в Каталонии; а с другой стороны, оживление промышленной жизни выводило на сцену рабочий класс, и социальная окраска революционных движений делалась все ярче. Оправдывался прогноз Маркса, сформулированный им еще в 1856 г., о том, что испанская революция войдет впредь в колею общеевропейской.

Появление на арене борьбы новых социальных сил, новые задачи, которые ставила себе революция, вызвали пересмотр позиций борющихся и отразились неизбежно и на судьбе национального вопроса. Романтические, отвлеченные идеалы народности 20-х и 30-х годов уступают место реальной точке зрения, конкретному разрешению проблемы. Демократизация каталанского лагеря приводит к отходу на второй план крупной буржуазии (с частью дворянства) с их умеренными областническими требованиями и нежеланием резко порывать с централистами, поскольку для них был важен испанский рынок. Это каталанская правая, для которой каталанизм сводился к защите экономических интересов Каталонии¹ и культурной пропаганде. Такова платформа так наз. „Лиги областников“ (*Lliga regionalista*). Социальной базой демократических группировок является мелкая городская буржуазия, интеллигенция, крестьянство. Среди них широко распространяется идея республики, и национализм их гораздо радикальнее. Они резко враждебны мадридскому правительству и в программах своих идут иногда вплоть до требования независимости Каталонии и сохранения ею с Испанией только федеративной связи; среди них немало адептов крайнего национализма. Идея интернациональной солидарности, жившая в различных группировках рабочего класса, предохраняла его от этого последнего и подготавливала к широкому и трезвому разрешению национального вопроса.

В 1906 г. радикальные группы каталанистов объединились и образовали так наз. „Каталанскую солидарность“ (*Solidaritat catalana*), взявшую в свои руки борьбу с централизмом и Мадридом. После мировой войны, в 20-х годах, в каталанском движении можно отметить три основных тенденции, которые представлены Лигой (правые), Группой действия (*Acció catalana* — центр) и левыми буржуазными группировками. К 1931 г. последние объединяются в каталанскую левую (Эскерра), которая в апреле того же года захватывает власть и по примеру 1873 г. объявляет Каталонию республикой, находящейся только в федеративной связи с Испанией. Однако правительство Асаньи заставляет каталанское правительство отступить и удовольствоваться лишь скромной областной автономией, правда со своим парламентом и правительством (так наз. *Generalitat*). Реакция 1933—1936 гг. лишает Каталонию и этих прав, и только победа народного фронта (16 февраля 1936 г.) позволяет восстановить автономию страны на основе того принципа, который был применен затем и к ряду других частей Испании, находящихся в аналогичном положении. Тем самым каталанский вопрос, имеющий столь долгую и сложную историю, получил, наконец, свое разрешение. Из проблемы одиночек-энтузиастов, патриотов-романтиков и сентименталов, из проблемы буржуазных радикалов-националистов он стал одной из задач государства нового типа, республики, которая, под влиянием идей пролетариата, берет на себя обязанность устранить угнетение трудящихся и малых национальностей, обязанность охранять культуры меньшинств и предоставить полную свободу развитию их языков как национального выражения этих культур.

¹ Точнее: своих классовых интересов в Каталонии.

8

Параллельно охарактеризованной выше национально-освободительной борьбе развивалась в Каталонии работа и над созданием национальной науки и искусства, в частности литературы и неразрывно с нею связанного языка.

Литературное возрождение в Каталонии в XIX в. известно под названием *Renaixença*. Уходящее своими корнями в национальное движение конца XVIII — начала XIX в., оно связано, несомненно, как это отмечал еще известный испанский критик Менéndес и Пелайо,¹ с европейским движением романтизма. Для каталанских романтиков характерно, между прочим, увлечение Вальтером Скоттом и шотландской философией (Thom. Reid). На В. Скотте учились Бонавентура Карлес Арибау и Рамон Лопес Солер. Маленькая Шотландия, поглощаемая Англией, была особенно близка и понятна угнетенной Каталонии; поэтому к ней относились с особой симпатией и к голосу ее особенно прислушивались. В течение 20-х годов XIX в. В. Скотт являлся наиболее авторитетным учителем каталанцев. Он обратил их к своему прошлому, застав их изучать и воспроизводить его. На этом раннем этапе любовь их к этому прошлому носила несколько робкий, сентиментальный характер; они держали себя провинциалами, которые хотят выйти на более широкое поприще, приобщиться к европейской культуре и показать испанскому обществу, что у них также имеются достойные внимания ценности. Но они пишут по-кастильски, так как ориентируются не на широкие каталанские круги, а на испанцев вообще, полагая, что обращение к каталанскому — дело будущего. Известная ода Арибау „Oja a la patria“, написанная по-каталански, появилась только в 1833 г.; но она стоит совершенно изолированно в ряду других его произведений. Пример остался в ближайшее время без подражаний,² и слова поэта „Iх i cri a rei món“ („ступай и раздавайся по всему свету“ [т. е. язык]) не сразу нашли отклик в литературной деятельности его земляков.

В 30-е годы национальное движение в Каталонии начинает крепнуть. Теперь оно охватывает более широкие, демократические круги населения. В этих условиях обращение к каталанскому было неизбежно.

Этот поворот происходит в годы ожесточенной борьбы, между 1834—1843 гг., и этот момент и можно назвать началом *Renaixença* в подлинном смысле слова. Он связан тесно с именем Рубио и Орс (1818—1899), решительно обратившегося к каталанскому. Его „Lo gayter del Llobregat“ („Волежник с Лобрегата“) появился в 1839 г. Это был первый серьезный шаг на пути создания национальной каталанской литературной школы. Его увлеклись люди различных темпераментов, дарований и политических симпатий. Рубио был традиционалистом и даже реставратором; Соль и Падри́с (1816—1855)³ — романтиком-республиканцем; прогрессивно настроен был и Антони Бофаруль и Брокá (1821—1891). Но в отношении проблемы языка и создания национальной литературы все они стояли на одной и той же позиции.

Рубио сознательно обратился к каталанскому. Он понял, что пока каталанцы будут пользоваться кастильским, они никогда не выведут

¹ См. его предисловие ко 2-му тому „Lo Gayter del Llobregat“ Рубио и Орс (edic. políglota). Попытка М. де Монтolíу умалить влияние романтизма едва ли убедительна (Монтolíу, I, 37—38).

² „Magnífica, pero solitaria“ характеризует оду Арибау Менéndес и Пелайо (ук. соч., VIII).

³ М. de Montoliu, ук. соч., 185.

своей литературы на самостоятельный путь; она будет вечно оставаться литературой провинциальной, вместо того чтобы стать национальной, — разновидностью кастильской, вместо того чтобы быть самой собой. Может быть на первых порах она не будет достаточно высокого качества. Но чтобы повысить последнее, необходимо иметь писательские кадры, а кадры образуются только в условиях развития каталанского движения и чувства духовной независимости каталанского народа. С этой целью нужно было немедленно же положить начало литературе на каталанском языке, ибо этим путем было бы создано могучее орудие пропаганды.

Оставалось разрешить вопрос об организации пропаганды.

Разрешение этой задачи характеризует следующий этап Возрождения, охватывающий 60-е и 70-е годы XIX в.¹

В 1859 г. с этой целью были восстановлены средневековые празднества, цветочные состязания, *jochs florals*, возникшие в конце XIV ст., но погибшие, как мы знаем, с ростом кастилизации Каталонии. Восстановленные состязания происходили в торжественной обстановке и при большом стечении публики. Тематика пьес, представлявшихся на конкурс, была строго фиксирована и могла относиться только к трем категориям: *patria*, *fides*, *amor*, причем характерно, что *patria* занимала первое место, и победитель, давший пьесу на эту тему, получал высшую награду, золотой тысячецветник, между тем как лучшая религиозная пьеса награждалась более скромной золотой фиалкой, а любовная — каким-нибудь обычным цветком, который победитель подносил тут же своей даме, становившейся после этого королевой празднества.

Таким образом и на этом этапе уцелело многое из программы романтизма 20-х годов. Современностью было подсказано перенесение *fides*, стоявшей в средневековую пору на первом месте,² на второй план и выдвижение *patria*. В первую, героическую, эпоху существования *Jochs*, которую Монтолиу доводит до 1877 г.,³ такая расценка тем имела большое практическое значение: по словам одного из современных критиков, до того как барселонский Атенеум под руководством Анж. Гимера превратился в очаг каталанской культуры, до того как в „*Diario de Barcelona*“ стали появляться руководящие по целому ряду принципиальных вопросов, написанные по-кастильски статьи Марагала, — цветочные состязания воспитывали каталанца не только культурно, но и политически. Последствия этого сказываются „еще и сегодня в гомогенности публики годовичных праздников состязаний“.⁴ О политическом и национальном руководстве при помощи состязаний думали и наиболее активные их организаторы, как это сквозило в речи Антони де Бофаруля, произнесенной при открытии их. Бофаруль говорил о необходимости возрождения одной из блестящих страниц языкового и литературного прошлого Каталонии, но в то же время он развивал мысль

¹ Зародившееся в Каталонии Возрождение перекинулось на Майорку и в Валенсию. На Майорке его предварили Дж. Россельо и Мариан Агилó. В 1858 г. был издан „*Diccionari mallorquí*“, а еще ранее, в 1835 г., J. J. Amengual составил „*Gramática de la lengua mallorquina*“. В Валенсии под влиянием Рубио и Орс сложилась деятельность Теодора Льюренте (1832—1911). Романтизм консервативного и археологического склада уступал в Валенсии место прогрессивному. Состязания *Jochs* являлись звеном, связывавшим Валенсию с Каталонией. В 60-х годах появился в свет „*Diccionari valencià*“ Const. Llobart. Возрождение нашло отклик и во французском Руссильоне, где прикнущие к нему не только переводили произведения каталанских поэтов, но и сами пытались писать по-каталански.

² A. Jeanroy. *La poésie lyrique des troubadours*, I, 304—305. — В. Ш и ш м а р е в. Лирика и лирики позднего средневековья. Париж, 1911, 549 сл.

³ M. de Montoliu, ук. соч., I, 261—263.

⁴ O. Saltor. *Les idees literaris en la Renaixença catalana*, 30

и о взаимообусловленности политической самобытности, свободы и литературного развития.¹ Рядом с этой речью речь Милà, председательствовавшего на собрании, представителя старого поколения, призывавшего к созданию „пристанища“ для несчастного каталанского языка, прозвучала как отсталое слово человека, стоящего не в центре, а „на полях“ событий. И Бофаруль был осторожен в своих формулировках, но весь тон его выступления был таков, что его поняли все, и прав был председатель состязаний 1932 г., когда он, анализируя ряд речей своих предшественников за много лет, отметил, „что из аналогичных слов этих людей, которые несомненно отрицали бы в обычной жизни националистические теории или политический катализм, если бы кто-нибудь стал их им приписывать, вытекало совершенно определенное признание положений, объединяющих, в сущности, принципы всех каталанских партий, и что у людей этих были широкие взгляды на задачи, которым служило возглавляемое ими учреждение“.²

Таким образом каталанская литература на каталанском языке стала вопросом решенным и права ее на существование не вызывали уже ни малейшего сомнения.

Сыграв в разрешении этой проблемы свою роль, *Jochs* стали, начиная с конца 70-х годов XIX в., постепенно сходить со сцены. В области литературы и языка состязания поддерживали традицию архаизующую, так сказать, книжную, между тем литературное движение ширилось, росло, подходило ближе к современности. Рамки *Jochs* оказались тесными и потому разошлись.

Эта новая пора в жизни состязаний и каталанской литературы связана с именем Джасинте Вердагера (1845—1902), автора увенчанных поэм „*Altàntida*“ (1877) и „*Canigó*“ (1886). Первая представляет собой „эпос геологический“, в котором использованы древнейшие предания Иберии и легенда об Атлантиде, с которыми сплетена история Колумба и открытия Америки. Вторую можно охарактеризовать как „эпос географический“, в котором на фоне борьбы Каталонии с маврами в эпоху реконкисты рассказан ряд пиренейских легенд, где действуют всевозможные горные феи и духи. На этом романтическом материале раскрывается замечательный описательный и лирический талант Вердагера и его поразительное владение языком. Своеобразный поэт, в некоторых отношениях напоминающий провансальца Мистрала, запоздалый романтик, Вердагер, однако, настолько оригинален в выражении романтического образа и настолько силен в слове, что, при всей своей традиционности, воспринимался как нечто новое, и потому он оставил глубокий след в развитии родной литературы и языка, где ему отводится обычно одно из первых мест.³

¹ M. de Montoliu, ук. соч., I, 214—215.

² O. Saltor, ук. соч., 32. В наличии политического момента — одна из характерных особенностей каталанских *Jochs*, отличающих их от провансальского фелибриза, возникшего почти одновременно. О *Jochs* см. M. de Montoliu, ук. соч., 209—268. См. также J. Amade. *Origines et premières manifestations de la Renaissance littéraire en Catalogne*, Париж, 1924. Старые работы: R. Cambouliu. *Hist. de la litt. catal.*, 1858; Tourtoulon. *Renaissance de la litt. catal. et de la litt. prov.* Тулуза, 1868; Fr. M. Tubino. *Hist. del Renacimiento literario contemporáneo en Cataluña, Baleares y Valencia*. Мадрид, 1880.

³ Foulché-Delbosc. *Bibliographie de Verdager*. Наиболее новым французским переводом „Атлантиды“ является перевод Justí Pepratx (Монпелье, 1900), более старым — перевод Albert Savine (Париж, 1883—1884). — „Канигó“ переведен P. Blazy (Аррас — Париж, 1908). — Немецкий перевод „Атлантиды“ сделан Кларой Коммер (нов. изд. Фрейбург в Бр., 1911). Большую главу посвящает Вердагеру Монтолиу (ук. соч., 331—415).

На пороге XX в. стоит Жоан Марагаль (1860—1911), поэт и критик, под влиянием которого складывалась в значительной мере новейшая литература Каталонии и, прежде всего, лирика, в области которой Марагаль является одним из признанных мастеров. Но влияние его не исчерпывается областью поэзии. Оно ощущалось длительно во всей каталанской культурной жизни; в особенности сильно сказывалось оно на молодежи. Марагаль являлся прежде всего воспитателем передовой каталанской буржуазии, но его знают и за пределами этого класса.

Перелом, происшедший на рубеже XX ст., коренится в реакции против предыдущего века. Новейшее время стремится преодолеть прежнюю узость и замкнутость каталанизма в литературе и жизни. Век развертывающейся промышленности старается отделаться от руранизма писателей предыдущей эпохи и выйти на более широкий путь интереса к городу и всего того, что связано с ним как средоточием современной культуры, социальных движений и новых идей. Не переставая оставаться каталанской, новейшая литература стремится в то же время отделаться от провинциализма прежнего времени, быть более космополитичной. Она европеизуется; современный каталанский писатель отлично осведомлен о работе своих заpireнских собратьев. Он овладевает в полной мере писательской техникой. Он не отдает уже более предпочтения стиху, а широко культивирует художественную прозу, драму и другие литературные жанры. Наряду с Барселоной оживает литературная деятельность и других областей, Валенсии, Майорки.

Мы не будем останавливаться на современной поре подробнее, так как в задачу нашу не входит изображение литературного движения в стране. Мы коснулись литературы постольку, поскольку это нам было важно для истории каталанского языка, его литературной трактовки в XIX и XX вв.

Дополним сказанное указанием на расширение рамок каталанской прозы.

Каталанские научные деятели пользовались в своих работах долгое время испанским языком.¹ Даже те, кто были связаны с каталанским движением, писали по-испански. Таков, напр., Ф. Торрес Ама́т, автор критического словаря каталанских писателей,² работы, которая не только сослужила большую службу специалистам, но сыграла и видную роль в истории восстановления литературной традиции в Каталонии. В том же 1836 г. появилась работа известного архивиста и историка Проспера де Бофаруль (1777—1859) „Los condes de Barcelona vindicados“, являющаяся первым опытом критической истории Каталонии. В 1839 г. П. Лаберниа и Эстельер выпустил свой большой „Diccionario catalán y castellano“, словарь, которым пользуется и сейчас каждый работающий над каталанскими текстами. По-испански пишут: Милá и Фонтанальс, человек необычайно широких интересов, поэт и фольклорист, критик, историк литературы и филолог, перенесший на каталанскую почву идеи Ренуара и Дида и давший ряд ценнейших работ по истории средневековой каталанской литературы, с которыми приходится считаться доныне;³ Т. Агилó и Фустер, поэт и библиограф, занявшийся изданием памятников каталанской письменности;⁴ Вíктор Балагéр (1824—1901), писатель,

¹ См. упомянутых выше писателей, историков, библиографов и критиков XVIII в.

² F. Torres Amat. *Memorias para ayudar á formar un diccionario crítico de los escritores catalanes y dar alguna idea de la antigua y moderna literatura de Cataluña*. Барселона, 1836. В этом труде даются сведения о 2000 каталанских писателей различных эпох. Торрес Ама́т род. в 1772 г., ум. в 1847 г.

³ Особенно важны его работы „De los trovadores en España“ (Барселона, 1861) и „Romancero catalán“ (Барселона, 1853).

⁴ „Catálogo de obras en lengua catalana impresas desde 1474“.

драматург, историк и историк литературы.¹ Так как Каталонию стали изучать прежде всего со стороны исторической, лингвистической и историко-литературной, то каталанский проник в область соответствующих научных дисциплин ранее, нежели в область других.² Расширению его применения в научных работах не мало способствовало преследование его старым испанским правительством. Когда оно закрыло ему доступ в высшую школу, то в Барселоне образовался свободный университет, *Estudis universitaris catalans*, где преподавание велось по-каталански и где имелись отделения не только исторических, но и физико-математических наук. Кроме того, в 1907 г. в Барселоне был основан институт научно-исследовательского типа, *Institut d'estudis catalans*, объединивший значительные научные силы, на работы которых нам неоднократно приходилось ссылаться. Труды института издавались естественно на каталанском языке. Каталонский университет сосредоточился главным образом на изучении истории, филологии и естественных наук. Географией, историей и фольклором Каталонии занимается, кроме того, Барселонский *Centre excursionista*, выпустивший также ряд изданий на каталанском языке.

Одновременно каталанский стал проникать и в журнал, и в газету. Старые журналы, как литературного, так и общего характера, хотя бы связанные с каталанским движением, выходили на испанском языке. Таков был в 20-х годах XIX в. „*El Europeo*“, пропагандировавший в Испании идеи романтизма и много сделавший для европеизации страны. Сменивший его в 1833 г., связанный с ним идейно и отчасти составом сотрудников „*El Vapor*“ редактировался также на испанском языке. Испанским пользовались и такие литературные журналы, как „*El Guardia nacional*“, „*El Constitucional*“, „*El Trovador*“ и отстаивавший романтические позиции „*El Heraldo*“. На испанском языке выходили и „*La Civilización*“, „*La Religión*“ и „*La Sociedad*“. До начала империалистической войны 1914—1918 гг. в Барселоне издавались две большие газеты на каталанском языке: „*Veu de Catalunya*“ („Голос Каталонии“) и „*Poble català*“ („Каталанский народ“), кроме того несколько газет в провинции. На том же языке издавался, наконец, ряд популярно-научных и иллюстрированных журналов, как „*Il·lustració catalana*“, „*Empori*“. Со времени принятия каталанского статута каталанская пресса, как ежедневная, так и повременная, значительно выросла количественно, и не только в одной Барселоне.

9

Как мы уже говорили, при всем внимании к каталанскому прошлому и стремлении поднять каталанскую культуру, каталанский язык в период раннего романтизма рассматривался большинством как язык, пригодный, главным образом, для живого обихода. Пау Пиферрер (1818—1848), один из наиболее талантливых каталанских романтиков, писал по-кастильски, и так поступали все представители школы, к которой он принадлежал. Милá и Фонтанальс допускал каталанский разве еще в поэзии. Но уже Пиферреру грядущее торжество каталанского представлялось неизбежным, и в конечном счете Милá стал также на сторону родного языка. Было совершенно ясно, что чужой язык, как бы хорошо ни владели им каталанцы (а неполнота или, может быть, лучше — своеобразное владение им каталанцами неоднократно отмечались испанцами), неспособен быть безусловно адекватным выражением национальной мысли

¹ Среди многочисленных его работ отмечу: *Historia de Cataluña y de la corona de Aragón*, 1860 сл.; *Historia de los trovadores*, 1874; *Los trovadors moderns*, 1859.

² „*Revista de bibliografía catalana*“, изд. J. Massó Torrents.

и психики. Рубио и Орс решительно порвал, поэтому, с кастильской традицией и обратился к каталанскому. Этот шаг, к которому как будто должна была подготовить „Ода“ Арибау и аналогичный почин валенсийцев и майорканцев, показался, однако, революционным и ошеломляющим. Но к новшеству довольно скоро привыкли.

Успеху способствовал немало самый характер языка Рубио. Это язык его современников, проникнутый в значительной мере кастильским влиянием, и, следовательно, не вполне чистый. Но именно эта особенность делала его близким, живым и обеспечивала написанному на нем популярность. А на данный день это являлось основным. Задаваться в ту пору задачами пуристического характера или чрезмерно увлекаться архаикой значило итти мимо цели. Таким образом, в известных недочетах, известной слабости Рубио была его сила.

Но чем ближе знакомились каталанцы со своим языком, чем больше литературная практика заставляла думать над вопросами языка, тем яснее становилось, что он обладает своими особенностями, для использования которых необходимо обратиться к своему же прошлому, поскольку в настоящем традиция была в значительной мере искажена. К эпохе *Jochs* вопрос об образце приобрел большую остроту.

Все возможные его решения к этой поре уже наметились. Одни искали опоры в старом, классическом каталанском; это — архаисты. Другие видели ее в позднем каталанском, начиная с эпохи Висента Гарсиа, и до современности (*català que ara es parla*), это так называемые вальфогонисты.¹ Третьи, наконец, занимали промежуточную позицию. Вальфогонисты, возглавлявшиеся Фредериком Солер и отстаивавшие упадочную норму, скоро потеряли кредит. Архаисты пользовались, наоборот, большим влиянием, и на состязаниях к голосу их внимательно прислушивались. Но среди них были люди разных типов. Одни увлекались стариной до того, что начинали рабски копировать ее, воспроизводя язык и стиль того или иного писателя, который представлялся им наиболее достойным подражания. Они писали недоступно для широких кругов читателей, неинтересно для современности и, естественно, не могли содействовать утверждению в стране литературы на родном языке. Эрудиция убивала в них творческую инициативу, ученый — писателя. Таков был, напр., майорканец Жерони Россельо, страстный поклонник своего средневекового земляка, Рамона Лулля (1235—1314), крупнейшего алхимика своего времени, своеобразного философа-полумистика и оригинального писателя-символиста и аллегориста.

Архаистом совершенно иного типа является Мариан Агилó (1825—1897). Майорканец, как и Россельо, Агилó был, однако, не только ученым, но и человеком, наделенным поэтическим чутьем. К языку прошлого он относился не только как романтик, влюбленный в старину, но и как писатель, стремящийся воспитать в себе на основе прошлого чувство языка, полуутраченное в результате длительного перерыва в нормальном пользовании им. Два источника, казалось Агилó, могли бы помочь делу. Во-первых, народная поэзия. С этой целью Агилó проделал огромную работу, исколесив всю страну вплоть до самых глухих ее углов с целью собрать еще продолжающий жить фольклорный материал. В результате Агилó оказался обладателем грандиозной коллекции всевозможных записей, которая остается до сих пор неизданной, за исключением опубликованного им самим еще при жизни „*Romancer popular de la terra catalana*“. Продолжением этой работы является огромный лексикологический инвентарь, который Агилó составил на основании своего фольклористи-

¹ В. Гарсиа был ректором в Вальфогоне.

ческого собрания, дополнив этот инвентарь словарными выписками из старых памятников.¹ Параллельно этой филологической работе им было принято составление каталанской библиографии, которая должна была явиться продолжением труда Торреса Амаат и к которой примыкает издание ряда памятников старо-каталанской письменности. Долгое и систематическое общение Агилó с языком старой и народной литературы сделало его лучшим знатоком каталанского и наиболее крупным в свое время авторитетом в своей области. Практически же это помогло ему стать первым писателем, который начал писать на настоящем беспримесном каталанском языке и который открыл своим современникам доступ к подлинному языку. Огромные филологические познания не превратили его в археолога и искателя всякой экзотики; тонкое чувство языка, природный языковой такт позволили ему разрешить для своего времени проблему каталанского литературного языка и поставить архаику на службу современности.

Третьим путем пошел Антони де Бофаруль. И Бофаруля не удовлетворял современный ему каталанский литературный язык. Большие надежды возлагал он на *Jochs*. По его словам „фиксация языка является самой насущной из работ, которые необходимо произвести, чтобы идея Возрождения была совершенной“. Он находил весьма печальным тот факт, что „за пять лет своего существования [*Jochs*] не сумели разрешить основной задачи, которая имела в виду при их основании, так как на страницах томов ее изданий царит величайшая анархия, как в отношении письма поэтов или мантенедоров вообще, так и в отношении манеры пользоваться и обращаться с языком отдельных писателей“.² Анархия эта, по мнению Бофаруля, объясняется тем, что каталанский потерял свое политическое и литературное значение до того момента, когда большинство языков стало грамматически фиксироваться. Отсюда разброд у писателей, которые могли бы стать классиками, полная неустойчивость у авторов более поздней эпохи и, в конечном итоге, — непримиримые противоречия среди грамматических законодателей новейшей поры.³ Бофаруль ориентировался на время между XV в. и Висентом Гарсиа. Практически же он опирался в своих грамматических положениях на грамматику Жозеп Пау Бальота, ставившего себе задачу не только защиты каталанского, но и его сублимации („*exaltar la llengua catalana y elevarla al més alt grau de perfecció*“).⁴ Бофаруль верил в возможность разрешить все сомнения и несогласия в языке путем грамматики, грамматики, которая фиксирует правила на основе исторического изучения языка. Бофаруль не учитывал вовсе творческого почина и влияния его на норму, в особенности значительного в пору, когда в языке шли опыты и искания. Не обладая талантом подлинного мастера слова, Бофаруль при всей своей критике архаизма не смог, поэтому, добиться результатов, и такие люди, как Агилó, оказались, естественно, более удачливыми и гораздо сильнее влияли на образование каталанского литературного языка новейшего времени.

Но и у Агилó были свои слабые стороны. Он вполне правильно решил, что в построении литературного языка следует опираться на классическую традицию и на живой язык народа. Но и в том и в дру-

¹ Богатейший инвентарь Агилó, которым долгое время пользовались каталанские писатели его времени, теперь понемногу издается в свет Институтом каталанских исследований (*Institut d'estudis catalans*).

² A. Bofarull. *Estudios, sistema gramatical y crestomatía de la lengua catalana*. Барселона, 1864, 61.

³ Там же, 62.

⁴ J. P. Ballot. *Gramática y apología de la llengua cathalana*. 1814.

гом отношении он делал ошибки, которые помешали ему выйти на правильный путь. Ища опоры у классиков до XV в., он впадал иногда в архаизм, совершенно излишний; он не всегда достаточно остро чувствовал грань между нужным и лишним. Чрезмерное увлечение прошлым заставляло его иногда терять чувство современности и буква начинала у него торжествовать над смыслом. В отношении народного языка он, будучи майорканцем, отдавал иногда невольное предпочтение своему родному наречию и тем самым ограничивал доступность своего языка. Таким образом Агилó не удалось разрешить задачу до конца, т. е. добиться создания языка общепонятного, цельного, насквозь каталанского и раскрытия всех таящихся в нем возможностей. Агилó не был для этого подлинным поэтом и принадлежал слишком узкой каталанской среде. Талант уступал в нем место знанию, образованию и филологической интуиции.

Все же путь был намечен и частью даже сделан проходимым. Но конечной его точки достигает впервые только Джасинте Вердагёр. Вердагёр обладал обширнейшими познаниями в области каталанского; он основательнейшим образом изучил лингвистические и фольклорные материалы, собранные Агилó. Но он был в то же время выходцем из народа, крестьянином-бедняком по происхождению из селения Фольгаролес в Ла Плана де Вик, следовательно каталанцем из Каталонии, для которого каталанский был привычным орудием общения с людьми, и перед которым были открыты все мельчайшие извилины и тончайшие особенности этого языка. И кроме всего этого Вердагёр был настоящим поэтом, который мог поднять свой язык на известную высоту, „иллюстрировать“ его так, как это не удавалось ни Агилó, ни его предшественникам, вскрыть его внутренние ресурсы.

С Вердагёром мы выходим на торную дорогу. Он доводит нас до конца XIX в. От него линия развития литературного языка идет к последнему романтику Джоану Марагаль (1860—1911), Джозепу Карнер (род. 1884) и к современным нам Джозепу Марии Лóпес-Пикó (род. 1886), Сагарре (род. 1894) и т. д. Впрочем, каталанская проза опаздывала; ей приходилось довольно долго уступать первое место кастильскому, так как признание каталанской культуры вообще требовало времени. Иное дело поэзия: она была забавой, развлечением и, следовательно, не требовала такой борьбы. С расширением программы, явившимся следствием культурного роста Каталонии, увеличением размаха ее экономической и политической жизни, превращением ее из испанской провинции в осознавшую себя как национальную единицу часть Испании, — условия жизни языка изменились и вопрос о прозе, сперва художественной, а затем и всякой вообще стал сам собой на очередь. Пути для практического разрешения этого вопроса были уже подготовлены поэзией, а потому оно не заставило себя долго ждать. Каталанская литература получила романистов в лице Анжель Гимерá и Нарсиса Ольера, с которым литературно связан Сагарра и все современные романисты вплоть до наиболее европейского из них, Микеля Льор.¹ Литературная критика представлена Марагальем и нашими современниками Монтолиу, Дж. Фольгерой, Карлом Рибá, Дж. Фарраном и Майоралем. Проза каталанской драмы является целиком созданием современной каталанской литературы. Театр Каталонии имеет за собой уже некоторую историю. Основоположником его можно считать А. Гимерá, из которого исходят все последующие драматурги-каталанцы. Но до сих пор достигнутые на этом

¹ M. Serrahima. La novella en el Renaixement de Catalunya. Изд. La Revista, Барселона, 1928.

поприще результаты не привели к решительным победам.¹ В Институте каталанистических исследований группируется ряд представителей современной научной прозы, археологи, историки, филологи, музыковеды и т. д., работающие в его секциях. Имена Боск и Джимпера, М. де Монтолиу, Помпеу Фабра, Антони Гриера и Гайя,² Джауме Массо Торрентс, Педреля и др. получили известность далеко за пределами родины, и результатами работ многих из них нам неоднократно приходилось пользоваться в настоящих наших очерках.³

10

Обращаясь к тому, что называется внутренней историей языка, мы ограничимся лишь краткими замечаниями, и не потому, что в нашу задачу не входит детальное изображение ее, а потому, что наличные работы не позволяют сделать это сколько-нибудь обстоятельно. Лучшее всего изучен средневековый период. Грамматики нового каталанского носят описательный характер, и, таким образом, новое время еще подлежит обследованию в исторической перспективе.⁴

Не вполне ясно происхождение конечного атонного *o* в м. е. в ряде случаев. В некоторых словах допустимо влияние кастильского, воздействовавшего на каталанский словарь. Но не забудем, что это *o* встречается уже в старо-каталанском и в таких словах, которые трудно относить за счет кастильского. Гриера дает, напр., *homo* рядом с *home*, *onclo* — *oncle*, *ferro*, *sero* 'олень', *porxo* — *porxe* 'вестибюль', *monjo* — *monje* 'монах', *morbo* и *morbe*.⁵ Морель-Фасьо напоминает даже о *quatro* рядом с *quatre*, *rottlo* — *rottle* 'сверток'.⁶ Возможно, что в отдельных случаях мы имеем дело с остатком старого *o*, которое было затем поддержано, с одной стороны, семантикой: *sero*, *onclo*, *homo*, с другой — сохранилось как не вполне отчетливое *o*.

Конечное латинское -г, сохраняющееся обычно в односложных словах, как *cor* 'сердце', *dur* 'твердый', *or* 'золото', *por* 'боязнь' и т. п., исчезает в XV в. в окситонах и окончании инфинитива: *rectó* = *rector*, *abaureó* — *abeuredor* 'водопой', *pagá* 'платить', *partí* 'уезжать' и т. д.

Как известно, палатализация начального *l*- является характернейшей и старой особенностью каталанского. Начиная с половины XIV в. *ll*- проводится последовательно: *lladre* 'грабитель', *llenya* 'дрова', *lloch* 'место', *lliura* 'фунт' и др.

¹ F. Curet. El arte dramático en el resurgir de Cataluña. Изд. Editorial Minerva, Барселона, 1918.

² О каталанском литературном языке см. у Pompeu Fabra. El català literari в „Antologia“, т. 7, изд. Editorial Barcino, Барселона.

³ Гриера принадлежит, между прочим, редакция обширного „Tresor de la llengua catalana“, выходящего с 1935 г.

⁴ Материалы для истории каталанского у Морель-Фасьо и Саройанди (Grundriss Гребера), у Мейера-Любке (Das Katalanische) и P. Fouché (Essai de grammaire historique catalane. Париж, 1918). Старо-каталанскому посвящена „Gramàtica històrica del català antic“ Греры. Для ново-каталанского см. Pompeu Fabra. Gramàtica catalana. 3-е изд., Барселона, 1922. — R. Foulché-Delbos. Abrégé de gramm. catal., Барселона, 1902. — Emili Vallès. Lliçons de gram. catal. Барселона 1915. — J. Huber. Katalanische Grammatik. Гейдельберг, 1929. Практическим учебником является и книга W. Irving Crowley „A modern catalan grammar“ (New York, G. E. Stechert Co, 1936). Для фонетики см. B. Schädel. Manual de fonetica catalana, Coethen, 1908. — P. Barnils. Problemes de fonètica històrica del català в Bull. de dialectolog. catal., VIII; его же. Appuntaments de probl. de fonèt. hist. del català, там же, IX. — P. Rokseth. La diphtongaison en catalan в Romania, XLVII. — B. Schädel. Untersuchungen z. katal. Lautentwicklung. 1904.

⁵ Gram. hist., 52.

⁶ Grundriss Гребера, I², 853.

Конечное *-n* сохраняется до XIII в.: *pan* 'хлеб', *son* 'звук', *Rossey-lon* когда параллельно появляются формы и без него: *carbó* 'уголь', *camí* 'дорога', *Castelló* и т. п., постепенно начинающие преобладать. В форме мн. ч. *-n*, однако, появляется перед конечным *-s*: *pa*, но *pans*, *ma*, но *mans*, *bo*, но *bons nació*, но *nacions* и т. д. Конечное *-n* сохранилось до нашего времени в неопред. местоим., если они стоят в проклизе: *un any*, *un libre*, *cascun any*, *alcun be*; ¹ попадая же под ударение, они теряют *-n*: *no vaja negú ab mi* ² и т. д.

Повидимому, давним является приставное *-t* после конечного *-r* или атонного *-i*, которое свойственно современному народному языку. Ни того, ни другого каталанский не терпит, и они отпадают. Прида́ток *-t* прикрывает их. Так, вместо *gení* мы имеем *genit*, *collegi* — *collegit* и вместо *car* — *cart*, *pur* — *purt*, *segur* — *segurt* и т. п. ³

Группа *bl-* в начале слова, повидимому, превращалась в *-by-* в Рива-горсе уже в долитературном каталанском. Так, в „*Acte de consagr. de la Seu d'Urgell*“ (839) мы встречаем форму *Villarrubea* = нын. *Villarrulla*. Современное *-bl-* есть результат восстановления старой формы.

Группа *-ts* сохранялась до половины XIV в.: *sapiatz*; с этой поры она развивается в *-u*. Под 1400 г. мы находим: *siats avisats eus gardeu*; под 1450 г. — *hoiats*. ⁴ Обобщение *-u* является процессом довольно поздним. В говорах Граус, Перальта де ла Саль, Фонц и др. еще сохраняются формы *cantaz*, *portaz* и повелит. *vet-aquí*, как в Бенаске — формы на *-ats*, *-ets*. С этим переходом связаны и с *+e*, *i < u*: *veu < vose*, *Beatriu < Beatrice*, *feu < fecit* и др.

В группе *-ets*, стоящей в конце слова, *t* стало выпадать уже в XIII в.: *corts > cors*, *certs > cers*, *borts > bors* и т. п.

Обращаясь к морфологии, напомним, что *ipse* в роли опред. члена живет еще в XII в.: *es, sa*. В документах делового характера мы встречаем его еще в XII в., так как язык их здесь, как и всюду, отличается консерватизмом. ⁵ В XIV в. *ipse* исчезает; ⁶ место его занимает *lo* (*l*), *la los* (*ls*), *las* (*les*), появляющиеся уже с XII в. В Барселоне, Валенсии и других местностях *lo* вытесняется теперь *el*, в старых текстах встречающимся редко.

Множественное число образуется в существительных и прилагательных обычно при помощи *-s*: *pae* — *pares*, *blanch* — *blanchs*, *cap* — *caps*; имена, оканчивающиеся на гласную *+s* или согласную *+s*, принимали сперва *-es*: *us* — *uses*; *bras* — *brases*; *fals* — *falses*. Так и до сих пор в говоре Пальярс, где конечное *-a* и *-e* не смешиваются. Но там, где это смешение произошло, где *-as > -es*, т. е. ж. и м. р. во мн. ч. не различаются, *-es* стали заменять *-os*: *mes* — *mesos*, *convers* — *conversos*, *reix* 'рыба' — *reixos*, *roig* 'красный' — *rotjos* и т. п. Можно было бы говорить о влиянии кастильского. Но любопытно, что такие удаленные от Кастилии области, как Андорра и Руссильон, не знают форм на *-es*. Это *-os* может быть, следовательно, каталанского происхождения, пережитком старого *-os*, которое удержалось рядом с *-es*, а затем было поддержано потребностью отличать мужеский род от женского. В других случаях *-os* просто чередовалось с *-es*, так как оба эти окончания про-

¹ Griera. Gram., 110.

² „Cron. d'En Jaume“, 98.

³ Последнее в Перпиньяне, где, между прочим, *muissurt* = франц. *monsieur*. См. Grundriss Гребера, I², 867.

⁴ Примеры у Гриера (ук. соч., 68).

⁵ Так: *so d'En*... — 'имение такого-то лица'.

⁶ Сейчас оно встречается только на сев.-восточном побережье Каталонии и на Майорке.

износились редуцированно, а затем возобладало либо одно, либо другое. — Следы латинского склонения не сохранились. Каталанский знает единую форму, каковой является форма косв. пад. Однако под влиянием провансальского в литературном языке водворяется система двух падежей. Не связанная со строем каталанского, она становится предметом чисто формального использования. В текстах наблюдается, поэтому, большая путаница в употреблении форм, проходящая через XIII и XIV вв. На двух падежах настаивают по соображениям литературных выгод, так как какое-нибудь *tuit*, употребляемое и как прямой и как косвенный падеж, давало меньшие удобства для рифмы. С XV в. в литературном языке прочно укрепляется единая форма, и именно форма косвенного падежа.

Форма *Vusté*, воспроизводящая кастильское *Usted* = *Vuestra merced* 'ваша милость', и обращение в 3-м л. являются калькой кастильского оборота, широко распространившегося, однако не исключившего обращения во 2-м л. мн. ч. „Многие каталанцы, — говорит Морель-Фасбó, — пишущие по-кастильски, прибегают ко 2 л. мн. ч. вм. 3 л. ед. ч.“¹

Формы местоимения 1 и 2 л. мн. ч. *nosaltres*, *vosaltres*, вм. старых *nos*, *vos* — относительно недавнего происхождения. Мы встречаем их, правда, в Сардинии, но возможно, что они занесены на остров только в позднее время.

Притяжат. местоим. 3 л. *llur*, *llures* употребляется в новом языке только в случае более приподнятого стиля и воспринимается как книжная форма. В разговорном языке пользуются обычно *son*, *sa*, *sos*, *ses*.² Относит. местоим. *qui* употреблялось в ст.-каталанском как подлежащее м. р.: *no han pastor quilts mostre les pastures*;³ *que* — когда подлежащее ж. р., или для косв. пад.: *sa germana que era muyller del comte* или *la bellesa de que la loes*.⁴ В ново-каталанском *qui* употребляется с предлогом только в отношении лиц: *l'home de qui parlo*; *que* — для лиц и предметов в прям. и косв. пад.: *l'home que parla*, *l'home que Vosté va trobar*; с предлогом — только в отношении предметов: *el llibre de que parlaves* или *el fi a què tendiu*.

Инфинитивы на *-re* получили в XV в. *-r* в конце, так как это выравнивало их с господствующим типом: *-ar*, *-er*, *-ir*; так *coneixre* превратилось в *coneixer*, *creure* — в *creurer*, *naixre* — в *naixer*, номинальная *cantar*, *haber* или *partir*. Это новое *-r* оказалось устойчивее обычного конечного *-r*, которое отпадало. Но Милá утверждает, что в Барселоне его не произносят.⁵ Отметим еще характерные для ново-каталанского инфинитивы, образуемые от основы перфекта: *agher* вм. *aver*, *haber* по *ach* или *vulgher* вм. *vuler* по *volch* и т. п.⁶ Слабый перфект в ст.-каталанском имел следующие формы: 1. *doné* (или *doní*), 2. *doníst* (или *donest*), 3. *donà*,⁷ 4. *donám*, 5. *donás*, 6. *donáren*; аналогично в других спряжениях. В ср.-каталанском и в современную эпоху мы имеем: 1. *doní*, 2. *donáres*, 3. *donà*, 4. *donárem*, 5. *donáreu*, 6. *donáren*; аналогично и в других спряжениях. Формы, отклоняющиеся от старых, существовали уже, по свидетельству Бальот и Торрес, в самом начале XIX в. Они восходят, вероятно, к старому плюсквамперфекту, некогда заменяв-

¹ Grundriss Гребера, I², 869.

² В старом языке обычно: *e pregaren lo quo les lurs esposas* (Гр и е р а, ук. соч., 107)

³ Там же, 107.

⁴ Там же.

⁵ Grundriss Гребера, I², 870.

⁶ Там же, 871.

⁷ Форма 3 — *donet* — является провансализмом.

шему перфект,¹ но игравшему, главным образом, роль условного,² ныне же уцелевшему только в виде пережитков (*fora, fores, fora, fórem, foreu, foren*). — В современном каталанском латинский перфект живет только в книге. На ряду с ним уже в XIV в. развилась оригинальная описательная форма для выражения действия того же качества (т. е. действия исторического); она состоит из настоящего времени глагола *apar* 'итти' и инфинитива данного глагола: *van nos metre, van respondre, van dir* в м. *respongueren* и *digueren*.³ В XV в. мы встречаем тождественные обороты: *El rey en Jacme los va donar leys... els Moren varen rebellar*.⁴

Синтаксис представляет собой крайне интересную, но, к сожалению, исторически еще мало разработанную область. И здесь, конечно, приходится считаться с кастильским влиянием, но когда и насколько, — сказать трудно. Аналогии имеются и в старую и в новую пору. Так останавливает на себе внимание употребление предлога *a* перед прямым дополнением: *e apres lo mestre abraça a Phelip*, читаем мы в „*Tirant lo Blanch*“ (1460). В современном языке обычны такие обороты, как: *m'ho ha dit a mi* или: *tracten d'enganyarnos a nosaltres* и т. п.⁵

Что касается каталанского словаря, то о доримских его элементах мы уже имели случай говорить выше по другому поводу. Большой интерес представляют в этом отношении Валенсия и Балеары. Но соответствующий материал еще не подвергался надлежащей обработке, начиная с топонимики, которая может дать очень много ценного. О вестготских элементах на полуострове мы уже говорили.

Германские словарные элементы проникали в каталанские области полуострова и позднее, в эпоху Испанской марки, провансальского и французского влияния, т. е. из вторых рук. К этому более позднему слою относятся собственные имена в роде: *Audegarius* (957), *Odger* (1045), *Leodegarius* (964), *Eldemarus* (983), *Oldemar* (1033), *Fulco* (1031), *Heribertus* (992),⁶ или нарицательные, как, напр: *gamfanó* 'боевое знамя', (франк. *gundfano*), *ric* (не только 'богатый' но имеющий хорошую поддержку, окружение, откуда также 'благородный'), *orgull* (франк. *orgôli*) 'гордость', *onta* 'стыд' (франк. *haunipa*), *bausá*, — *na* 'предательский', *bala* 'шар, мяч' (франк. *bala*), *jardi* 'сад' (франк. *gardo*) и т. п. Это в большинстве своем франкские слова. Но рядом с ними стоят и такие, оригинал которых в точности мы установить не в состоянии, как, напр.: *ric*, *bausá* (герм. *bausi*). Мы привели их здесь потому, что они проникли и в каталанский через Галлию. Другая трудность при рассмотрении подобных слов — определение их романского источника: провансальский он или

¹ См. примеры у Гриера (ук. соч., 115).

² Судя по данным у Гриера, это условное стало вымирать довольно рано: 1. *trobara*, 2. *donares*, 6. *balaren*, Его вытеснил аналитический тип: инфинитив + имперфект от *haber*: *miraria, seria*, в начале воспринимавшийся как сложный, откуда *fugir hia, darlos hies* и т. п. (Grundriss Гребера, I², 872).

³ Примеры эти взяты из „Хроники“ Педро IV, цит. в Grundriss Гребера, I², 871.

⁴ Там же.

⁵ Для синтаксиса см. A. P a r. *Sintaxi catalana* (на основе прозы Бернарта Медже, кон. XIV — нач. XV в.), Halle, 1923. — Он же. Curial e Guelfa. Notes linguistiques. Барселона, 1928 („Curial e Guelfa“ — авантюрный роман серед. XV в.). — P. F a b r a. *La coordinació i subordinació en els documents de la cancelleria catalana durant el segle XIV*. Барселона, 1926. — E. L. L l o r e n s. *La negacion en espanol antiguo con referencias a otros idiomas*. Мадрид, 1929. — L. S p i t z e r. Syntaktische Notizen z. Katalanischen в *Revue de la dialectologie romane*, VI, 81—138. — O. K l e p s e r. Beiträge z. Synt. altkatal. Konjunktionen в „Bull. de dialectolog. catal.“, XVIII.

⁶ Список собственных имен см. у Гриера (Gram. hist., 30—31); он составлен на основании J. Balari y Jovany (*Origenes históricos de Cataluna*, 1899) и P. Aebischer (*Onomastique catalane*, 1928).

французский? В ряде случаев ответ возможен. Так *gamfanó* каталанский заимствовал из провансальского, где мы имеем *gɔnfanó* и *gɔnfairó*, формы, которым в каталанском отвечает такая же пара: цитированное *gamfanó* || *gonaró*. К *orgull* имеется прованс. параллель *orguelh*; *bausa* близок к прованс. *bausa* (франц. *boise*). Относительно *ban* 'объявление, вызов', 'штраф' можно колебаться, так как французские и провансальские формы тождественны; то же самое возможно и в отношении *onta*: ср. пров. *onta*, франц. *honte*, ст.-исп. *fonta*, или *jardi*, франц. *jardin*, пров. *jardi*. Термин *bala* может вызвать вопрос, не заимствован ли он из испанского, где мы имеем то же *bala*, что и в провансальском и во французском. Во избежание ошибки необходимо прибегать к комбинации критериев или рассматривать слово на фоне той семантической, а следовательно, и бытовой группы фактов, с которой оно связано. Так, *ric* тесно связано, конечно, с феодально-рыцарской терминологией, которую в значительной мере сообщила южная Франция. Или, напр., термины, относящиеся к одежде. Франкский дал их галльской латыни целый ряд; из Галлии они проникли на Пиренейский п-ов. Это могло произойти и в очень раннюю пору, как на то указывает дифтонгизация в герм. **hōsa*: ст.-фр. *huese*, ст.-исп. *huesa* и рядом пров., кат. *oza* и ст.-порт. *osa*, где дифтонг отсутствует нормально. К той же категории мы отнесем **rauba* 'добыча', 'платье', франц. *robe* 'добыча', 'товар', 'платье', пров. *rauba* 'добыча', кат. *roba* 'материя', 'платок', 'товар',¹ исп. *ropa* 'домашняя утварь', 'одежда', 'белье', порт. *roupa* 'части одежды', 'белье'; **kotta* (грубая шерстяная ткань), франц. *cotte*, пров. *cota*, кат. *cota*; **hrokk* 'куртка', франц. уменьшит. *rochet*, откуда исп. *roquete*; кат. *roquet* — испанское заимствование.² Отмечу в заключение такой распространенный термин, как кат. *companyo* (ст.-франц. *compain*, *companion*, пров. *companh*, *companho*, исп. *compañ*, порт. *companhão*), восходящий к **companio*, составленное по образцу германского *gahlaiba*. — Германские заимствования позднего слоя, проникшие, главным образом, через Францию или Прованс, представляют собой по преимуществу термины войны или рыцарства.

Арабский элемент представлен в каталанском прежде всего топонимикой, особенно в областях Таррагоны, Лэриды, Тортосы, Валенсии и Майорки.³ Но в каталанском словаре имеется и немало арабских нарицательных имен. Большинство их относится к категории общепиренейских заимствований из арабского. Таковы слова вроде *aldea* 'деревня' (араб. *da'a*), *alcalde*, *almiraut* (араб. *amir* 'начальник'), *albudeca* 'арбуз' (араб. *biticha*), *albernús* 'бурнус' (араб. *bornos*), *aldissa* 'тростник' (араб. *dis*), *balaix* 'рубин' (собств., рубин из персидской области *Badakhšan*), *barragam* 'камлот' (араб. *barrakān*), *cafiz* (мера зерна) (араб. *qafiz*), *dársena* 'внутренняя гавань', *garbi* 'легкий юго-западный ветер' (араб. *garbi*), *llaüt* 'лютня', *marras* 'некогда, когда-то' (араб. *marra*), *moçarab*, *nusa* 'затылок' (араб. *nūhha*), *sofá* (араб. *suffa*), *xabega* 'сеть' (араб. *schabaka*) и др. Есть, наоборот, арабизмы, знакомые одному только каталанскому; они составляют в словаре его очень небольшую группу; сюда можно отнести, между прочим, *alfaya* 'драгоценность' *mondonguilla* 'потроха' (ср. исп. *albóndiga*, порт. *almondega* 'фрикадельки', араб. *bondoqa* 'шарик')

¹ Параллельная форма *rauba* — провансальское заимствование.

² E. Gamillscheg. *Historia linguistica de los Visigodos* в *Rev. de fil. esp.*, XIX, 1932, 144.

³ Большой топонимический материал собран в „*Nomenclator de les ciutats, viles i pobles de Catalunya*“ (1918) и у Sanchis Sivera (*Nomenclator de la diócesis Valentina*, 1922). Большой список дан у Гриера (Gram., 32) на основе этих двух работ. Здесь целый ряд местных названий типа *Albalat*, *Alcalá Almusafes*; сложных с *Ben-*, *Beni-* как *Benali*, *Benimamet*, с *Cata-* как *Catamarruch* и др.

и нек. др. В иных случаях арабизму придана в каталанском совершенно особая форма, или он живет в нем с особым значением. К первой группе терминов можно отнести *adrassana* 'арсенал'; *aljuvar* || *eixovar*, приданое, исп. *ajuar* || *ajovar*, порт. *enxoval*; *angelot* 'рыбий клей' (исп. *azarote*); араб. *badinjan* 'баклажан' (*solanum esculentum*) дало кат. *alberginera*, валенс., исп., порт. *berengena*, порт. *beringala*; араб. *karā'a* 'сосуд' отвечает кат. *cheraba* 'сосуд' (исп. *garrafa* прошло через итальянские уста); араб. *ḡarruba* 'сладкий рожок' превратилось в кат. *garrofa*, исп. *(al)garroba*, порт. *alfarroba* || *ferroba*; араб. *za'farān* 'шафран' дало кат. *safrá*, исп. *azafrán*, порт. *acafrão*; араб. *ṣurra* дало кат. *sarró* (пастушья или охотничья сумка), исп. *zurrón*, порт. *surrão*. Ко второй группе можно отнести: *alcaceria*, обозначающее в каталанском не только ряд лавок, но и товар; *barda* (араб. *bardā'a* 'подкладка под седло') обозначает в испанском и португальском 'упряжь', 'забор', 'загородку'; кат. *bardino* — 'прут, которым прикрывается мережа'. Исп. и порт. *matraca* 'трещетка' восходит к араб. *mitraqa* 'молоток'; кат. *matraca* обозначает обрядовую трещетку, употребляемую в страстную пятницу.

Некоторые арабские термины проникли в каталанский не непосредственно из первоисточника, а через испанский. Примером таких слов, заимствованных из вторых рук, может служить *garrafa* 'графин', взятое каталанским из испанского, ибо, как мы видели только что, араб. *karā'a* дало в каталанском *cheraba*, обозначающее, как и его арабский оригинал, 'сосуд'.

Наконец, ряда арабских терминов, известных испанскому и португальскому, каталанский не знает, либо потому, что он давно утратил их, либо потому, что никогда их и не знал. Таково, напр., очень распространенное в испанском слово *aldaba*, порт. *aldrava*, обозначающее засов и отвечающее араб. *dabla*.¹

Долгое и систематическое общение с южной Францией не могло, естественно, не отразиться на каталанском словаре. Каталанцы писали по-провансальски и много переводили с этого языка. Нет, поэтому, ничего удивительного, что провансализмы встречаются уже в самых ранних памятниках каталанской письменности. Изучая словарь рифм, составленный в 1371 г. Джауме Марком по предложению Петра IV Арагонского,² Гриера пришел к заключению, что в каталанский проникло большое количество лексических элементов из грамматики „Donatz proensals“. К этой группе слов относятся, напр.: *albir* 'мнение', *assays* 'опыт', *ausir* 'слышать', *aur* 'золото'; *bays* 'поделуй', *biays* 'косой', *claus* 'закрытый', *carreyra* 'мощенная дорога', *croch* 'крюк', *cosir* 'шить', *deslia* 'развязывать', *despareylla* 'разнимать', 'разразнивать', *enemiga* 'враг', *esmays* 'обессиление', *gays* 'веселый', *gar* 'похвальба', *gresal* 'граль', *isnels* 'живой', *jausir* 'радоваться', 'наслаждаться', *laus* 'хвала', *laur* 'лавр', *maravilla* 'чудо', 'удивление', *naus* 'корабль', *rauch* 'мало', *raus* 'положенный', *ricor* 'богатство', *rapciga* 'злоба', *sovinent* 'вспоминающий', *saur* 'рыжий', *tesaur* 'сокровище' и др. Среди провансализмов мы не находим таких обычных слов, как *coratge* 'сердце', 'настроение', *canonge* 'каноник', значительного количества существительных на *-aire*. К сожалению, влияние провансальского известно нам больше в области литературного языка; живая речь и диалекты пока еще не обследованы в этом отношении с доста-

¹ Гриера дает в своей грамматике довольно длинный список арабизмов в каталанском (32—33). К сожалению, автор не отмечает особенностей каталанских арабизмов и включает в свой список некоторые слова не-арабского происхождения, как напр. *sarja* 'саржа', *hatesa* 'гамак' и т. п.

² Жауме Марк. *Diccionari de rims* (изд. А. Гриерой в 1917 г.).

точной обстоятельностью, а между тем только учет этого материала позволил бы установить точнее меру влияния галло-романского соседа.

Очень мало изучено влияние французского, которое сказалось в особенности на современном языке.

Кастильские лексические элементы проникают в каталанский довольно рано. Монтолиу отметил целый ряд их в „Хронике Иакова I“.¹ Сюда относятся такие слова и выражения, как *aldea* 'деревня' (арабизм), *alí, alá, allí* 'там', *anadir, arena* 'песок', *arenal, así, baveca* 'дурак', 'вода', *calçada* 'обувание', *celosia, cerca* 'искание', *cercar* 'искать', *clamar* 'звать', *con* предлог „с“ (кат. *amb*), *conseguir, copa, decima, demandar, desia, el, ca, enserrar, escalera, esmenda, espantar, espedirse, fazenda, fonda*, 'гостиница', *galego, haver, jura* 'клятва', *lanç* 'копье', *levar, logar* 'место', *prets*, т. е. *prez, primeramente, querer* 'хотеть', *recenes, servici* 'служба', *sino, sobrino, soltar, sortes, tanda, totavia* 'все же', *volver* 'поворачивать', *a pesar de* 'вопреки', *en logar de* 'вместо'. Нами выписан здесь довольно длинный ряд кастильских слов и выражений; уже к XIV в. их накопилось немало. Начиная с XV ст. число их вырастает настолько, что было бы совершенно бесполезно давать примеры. Влияние кастильского в современном языке ощущается каждым, кому приходилось читать каталанские тексты. Традиция, созданная великими кастильскими писателями, не могла, конечно, не отозваться на жизни языка, порвавшего с традицией провансальской и не имевшего перед собой никакого близкого образца.² Кастилизмы отчасти изживаются; но процесс этот, несмотря на то что каталанский стал прочно на свои ноги, протекает очень медленно. Влияние кастильского в литературном языке Валенсии сказалось особенно сильно.

¹ В своей работе „Sobre la redacció de la Crónica d'En Jaume I“ (Estudis Romànics, II, 36 сл.).

² Я не говорю уже о влиянии терминов политических, правовых, т. е. относящихся к тем сторонам жизни, которые слишком долго и тесно связывали Каталонию с Кастильей.

ГАЛИСИЙСКИЙ И ПОРТУГАЛЬСКИЙ

1

Галисийский¹ является языком крайнего северо-западного угла полуострова, области, носящей название Галисии и примыкающей на юге к Португалии, на востоке — к Астурии и Леону, на севере же и западе упирающейся в океан.² Галисийский связан с той группой разновидностей пиренейско-романского, которую мы обозначаем термином „португальский“. Группа эта обособилась еще в средневековую эпоху и тогда же стала обозначаться особым термином. Слово *portugues* (пуртугеш) представляет собой синкопированное *portugalez*, происходящее от *Portus Cale*, названия в свое время значительнейшего порта на океане, ныне Оporto или, правильнее, Упорту. В средневековой латыни *portugalez* отвечает *portugalense*. Старо-испанскому также была знакома полная форма прилагательного: в „Сиде“ мы встречаем *portogales*³ и, наконец, эта же форма употреблялась во Франции в XVI в.: Монтань дает *portugalois*.⁴

То обстоятельство, что галисийский связан с португальской группой, является следствием целого ряда причин и условий, среди которых разветвлялась история западной части Пиренейского п-ова.

Галисия граничит на востоке с Астурией и Леоном. От Астурии она отделена рядом горных хребтов, входящих в Кантабрскую горную систему, но гораздо менее высоких, чем основной Кантабрский хребет, опоясывающий Астурию с юга, а главное имеющих ряд доступных горных проходов. Хребты эти тянутся с севера на юг; отроги их, образующие множество разветвлений, доходят до океана, в южном же напра-

¹ По-испански — гальего, по-португальски — галегу.

² Население Галисии равняется 2261 тыс. человек. Большая часть населения, а именно ок. 56%, сосредоточивается главным образом в приокеанских провинциях, Корунье и Понтеведра, и живет морем. Население внутренних провинций, Луго и Оренсе, занимается по преимуществу земледелием и скотоводством. Промышленность, несмотря на наличие больших природных ресурсов, развита до сих пор очень слабо. Крупных городов в Галисии нет; промышленный пролетариат составляет несколько более 3% всего населения. Господствует крестьянин, мелкий (карликовый) собственник, арендатор или батрак, находящийся в зависимости от помещика-феодала, наиболее крупными из которых являются кастильцы (см. „Испания в цифрах“, 23—24, 46, 48—49, 65, 74—75. — Б. Мианло. Испания, 6—7, 11). Тяжелые экономические условия, восходящие к очень отдаленному прошлому, сильно задержали развитие Галисии. Число неграмотных в стране доходит до 65%. Все это вместе взятое важно для понимания ее языкового прошлого и настоящего. В течение XIX и XX вв. Галисия неоднократно принимала участие в революционном движении в Испании, но только гражданская война последнего десятилетия разбудила крестьянскую массу и активизировала борьбу ее с угнетателями всех типов. Географическое и статистико-экономическое описание Португалии дано Н. Lautensach'ом, „Portugal“ в *Petermann's Mitteilungen*, Gotha, 1932. На русском языке см. Е. Варга. Португалия и фашистская интервенция в Испании, Партиздат, 1937.

³ „Mio Cid“, 2989.

⁴ Montaigne. *Essais*, I, 14.

влении они постепенно разбегаются, непрерывно понижаясь. В сторону Леона горы еще более проходимы, а долина р. Силь, притока Минью, представляет собой очень удобный путь для проникновения в эту горную страну. Граница с Португалией идет сперва, начинаясь от океана, нижним течением Минью, далее же на восток она пересекает верхние порожистые течения нескольких правых притоков Дуэро. Между Португалией и Галисией нет естественных преград, и последняя совершенно незаметно переходит в первую, составляя с ней как бы одно целое. Географически Галисия, таким образом, связана с Португалией, но и не разобщена с Испанией. В отношении той и другой она является сейчас окраиной, причем с точки зрения Испании более далекой и изолированной.

В доримскую эпоху Галисию связывал с соседней Луситанией и состав населения. В западной части полуострова гораздо сильнее был кельтский элемент, в то время как в будущей Испании и Каталонии доминировал либо иберский, либо кельтиберский, т. е. смешанный, так как мы знаем, что, спустившись с севера на юг и осев на низовьях Минью, Дуэро, Тахо и Гвадианы, кельты стали проникать постепенно вверх по течению Дуэро и Тахо на кастильскую Месету и здесь перемешались со старым иберийским населением.¹

Термин „Галисия“ естественно напрашивается на сопоставление с Галлией, галлами, но не следует забывать, что более древней формой названия галисийцев является данная греческими писателями: *Καλλαικοί* (Страбон), откуда латинская форма *Gallaeci*.²

Страбон говорит, что кельты (*Κελτοί*) живут вокруг мыса Нерион (*Νέριον*), ныне Финистерре,³ и в то же время называет кельтами население южной части нынешней Португалии. Но, может быть, еще убедительнее свидетельств древних писателей, часто расходящихся между собой, данные топонимики.⁴ В Испании, и особенно в интересующих нас в данный момент ее областях, очень распространены местные названия на *-briga* или образованные от этого слова, обозначающего возвышенность, укрепленное место. Мы уже говорили о них выше.⁵ В Галисии мы встречаем Бригантиум (*Betanzos*), юго-восточнее Коруньи, Неметобрига в Португалии, у северной ее границы, — Бригантия (нын. *Bragança*); в южной части Леона на правом притоке Дуэро, Эсла, — Бригедиум (*Brigescium*); в северной части Португалии, в области турдулов — Талабрига, Лангобрига; на сев.-востоке ее, в области веттонов — Талабрига, Миробрига, Августобрига, Цезаробрига; южнее, в области луситан — Конимбрига (нын. Куимбра), Гиерабрига, Медобрига, и в области кельтов на крайнем юге — Лакобрига, Цетобрига (*Caetobriga*), Миробрига.

¹ На старые кельтские связи Луситании указывал еще Шухардт (*Vokalismus d. Vulgärlateins*, I, 1866, 93). Теперь см. J. Leite de Vasconcellos в *Rev. celt.*, XXIII, 74 сл. — Mendez Corrêa. *Os povos primitivos da Lusitania*. Porto, 1924 (мне была недоступна).

² В такой же мере имя *Ἀρροτρεβαί* (у Плиния *Arrotrebae*), живших в нынешней галисийской провинции Корунья, напоминает галльских *Atrebatas*. Но более старой формой является *Ἀρταβροί*, и эта форма ближе к имени *Cantabri*, соседей артабров. Впрочем, в противоположность Помпонию Меле (III, 15) Плиний утверждает, что народа этого названия не существует, а существует только мыс, носящий имя *Arrotrebae* (*Hist. natur.*, IV, 114), нын. Финистерре. Суффикс в слове *Gallaecus* Мейер-Любке считал кельтиберским или иберским („*Rom. Namenstudien*“ в *Sitzber. Венской акад. наук, phil.-hist. Kl.*, т. 184, 1917, 14).

³ *Strab.*, III, 3, 5.

⁴ *Grundriss Гребера*, I², 389.

⁵ См. стр. 15—16. Ср. G. Dottin. *Anciens peuples de l'Europe*, 205, со ссылкой на его же „*Manuel pour servir à l'étude de l'antiquité celtique*“, 429—430, 439—441.

Крайними западными областями полуострова Рим овладел фактически довольно поздно, только к середине I в. до н. э. Когда при Августе было произведено разделение Испании на провинции, то будущая Галисия оказалась в составе Тарраконской провинции, куда был отнесен весь далекий север и северо-запад. Более культурные области, лежавшие между Дуэро (Дурием) и Гвадианой (Анасом) и по среднему и нижнему течению Тахо (Тага), составили особую провинцию — Луситанию, тяготевшую к наиболее романизованным южным частям полуострова. В южной половине Луситании находился и центр ее, Эмерита Августа, будущая Мэрида, военная колония, основанная Августом в 23 г., о былом значении и степени культурности которой свидетельствуют ее прозвище „испанского Рима“ и многочисленные остатки римских сооружений. Позже Галисия была выделена в особую провинцию. Когда при Константине Великом (332) Испания превратилась в часть галльской префектуры и был произведен новый ее передел, тяготение Луситании к югу привело к тому, что за южную ее границу было принято море; на севере же границей оставался попрежнему Дуэро. Галисия, как и раньше, продолжала оставаться административно самостоятельной, но географически и этнографически связанной с Луситанией, и ничто не мешало общению между обеими областями.

В ближайшие последующие века карта запада оставалась без изменений. В начале V в., как мы уже говорили, вандалы занимали временно галисийский угол. Затем вестготы оттеснили сюда свевов, пока государство их в конце VI в. не растворилось, наконец, в более крупном и мощном вестготском королевстве. В готскую эпоху Галисия была временно объединена с Астурией; но при Леовигильде (ум. 586) она вновь заняла положение самостоятельной провинции, на ряду с Луситанией.

В начале VIII в. связующим обе эти провинции элементом явились германцы. Топонимика дает в этом отношении очень характерную картину. Германские и, в частности, готские имена в подавляющем большинстве встречаются в Галисии и в северной и центральной Португалии, особенно в их приокеанских районах. В Эстремадуре и Андалусии, в Мурсии и Новой Кастилье они отсутствуют. В Астурии их очень немного; в Леоне — это единицы. В южной Португалии они почти настолько же редки, как в Астурии.¹ Местные названия типа *Godos, Goda, Godide, Godin, Gotones* и т. п. сконцентрированы в особенности в португальских провинциях Брага и Порту; за ними следует Корунья; на следующем месте стоят галисийская провинция Понтеведра и португальская Авайру (*Aveiro*); на последнем месте следует поставить: в Галисии — провинции Луго, Оренсе, в Португалии — Вила Риал, Куимбра и Браганса. Если от готской топонимики обратиться к германской вообще, то картина получится приблизительно та же. Из более чем 2000 местных названий, образованных от германского собственного имени, от 10 до 15% падают на долю провинций Корунья, Луго, Брага и Порту; от 5 до 10% — Понтеведра, Оренсе, Вьяна ду Кастелу; от 2 до 5% — Авайру, Визеу, Овьедо и Вила Риал; от 1 до 2% — Браганса, Леон, Куимбра; от 1/2 до 1% — Лиссабон, Гварда, Ивора (*Ebora*) и Бежа.²

В 711 г. полуостров почти целиком перешел в руки арабских завоевателей. Последовало разделение завоеванной страны на четыре области, в основном отражавшие старые римские провинции.¹ Запад, т. е.

¹ В провинциях Лиссабон, Ивора и Бежа (*Beja*).

² Я пользуюсь подсчетом Э. Гаммалльсгега. См. его „Hist. linguistica de los visigodos“ (Rev. de fil. esp., XIX, 1932, 128 и 136), где даны и соответствующие карты.

Луситания, северо-запад — Галисия, занятая маврами в 734 г., и Астурия превратились в особую государственную единицу, Мэриду. Однако на севере утвердиться прочно и надолго маврам не удалось, так как здесь образовался центр готского сопротивления. Сын Пелайо, победителя мавров при Ковадонге (718), Альфонс I (751—764) объединил под своей властью Астурию, Кантабрию и север Старой Кастильи, а Альфонс II (791—842) очистил от неприятеля область басков и Галисию. В XI в. с падением кордовского халифата Галисия, вошедшая в состав королевства Леон и распадавшаяся на несколько графств, явилась базой продвижения христиан на юг (в старую Луситанию) на крайнем западе полуострова и заселения его.

Продвижение это приняло более энергичный и успешный характер при кастильском короле Фердинанде I (1037—1065), ставшем и королем Леона. Фердинанд проник за Дуэро и овладел территорией между рр. Дуэро и Мондегу, т. е. старой португальской провинцией Байра с городами Брага, Порту и Куимбра. Сын Фердинанда, Альфонс VI (1072—1109), овладевший Толедо и линией Тахо, отнял у арабов Лиссабон, соседнюю Синтру и лежащий выше на р. Тахо Сантарен (*Santarém* = *Sancta Irene*), древний Скаллабис (1093). В благодарность за помощь, оказанную им при взятии Толедо французами, Альфонс выдал дочь свою Тересу за Генриха, графа Лотарингского, и дал ему земли между Миньо и Тахо, образовав из них особое „португальское“ графство.² Так было положено начало самостоятельной Португалии и ее отрыву от Испании; Галисия осталась в составе последней. Несмотря на сопротивление кастильских королей, Тересе удалось отстоять по смерти мужа (1114) независимость своих владений, а сыну ее, Альфонсу Энрикес, добиться признания Португалии королевством (1143?) и положить начало французской португальской династии, вымершей в 1383 г.³ С окончательным завоеванием у мавров отвоеванных ими было южных городов, начался усиленный рост Лиссабона, который однако лишь через сто лет (1260) стал столицей Португальского королевства вместо старой Куимбры.

Давние связи Галисии с Португалией и длительное полусамостоятельное положение их в отношении Леона и Кастильи привели к тому, что языки этой части полуострова оказались в контакте и что в них развился ряд общих черт, отличающих их в кругу других языков Иберо-Романии.

Галисийско-португальский в соответствии со своим географическим положением и культурной историей носит архаический характер, как это справедливо отмечалось уже давно различными исследователями.⁴

Португальский имеет больше пропарокситонов, нежели испанский: *duvida* 'сомнение', исп. *duda*, *femea*, исп. *hembra* (лат. *femina*), но *bébado* 'напиток', исп. *bébedo* 'пьяный'.

В области гласных:

лат. -*ariu*; порт. -*eiro*; каст. -*ero*; в мосарабском -*air*, -*eir*; леон. -*eiro*; араг. -*ero* и, может быть, -*eiro*; кат. -*er*.

Порт. *cavaleiro*, *Aucteiro*, *Pereiras* в галисийских документах конца X в.,⁵ *maneira* < *manuaria* (1192), *Olveira* < *Olivaria* (1192); каст.

¹ Мэрида, аль Андалус (старая Бетика), Саракоста с Кантабрией (старая Тараконская провинция) и Толайтола (Толедо, старая Карфагенская провинция).

² С городами Брага, Порту, Куимбра, Визеу и Ламегу.

³ Окончательное признание нового королевства состоялось только при Альфонсе X Мудром (1259—1284).

⁴ Напр. еще Делюсом (Rom. Sprachfamilie, 1831).

⁵ „España sagrada“, XVIII. Цит. у J. Leite de Vasconcellos. Esquisse d'une dialectologie port., Париж, 1901. 12

pandero 'бубен' (от *pandura*); мосараб. *pandair*, *carreyra*; леон. *molineiras*; араг. *terzero* (но *Ribeira*, 840 г. [?], *Origenes*, 83); кат. *ferrer* 'кузнец'.

Лат. а и или а + и; порт. *ou*; каст. *o*; в мосараб. *au*; леон. *ou*, *o*; кат. *o*.

Порт. *lousa* 'каменная плита', 'шифер'; *ou* < *aut*, *vou* < *vado*, *soube* < *saruit*; каст. *losa*, *sore*; мосараб. *lauša*; леон. *oro*; кат. *cosa*.

Лат. ал + согл.; порт. *ou*; каст. *o*; в леон. *au*, *ou*; кат. *o*, *al*.

Порт. *souto* 'прыжок', *outro* 'другой'; каст. *soto*; леон. *sauto*, *sote*; кат. *col* < *caule*, *altre*.

Лат. *é*, порт. *e*; каст. *ie*; в мосараб. *e*, *ie*, *ia*; леон. *ie*, *ia*; араг. *e*, *ie*; кат. *e*.

Порт. *ceo* 'небо', *terra*; каст. *cielo*, *tierra*; мосараб. *ben*, *Gudiel*, *šahamialla* и *šahamiella* 'трюфель'; леон. *siellas*, *ya* < *et*; араг. *tene*, *kien*; кат. *cel*, *terra*.

Лат. *ó*; порт. *o*; каст. *ue*; в мосараб. *o*, *ue*; леон. *o*, *uo*, *ua*, *ue*; араг. *ue*, *uo*, *ua*; кат. *o*.

Порт. *bom*, *forte*; каст. *bueno*, *puente*; мосараб. *bono*, *puerco*; леон. *tuorto*, *Valbuena*, *duano*; араг. *Aragües*, *Uosca*, *Lascuarre*; кат. *bó*, *fort*.

Латинские конечные гласные, стоящие после *d*, сохраняются чаще, чем в кастильском: *paredē* 'стена', *vertadē* 'правда'.

Лат. -*ct-* дает в порт. -*it-*, кат. -*it-*, мосараб. *χt*, -*it-*, леон. -*it-*, -*ch-*, араг. -*it-*, каст. -*ch-*: порт. *feito*, *leite*; кат. *fet*, *nit* (* < *nueit*); мосараб. *pohte*, *leiterola*; леон. *leito*, *feichu*; араг. *feito*, *peito*; каст. *poche*, *lecho*, *lechuga* < *lactusa*.

Латинский плюсквамперфект (на -*ra*) сохраняет в португальском свое старое значение, тогда как в испанском играет больше роль условного или конъюнктива имперфекта.¹

Точек соприкосновения у португальского с испанским немало; ср., напр., отсутствие двухпадежной системы склонения, образование сравнительной степени с помощью *magis* (*mais fremoso* 'более красивый'), отсутствие спряжения на -*ēge*, образование перфекта и прич. прош. вр. от основы наст. вр., употребление суфф. -*ēs-* для образования новых глаголов от имен без начинательного значения,² наконец — и здесь, и там те же особенности словаря (*querer*, *quedar*, *calar* 'умалчивать, скрывать', *falar* = исп. *hablar*, *chagar* 'приближать', 'достигать' = исп. *llegar*, *dexar* 'оставлять' = исп. *dejar*); те же иберизмы, кельтизмы и германизмы, те же арабизмы.³ Но в ряде случаев португальский язык пошел своим путем.

Так латинские начальные группы *pl-*, *cl-*, *fl-*, сохранившиеся в мосарабском, каталанском и арагонском, дали в португальском *ch-*, в кастильском же *ll-*: *clamaŕe* > *chamar*, исп. *llamar*, *plapi* > *chão*, исп. *llano*, *flamma* > *chama*, исп. *llama*. В мосарабском мы имеем: *plana*, *plantain* < *plantagine*, в каталанском *pla*, *p'antatge*; араг. *plorar*, *pllorar*, (Ривагорса); леон. *xapo* < *plapi*. Интервокальное лат. -*n-* и -*l-* в португальском обычно исчезают (с XV в.): *ceo* < *coelu*, *sair* < *salire*, *bona* > *boa*, *tenere* > *ter* < *teer*. Интервокальный лат. -*nn-* и -*ll-* упрощаются в -*n-* и -*l-*: *annu* > *ano*, *caballu* > *cavalo*, тогда как в испанском мы имеем *año*, *caballo*, в каталанском *any*, *cavall*. — В португальском, по-

¹ *Chamou hos com que falara em segredo e disselhes*, 'он позвал тех, с кем [ранее] говорил тайно и сказал им' (J. Leite de Vasconcellos, *Textos arcaicos*. Лиссабон, 1923, 57). Но португальский знает и испанский порядок: *Se eu morte prendesse aquel primeiro dia em que vus vi, fora meu ben* („Cancioneiro da Ajuda“, 996, по изд. Carolina Michaelis de Vasconcellos, Halle, 1904).

² Рано исчезнувшего. Глаголы на -*ecer* стоят часто рядом с глаголами на -*ir*: *falir* — *falecer*, *guarir* — *guarecer*, *guarnir* — *guarnecer*. От *sandice* 'безумие' — *ensandecer* 'стодить с ума'; от *pobre* 'бедный' — *empobrecer* 'беднеть' и т. п.

³ Последние за некоторыми исключениями.

добно испанскому предпочитающем тип глаголов на *-ir* типу на *-er*, последний встречается все же чаще, чем в испанском (*dizer*, исп. *decir*); роль глагола *ter* гораздо шире, чем в испанском; на долю *haver* остались в живой речи главным образом безличные выражения.

В области морфологии и синтаксиса характерной особенностью португальского является флектируемый (личный) инфинитив (*infinito pessoal*). Инфинитив, имеющий обширнейший круг применения в романских языках, значительно развивших его употребление по сравнению с латынью, имеет весьма широкие функции и на Пиренейском п-ове. В этом отношении португальский напоминает испанский. И у флектирующего инфинитива португальцев есть точки соприкосновения с некоторыми инфинитивными конструкциями испанцев. В испанском при инфинитиве, в целях уточнения, может отмечаться субъект действия, даже тогда, когда его легко дополнить мысленно. Субъект ставится (в им. пад.) и теперь обычно после инфинитива (*a ser yo tal...*). В XV в.: *en tí darme la muerte, non te puedes onrrar* (Хуан Руис, 1426). Если выразить то же, не называя субъекта, а при помощи придания к инфинитиву соответствующего личного оксичания, то мы получим португальскую форму. Выражения: *non m'é mester d'eu viver mais* 'мне не нужно жить дольше', *E mia senhor, por vos eu non mentir, sen vosso ben non poss' eu guarecer*,¹ 'госпожа моя, чтобы сказать вам правду, без вас мне не исцелиться' — напоминают соответствующие испанские. Но португальский знает и другой способ выразить те же отношения: *enviava-as pera Irlanda pera seeren sempre en servidon* 'он послал их [т. е. девушек] в Ирландию, чтобы они оставались навсегда в рабстве',² или *Ora vos peço que me dedes vosso amor en galardom d'avrdes o que finto desejades* 'теперь я прошу вас, чтобы вы подарили мне свою любовь в награду за то, что вы имеете то, чего вы желали'.³ Если при сокращении придаточного предложения посредством инфинитива субъект его окажется не тождественным субъекту главного, то обычно прибегают к называнию субъекта или флектируют инфинитив; в противном случае ограничиваются одной только простой формой инфинитива.

Обозначение личных отношений при инфинитиве известно уже древнейшим португальским документам. Мы встречаемся с ним в латинских грамотах эпохи около 1000 г. Флексия инфинитива совершенно совпадает с флексией глагола.⁴ Форма, очевидно, скрещенная. Гамильшег, возражая Вернекке,⁵ который видел в данной форме просто форму конъюнктива имперфекта, учитывает и ее синтаксическую роль, а потому полагает, что она связана и с инфинитивом.⁶ И правильно. Открытым остается, однако, вопрос о среднем термине. Лейте де Вашкоселуш утверждает, что народ мало пользуется личным инфинитивом.⁷

¹ „Cancionero da Ajuda“, 6087.

² Там же, 312.

³ J. Huber, ук. соч., 269.

⁴ Ср. старые формы:

Наст. вр.		Инфинитив	
canto	cantamos	cantar	cantarmos
cantas	cantades	cantares	cantardes
canta	cantam	cantar	cantarem

⁵ H. Wernicke. Zur Syntax des portugiesischen Verbs, Веймар, 1884.

⁶ E. Gamillscheg. Studien z. Vorgeschichte einer romanischen Tempuslehre, Bonn, 1913, § 279.

⁷ „Esquisse“, 138.

2

Помимо отмеченных в португальском особенностей в нем развился и ряд других. Так еще до XVII в.¹ в нем наблюдается смешение дифтонга *ou*, развившегося из лат. *a u*, и *ou* из *ai + согл.*, и *-oi < -ōriu* или *o + st*. Благодаря этому мы имеем *coisa* вм. *cousa* или *oiro* вм. *ouro*; этим же объясняется и форма *Douro < Duru* вм. *Doiro*; *noite* превращается в *noute*. Литературный язык старается строго различать эти дифтонги; народный же тяготеет в ряде слов к *oi*; след. *oiro* вм. *ouro*. В Лиссабоне, на юге и в восточных частях Байры и Траз-уж-Монтиш (Tras-os-Montes) дифтонг, благодаря очень слабому произношению *u = w*, превратился в простой гласный *o*: *rouco = roco*.² Так и в стандартном произношении португальского.³ — Выпадение интервокальных лат. *-n-* и *-l-* привело к столкновению гласных, очутившихся в непосредственном соседстве (*hiatus'e*). В сборниках лирических пьес, *Cancioneiros*, воспроизводящих язык XIII и нач. XIV в., гласные эти начинают уже кое-где сливаться, как о том свидетельствует размер стиха, хотя они и пишутся еще раздельно. Позднее, т. е. в так наз. ср.-португальском, начинает господствовать стяжение их: *ter < tener*, *geral < general*, *pessoa < persona*. Однако нестяженные формы существовали еще в XVI ст. — Параллельно дифтонгу *ou* происходило и упрощение дифтонга *ei*;⁴ оно характерно для южной Португалии, где *ei* сохраняется перед гласными и в конце слова, но где оно превращается в *e* перед согласным. Хронологически упрощение дифтонга *ei* совпадает с развитием *ou* в *o*.⁵ — В конце средневековой эпохи изменениям подвергся ряд носовых, которые вообще принадлежат к числу более поздних образований. Лат. *-ana > -aa > -ā*: *lana > lāa > lā*, *germana > irmāa > irmā*. Сочетание *-ane* дало *-am*, либо *-an*, либо *-ā*: *canē > cam*, *rañe > ram*; позже они превратились в *cao*, *rao*, ныне звучащие как *сай*, *рай*.⁶ Лат. *-anu* стало *-ao*: *mao < manu*, *irmao < germanu*, которые, подобно двум предыдущим примерам, произносятся как *тā* и *irmā*, точнее: *тай*, *irmай*. Наконец, лат. *-one* дало *-om/-on* и *-ō*: *pon > pom*, *coçom*, *gazom*; позже они превратились в *pao*, *coçaõ*, *gazaõ*. Таким образом все три комбинации пришли к одной точке. Вероятно к концу XV ст., так как в так наз. „Cancioneiro geral“ или, как его называют по имени составителя, „Cancioneiro de [Garcia de] Resende“, изданном в Лиссабоне в 1516 г., лат. *-anu*, *-ane* и *-one* совпали в форме *-am = -ao*.⁷ — В формах мн. ч. можно наблюдать старые различия: *la — lāes*, *pāo — paes*, *irmāo — irmāos*, *coçaõ — coçaões*.^{*} — В области согласных отмечу судьбу *s* и *ç*. Лат. *s* осталось глухим в начале слова, и в середине его перед, после и между согласными; след. *saber*, *oste* 'войско', *falso*, *asconder* 'прятать' < *abscondere*. В середине слова между гласными оно дало звонкий *z*, как он

¹ Там же, 108.

² Там же, 107.

³ *Sousa* звучит здесь как *Soza*, *torro* как *tora*, *representou* как *reprẽzẽto* и т. п. См. A. dos Reis Gonçalves Viana, *Portugais. Skizzen lebender Sprachen*, изд. W. Victor, Лейпциг—Париж—Лондон, 1903, 16, § 32.

⁴ Или, как он произносится в северной Португалии, в Байре и в Лиссабоне, *ai* (*lai* вм. *lei*).

⁵ Leite de Vasconcellos, ук. соч., 109. — В современном стандарте дифтонг *ei* звучит как *vi* (*v* = атоному англ. *a* в слове *above*): *fvita = fvite*, *deixeis* ('дай', исторически это конъюнктив плюсквамперфекта от *dare*) = *dnivis* (Gonçalves Viana, ук. соч., 16, § 32).

⁶ В связной речи и просто как *сай*, *рай*.

⁷ Ср. рифмы: *vilaõ — coçam* (I, 396), *māo — Joham* (II, 356), *tençam — ram* (III, 538). Издано в „Bibl. liter. Vereins“ в Штутгарте [т. 15 (1846), 17 (1848), 26 (1852)]. Нов. изд. Archer M. Huntington (факсимиле, Нью-Йорк, 1904).

постоянно пишется в XV в.: *caza, presente*. В конце слова и *s* и *z*, возможно еще в средневековую пору, начали звучать как *š*. Значок *ç* обозначал первоначально особый спирант, развившийся из лат. *-c-* перед *e, i*, в начале или середине слова после согласного: *citade* 'город' < *civitate*; *dose* 'сладкий' < *dulce*. Вместо *ç* писали иногда и *s* и *z*. Исходной точкой было, вероятно, *ts*, которое позже упростилось и звучало как исп. *z*; по крайней мере арабские географы различали *ç* и *s*, *z* и *š*.¹ Упрощенное написание на юге Португалии мы встречаем уже в 1296 г. (*Singy* = **cinque*, в документе из области Лиссабона). На севере, в Галисии, в том же XIII в. отмечено, между прочим, написание *Cezilla* вм. *Sezilla*.² По всей вероятности до XVI в. различали *s* — *š* и *ç* — *z*, по крайней мере в литературном языке и произношении. Сейчас обязательного различия нет, и *s* и *ç* или *š* и *z* произносятся одинаково или так, как они звучат на родине говорящего.³

Если обратиться к морфологии, то следует отметить ряд черт, развившихся в первую половину XVI в. Так старое латинское окончание для 3-го л. мн. ч. *-unt* приняло теперь форму *-ão*, подобно тому, как *om* < лат. *-one* превратилось в *ão*, на что мы указывали выше (*ratione* > *razão*). Окончание 2 л. мн. ч. лат. *-tis, -te* дало в португальском, как известно, *-des, -de* и в этом виде сохранялось до середины XV в. В дальнейшем окончания эти уцелели в языке канцелярском и, по словам писателя первой половины XVI ст. Жиль Висенте, в языке менее культурных слоев населения, в то время как более культурные выпускали в них *-d-*, что получило затем широкое распространение. Формы с *-d-* встречаются только еще в односложных словах (как *ide, credes*) или, если этому *-d-* предшествует носовой либо другой согласный (*tendes; pôrdes, poderdes* и т. п.). — Причастие наст. вр. на *-ante (levante), -ente (temente)*, жившее в средние века полной жизнью,⁴ к XVI в. было вытеснено герундием, которому оно и уступило свои функции (формы на *-ando, -endo, -indo*, отражающие старый аблатив герундия: *cantando, vendendo, partindo*). — Прич. прош. вр. типа на *-utu-* в XV в., и даже ранее, стало уступать свое место типу на *-itu-*: *vendido* вм. *vendudo; sabudo* || *sabido, conoçudo* || *conocido* (1274), *recebudo* || *recebido* (галис., 1450) и т. п. Это *-ido* из глаголов на *-ir* было перенесено окончательным в глаголы на *-er*, так что современный португальский другой формы уже не знает. Формы на *-udo* уцелели в некотором количестве, но уже с новой семантикой, а именно как прилагательные: *ascondudo* 'тайный', *teudo* 'обязанный',⁵ *entendudo* 'смышлелый' и т. п. — В сильных перфектах формы на *-i* (или *-e*) начали довольно рано терять свое окончание: *estivi* („Canc. da Vatic.“, 554⁶), *ouvi* < *h abui*, *pudi* < *potui*, *pugi* (XIII в.)⁷ или параллельные к нему формы *pusi* (1312), *pogi* (галис. 1350)⁸ < **posi* вм. *posui* и *estive, soube, ouve* и др.⁹ усту-

¹ J. Huber, ук. соч., 41, 110. Как это было отмечено еще Гонсальвеш Вьяна, арабские ученые передавали *s* значком шин (ش), а *ç* значком зад (ص) или син (س). G. Vianna в Revista Lusitana, Порту и Лиссабон, II, 332—338. Об аналогичной передаче близких звуков ст.-испанского см. A. Zauner. Altspanisches Elementarbuch, 47, 50.

² У Альфонса X Мудрого в его „Cantigas de Santa Maria“, изданных L. de Cueto для Мадридской Академии (Мадрид, 1889, 119).

³ J. Leite de Vasconcellos, ук. соч., 115.

⁴ Ср. *temente o dia de mia morte* (1214) или [nos] *ventes a vontade* (Diez. Rom. Gramm., III, 257) 'мы видящие [видя] волю, желание'.

⁵ Напр. *theudo soom de vos fazer serviço* 'я обязан оказать вам услугу' (Graal. пзд. Reinhardtstöttner'a, 1887, 1).

⁶ Изд. E. Monaci (Halle, 1875).

⁷ J. Huber, ук. соч., 217.

⁸ Там же.

⁹ (1435). Canc. gall.-castelhana (1350—1450). Изд. H. R. Lang'a, Нью-Йорк, 1902 = Yale Bicentennial publications, XXIII.

нили место *quis, quix* < **quaesi*,¹ *fiz, fix* („Canc. da Vatic.“) < *feci, pus, pux* (там же) и т. п. — Во вспомогательном глаголе *ser* ‘быть’ форму 1 л. ед. ч. *som (são)* стала вытеснять *sou* по аналогии с *estou, dou* и т. п. (**stao, *dao*), теперь стандартная.² Аналогия расшатала и другие парадигмы; так вм. сослаг. наст. вр. *estê* (глагол *estar*) < *stem* в более позднюю пору водворилось *esteja*, по типу *seja* < *se de am* и др. — Португальский довольно рано утратил атонные формы притяжат. местоим. ж. р. В средневековую эпоху они звучали *mha (mia), ma, ta, sa*. Исчезнув из письменного языка, они сохранились кое-где в диалектах.³

В заключение нашей краткой характеристики западной разновидности пиренейско-романского языка и беглого очерка тех изменений, которые произошли в нем до того момента, когда он стабилизировался как язык литературный и национальный и принял очертания, являющиеся для него характерными в данное время, остановимся на его словарном составе.

Основной его частью являются, как и в других романских языках, латинские элементы, в большинстве своем наследие живой латинской речи, отчасти же слова книжного или литературного происхождения. Иногда одно и то же слово имеется в португальском в двух формах с одним и тем же или разными значениями: *lidimo* как и *legítimo* воспроизводят латинское *legitimi* и значат оба ‘законный’; *ostao* и *hospital* восходят к тому же лат. *hospitale* (правда, первое — к его варианту **hospitalu*), но первое обозначает ‘дом’, второе — ‘больницу’. И та, и другая группа слов принесли с собой ряд греческих терминов. К числу первых мы отнесем, напр., *cada* ‘каждый’ (лат. *caŕa*, греч. *κατά*), *cima* ‘верхушка, вершина’ (лат. *cuma*, греч. *κῶμα*), *calar* ‘молчать’ (лат. *callare* < греч. *χαλᾶν*); к категории вторых принадлежит ряд христианских терминов, как *abade* (лат. *abbate*, греч. *ἄββα*), *apostoligo* ‘папа’ (1214) и т. п. Но в португальском словаре мы найдем и отголоски доримской эпохи истории полуострова. Мы уже говорили об иберских, кельтских и германских элементах и о путях их проникновения в иберийскую латынь. Начиная с VIII в., португальский лексикон начал пополняться арабскими словами, появившимися в нем как выражение влияния арабской культуры. Эти заимствования — разных типов, как и в испанском. Одни приходили, так сказать, на пустое место; это обозначения различных животных, растений и т. п., бывших до той поры неизвестными на полуострове. Другие имели свои местные аналогии, но отмечали новые культурные варианты уже до того существовавших понятий. Сюда можно отнести термины науки, искусства, военного дела, государственного устройства, экономики и т. п. Таких слов большинство, и они, конечно, особенно показательны для характеристики той культурной роли, которую сыграли арабы в истории Португалии. Арабские заимствования проникали в португальский различными путями. Наиболее простым и древним было усвоение терминов в живом общении с арабами. Таким путем в португальском очутилось значительное количество слов, и они получили очень широкое распространение. К этой группе относятся такие термины, связанные с деревней и сельским хозяйством, как *aldeia* ‘деревня’, *alqueive* ‘поднятая целина’, *alfeire* ‘стадо’, *algame* ‘пастух’, *cacifo* и *cafiz (cahiz)* ‘лопата’. Или термины домашнего быта: *albarada* ‘горшок для воды с двумя ручками’, *zarra* ‘кружка’, *almuzala* ‘одеяло’, *aljaba* ‘кожаный мешок’. С путями сообщения связан *arracef* ‘дорога,

¹ „Canc. da Ajuda“, ук. изд., 1214 г. — „Canc. da Vatic.“, passim.

² Старое *são* живет еще в округе Куимбры, в Альгарве. См. Leite de Vasconcellos. Esquisse, 140.

³ Там же, 131.

идушая по плотине'; с торговлей — *marfim*, *marfil*, *marfi* 'слоновая кость', *moravedi*, *morabitorio* 'монета', *quilate* (ст.-порт. *quirate*) 'карат', мелкий вес'. Административная и политическая жизнь дали такие слова, как *alcalde* (араб. *кади*), обозначавший первоначально судью и государственного опекуна, затем — городского голову, старшину (отсюда *alcaldamento* 'пошлина на запрещенный товар'), *enxeso* (*euxeso*) 'ущерб', 'штраф', 'тяжба'. Военное дело явилось также источником обширных заимствований. К этой группе принадлежат, между прочим, *almiral* 'адмирал', 'начальник', *alcaide* 'военачальник', 'губернатор', 'комендант крепости', собственно — 'начальник племенных военных отрядов', *adadil* 'военачальник', *alarido* 'боевой крик', *alcázar* 'крепость', *anafil* 'военная труба', *arrefem* 'заложник', *alazán* 'конь рыжей масти'. Тем же путем проникли в португальский и слова более общего содержания: *alarave* собственно 'араб', затем 'неотесанный человек', *adael*, *adeel* 'бездельник', *arravalde* 'окрестности' и др.; даже грамматические элементы вроде *atá* (< *hatti*) или *fata* 'до'. Большинство арабских слов в португальском у него общие с испанским, почему не всегда можно установить, насколько то или иное слово проникло в португальский прямым или круглым путем. Если *sahiz* может быть испанизмом, то *safiz* может являться и испанизмом и прямым арабизмом. К числу испанских арабизмов можно отнести, пожалуй, и *safor*, *zafar* 'освобождать', 'прекращать'. При решении вопроса о путях перехода необходимо всегда учитывать не только форму, но и значение и роль слова в связи с соответствующими реальными отношениями.¹

Другая часть арабских заимствований прошла в португальский через книгу: это термины, аналогичные латинским книжным, или, как их называют иногда, ученые слова. Они относятся обычно к более поздней поре и имеют менее широкий круг распространения. Научная терминология дает наибольшее количество примеров слов этого рода. И здесь, как в только что охарактеризованной выше категории, необходимо учитывать всегда возможность испанского влияния.

Испанский вообще явился для португальского словаря источником, откуда он время от времени почерпал свои термины. Уже в ст.-португальском мы имеем ряд испанизмов. Они воспроизводят иногда целиком испанскую форму; однако одного фонетического созвучия не всегда еще бывает достаточно для того, чтобы отнести данное слово к группе испанских заимствований. Порт. *aciprés* 'кипарис' передает целиком исп. *aciprés*; *sangrar* 'пускать кровь' — ст.-исп. *sangrar* (лат. *sanguinare*); *salitre* 'селитра' — исп. *salitre* (лат. **salnitru*; ср. кат. *salnitre*); *mancilla* 'ремень', 'хлыст' — исп. *mancilla*, *moço*, -a 'парень, девушка' — исп. *mozo*, -a; *plomo* 'свинец' (рядом с *chumbo*) — исп. *plomo*; *portalga* 'пошлина', *julgar* 'судить' и т. п. Но при ближайшем рассмотрении подобных примеров оказывается, что нужна внимательная проверка в каждом отдельном случае. Так, заимствование отчетливо видно в *mancilla*, где сохранилось исп. *ll*; по поводу *moço* < *musteu* следует вспомнить, что *bestia* дало *bescha* 'дикий зверь', *christianu* — *crefischao*, но *lindeu* развилось в *lenço*, как *tertiu* — в *terço*. В португальском, таким образом, два возможных рефlekса, а следовательно относительно *moço* не исключено сомнение; но в испанском лат. *sty* дает обычно только *z*: *musteu* > *moço*, как *ustiu* > *uzo*. Заимство-

¹ Об арабских элементах в португальском см. цитированные выше работы R. Dozy et W. Engelmann. *Glossaire des mots espagnols et portugais dérivés de l'arabe*. — L. de Eguilas y Yanguas. *Glosario etimológico de las palabras españolas de origen oriental*. — A. Fokker. *Quelques mots espagnols et portugais d'origine orientale* в *Zs. f. rom. Ph.*, XXXIV, 1910, 560 сл. — Chr. Gebhart. *Das arabische Etymon einiger romanischen Wörter*, Greiz, 1912.

вание становится, таким образом, более вероятным. Еще яснее *plomo*, для которого мы имеем параллельную нормальную форму *chomo*, как *chao* < *plapu*. Можно допускать, правда, полукнижное образование, и для перехода латинской группы *mb* в *m* сослаться на *ambos* > *amos* 'оба'. Но рядом с последней, и в ту же пору, мы встречаем *ambos*. В ст.-кастильском же переход *mb* > *m* — нормален; здесь мы имеем и *plomo*, и *amos*. Наконец, испанские свинцовые рудники (в Андалусии), издавна хорошо известные даже далеко за пределами полуострова, говорят также в пользу заимствования из испанского. — Что касается *portalgo* < *portaticu* (портовый, дорожный сбор, пошлина) > **portadgu* и *julgar* < *judicare* > **judgare*, то они заимствованы не из кастильского, а из леонского, где *-dg-* дает нормально *-lg-*, в то время как в кастильском мы имеем *-zg-*: *portazgo*, *noviazgo*. В таких случаях, как *salitre* 'селитра', *sal nitricum*, можно колебаться. Заимствовано это слово могло быть и из каталанского, и из провансальского; но и при этих условиях придется допустить выпадение *n*. Это не невозможно, так как португальский как будто дает *moleiro* 'мельник' < *molinariu* > *mol-neiro*. Однако это *molneiro* могло обратиться в *molleiro* просто благодаря ассимиляции *n* — *l*, а затем нормально *ll* > *l*. — Распространенный, особенно в ст.-португальском, термин *cavalheiro* 'рыцарь', 'кавалер', несомненно испанский, ибо *ll* в *caballariu* дало бы в португальском *l*, тогда как в испанском оно дает нормально *ll*, т. е. *l̄*, которое португальский и воспроизводит как *lh-*. — Порт. *antanho* 'прошлогодний' — несомненно исп. *antaño* < *anteannu*, так как лат. *pp* дает в португальском простое *n*. Формы *goyo* 'радость', *goya* (лат. *gaudeam*) — испанизмы потому, что лат. *au* отвечает в португальском *ou* (ср. *gaudere* > *gouvir* 'радоваться'). Ст.-порт *ya* 'уже' и женское собств. имя *Elvira* — испанские формы, так как в лат. *jam* и вестгот. *Gailivira* начальное *j* и *g* должны были дать порт. *j* (*dž*, затем *ž*). При оценке *trigo* 'пшеница' (лат. *triticiu*) в пользу заимствования (исп. *trigo*) говорят соображения экономического порядка. — Порт. *velido* 'красивый', образованное от лат. *bellu* и отвечающее исп. *belido*, не вполне ясно.

Ст.-португальские лексические испанизмы не очень многочисленны. По содержанию они либо то, что можно назвать техническими словами (как *aciprés*, *alna* 'ольха', *plomo*, *trigo*, *portalgo* и т. п.), либо слова бытового обихода (как *moço*, *sangrar*, *goya*, *cavalhero* и др.). Отсутствуют термины военные, политические, экономические. Влияние Испании миновало эти стороны португальской жизни. — В XVII в. испанизмы вновь начинают проникать в португальский. Влияние этой поры было больше книжным, сказалось на стиле и языке писателей; но оно не было слишком долговечным, и следы его постепенно стерлись. В живом языке, куда это влияние не проникало глубоко, они исчезали еще скорей.

Контакт португальского с провансальским относится к средневековой поре, когда провансальская поэзия была широко популярна на полуострове, а Португалия и Галисия могли познакомиться с ней ближе при посредстве графов Раймонда Бургундского и Генриха Лотарингского, явившихся сюда в сопровождении ряда своих земляков, среди которых, конечно, были и люди, интересовавшиеся искусством трубадуров. Так оказались в португальском провансальские слова и выражения, отмеченные еще Дицем.¹ Португальцы усвоили *trobá* (пров. *trobar*) 'слагать песни', *trobador* 'трубадур' и ряд слов, связанных с поэзией последних: *cobra* (пров. *cobla*) 'строфа', *entendedor* 'любовник', *falso* 'лживый' и связанные с ним *falsador*, *falsidade*, *falsar*, в которых *l* уцелело

¹ F. Diez. Ueber die erste portugiesische Kunst u. Hofpoesie, Bonn, 1863, 26—36.

перед *s*; *fis* 'надежный', 'верный', *afam* 'мучение', *dom* 'дар', *greu* в сочетании *m'é greu* 'мне тяжело', *alegre* 'веселый', *avol* 'плохой', 'несчастный' (пров. *ávol*), *linhage*, *linhagem* (пров. *linhatge*) 'род', *de pran* (*pram*) 'легко, охотно' (пров. *plan*), *roussinol* 'соловей' (пров. *rosinhol*), *talan* (*talam*) 'склонность' (пров. *talan*), *proençal*, *Proença* и т. п. Вне этого семантического круга стоят: *apres* 'после', 'у', 'при', *ar*, *ara* 'теперь', *assaz* 'довольно', *burel* 'грубая шерстяная ткань', *caler* (*non m'en cal*) 'касаться, иметь отношение', 'беспокоиться о чем', *manjar* 'есть' (на полуострове обычно *szter* < *comedere*), *freire* 'монах' (пров. *fraire*) и др.¹

Те же бургундцы и лотарингцы дали толчок к французскому влиянию. К числу ранних галлицизмов относятся: *dayan* (соврем. *decão*) 'председатель', 'декан' (франц. *doyen*), *preste* 'священник' (франц. *prestre*), проникшие в Португалию в связи с французским церковным влиянием; феодальные термины: *dama*, *duc*, 'герцог', *virgeu* 'сад' (франц. *vergier*); литературные, кроме *dama* и *graal* 'сосуд грааль', может быть: *ventura* 'счастье', 'случай' (франц. *aventure*) и *domage* 'ущерб', *ligeiro* 'ловкий, искусный' (франц. *legier*), *albaldonar* 'покидать' (франц. *abandonner*); хозяйственные и бытовые: *maison* 'дом', *rua* 'улица' (1450), *vianda* 'мясо', *orje* 'ячмень' (ст.-порт. *cevada*), *achatar* (1287) 'покупать' (ст.-фр. *achater*); слова более общего значения, как *quite* (1269) 'свободный от', *quitar*, *mester* 'нужный' (франц. *mestier*), *par* (франц. *par*, лат. *p e r*). — Церковный, феодальный и бытовой отделы французского словаря представлены в ст.-португальском лучше, нежели соответствующие отделы провансальского; зато провансальский оставил больше следа в терминологии литературной.

О влиянии французского в XVII в. и особенно в период галломании XVIII в. в научной литературе пока слишком мало данных, чтобы ему можно было дать более или менее обстоятельную оценку. Тем менее можно сделать это для XIX и XX вв. Язык этих столетий еще ждет в данном отношении своего историка.²

3

Около середины XII в., как мы видели, положено было начало самостоятельному существованию Португалии как политической единицы, тогда как Галисия осталась связанной с Леоном и Кастильей. Это ставило и новые условия развитию их языков. Но результаты не могли, конечно, сказаться сразу. Португальский не только продолжал сохранять черты, общие с галисийским, но стал в это время свидетелем превращения последнего в язык литературы.

Трешины образовались около половины XIV ст., когда пути Галисии и Португалии разошлись окончательно.

Язык древнейших письменных памятников обеих стран тождествен; это отметил еще в начале XVII в. Нуниш де Льяну. „Язык Галисии и Португалии — говорит он — в древности был одним и тем же“.³ Большая часть опубликованных португальских грамот принадлежит области *interampense*, т. е. провинции Энтре-Дору-и-Минью, пограничной

¹ О провансализмах см. J. Huber, ук. соч., 33.

² О французском влиянии см. F. de Santa Luiz. Glossario das palavras e frases da lingua franceza, 1816. Автор этой работы делает попытку охарактеризовать французский вклад в португальский. См. также R. Francisque Michel. Les Portugais en France et les Français en Portugal, Париж, 1882.

³ „Erão antiguamente quasi hua mesma, nas palauras e nos diphtongos, e pronunçiação que as outras partes de Hespanha [т. е. всего полуострова] não tem“ (Nunes de Lião. Origem da lingua portuguesa. Лиссабон, 1606, 32).

с Галисией.¹ Сюда же относятся и древнейшие из них.² Языком старо-португальской письменности был, естественно, язык северной части страны, где зародилась Португалия. Центральная провинция, Байра, дает грамоты, начиная только с 1236 г.,³ Порту — с 1262 г. (*título de compra* 'документ о покупке'),⁴ Лиссабон и окрестности — с 1221 г.,⁵ юг (Альгарве) — еще позже, с 1277 г.⁶

Отличительные особенности языка ст.-галисийских памятников в XIII—XIV вв. по сравнению со ст.-португальскими Диц называл „несущественными“; они, действительно, немногим больше особенностей орфографического порядка.⁷ В самом деле в ст.-галисийском лат. *-ly- > y (i)*, тогда как в ст.-португальском мы имеем *lh: muliere > moyer, miier*, порт. *molher, molier*; *oleu > oyo* и т. п. — Атонные косвенные формы для личн. местоим. 2 л. ед. ч. в ст.-галис. *chi, che (ch') || ti, te*. Дат. падеж выражается обычно первыми тремя; в винительном употребляются все.⁸ Слитные формы местоимений: *te-(l)o, te-(l)a* и т. п. превращаются в ст.-галисийском в *cho, cha, chos, chas*; в ст.-португальском они дают *tio, tia, tios, tias* (исп. *telo, tela* и т. д.). — В спряжении можно отметить: *ayo, ajo < habeo*, ст.-порт. *ei*; ⁹ *tenui > tovi* под влиянием близкого по значению *ouvi*; порт. *tivi, tive*.¹⁰ Соответственно с этим ряд форм от основы перфекта — с одной стороны с *o*, с другой — с *i*. Энтуиста напоминает об окончании 3 л. ед. ч. перфекта глаголов на *-ir, -eo* вм. порт. *iu*, представляющееся ему характерной ст.-галисийской формой: *ouvo || ouviu*.¹¹

В словаре Губер отмечает обычное в ст.-галисийских текстах *o/almafi* 'слоновая кость',¹² которому в ст.-португальском отвечает *marfi, marfim, marfil* (исп. *marfil*).¹³

С тех пор как галисийский отошел от португальского, в нем естественно развились особенности, которых старый язык не знал. Так насализованные гласные либо денасализовались вовсе, либо почти вернулись в исходное положение; след. *irmao, negús* или *gando*, порт. *gado* 'скот', исп. *ganado*. Конечные гласные слов в галисийском стираются меньше, нежели в португальском. Согласный *v* в галисийском, как в сев.-португальском диалекте провинции Траз-уж-Монтиш заменяется *b*: *bida* вм. *vida*, *balente* вм. *valente*.¹⁴ Группа *-ly-*, перешедшая в ст.-галисийском в *y*, превращается в *lh* (исп. *ll*).¹⁵ Звонкому *z* в порт. *dizer, fazer* и т. п. в галисийском соответствует глухой *s*: *facer, vicinho*; *s* выражает и *-ss-*, и *-s-*. Поздним процессом является переход *g* перед *a, o, u* в *h*.

¹ Грамоты эти изданы в „España sagrada“ (XLI, 351 сл.). См. также Martínez Salazar. Documentos gallegos de los siglos XIII al XIV, Coruña, 1911; Leite de Vasconcellos. Textos arcaicos³, 106 сл.

² Это *Auto de partilhas*, акт о разделе, относящийся к 1192 г.; краткое завещание, написанное в 1193 г., и, наконец, более пространное завещание, принадлежащее Альфонсу II и составленное в 1214 г.

³ „Revista Lusitana“, VII, 59—65; VIII, 35—45.

⁴ Там же, VIII, 191.

⁵ Там же, VII, 73; IX, 259—276.

⁶ Там же, IX, 271—273. Детали у J. Huber'a, ук. соч., 20—23.

⁷ „Ueber die erste port. Kunst- u. Hofpoesie“, 105.

⁸ J. Huber, ук. соч., 150.

⁹ Там же, 193.

¹⁰ Там же, 219.

¹¹ W. J. Entwistle, ук. соч., стр. 293.

¹² В „Cant. de S. Maria“ (299).

¹³ Этимология этого слова неясна. См. Dozy-Engelmann, ук. соч., 302.

¹⁴ Leite de Vasconcellos. Esquisse, 112.

¹⁵ См. для этого (как и вообще для галисийского) V. García de Diego. Elementos de gramática histórica gallega, Бургос, 1909; нов. изд. 1920, 57.

В отделе глаголов отметим насализацию окончания 1 л. ед. ч. перфекта *-í* или *-e*. Личные окончания перфекта в галисийском: 1. *-en(-in, -i)*; 2. *-che(-ste)* (лат. *-st > -ch-* знакомо и ст.-галисийскому и ст.-португальскому); 3. (см. стр. 259); 4. *-mos*; 5. *-stedes(-chedes)*; 6. *-ron(-rono)*. В 1 и 2 л. мн. ч. имперфекта сохраняется латинское ударение: *cantabámos*; в португальском по аналогии с другими лицами ударение здесь перешло на основу. 2 л. мн. ч. повелит. накл. имеет несколько параллельных форм: *cantade, cantá, cantai, cantaide* (скрещение 1-й и 3-й форм).

Местоимения и мелкие части речи дают в галисийском значительное количество отклонений от португальского. Так мы имеем: *miño, mia, miña, ña, unha, duos, ise, el cal* и др., отвечающие порт. *meu, minha, uma, dous, ese, el qual* и т. д.¹

4

Как уже было отмечено выше, старый галисийско-португальский был использован раньше всего в интересах деловой письменности. В этом отношении в Португалии мы видим то же, что наблюдаем в Испании. Памятникам вульгарной письменности и здесь предшествуют латинские документы, в которых прорываются вулгаризмы. Памятники этой категории, очень многочисленные,² тянутся, начиная с IX в., вплоть до XII и, подобно аналогичным испанским, представляют собой ценнейший материал для изучения галисийско-португальского, так как дают зачастую уже чистые вульгарные формы с их характерными фонетическими³, морфологическими⁴ словарными и семантическими⁵ особенностями.

Но прежде чем расколоться, галисийско-португальский был использован и для целей литературных. Литература эта, орудием которой он явился в своей старой форме, была так наз. галисийская лирическая поэзия, поэзия куртуазного типа, напоминающая провансальскую и французскую и сложившаяся не без их воздействия, как это показал еще Диц.⁶ Французская и провансальская лирика пользовалась широкой популярностью во всех культурных европейских странах. Пиренейский п-ов, как мы имели случай убедиться в этом выше, не составлял исключения; не составил его и его крайний запад. Впрочем тот же Диц возражал против допущения слишком раннего влияния северно-французской лирики: во всяком случае для эпохи графа Генриха (1095—1112) он считал его

¹ García de Diego, ук. соч. M. Lagris Freire. Gramática do idioma gallego. A Cruña, 1922 (см. „Rev. de filol. esp.“ XIII, 1926, 73—76). См. также Leite de Vasconcellos, Esquisse, 197—198.

² „Portugaliae monumenta historica. Diplomata et chartae“. I. Изд. Лиссабонской акад. наук, Лиссабон, 1867. Здесь даются 952 акта, касающихся земельных отношений и относящихся к промежутку времени между 775 и 1100 гг. Перечень других изданий, содержащих латинские вульгарные тексты, приводится Лейте де Вашконселуш в его не раз уже цитированном „Esquisse“ (10—11). Такие же галисийские материалы собраны в „España sagrada“ Флореса (т. XVIII).

³ Напр. *ameneiro* (X в.), *ribulo* (X в.), *terras barbaras* (883) (ср. *arvor < arbore*), *dublado* (ср. *dubrar, dobrar*, 1275), *riba Dorio* (924), *rovorare* (874) < *roborare* 'укреплять', *vida* (IX в.), *aliguno* (IX в.), *veridate* (IX в.), *sauto* 'роща' (883) < *saltu* (ср. *souto*), *vindere* 'продавать' (874) < *vendere* (ср. современные диалектические формы севера и центра вроде *intrar || entrar* у Leite de Vasconcellos („Esquisse“, 100), *bragarense* (907) к *Bracara > *Bragara; paadulibus* (883) к *padule* вм. *palude*, ср. *paui* 'болото'.

⁴ *Fer* (884) < *ferit* (в значении: граничит с чем); *siant* (833) вм. *sint*.

⁵ *Mania* (1177) 'покрывало', *ortale* (992) 'сад', *pedazos de terra* (992) 'кусоч, клочок' (ср. *pedaço*), *lagare* (992) 'пресс для винограда' (ср. ст.-порт. *lagar*, 1450); *varzena* (924) 'луговина' (ср. *varzea*) и т. п. См. Губер, ук. соч., 20—21, и Лейте де Вашконселуш, ук. соч., 12.

⁶ Diez, ук. соч.

невозможным. Когда же и при каких условиях сложилась эта поэзия, подвергшая галисийско-португальский впервые литературной обработке?

В начале XIX ст. ее связывали с появлением в Португалии французской династии, принесшей с собой будто бы уже готовые образцы и мастеров. Позже, когда познакомились с литературным материалом ближе, возникновение галисийской школы поэтов отнесли к половине XIII ст. и основоположником ее стали считать Альфонса X Мудрого (1252—1284), писавшего по-галисийски. В конце XIX в. вопрос этот был пересмотрен К. Михаэлис де Вашконселуш, выдвинувшей тезис более раннего, чем эпоха Альфонса, и постепенного возникновения галисийской лирики¹. Она датировала его порубежными годами между XII и XIII вв. (ок. 1200).² Не только в XII, но и в начале XIII ст. португальцам было не до поэзии, так как они были заняты в эту эпоху постоянными войнами с маврами и внутренней борьбой, которую вели между собой центральная власть, дворянство и духовенство.³ Трубадуры и труверы не заглядывали до той поры в эту далекую окраину полуострова. Древнейшее упоминание о французском жонглере (Bonamis), устроившемся в Португалии, относится к последним годам XII в. С 1193 г. Санчо I дарит ему клочок земли (*casal*) за исполнение какой-то театральной пьесы.⁴ О трубадурах мы не слышим ничего. Мы не знаем ни одной пьесы, которая была бы обращена к португальскому королю, ни одной португальской местности,⁵ ни одного личного имени, которое бы упоминалось в провансальской лирике, ни одного исторического события, на которое бы она отозвалась; ни одна биография трубадуров не сообщает нам о том, чтобы кто-нибудь из них, по крайней мере из крупных певцов, побывал у португальцев. Отсюда можно сделать два вывода: либо попадавших в Португалию провансальцев было мало, и это были люди небольшого калибра,⁶ либо португальцы и галисийцы познакомились с *art de trobar*, влияние которого, однако, не подлежит сомнению,⁷ из вторых рук. Михаэлис приняла последний вывод и пыталась доказать, что контакт с провансальской поэзией произошел на почве Леона и Кастильи. По ее словам осуществляли его различные младшие, в особенности незаконные, сыновья португальских королей, гранды, поженившиеся на их незаконных дочерях, беспокойный элемент всяких *banidos, exerdados, deitados a Castilla*, изгнанников, бежавших в Кастилию и другие соседние страны. Между 1185 и 1248 гг. их можно было встретить немало при леонском дворе Альфонса IX.⁸ Но находили ли они в Леоне или Кастилье то, чего ищет там исследовательница? Новейшая работа А. Жанруа показала, что как раз после смерти Альфонса VII (1157) оторвавшийся от Кастильи Леон, впрочем никогда и до этого не являвшийся хоть сколько-нибудь значительным поэтическим центром, потерял даже остатки своей притягательной силы. Так было при наследниках

¹ „Grundriss“ Гребера, II/2, стр. 169 сл.

² Там же, 177.

³ Там же, 1/1.

⁴ Там же, 172.

⁵ Кроме таких общих терминов, как *Portegal* у Маркабрюна (XII в.) или *Portogal* и *Callicx* у Гаваудана (конец того же столетия).

⁶ Таковы, может быть, те *joglares*, о которых, как обязательном элементе при королевском дворе, говорится в одном памятнике половины XIII в. Они могли быть не непременно французами. См. указ. том „Grundriss’a“ Гребера (172); ср. также Meléndez Pidal. *Poesía juglaresca y juglares*, Мадрид, 1926, 32, 178.

⁷ Во всяком случае португальцы обращались иногда к провансальскому языку. Так, в пьесе no. 454 „Canc. Calocci-Brancuti“ (изд. E. Molteni, Halle, 1880); no. 488 — полу-португальская, полупровансальская тенсиона; пьеса no. 126 в „Canc. da Ajuda“ содержит французские строки.

⁸ „Grundriss“, II/2, 174—175.

Альфонса, Фердинанде II (1159—1188) и Альфонсе IX (1187—1230), о котором упоминают только Пейре Видаля и Элиас Кайрель. Двор Альфонса не отличался особым гостеприимством.¹

Иную картину представляла собой Кастилья эпохи Альфонса VIII (1158—1214), сумевшего привлечь к себе немалое количество иноземцев для борьбы с маврами. Вслед за военными людьми на полуостров устремились и такие, которые задавались более скромными и мирными задачами обогащения; иные действовали, как Гаваудан, в том и другом направлении. Среди певцов клиентов Альфонса мы видим Пейре Видаля, биографии говорят нам о Пейре Роджере из Оверни и Гугоне де Сан-Сирк из Керси.² Если настаивать на литературной роли изгнанников, то в Кастилье они могли, конечно, кое-чему научиться. Но дело в том, что в эту пору галисийская лирика уже существовала. В своем дескорте „Aga quan veu verdejar“, написанном на пяти языках, Рамбальд де Вакей-рас дает одну галисийскую строфу, свидетельствующую о том, что уже до 1200 г. галисийский успел приобрести значение в глазах лирических поэтов.³ Таким образом приходится начало галисийской лирики отодвинуть несколько дальше в глубь XII в. и рассматривать ее не как результат общения галисийцев или португальцев с представителями провансализма в Леоне и Кастилье, а как явление, выросшее на местной почве, в силу местных причин, хотя и в условиях соприкосновения с франко-провансальской культурой, которую заносили сюда, начиная с XI в., французские воины, духовенство и монашество,⁴ поселенцы, образовавшие по городам своим кварталы (*bairros dos Francos*), и пилигримы, направлявшиеся по *caminho francez*, французской дороге, на поклонение мощам Иакова в Компостелу в Галисии.⁵ Те же влияния проникали в Галисию и Португалию и из соседних областей полуострова, также знакомившихся с литературой и культурой Франции в ту пору.

Таким образом сложилась галисийско-португальская лирика, язык которой оказался настолько же авторитетным, насколько авторитетен был провансальский за Пиренеями или за Альпами. Вот почему к нему обращаются и кастильцы, и леонцы, и южные испанцы, и даже итальянцы. Это был язык, представление о котором неразрывно срослось с представлением о лиризме. Он, как и сама поэзия, имел своих мастеров и меценатов. Обе роли совмещали Альфонс X Мудрый и Дионисий (Diniz) I Португальский (1279—1325). Наиболее выдающимися мастерами-лириками являлись Айраш Нуниш Компостельский и Мартин Кодаш (Codax) из Виго. Популярность и широкое распространение этой литературы, по преимуществу любовной, иногда сатирической или религиозной, обрзли довольно рано к ее собиранию, и таким образом вульгарная поэзия превратилась в писанную литературу. Многочисленные песенники, *cancioneiros*, явились первыми памятниками галисийско-португальской литературы и литературного языка.⁶ Эти кансионеруш стали школой для

¹ „La poésie lyrique des troubadours“, I, 207—208.

² A. Jeanroy, ук. соч., 208—211.

³ Там же, 223—226, 418 (где дана и литература). По мнению Михаэлис, эта строфа написана на не вполне чистом португальском (галисийском) языке (ук. соч., 173). Менендес Пидаль (*Poesia juglaresca*, 154) считает язык строфы арагонско-португальским. Текст дан у P. Meyer („Recueil d'anciens textes bas latins, provençaux et français“, I. Париж, 1877, 89) а также в хрестоматиях Аппеля и Крепини. Смешанный характер языка не меняет, сути дела.

⁴ Французские прелаты руководили епископскими кафедрами в Порту, Куимбре и Браге („Grundriss“ Гребера, цит. том, 170).

⁵ Ср. Jeanroy, ук. соч., I, 227—228. — Rodriguez Lara. *Das origens da poesia lirica em Portugal na idade media*. Лиссабон, 1929.

⁶ Таковы „Canc. da Ajuda“, „Canc. Colocci-Brancuti“, „Canc. del Rey D. Diniz“, „Canc. d'Evora“ (изд. Hardung, Лиссабон, 1875), „Canc. gallego-castelhana“ (ценный

лириков соседних стран. Благодаря им галисийская манера и тематика проникли в Кастилью, где она продолжала пользоваться симпатиями придворных и феодальных кругов до 1450 г. Последним, кто пел здесь галисийские песни, был Альфонсо Альварес де Вильясандино. Хуан Альфонс де Баэна, желая сохранить потомству ценное наследие славного прошлого, составил сборник лирических пьес, являющийся одним из богатейших и ценнейших литературных документов этого времени; это так наз. „Cancionero de Baena“ (1445).

Язык галисийско-португальской лирики в общем единообразен, хотя и не вполне тождествен на всем протяжении ее развития. Условность тона поддерживала единство языка, так как она создавала готовые формулы, которые неизбежно затем повторялись. Галисийцы и португальцы пишут почти одинаково. Но время и обстановка делали все же свое дело, и в языке лирики начинают постепенно появляться черточки, специально португальские: написание *lh*, *nh* вм. *ll*, *nn*, *te* вм. *che*, окончание *-e* вм. *-o* в 3 л. ед. ч. перфекта сильных глаголов, как *fez(e)* вм. *fezo* или *diss(e)* вм. *disso*; *-iu* вм. *-eo* в окончании 3 л. ед. ч. перфекта слабых глаголов на *-ir*, как *-ouueo* вм. *-ouuiu* и нек. др., о которых мы говорили выше. Король Дионисий предпочитает, напр., португальские формы, прибегая к галисийским тогда, когда это выгодно по соображениям ритма.

Гораздо более свободным чувствовал себя прозаик, так как условный язык поэзии не связывал его инициативы. Так большие хроники конца XIV и начала XV вв., Фернана Лопес и Сурара, — являются уже памятниками португальскими, тогда как переведенная с кастильского „Троянская хроника“ или „Crónica general“ (1404) — памятниками галисийскими. Последняя дает нам *mou (to)* вм. порт. *muito*, *gáando* вм. *gado*, *Gomes* вм. *Gomez*, *departeu* вм. *departiu*, *fezo* вм. *fez*, *che* вм. *te*.¹ Это опять же знакомые нам, не слишком глубокие расхождения. Но на этот раз они проводятся последовательно, тогда как лирики, тяготеющие к португализмам, обнаруживают все время колебания.

5

Образование языка куртуазной лирики, как и самой поэзии, было фактом огромной важности. Поэзия эта выражала известный комплекс идеалов феодального сеньера. В процессе работы над нею язык находил необходимые формулы; он подымался на известную высоту, приобретал гибкость и в то же время устойчивость, так как борьба за формулировку приводила к созданию того, что считалось нормой. Первый литературный португальский язык, язык поэтических памятников до половины XV в., — это первая тщательно проработанная языковая формула господствовавшего тогда класса, феодальной знати. На этом языке дворянин учился хорошему языковому тону, португальской речи, которая должна была быть его речью, и рассматривалась как правиль-

памятник творчества галисийско-кастильской школы 1350—1450 гг., изд. R. Lang. Нью-Йорк, 1902). „Canc. general“ или „Canc. de Resende“ (по имени составителя Garcia de Resende (Almerim), изд. в Лиссабоне в 1516 г.; нов. изд. в „Библиотеке штутгартского литер. общ.“, „Canc. da Vaticana“. Памятником религиозной лирики являются *Cantigas de Santa Maria* Альфонса X. О лирике и эпохе см. Aubrey F. G. Bell. *Portuguese literature*, Оксфорд, 1922. О галисийцах специально — Carré Aldao. *La literatura gallega*², Ла Корунья, 1911, и цит. выше работы Лапа и Михайлис. Из старых работ следует отметить работу Ferd. Wolf'a „Studien z. Gesch. d. span. u. port. Nationalliteratur“ (Берлин, 1859).

¹ W. J. Entwistle, ук. соч., 294.

ная, подлинно португальская речь. Один старый португальский грамматик XVII в., Жоан Франку Баррету, говорит между прочим: „у каждой нации и на каждом языке есть одни говорящие лучше, чем другие; у черни, у людей из народа, плебеев и рабов — один язык, у людей же благородных, куртуазных, у этих разумных и образованных людей — другой“.¹ Так думал и португальский феодал XIV—XV вв., считая „разумными и образованными“, конечно, себя и себе подобных. Языковой базой его речи был северный диалект, диалект области, лежавшей между рр. Дуэро и Минью и мало чем отличавшийся от языка родины Португалии, Галисии.² То, что делалось в прозе, — конечно, результат территориального перемещения Португалии на юг и ее обособления: поэзия была слишком связана с прошлым, с симпатиями господствующего класса, чтобы новое положение вещей могло так же скоро сказаться и на ней.

XV в. является не только датой, завершившей расхождение португальского и галисийского, но и датой образования так наз. ново-португальского, т. е. с этого момента начинается новая фаза в истории португальского.

Какова же обстановка, обусловившая переход его на новую ступень? Португалия продвигается на юг, увеличивает выгоды своего приморского положения путем приобретения отличной гавани, Лиссабона. Она сближается с богатой и плодородной южной Андалусией и ее крупными торговыми и промышленными центрами Кórдовой, Севильей, Кáдисом. Здесь, на юге, развился ряд городов с широкими правами; здесь, естественно, скоро начала оживать торгово-промышленная деятельность населения. Уже в конце XIII в. у Португалии стали завязываться европейские торговые связи; до конца XIV в. связи эти успели охватить не только Францию, но и Фландрию, и Англию, и Средиземное море. Португалия обзавелась торговым флотом, организовала у себя морское дело и заняла скоро заметное место в ряду торговых стран Западной Европы. В XIV в. она принялась разрабатывать свои железные и золотые рудники. Все это привело к тому, что в Португалии, стране крупного феодального землевладения и натурального хозяйства, стали развиваться элементы хозяйства денежного. Это подтачивало в известной мере старый социальный строй, ослабляло феодала и облегчало наступление на него королевской власти, развернувшейся в XIII в. в Португалии, как и во многих других зап.-европейских государствах. В рядах экономически усиливающейся городской буржуазии королевская власть находила себе союзников, и из той же среды выходили ее защитники — теоретики, легисты и ученые профессора римского права, для которых Дионисий I основал в 1291 г. университет в Лиссабоне, в новом городе, не связанном традициями, позже переведенный в Куимбру. Так постепенно вступала Португалия в новую фазу своей истории.

В XV в., вскоре после перехода политического руководства в стране в руки нозой династии,³ Португалия обращается к грандиозным морским предприятиям и становится на некоторое время мировой колониальной державой, за которой признается право на владение всеми вновь

¹ J. Franco Barreto. *Ortografia da lingua portuguesa*. 1671, 31.

² Жоан де Барруш называет язык междуречья „conservador da semente portuguesa“, сохраняющим семена португальского языка („*Dialogo em louvor da nossa linguagem*“, Лиссабон, 1540). Цитирую по Лейте де Вашконселуш (ук. соч., 75).

³ С прекращением французской династии в 1383 г. португальцы провозгласили своим королем Жуана (I), магистр ордена Ависа (1385—1443). Сыном этого Жуана был Генрих Мореплаватель, немало поспособствовавший, между прочим, росту морского дела в Португалии.

открытыми землями на восток от меридиана Азорских о-вов и в то же время она чуть было не превращается в обладательницу всего Пиренейского п-ова.¹ Последнее не осуществилось; но подобно своей восточной соседке, Испании, Португалия ликвидирует у себя политическую власть крупных феодалов и превращается в абсолютную монархию, в которой доминирующими социальными силами являются дворянство и духовенство.

Совершенно естественно, что эти новые условия сказались и на языковых отношениях в области литературы. До сих пор, как мы видели, здесь можно было различить две основных ориентации: галисийскую, в классовом отношении феодально-дворянскую, в отношении литературном — поэтическую, и португальскую — демократическую и прозаическую. За пределами литературы в узком смысле слова оставались: живая речь в ее диалектическом разнообразии и пользовавшаяся в широкой мере диалектом деловая письменность. С наступлением описанного выше перелома в жизни Португалии португальская ориентация овладевает и литературой вообще, а так как жизненный центр страны перемещается в XV—XVI вв. к югу, то язык литературы и письменности проникается теперь элементами областей центра, Байры, и юга. Отсюда, напр., широко распространенная на юге замена *ch* — *x*, т. е. *š* вм. *tš*; отсюда *ao* вм. лат. *-one* или *-unt* (*Simão* < *Simone*, *limão* < *limone*, *forão* < *fuerunt* > **furunt* и др.), черты, уже отмеченные нами выше. Когда-то эти черты центра или юга были вульгаризмами и отвергались в феодальную пору. Новый стандарт, более демократичный, принял их, как ему свойственные, родные, и они, таким образом, превратились в достояние национальное. Фариа и Соза отмечает в своей „*Euroa Portuguesa*“, что междуречье Дору (т. е. Дуэро, Минью представляет собой „провинцию, где говорят лучше всего“; наоборот в Байре, по словам того же автора, „[настоящий] язык плохо знают“.² Это было сказано в 1680 г. Дон Франсиску Мануэль де Мелу утверждает, что подлинный португальский — это язык Куимбры, старой столицы, находящейся на рубеже Байры и Эстремадуры. „Если бы мы сказали — замечает он — что более изящно, чем где бы то ни было, говорят в Куимбре, то мы бы не солгали, так как в Куимбре сердце и душа наук, которым обучают и которые изучаются“.³ В XVIII в. Верней нападает на стремление различать *ch* и *x*, что не делалось, как мы уже знаем, на юге, и защищает это свое положение тем, что следует держаться примера образованных людей Эстремадуры, которые говорят на хорошем языке.⁴ Писавший несколькими годами ранее известный португальский грамматик Мадуреира Фейжó восставал как раз против этой особенности лиссабонского произношения.⁵ Но несколькими годами позже Монти Кармелу будет уже отстаивать тезис Вернея, только уточняя его: „мы должны говорить и писать — говорит он — следуя практике большинства, но не невежд и плебеев, портящих языки, а образованных и опытных людей при дворе“.⁶

¹ Португалия могла объединиться с Кастильей, так как Альфонс V Португальский был женат на дочери Генриха IV Кастильского, не оставившего кроме нее других наследников. Но кастильцы провозгласили королевой сестру Генриха, Изабеллу, и, победив португальцев при Торо в 1476 г., вынудили их отказаться от своих притязаний.

² Faria e Sousa. *Eur. Port.*, III, Лиссабон, 1680, 158, 160.

³ D. Fr. Manuel de Melo. *Apologos dialgaes*, изд. 1721 г., стр. 261—262.

⁴ „Sempre se-devem preferir os que sam mais cultos e falam bem na Estremadura“ (Verney. *Verdadeiro metodo d'estudiar*, I, Валенса, 1746, 30).

⁵ Madoreira Feijoo. *Orthographia*, Лиссабон, 1734; 2-е изд. Лиссабон, 1739, 43, 90, 543.

⁶ Monte Carmelo, *Compendio de orthographia*, Лиссабон, 1767 (Предисловие). Как в данном, так и в четырех предыдущих случаях я извлекаю цитаты из „*Esquias*“ Лейте де Вашконселуш (58, 60, 61, 63).

Старая феодальная норма капитулировала постепенно под натиском новых отношений, и язык Лиссабона приобретал все большее и большее значение.

Так складывался новый общепортугальский язык. В преддверии к нему стоит Жиль Висенте, создатель португальской комедии (1469—1536). Крупнейшим классиком ново-португальского является Камонс, точнее Камонш (Camões, 1525—1580), создатель „Луситанов“ (*Os Lusíades*), дело которого в области поэтического языка продолжают Диегу Бернárдес и Агостиньу да Крус, в области прозы — Барруш, Кастаньеда, Коту (Souza) и др. Первыми грамматиками португальского языка были Фернан де Оливейра¹ и Жоан де Барруш, работы которых относятся к 1536 и 1540 гг.; первым орфографом и историком языка — Дуарте Нунш ду Ляну.² Об изменениях в самом языке, происшедших до начала XVII в., мы уже говорили. Напомним в дополнение о результатах контакта Португалии за это время с различными европейскими и внеевропейскими языками.

Эпоха Ренессанса принесла с собой и сюда, как всюду, латинизмы, латинизацию орфографии, как попытку грамматически разобраться в португальском на основе латыни. Знакомство с итальянским языком и литературой оставило в португальском лексиконе ряд терминов, относящихся к искусству, военному делу и торговле. Итальянизмы встречаем мы у такого младшего современника Жили Висенте, как Са де Миранда. Оживление кастильских отношений в эпоху Мануэля Счастливого привело к проникновению в португальский кастильских элементов, которые так характерны, напр., для раннего Жили Висенте и некоторых его современников, среди которых имелись, однако, и такие, которые упорно боролись с кастилизмами. К числу таких борцов, но несколько более поздней эпохи, принадлежит и крупный португальский поэт классической школы, Антониу Феррейра, автор одной из первых „правильных“ португальских трагедий, „A Castro“, появившейся в 1567 г.

6

Расцвет колониального могущества Португалии был недолговременным и довольно скоро сменился упадком. Причиной его явилась прежде всего неприспособленность страны к той роли, которая выпала на ее долю. Португалия была внутренне плохо организована, а буржуазия ее — слишком слаба, чтобы справиться с крайне сложными новыми экономическими задачами. Огромнейшие богатства притекали в Португалию, но они сосредоточивались в руках тех, кто не мог извлечь из них надлежащую выгоду, поднять с помощью их производительность труда, национальную творческую энергию. Богатствами этими пользовались прежде всего король и двор, а затем дворянство и духовенство, т. е. бесполезные социальные элементы, растрачивавшие средства на празднества, на предметы роскоши, ненужные сооружения и дела, расходовавшие деньги непроизводительно. Подлинно деятельные силы страны не выигрывали от всего этого ничего. Хозяйство внутри страны не привлекало к себе надлежащего внимания. Рабы, которыми она стала наводняться,³ дешевые рабочие руки не были в состоянии поднять его и наносили тяжелый

¹ Fernão de Oliveira. Grammatica da linguagem portuguesa, 1536.

² „Ortographia da lingua portuguesa“, 1576, „Origem da lingua portuguesa“ написана до 1601 г., изд. в 1606 г.

³ В особенности более слабо населенные ее области, Эстремадура и Альгарве. В последней их было больше, нежели португальцев. В Лиссабоне они составляли около 10% населения (G. Dieck. Portugiesische Geschichte, Берлин, 1927, 87, 106).

удар трудовому производителю. Деревня беднела, город переполнялся беспокойным и бездельным элементом. Политическое руководство страны, попавшее в плен духовенства, начало преследовать такие работоспособные и полезные элементы, как мавры и евреи, поддерживало иезуитов, насаждало инквизиционные трибуналы. Абсолютизм, опиравшийся на дворянство, парализовал энергию и инициативу городской буржуазии, ликвидировал малейшие следы ее старых вольностей и не заменял их никакими более современными новыми правами. Португалия паразитировала на своих колониях. Притекавшее в нее золото быстро утекало из страны, вынужденной его вывозить, так как производство у себя дома падало. Упадок нравов, безхарактерность, карьеризм, nepотизм, праздность господствовали в высших кругах общества. Вся остальная нация влачила жалкое существование, находясь в ужасной нищете, борясь с голодом; она вырождалась и теряла свои физические и моральные силы".¹

А между тем на колониальном фронте намечались уже новые конкуренты; на полуострове — новый враг в лице Испании, стремившейся поглотить Португалию. Опьянение колониальными успехами, *fumos da India*, как называл его Жиль Висенте, проходило. Португалия трезвела, но продолжала слабеть. В борьбе с Испанией слабо населенная Португалия² оказалась побежденной и превратилась более чем на полвека (1580—1640) в испанскую провинцию.³

В период испанского владычества португальская литература и язык попадают во власть кастильского и искусственности гонгоризма. Португальский наводняется кастилизмами различных категорий и усваивает себе навыки *estilo culto*, испанской напыщенности и манерности барокко, увлекавших португальское дворянство, которое задавало тон в эпоху расцвета клерикально-дворянского абсолютизма. Дело дошло до того, что португальские писатели отказывались от родного языка, на который смотрели теперь как на стоящий ниже кастильского и неспособный служить орудием подлинной литературы. Иные пишут по-португальски и по-испански одновременно. Таков, напр., цитированный нами по другому поводу Франсиску Мануэль де Мелу, один из выдающихся прозаиков послеклассической эпохи. По-испански пишет свои „*Flores de Espana, excelencias de Portugal*“ (1631) и Антониу де Соза де Маседу.

Восстание 1640 г. и последовавшая за ним длительная борьба (до 1668 г.) положила конец владычеству Испании; политическое руководство страной перешло в руки местной династии. Но за истекшее время Португалия лишилась своих колоний в Индии и Индонезии. За ней остались только Бразилия и кое-какие обломки когда-то огромных колониальных территорий. Освободившись от Испании, Португалия попадает под влияние Англии. Участие в войне за испанское наследство окончательно ослабляет ее, а метуеновский договор 1703 г. включает ее вплоть до наших дней в орбиту английской политики.

„Португалия — самостоятельное, суверенное государство, но фактически в течение более 200-х лет, со времени войны за испанское наследство (1700—1714), она находится под протекторатом Англии. Англия защищала ее и ее колониальные владения ради укрепления своей позиции в борьбе со своими противниками, Испанией, Францией. Англия получала в обмен торговые выгоды, лучшие условия для вывоза товаров и особенно для

¹ G. Dierks. ук. соч., 107.

² В первой трети XVI в. население равнялось приблизительно 11½ миллионам (H. Lautensach, в „*Petermanns Mitteilungen*“. Гота, 1932: Portugal, 93).

³ С прекращением дома Авис, Альба по приказанию Филиппа II завоевывает Португалию.

вывоза капитала в Португалию и ее колонии, возможность пользоваться гаванями и островами Португалии, ее кабелями и пр. и т. д.¹

В XVII в. влияние Гбнгоры сменяет влияние французского классицизма; кастилизмы уступают место галлицизмам. Только в XVIII в. положение дел начинает меняться. В связи с оживлением промышленности и торговли, с секуляризацией образования и сокращением дворянских привилегий, с распространением в Португалии либеральных идей французских философов португальская буржуазия начинает оправляться и выходить из того парализованного состояния, в котором она пребывала почти два столетия. Деятельность Помбаля² явилась первым после перерыва наступлением буржуазии против клерикально-дворянского абсолютистского режима. Оно сопровождалось естественно подъемом национального чувства, который не замедлил отразиться и в области языка и литературы.

Французское влияние, однако, не только продолжает давать себя знать, но даже усиливается. Новая волна галлицизмов прокатывается по португальскому языку. Но теперь галлицизмы эти другого порядка. Это термины просветительной философии, политики и экономики, связанные теснейшим образом с интересами и жизнью буржуазии и являющиеся неизбежным пополнением старого фонда, который их не знал. Это уже не галлицизмы светского салона и придворно-аристократической галантерии. Живо реагируя на французские языковые новшества, португальская буржуазия борется одновременно за достоинство родного языка, за возрождение его, как и португальской литературы, путем возвращения к классике, Комоэнсу и др., как мы наблюдаем это у Бокажа.

Это выступление буржуазии и начавшееся было обновление страны захлестывает, однако, на время опять клерикально-дворянская реакция при Жуане VI (1783—1826). Вторжение Наполеона в Португалию, бегство королевской семьи в Бразилию и усиление беззастенчивого хозяйничанья англичан в стране вызывает народное движение, напоминающее испанское и с аналогичными последствиями.

Португальская история XIX в. и начала XX в. представляет собой длинную цепь сменяющих одна другую буржуазных революций и реакций, начиная с революции 1820 г. и вплоть до военного переворота 1925 г.³ Революция 1910 г. свергла монархию и клерикалов, но оставила в силе старые аграрные порядки, тяжелым бременем лежавшие на преимущественно земледельческом населении Португалии, и прежнюю зависимость от Англии. В условиях слабо развитой промышленности и работы наличной индустрии на иностранном капитале португальские буржуазные республиканцы, не имевшие, поэтому, достаточно прочной почвы под ногами, очутились в руках у единственной организованной силы в стране — армии и офицерства.⁴ В 1926 г. в Португалии был произведен военный переворот, давший ей конституцию 1934 г.

¹ В. И. Ленин. Империализм, как высшая стадия капитализма. Соч. XIX, 140.

² Министра Жозе Мануэля I. Деятельность его охватывает промежуток между 1750 и 1777 г.

³ За XIX в. Португалия потеряла Бразилию. Успевшая вырасти и сложиться в особую страну со своими интересами Бразилия, подобно бывшим испанским колониям Южной Америки, оторвалась от метрополии в 1833 г., превратившись сперва в самостоятельную монархию, а в 1882 г. образовала особую республику. Единая и неделимая Португалия с равноправными колониями конституции 1822 г. была идеей, уже в 20-е годы являвшейся запоздалой. См. общий обзор португальской истории XIX в. у В. К. Пискорского („История Испании и Португалии“. СПб., 1902).

⁴ Республиканская гвардия и флот являлись, однако, при этом более лево-настроенными единицами, нежели прочие регулярные войска, т. е. их офицерство. Об этом у Р. Нерге („Spanien u. Portugal“. Берлин, 1929, 65).

и приведший к выступлению на стороне иноземных интервентов в Испании.¹

Такова та социально-политическая обстановка, в которой происходило культурное развитие Португалии в последние почти полтора века. В этих условиях протекало и развитие литературы и языка. Однако для исследования последнего за интересующий нас период времени сделано настолько мало, что сейчас было бы преждевременно подводить какие-либо итоги.

Как и во многих других романских странах, литературная работа в XIX в. в Португалии проходит, главным образом, под знаком французского влияния. Романтиков (Альмейда Гаррет, Эркулану) сменяют реалисты (Эса де Кейруш), парнасцы, символисты и представители других школ, возникших в самое последнее время. Как писатели все они, по преимуществу, ученики французов, и как таковые платили и платят невольную дань своим учителям, как в области литературных концепций, так и в области языка. Но определить сколько-нибудь точно роль этого фактора в языке сейчас крайне трудно.

На очереди также ряд других важных вопросов истории языка XIX и XX вв.: демократизация языка письменности, отношение его к языку классиков, пуризм и новаторство, судьба территориальных и социальных диалектов, современный словарь и тому подобные вопросы, выдвигаемые исследователями языка нашей эпохи.

Но здесь положение историка португальского языка оказывается еще более затруднительным.

7

С тех пор как Галисия оказалась включенной в систему Испании, она превратилась в отдаленную от более значительных ее центров окраину, открытую, однако, естественно испанскому влиянию. Язык ее, старый галисийский язык, продолжал употребляться в официальных документах с половины XIV до начала XVI в. Но это делалось больше по инерции. Галисийский постепенно опускался на уровень патуа, и в XVI, XVII и XVIII вв. им уже перестают пользоваться как языком письменным. Употребление его ограничивается домашним или узко местным обиходом. Мало того, порвав с португальским и не уступив кастильскому, он стал своеобразно восприниматься и той, и другой стороной как нечто отсталое, странное и даже смешное. Этим объясняется, что как португальская, так и испанская драма пользовались им ради комических эффектов.² Вместе с вымиранием старых вещей и понятий в нем вымирало и многое такое, что связывало его с португальским; новые культурные термины он заимствует уже у испанского. Таким образом в галисийский попадают не только коренные кастильские слова, но и термины, заимствованные самим кастильским из других языков, как напр. слова итальянские (*escopeta*, *piloto*) или американские (*chocolate*, *tomate*, *canoa*). Но помимо словарного материала в Галисии начинают распространяться, вероятно уже ранее XVI в., кастильские формы и звуки: формы определенного члена *lo*, *la*, местоим. *sual* вм. *cal* 'который', *llano* вм. *chano* 'ровный', произношение *z* как интердентального спиранта (англ. *th* в *both*) и мн. др. Немногочисленные галисийские города, как Корунья, Виго, Сантьяго или Луго, явились центрами иррадиации кастильских форм и слов.

¹ Об этом подробно у Е. Варга (ук. соч., 24—32).

² Leite de Vasconcellos, *Esquisse*, 56.

Опустившийся до роли патуа, сохранившийся по преимуществу в устах народа галисийский не мог, конечно, привлекать к себе сколько-нибудь серьезного внимания. Однако в связи с интересом к старине и народной жизни и быту, пробудившимся в XVIII в., отчасти под влиянием Руссо, пробудился и интерес к галисийскому. Сармьенто составил словарь местного языка области Понтеведра. Фруйме (1778—1781) опубликовал в своих произведениях ряд галисийских пьес на подлинном их языке, используя для этой цели старый обычай поэтических женских импровизаций. Подобные попытки, конечно, отнюдь не задавались целью возрождения прошлого: задача, которую они себе ставили, носила главным образом археологический характер.

Вопрос о возрождении галисийской литературы встал только в XIX в. Толчок к этому был дан романтизмом, примером Каталонии и федералистскими идеями, которые, как мы видели, обновились в Испании, где в целом ряде областей жива была память о тех временах, когда они существовали самостоятельно. Регионализм — характерная реакция на гипертрофированный централизм кастильского правительства, проглядевшего рост некоторых своих окраин и недостаточно внимательно отнесшегося к интересам местных людей. Но галисийская тяга к автономии имеет и экономическую подоплеку. Галисия, страна скотоводства, заинтересована в низких ценах на корма и высоких на мясо, между тем производящий корма центр, наоборот, — в высоких ценах на корма и низких на мясо. А так как среди галисийских помещиков-скотоводов немало кастильцев, то это крайне осложняет положение и значительно усиливает позиции автономистов. Борьба за автономию закончилась победой последних, но уже только после того, как в Испании восторжествовал народный фронт. В 1936 г. проект статута об автономии был принят галисийцами, но так как Галисия была быстро занята противниками автономии, то он не мог быть проведен в жизнь.

Галисийское „Возрождение“ создало свою литературу, частью на своем же языке. Галисия дала ряд представителей поэзии местного типа, как Росалиа де Кастро или Эдуардо Пондаль. Эмилия Пардо Басан охотно пишет о своей родине, но она пользуется для этого испанским языком.

Она, как и другой испанский писатель-галисиец, Рамон дель Валье Инклан, попыталась ввести в литературный язык некоторые галисизмы вроде местных слов и выражений или употребления формы плюсквамперфекта на *-ra* в индикативном значении. Куррос Энрикес сделал опыт выйти из круга местных тем в область тем более широких, т. е. порвать с традицией областничества и использовать родной язык в интересах поднятия местной культуры на более значительную высоту и европеизации ее. Галисийская поэзия продолжала развиваться и на старых и на этих новых путях. В Галисии была организована местная Академия, ставящая своей задачей изучение края и культуры галисийского языка с тем, чтобы ввести его не только в оборот поэзии, но и прозы, т. е. вернуть ему прежнее значение литературного языка, равноправного кастильскому.¹ Галисийская лига (*Liga Gallega*) опубликовала еще в 1898 г. обстоятельный каталог изданий на галисийском языке;² а местные журналы „*Revista Gallega*“ и „*Galicia*“ помещали на своих страницах статьи, посвященные изучению гальего.³

¹ W. J. Entwistle, ук. соч., 305, 306.

² „Catálogo de obras escritas en gallego“, Ла Корунья, 1898.

³ О галисийской литературе см. E. Carré Alba o. *Literatura gallega*, 1914.

8

Территория португальского языка значительно обширнее территории Португальской республики. На Пиренейском п-ове на португальском говорят в лежащем близ границы, но на территории Леона, городке Эрмисенде, в Оливенсе (Эстремадура), также небольшом городке на испано-португальской границе, и в испанском пограничном поселке Аламедилья в пров. Саламанка. Кроме того, близкими к португальскому являются говоры в области г. Миранда, и в португальских пограничных селениях областей Браганса, Рионор и Гвадрамиль.

Вне пределов полуострова португальский живет: 1) на Азорских о-вах;¹ 2) на о. Мадере;² 3) в португальской Африке;³ 4) в Азии;⁴ 5) в Малайском архипелаге и в Океании;⁵ 6) в Америке. Особенно широко распространен португальский в южной Америке и прежде всего, конечно, в Бразилии с ее многомиллионным населением.⁶ Кроме того, отметим ныне утративших свой язык португальских евреев, изгнанных из Португалии Мануэлем I в конце XV в. Они образовали группы в Голландии (Амстердаме и Гаге), в Германии (Бавария, Гамбург) и в Италии (Ливорно).

В Азии, Африке и на Малайском архипелаге возник ряд интереснейших и своеобразных креольских наречий, характеристика которых не входит в нашу задачу, так же как и характеристика особенностей португальского в Бразилии.⁷ Наречие Азорских о-вов и о. Мадеры — южно-португальское, но несколько видоизмененное. И там и тут португальскому *o* отвечает *u*: *flur* вм. *flor*, *bim* вм. *bot*; португальскому *u* — *э*зук, близкий французскому *u*. На Азорских о-вах кроме того вместо португ. *ei* мы имеем *e*: *tercero* вм. *terceiro* 'третий'; *ão > a* (*mão* 'рука' звучит *mā*); окончанию 3 л. ед. ч. перфекта *-iu* здесь отвечает *-i*: *uní* вм. *uniu* от *unir* 'соединять'. На Мадере *ou > o*; следовательно *poço* вм. *rouço* 'мало'; *lh* звучит как *l* (*filho* 'сын' как *filo* 'нить'), а *l < ll* — как *lh* (*grilo-grilho*).

Основными континентальными диалектами португальского являются: 1) диалект междуречья (между Дуэро и Минью), так наз. *interamense*, крупнейшими центрами которого следует считать Вьяна, Брага и Порту; диалект области первых двух центров называют *minhoto* (от названия р. Минью); 2) диалект пров. Траз-уж-Монтиш или Трамонтану

¹ Заняты Гонсалу Кабралем между 1432 и 1457 гг. (225 тыс. жит.).

² Занята Жуаном Гонсальвеш в 1420 г. (215 тыс. жит.). Азорские о-ва и Мадера составляют часть метрополии.

³ О-ва Зеленого мыса (160 тыс. жит., главным образом, негры и мулаты); Португальская Гвинея (380 тыс. жит., из которых только 1 тыс. белых); о-ва Гвинейского залива: св. Фомы, Принсипе, Ану-Бон (до 70 тыс. жит., почти исключительно негры); Ангола, крупнейшая африканская колония (с населением ок. 3 млн., состоящим почти из одних негров); Мозамбик насчитывает более 4 млн. жителей, из которых европейцев всего 18 тыс. чел. К северу от него — небольшие владения Занзибар, Монбаса и Мелinda.

⁴ Португальская Индия на западном побережье Индостана с туземным населением ок. 600 тыс.; небольшие португальские группы на Цейлоне, в Бенгалии; в Индокитае — в Малакке; в южном Китае — г. Макао, против Гонконга (170 тыс. жит.). Небольшие группы в Коморане (Персия), Бассоре, Мока.

⁵ Небольшие группы на Зондских, Молукских о-вах, на о. Тиморе и Сандвичевых о-вах.

⁶ В Северной Америке имеются небольшие группы в Калифорнии и некоторых штатах; в южной — в Парагвае и Аргентине; в Суринаме. Бразилия открыта португальцами в 1500 г.

⁷ Об этих диалектах, из которых бразильский имеет теперь свою литературу и превратился в подлинный язык, подобно английскому в США, см. Leite de Vasconcellos. *Esquisse*, 72, 157—196. Здесь приводится обширная литература вопроса. Для последующего времени, кроме „Jahresberichte“ Vollmöller'a, см. „Portuguese bibliography“, изд. в 1922 г. „Hispanic Society of America“.

(*tramontano*).¹ 3) Диалект обл. Байра (с центрами Визеу, Авайру, Кастелу Бранку, Пиньеру и в особенности Куимбра). Все перечисленные территории (кроме Нижней Байры) лежат севернее р. Мондегу, отделяющей северные и центральные группы наречий от южных. 4) За Мондегу лежат провинции Эстремадура (диал. *estremenho*), Алентежу² и Альгарве,³ диалекты которых можно объединить в одно целое. Особое место занимает Лиссабон, в языковом отношении менее тесно связанный с Эстремадурой, на территории которой он находится, как благодаря пестрому составу своего населения, так и той культурной роли, которую он играет как центр научной, литературной и художественной жизни страны. Особое место должно быть отведено и области Барранку, лежащей на восток от р. Гвадианы у самой испанской границы. Гвадиана отрезает ее от остальной Португалии настолько, насколько выдвинутое на восток положение связывает ее с Испанией. Вот почему, по словам Лейте де Вашконселуш, житель этого своеобразного края на вопрос о том, португалец он или испанец, отвечает на своем языке, что он „барранкero“ (*so Barranquêro*).⁴

Для диалекта междуречья, в особенности для миньоту, характерно *b* вм. *v*, т. е. *bos* вм. *vos*, *bida* вм. *vida*. Лат. *-one* дает здесь *-õu*; в ст.-португальском мы имели *-om*, теперь дифтонг *-ão*; следовательно *carb-one* > *carvum* > *carvão* 'уголь', в нашем диалекте *carbõu*. Обе эти особенности отмечены еще на рубеже между XVI и XVII вв. Дуарте Нуниш ду Льяну. Конечные носовые *ẽ* и *õ* денасализуются, и вместо *virgen* мы имеем здесь *birge*, а латинское глагольное окончание *-unt* дает простое *-o* (*-u*): *fuerunt* > *foro*. Окончание 2 л. мн. ч. в форме наст. вр. изъявит. накл. *-atis*, *-etis* превращается в *-aides*, *-eides* и, следовательно, мы получаем на севере Португалии *cantaides*, *vendeides* вм. *cantades*, *vendedes*. В миньоту различаются *ç*, *z*, *s* и *ś* в начале и середине слова: *paço* 'дворец' < *palatiu* и *paso* 'шаг' < *passu*, *cozer* 'варить' < *coquere* и *coser* 'шить' < *cucire*. Ряд перечисленных особенностей совпадает с галисийским.

Смена *v* и *b* характерна и для диалекта трамонтану, так же как и различие *ç*, *z*, *s* и *ś* (русск. *э*). Но в этой области мы встречаем и монофтонгизацию *ou* > *o* и *eu* > *e* (лат. *-eu*, *ego*): *oro* (порт. *ouro* 'золото') является уже переходом к исп. *oro*; *me* 'мой' < *meu*, *des* < *deus* (порт. *meus*, *deus*); носовое *ẽ* становится *a* (*tampo* < *tempu*, *vanto* 'ветер' < *ventu*). Архаичными являются здесь метатеза *frol* вм. *flor* 'цветок' и частичное различие *ch* (*tš*) и *x* (*š*). В области глагольных форм следует отметить форму 3 л. ед. ч. перфекта сильных глаголов, оканчивающихся на *-o* вм. порт. *-e*: *houbo* 'он имел' (*habuit*), порт. *ouve*; *houbo* образовано, очевидно, по типу слабых глаголов, как *servio* || *serviu* 'служил' или *vendeo* || *vendiu* 'продал' (лат. *servivit* > **serviut*, *vendidit* > **vendedit*). В диалекте трамонтану мы должны отметить, таким образом, два важных момента: архаические формы и формы, связывающие его с диалектом междуречья и галисийским; с другой стороны, у него есть точки соприкосновения с соседними испанскими диалектами, в частности с леонским.⁵

¹ Названный так потому, что эта область лежит по ту сторону северных гор, Serra da Cabreira и Serra do Marão. Центры ее: Вила Риаа и Браганса.

² Центры: Ивора, Алькасер ду Суль, Бежа и Мёртола.

³ Центр: Фару.

⁴ „Esquisse“, 153.

⁵ Отметим еще общее галисийскому и северу ударение в форме 1 л. мн. ч. имперфекта, лат. *-abamus*. Это *-abámos*, *-avámos*: *cantabámos*, *cantavámos*; в остальных частях Португалии *-ábamos*, *-ávamos*.

В центральном байранском диалекте (*beirão*) сезерные черты начинают отпадать и появляются южные особенности. Так мы видим здесь в некоторых районах монофтонгизацию дифтонгов *ou* и *eu* (*chapé* 'шляпа' вм. *chapeu* < *capellu*), отмеченную для трамонтану; но здесь она развита шире. Байранский, как и север, смешивает *b* и *v*; так же, как и север, он различает *ç* и *z*, *s* и *ś*, только различение это проводится гораздо менее последовательно. Переход *ch* > *x* довольно част.

Юг гораздо определеннее центра. Переход *ou* > *o* на юге проходит повсюду, и отсюда он попадает на Азорские о-ва и Мадеру; юг не любит дифтонгов. В области консонантизма *b* и *v*, *ch* и *x* не смешиваются, но вм. *s* и *ś* мы имеем здесь *ç* и *z*; *lh*, как в соседнем андалусском, дает *y*: *fiyo* 'сын', порт. *filho*. В спряжении форма 3 л. мн. ч. во всех временах заменяет форму 2 л.¹

Еще сильнее испанское влияние в диалекте Барранко. Здесь *ou* и *ei* > *o* и *e*, т. е. мы получаем звуки, почти тождественные испанским. В группе *s* + согл. или в конце слова *-s* звучит как *h*, как это можно наблюдать в Андалусии. Как там, так и здесь, конечное *l* отпадает; след. *Manuel* — *Manué*, *sal* — *sa* и т. п. Смешиваются *v* и *b*; как в испанском, мы имеем форму *nosotros*; причастие от *ter* (*tenere*) — *tenido* совпадает с испанским. Кроме того конечное *-r* инфинитива отпадает: *guardá*, *cantá*; *-l* перед согл. > *r*: *salto* > *sarto*.

Особняком стоит, как мы уже сказали, Лиссабон. Здесь *ou* звучит по-южному, как *o*, и это произношение принято как общепортугальское. С начала XVIII в. проходит здесь *ch* > *x*, также ставшее стандартным. Наконец, Лиссабон знает французское *r*.²

Что касается Галисии, то, несмотря на небольшие ее размеры, эта необычайно изрезанная горами страна, как обычно подобные страны, в языковом отношении дает целый ряд вариантов. Основных разновидностей здесь можно отметить четыре, а именно: наречия Коруньи, Луго, Оренсе и Понтеведра. О характере их расхождений можно судить, сопоставляя, напр., следующие формы. Понтеведра является исходной точкой распространения интердентального спизанта *z*. Лат. *plani* дает в Корунье и Луго *chao*, в Понтеведра — *chan* 'ровный'; в Луго и Оренсе мы имеем *tu*, в то время как Корунья и Понтеведра дают *tí*. Аналогические формы *faguer*, *tanguer* вм. *facer*, *tanger* характерны главным образом для Оренсе.

Наибольшие расхождения между диалектами как Португалии, так и Галисии относятся к области лексики. В этом легко убеждается каждый кому приходится обращаться к областным словарям.³

¹ Leite de Vasconcellos. Esquisse, 136.

² Для португальских диалектов см. там же, 147—156.

³ Об изданиях португальских диалектических словарей см. там же, 62, 64—65, 69.

Для галисийского там же, 74. К старым словарям, цитируемым у Лейте де Вашконселуш, следует прибавить: M. Villadares Nuñez. Diccionario gallego-castellano, Santiago, 1884. Новейшим является C. Carré Alvarelllos. Diccionario gallego-castellano, I (A—D), La Coruña, 1928.

ТЕКСТЫ

СТАРАЯ КАСТИЛЬЯ

1. Документ 1173 г.

(По E. Monaci. Testi basso-latini e volgari della Spagna. Рим, 1891, стлб. 10)

In nomine Patris et Filii et Spiritui sancto, amen. Sepan los que son é los que serán, como yo Mari Roiz, morador en el hospital de Sant Peidro de Cardenna, que dicen de la Munneca, que es en el camino frances, en uno con mios sobrinos Dieg Roiz et Illana Roiz, fijos de Urraca Roiz mi hermana, damos á vos don Martin abbat é á los monges del monesterio de Sant Pedro de Cardenna, et á los que venrán despues de vos, por siempre jamás, pora servicio de los pobres del hospital avant dicho, el nuestro palacio de Valdeolmos con sus casas et con su uerto; et dos solares poblados, et uno es entre casa de don Domingo et el nostro palatio, et el otro es tras casa de Garci Diaz, con su uerto; la primera tierra, la de tras el palacio fasta que lega á la de Miguel Peydrez; et otra sobre el arroyo que lega á Sancta Justa; et otra sobre Sancta Justa, que lega fasta Domingo Fernandez; de alia parte Pero Sancio, et adelant el agigon, aletanis de una parte la carrera, de alia parte Migael Perez, et delant la serna de Som Otero, aletanis Migael Perez una faza, del una parte Gonzalvo Johanes, otra faza del otra parte de alia parte la carrera; el otra tierra la Soma, de la parte Gonzalo Johanes; de alia parte la de Sancti Jacobi; adelant otra que dicen de Fuente de Fernando aletanis; de una parte Munno Fernuindez.... quiquier que de nostro linage ó de otra qualquier aqueste nostro fecho et aquesta nostra donacion quisiere quebrantar, toda ó parte de ella, primeramientre aya la ira de Dios, et con Judas el traidor, et con Datan et Abiron, que vivos la terra los sorbió, en enferno sea atormentado. amen. et sobre esto peché al rey de la terra mille marabetinos, et al monasterio et al hospital sobredichos la heredad doblada. fecha la carta en Burgos v nonas octobris, era m cc xi regnante el rey don Alonso en Burgos, et en todo so regno cum su muger la reyna donna Leonor. Giraldus scripsit.

2. Из „Поэмы о Сиде“.

(По изд. R. Menéndez Pidal)

[Empieza el texto del Cantar]

De los sos ojos tan fuertementre llorando,
tornaba la cabeça i estávalos catando.
Vío puertas abiertas e uços sin cañados,
alcándaras vázias sin pieles e sin mantos
e sin falcones e sin adtores mudados.
Sospiró mio Çid, ca mucho avié grandes cuidados;
Fabló mio Çid bien e tan mesurado:
„grado a tí, señor padre, que estás en alto!
„Esto me an buolto mios enemigos malos“.

Agüeros en el cami no de Burgos

Allí pienssan de aguijar, allí sueltan las riendas.
A la exida de Bivar, ovieron la corneja diestra:
e entrando a Burgos oviéronla siniestra.
Meçió mio Çid los ombros y engrameó la tiesta:
„albricia, Alvar Fáñez, ca echados somos de tierra!
[„mas a grand ondra tornaremos, a Castiella“].

El Çid entra en Burgos

Mio Çid Roy Díaz por Burgos entróve,
En sue conpañã sessaenta pendones;
exien lo veer mugieres e varones,
burgueses e burguesas, por las finiestras sone,
plorando de los ojos, tanto avien el dolore.
De las sus bocas todos dizian una razón:
„Dios, qué buen vassallo, si oviesse buen senore!“

Nadie hospeda al Çid.—Sólo una niña
le dirige la palabra para mandarle
alejarse.—El Çid se ve obligado a acampar
fuera de la población, en la glera.

Conbidar le ien de grado, mas ninguno non osava:
el rey don Alfonsso tanto avie le grand saña.
Antes de la noche en Burgos dél entró su carta,
con grand recabdo e fuertemiente seellada:
que a mio Çid Roy Díaz que nadi nol diessen posada,
e aquel que gela diesse sopiesse vera palabra
que perderie los averes e mas los ojos de la cara,
e aun demás los cuerpos e las almas.
Grande duelo avien las yentes cristianas,
ascóndense de mio Çid, ca nol osan dezir nada.

El Campeador adeliñó a su posada;
asi commo llegó a la puerta, fallóla bien çerrada
por miedo de rey Alfons, que assí lo pararan;
que si non la quebrantás, que non gela abriessen por nada.
Los de mio Çid a altas voces llaman,
los de dentro non les queriën tornar palabra.
Aguijó mio Çid, a la puerta se llegava,
sacó el pie del estribera, una ferídal dava;
non se abre la puerta, ca bien era çerrada.

Una niña de nuef años a ojo se parava:
„Ya Campeador, en buena çinxiestes espada!
„El rey lo ha vedado, anoch dél entró su carta.
„con grant recabdo e fuertemiente seellada.
„Non vos osariemos abrir nin coger por nada;
„si non, perderiemos los averes e las casas,
„e aun demás los ojos de las caras.
„Çid, en el nuestro mal vos non ganades nada;
„mas el Criador vos vala, con todas sus vertudes santas“.
Esto la niña dixo e tornós pora su casa.
Ya lo vede el Çid que del rey non avie graçia.
Partiós de la puerta, por Burgos aguijaua,
llegó a Santa María, luego descavalga;
fincó los inojos, de coraçón rogava.
La oraçión fecha, luego cavalgava;

salió por la puerta e Arlançon passava.
 Cabo Burgos essa villa en la glera posava,
 fincava la tienda e luego descavalgava.
 Mio Çid Roy Díaz, el que en buena çinxo espada,
 posó en la glera quando nol coge nadi en casa;
 derredor dél una buena conpañã.
 Assi posó mio Çid commo si fosse en montaña.
 Vedada l'an compra dentro en Burgos la casa
 de todas cosas quantas son de vianda;
 nol osarien vender al menos dinarada.

НОВАЯ КАСТИЛЬЯ

3. Документ 1206 г.

(По E. Monaci. Testi basso-latini e volgari della Spagna. Рим, 1891, табл. 12)

In Dei nomine et ejus gratia: esta es avenencia é camio que fezo donna Cecilia la badessa del monesterio de San Climent con voluntad et otorgamiento de so convent et con otorgamiento de nostro senior é padre onrado l'arcebispo de Toledo don Martino é primat d'Espania, quem Deus salvet et onret. L'abbadessa nomrada fezo esta habenentia con don Fernando Pedrez filio de don Pedro Matheo, que Deus perdone; tal habenentia fezo, que del dia d'oy delessa don Fernando Pedrez é desesses de toda la heredad qu'el tenie en aldea d'Arganz él, é ome por el, de tierras, vineas, ortos, prados, molinos, casas, corrales, solares, entradas y essidas, é de quantas derechuras avie en aldea d'Arganz la conomrada de las aldeas de Toledo; é delessós é desessiós de poco é de mucho, como que lo avie ó le devie ad haber; é delessólo al monasterio de San Climent, que sea heredad de sus heredades del monesterio de San Climent; é nol remaso á don Fernando Pedrez el conomradó ni poco ni mucho, ni entrada ni essida, ni en aldea d'Arganz la conomrada, ni á él ni á omne por él. é por esto, que don Fernando Pedrez dió al monesterio de San Climent, dió la abadessa conomrada é so convent, en camio, á don Fernan Pedrez el conomrado, diéronle é desessiéronse dello; diéronle en aldea de Rielves de las aldeas de Toledo, que Deus salvet, diéronle la meatad de quantas tierras an oy en dia é deben ad aver tro al dia d'oy en aldea conomrada de Rielves; é si en esta meatad quel dieron, oviere Fernand Pedrez heredad pora ses iugos de buees, á cada iugo viij kafizadas sem-nadura, las duas partes de trigo é la tercera de cebada, téngalo é sea pagado; é si non oviere y tanto ena mediatat pora ses iugos, como dicho es, quel den cumplimiento en otra meatad que es del monesterio. e dieron á don Fernand Perez la meatad de casas é de corrales é de solares é de las eras, é d'eras é de tierras pora otros, é meatat de prados é meatat de las vineas é de maliolos, que oy en dia an, é que deben ad aver tro al dia d'oy, por qual guisa se quier que sea. é danie el tercio de la heredad que fo de don Julian filio Dalcavacil Ceid, en aldea de Daralviejo de las aldeas de Toledo; é otrosí le dan el tercio de prados é casas é corrales é solares é aguas é entradas é ássidas de quanto pertenesce á don Julian el conomrado, de quanto heredó su filia donna Luna, la qual es soror del monesterio, fueras los majolos, que son de don Alvaro, é en esto ad á seer pagado Fernan Pedrez, como dicho... es fecha la carta en xvi dias de ianero, era m cc xl iij...

АРАГОН

4. Документ 1225 г.

(По E. Monaci. Testi basso-latini e volgari, таб. 14)

Esta es carta de destín que fago yo dona Sancha de Rueda, estando en mi seso et en mi memoria. primeramente lexo por mi alma el mi orto, que sea tenuta lámpada de noite et á las horas devant el altar de Sancta Maria de Piluet por todos tienpos; et lexo el campo de los Quinones, que m'end fagan por alma todos anyos una vegada, á los clérigos de Piluet; et lexo las mis casas con las cubas et con las arcas et con quanto está entro en las casas, que me sean cantadas todos los annos xxx misas por mi alma; et todo esto léxolo en poder de mi fillo don Martin: que él que lo cumpla en sus dias; et despues sos dias, que lo lexe á quien el querrá, que sea del linaje, et que cumpla esto. de más lexo al capellan del Piluet xii dineros, et á los escolanos cada vi dineros; á Berola x soldados, á Sancta Maria de Villa Viella xii dineros; á Sancta Anastasia xii dineros; et lexo á mi fillo don Martin la vinea de Riel, et á Ferrer el campo de las Canales; et lexo á mi filla dona Toda et á don Garcia so marido el campo de la carrera de Tudela, en paga de xvi cañices de trigo que me emprestaron, et lo ál que finca, quiten mis debdas, et pártanlo mis fillos. esto fué fecto en presencia de dona Sancha Tarin et don Stevan el capellan, et de otros buenos omes; et fueron cabeçaleros don Jhoan de la Tienda et don Fertuino Navarro. facta carta mense madii, era m^a cc^a lxiiij^a. Marcus scripsit.

ЛЕОН

5. Леонская грамота 1260 г.

(Из E. Sfaaff. Étude sur l'ancien dialecte léonais, Упсала, 1907, 80)

Connoçuda cosa sea a todos por aqueste escripto, que ante mi Alfonso Johan, notario publico et jurado del Conceyo de Leon, et ante estos omnes bonos de yuso escriptos don Martin, monge del monesterio de Sant Ffagunt, prior del prioradgo de Sant Ffelizes cerca Maorga, presentó et amostró una letra de don Alfonso, dean de Palençia, seellada de so seyello pendiente, a Arias Pérez, canoligo de Leon, enna qual letra el dean sobredicho amonestava et mandava a Arias Pérez pela auctoritat del papa que enno pleito que yera entre Alfonso Pérez, clérigo del choro de Leon, de la una parte et el abbat et el convento del monesterio de Sant Ffagunt del otra sobre la devandicha eglisia de Sant Ffelizes, que non fezies nemigaya en esse pleito ata que él no lo determinás assi como el papa ye avia mandado por sua letra. Ela qual letra fu leyda de yiervo a yervo ante Arias Pérez et por que yo Alfonso Iohan, notario sobredicho, a esto todo de suso dicho fuy presente, et xamado por ruego del pornomnado prior don Martin escriví ende este publico estrumento et fiz en elle mia sennal. Esto fu en Leon ennas casas de Arias Pérez, sabbado ante de viespras, quatro dias andados del mes de setembre, en era de mill et duzien-tos et nonaenta et vuecho annos. Estos furo: presentes: don Pedro Alfonso, cavallero. Johan Galvan, cavallero. Diego Marcos, escudero. don Guzberte. Domingo Pérez Lozano. Pedro Ffernandez, clérigo del choro. don Vicente, escrivano. don Pascual, çapatero. Alfonso Johan qui notuit.

КАТАЛОНИЯ

6. Документ, составленный между 1080 и 1095 гг.

[По J. Miret y Sans. Documents en langue catalane. Revue hispanique, т. XIX (1908), 11—12]

Hec est memoria de ipsas rancuras. Que abet domnus guitardus isarnus, senior caput ense. De rancuras de filio de guilelm arnall. Et que ag de suo pater de guilelm arnall et non uoluit facere directum in sua uita de ipso castro de caput ense che li comanna, et comannalem mir arnal. Que en las ostes et en las caualgades on guilelm arnal es ab mi che mir arnall si alberg ab guilelm arnal. Et si guilelm arnal me facia tal cosa que drecar nom uolges ho no poges hos sis partia de mi che mir arnall me romases aisi com lom auia al cia che ad el lo commanne. Et in ipsa onor a guilelm arnal no li done negu domenge ni establiment de caualler ni de pedo per gitar ni per metre quan li comanne mir arnall. Et dixit mihi guilelm arnal, et couengmo. che no s'ria mos dons ni ma folia per nullo ingenio. Et ego dixi ad mir arnall in presencia de guilelm arnall: Que de quant auia in mir arnall no men iachiare. Et sicut in ista pagine est scriptum sic donauit mir arnall ad guilelm arnal. Et fuit rancuros de guilelm arnal e ssono del fil quar sipres mils arnall che io nol li done. El si fed assi solidar, el comanna assa muler et ad suo filio achuit nol done hanc. Et rancurmen del castel de Caboded hon io pris podstad per mal che mir arnall mauia fait et dict a mi et a ma muler e rredil a guilelm arnall aissi com io li auia comanad. Et el redel a mir arnal et fedlen fer conuenenca che nomesta cas (ais?) dret e che nolme fedes sens el. Et illum tortum que el men fed et drecar nom uolg ia chil assuo filio et io fuit rancuros del fil efforonne iudicis donads et aculids et mir arnall fer nols me uolg. Et fuit rancuros de guilelm arnall essono del fil quar daltra gisa an mir arnall sin—no com io lols done. E sso rancuros de guilelm arnal quar fed conueniencia de la mia onor ab suo fratre senes lo meu consel el meu sobud. Et nono laud ne nono hau torg. E per co no no rancure in uita de guilelm arnal quar no no sub entro mortuum fuerit guilelm. E sson rancuros de mir arnall del castel de caboded quar neremes el recobra daltra guisa sino com los auia. Et son rancuros quar solida de la mia onor a guilelm arnal et ad sua mulier et ad suo filio. Et son rancuros de les toltes e de les forces que fa en la mea onor. Del seruici del Kastel et del pug que ad illum non debent facere. Rancurmen de la caualleria de mir guilabert qui no mes seruida. Rancurme quar desmentist ma mylier ante me e de las folias que li dexist dauant me. Et rancurme de mir arnall de la casa de boxtera che sa presa e ma tolta et non debet abere nisi solum decimum. Rancurme de l bou de oliba dares e no li uol redre. Rancurme de l uaca de guilelm oler no la uol redre. Rancurme de la casa de pere baro et tollit seruicium et non debuit abere. Et rancurme de guilelm arnal de riuo albo que dedit a mir arnall senes meo consilio et tu non iauias nullum stabilimentum sine meo consilio. Et rancurmen de mir arnal quar lo pres sine meo consilio. He rancurme de mir arnal quar daltra guisa elegit baiulum en la onor de guilelm arnal sino con elo manna in suum testamentum. Et totas istas rancuras que auia de guilelm arnal et de suo filio et de mir arnall sic relinquo ad mulier mea et ad mir filio meo. Et per co totos meos omínes per fiduciam quam ego abeo in illos et illos baiulos quam ego abeo electos in meo testamento per directum et per fiduciam quam ego abeo in illos que uos adiuuetis ad mulier mea et ad filio meo per pled et per gera tro lor dret los en sia exid.

КАТАЛОНИЯ

7. Клятвенное обещание Петра Рамона, графа Пальерса
(между 1100 и 1123 гг.)

[По J. Miret y Sans. Documents en langue catalane. Revue hispanique, т. XIX (1908), 7]

Sacramentum Petri comitis, dc. XL. VIII l.

Iuro ego Pere Ramon comte fil de Valenca comtessa che dachesta hora enant treua et paz tenre et a mos omes tener la mannare axi co lo bispe feta la a escriure et si negu monome de Pallars la an ukanta (?) ne la frau a Deu et al bisbe per destrenner e per rederce aitoris lensere et acsi com damont es scrit et hom lige io pod si o tenre et o atendre a Deu et al bispe senes engan per Deu et ista iiii-or euangelia. Arnall Ramon simul. Tedball Ramon simul. Pere Guillem simul. Bernard Guillem. R. Bernard. Pere Rodger. Rodlan Rodger. Ramon Pere. Ecard de Mur. Guillem Arnall de Basturc, Bernard Bernard de Tenrui. Berenguer Borrell, Ramon Brocard. Od de Mur. G. Jozfred. Vtalard. Ramon Guinaman. Girbert Amat. Rodger de Montanna. Pepin de Girueta. Dalmaz Isarn. Pere R. de Pugcercos. Arnall Pere de Girueta. R. Mir de Clarmont. Arnall Rodger. Girbert Ug et suos filios. Berenguer Ramon de Mur. Berenguer Ramon de liminnana. Pere R. de Terraca. Oliuer de Eroles. Marti Pere. Ramon Pere de Cellua. Vg. de Guardia. Bernard Amat. Ramon Adalbert. Pere Ferrer. Pere Gid. Mir Ramon de Clauerol. Vidia de Galiner. Ramon Pere de Talarn. Ramon Ramon de Orcall. Bernard Eriman. Bernar Ogger de Tenrui. Bernard Ramon. Pere Ramon de Eril. Bertran At. Arnall Guilabert. Omnes isti iurauerunt treugam et pacem.

8. Auto de partilhas (1192 г.)

[По J. Huber. Altportugiesisches Elementarbuch, Heidelberg, 1933, 291]

In Christi nomine. Amen. Hec est notitia de partiçon e de devison que fazemus antre nos dos herdamentus e dus cout[us] e das onrras e dos padruadigus das eygreygas que forum de nossu padre e de nossa madre en esta maneira: que Rodrigo Sanchiz ficar por sa particon na quinta do couto de Viiturio e na quinta do padroadigo dessa eygreyga, en todolus herdamentus de couto e de fora do couto; Váasco Sanchiz ficar por sa particon na onrra d'Ulveira e no padroadigo dessa eygreyga, en todolus herdamentos d'Olveira e en úú casal de Carapezus que chamam da Ulvar e en outro casal en Agiar, que chamam Quintáá; Méén Sanchiz ficar por sa particon na onrra de Carapezus en us outrus herdamentus e nas duas partes do padroadigo dessa eygreyga e no padroadigo da eygreyga de Creysemil e na onrra e no herdamento d'Arguiffi e no herdamento de Lauoradas e no padroadigo dessa eygreyga; Elvira Sanchiz ficar por sa particon nos herdamentos de Centegáus e nas tres quartas do padroadigo dessa eygreyga e no herdamento de Creyximil, assi us das sextas com' en outro herdamento. Estas particoens e divisoe[n]s fazemus antre nos, que vallam por en secula seculorum. Amen.

Facta karta mensse Marcij e. m^a. cc^a. xxx^a. Váasco Suariz testis. Vermúú Ordoniz testis. Méén Farripas testis. Gonsalvu Vermuiz testis. Gil Diaz testis. Dom Martio testis. Martin Periz testis. Don Stepham Suariz testis.

Ego Johanes Menendi presbyter notavi.

9. Testamento (1193 r.)

[По J. Leite de Vasconcellos. Textos arcaicos³. Lisboa (1923), 14].

In Christi nomine. Amen. Eu Eluira Sanchiz offeyro o meu corpo áas virtudes de Sam Salvador do mōnsteyro de Vayram, e offeyro con o meu corpo todo o herdamento que eu ey en Centegãus e as tres quartas do padroadigo dessa eygleyga e todo hu herdamento de Crexemil, assi us das sestas como todo u outro herdamento: que u ãia u moensteyro de Vayram por en secula seculorum. Amen.

Fecta karta mense Septembri era mcccxxxi. Menendus Sanchiz testes. Stephanus Suariz testes. Vermúú Ordoniz testes. Sancho Diaz testes. Gonsalvus Diaz testes.

Ego Gonsalvus Petri presbyter notavi.

10. Из Cancioneiro da Vaticana, изд. E. Monaci, Halle, 1875, no 234

Disse-mh'a mi meu amigo
quando s'ora foi sa via,
que non lh' estevess' eu triste,
e cedo se tornaria;
e sōo maravilhada
6 por que foi esta tardada.

Disse-mh'a mi meu amigo,
quando s'ora foi d'aquen,
que non lh' estevess' eu triste;
e tarda e no mi ven;
e sōo maravilhada
12 por que foi esta tardada.

Que non lh' estevess' eu triste,
cedo se tornaria.
e pesa-mi de que tarda,
sabe-o santa Maria,
e sōo maravilhada
18 por que foi esta tardada.

Que non lh' estevess' eu triste,
[e] tardá e non mi ven,
e pero non é por cousa
que m'el non queira gran ben;
e sōo maravilhada
24 por que foi esta tardada.

11. Из Cancioneiro d'el Rei D. Diniz, изд. R. Lang, Halle, 1894, no 80

Dos que ora som na oste,
amiga, querria saber,
se se verrám tard' ou toste;
por quanto, vos quero dizer:
5 porque é lá meu amigo.

Querria saber mandado
dos que alá som, ca o nom sei,

- amiga, par Deus, de grado;
 por quanto, vos ora direi:
 10 porque é lá meu amigo.
- E queredes que vos diga?
 Se Deus bom mandado mi dê,
 querria saber, amiga,
 d'elles novas; vedes porque:
 15 porque é lá meu amigo.
- Ca por al nom vo-lo digo.

12. Из Cancioneiro d'el Rei D. Diniz, изд. R. Lang, Halle, 1894, no 116.

- Mha madre velida!
 Vou-m' a la bailia
 3 do amor.
- Mha madre loada!
 Vou-m' a la bailada!
 6 do amor.
- Vou-m' a la bailia
 que fazem em vila
 9 do amor.
- [Vou-m' a la bailada
 que fazem en casa
 12 do amor.]
- Que fazem em vila
 do que eu bem queria,
 15 do amor.
- Que fazem em casa
 do que eu muit' amava,
 18 do amor.
- Do que eu bem queria,
 chamar-mh-am garrida
 21 do amor.
- Do que eu muit' amava
 chamar-mh-am jurada
 24 do amor.

УКАЗАТЕЛИ

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Авторы и произведения. Испанские: Авила и Суньига Л. де 148; Александр 120; Альберти Р. 188; Альварес де Вильясандино 127; Альварес Кинтеро С. и Х. 184; Альфонс Х 121, 122, 123, 129; Аполлоний 120; Арконада 188; Архипресвитер Иты 124; Асаньяс и Ла Руа 192; Асорин 188; Атарве Г. де 172; Хуан де Баэна 127; Бонилья и Сан Мартин 192; Боскан Х. 143; Валера Х. 184; Валиенте Х. И. 172; Вальдес Х. 137—138, 145, 148—149, 152—153; Валье Инклан Р. 266; Варгас и Понсе 167; Вега Р. де ла 189; Венегас А. 167; Вивар 190, 191; Гарсиласо де ла Вега 145; Габриэль и Галам Х. М. 185; Ганивет 184; Гонгора 104, 166; Гонсало де Берсео 120; *Esfera* 130; Империяль Ф. 127; *Caballero Cifar* 124; Кавальеро, Фернан 184; Кальдерон 152; Кеведо 167; Корреос 167; *Cronica general* 129—130; Лопе де Вега Ф. 146, 147, 154, 191; Лопе де Руэда 191; Мариана Х. 147; Марин Родригес 104, 192; Мария Египетская 120; Мена В. 186; Мена Х. 127, 151; Моратин ст. 170; Паласио Вальдес А. 188; Папильос Л. 184; Перес А. 167—168; Пикавеа М. 188; *Прение души* 120; Рейес А. 184; Ренальдос Монтальванский 124; Салкьяс 192; Семь мудрецов 123; Сервантес 130—131, 146, 147, 152, 153; Сид 120; Сильва Х. Л. 187; Стуньига 127; *Siete partidas* 129; Тереса св. 146—147; *Tres reis d'Orient* 120; *Тристан* 124; Уртадо де Мендоса Д. 147, 153; Фашардо Л. 191; Фейхбо Б. 170; Фелиу и Кодина Х. 188; Фернан Гонсалес 121; Фигероа С. 153; Фрехеналь В. Д. 151—152; Хуан Мануэль 123—124; Эрсиля А. де 153; Эррера 145—146; Эстебанес Кальдерон 188. — Галисийские (соврем.): Кастро, Росалиа де 256; Пардо Басан Э. 266; Пондаль Э. 266. — Галисийско-португальские, португальские: Aires Nunes 258; Barros J. 262; Bosage 265; Camões 262; Castanheda 262; Codax, M. 258; король Diniz 200; Garret A. 265; Herculano 265. — Каталанские: Агилб 222, 233, 234, 248; Арибау 228; Бофаруль А. 234; Вердагер Дж. 230; Гимера, А. 229; goigs 215; Десклот 221; Иаков II 219; Луль Р. 220—221; Льоренте Т. 229; Аузиас Марк 221; Мартогаль Дж. 222, 229, 231, 235; Медже Б., 221; Мила и Фонтанальс 231; Мунтанер Р. 221; Пифферер П. 232; Россельб Дж. 229, 233; Рубио и Орс 228, 233; трубадуры-каталанцы 219. — Баскские: Аггире Д., 35; *Altabiscarso cantua* 33; Альсага 35; Аран Гойри 35; Арресе А. 35; Барриола А. 35; Бейтиа 35; Дечепарре 93; Лейсаррага 33; *Leloaren cantua* 33; *пасторали* 33. — Арабские: Аль Идриси 100; Аль Хушани 100; Валенсийские глоссы 100; Ибн аль Байтар 100; Ибн Кусман 88, 100; Ибн Луюн 87—88; Лейденские глоссы 100.
- Академия испанская 171—173.
- Аквитания, аквитаны 3, 4.
- Аквитано-романский консонантизм, лексика 4.
- Алань 69—70.
- Американские аборигены: основные моменты завоевания Америки 155—157; тайно и араук 155; караибь 155; ацтеки 157; юнка, кичуа и аймара 158—159; завоевание Аргентины, Парагвая и Уругвая 160—161; деятельность португальцев, иезуитов 161—162; арауканцы 164.
- Американские языки: араук и караибский 155—156; заимствования из них 156; сапотек, миштек, нахуатль, хиа-хиу (= отоми) 157—158; заимствования из них 158, 160; тупи-гварани 161; *lingua geral* 161—162; заимствования из них 162—163; арауканский 163; заимствования из него 163; язык чибча (муиска) 163—164; патагонский 164; отношение испанцев к туземным языкам 164.
- Андалусийская литература 184.
- Андалусийский, фонетика 182—183; словарь 184—185.
- Андалусия, завоевание 181.
- Арабский: влияние его на исп. словарь 115—117; на топонимику 117—118.
- Арабы: завоевание ими Испании 85—87; роль их языка в Испании 87; арабские имена в Испании 87—88; влияние арабской культуры на испанскую и обратно 88; провинции арабской Испании 89; история арабов до XIII в. 89—91.
- Арагон: заселение 93; возникновение 95, 96; объединение с Кастильей 97; история 177—178, 180—181.
- Арагонский: фонетика 101—104; морфология и синтаксис 102—105, 178, 180—181; словообразование 181; связи с каталанским 106.

Аргó 190—192; херманес, херманíа 191; документы 191—192.
Астурийский (*bable*) 112, 179—180. См. также Леонский.
Астурия, королевство 91—92, 97.
Астуры 68.

Баски: 6. и этнография 6; 6. и быт 22—24; 6. в римский период, 19; 6. при вестготах 19; 6. при арабах 19; статистика 32—33; 6. в Мексике и южн. Америке 33; письменность 33; фольклор и баскология 33, 35—37.

Баскский: 6. и иберский 5, 6; 6. и гасконский 5; 6. и урало-алтайские яз. 6; 6. и языки Африки 6, 18; 6. и алародские яз. 7; 6. и яфетические яз. Кавказа 7—11; счисление и число 10; инфинитив в 6. и яфет. яз. 10; возвратные глаголы в 6. и яфет. яз. 10; образование наречий в 6. и яфет. яз. 10; пассив в 6. и яфет. яз. 10; 6. и латинский 11—14, 15, 25—28; латинские элементы в 6. лексике 13—14; в морфологии 15; 6. и французский 14, 29—30; французские элементы в 6. лексике 14; 6. и испанский 14; испанские элементы в 6. лексике 14; в синтаксисе 15; 6. и кельтский 16—18; 6. и пунийский 18; 6. и готский 28—29; 6. и арабский 29; 6. и романские яз. 29—30; 6. слова в романском яз. 14, 30—32; территория 6. 32, 33; 6. диалекты 37; вокализм 38; консонантизм 38; падежи 38; род 38; род в глаголе 38—39; опред. член 39; неопред. член 39; место определения 39; склонение сущ. с опред. 39; с числительным 39; наст. вр. архаических глаг. 39—41; прош. вр. их 41—42; описат. формы глаг. 42—43; буд. время 43; оптатив и потенциальное накл. 43; союзы 43; относит. местоим. 43; паратакис 43; образование слов 43—44.

Баститания, баститаны 3.
Бигеррионы 3.

Вавле (*bable*) 178. См. Астурийский и Леонский.
Валенсийская литература: „в. школа“ 221—222.
Валенсийский, его особенности 213—214.
Вандалы 69.

Вестготский: в. согласные на п-ове 73; в. слова на п-ове 73—74; по семантическим категориям см. Готские слова; личные имена 75; наречия на *guisa* 75; суффиксы 75—76; общие у пирен.-ром. с прованс. 73; с итальянск. 73; спец. пирен.-ром. 73.

Вестготы в Испании 68—69, 70—72; раздел территории п-ова 69; в. и феодализм 76—77; влияние их на языковые отношения на п-ове 77.

Галисийско-португальская литература 256, 261; лирика 256—259.

Галисийско-португальский: его особенности 99, 103, 246—254; фонетика 246—249; морфология 247—251; словарь 251—254, 255; черты галис. и португ. XIII—XIV вв. 255, 259; особенности галис. с XIV в. 255—256, 259; литературное пользование галис. и португ. 259; галисийский в XIV—XVI вв. 265; в XVI—XVIII вв. 265; галис. „Возрождение“ XIX в. 266; диалекты галисийского: Корунья, Луго, Оренсе, Понтеверды 269.

Галисия, современная 243; завоевание запада п-ова римлянами 245; готский период 245; готская топонимика 245; арабский период 245—246; история зап. части п-ова XI—XIII вв. 246; Г. в составе испанского королевства 200; Г. в XIX и XX вв. 266.

Гарумна, гарумы 2.
Гасконь 4, 5.

Германцы в Римской империи 68—69.

Гласные: е 212; ù 198, 199; атонные 128, 212, 213; конечные 247, 255, е 131—132, 185, 200, о, и 107—108, 179, 180, 185, 200, 210, 236, 237; носовые (португ.) 249, 268; денасализация 255, 268.

Готские слова на п-ове 72—75; по семантическим категориям 74—75; древнейший слой 72.

Грамматики: Ballot; Minsheu; Nebrija A. 137 et passim; Nunez do Lião 262; Oliveira F. 262; Palencia A. 137; Valdés J. 137—138.

Греки (фокейцы) 1, 2, 3; греческие колонии на п-ове 1.

Греческий, и языки п-ова: греч. гласн. раннего слоя 64—65; позднего слоя 65; греч. слова в исп. лексике 64—65.

Дифтонги: ai 78—79, 199; au 103, 199, 247, 249; ei, ou 179; ei 249; ou 268, 269; eu 268, 269; -aiu 78, 102, 240—247; -oñ 179; дифтонгизация ё, ё 32, 80, 81, 82—83, 107, 178, 194, 247; *illo* — *iello* 107, 113.

Дорога римская от Пиренеев на Севилью (путь германцев) 69; дорога Бордо — Сантьяго 118.

Иберский в период римского владычества 51; и. и баскский, см. Баскский.

Испания: римская провинция 45—48, 68; романизация её южн. областей 47; сев.-вост. областей 47—48; сравнение топонимии тех и других 48—49, 61; подразделения провинции 49—50.

Испания: королевство: реконкиста 91—98; история И. с XV по XVIII в. 138—141; открытие Америки и его значение 141—142, 143—144; Ренессанс 142; XVIII в. 168—169, 173—175; салоны 170; галломания 170; XIX и XX в. 173—176.

Испанская литература: период до 1080 г. 119—120; период 1080 до 1250 г. 120; *mester de clerecía* 120; литература XV в. (аллегория, сатира) 124; Ренессанс 142; классицизм 151—152; гонгоризм 166—167; XVIII в. 170—172; романтизм 176; литература последующего периода 170—177.

Испанская марка 92, 95, 207, 209, 211—212.

Испанский: попытки его грамматической нормализации 136—138, 167; отношение между языком и диалектом в XV и XVI вв. 141—145; литературная норма „золотого века“ 145; основные тенденции развития ее 145—147; фонетические особенности языка „золотого века“ 147—149; морфологические и синтаксические черты 149—151; словарь см. Кастильский и отд. языки; увлечение классицизмом 151—152; европейская роль и. 164, 166; влияние на французский 165; на итальянский 165; на южн. Италию 165; Академия 171—173; литературный и. нач. XIX в. 176; поры романтизма 176; 1870-х гг. 176; „поколения 1898 г.“ 176; после мировой войны 176—177.

Итальянский 66, 67, 81, 82; раннее влияние его на кастильский 129; позднее влияние 153—154.

Кантабры 3, 68.

Cantos flamencos 184. См. Андалусийская литература, Цыгане.

Карфагенская провинция 49—50, 65, 69.

Карфагеняне, пунийцы 2, 16.

Кастильский (см. также Испанский): древнейшие документы 106; вокализм 106—107; характерные древние черты 106—111; новшества и традиция 111; иррадиация к. 111; влияние его на леонский 111—112; на арагонский 112—114, 127—128; на наварский 114; к. и диалекты в ранних памятниках испанской письменности 126—127, 137; борьба с латынью 126, 128; с галисийским 127; влияние на него латыни 128—129; превращение к. в обще-испанский яз. 128, 129, 130; Альфонс X и язык 129; язык Бургоса и Толедо 130; к. в XIII в. и ближайшие следующие века: фонетика 131—132; местоимения 132; прилагательные 132; глагол 132—133; словарь см. также отд. языки; кастилизация Андалусии 181.

Кастилья (см. также Испания, королевство): возникновение 94—95, 96; присоединение Леона 95; объединение с Леоном 95; объединение с Арагоном 97; окончательное объединение с Леоном 129.

Каталанская письменность и литература, 215; *goigs* 215; *lletres* 216; влияние провансальских трубадуров 216—217, 219—220; городская литература 217—221; каталанские трубадуры 219; к. лит. в XVII—XVIII вв. 225; в XIX—XX в. 225—227; к. „Возрождение“ XIX в. 228; „цветочные состязания“ 229 сл.

Каталанский: испано-романский или галло-романский? 193—197, анализ строя: вокализм 194—196, 199, 200; консонантизм 196, 199, 200—201, 202; морфология 196, 201, 202, 203—205, 211; синтаксис 196, 201, 203—204; словарь 195—197, 211, 213, 239—242; испанские связи к. 199—205; теория А. Гриеры 205—206; теория Г. Морфа 207—208; сев. граница к. 207—209; зап. граница к. 209—211; распространение к. 211—212; таррагонское наречие 212; вост.-катал. наречие 212; зап.-катал. наречие 212—213; его территория 212—213; его особенности 213; переходные говоры 214; наречие Майорки 214; к. в Альгеро 214—215; к. в литературе XIX в. 231—232; основные течения в трактовке к. лит. яз. 233.

Каталония: ее возникновение 95, 96; распространение ее владений 211—212; старая и новая К. 211; К. в XVI—XVIII вв. 222—224.

Кельтский: топонимика 15—16; кельтские слова в баскском 16—18; к. в Испании во времена римлян 51; его влияние на языки Пирен. п-ова 55—58; общероманские лексические кельтизмы 55—56; общие у пирен.-романского с некоторыми другими ром. яз. 57; свойственные только пирен.-романскому 58.

Кельты на Пирен. п-ове 1, 15, 16.

Латинский язык в Испании 50—51, 52, 61; в различных ее частях 52; особенности испанской латыни: фонетические 52—53; морфологические и синтаксические: падежи 53; сравн. степень прилаг. 53; опред. член 53; сложно-глагол. формы 53—54; инфинитив 54; суфф. -*is* 54; плюсквамперфект 54; пассив 54; лексика 54—60, словообразование 55; специфические пирен.-латинск. слова 58—60; латынь письменная и „вульгарная“ 62—63; их взаимоотношения в Испании 63; „культизмы“ 63; схоластическая латынь в Испании 119; поздние лексич. заимствования в кастильском 128—129; л. в эпоху Ренессанса 142, 151—153, 166—167.

Leges Visigothorum 73.

Леон: королевство 92—93, 94—95; заселение его 93—94; присоединение к Кастилье 95; окончательное объединение Кастилии и Леона (1230) 129.

Леонский (см. также Астурийский): фонетика 103—104, 178, 179—80; морфология и синтаксис 104—105, 178; словообразование 181; словарь 179; точки соприкосновения с галис.-португ. 106.

Луситания, луситаны 3.

Марини 167.

Маркс К. 93, 139, 141, 145.

Местоимения 256; *illi*, *illis* 102; *illoquum* 102; личн. м. 1 и 2 л. мн. ч. 238; м. 2 л. 269; притяжательные 3 л. 238.

Монтаньес — сев.-кастильский 67.

Мосарабский 82, 195; особенности вокализма 100—101, 103; консонантизм 101, 103, 104.

Мосарабы 86—87, 93, 94, 98, 119.

Мудехары 98.

Мурсийская литература 186.

Мурсийское наречие 185—186.

Мурсия 185—186.

Наварра: территория 19; в арабский период 19—20; в средние века 20—21; связи с Францией 20—21; борьба за независимость 21—22; Н. между XI и XVI в. 95.

Наварский 21; фонетика 103—104; морфология 102, 105; отношение к леонско-астурийск. 106; точки соприкосновения с галис.-португ. 106; связи с катал. 106.

Наречия с *guiso* 75; перестройка н. после XVIII в. 133—134.

Неологизмы: XIII и XIV в. 128.

Орфография 137—138, 167, 172.

Осское влияние на п.-ове 65—68; см. также Серторий.

Португалия, возникновение 95—96.

Португальский, *portuguez* 243; территория 243—244; языковая база литературного португ. 260, 261; п. после XV в. 260; п. XVI—XVII в. 262—264; в XVIII в. 264; в XIX—XX в. 264—265; вне европейского материка 267; особенности языка о. Мадеры 267, Азорских о-вов 267; п. диалекты 267—268 (Междуречья, Трамонтану, Байры, южные, Лиссабонский, Барранку).

Предлоги: пересмотр их с XIII в. 134.

Провансальский: трубадуры в Кастилье и Леоне 121—122.

Профессиональные языки 189—190.

Пунийцы см. Карфагеняне.

Рамбулье, м-м де 168—169.

Рето-романский 81, 82.

Румынский, 79, 82.

Сардинский 67.

Саягуэс 179—180. См. Леонский.

Севеы 69—70, 75.

Секвана, секваны 2.

Септимания 209, 212.

Серторий 46, 47, 50, 66—67.

Сесео 182.

Seseo 182.

Синтаксис, 196, 201; замена энклитич. местоим. форм полными 132; а при прямом дополнении 135, 239; *homo* как местоимение 135; *ibi* и *inde* как местоимения 135—136; выражение оттенков времени в глаг. 136; плюсквамперфект 136; местоименный объект 149—150; функция *quien* 150; отрицание 201; степени сравнения 201, 247.

Склонение 200, 237, 247; *-a* — *-ane* 76; мн. ч. сущ. 210; мн. ч. прилаг. 237; прилаг. типа *grando* — *granda* 102—103, 132, 180.

Словарь см. отд. языки.

Словообразование: префикс *es-* 181; суфф. *-enso*, *-ensa* 181; глаголы на *-ificare* 129. См. также Суффиксы.

Согласные: *b* — *v* 255, 268, 269; *f* 108—110, 113, 178, 196, 210; *g*, *j* 104, 108, 113, 178; *g* > *h* 255; соноризация глухих 73, 80, 128, 147—149; интервокальные: *-ó* 202, *-d* 183, 198—199, 202, *-n*, *-l* 247, 249, *-nn*, *-ll* 247; конечные: *-d* 183, 200, 202, 266, 269, *-l* 269, *-n* 200, *-r* 179, 183, 200, 236, 269, *-s* 196; согласные 247; *-as*, *-an* 179; начальное *l* 82, 104, 179, 180, 211, 236; *-lu*, *-cl* 103—104, 110, 178, 201, 256, 259, 269; *-st* 79—80, 101, 104, 108, 113, 128, 178, 179, 196, 247; *-ult* 80, 108, 113, 178, 179, 202 *-tr* 201; *cy*, *ty*, 128; *pl*, *bl* 83, 237, 247; *pl*, *cl*, *fl* 104, 110, 179, 180, 198, 200, 210, 247; *scy*, *sty* 81; *z*, *ç*, *s* 128, 183—184, 255, 268, 269; *s* > *h* 269; *dž*, *ž* > *š* 213—214;

ts > *u* 259; *ch* > *x* 268, 269; *m b* 66, 67, 101—102, 104, 110—111, 179, 202; *n d* 66, 202; *п с*, *п t*, *l t* 65, 66, 202; *d'g*, *b'd* > *lg*, *ld* 104; *t'c*, *d'c* 179; *r* — *l* 183, 269; *r* — *п* 183.

Социальные диалекты 187—189; язык деревни 188; провинциальной буржуазии 188; рабочих 189.

Союзы: соединит. *y* 134; новые сложные 134.

Спряжение: *-oron*, *-ioron* *-iron* 84, 105, 178; инфинитивы: на *-ir* 105, 247, на *-er* 105, 202; окончание 1 л. мн. ч. 201, 211; окончание 2 л. мн. ч. 133, 202, 250, 268; окончание 3 л. мн. ч. 250; окончание 2 и 3 л. ед. ч. перфекта 132—133, 211, 268; окончание 1 л. ед. ч. 212; окончание 1 л. ед. ч. перфекта 256, 259; герундий и причастие от основы перфекта 105—106, 132, 180—181, 250; причастие прошедшее 201, 250; причастие на *-udo* и *-ido* 132; слабое причастие прошедшее 132; формы на *-ra* 179; перфект 239; слабый перфект 238; сильный перфект 250; имперфект 132, 256; плюсквамперфект 201; будущее время 150—151; флектируемый инфинитив 248; формы глагола „быть“ 84, 178; формы от *dare* 105; модальные глаголы 135; вспомогательные глаголы 151; суффиксы *-isc*, *-esc* 202, 247.

Субстрат языковой 61—62.

Суффиксы: иберск.: *-es* 69, *-oi* (?) 81; герм.: *-ing* 75—76, *-guisa'* 75, *-ald-* 76, *-ard* 76, *-il-a* 76; лат. *-arius* 78; *-tan* в названиях народностей (аквитаны и т. п.) 3.

Тарраконская провинция 49, 50, 65.

Тирас, тириты 2.

Турдетаны 2, 3.

Цыгане 184, 192.

Член: определенный 104—105, 203—205, 237; неопределенный 135.

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

Acci 65	Калагуррис 4	Gracurris 4, 48	Lumbier 4
Адриан 47	Калаорра 4, 48, 65	Гранада 93	Лусен 114
Агила 71	Кангас де Онис 91	Grandola 100	Луситания 65, 69
Agullana, llent 48	Картахена 47, 65	Гвадалавиар 118	Льейда 4
Alano, Puerto del 70	Casanande 71	Гвадалете 118	Любрегат 4
Albiñan 48	Каслона 65	Гвадалкивир 118	
Albiñent 48	Castellanos 94	Гвадаррама 118	Mairena 49
Albufera 117	Castro Adalsindo 71	Гвадиана 118	Málaga 2, 46
Albuñan 49	Кастуло 65	Guitian 70	Малака 2
Aljustrel 100	Каталония 65, 70	Гемероскопий 1	Marchena 49
Almanza 117	Cazavel 100	Hesperia 1	Марос 65
Almaesnara 117	Кельтика 1, 15, 50	Гиндасвинта 70	Мастиена 1, 46, 47
Almuradiel 100	Coimbra 16, 92, 99	Гиспалис 46, 47	Mauvel 100
Алоны 1	Colimbra, Colimbria 99	Hispania 18	Мединасели 117
Ампуриас 1	Conimbre 99, 100	Huerta de Mozarbitos 94	Медина Сидония 117
Andalucía 69	Кордуба, Кордова 46, 47, 65, 88, 93	Huesca, Osca 47, 66—67	Медина де Риосеко 117
Aquilué 81	Корнелий П. (Альб) 47		Менака 4
Aquiluy 81	Cregenzano 48	Ибер 2	Ментеса 65
Aradoi 81	Cuenca 100	Иберия, Иберы 1, 2, 3, 4, 5	Mérida 46, 86—87
Araduey 4, 81	Cuibica (=Zwickau) 148	Иерда 4	Монсон 92
Araduy 81		Илиберри 4	Moradel 100
Aragües 4	Дения 1	Илиберрис 3, 4	Morell, -a 100
Arbaniés 69	Deobriga 15	Илурон 3	Mozarbitos 93
Аста 3	Deobrigula 16	Iria Flavia 4	Mozarves 93
Astorga 46		Irubeda 4	Мурсия 90
Asturianos 94	Эльвира 65	Isbiliya 118	
Атанагильд 71	Emerita Augusta 46, 65	Италика 46, 47	Наварра 19
Аврелий, Марк 47	Эмпории 1		Нарисса 3
	Эурик 71	Jabalde 70	Олисиппон 47, 118
Байгорри 3, 4	Феодосий 47	Jabariz 70	Олорон 3
Байонна 4	Fijena 49	Jaén 65, 93	Онья 106
Балеары 65	Frontiñan 47	Javier 4	Orihuela 100
			Orospeda 4
Banariés 69	Гадес 2	Lacobriga 16	Oscua 67
Bandalíes 69, 70	Гадир 2	Lagos 16	Ossola 67
Barañano 49	Галисия 65, 69, 91	Lançuet (=Lands-huet) 148	Осуна (Урсо) 46
Барбастро 92	Gallegillos 94	Lascuarre 4	Овьедо 91, 92
Барселона 92, 95, 118.	Gallegos 94	Леон 46, 47, 65, 92	
Barcinone 118	Garguillano 49	Лэрида 4, 47	Паленсия 65
Basconcillos 94	Gasaldoufe 71	Ligüerre 4	Пальма 47
Bascones 94	Godinhasos 71	Linés 69	Пальярс 92
Бельгика 3	Godinhela 71	Lisbõa 100	Поллентия 47
Bernuy 81	Godinho, -os 71	Lisbona 100	Portel 100
Betanzos 16	Godojos 71	Лиссабон 47, 99, 118	Pozadarama 115
Бетика 3, 50, 65, 69	Godones 71	Ллувигильд 70, 71	Pozo de Urama 115
Бигорра см. Байгорри	Godos 71	Lobio, -os 76	Правия 91
Bourio, Bourio 76		Lovio 76	Purchena 49
Bragança 16		Lugo 46	
			Queizan 49
Кадис 2, 47			Quijano 49

Реккаред 71	Росас 1	Seriña 48	Teruel 100
Рецесвигт 71		Севилья 47, 65, 93,	Toldaos 93
Requião, Requiães	Sabañego, 70	118	Toledanos 93
76	Sabegode Villa 70	Serillent 48	Толедо 65, 76, 77,
Revillagodos 71	Sabín 70	Сориа 47	82, 86, 88, 92,
Ривагорса 92	Saboy 70	Соварве 92	103, 108, 118, 130,
Роды 1	Сагунт 46	Suebos 70	131, 146
Roldan-Роланд 120	Saldo 66	Suegos 70	Толоса 3
Romão 71	Сапароса 65, 86, 92	Sueve, Puerta de 70	Тукци 65
Romainho 71	Savili, Agro de 70		Тулуза 3
Romãs 71	Segobriga 15	Talabriga 16	Турдетаны 2
Romancos 71	Сегорве 16	Таррагона 46, 47,	
Romanillos 71	Сеговия 65	65, 92	Ucci 65
Romanones 71	Senés 69	Таргессы, -ия 1, 2,	Улиберри 4
Romanos 71	Seniés 69	3, 15, 16, 46, 47	Villatoro 71

УКАЗАТЕЛЬ СЛОВ

I

Баскские и кавказско-яфетические слова

aba 25	aphezpiku 13, 14	balenoria 13	bizi 9
abai 25	aphurki 10	baler 5	bizio 14
abarasca 25	aphurr 10	bara 30	bizcarr, bizkerr 31
abaraute 25	ara 58	barbot 29	boina 23
abarca 30	araotz 4	bargot 29	boli 26
abazera 30	arambre 30	barkhe 29	bondoka 29
abendu 26	arca 26	barrila 30	borogatu 26
abere 25	ar(d) 26	bas 9	borondate 13
aboatu 30	are 10	basa 14	boronte 13
abonitu 30	argelara 10	bastanaga 13	bort 26
abudo 30	arima 13	bastitu 14	bortu 13
acabatu 30	aritz 9	bastiza 14	botoin 13
acatatu 14	artz 18	bat 39	botu, boti 13
acazatu 30	arrafe/on 5	bateia, batheia 13	botz 14
aculatu 26	arraitu 30	batzarre 31	brageta 18
aculu 25	arram 5	baxa 14	burgi 31
adoratu 30	arrama 30	baxatu 14	buri 27
adret 30	arraspa 5	baxatze 14	burla 14
agar 26	arrastelu 38	bazka 15	bur-u 9
agoatu 30	arrasto 14	bazkalondo 15	bur-ul-i 9
ágelara 10	arri 8	begiratu 26	burva 9
agorr 30, 43	arriu 5	beila 14	butiga 14
agorrril 30	arroca 28	beira 14	bza 9
agur 26	arrumetz 5	bekhatu 26	
aingiera 13	arte 26	bendicatu 26	calamatica 26
aingeru 13	artiga 18	bera 15	casa 15
al 9	asaldatu 14	beratu 15	cate 25, 27
alacron 30	aserricina 30	bereter 26	cathea 5
alambre 30	atabal 23	berma 14	chapel 23
alba 30	atxeter 13	bermatu 25, 26	chaparra 31
alcabus 30]	aucona 30	bermu 26	chaparral 31
alkhabuza 14	aurescu 23	berna 14	chaparro 31
altxatu 30	ausartu 14	bero 15	chapita zaro 18
altza 26	ayo 30	berodura 15	chistu 23
ama-andre 23	azienda 14	berratu 26	corpitz 13, 28
ametz 30	azita 29	berre 15	cua 27
ami 30		berretura 15	cucuma 25, 27
amilami 23		berri 4	cula 27
anderaie 17		berthute 13	cuma 25
anega 30		besarkatu 15	cumluru 25, 28
anscoa 30		besta 13, 25, 26	cupa 25, 27
antsar 13		bestatu 15	cupo 27
apeñ 30		bifer 27	curutz 13, 25
aphas 26		bixta 14	
	babel 30		
	bacailao 30		
	bagalia 25		
	bago 25, 27, 38		
	bañalu 14		
	bak, bake 12, 13		
	baki(na) 25		

- dafaprna 14
 dafaila 14
 dahala 14
 damu 26
 deabru 26
 doi 15
 deidura 15
 denbora 30
 descargatu 14
 destatu 14
 doa 26
 doatu 26
 dolatu 26
 dolu 25
 domeca 18, 26
 done 26
 ðq ovel 9
 du 41

 eche 4
 eder 10
 ederki 10
 eduki 41
 egun 9, 43
 egunero 43
 eguneroko 43
 ekarri 40, 41
 ekarri 10, 17
 eki 9
 ele|iza 13
 elhurte 31
 elur 31
 ema 38
 eman 15
 eman 38
 emaiguzu 38
 endelgatu 26
 engoitik 15
 entocatu 27
 erakarr-i 10
 errebes 26
 errefau 25, 27
 erreka 17
 eskatu 29
 eskila 29
 eskuara 27
 espara 28
 estalbe 31
 estalki 23
 eta 43
 euki 41
 euska|era 37
 ezker 55

 fagu 38
 faldaraca 17
 ferma, e 14
 fermar 25

 galerre 23
 gapar 31
 garabantsu 30
 garan 25, 27
 garanga 30
 garden 26
 garr 43
 garriotzeco 22
 (g)astigar 26
 gauza 13
- gebendu 26
 gebentu 26
 gela 25
 gelari 25
 gorri 43
 giza 37
 gizon 10, 37, 39
 gizona 39
 gizonak 10
 gizonák 10
 gizon-a-ren 10
 gizonbat 39
 gisuarri 55
 golco 12, 25
 golgo 12
 gorpitz 13
 gorri 4
 gura 25, 28
 gurutz 12, 13, 25

 harina 5
 haritz 9
 harri 8
 hartz 18
 hiko 38
 hilh 5
 hituri 9
 hiru 10
 hirur 10

 (i)bai 4
 ibaiko 55
 ibili 10
 idi(b)pide 4
 igarr 43
 igu 39
 ikhusi 15
 iko 38
 il 9
 ila bethe 9
 ilargi 9
 ilberri 9
 imia 25, 28
 ingude 25, 26, 27
 inguma 25
 ingurn 28
 inguru 25
 ipizkipu 13
 ipizticu 13
 ipuru 25, 27
 irabiuza 22
 irargi 9
 iretargi 9
 iri 4
 ituri 9
 izan 39, 40, 41

 joan 40, 42

 ka 9
 kal 9
 kar-karr 9
 keratu 11
 keinu 25, 28
 keriza 25, 27
 kigu 39
 kima 25
 kit 9
 krisallu 22
- kurutz 12

 lac 27
 laco 27
 labor 27
 laya 22, 31
 lapitz 28
 laun 28
 lera 22
 liburu 13
 liksure 11
 lio 25, 27
 liqðqure 11
 latz 4
 lucaica 18, 28
 lucu 28
 lumin 23

 madura 25, 28
 magalia 25
 maida 25, 27
 maila 30
 mailu 27
 maiñalu 14
 maistru 27
 maitatze 41
 makila 23, 27
 malubi 28
 mamola 28
 mamul 28
 manca 28
 mandica 25, 28
 maripamparona 28
 marro 30
 marroca 18, 28
 marti 28
 maru 25, 27
 masaila 28
 mastacatu 26
 matasa 28
 matuta 28
 mesmeru 27
 miatu 12, 25, 26
 mica 28
 mierle 28
 mihimen 28
 miricu 14
 miriku 13
 miru 28
 mistilu 25, 27
 mochil 25
 molitu 26
 mond(z)ongo 29
 mortairu 27
 motil 25
 motril 25
 muga 31
 mujica 27
 mujika 25
 mukulu 27
 mulicatu 26
 murkila 25, 27
 murulu 27
 muscada 30
 mušen 10
 mušeni 10
 musterle 28
 mutil 25, 28
 mutildu 25
- mustiu 28
 mutu 28

 nava 19
 narra 31
 necatu 26
 nekarren 42
 nenkarren 42

 oartu 30
 obi 30
 ondo 15
 oore 28
 oren 28
 orospide 4

 pak 13
 pake 12, 13
 patu 25
 phago 38
 phastenagre 13
 phertica 27
 piko 38
 piru 38
 ponte 26

 saburavi 9
 šagu 9
 (s)altza 26
 sam 10
 sâphan 18
 sartagi 27
 sein 31
 seinzai 31
 senditu 15
 sel 9
 ser 9
 seru 9
 siape 28
 silboti 23
 soca 27
 sudurzilho 43
 suilla 22

 iaburva 9
 tafa|erna 14
 tafaila, -fala 14
 tarticu 29
 tascôn 29
 tēgia 17
 tegwodeyn 10
 teila 27
 tharritatu 26
 tkaro 9
 tobera 27
 trisipu 27
 trufania 25, 26
 truntin 23
 tšacur 31
 tšapar 31
 tzain 31
 tzau 39

 unil 27
 ur 39
 ura 39
 ur garbia 39
 ur garbiaren 39
 uriparpalla 28
 urraca 31

uruma 31
uskara 37
vascon 37
vayr 10

vayrene(i) 10
vel 10
velur 10
vizi 9

yataqa-ki 10

zamari 28
zaude 43

zeru 39
zerua 39
zeruan 39
zortico 23

II

Романские

aas 99
abade 251
abadengo 75
abandonar 153
abandonner 207
abarque 30
abati 162
abaureó 200, 236
abea 133
abedul 56
abeis 152
abeja 146
ablar 110
aberto 75
abés 133, 152
abeuredor 200, 236
abierto 85
abegado 148
abonà 30
aboni 30
abor 30
abubilla 197
abuja 183
abuje 157
abular 153
abyéspura 28
açada 81
acafrão 241
àcana 157
acaptar 135
acassà 30
acetto 165
accetto 165
acelga 116
acequia 116
acerca 134
ach 238
achantarse 186
achar 60
achatar 254
achater 254
acheter 135
achur 149
aciprés 252, 253
acitara 117
acto 129
adadil 252
adael 252
adalides 115
adaraga 117
adarmes 115
adarve 115
adarves 115
adeel 252
adiestrar 14
adonde 186
admanuire 74
adrassana 241

adredare 74
adret 30
adversario 108
afam 254
afflare 60
affilgot 104
afilot 84
afligot 84
agasalhar 73
agast 26
agher 238
aghuas 147
aglà 199
agor 30
agora 133
agostenc 75
agosto 117
agua 148
aguacero 30
aguara 162
aguarachay 162
agudo 30
aguero 30
aguilenc 75
aguja 148, 178, 183
agulla 178
agut 201
aguti 162
ahora 133
ai 162
ainc 133
aira 199
aire 199
aje 157
aji 157
ajo 255
ajos 149
ajovar 241
ajuar 241
akkikari 60
al 58
alà 242
alacran 30
alambre 30
alarave 252
alarifes 116
alarido 252
alascot 84
alàsota 84
alazan 252
alaus 55
alausà 57
alauzo 57
albacea 115
albalá 117
albaldonar 254
albañiles 116
albarada 251

albardero 116
albardon 29
albaricoque 116
albaroc 117
albechiga 116
albéitar 116
albenc 75
alberch 72
albéchigo 116
alberca 116
alberginera 241
albergo 72
albernús 240
albiñan 48
albiñent 48
albir 241
albóndiga 240
albudeca 240
albufera 116
albuñan 49
alcabuz 30
alcaceria 241
alcaide 252
alcaides 115
alcalá 115
alcaldamento 252
alcalde 115, 117,
240, 252
alcantara 116
alcantarillas 116
alcázar 252
alcázares 115
alcôve 165
alcor 117
algun be 237
aldaba 241
aldea 117, 118, 240,
242, 251
aldissa 240
aldrava 241
alegre 254
alegría 64
aleive 73, 75
alerta 154
alebier 58
aleve 73, 75
alevosia 75
alevoso 75
alfajeme 116
alfarero 116
alfarroba 241
alfaya 240
alfayate 116
alfetna 117
alf(i)erez 117
alfondega 117
alfoz 117
algalife 165

algame 251
algarades 115
algarroba 116
(al)garroba 241
algorismo 116
algoton 117
alguacil 115, 117
alguandre 133
algueres 215
alhacama 117
alhajara 117
alhóndigas 115
alí 242
aliguno 256
alis 58
aljava 251
aljube 116
aijupa 117
aljuvar 241
all'erta 154
allí 242
almacenes 115
almdraque 29
almafalla 117
almafí 255
almé 184
almenas 115
almexa 117
almez 184
almiraut 240
almirez 29
almocella 117
almojarife 115, 117
almondega 240
almondiguilla 29
almonedas 115
almude 117
almudes 115
almuzala 251
almuzalla 117
alna 253
alnado 58
aloe 55
alôd 74
aloda 55
alodes 103
aloe 55
alodio 74
alojar 155
alosa 55, 57
alose 57
aloudes 103
alouette 55
alova 55
aloya 55
alpaca 160
alpaga 160
alpaque 160

- alporchón 185
 alter 58
 altramuz 116
 altre 202
 aluazir 117
 alud 31, 171
 alveidar 117
 alzar 30
 amabilidad 63
 amalho 59
 amanir 73
 amapola 171
 amautas 159
 amb 242
 embajada 74
 embajador 74
 ambos 66, 101, 104, 253
 ameneiro 256
 amirafle 165
 amorgonar 29
 amos 66, 110, 253
 amou 200
 amplo 180
 an 199
 anadir 242
 anafil 252
 añafles 115
 añal 152
 ananas 162
 anar 66, 239
 anc 133
 anche 133
 ancho 180
 ancui 15
 ancoi 15
 ancuo 15
 andado 58
 andaluz 103
 andaluza 103
 andare 66
 ande 186
 anderris 17
 andier 17
 angelot 241
 animal 14
 ano 247
 año 247
 anque 133, 146, 186
 así 133
 antanho 253
 antaño 253
 ante de 134
 ante ucano 82
 ante uzano 82
 antes que 134
 antoxana 82
 antrujano 82
 antuxá 82
 anual 152
 anubda 117
 annuari 58
 annuduva 117
 anóa 157
 anteadó 58
 antweío 113
 any 199, 247
 un any 237
 anwitarbi 87
 aonde 186
 aora 133
 aosadas 133
 apaciguar 129
 api 14
 apitjat 213
 apitxat, 213, 214
 aplegar 60
 apostoligo 251
 apres 254
 après 133
 aquel 39
 ar, ara 254
 arábigo 128
 arañon 197
 arapende 58
 arcabuco 156
 areer 72
 areite 157
 arena 242
 arenal 242
 arepa 157
 aresar 72
 arisco 186
 armaor 186
 armador 186
 arpent 57
 arque 157
 arquitrabe 154
 arracef 251
 arravalde 117, 252
 arrear 72
 arreararse 72
 arredare 72
 arrefem 252
 arrelde 117
 arriar 72
 arribar 60
 arriedro 134
 arriver 60
 arrobas 115
 arrobo 117
 arrodoma 117
 arrouquet 14
 arte 26
 artejo 63
 artichaut 165
 artículo 63
 àrtigo 18
 arton 199
 arvor 256
 asaltar 14
 asamblea 171
 ascar 29
 asconder 249
 ascondudo 250
 ascua 30
 asedio 153
 así 133, 242
 aspa 73
 aspaviento 154
 áspero 14
 aspre 14
 assays 241
 assaz 257
 assiette 29
 astualdus 74
 ata 117
 atá 252
 atalayas 115
 atambores 115
 ataviar 75
 atestiguar 129
 atoli 158
 auca 197, 209
 áuja 148
 aunque 134, 146, 186
 aur 209, 241
 aura 157
 ausar 14
 ausir 241
 autero 78
 auto 128, 129
 autre 202
 auzir, 198, 202, 209
 avalancha 171
 avanguardia 125
 ave 146
 aveiro 245
 aven 26
 avens 26
 aventure 257
 aver 238
 averiguar 60, 129
 aviezpara 28
 avispa 28
 avoengo 75
 avol 254
 ávol 254
 ayespra 28
 ayillo 159
 ayo 30, 255
 ayso 134
 ayunque 25
 axadas 81
 azafrán 241
 azarote 241
 azémila 117
 azenia 117
 azuda 116
 azumbres 115
 azoteas 116
 azteco 158
 babuta 197
 bac 18
 bache 18
 bagual 162
 baika 79
 bairos dos Francos 258
 bajel 125
 bajo 134
 bala 239, 240
 balada 125
 balader 214
 baladí 116
 balai 240
 balata 154
 baldaquin(o) 154
 baleía 113
 balente 255
 baleo 125
 baleón 154
 ballar 209
 ban 240
 bañar 14
 banca 154
 bancarrota 154
 banda 72
 bando 74
 banidos 257
 baqueta 154
 barba 59
 barca 29, 156
 barda 241
 bardino 241
 barga 188
 bargar 72
 barque 29
 barquilla 156
 barra 30, 197
 barraca 154
 barragam 240
 Barranquère 268
 bastardo 76
 bastión 154
 batalla 125
 batallón 154
 batata 156, 158
 batea 156
 bâtisse 14
 batre 54
 bausá 239, 240
 baveca 242
 bayga 73
 bays 241
 baxar 14
 bdola 55
 bebado 246
 bec 56
 becco 56
 bedoll 56
 bedolo 56
 bedut 56
 bega 79
 beirao 269
 beire 201
 beiso 103
 bejuco 156
 belido 253
 bell 60
 belleza 149
 ben 209, 247
 benedecido 85
 bendición 152
 bendito 85
 beole 55
 berenar 59
 berengena 241
 berlo 57
 berle 57
 beringala 241
 berma 14
 berro 57
 berula 57
 bescha 252
 beso 15, 147
 bespa 28
 ben 200
 bevol 55
 biays 241
 bico 56
 bicoca 154
 bicocca 154
 bida 255, 268

- bidollo 56
 bija 156
 bimbria 28
 birge 268
 biskle 31
 biskere 31
 biskro 31
 bisoño 154
 bisuteria 171
 biu 56
 biul 55
 bizarre 165
 bizarro 165
 biznaga 116
 bjače 213
 blanco 75, 183, 191
 blanch 237
 blau 75
 blima 28
 blimba 28
 blind 198
 blondo 75
 bo 200, 237
 bó 247
 bodega 69
 boío 156
 boise 240
 boli 26
 bolir 192
 bom 247, 267
 bondoca 240
 bonito, -a 186
 borda 197
 borde 26
 bordons 220
 borgil 188
 bori 26
 bors 237
 borts 237
 bos 268
 bostal 59
 bostar 59
 botica 65
 boton 13
 bouleau 56
 bourdaine 31
 bourjaine 31
 bourge épine 31
 bouton 13
 bracă 56
 brache 56
 brăces 237
 bragar 72
 bramar 30, 72
 branco 75, 183
 bras 237
 brega 72
 bregar 72
 brespe 28
 breu 200
 breve 200
 brif 56
 brimba 28
 brio 56
 briu 56
 brocado 154
 brossa 73
 brotar 13
 broza 73
 brújula 154
 bu 56
 bucher 189
 buega 31
 bueno 82
 bufete 174
 bufón 154
 buho 197
 buhiyo 156
 buihío 156
 buio 156
 bujío 156
 bul 55
 bum 267
 burato 154
 büre 209
 burel 257
 burgil 188
 burla 14
 burlesco 154
 buscar 189
 butin 13
 byelo 113
 ca 134, 242
 caballo 146, 191, 247
 cabdiello 104
 cabell 199
 cabe 134
 cabeça 59, 128, 149
 cabildo 64, 147, 150
 cabeço 128
 cabeza 59, 180
 cabo 134
 cacahuete 158
 cacao 158
 cacifo 251
 cacique 156
 caciquismo 156
 cachalote 162
 cachorro 31
 cada 251
 cadenas 59
 cademat 58, 59
 cadera 201
 cadiado 58
 cadutu 108
 cafar 252
 cafiz 240, 251, 252
 cahices 115
 cahiz 251, 252
 cahne 184
 cahuallu 147
 cairat 119
 cal 131, 265
 calel 255
 calar 251, 254
 calça 128
 calçada 242
 calcañar 59
 calcanhar 59
 calcaño 59
 caldal 104
 calendarse 66
 calentare 66
 callar 182
 calle 131 182
 calmo 197
 calza 128, 197
 cam 249
 cama 59, 101, 206
 cămașă 56
 camaligue 102
 camambu 102
 caman 57
 camarade 165
 cambia 170
 cambiar 57
 cambiare 57
 came 102
 cameligue 102
 comesa 56
 camí 57, 200, 237
 camicia 56
 camín 178
 caminho 57
 camino 57
 caminos 178
 camisa 56
 cammino 57
 camminus 57
 camote 158
 canagua 156
 cañajelga 110
 canahua 156
 canaua 156
 cancioneros 248, 258
 candado 58, 150
 cane 249
 canibal 156
 canica 157
 canne 184
 canoa 156
 canonge 241
 cantá 269
 cão 249
 caoba 157
 caorsenc 75
 cap 257
 capeza 180
 capicúa 186
 capitulum 64
 caporal 154
 capucho 154
 capuchón 154
 capítulo 147
 capricho 154
 car 56, 237
 carámbano 30
 carancho 162
 carbó 200, 237
 carbôu 268
 carbúnculo 64
 càrdeno 26
 carey 156
 carib 156
 carite 158
 carmez 117
 carne 184
 carnuz 53
 carea 265
 carreya 241, 247
 carria 134
 carrihuella 197
 carro 56
 carroza 154
 cart 237
 cartucho 154
 carvão 268
 carvom 268
 casa 148, 165, 179
 casal 257
 casales 210
 casals 210
 casamata 154
 casar 148
 caseu 209
 casquivana 171
 castets 178
 cătă 135
 cabalà 222
 catalanesc 221
 catar 135
 catatura 165
 catenatum 58
 catinga 162
 cattare 135
 cău 249
 caucha 160
 causa 199
 cavalairia 78
 cavaleiro 246
 cavaleiro 253
 cavalihero 253
 cava 11 247
 cavalleroso 146
 cavallo 146
 cavalo 247
 çavela 57
 cayar 182
 cayajan 157
 caye 182
 cayre 119
 cazar 189
 cazurro 55
 cêa 100
 ceceo 182
 ceiba 156
 ceira 73
 cel 247
 celada 154
 celestrial 152
 cellerer 25
 celosia 242
 cençay 31
 cenho 25
 ceño 25
 centinela 153, 154
 cençaya 31
 ceo 99, 247
 cepete 171
 cepilho 59
 cepillo 59
 cerbas 133
 cerca 242
 cercar 242
 cercha 63
 cerco 197
 cerebro 197
 cereja 27, 56
 cereza 27
 cerieiza 27
 cerquillo 197
 cerraja 103
 cerrar 182

cerro 55
 cervegia 56
 cerveja 56
 cervesa 56
 cerveza 56
 cervoise 56
 cevada 254
 cezilla 250
 cha 255
 chacara 159
 chacra 159
 chagar 247
 chainse 56
 chairar 104
 chaja 162
 chama 247
 chamar 104, 247
 chamber 143
 chambre 149
 chan 269
 chancillería 125
 changer 57
 chano 265
 chantar 104
 chantre 125
 chao 104, 269
 chã 247, 253
 chapé 269
 char 56
 charata 162
 charlatán 154
 charqui 159
 charquicán 159
 charu 149
 chasqui 159
 chat 56
 chayote 158
 che 255, 259
 chegar 60
 chelo 178
 chemin 57
 chemise 56
 chen 178
 cheraba 241
 chi 255
 chiamă 198
 chiele 158
 chile 158
 chimango 162
 chimenea 125, 171
 china 159
 chinampa 158
 chinchilla 160
 chinebru 178
 cho 255
 choben 178
 chocolate 158, 265
 chombo 179
 chomo 253
 chos 255
 chose 199
 chubasco 186
 chumbo 252
 chuño 160
 chus 104
 chyiña 162
 ciego 183
 cielo 107, 247
 cien 180

cifra 116
 cilla 25
 cima 65, 257
 cind 53
 cine 60
 cinque 250
 cirallas 125
 círculo 63
 ciruela 58
 citade 250
 claire-voie 155
 clamá(r) 201
 clamar 104, 180, 198, 242
 clans 241
 claraboya 155
 clars 200
 clau 200, 201
 clyae 198
 coa 198
 coá 162
 coatí 162
 cobe 58
 coberbera 179
 coberboira 179
 cobertuera 179
 cobla 220^a 253
 cobra 179, 253
 cobriron 84
 coca 160
 cocho 85
 cochurro 31
 coclicó 171
 cocuyo 156
 coda 198
 cofia 125
 cofre 125
 cogomelo 25
 cogombre 199
 cogumelo 25
 coisa 249
 col 105, 247
 cola 179
 colega 152
 colh 27
 colimbrense 99
 colla 158
 collazo 58
 collecho 75
 collegi 237
 collegit 237
 colmillo 206
 coloma 101
 colomba 101
 colonello 154
 coltre 25
 comadreja 59
 comba 197
 combar 197
 combeniente 147
 combo 197
 comején 156
 commencen 211
 comer 60, 251
 comité 171
 cómodo 153
 compaignon 240
 compain 240
 companhão 240

companh 240
 companho 240
 compaño 240
 companejo 240
 compararon 106
 compeir 54
 comprón 84
 compraron 84
 comunal 152
 conca 64
 concejil 191
 cóndor 160
 coneixer 202, 238
 coneixre 238
 conelyo 101
 conhecér 202
 cilla 25
 cillerero 25
 conno 105
 connos 105
 conocer 85, 152, 202, 250
 coñocer 152
 conoisser 202
 conozco 149
 conrear 72
 conseguir 242
 consejo 104
 contá 183
 contar 183
 contención 154
 contra 134
 contraste 154
 conveniente 147
 convers 237
 copa 242
 copla 171
 coqueta 171
 cor 59, 236
 coraçom 249
 coração 249
 coraje 125
 coratge 241
 coração 59
 corazón 59
 cordel 125
 coronel 154
 correar 72
 correrar 72
 cors 237
 corsé 171
 corsia 154
 cortesán 154
 cortesía 64
 corts 237
 cosa 133, 199, 247
 coser 268
 cosir 241
 cota 240
 cotilla 171
 coto 59
 cotral 25
 cotte 240
 couplet 171
 courroyer 72
 couse 199, 249
 couto 59
 cova 58
 coya 159

coyote 158
 coza 199
 cozer 268
 cras 133
 cramillera 197
 creansa 199
 cregenzano 48
 crejischão 252
 cremença 104
 creta 64
 creu 202
 creudo 85
 creure 238
 creurer 238
 criado 59
 criat 59
 croch 241
 crod 202
 cropa 72
 crotz 202
 croupe 72
 crud 199
 crutz 202
 cruz 202
 cual 265
 cuba 27
 cubierto 85
 cuchillo 80
 cuejan 106
 cuenca 64
 cuenta 134
 cueva 58
 çufre 149
 cuidar 135
 cuitre 25, 80
 cullir 54
 culpén 163
 cuna 27, 179
 cunacho 27
 cupá 209
 curacas 159
 curare 162
 cutel 209
 cutral 25
 cuxa 195
 dalde 150
 dama 125, 254
 dan 199
 dandos 150
 dansá 209
 dany 199
 dar caza 189
 darsena 240
 dayan 257
 dea 105
 deão 257
 decho 85
 decié 181
 decima 242
 decir 54, 105, 181, 248
 deia 105
 deitados 257
 dejar 151
 delantero 125
 delgado 148
 delicato 148
 demandar 242

- dende 134
 departeu 259
 departiu 259
 depuys 195
 derecho 85, 211
 des 268
 desbracă 56
 descaer 183
 descargar 14
 descotar 73
 desde 134
 desia 242
 designare 154
 deslia 241
 despareylla 241
 despedir 60
 despues 134
 destral 197
 destruyçion 152
 desuso 134
 dexar 247
 dezir 105
 dia 60, 105, 209
 diablo 64
 diablo 183
 díaz 103, 178
 dien 180
 diente 107
 dicer 54
 diez 103, 178
 dijeselo 179
 dijoyelo 179
 dilde 150
 dino 152
 dio-ile 179
 dio-ye 179
 discurrir 152
 discurso 153
 diseñar 154
 disetz 209
 diss(e) 259
 disso 259
 dito 85
 dits 211
 dire 149
 dizer 105, 248, 255
 do 134
 doble 199
 dobrar 256
 doce 250
 doga 197
 doh 184
 dolienta 103
 dona 209
 doná 200, 238
 doña 39
 donar 200
 doncel 125
 dom 254
 damage 254
 door 99
 dou 251
 dous 256
 dovela 197
 doyen 254
 doyo 156
 dreito 211
 dret 211
 dreto 103, 211
 drizar 154
 drizzare 154
 duano 247
 dublado 256
 dubrar 256
 duc 254
 ducado 128
 duda 246
 dudanza 146
 dueña 63
 dulda 104
 duos 256
 duplicaot 84
 duplicav(i)t 84
 dur 236
 durmiendo 106
 duvida 246
 e 134
 eclesiaria 64
 échanson 74
 echar 108
 echarse 150
 echasse 150
 echo 128
 edat 199
 egua 195
 ehte 184
 ei 255
 eira 199
 eirake 117
 eixovar 241
 ejemplo 152
 equipaje 171
 elcina 59
 eliso 75
 ella 150
 elmo 72
 embarcation 165
 emboscada 154
 embutar 197
 empobrecer 247
 empos 134
 en 134, 135
 enantes 134
 encima de 134
 encovo 25
 end(e) 134, 135
 endern 17
 enebro 28
 eneldo 59
 enemiga 241
 enero 108, 178
 enfermedad 125
 (en)fonilh 27
 enjambre 152
 enquiçar 75
 enna 105
 ensandecer 247
 ensayo 152
 enserrar 242
 ensiemplo 152
 ensiempro 183
 entorno 134
 entrar 256
 entretener 153
 envair 199
 enxeco 252
 enxoval 241
 era 199
 orecho 85
 ermano 108
 erutar 153
 esanunar 152
 escaer 183
 escalera 242
 escanciador 74
 escarpin 154
 eschiere 125
 escofion 154
 escontra 134
 escopeta 154, 265
 escotar 73
 escritorio 171
 escriver 54, 105
 escuantra 134
 escuchar 80
 escudo boclado 125
 escuenta 134
 escuitar 80
 esdarnegar 73, 75
 ese 256
 esfaratsar 188
 esquella 29
 esquerdo 55
 esquerro 55
 esquila 197
 esquilon 29
 esmays 241
 esmenda 242
 espada 64, 125
 espadacín 154
 espadón 154
 espalda 150
 espantar 242
 espelunga 66
 espedirse 242
 esperteyo 59
 espetar 72
 espeto 72
 espetón 72
 espia 73
 espinatsar 188
 espion 154
 espíritu 64
 espontón 154
 espora 74
 espuela 74
 espuera 74
 ese 39, 53
 esse 53
 estaca 73
 estafar 154
 estafeta 154
 estala 73, 153
 estalbe 31
 estalbiar 31
 estalviar 31
 estampida 73
 estampido 73
 estampir 73
 este 35, 53, 101, 125, 184
 esterecho 211
 estio 197
 estiva 154
 estival 153
 estive 250
 estivenç 75
 estivi 250
 estocada 154
 eston 133
 estonce 134
 estrecho 178
 estreito 178, 211
 estremenho 268
 estret 211
 estreto 211
 estringa 73
 estropear 154
 estudio 171
 esuella 125
 evesque 14
 exatas 81
 exerdados 257
 exir 132
 eyxeco 252
 hablar 110
 faç 79
 faça 81
 faccas 81
 fachada 154
 hacienda 59
 fácil 146
 facilitar 153
 facer 255, 269
 fait 78, 79, 80
 faixa 81
 fal 257
 falar 247
 falda 74
 faguer 269
 falecer 247
 falifa 117
 falir 247
 fallar 60
 fallida 154
 falsador 253
 falsamente 133
 falsar 253
 falsidade 253
 falso 249, 253
 faltar 109
 falso 85
 familia 64
 fanal 154
 fanch 73
 fango 73
 fanega 30, 116
 fani 73
 fantasía 153
 fanti 154
 fapt 79
 farabutt 165
 farachar 188, 189
 faraute 165
 farnaca 188
 farina 178
 farpa 125
 fart 60
 farto 60
 faša 81, 82
 fascas 81
 fascia 81

- fassas 81
 fata 117, 252
 fatal 153
 fato 73
 fats 79
 fatto 73
 faudes 74
 faxas 81
 faza 81, 134, 165
 fazayra 101
 fazenda 59, 242
 fazer 54, 255
 fecho 80, 85, 108
 feicho 113
 feichu 247
 feit 79
 feita 249
 feito 78, 80, 85, 104,
 113, 178, 179, 247
 feliz 132
 fem 211
 fema 112
 fembra 112
 femea 246
 femna 112, 196
 feôd 74
 fer 256
 feroso 146
 ferrer 247
 ferro 236
 ferroba 241
 feruzi 117
 festa 13
 fet 78, 247
 feto 113
 fets 211
 feu 237
 feudo 74
 feyna 59
 feyta 108
 fez(e) 259
 fezo 259
 ficha 171
 fier 209
 fiera guisa 75
 fieramente 133
 fiera mientre 75
 fiero 109
 fierro 178
 fil 211
 filho 267,
 filios 104
 fillo 103
 filo 267
 filu 38
 finca 197
 fingir 128
 firmar 25
 fis 254
 fix 251
 fiz 251
 flama 180, 198, 201
 flamera 104
 fl'er 198
 fler 198
 floare 198
 flor 191, 200, 267,
 268
 florecer 202
 florir 202
 flou 200
 flur 257
 foc 196
 follada 186
 fonda 171, 242
 fonil 27
 fonta 125, 240
 fontaina 125
 fora 239
 forao 261
 forcela 27
 forja 125, 171
 formós 60
 formoso 60
 forn 209
 foro 268
 fortaleza 149
 forte 247
 foso 154
 fo|unil 27
 fovia 30
 frabutt 165
 frabuttu 165
 fragata 154
 fragato 154
 fraco 104
 francés 103
 francesa 103
 fraile 125
 frailengo 75
 fraire 201, 214
 fralda 74
 frares 201
 fraslenio 76
 frayre 119
 fregada 154
 fregata 154
 fregate 154
 frechenco 76
 freisenda 78
 freito 113
 freire 254
 frente 196
 fresno 152
 freto 113
 fricasé 171
 friolengo 75
 frito 75
 frol 268
 fron 196
 fructífero 152
 fruitu 108
 fuego 105, 109, 196
 fuelha 209
 fuella 196
 fuen 180
 fuente 109, 125
 fueras 133
 fuert 131, 132
 fuerte 107, 131, 132
 fugir 54
 fúl'a 81
 fulla 209
 fuogo 178
 fur 209
 gabión 154
 gaceta 154
 gado 255, 259
 gafete 185
 gage 155
 gahlaiba 240
 gaje 155
 galea 154
 galeaza 154
 galego 242
 galera 154
 galgo 64
 gallego 64
 gallice 37
 gallico 152
 galpón 158
 gamfanò 239, 240
 gana 38, 75
 ganado 255
 gañan 125
 ganarla 150
 gando 255
 ganivet 209
 gansa 73
 ganso 73
 gap 241
 gâr 57
 garabié 31
 garbanzo 30
 garbí 240
 garbillo 197
 gardingus 74
 gardo 239
 garita 192
 garitero 192
 garon 57
 garra 57, 197
 garrabu 31
 garrafa 241
 garrofa 241
 garruni 57
 g(a)rupa 72
 garzón 125.
 gat 56
 gato 56
 gatto 56
 gaúcho 163
 gavarrer 31
 gavarrera 31
 gavel 57
 gavela 57
 gavela 57
 gavell 57
 gavella 57
 gavilla 57
 gallardo 76
 gayre 201
 gays 241
 general 249
 genette 165
 geni 237
 genit 237
 gens 201
 geôle 125
 geral 249
 germana 209, 249
 germanía 192
 germanes 182
 germanos 192
 ghindä 198
 ginebre 28
 giernos 108
 ginete 165
 ginnetto 166
 giro 25, 65
 gitanos 192
 gité 84
 glasé 161
 gobernar 64
 godeña 191
 godo 245
 godos 245
 gohio 156
 goigs 215
 goiva 57
 goja 57
 gola 28
 goler 183
 golfo 12
 golpe 183
 golver 183
 góndola 154
 gonfairó 240
 gonfanó 240
 gonfaró 240
 gorar 30
 gorpe 183
 gota 201
 gouapo 192
 gouffre 12
 gouge 57
 gouvir 253
 goya 253
 goyo 253
 graban 188
 gracia 128
 grande 102, 180
 grando 102, 180
 granito 154
 grapa 72
 grava 197
 grayaha 156.
 greda 64
 gren 57
 grenha 57
 greña 57
 gresal 241
 greu 254
 grilho 267
 grilo 267
 grim 73
 grima 73
 grimar 73
 gritsas 178
 groffu 12
 groppa 72
 grotesco 154
 gruta 64, 153
 guaba 160
 guacamayo 156
 guayacán 156
 guanábana 156
 guanaco 160
 guano 160
 guapo 192
 guarango 160
 guardá 269
 guardia 74

- guarecer 247
 guarir 247
 guarnecer 54, 247
 guarnir 54, 247
 guarrone 57
 guayaquil 160
 gubernare 64
 gubia 57
 gubbia 57
 güeco 183
 güele 183
 güelvo 183
 güeno 183
 güerfano 183
 guerita 192
 guerite 192
 gueritero 192
 güeso 183
 güevo 183
 güiro 156
 guisa 75, 133
 guisado 75
 guisador 75
 guisandero 75
 guisandillo 75
 guisar 75
 guitarra 55, 65
 guitarro 55
 gümena 154
 g(u)rupa 72
 gurrununa 31

 habas 147
 haber 25, 135, 150,
 151, 201, 238, 239
 habillado 125
 hablar 60, 110, 246,
 247
 haça 108
 hacer 54, 118, 182,
 183
 hacia 117, 134
 hacienda 14, 59
 hallar 60, 211
 haltar 109
 ham 30
 hamaca 156
 hameca 241
 harroba 117
 harto 60
 haser 182
 hasta 117
 ható 73
 haucon 40
 haunita 239
 haver 201, 242, 248
 hayuela 109
 hecho 80, 178
 hembra 246
 heneguén 156
 heñir 128
 heraldo 76
 hermano 176, 192
 hermoso 60
 hiahui 158
 hiel 109
 hierro 109
 hijo 109, 149
 hixo 149

 hilh 38
 hilms 72
 hipóstasis 64
 historia 64
 hogar 197
 hoiats 237
 holgazán 103
 holger 110
 home 200, 236
 homenaje 125
 homicidio 152
 hondo 15
 honte 75, 240
 hormazo 58, 206
 hornazo 128
 horquilla 27
 hospital 251
 hotel 171
 houbo 262
 huaca 159
 hueco 183
 huele 183
 huelga 110
 huérfano 64, 183
 huesa 240
 huese 240
 hueso 183
 hueste 125
 huevo 183
 huey 196
 hueyto 103
 hule 156
 huoy 196
 huracán 156
 huyl 195

 i 134
 ide 250
 ienero 108
 iermano 108
 iglesia 179
 iguana 156
 ilo 113
 imbracă 56
 in 135
 inca 159
 încă 133
 incómodo 153
 incontestabilidad
 171
 infamia 146
 infant 165
 infantería 154
 interamnense 267
 intermedio 154
 intrar 256
 invio 133
 ipecacuana 162
 ir 151
 irma 249
 irmă 249
 irmăa 249
 irmăo 249, 255
 irmău 249
 ise 255
 isnels 241
 iva 57
 ive 579
 izquierdo 55

 jabali 116
 jabón 116
 jaca 110, 182
 jacel 183
 jacer 183
 jaguar 162
 jamelgo 110, 182
 jamon 125
 jandalo 110, 182
 jaques 182
 jardí 239, 240
 jardin 125, 171,
 240
 jarre 57
 jarrete 155
 jarretera 155
 jarro 149
 jaula 125
 jausir 241
 javean 57
 javelle 57
 jayan 125, 191
 jenabe 117
 jenáir 101
 jibia 117
 jicara 158
 jilguero 117
 jimbrow 28
 jochs 229, 230, 233,
 234
 joglares 257
 jolgorio 110
 jopo 110
 jorñ 60
 josa 104
 jour 149
 jove 213
 joven 108, 178
 judgar 104
 jué 184
 juerga 110
 juez 184
 juglar 108
 jugo 116
 ju(i)mbre 28
 juizio 128
 julgar 252
 jun 209
 juncir 59
 jungir 59
 junyir 59
 junto 85
 jura 242
 justeza 64
 justicia 64
 juzgar 111

 kamaisa 56
 k'ameze 56
 k'amin 57
 k'ar 56
 ken 60
 kien 247
 klept 198
 kl'ept 198
 kof 58
 köj 58
 kova 58
 köva 58

 kuin 60
 kiire 27

 la 203, 237, 249,
 265
 lãa 249
 lac 27
 lacayo 165, 171
 ladrón 103, 132
 laes 249
 lagar 27, 256
 lah 184
 laistôn 74
 laiterie 163
 lamud 29
 lamur 110
 lana 249
 lanç 242
 landa 57
 lande 57
 landier 17
 lansa 125
 lapa 18
 lapt 79
 laquais 165
 laqué 171
 las 104, 184, 203,
 237
 lastar 74
 latte 79
 laur 241
 laus 241
 lausa 57
 lausa 100, 103, 247
 laverca 76
 laxtaya 78
 laya 31
 lazareto 154
 leal 148
 leche 80
 leciño 59
 lecho 247
 lechuga 148, 247
 legier 257
 legitimo 257
 legoa 57
 legua 57
 leite 247
 leiterola 247
 leito 104
 lemosi 220
 lenço 252
 lengua 107
 leño 152
 leones 103
 leonés 103, 132
 let 103
 leuca 57
 leudes 74
 levante 250
 levar 242
 leycho 108
 leyt 85
 leyto 113
 leztori tirar 117
 liar 148, 183
 libre 237
 librea 171
 lidimo 201

- liebre 180
 liepre 180
 lieue 57
 ligar 183
 ligeiro 254
 limão 261
 linaje 125
 linhage 254
 linhagem 254
 linhatge 254
 lino 25
 loa 55
 lobio 76
 lobo 147
 loco 107
 lodola 55
 logar 242
 loger 155
 loguer 125
 loma 211
 lombo 111
 lomo 101
 lore 110
 losa 57, 100, 103, 247
 cousa 57, 103, 247
 loza 57
 lua 73, 199
 lúa 73
 luga 180
 lugar 180
 lugás 180
 lugo 28
 luma 110
 luna 199
 lune 199
 lüne 199
 luva 73
 llado 173
 lladre 236
 llaga 200
 llamar 198, 200, 247
 llanda 57
 llano 265
 llanto 110
 llarg 199
 llaut 240
 llave 110
 llavore 104
 llegar 60, 179, 247
 llegoa 57
 llemosi 216, 217, 222
 llenar 201
 llengua 82
 llenya 236
 llet 79
 llevar 151
 lley 199
 llinu 178
 lliura 236
 lloba 199
 lloco 82
 lloch 236
 llosa 57
 llover 198
 lloza 180
 lluego 211
 lluna 199, 211
 ma 133, 237, 251, 267
 mã 249
 macana 156
 machos 105
 madeja 28
 madeixa 28
 madre 201
 mabre 201
 magliuolo 59
 magnifico 152
 maguer 134
 main 133
 maillol 59
 maillole 59
 maillot 59
 maire 201
 mais 247
 maison 254
 maistre 27
 majada 18
 majo 27
 majuelo 59
 malata 113
 maldecir 132
 maletia 125
 malga 25
 malha 18
 malhada 18
 malhò 59
 malhol 59
 malla 30
 mallada 18
 mallol 59
 mallorquí 214
 maloca 163
 malón 163
 malrubi 28
 malso 64
 mamacona 159
 mamey 156
 man 211
 manàna 133
 manar 209
 manats 211
 mancebo 58
 mancilla 252
 mancip 58
 mandar 209
 mandil 191
 mandilete 191
 mandioca 162
 mane 133
 manega 28
 maneira 246
 mangle 156
 mani 156
 manir 73
 manjar 60, 125, 254
 mans 237
 manga 28
 mangiare 60
 mang(i)er 60
 mant 59
 manta 256
 mantega 209
 manto 59
 matraca 241
 mão 249, 267
 map 18
 mapa 18
 mappo 18
 maquila 115, 117
 mara 163
 maravedi 165
 maravilla 241
 marchar 155
 março 128
 marcot 29
 mardano 30
 mare 201, 209
 marengo 75
 marfi 252, 255
 marfil 255
 marfim 252, 255
 margotta 29
 Maria-vola 28
 maridats 209
 mariposa 28
 marivole 28
 marmelade 165
 marrá 30
 marras 240
 marrón 30
 marronlo 28
 marroyo 28
 marta 75
 marru 30
 marrubio 28
 marzo 128
 más 53, 133
 mascarada 154
 masgid 165
 mataka 162
 matar 60
 mate 160, 162
 mater 60
 matiera 78
 matin 200
 matines 28
 matoasto 162
 mattare 60
 mäu 249
 maun 133
 mauricello 103
 mayol 59
 mayorquí 222
 medalla 154
 medesi 209
 medina 117
 mecha 197
 meçkita 117
 mejilla 152
 mejón 183
 mejor 110, 183
 melasse 165
 mendigo 152
 menjar 60
 mener 12
 menorqué 222
 menos 133
 mensaje 125
 mensajero 125
 menudo 147
 meor 99
 mercadería 64
 merchante 125
 merendar 59
 merendare 59
 mergo 29
 merindar 59
 merma 14
 mermelade 165
 merueillata 104
 mes 85, 237
 meschin, -e 165
 meschino 165
 meskino 117
 mesmico 186
 mesnada 125
 meso 84
 mespilo 27
 mesple 27
 mesquite 165
 mester 254
 mestier 254
 mesto 30
 metale 158
 metcale 117
 metge 203
 metre 54
 mezcál 158
 miaja 148, 183
 mica 28, 201
 mícho 186
 mieit 209
 mielga 179
 migaja 148, 183
 mīine 133
 mil 28
 milá 28
 milano 28
 milhano 28
 mils 195
 miña 256
 mīncá 60
 minhoto 267
 miño 256
 miñou 27
 minvia 28
 minuto 147
 mirar 135
 mitimaes 159
 mismito 186
 miso 84
 mixtek 157
 moçarab 240
 moço, -a 252, 253
 mocho 25
 modelo 154
 modello 154
 mogo 31
 mogón 31
 mogote 31
 moleiro 253
 molher 255
 molí 27, 178
 molier 255
 molineiras 247
 molleiro 253
 molneiro 253
 molt 80, 202
 monastir 195
 mondongo 29
 mondonguilla 29, 240
 monesterio 128

- monje 125, 236
 monjo 236
 monsieur 237
 mont(e) 131, 189
 montar 189
 morabitino 252
 moravedi 252
 morbe 236
 morbo 236
 morcego 59
 morcello 103
 mordache 165
 morgó 29
 morriña 186
 morteiro 27
 mortero 27
 morto 85
 mosaico 154
 moscada 30
 moschea 165
 mosquée 165
 mostolilla 59
 mostrenc 73
 mostrenco 73
 mostrengo 73
 motaqui 160
 mouita 73, 75
 mout 202
 moyer 255
 moyeu 27
 moyto 259
 mozotrus 148
 mucchio 27
 muchiguar 129
 mucho 80, 108, 128,
 178, 202
 mudar 80
 muder 80
 muela 31
 muerte 82
 muerto 85
 muga 31
 muhlo 184
 muchos 113
 muier 255
 mullo 184
 nuit 209
 muto 80, 104, 128,
 178, 179, 202,
 259
 muiyo 202
 mujer 110, 178, 200
 mulacho 186
 mullé 110, 178, 200
 muller 104, 200
 mullés 200
 mullo 184
 mundegili 29
 mundiu 179
 mur 53, 209
 mūr 209
 murcégallo 59
 murciego 59
 murciélaglo 59
 muriu 179
 murs 53
 murzello 103
 muslo 184
 mussurt 237
- musticiella 59
 mustrela 59
 mutá 80
 muyer 110, 178,
 195
 ña 256
 naba 55
 nabos 146
 nació 237
 nadie 146
 naf 131
 nafregatu 108
 nagual 158
 nagueas 156
 nahuatl 158
 naide 146
 naixer 238
 nafre 238
 nalga 179
 ñandu 162
 ñandubay 162
 nao 186, 249
 napa 18
 ñapa 159
 nappe 18
 napur 147
 naranja 116
 ñarices 179
 narraçion 152
 narria 31
 nascut 201
 natal 153
 naturals 216
 nau 186, 241
 naualli 158
 nava 55
 navaja 109
 nave 131
 navear 148
 navegar 148
 nazareto 154
 nazir 116
 necesidad 182
 negociant 154
 negrenc 75
 negro 191
 negús 255
 nespero 27
 nesple 27
 net 81
 nevenc 75
 néyt 81
 nezezia 182
 ni 134
 nieu 199
 nin 134
 nispola 27
 nit 81, 247
 niu 199
 no 201
 nõ 58
 noble 131
 noch(e) 107, 131,
 134, 172, 247
 nod 58
 nodo 58
 nodriza 197
 nodus 58
- noeyt 81
 nohte 101
 noite 249
 nom 249
 nombre 112, 131
 ñombre 179
 noo 58
 nopal 158
 noria 116
 norte 125
 notable 171
 notz 58
 nou 209
 noute 249
 nova 195
 novela 153
 noviajo 184
 noviazgo 184, 253
 novo 195
 naxte 247
 nu 58
 nuca 240
 nudo 58
 nuet 103, 178
 nueite 178, 196
 nueiti 103
 nueyt 81
 nuit 81
 nunquas 133
 nuvel 209
 nuu 58
- o 134
 obispo 14
 objeto 152
 obrador 132
 oborigare 103
 oca 162, 209
 ocheir 60
 océir 60
 ocelote 158
 ocho 195
 ochoure 58
 ochubre 58
 oclyu 198
 octomvrie 58
 octubre 58
 octurgavit 103
 ocupar 147
 oeste 125
 offerer 54
 offerir 54
 ofizio 128
 ohir 198, 202
 oir 209
 oir 198, 202
 oiro 249
 ojalá 117
 ojo 110
 olveira 246
 oler 183
 olmafi 255
 omne 135
 on 134
 ona 202
 oncle 236
 onclo 236
 onde 134
 ondo 15
- onta 239, 240
 or 209, 236
 oreja 178
 oreya 178
 orgôli 239
 orguelh 240
 orgulho 75
 orgull 239, 240
 orgullo 75
 orje 254
 oro 247, 268
 ortale 256
 osa 240
 ostao 251
 oste 249
 otero 58, 78
 otro 202
 ottobre 58
 ou 247
 ouro 249, 268
 outeiro 58
 outro 202, 247
 outubro 58
 opera 154
 oveja 110
 ovella 110
 ovo 105
 oxalá 117
 oyo 255
 oza 240
- pa 237
 paadulibus 256
 pabil 30
 paca 162
 paço 268
 padre 131, 201
 padres 131
 pães 249
 pagá 236
 paire 201
 paiuolo 56
 paja 110
 pájaro 60
 paje 125
 palacio 128
 paladino 125
 palafren 125
 palanca 64
 palo 27
 paloma 110, 202
 palomar 191
 palomba 104, 179,
 202
 palomo 101
 palqueria 158
 pam 249
 pampa 60, 162
 pan 131, 200,
 237
 pança 28
 pandair 247
 pandero 247
 pandura 247
 pane 131, 249
 pans 53, 237
 pantalón 154
 panxa 28
 panza 28

- pão 249
 papa 160
 papaya 156
 papel 183
 par 254
 para 134
 páramo 55
 parapeto 154
 pardo 183
 pare 201, 237
 parede 247
 parlar 213
 parol 56
 parren 74
 parterre 171
 parti 200, 236
 partides 133
 partier 132
 partiere 132
 partiero 132
 partié sedes 133
 partiestes 132
 partindo 250
 partió 133
 partir 54, 106, 200, 238
 pas 201
 pasar 148
 pasäre 60
 paso 268
 pasquín 154
 passa 148
 passero 60
 pasto(r)s 210
 patria 229
 pãũ 249
 pauch 241
 paul 25, 256
 paus 241
 pausada 103
 pauta 128
 payo 186
 pe 195, 202, 209
 peça 56
 peccadille 165
 peccet 112
 pecego 27
 peche 112
 pecho 107, 195
 pedaço 256
 pedante 153
 pedazo 256
 pedi 183
 pedir 105, 183
 peira 201
 peire 119
 peito 247
 peix 237
 peixos 237
 pelayo 186
 peliça 128
 peligroso 146
 pelsis 209
 penacho 154
 pendon 125
 pendre 54, 60
 pennaccio 154
 penre 54
 pensoso 146
 pera 201
 perder 135
 perfidia 183
 perfiria 183
 perna 59
 perol 56, 197
 perrecallo 188
 perseve 27
 persona 249
 pes 82
 pesa 56
 pesar de, a 242
 pesce 81
 pesebre 27
 pessoa 249
 peste 82
 petaca 158
 petate 158
 petimetre 171
 peu 195, 202, 209
 peytar 113
 peyte 108
 peyto 113
 pezza 56
 physis 64
 piacere 165
 piacze 165
 piano 154
 pícaro 182, 190
 piçarra 55
 pichón 171
 pie 195, 202
 peça 149
 pièce 56
 pieit 195
 pieito 103
 pieitz 209
 pïept 198
 pierna 14, 59
 piertica 27
 pieza 56
 pilastra 154
 pilota 154
 piloto 154, 265
 pinole 158
 pinu 178
 pipistrello 59
 piragua 156
 pirca 159
 pisarra 55
 pisaverde 171
 pistola 154
 piñã 56
 pits 195, 209
 pixotas 81
 pizarra 55
 pla 209, 247
 plaça 128, 148
 placeá 198
 plaga 201
 plan 254
 plana 247
 plantain 104, 247
 plantage 247
 plata 183
 platz 202
 plazer 148
 plecha 186
 plegar 180
 pleita 186
 plen 200
 plena 201
 pleno 104
 plinge 198
 plorar 247
 ploma 200
 plomo 252, 253
 plorar 101, 247
 ploure 198, 200
 pobre 247
 poco 249, 267
 poçon 152
 poderoso 146
 poirol 56
 pol 105
 pola 179
 polbra 64
 polla 105
 pomba 202
 pon 131
 poncho 163
 pondre 209
 pone 131
 poner 54, 211
 pongo 159
 ponre 209
 poo 99
 por 236
 pora 134
 pormedio 134
 poroto 160
 porpola 64
 porta 195
 portogales 243
 portugalez 243
 portajo 184
 portalgo 252, 253
 portazgo 119, 184, 253
 portiello 107
 portillo 107
 portugalés 186
 portugalois 243
 portuguez 186, 243
 porxe 236
 porxo 236
 pos 133
 posar 211
 possedir 54, 105
 poste 197
 potpourri 171
 pouco 179, 249, 267
 pozo 128
 prado 147, 183
 pram 254
 pran, de 254
 prao 183
 prata 179, 183
 preçiar 128
 preire 125
 preito 104
 prender 132
 pres 85
 preseve 27
 presso 84, 85, 132
 pressec 27
 preste 125, 254
 prestre 257
 pret 242
 proveire 125
 prez 242
 presente 250
 priel 56
 primeiro 179
 primer 209
 primeramente 242
 primier 209
 príncipe 152
 prisco 26
 proa 154
 prob 134
 prodigios 167
 proençal 254
 projimo 152
 promés 85
 promeso 85
 prosaicamente 217
 próximo 64
 pruma 179
 púdico 152
 puente 247
 puerco 247
 puerta 195
 pues 133
 pueyo 81, 103
 puio 81
 pulque 158
 puma 160
 puna 159
 punt 201
 puño 152
 pur 237
 pus 53, 201, 251
 pux 251
 puyar 146
 qual 256
 quatiní 157
 quatro 236
 que 134, 238
 quedar 247
 quem 60
 quel 204
 querer 60, 242, 247
 querer 60
 qui 201, 238
 quichua 158, 159
 quiega 195
 quien 60, 150, 201
 quilate 115, 252
 quin 60
 quina 160
 quincayú 162
 quinoa 163
 quintales 115
 quirate 252
 quirilui 162
 quitar 254
 quix 251
 rábano 25
 rabatines 185
 raca 73
 racar 73

- racarse 73
 raceles 185
 raez 146
 ragas 56
 ragate 154
 raie 17
 raille 30
 raja 30
 rajar 30
 raillon 30
 ralló 30
 rancura 241
 raó 200
 raon 200
 rapar 73
 rastro 14
 rauba 240
 rave 25
 raya 17
 razão 249, 250
 razom 249
 real 148
 realengo 75
 rece 146
 recenes 242
 recibo 146
 rectó 236
 rector 236
 reder 72
 rega 17
 regade 154
 regoldar 153
 reir 105
 remarcable 171
 remolcar 154
 remulcare 154
 reproche 125
 res 201
 resclosa 103
 responder 54
 retaguarda 125
 retor 186
 revés 26
 revieso 26
 riba 256
 ribulo 256
 ric 73, 75, 239
 rico 73, 75
 ricor 241
 ricu 179
 rienda 150
 rier 105
 riesgo 154
 rindibú 155
 rio 60
 río 60
 rin 60
 riu 60
 rob 60
 roba 240
 robe 240
 robledo 15
 robur 15
 roca 29, 73
 rocca 73
 rochet 240
 roda 80
 rogar 148
 rotar 148
 roie 17
 roig 237
 rolde 150
 rolhón 30
 romance 165
 romería 64
 rondalles 214
 rondar 214
 ropa 240
 roquet 240
 roquete 240
 rosa 214
 rosada 197
 rosinhol 254
 rostre 60
 rostro 60
 rotjos 237
 roto 132
 rottle 236
 rottlo 236
 roupa 240
 roussinol 254
 rovorare 256
 roza 148, 214
 rua 254
 ruca 29
 rueca 29, 73
 rueda 147
 ruello 178
 rufianos 182
 rumiar 148
 sa 237, 238, 251, 269
 saá 56
 sabana 156
 saber 182, 201, 249
 sabicú 157
 sabuco 148
 sabugo 148
 sacanete 155
 safrá 241
 saga 56
 sagio 74
 šahamialla 247
 šahamllella 247
 saia 56
 saie 56
 saio 56, 74
 sair 247
 sal 131, 269
 sale 131
 salir 132
 salitre 252, 253
 salmer 28
 saltimbanquí 154
 saltimbanco 154
 saltitre 252
 salto 269
 saltus 66
 sandice 247
 sangrar 252, 253
 santificar 129, 152
 santiguar 129
 sao 157
 sarao 171
 sargente 125
 sargento 125
 sarja 241
 sarna 59
 sarto 269
 sarracina 30
 sarria 73
 sarró 241
 sau 56
 saúco 148
 saur 241
 sauto 247, 256
 saya 56
 sayón 74
 sayagües 180
 sazón 152
 scarpino 154
 schioppetto 154
 seer 152
 ser 251
 sero 236
 seguidilla 183
 seguir 105
 según 137
 seguriya 183
 seguro 148
 seis 152
 seja 251
 selvaticuez 153
 semeja 64
 sempre 209
 semt 116
 sen 113
 sendero 101
 señores 196
 sentinella 153
 seo 186
 ser 84
 sera 73
 serail 58
 serano 171
 sergente 125
 seria 239
 serraglio 58
 serraia 58
 serralha 58
 serraria 58
 serrar 182
 servici 242
 serviço 128
 servindo 106
 servio 268
 serviu 268
 seseo 182, 186
 seu 186, 202
 sex 195
 sexto 63
 sezilla 250
 sgorbia 57
 sieglo 64
 siellas 247
 siesta 63
 siglo 64
 silueta 171
 simt 116
 singy 250
 šineru 178
 sines 133
 sino 152, 242
 sigro 179
 six 195
 so 134
 sobretodo 171
 sobrino 242
 socru 53
 sofá 240
 sofión 154
 sofrer 54
 sofrir 54
 soga 27
 sojornar 125
 soldado 154
 soler 211
 soltar 242
 som 199
 somero 28
 son 199, 237
 sonata 154
 soirée 171
 sope 105, 247
 sor 209
 šordiga 66
 sortes 242
 sosegar 111
 sotana 154
 soto 247
 sou 251
 soube 247, 250
 sousa 249
 soute 247, 256
 sovinent 241
 spait 72
 spata 64
 speuto 72
 pillu 104
 spiritu 152
 spitus 72
 spiuts 72
 squilla 29
 strata 80
 suasanto 209
 subir 146, 182
 superficialidad 171
 suor 199
 sur 125
 surrão 241
 surtout 171
 symphonía 64
 tabáco 150
 taberna 14
 taladre 57
 taladro 57
 talam 254
 talan 254
 talar 73
 talón 197
 tamale 158
 tamandúa 162
 tamaño 58, 146
 tambo 159, 163
 tamén 67
 tamién 67
 tampo 263
 tamyén 67
 tanda 159, 242
 tanger 269
 tanguer 269
 tailatu 104

- tapihire 162
 tapioca 162
 tapir 162
 tapirete 162
 tapiruçu 162
 tarader 57
 taraire 57
 tarere 57
 tarragoní 212
 tártago 29
 tátani 162
 tascar 29, 73, 75
 taverne 14
 tedá 17
 teer 99
 teğa 17
 teja 27
 teļa 113
 temer 75, 132, 250
 temeroso 146
 tempora 30
 tempu 53
 tener 85, 105, 151, 178, 180, 201, 202, 209, 249, 269
 tenir 105
 tenito 180
 teocalli 158
 teer 247
 ter 247, 248, 249, 269
 tercero 267
 terceiro 267
 terço 252
 terra 247
 terutero 162
 terzero 247
 tesaur 241
 teudo 250
 teula 27
 teza 17
 thiufadus 74
 thsufre 149
 tia 255
 tierra 247
 tihurón 156
 tilde 63
 tinhar 184
 tinnar 184
 tio 255
 tiorba 154
 titar 113
 tiza 17
 tiznar 184
 to 183
 toaille 14
 toalla 14
 tobaja 14
 tocado 171
 todavía 148
 todo 183
 toilette 171
 toison 155
 tolva 27
 tomate 158, 265
 tomar 60
 ton 58
 tona 58
 tonadilla 171
 too 183
 tor 131
 tornar 135
 torre 131
 tósigo 128
 totavia 242
 toto 108
 toupé 171
 touro 249
 tovaile 14
 trabajador 148
 trabajaor 148
 trado 57
 tráfico 154
 tramontana 154
 tramontanu 268
 trauto 128
 traycion 152
 tregoa 74
 tregua 74
 trençar 209
 trigar 76
 trigo 59, 253
 trinchar 125
 trincea 155
 trinchera 155
 trinquete 154
 trinquis 155
 trijascar 73
 trista 102
 tristo 102
 trobá 253
 trobador 125, 253
 trobar 60, 125, 201, 211
 trocha 125
 truan 56
 truand 56
 truão 56
 truch 73
 truco 73
 trugant 56
 truhá 56
 truhán 56
 truque 73
 tsabe 179
 tsabola 188
 tsien 113
 tsnebru 178
 tsuma 179
 tuavía 148
 tucán 162
 tuna 156
 tuorto 247
 tusón 155
 tutchun 209
 tuyuyu 162
 ubá 162
 ucé 150
 uço 82, 108
 uech 195
 uello 103, 110
 ugier 125
 ujier 125
 uma 256
 uncir 108
 unha 216
 uní 267
 unir 267
 unu 179
 urce 183
 urraca 31
 urtica 66
 urubu 162
 urunday 162
 ūš 82
 uşă 82
 uscano 82
 uscio 82
 uses 237
 usia 150
 ustal 209
 usted 150, 238
 uytubre 58
 uxo 82
 uzo 252
 vaghezza 153
 vagueza 153
 vaiga 78
 vaika 78
 vanto 268
 varjel 125
 varzea 256
 varzena 256
 vasos 148
 vassos 148
 vecin 149, 178
 veer 105, 202
 vega 55, 79
 vehi 209
 vehins 202
 veiga 55
 veilla 14
 veille 14
 veir 105
 veira 14
 veispra 28
 vela 14, 153
 velha 14
 velesa 75
 velido 253
 velmez 125
 veltres 56, 77
 vençudo 85
 vencut 201
 vençut 85
 vender 54
 vendér 85, 133, 202, 209, 250, 268
 venir 201, 209, 211
 venser 201
 ventura 257
 ver 202
 verano 197
 vergier 254
 veridate 256
 verificar 152
 verificare 60
 vertade 247
 vërtrăgus 17
 vespa 28
 vet-aqui 237
 vezer 85, 131, 200, 201, 202, 209, 237
 vezi 209
 vezin 149
 vezino 202
 viadže 213
 viaľo 178
 vianda 254
 viatge 213
 viautre 17, 56
 vicinho 255
 vicuña 160
 viello 196
 vigia 186
 vilão 249
 vipistrello 59
 virar 125
 virgen 64, 268
 virgeu 254
 vida 255, 256, 268
 vivir 105
 viviguar 129
 vivir 105
 vizcacha 160
 vizie 14
 vodo 147
 volch 238
 volomari 28
 volver 135, 183, 242
 vos 150, 238, 268
 vosaltres 238
 voto 147
 votz 209
 vou 247
 voz 14
 vuelvo 183
 vuesarcé 150
 vuesasté 150
 vuler 238
 vulgher 238
 vusté 238
 vuy 195
 vuyt 195
 welyo 103
 xabega 240
 xabon 116
 xafarice 117
 xano 247
 xarralya 101
 xei 116
 xente 178
 rexanta 209
 xicara 158
 xineru 178
 xugo 117
 y 135
 ya 103, 247
 ya que 134
 yacaré 162
 yacer 108, 149
 yaguareté 162
 yanacona 159
 yapa 159
 yararé 162
 yaraví 159
 yarey 157
 yatay 162
 yegua 195
 yeísmo 182

yelmo 125
yenair 104
yenešta 104
yenexta 101
yengua 199
yéngwa buba 82
yent 178
yent(e) 178
yera 178
yermana 104

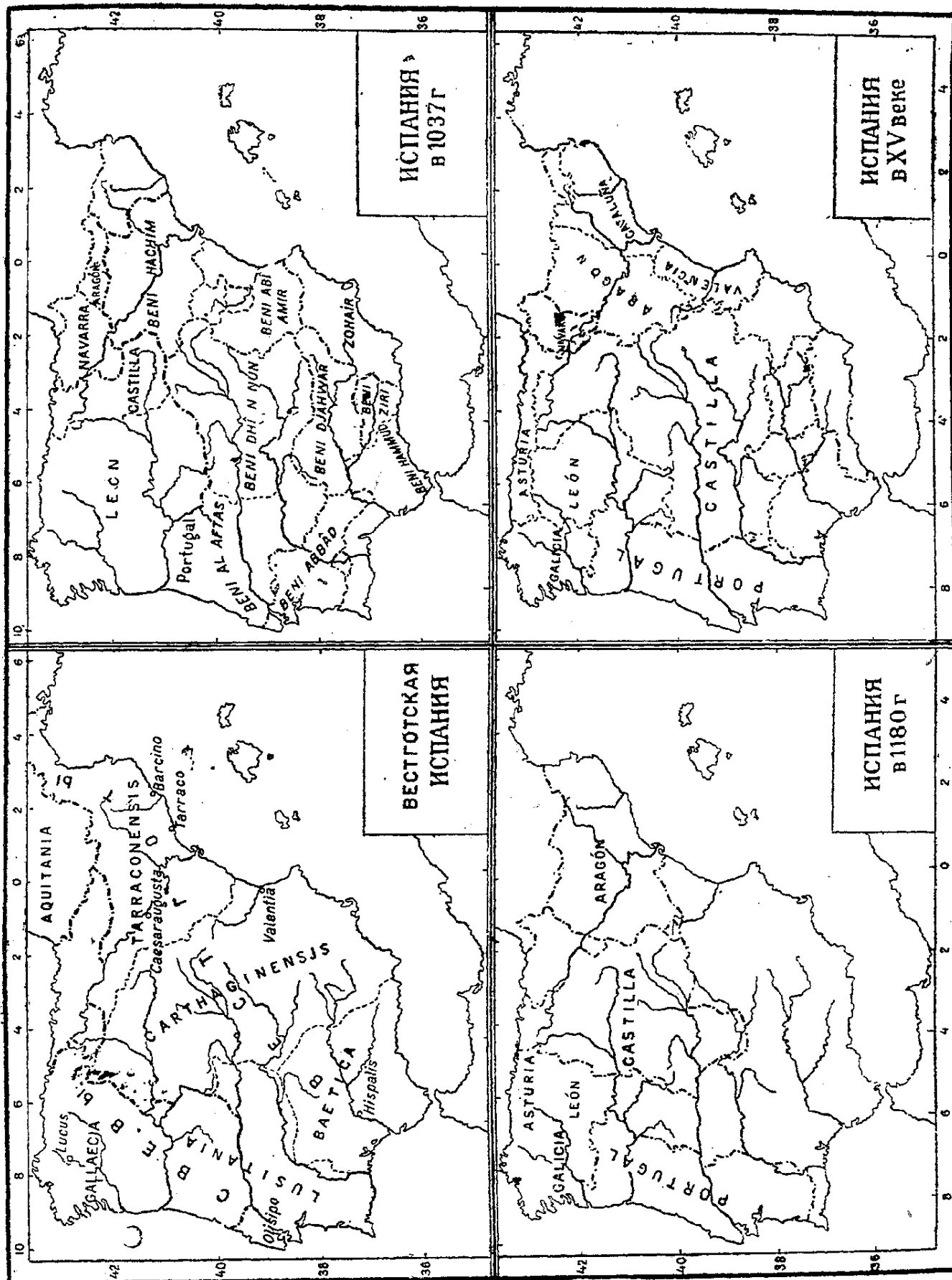
yerno 108
yeso 65, 108
yo 150
yuca 156
yugo 108, 160
yuka 82
yunka 158

zaber 182
zafar 252

zaga 125
zaguanes 116
zalmedina 115
zapallo 160
zapolote 158
zapote 158
zapotek 157
zara 159
zarra 251

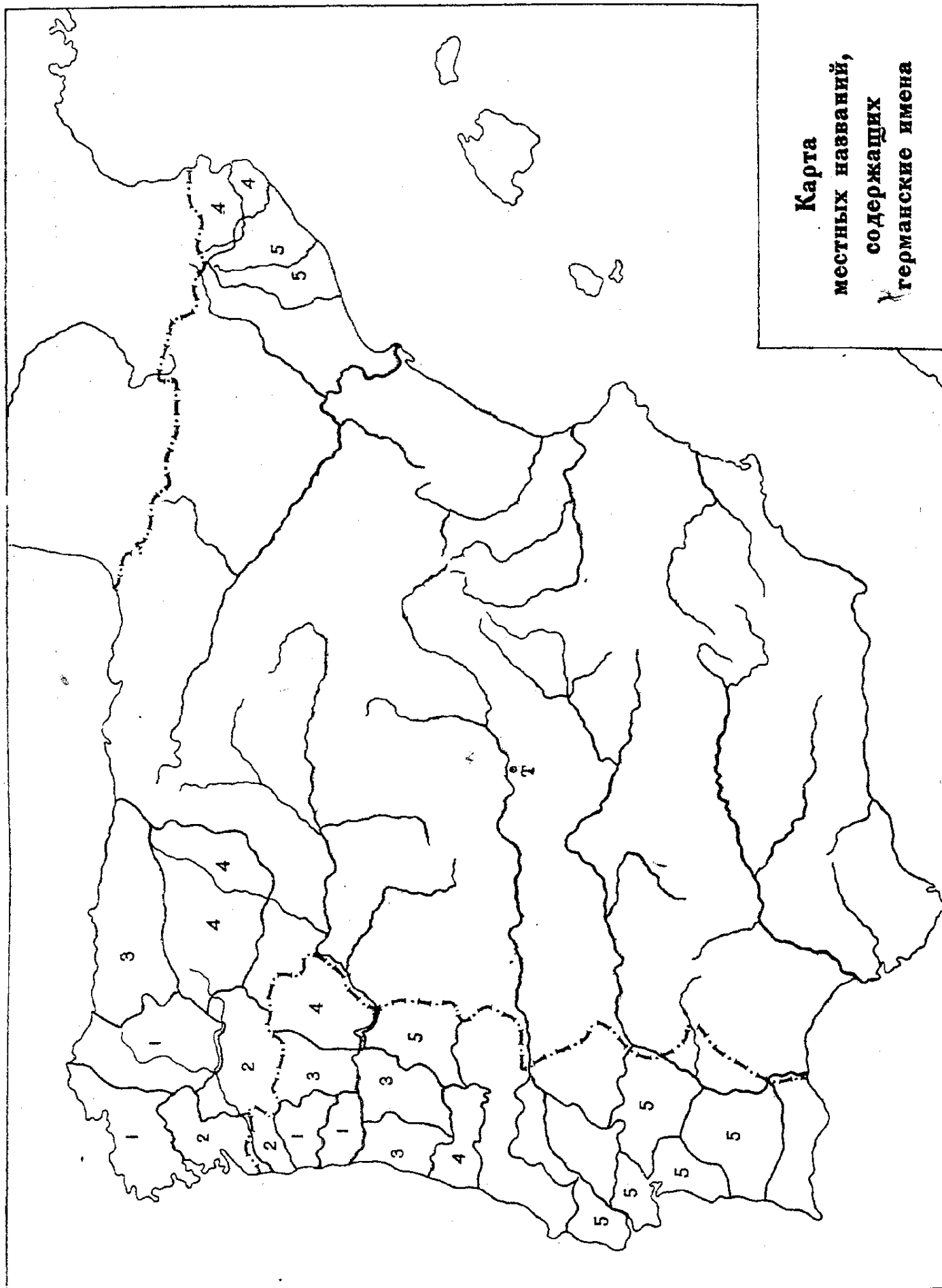
zavazouke 117
zgoibe 57
zimbal 53
zimbro 28
žove 214
zubir 182
zufre 149
zumaque 117
zurrón 241

КАРТЫ

Исторические карты Испании (VI—XV вв.)

**Карта
местных названий,
содержащих
германские имена**

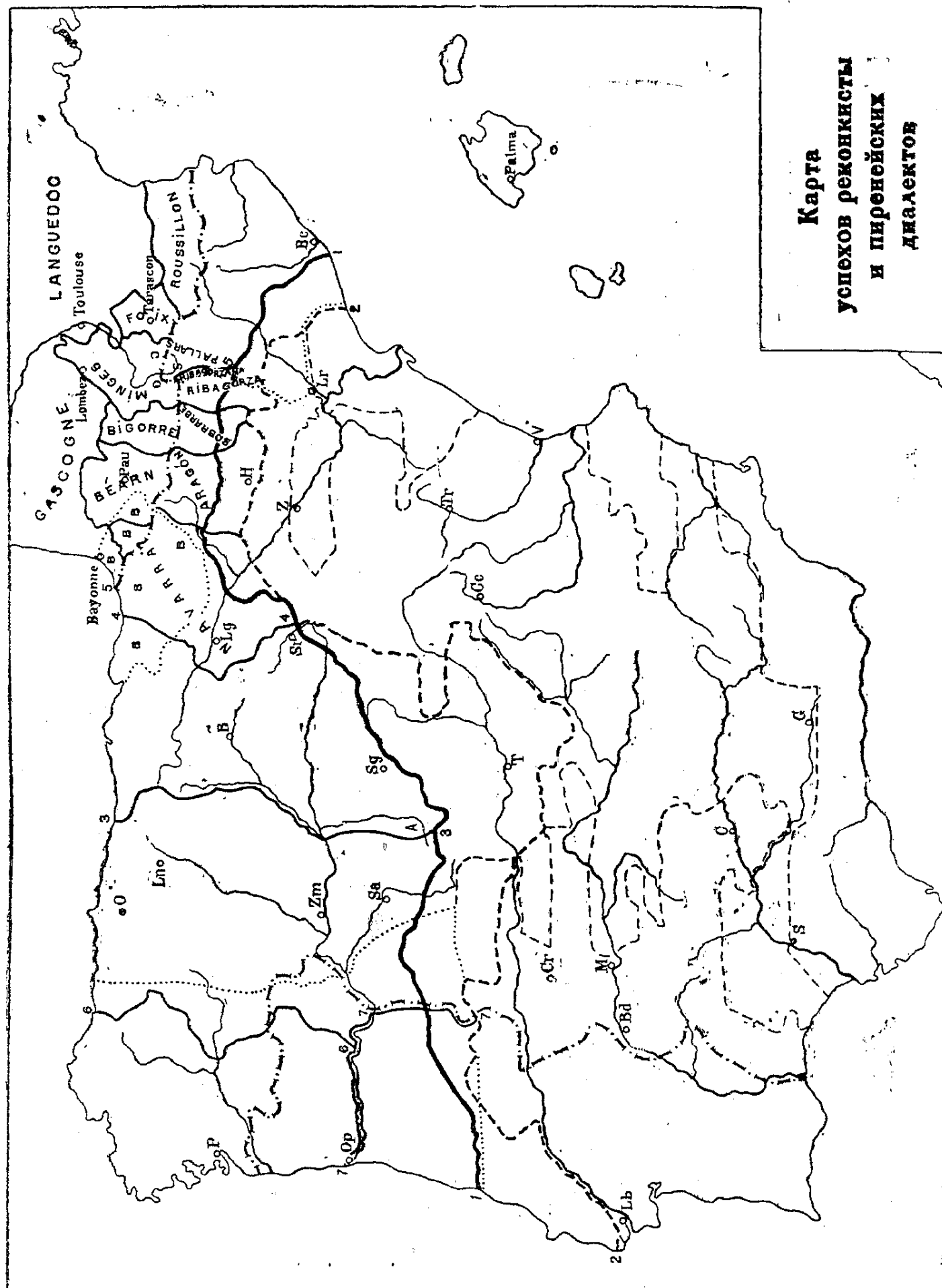

Карта насыщенности областей местными названиями, образованными от германских личных имен

Топонимика этой карты восходит ко времени арабского вторжения, когда готы удалились на север, в пределы бывшего свевского королевства, слившегося с готским в 585 г.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

1. 10—15% местных названий в провинциях Корунья, Луго, Брага, Порту.
2. 5—10% местных названий в провинциях Понтеведра, Оренсе, Виана ду Кастелу.
3. 2—5% местных названий в провинциях Авайру, Визеу, Овиедо, Вилла Реалъ.
4. 1—2% местных названий в провинциях Браганса, Леон, Куимбра, Херона, Бургос.
5. 1/2—1% местных названий в провинциях Аксабон, Гварда, Эбора, Бежа, Барселона.

Карта
успехов реконкисты
и пиренейских
диалектов

Карта успехов реконкисты и пиренейских диалектов.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- 1 — 1. Южные границы реконкисты в 950 г.
 2 — 2. Южные границы реконкисты в 1100 г.

Внутренние границы государств полуострова между собой в 950 г.:

- 3 — 3. Восточная граница Леона
 4 — 4. Западная граница Наварско-Арагонского государства
 5 — 5. Восточная граница его
 6 — 6. Восточная граница Галисии
 7 — 7. Северная и восточная граница Португалии

..... Границы галисийской и каталанской группы диалектов.

----- Границы мосарабских диалектов (исчезнувших или исчезающих, начиная с XII в.), аналогичных галисийским и каталанским (отсутствие дифтонгизации ё, ё).

Белые поля в центре к югу от линии 1 до линии ----- обозначают мосарабские диалекты, более близкие леонскому и арагонскому, чем кастильскому.

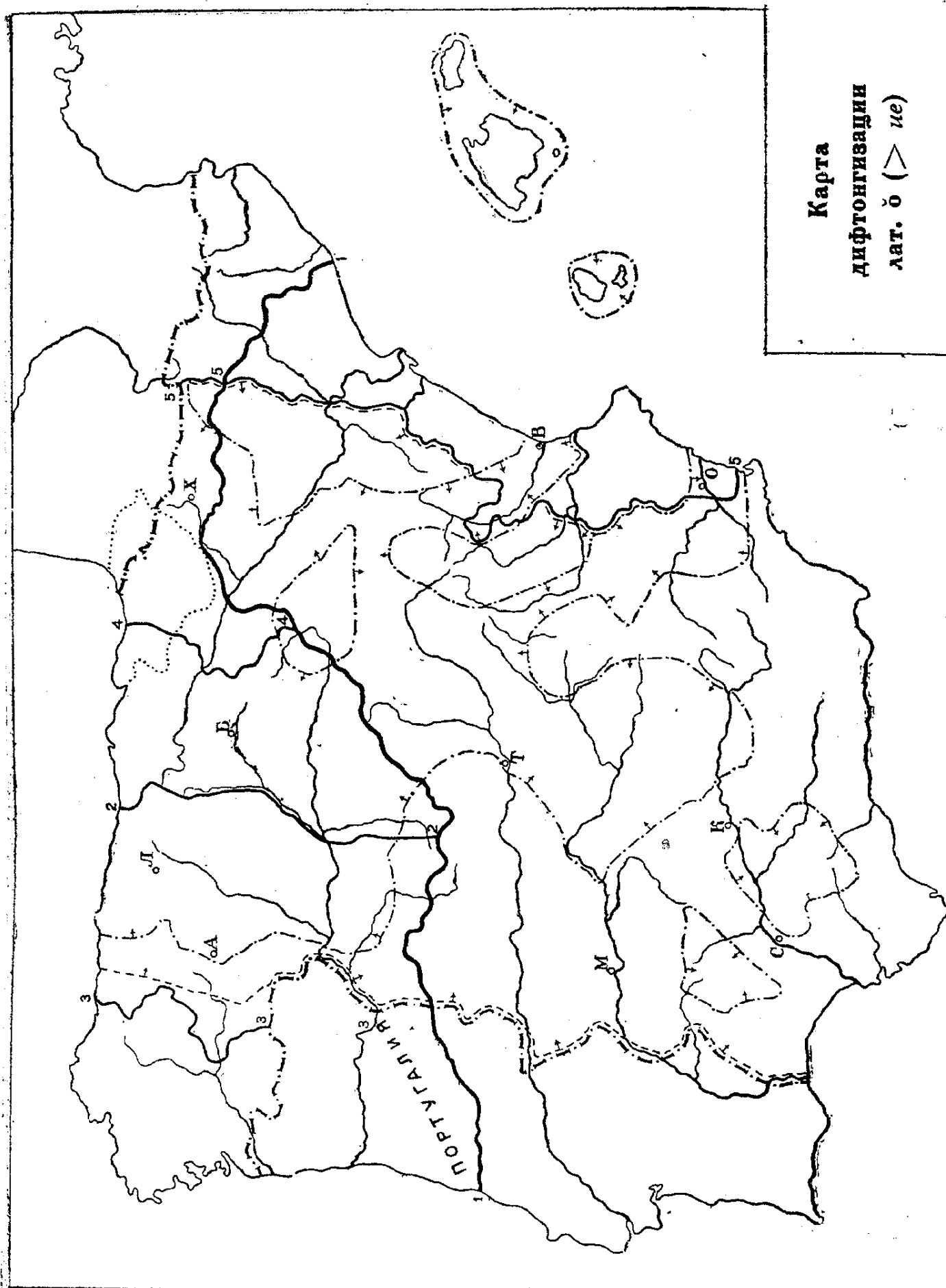
Территория баскского

В В

A = Ávila
 B = Burgos
 Bc = Barcelona
 Bd = Badajoz
 C = Córdoba
 Cc = Cuenca
 Cr = Cáceres
 G = Granada
 H = Huesca

Lb = Lisboa
 Lg = Logroño
 Ln = Leon
 Lr = Lérida
 M = Mérida
 O = Oviedo
 Op = Oporto
 P = Pontevedra
 S = Sevilla

Sa = Salamanca
 Sg = Segovia
 Sr = Soria
 T = Toledo
 Tr = Teruel
 V = Valencia
 Z = Zaragoza
 Zm = Zamora

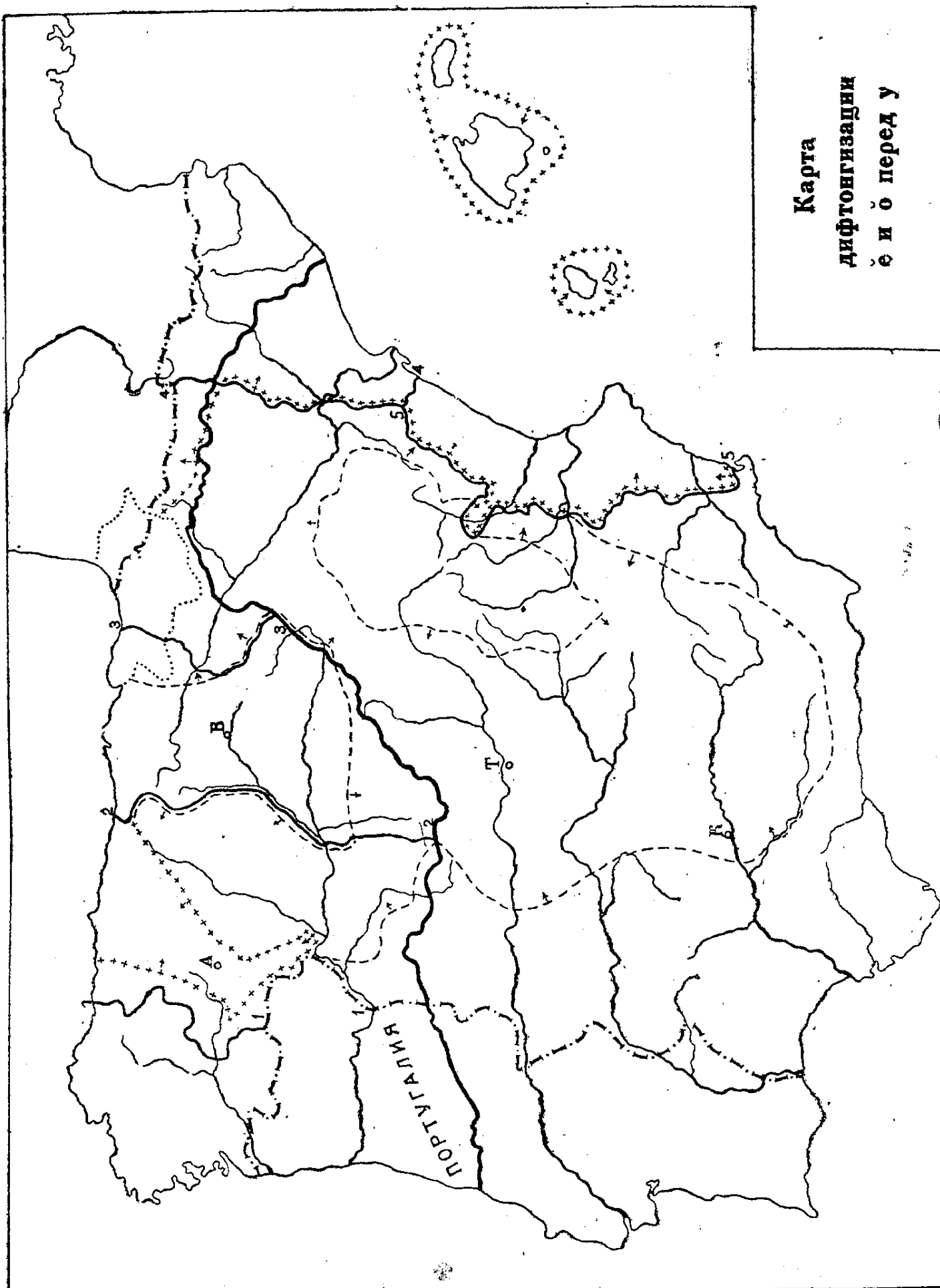
Карта дифтонгизации лат. ъ (> ie) в половине X в.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- 1 ————— Граница реконкисты в половине X в.
- 2 ————— Восточная граница Леона.
- 3 ————— Восточная граница Галиссии.
- 4 ————— Западная " Наварско-Арагонского государства.
- 5 ————— Восточная " " , а также западная Каталонии и Валенсии.
- Граница Басконии.
- Граница областей, имеющих ie в современную эпоху.
-↑ Граница территорий, внутри которых дифтонг ie древнего происхождения; стрелки указывают, в какую сторону от черты распространяется данная территория. В областях, лежащих между границей ----- и дифтонг — нового происхождения. Бискайское побережье и южный рубеж Басконии являются северными границами древнего дифтонга ie; южная граница позднего дифтонга тянется по берегу от Португалии до устья Сегуры. Крайний запад и крайний восток сохраняют o.

A = Асторга	K = Кордова	O = Ориуэла
B = Бургос	L = Леон	C = Севилья
V = Валенсия	M = Мерида	T = Толедо

Карта
дифтонгизации
ё и ъ перед у

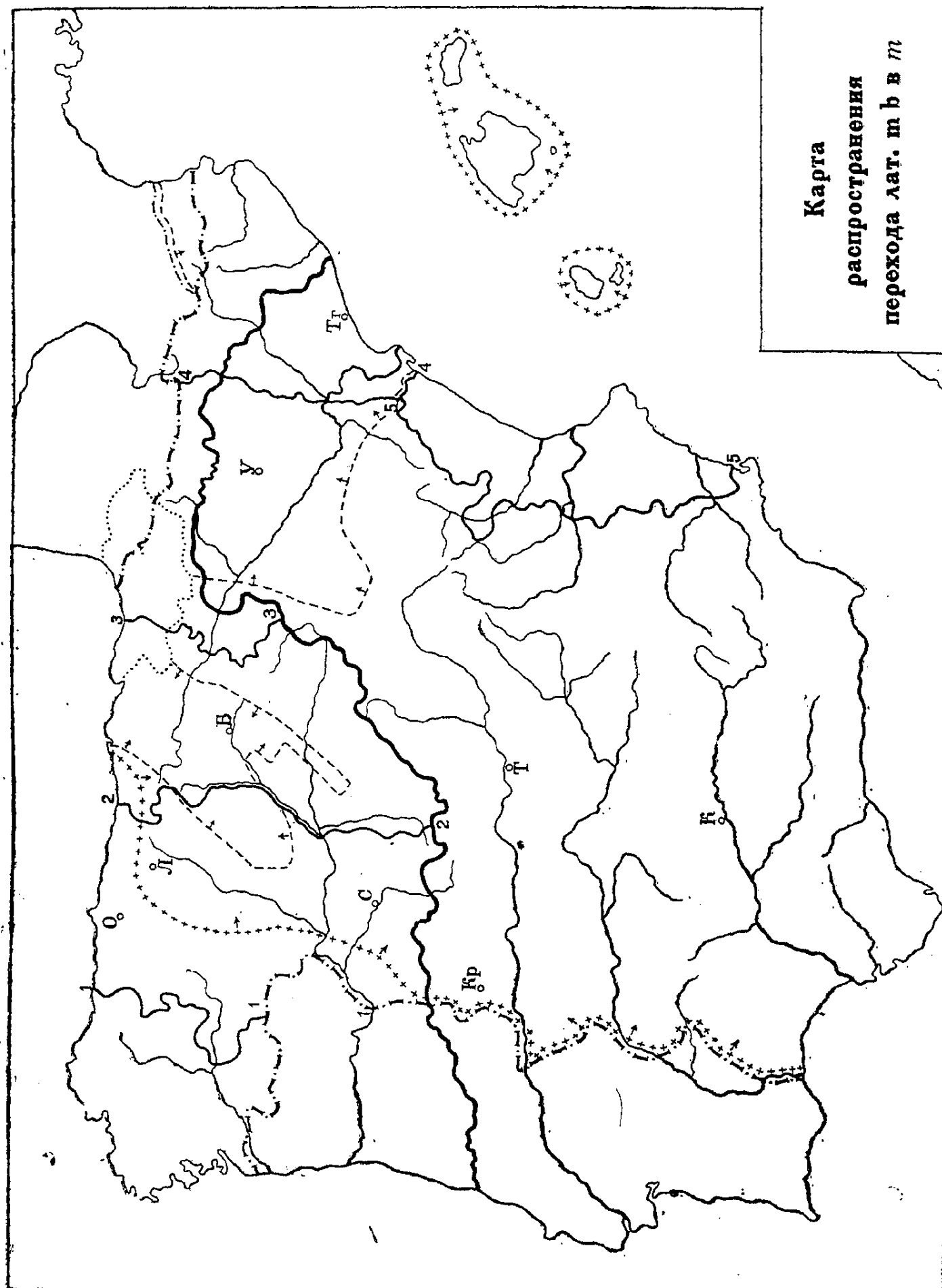

Карта дифтонгизации ё и ѳ перед у в половине X в.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- Граница реконкисты в половине X в.
 - 1 — Восточные границы Галисии.
 - 2 — " " Леона.
 - 3 — Западные " " Наварро-Арагонии.
 - 4 — " " Каталонии.
 - 5 — " " Валенсии.
 - Граница Басконии.
 - Границы областей, имевших дифтонг в древнюю пору.
 - + -+ -+ -+ -+ Границы областей, сохраняющих дифтонг в наше время.
- Все остальные территории сохраняют латинский гласный, между прочим и Кастилья.

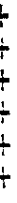

A = Асторга, B = Бургос, K = Кóрдова, T = Толедо

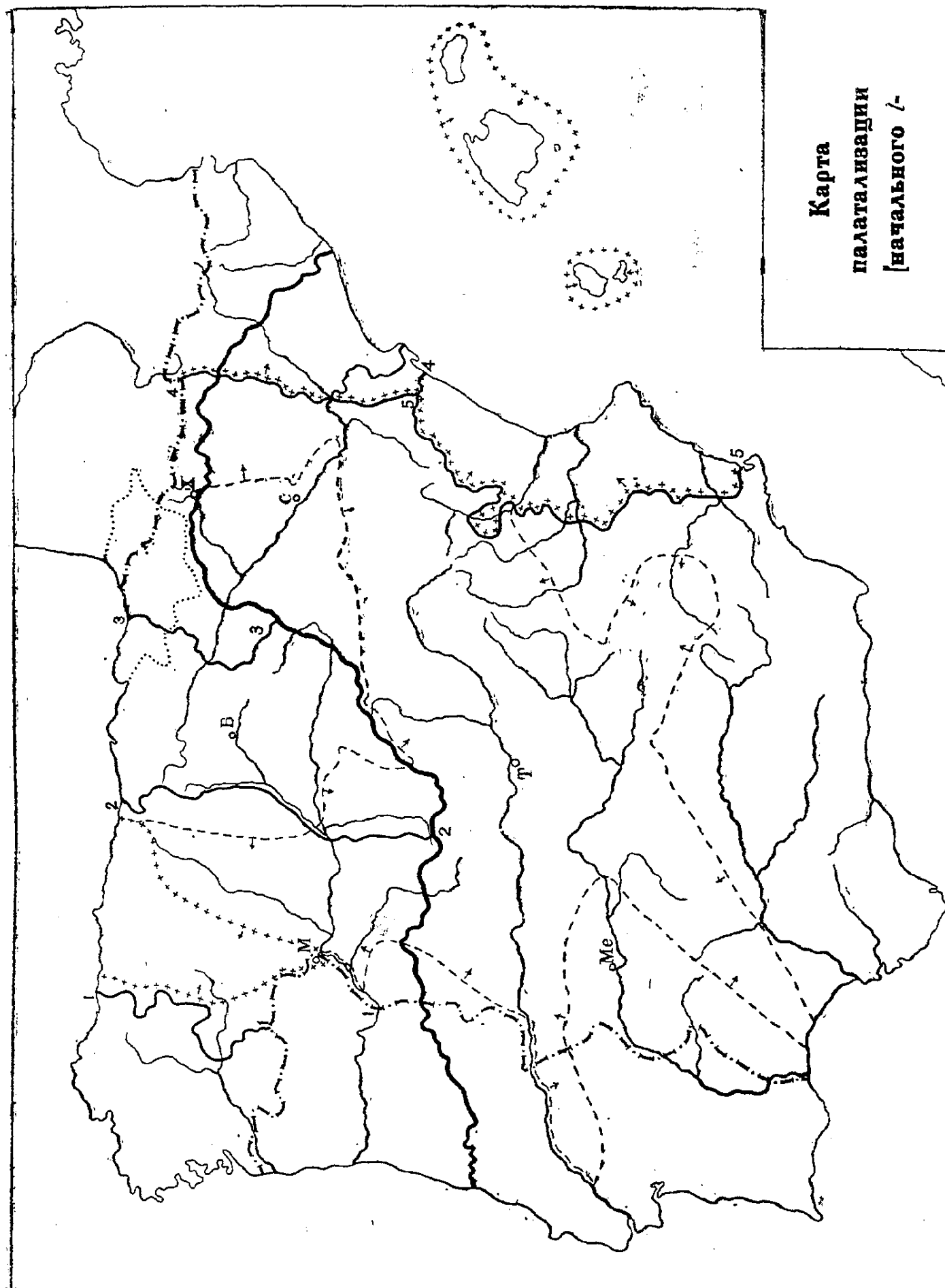

Карта
распространения
перехода лат. *т в т*

Карта распространения перехода лат. *mb* в *m* в половине X в.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

	Граница реконкисты в половине X в.		
1 	Восточная граница Галисии.		
2 	" " Леона.	С	= Саламанка
3 	Западная " " Наварро-Арагонии.	T	= Толедо
4 	" " Каталонии.	Tг	= Таррагона
5 	" " Валенсии.	У	= Уэска
	Граница <i>m</i> < <i>m</i> <i>b</i> в древнюю пору.		
	Граница <i>m</i> < <i>m</i> <i>b</i> в современную эпоху.		
	Западная часть полуострова + + + + + сохраняет <i>mb</i> .		
	Граница Басконии.		
	Граница Руссильона.		
		Б	= Бургос
		К	= Кордова
		Кр	= Кория
		Л	= Леон
		О	= Овьедо

Карта
палаталізації
[начального /-

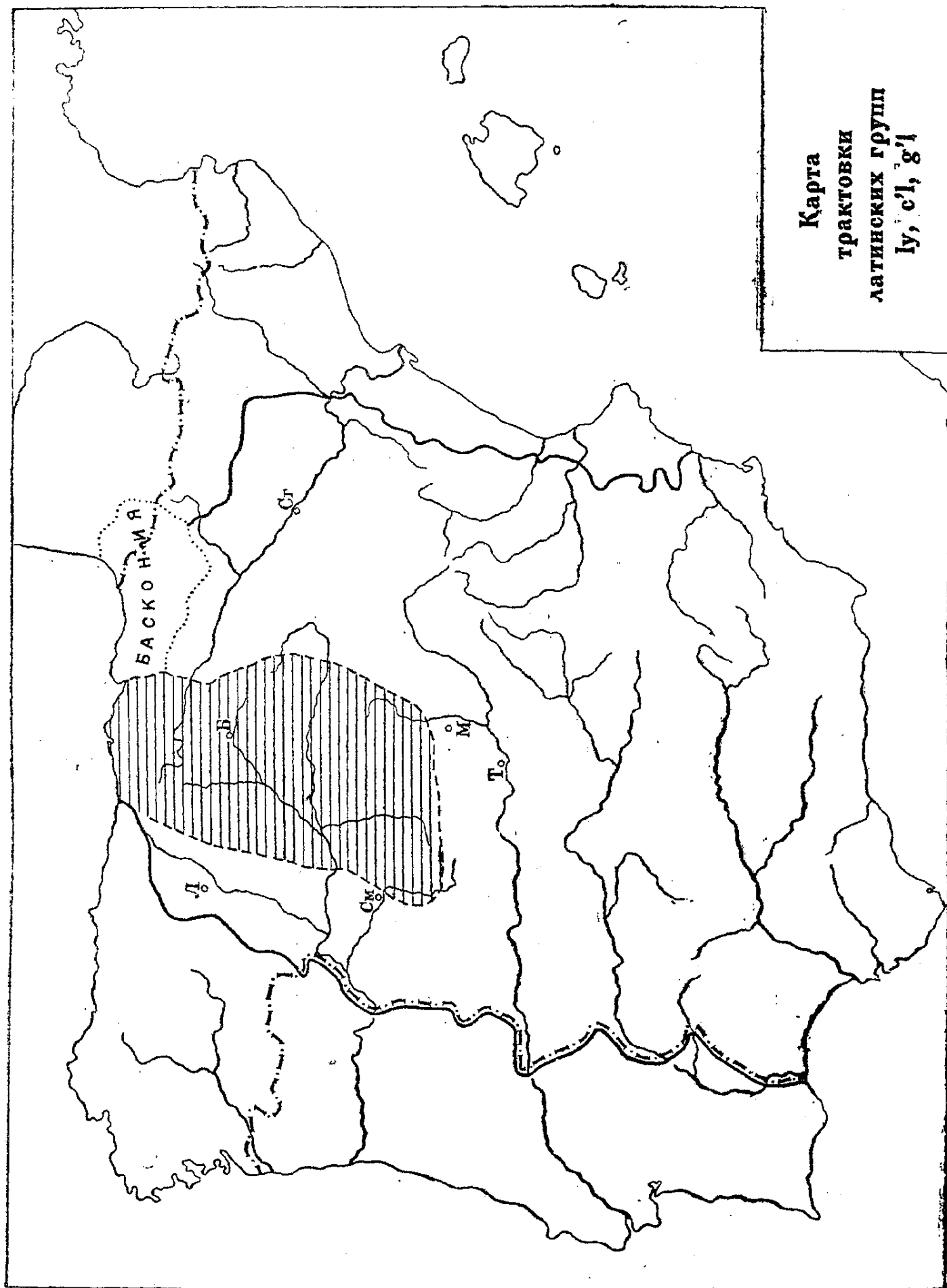
Карта палатализации начального /- в половине X в.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- Граница реконквисты в половине X в.
 - 1 Восточная граница Галисии.
 - 2 " " Леона
 - 3 Западная " " Наварро-Арагонии.
 - 4 " " Каталонии.
 - 5 " " Валенсии.
 - Границы палатализованного /- в современном языке.
 - Границы областей, имевших палатализованное /- в древние времена.
- Области, лежащие вне этих территорий, сохраняют латинское /.

Б = Бургос; Ме = Мёрда; М = Miranda; X = Хака; С = Сарагоса.

Карта
трактовки
латинских групп
ly, c'l, g'l

Карта трактовки латинских групп ly , $c'i$, $g'i$ в половине X в.

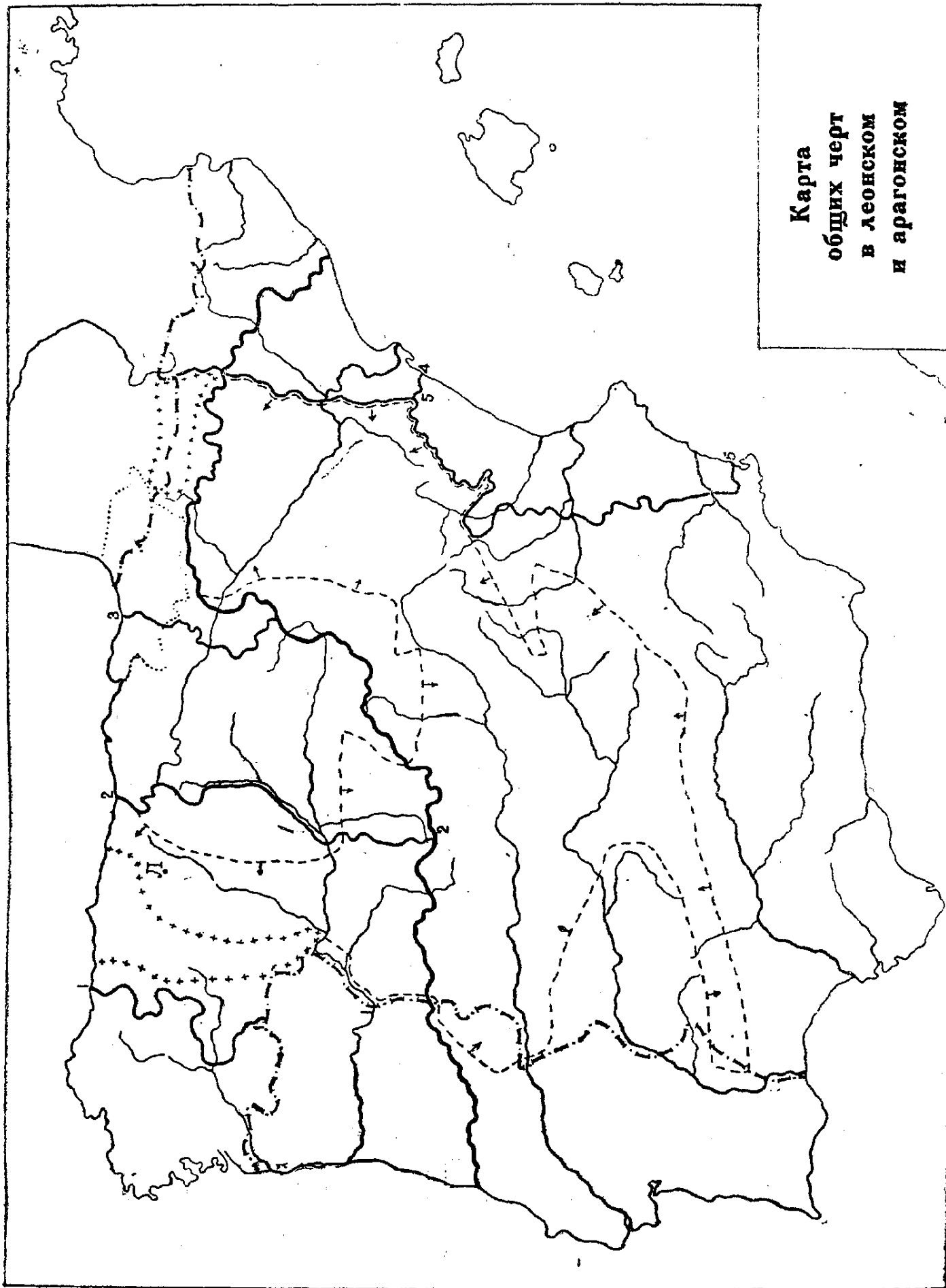
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Области, где латинские группы давали первоначально \dot{z} .

Восточная и западная границы областей, дающих ныне вместо этих групп палатализованное l или y .
Области, лежащие между сплошной и пунктирной линиями, — области, дававшие первоначально палатализованное l или y , но позднее усвоившие кастильский рефлекс.

**Карта
общих черт
в леонском
и арагонском**

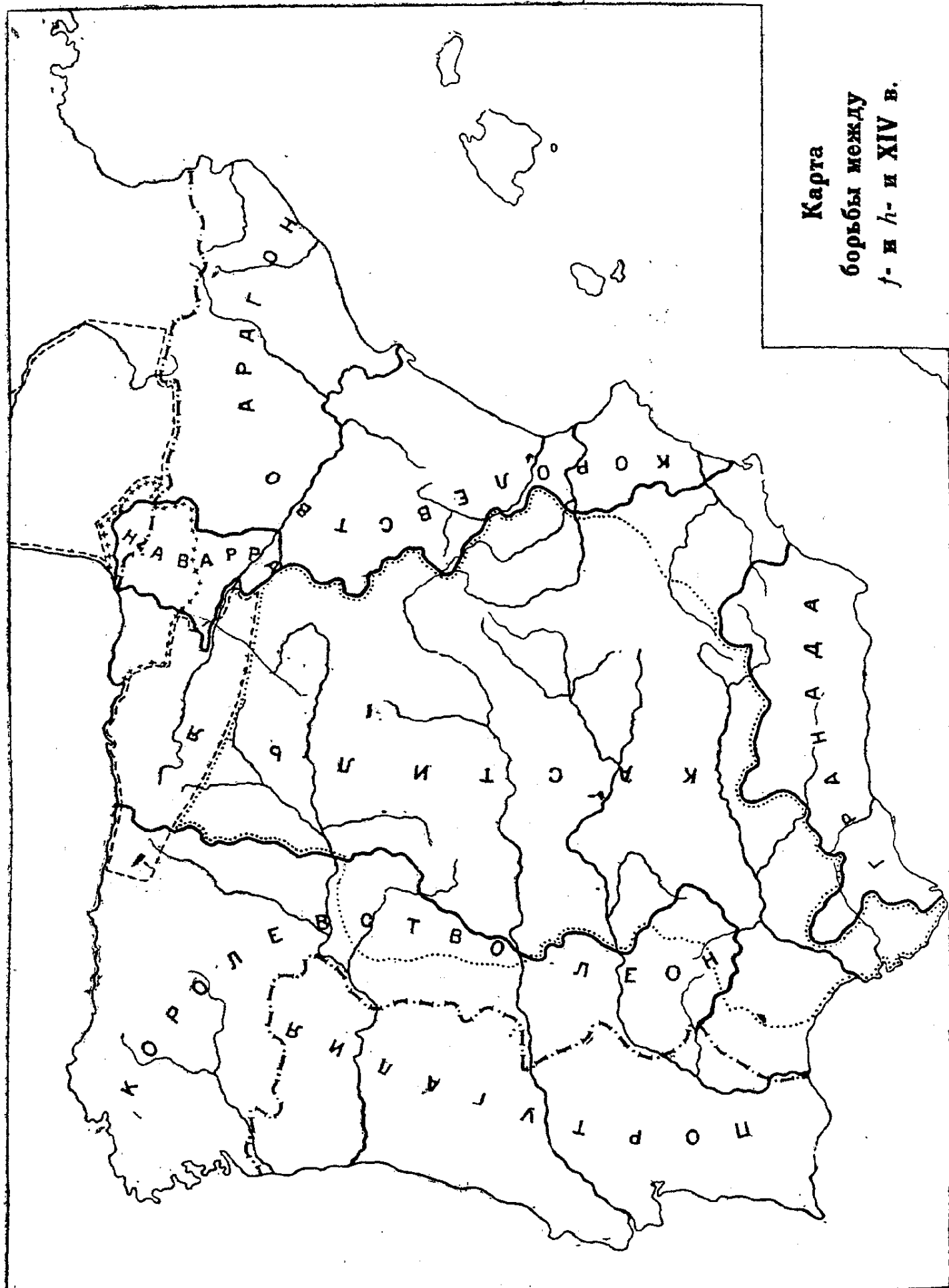
Карта общих черт в леонском и арагонском (половина X в.).

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

—	Граница реконкисты в половине X в.
1 —	Восточная границы Галисии.
2 —	" " Леона.
3 —	Западная " Наварро-Арагонии.
4 —	" " Каталонии.
5 —	" " Валенсии.
— — — —	Границы областей с общими чертами в древнюю пору.
+ + + + +	Границы современных областей с общими чертами.
.....	Границы Басконии.

Λ = Леон.

Карта
борьбы между
I- и II- и XIV в.

Политическая карта Пиренейского полуострова к 1300 г., на которую наложена
карта борьбы f - с h -

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

— — — — — Граница территорий, внутри которых $f > h$, причем это h либо произносится, либо нет.

. Граница территорий, внутри которых идет борьба между f и h .

За пределами этих границ (не считая Гранады и Басконии, отмеченной $++ ++ ++ ++$) сохраняется f .

Эта же карта иллюстрирует рост территории Кастильи и одновременно экспансии ее языка.

Политическая карта Пиренейского полуострова около 1500 г., на которую наложена карта борьбы f - с h -.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- Граница баскских областей.
- Границы областей (позднее провинций).
- Границы областей, сохраняющих f - понятие.
- == == Западная и восточная границы областей, сохранивших f - в XVI в.
- + + + + + Границы областей, сохраняющих h понятие.
- o o o o o Восточная граница областей, сохранивших h - в XVI в.
- - - - - Границы областей, в которых f - или h - существовали в перемену с их потерей.
- 2 параллели в западной половине полуострова отделяют область h - и f -: на север от них — f , на юг — h .
- Стрелка \uparrow показывает направление области f , стрелка \downarrow — области h .
- 2 параллели в восточной половине полуострова обозначают либо западную границу областей с перемежающимися h — о (исчезнувшее из произношения h), либо отделяют области f — о от h — о, либо обводят области, в которых чередуются h и f , или f — о, h — о. Стрелки \uparrow обращены в сторону областей с h .

Эта же карта иллюстрирует территориальную экспансию Кастилии к XVI в. и одновременно ее экспансию языковую.

Карта
распределения
Sesuo в ссср

Карта распределения *seseo* и *ceceo*.

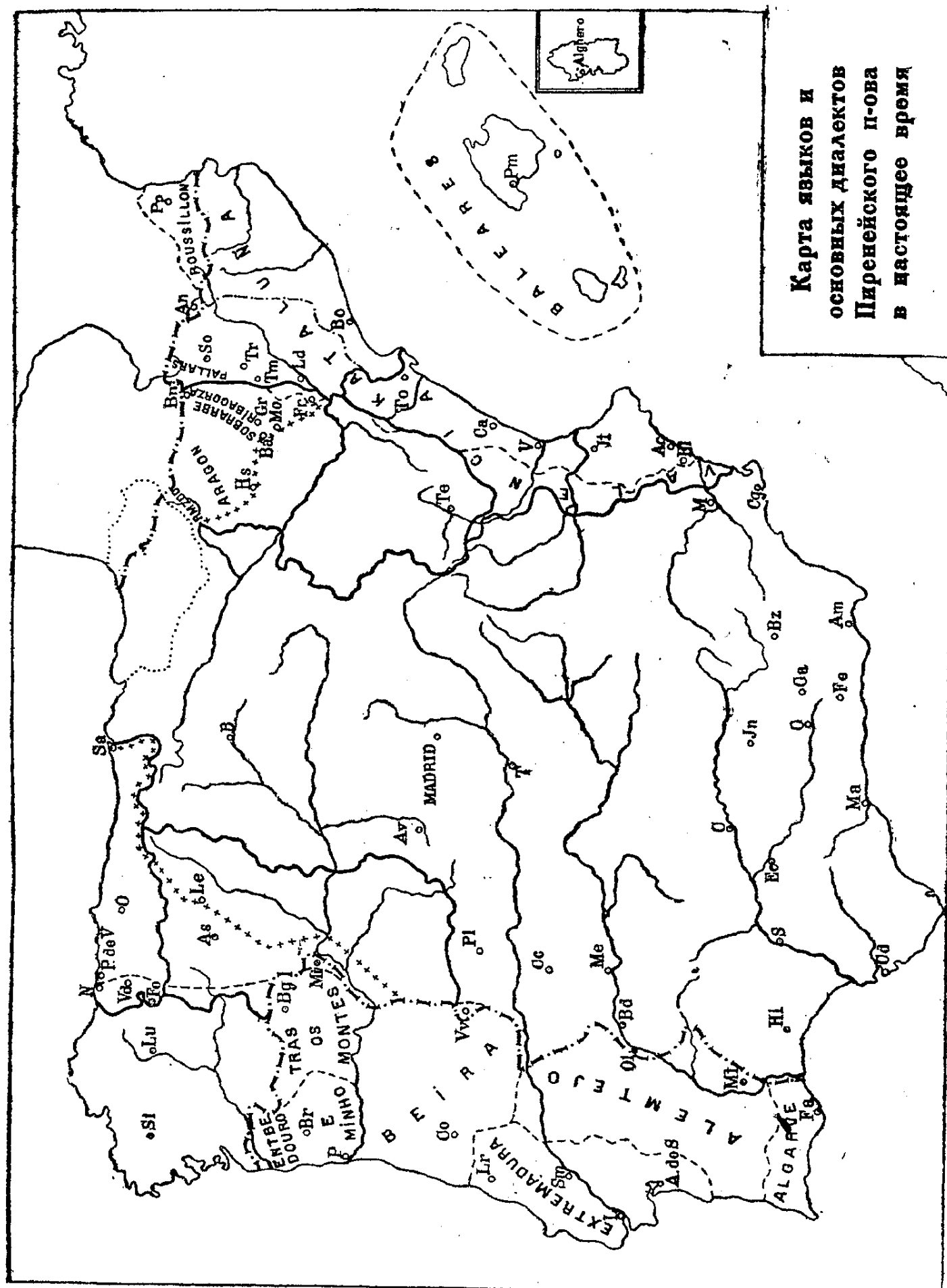
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

————— Граница *seseo*
 - - - - - " *seseo*
 - . - . - . " *seseo* менее распространенного

А = Альмерия
 В = Бадахос
 Вс = Баса (Baza)
 Г = Гранада
 Гу = Гуадис (Guadix)
 К = Кадис

Кб = Карбонерас
 Ко = Кордова
 Кх = Картагена
 ЛК = Лз Калаорра (La Calahorra)
 М = Малага
 Му = Мурсия

Мх = Мохакар
 Пе = Перин
 Пч = Пурчена (Purchena)
 С = Севилья
 У = Уэльва (Huelva)
 Х = Хаен (Jaén)

Карта языков и
основных диалектов
Пиренейского п-ова
в настоящее время

Языки и основные диалекты Пиренейского полуострова в настоящее время

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Границы провинций и областей,

Границы языков и диалектов:

Баскского.

{ Каталанского (вост.-катал.).

{ Галисийско-португальского (и его диалектов).

{ Лезонского.

{ Арагонского.

A. do S. = Alcácer do Sul

Ac = Alicante

Am = Almería

An = Andorra

As = Astorga

Av = Ávila

B = Burgos

Ba = Barbastro

Bc = Barcelona

Bd = Badajoz

Bg = Bragança

Bn = Benasque

Br = Braga

Bz = Baza

C = Córdoba

Ca = Castellón de la Plana

Cc = Cáceres

Cd = Cádiz

Cg = Cartagena

Co = Coimbra

El = Elche

Ec = Ecija

Fa = Fano

Fe = Ferreirola

F = Fontoria

Fr = Fraga

G = Granada

Gd = Guadix

Gr = Graus

Hl = Huelva

Hs = Huesca

Jn = Jaén

Jt = Játiva

L = Lisboa

Ld = Lérida

Le = Leon

Lr = Leira

Lu = Lugo

M = Murcia

Ma = Málaga

Me = Mérida

Mi = Miranda

Mo = Monzon

Mt = Mértola

N = Navia

O = Oviedo

Ol = Olianza

P = Porto

P. de V. = Puerto de Vega

Pl = Plasencia

Pm = Palma

Pp = Perpignan

S = Sevilla

Sa = Santander

Si = Santiago

Sg = Segorbe

Sm = Santarem

So = Sort

T = Toledo

Te = Teruel

Tm = Tamarite

To = Tortosa

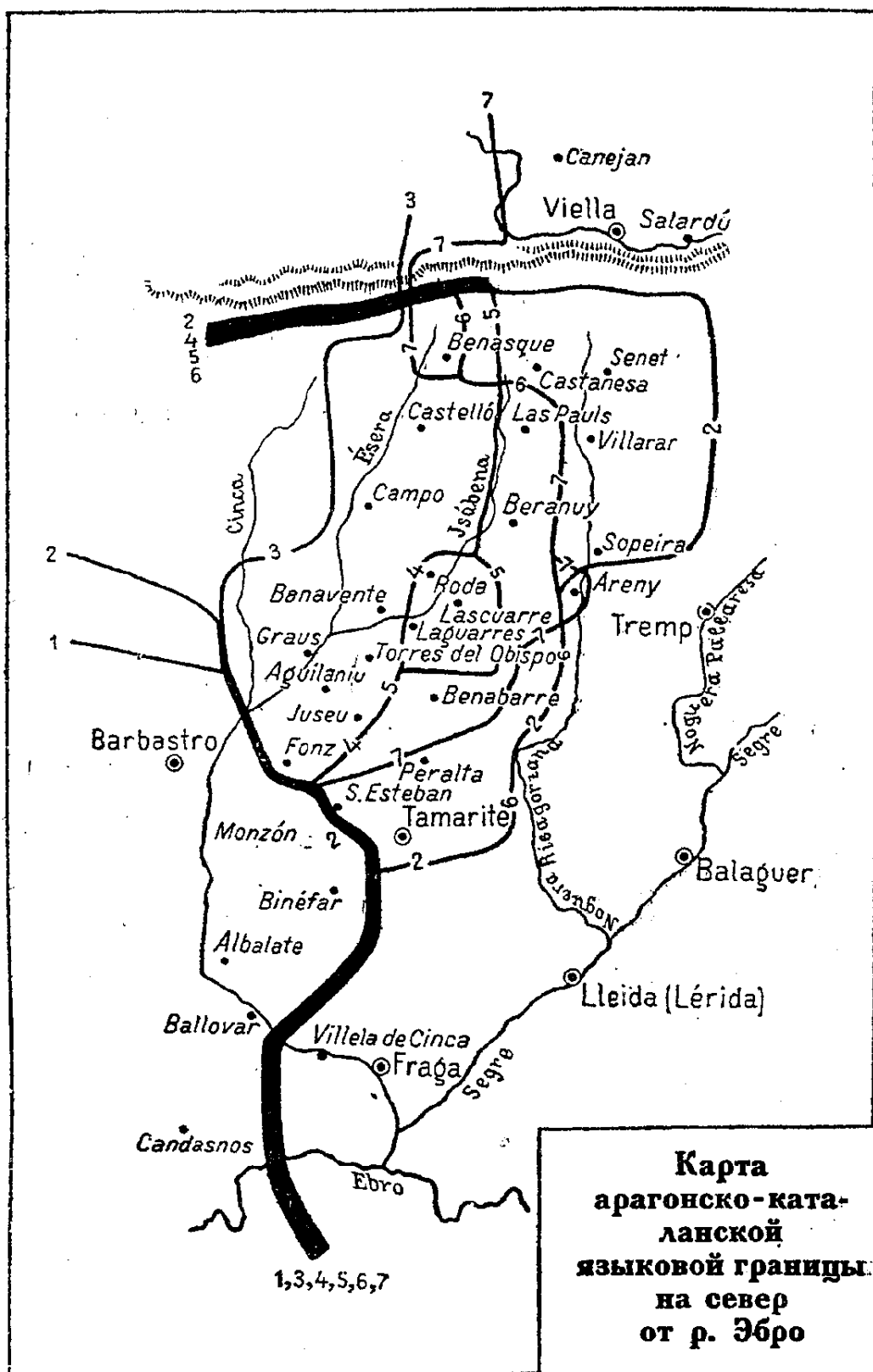
Tr = Tremp

V = Valencia

Vd = Vallados

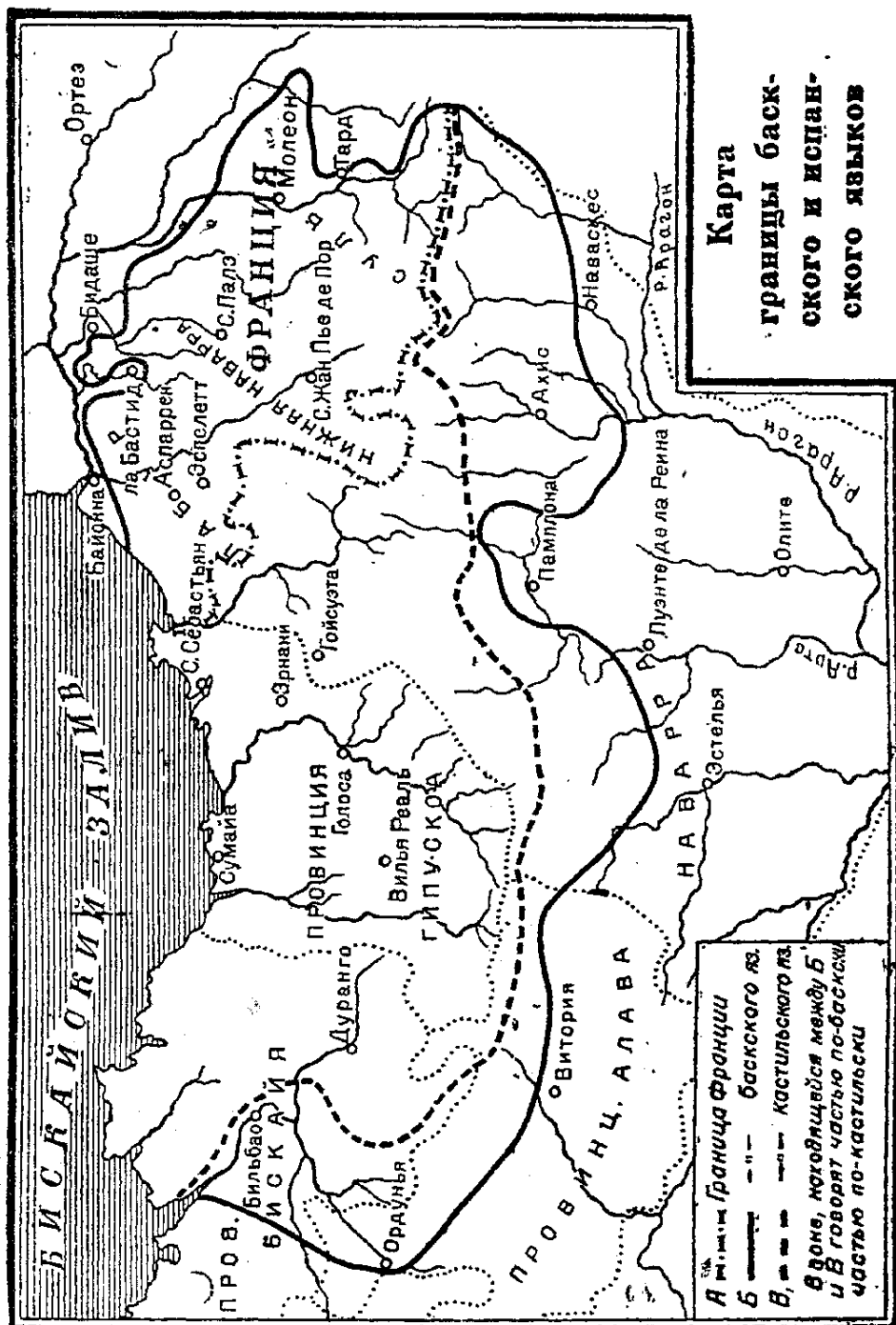
Vv = Valverde

RMZDO = Romanzado

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

1. Вост. граница *h* вм. лат. *f*.
2. Вост. граница *s* вм. *j* [ʒ].
3. Зап. граница *ll* вм. *l*.
4. Вост. граница *ie* < *ö*.
5. Вост. граница *ie* < *ë*.
6. Вост. граница *-s-* вм. ст.-исп. *s* [z].
7. Зап. граница *-es-* вм. *-as* во мн. ч. существительных ж. р. I скл.

**Карта
границы баск-
ского и испан-
ского языков**

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	V
О черк первый. Баскский	1
1. Баски и иберы (1). — 2. Баски и кельты; баски и пунийцы (15). — 3. Баскония в римскую и средневековую пору. Архаические пережитки в баскском быту (19). — 4. Баскский и латынь; баскский и романские языки (24). — 5. Территория баскского языка. Баскская письменность. Баскология (32). — 6. Характеристика баскского языка (37).	
О черк второй. Испанский	45
1. Римская Испания и ее составные части; отношение к ним позднейших церковных делений (45). — 2. Латинский язык в Испании. Отношение народной речи к литературному языку. Следы италийских диалектов в речи Пиренейского полуострова (50). — 3. Германцы на полуострове; влия- ние их языков на испано-романский. Некоторые черты испано-романского (68). — 4. Арабское завоевание. Реконкиста; результаты ее в области языка (85). — 5. Лингвистический рубеж между севером и югом полу- острова. Мосарабский испанский. Испанский язык в христианских областях: Наварре и Арагоне, Леоне и Астурии. Кастилья. Кантабровский и бургосский период развития кастильского. Иррадиация кастильского в период средне- вековья. Влияние арабского на испанский. Влияние французского и про- вансальского на испанский (99). — 6. Борьба кастильского с латынью. Кастильский и галисийский. Организация кастильского как языка письмен- ности. Политический вес кастильского и его литературное значение. Роль языка Толедо с конца XIV в. Кастильский толедского периода. Упорядоче- ние кастильской грамматики и орфографии. Кастильский во времена „като- лических государей“ (126). — 7. Испания в XVI и XVII вв. Литератур- ный язык классического периода. Лексика. Влияние Италии, Америки. Экспансия и международная роль испанского (141). — 8. Испания в XVIII в. Французское влияние в литературе и языке. Испанская Академия и ее деятельность (168). — 9. Испания с конца XVIII в. по наше время. Условия развития литературы и языка (173). — 10. Диалекты: леонско-астурийский, арагонский, андалусийский, эстремадурский (эстременьо). Иррадиация ка- стильского в новейшее время. Социальные диалекты, аргó (177).	
О черк третий. Каталанский	193
1. Отношение каталанского к галло- и иберо-романской группе (193). — 2. Характеристика каталанского сравнительно с иберо-романским и про- вансальским. Афро-романская и иберо-романская зоны А. Грнеры (199). — 3. Территория каталанского. Границы каталанского (207). — 4. Распро- странение каталанского. Основные диалекты каталанского; их территория	

и особенности (211). — 5. Каталанская литература и литературный язык до XV в. (215). — 6. Судьба каталанской литературы и языка в XVII и первой половине XVIII в. (222). — 7. Условия национального развития Каталонии с конца XVIII в. до нашего времени (225). — 8. Каталанская литература за этот период (228). — 9. Каталанский язык в XIX и XX вв.; его литературная роль; его изучение (232). — 10. Внутреннее развитие каталанского в средний и новый период его истории (236).

О черк четвертый. Галисийский и португальский 243

1. Территория галисийского и португальского в древнюю пору и в средневековый период. Образование португальского королевства. Характеристика древних особенностей галисийско-португальского (243). — 2. Позднейшие черты португальского до XVII в. (249). — 3. Судьба галисийского с XIII в. и его особенности (254). — 4. Галисийско-португальская лирика. Галисийские и португальские элементы в языке лирической поэзии и в прозе (256). — 5. Португалия в XV—XVI вв. Образование литературного языка (259). — 6. Португалия в период с XVII до XX в. Португальский язык и литература в этот промежуток времени (264). — 7. Галисия; ее литература и язык со времени галисийского „Возрождения“ (265). — 8. Территория галисийского и португальского в современную эпоху. Важнейшие разновидности галисийского и португальского (267). —

Тексты 273

Указатели:

Предметный указатель 283

Указатель собственных имен 288

Указатель слов 289

Карты 307

Редактор издательства А. Барабанов. Подписано к печати 27 марта 1941 г. РИСО № 975—497. М 30265.
Кол. тип. зн. в печ. л. 59136. Объем 22 печ. л. 31,5 уч.-авт. л. Тираж 1000 экз. Цена книги 27 р. 50 к.

Типо-литография Издательства Академии Наук СССР. Ленинград, В. О., 9 линия, 12. Заказ № 613